

Мавро Орбини

ЦАРСТВО СЛАВЯН

Факты великой истории

Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Russia, Bvlgaria

Мавро Орбини

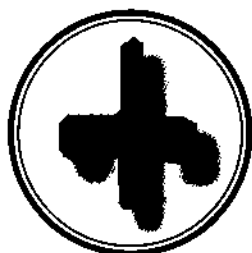
ЦАРСТВО СЛАВЯН

Мавро Орбини

ЦАРСТВО СЛАВЯН

Факты великой истории

Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Russia, Bulgaria

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)
О63

Для оформления обложки
использован рисунок А.А. Скорохода «Мавро Орбини»

Орбини, М.

О63 Царство Славян. Факты великой истории / Мавро Орбини. — М. : Вече, 2015. — 384 с. — (В поисках утраченного наследия).

ISBN 978-5-4444-3034-7

Знак информационной продукции 12+

Древний мир «рода Славянского» — от Ледовитого океана до южных земель на берегах Адриатики, от Северного моря на западе Европы до нынешних российских земель на востоке континента... Что это — размышления «альтернативного» историка-славянофила или романиста, избравшего жанр русского «фэнтези»? Нет: Мавро Орбини, автор этой книги, впервые изданной в 1601 г. на итальянском языке, — настоятель бенедиктинского монастыря, — принадлежал культуре Запада. Но его труд — это гимн величию славянства, торжественный и патетический, несмотря на то что автор следует тысячелетней традиции западной историографии, свидетельствам хронистов, забытых за последние века жестоких войн и политизированной науки. В самом этом противоречии таится загадка небольшой и конспективной, но совершенно необычной книги. Уникальны или забыты ныне многие ее первоисточники. К тому же автор — далматинский гуманист, южный славянин — упорно отстаивает неожиданную для него идею происхождения предков «рода Славянского» с гиперборейского Севера, европейского Норда... Бытует мнение, что работа Орбини была включена Ватиканом в «Индекс» книг, запрещенных для чтения и издания в католических странах; но некоторые исследователи отрицают этот факт, хотя Орбини почти на каждой странице ссылается на работы «запретных» историков протестантской ориентации (в западном христианстве тогда это было главным поводом для запрета книги Римом). Ситуация на деле еще необычнее: книга Орбини действительно была включена в один из многочисленных «Индексов», но... под чужим, хотя и сложим по звучанию именем! Почему?! Поистине человек-загадка... Книга в нашем издании публикуется в переводе 1722 г., выполненном выдающимся российским дипломатом Петровской эпохи сербом Савой Владиславичем. Статья-комментарий и постраничные примечания помогут читателю понять написанное в непривычной для нашего времени, экспрессивной и динамичной, манере историческое исследование далматинского ученого. Сенсационное и необыкновенно масштабное, оно не опровергает, а, напротив, утверждает средневековые сведения о предках славян, находящие неожиданные аналогии в смелых гипотезах и открытиях современных ученых.

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-4444-3034-7

© Лазарев Е.С., послесловие, комментарии, 2015
© Муравьев Н., перевод на русский язык,
литературная обработка, 2015
© ООО «Издательство «Вече», составление,
оформление, 2015

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Наше издание книги южного славянина, далматинца Мавро Орбини «Царство Славян», выпущенной в 1601 г. на итальянском языке и с тех пор неизменно вызывающей интерес у читателей в разных странах, состоит из трех частей. Сначала мы публикуем слегка осовремененный текст русского издания 1722 г., выполненный известным российским дипломатом сербом Савой Владиславичем, который сократил изначальный текст за счет библиографических отсылок автора. Сокращенный перевод был сделан при живом участии первого вице-президента Святейшего Правительствующего Синода Феофаном Прокоповичем. Текст Петровской эпохи местами воспринимается как почти нечитаемый «исторический курьез» своего времени. Наиболее значимые высказывания автора мы сопроводили постраничными примечаниями, но это не решает все проблемы.

Поэтому второй раздел нашего издания — современный литературный перевод того же текста. Тут имена собственные и архаичные термины («исторические курьезы» первого раздела) переданы в узнаваемой современным читателем форме. А примечания к ним проясняют всё то, что в первом разделе воспринималось лишь как колоритные архаизмы.

Завершает книгу обстоятельная статья-комментарий. Ее формат и библиографическая проработка оказались необходимы потому, что одна из «сверхзадач» нашего издания — это своего рода «реабилитация» Орбини. Ведь расхожее мнение низводит его на уровень этакого захлватского панслависта, который везде видел славян и их культуру, ниспровергая историческую науку своего времени. И одна из задач статьи-комментария — доказать «укорененность» книги Орбини как раз в фундаментальных основах и первоисточниках мировой истории. Более того, обнаруживается, что многие последующие исследования, вплоть до нынешнего времени, позволяют именно на основе обобщений Орбини (хотя и выраженных в парадоксальных, эпатажных и терминологически нечетких утверждениях, — это все-таки памятник литературы барокко) сделать в будущем сенсационные открытия, касающиеся происхождения славян (вплоть до предыстории Московии!), Древней Европы в целом и даже затонувших тысячелетия назад земель Гиперборейского Севера. Причем эти последние, фантастически звучащие догадки связаны, в контексте книги Орбини, с происхождением и историческими судьбами «рода Славянского».

I РАЗДЕЛ

Царство Славян

Книга Историография початия имене, славы и расширения народа Славянского, и их Царей и Владетелей, под многими именами и со многими Царствиями, Королевствами и Провинциями.

Собрана из многих книг исторических, чрез господина Мавроурбина, архимандрита Рагужского, в которой описуется початие и дела всех народов, бывших языка Славенского и единого Отечества, хотя ныне во многих Царствиях рассеялися чрез многие войны, которые имели в Европе, во Азии и во Африке, расширения их Империи, и древних обычаев, в разных временах, и познание веры Христа Спасителя, под многими Владетельми.

Краткое собрание историческое народа Славянского, его славы и расширения

Никакоже удивительно есть, что слава народа Славянского, ныне не так ясна, как оной довлело расславиться по Вселенней. Ежели бы сей народ, так достаточен был людьми учеными и книжными, как был доволен военными и превосходительными оружием, штоб ни один другой народ во Вселенней был в пример имени Славянскому. А что прочие народы, которые зело были ниже его, ныне велми себя прославляют, то не ради чего иного, токмо чрез бывших в их народе людей ученых.

А именно:

Иудейские дела описывали; Филон, Езиф, и Юзеф¹, Историки великопочтенные, котрым описанием прославляли дела Иудейския. Не оставили б то учинить многие иные Историки Греческие великоученые, ежели б им было свободно объв-

¹ О написании имен собственных Савой Владиславичем см. Приложение в конце книги.

IL
REGNO
DEGLI SLAVI
HOGGI CORROTTAMENTE
DETTI SCHIAVONI
HISTORIA
DI DON MAVRO ORBINI RAVSEO
ABBATE MELITENSE.

Nella quale si vede l'Origine quasi di tutti i Popoli, che furono della Lingua SLAVA, con molte, & varie guerre, che fecero in Europa, Asia, & Africa; il progresso dell'Imperio loro, l'antico culto, & il tempo della loro conversione al Christianesimo.

E in particolare veggonsi i successi de' Rè, che anticamente dominarono in DALMATIA, CROATIA, BOSNA, SERVIA, RASSIA, & BVLGARIA.

J N P E S A R O, 7566

Appresso Girolamo Concordia. *Con licenza de' Superiori.*
M. DCI

лять странные дела, и секретные истины, как пишет Летанций в 4-й книге, во II Главе истории. Ибо Теопомп хотел изъяснить своими Историями тайны мистерия Иудейская, ослеп. А иные пишут: болезнью трудился 40 дней, и видел видение противное; и потом от того своего намерения престал, как пишет Димитрий к Толомеу. Феодат Поета¹, упоминая Мистерия Иудейская же, также ослеп; а когда пришел в покаяние, то и здравие получил.

Дела Греческия прославлены многими Historiографами, между которыми Аназимандр, Милезии, Экафеи, Милест, Демокрит; Эудос, Дицьярк, Эфор, Эраштон, Полибий и Посидоний.

Дела Римския и всея Италии описуют Аристид, Милезий, Теотим Клетоним, Нерк, Феофил, Дорофеи, Аристоклем, Экрисип.

Фебаны² прославлены описанием Тесиновым.

Эпироты, Критолем.

Описатель дел Пелопонесских Крисерм, Досифей Феофил.

Тошканския дела описаны Соситратом.

Аркадийския, Деморатом.

Беоцкое мерило, которое все описует в книге именованной Паралели; Эллярский, Ктезий, Киндий, Мегастен, Артемидор, Эвезий, Калистен, которые жили во время Теопомпа, и многих иных, а Страбон, Полибий, Солин и протчие: описуют дела Индейския³, Персидския, Египетския и протчия.

Галийския дела описывал Диафор.

Фракийския, Сократ.

Либийския, Эзионац, Теокал, Унибалд вящши в 30 книгах своих: Гвасталд, Элигаст, Аребалд, Рефимер, Ветон, Дорак, Карадак, Ирутвуик описали славы народа Французского.

Вси вышеписанные больши ныне прославляются такими славными Historiографами, которые все на письме своих народов дела прославляли, с немалыми трудами и прилежностью.

Народ же Славянской, во древних временах бывши оскужен людьми учеными; и изначала старался непрестанно воевати и чинити дела, достойные вечной славе оружием; а не пекся нимало о том, чтоб кто описывал поступки их, и немногие Historiографы воспомянули о Славянех, но и то напомяновение учинили больше по причине ратей, чиненых от Славянского народа с протчими народы, нежели выхваляли сей народ какою светлостью, себе неприятелей, которой народ озлоблял оружием своим мало не все народы во Вселенней; разорил Персиду; владел Азиєю, и Африкою, бился с Египтяны, и с Великим Александром; покорил себе Грецию, Македонию, Иллирическую землю; завладел Моравиею, Шленскую землю, Чешскую, Польскую, и береги моря Балтийского, прошел во Италию, где многое время

¹ «Поэт». Вообще говоря, упомянутые предания повествуют об античных мистериях.

² Имеются в виду Фивы.

³ Индийские.

воевал против Римлян. Иногда побежден бывал, иногда, биючися в сражении, великим смёртопобитием Римляном отмщевал; иногда же, биючися в сражении, равен был. Наконец, покорив под себя державство Римское, завладел многие их провинции, разорил Рим, учиня данниками Цесарей Римских, чего во всем свете иной народ не чинивал. Владел Францьею, Англиею и оставил державство во Ишпани¹. Овладел лутчие провинции во Европе: и от сего всегда славного народа в прошедших временах, произошли сильнеишие народы; сиречь Славяне, Вандалы, Бургонтионы, Гофы, Острогофы, Руси или Раси, Визигοфы, Гепиды, Гетыаланы, Уверлы, или Грулы: Авары, Скирры, Гирры, Меландены, Баштарны, Пеуки, Даки, Шведы, Норманны, Фенны, или Финны, Укры, или Ункраны, Маркоманны, Квады, Фраки; Аллери были близ Венедов, или Генетов, которые засели берег моря Балтийского² и разделилися на многие началы; то есть Помераняны, Увилцы, Руяны, Уварнавы, Оботриты, Полабы, Увагиры, Лингоны, Толенцы, Редаты, или Риадуты, Цирципанны, Кизины, Эрулы, или Элуелды, Левбузы, Увилины, Стореданы, и Брицаны, со многими иными которые все были самой народ Славянской³, яко же zde наперед означено будет.

Аще бы кто хотел вышеозначенне дела потемнити или уничтожити, ссылаюся на великую библиотеку Светлейшаго Князя Дурбино Пезарского, которой, хотя такую библиотеку богатую великую, славную и праведную, и во сущем сердце Италии держит. А ежели которой-нибудь из странных⁴ народов сему истинному описанию будет по ненависти прекословить, свидетелствуюсь на описание Историографов, при сем объявленных, которые многими своими историографийскими книгами о сем деле упоминают.

А я прошу: благоволите сии мои труды принять во благоугодие и не предати мя осуждению, благоразумнии читатели; аще и погрешил яко человек. Намерение мое не иное, токмо изъяснить потемненное и показать ясно, что кому надлежит; и прошу паки, дабы всяк свои дела содержал и остерегал в честности, с приумножением превосходительств, не токмо нынешние, но и древние, и трудился сей моей краткой истории пополнению; ибо и высокоученые Историографы, хотя мало своими историями и погрешили; а к надлежащему пополнить, или справить не есть трудно, как есть обычай во Вселенной.

¹ Здесь речь идет о вандалских королевствах Испании и Северной Африки (см. вступительную статью).

² То самое место, которое «отпугивает» тех, кто не пытается разобраться в нюансах словоупотребления у Орбини, и которое свидетельствует о многообразии оттенков смысла выражения «народ Славянской» у нашего автора.

³ Подробное перечисление различных этнических групп балтийских славян, чьи именованья здесь достаточно понятны без подробных пояснений (если не считать того, что к некоторым этнонимам Орбини добавляет букву «У» в начале слова).

⁴ Чужеземных.

Описание Историографов сея Истории, хотя некоторых Церковь Римская не приемлет; обаче не за несправедное описание их Истории, токмо за непочитание Церкви¹.

А

Архимандрит Тритемн²
 Архимандрит Урс паргенд
 Абламиос, Ablabio, Аблавий
 Абрам Ортелий
 Адамий Саксонский
 Мастер Адам
 Агаций Смирнен
 Агустин Дохтор
 Агустин Моравский
 Аймон монах
 Алберт Кранций
 Алберт Штаденц
 Александр Гван
 Александр Скуфет
 Артман Щедель
 Андрей Ангел Дурацын
 Андрей Корнелей
 Андулфа Сагак
 «Анали Фрисии»
 «Анали Галанский»
 «Анали Рагужский»
 «Анали Ружский»
 «Анали Тутки»
 «Анали Венецкий»
 Анонн монах
 Антоний Бофинин
 Антоний Геуфреу
 М. Антоний Сабелик
 Антоний Сколкофий
 Антоний Выперан
 Апиян Александрийской

¹ Список цитируемых историков приводится в том виде, в котором он был опубликован в русском издании 1722 года.

² Сохраняем помещенные в издании 1722 г. формы имен, чтобы дать представление о манере их набора в изложении книги С. Владиславичем (или каким-то его помощником, которому он надиктовывал свой перевод), в эпоху отсутствия единых правил чтения и транслитерации иноязычной лексики.

Арнорд Архимандрит
Арпунтак Бурде Галанский
Ариан Никомедийской
М. Аурелий Касиодор
С. Аурелий Витор

Б

Балдасар Спалатин
Беат Ренан
Бероз Халдей
Бериард Юстиниан
Бонифасий Симонет
«Булядор»
Безвеквий

В

Валерий Максим
Варгон Учитель
Ф. Вигерий
Валерий Потервел
Венцеслав Боемский (Богемский)
Верьер Роземвинский
Ветор Утисенц
Витикинд Галяской
Витикинд Саксонской
Витикинд Вагриемской
Внефрид Аглинской
Волфанг Лазий
Волфанг Галанской

Г

Гаспер Пеуцыр
Гаспер Тыгурик
Геремий Рус
Герард Рудингер
Геваний Аубан
Геваний Батиста
Геваний Ботер
Геваний Коклео
Геваний Курополит
Геваний Дубравн

Геваний Эсендский
Геваний Эербурт
Геваний Лазнард
Иван Великой Готской
Геваний Науклер
Геваний Вилян
Геваний Стадн
Геваний Горопей
Геваний Гоболин
Геваний монах
Геваний Ивотский
Геваний Тыгурин
Геваний Пинет
Георгий Цедрен
Георгий Пакимер
Георгий Верчигер
Георианда Алани
Геролом Датор
Геролом Барди
Геролом Руцели
Гиулий Фарозд
Гиуний Корд
Готфред Монате
Готфрид в Стерберкий
Григорий Доктор
Гулиам Кантер
Гуалиам Фризн
Гунтер Поета

Д

Диодор Сикилский
Диоген Лаерт
Дион Ницый
Дионизий Пуник
Дитмар Мерса Пугерр
Доменик Марномигр

Э

Эгесип
Эгидн Тскудн

Эгинарт Монах
Элий Споршман
Эмануил Монасе
Эпитом Страбона
Эразмо Стеля
Евдоций Панегириста
Эвгип монах
Эвзебий
Эвстасий
Этропий
Элмолд Попа
Энрик Диервордий
Эрман Кострат
Эрман Скодель
Эродиан
Эродот Алликарсинский

З

Захарий Лилной
Зонара
Зозина

И

Изаций Вече
Исидор Испаленский
Изигонн

К

Калсурин Сура
Калимах Приприный
Карл Сигоний
Карл Вагриос (Карл Вагрийский)
Келий Дунат
Кериллан
М. Кикерин
Корнелий Тацит
Константин Порфирогенит
Константин Спандугин
Корад Пеутиньер

Крисип
Кронара Фиоманаха Миноританий
Квинт Курций
Кириак Кспангеберн
Криштофан Варсевиций

Л

Ламберт Скафия Бургенце
Лаврентий Сур
Леонард Аретн
Людовик Сервин
Люкан
Людифалн
Люиги Кантерин
Люит Пранд Тицыненский
Леополд Памперт

М

Марцелин Конте
Мариан Скот
Марин Барлецы
Марин Архимандрит
Марин Монах
Мартын Бископ
Мартын Кромер
Martino Vescovo Cosentino
Мартын Сегоин
Мартын Вагиет
Марсиян Капела
Матфей Михофитеа
Мазокия
Метель Тугарин
Мефодий Историк
Михайла Риций
Михайла Салюаницианский
Мудест

Н

Nazario Mamertino
Niceforo Gregora

Niceta Coniato
G. Nicolo Doglioni
Nicolo Marscalco
Nicolo Stobeo

O

Olao Magno
Onesimo
«Origine de' Gothi»
Ottone Frigigense
P. Ovidio Nasone

II

Paolo Bamefrido
Paolo Diacono
Paolo Emilio
Paolo Niuemontano
Paolo Giouio
Paolo Langio
Paolo Orosio
Paolo Paruta
Paolo Scaligero
Petancio
Pier Francesco Giambulari
Pietro Artopeo
Pietro Bellonio
Pietro Bizaro
Pietro de Castro Pere
Pietro Crusber
Pietro Echilino
Pietro Giustiniano
Pietro Liuio
P. Piteo
Pio Secondo
Plinio
Plutarco
Polibio
Porfirio
Pomponio Leto
«Privilegi di Cataro»

Procopio di Cesarea
Prospero Aquitano

P

Rafaello Volaterano
Reginone Abbate
Registro delle Cronache Registrum cronicarum
Reinnero Reinccio
Ricardo Bartolino
Rinaldo Britanno
Roberto Gaguino
Roberto Valturio

C

Sassone Grammatico
Sebastian Munstero
Scolastico Smirneo
Scipione Ammirato
Seruio
Sidonio Apollinaro
Sigiberto Gemblacese
Sigismondo Herbersteino
Silberto Genebrardo
Socrate Historico
Solino
Sozimeno
«Specchio de' Sassoni»
C. Statio Poeta
Stefano Bizantino
Strabone
Suffrido Pietro Misnense
«Suida»
Soplimento di Eutropio
Svetonio Tranquillo
Suffrido Misnense
Symmaco

T

Teoderico
Teodoro Spandugino
Teopompo Chio

Teodolo
Tito Livio
Tolomeo Alessandrino
Toma Ebendorfo
Trebello Pollione
Trogo Pompeo
Tugenone Patavino

Ф

Fabio Celeriano
Farasmanno Creco
«Fascicolo de'tempi»
Filippo Callimaco
Filippo Lonicero
Flauio Vopisco
Lucio Floro
Francesco Bisso
Francesco Baldillo
Francesco Irenico
Francesco Serdonati

Все историографы производят начало бытия сего народа из Скандинавии, которая от многих названа Скандия, от иных Скандания, от некоторых Скандия и Скандизона, лежащая во странах Северных, о чем Элмолд описует.

Древние Латины и Греки, едва познали оную и общим мнением сказали; что есть пояс земли студеной, осужден в непрестанные снега и лишен всякого животного. Немногие о том учинили напоминание, некоторые ж токмо положили под сею промежностью и благополучные земли долгоживотных людей, и всех человек зело праведных. А иные надеялись, что оная страна была некий остров великий. Плиниус в 4-й книге повествует: что Скандинавия остров преизрядный и величеством непримечный; Солин, в 23-й главе, о дивных вещах Вселенныя описуя, глаголет, Скандинавия есть остров более всех островов Германских, не имеет иные вещи чудной, только себе самого. Потом вскоре скажет, Скандинавия не есть сущий остров, но часть земли немалая и окруженная морем, но от сухие земли совсем не отделена; назван от Иоарнанда Алана, другой мир, жилище народов и владение пород¹. Дли-

¹ В латинском оригинале «Гетики» готского историка Иордана: «*officina gentium aut certe velut vagina nationum*», «мастерская родов (народов), или, поистине как бы (материнское) лоно народов (наций)» (*Getica*, 25). Это тоже, по сути, своеобразная «гиперборейская модель» этногенеза VI в. Иордана иногда называли Иорнандом; по преданию, в его родословной были аланские предки.

на его от Полудни к Норду с 1800 миль, и ширина не многим меньше половины; с единые страны окончается морем Балтийским, с другую Океаном, от некоторых названным море Ледоватое, в близости Норда, имеет Скрифинны, Карелы при границах Российских, по чертежу показательному Олая Великого. Есть мнение некоторых людей ученых, что Скандинавия есть славная Туле: от древних утверждают свои слова на последующем фундаменте. Помпонеи Мела полагают Туле напротив Германии нижней. Птоломей Туле полагает в 73 градусе широты, 26 длины. Прокопей Туле описует, что жительствовавали на ней 13 народов и толико же Царей владетельствовали, десять крат больши Британии. Стефан Бизантианин называет Туле великою, понеже бо объемлет народы Скрифитианы: ныне именуемы Скрифинны. Исакий Чеса претолкователь Ликсфронов сказует, что Туле лежит к Востоку Британскому, которые околичности все принадлежат Скандии, а не иным, толико вящи¹, что едина часть Скандии еще и ныне носит имя Туле Марка. Море Балтийское, которое Туле окружает, не слышит прибыли водяной, ниже убыли, и того ради зело есть многобурно и бедственно. Когда текущую воду погонят ветры, приходит с Севера вода толь пресна, что матрозы оную ради варения употребляют, и то происходит от множества рек и озер впадающих в него. Противное когда случается течение воды, производится с Запада, мерзнет зимою толь жестоко, что ездят поверх некоторыми каретами, которые оные народы называют сани; а иногда и целые войска, переходят пеши с сухого пути на острова от Скандинавии, которая, отлож(ив)ши все другие имена, держит паки оное еже Скандия. Которое имя значит веселость, или пригожество, понеже благоразтворением воздуха, плодоносием земным, привольностью пристаней и товаров и богатством морским; рыболовением из озер и рек и ловлением зверей изрядных, жилами неистощимыми злата и сребра, меди и свинца; множеством градов, постановлениями гражданскими, ни единой стране богатой (не) уступает. Из нее же древле посылалися часто [по сказанию Солинову в 25-й главе, о «Северных»] чрез девиц неразтленных, первые плоды жита Аполлону Делийскому; понеже оные от насиельства остариодержцев, не возвращалися вспять неразтленны, то паки возвратили далеко, расстоятельной оных плодов оброк во пределы Скандинавские, которая ныне содержит в себе три королевства; а имянно: Норвергию, Швецию, и Готфию, с частью королевства Датского, и иные многие провинции, якоже суть Ботния, Финмаркия, Лапония и Финляндия, которую в прошедших временах жительствовавал народ Славенской, и имела их язык. Но когда овладели Русияне, то приняла веру Греческую. И окроме вышереченных, суть еще многие провинции в Скандинавии, из которых вышли Славяне, со многими иными сильнейшими народы, которые покорили и владетельствовали, потом, Азию, Африкою и Европою.

¹ «Тем более».

Первоначалие Славян и происхождение державства их

Первоначалие и происхождение державства народа Славенского не так возможно удобно познати, понеже кроме того, что Славяне мало почитали книжную науку, и ученых людей. Не предуседало им время внимати учению и наукам, они бо быша природою варвары, и жительствовали между такими же людьми свирепыми и варварскими, с которыми непрестанно воевались. Того ради изначала были не знаемы, в пространных степях народа варварского. Тогда перво оказались, когда на Греки и на Римлян [от которых в начале процветали науки, погубили и писание и красноречие купно] наступали, озлобляли, и мало неискоренили их оружием. Парфяне, Готфы, Вандалы, Аланы, Лонгобарды, Срацыны, Гунны и, наконец, сии Славяне в толикое утеснение и бедство оных Греков и Римлян привели, что весьма пренебрегли, ниже времени имели описати первоначалие свое, также и злодейства людей чужестранных, а наипаче по многим причинам ненавистников своих.

Петр Крузбер Голандев в книге 3-й, о «Северных», Увикинд Увагрез в книге 1-й, о Германии; и Александр Гвагвин в своей «Сармации», рассуждают, что Иафет болший сын Ноев, от которого возымел первоначалие народ Славенской; после оного памятного Потопа, написанного во Священном Писании, поселился во Азии перво. Потом его потомки пошли во Европу, на Север, и поставили своя обиталища в Скандинавии, идеже возрасли в безконечное число. Имели 200 отечеств и населилися во оных местах, которые суть от горы Тавра Киликийского к Северу, при Океане Северном половина Азии, и по всей Европии, даже до Океана Британского. Известие сего людонаселения изъято¹, и от протолкования самого имене Иафетова, которое значит разширение; и от счастливого благословения Ноя, отца его, которой, провидев три состояния будущие жизни человеческие, и назначив всякому свои уряд трем своим сыном, чтобы каждый из них согласовался своему определенному званию. Рек Симу: иди яко Священник исправляя Божественную Службу. Хаму же: трудися, возделовав землю и поля, и обучаяся художеству рукодельному. Иафету: правительствуй и защищай яко Царь, и обучайся оружию яко воин. Которое приказание, или завет Ноев был потом охраняем ненарушимо от потомства его сынов. Того ради Славяне, исходящии от Иафета, всегда были во оружии храбры, и начальствовали над многими людми. Но понеже низходящии от Иафета возрасли и умножилися в число такое, что великая Скандинавия не могла их вмещати, отидоша от оные. И, оставя жилища отеческая многочисленная, покорили себе всю Сармацию Европскую, которая [по Птолемею] на Востоке оканчивается морем Меотисом и Доном, от Запада определяется Вислою Рекою, от Севера Океаном Сарматским, от полуденной страны горами Корпатами.

¹ То есть «происходит».

Случилось оное первое отшествие Славян из Скандинавии во время Офониеля, учиненного наследником по Юзее наследнике Моисееве. Которой Офониель был судиею Евреом, в лето от Мироздания 3790, прежде пришествия Христова за 1460 лет, в которое время вышли из Скандинавии Готфы, под темже именем и Славяне, которые были с Готфами один тот же народ. И тако народ Славенской, покорив державству своему всю Сармацию, потом разделился в разные начальства, и тогда получил разные себе имена; сиречь: Венеды, Славяне, Анты, Верлы или Ерулы, Аланы или Массагеты, Гирры, Скирры, Сирбы, Эминклены, Даки, Шведы, Фенны или Финны, Пруссы, Вандалы, Бургондионы, Готфы, Остроготфы, Визиготфы, Геты, Гепиды, Маркоманны, Квады, Авары, Певкины, Баштарны, Роксоляны или Русы, Ляхи, Боеми или Чехи, Шленцы, и Булгары, которые все были, един той же род Славенской, который еще и ныне болии всех есть иных народов, понеже народа и языка Славенского не токмо суть оные, которые живут во Иллирии, во Истрии и Карпате, но еще многие иные превеликие и сильнеишие народы, Булгары, Раццсы, Ращиане, Сербы, Бошнаки, Карваты, Петы Горски, Русы, Подоляне, Поляки, Москвитяне, и Черкасы, и оные, которые живут далеко при Голфе Венедиком, даже до реки Албии, которых останки еще и ныне суть нарицаемы от Герман Славяне и Виндяне или Винды, и, конечно, Лузацы, Кассубии, Моравы, Литвяне, Шленцы и Боемы. Того ради язык Славенской распространяется от моря Каспийского даже до Саксонии и до моря Адриатского, также до Германского. Сей народ Славенской всегда показовался свиреп, храбровоенен и всегда славожелателен. Древний обычай у Славян был, еже не жити никогда во едином месте, но по пристойности попасов, или яко неприятелей отбегаше, или казалось им тесно, пременяли жительство и переносили своя стяжания, живуще всегда под шатрами, воевательны, вольны, и неукротимы. Во время Августа Цесаря жили смешены между Фракиан, а потом овладели оружием мало не всю Европу, и великую часть Азии и Африки. Аще со прилежанием рассмотрен будет сей народ Славенской, то не обрящется в прошедших временах другой храбрейш; понеже сей со удобностью претерпевал стужу и жар, и вся протчие неспособности воинские. Всегда бесстрашен предстоял, воеже полагати жизнь свою в тысяч бедств, никогда не был во всем покорен державству Римскому. Наипаче, когда Славяне во времена Максимилиана Цесаря, перешед Истр реку или Дунай, вошли во Иллирию, в Паннонию, и в Мисию, опустошили все, наступали на полки Римские храбро, и прогоняли так, что державство Римское всегда принуждено было удерживать себя от воинства Сармат, рассуждая себе за превеликой учинок, когда тем склоняся, их свирепство отвращали от себя.

Порода Венедов была, на иные три разделена, нареченные, Венед, Анта и Славенская, которые произошли все три от того ж единого корене Скандинавского. Славяне, еще в Сармации живуще, чинили непрестанные войны против разных народов, и всегда были славными победителями, от чего восприяли и имя сие, еже нарицатися Славянами, под которым именем (по сказанию Риналда Вританского в 1-й книге Вритании летописей), учинив едину сильную флоту на мори Энедийском,

наступали на Англию, ибо они, будучи человецы велики возрастом¹, вменялися за богатырей, но после как прогнал их от того острова сильною рукою Брут, сын Сильвия внука Енеова, то принуждены они новых себе жилищ искать, и приплыли ко брегом Саксонии Нижней, ныне же нареченные Фризии, где тогда никто не обретался, и вышли было на сухой путь, но скоро прогнали их жители того места паки во своя карабли; и отгуду отплыв со своими караблями, прошли внутрь к Западу, дондеже вошли во устье реки Мозы, и, остановившеся тамо по нескольком времени близ древней Влардинге, построили Фортецию зело крепкую, которую от имени своего наименовали Славенбург, за 900 лет прежде пришествия Христова. А оные, которые отгнали Славян, были Шведы, первопрогнатели Аланов, обитавших по всему оному тракту места, лежащего между рек Флевы и Шневы. Другие Славяне потом, которые в то время остались в Сармации, мужественно стояли против Александра Великого, которой домогался покорити их себе; и убили они Менедама Капитана Александра, изрубили в шути, такожде 2000 пехоты и 300 конницы Македонцов, и хотя Курций прилагает сей разум и воевание к Скифом, последуя в сем своем мнении погрешению других писателей Италианских, которые когда не дознавалися имени коего либо народа нарицаемого от них Варварами, то абие нарекали (якоже сказует Алберт Кранций) Скифами, однакоже читается ясно в том же Курции с прочими писатели, что предреченное разбитие было войскам Александровым от Славян, понеже по сем приложил Курций, что ко Александру Великому пришли Послы Германов восточных, которые от списателей оных времен наречены Сарматами и Скифами, а от нас Венедами, от себе же самых назвались Славянами, числом двадцать послов, по своей обыкности на конех, которые, приняты будучи в шатре Царском и посажены, устави очи свои на лице Царское, аки измеряя смысл его по возрасту телесному, которое им показалось не велико и не равно толикой славе; потом един из них, старейший, начал говорити сим образом.

«Аще бы Боги восхотели, чтоб возраст твоего тела был равен желанию мысли твоя, то б весь свет не мог тя вместити. Ты единою рукою касался б Востоку; а другою бы Запада, и, получа тое, похотел бы знати, где сияние толикого божества сокрывается. Тако что ты желаеши вещей, которых не можеши постигнути. Ты из Европы идеши во Азию и из Азии во Европу преходиши, когда победиши весь род человеческой, тогда уже со зверьми, с лесами и со снегом, и с реками будеши воеватися. Или не знаеши, что великая древа долгим временем растут, а потом во един час изкореняются? Безумен есть той, которой плод оных древес точию смотрит, не измеряя их высоту. Зри себе, что, ежели желаеш(и) на самый верх оной взыти по ветвиям, за которые будеш(и) хвататися, дабы не упасти на землю; И лев некогда бывает снедь малейших птиц; железо от ржавчины снедается, и ни една убо вещь бывает толико тверда, которая бы не имела бояться беды, от другие вещи немощнейшей. Какое дело нам с тобою? Мы никогда не приходили на твою землю,

¹ Здесь в значении «ростом».

якоже знаеши, откуда ты идеши, того ради невозможно и нам пребывати, непо-
знаваемым живуще между превеликих лесов, не можем покаряться кому, но ниже
хотим быти господа. Дары же наши вам уже даны, да тем возможете познати людей
Скифских: пара быков, одна соха, стрелы, копие, и едина чашка. Сия вещи употре-
бляем и с приятельми, и против неприятелей; жито, нажитое трудом, быков наших
мы даем приятелем, с ними мы в чашках вино жертвуем Богам; а неприятелей изда-
лека стрелами встречаем, а вблизи копием поражаем; таким образом мы победили
Царя Скифского (зде видится, яко послы не Скифяне были, якоже Курций упо-
минает) и Мидского, такожде и Перского, даже до Египта путь нам был отворен;
Но ты хвалишиися гонятися за разбойниками: ты сам един разбойник всем народом,
которых победил еси; взял еси Лидию; и овладел Сорию, ты держиши Персиду,
в твоей власти суть Бактриане, ты во Индию хоцещи ийти, и уже еще ты же про-
тягаеши на наши скоты, твоя сребролюбивые и несытые руки. Что ты требуеш(и)
от богатств, которые творят тебя имети многую славу? ты первый из всех протчих
изобилуеши славою; понеже елико больши получаеши, толико больши желаеши
того, чего не имеши. Недовольно тебе, колико мешкал еси окрест Башов, когда
хотел их победити; Согдиане паки начали воину, тебе отрыгается война от победы.
Но хотя ты вменен превелик и премощен паче иных, но всяким образом никто не
может на себе содержати Государя чужестранного. Преправиш(и)ся не много за
Дон (другая околичность, осуждающая погрешение Курциево о Скифех) и узнаеши
в колико расстояние оное распростирается; Скифов ты никогда не постигнеш(и),
убожество наше скорейше есть, нежели твое войско, носящее с собою грабление
многое толикое народов. И аще ты повериши, что мы обретаемся далеко, ты увиди-
ши нас стоящих в своих обозех; понеже тоуже мы борзостью и гоним и бегаем. Мы
слышим, что у Греков в посмеянии наша степь; но мы вящше любим леса пустые
и тощые всякого землевозделания, нежели грады и изобилные маетности; того ради
держи руками сжату твою фортуну, понеже она есть непостоянна, и противно своей
воли не задержится; того ради должно последовати здравоносному совету, которой
тебе подаем, и которой тебе настоящеи союз подает, лучши будет тебе положити
узду на твою фортуна; ради лучшего управления той на шеи. Сказуют, что фортуна
без ног есть, и что она только имеет руки, украшены перьем. И когда подает руки,
не попускает коснуться перии. Всеконечно, ежели ты еси Бог, то должен ты чело-
веком подавати благотворения, а не от имати их свойственная; Аще же ты чело-
век, памятью себе всегда быти такова. Безумное есть дело воспоминати тебе о том,
о чем ты забываешия. Которым не учиниши воины, возмиеши их за приятелей,
понеже между равными претвердейша обыкла быти дружба. Равные могут называ-
тися оные, которые никогда не учинили опыту своих сил, но и от тех, которых ты
победил, опасайся еже верити яко суть приятели; понеже между господином и ра-
бом не может состоятися любовь постоянна. Но мы и в мире обыкли охранять
причину войне. Не верите ли, что мы с присягою подтверждаем милость, осмотра
ти верность и нашу присягу? Иная осторожность употребляемая у Греков, кото-

рые подтверждают свои дела призыванием Богов. Не требуешь приятеля в дружбе, о котором ты должен усумневаться? Кто не клянется людям, обманывает Богов, ты подлинно нас будешь иметь за сторожей Азии и Европы. Мы граничим Бактру, где Дон ее разделяет; а с другой стороны Дона даже доле Ефрата есть слух, что сопряженна Македония с холмами фракийскими и с ее горами; того ради рассмотри, аще суть соседи друг другу царству твоему? Надлежит нас иметь приятельми или неприятельми».

На тот разговор Варваров возответствовал Царь, что он желает служить своей фортуне, на которую уповал много; и тако отпустил послы Славенские, с которыми последи сразившись войски, Александр немало своих потерял, а неприятелем учинил малой урон; но понеже не могоша оные воспротивитися такому войску, устроенному всяким оружием, при(н)уждены отступить по обыкlosti своей внутрь Сармации, в которой учинили потом знатные и ясные дела счастливым и благопоспешным случаем. Сей храбрый народ Славенской, никогда пребывал успокоен, наипаче в наступании времен, взирая убо на дела пребольшие, намерился оставить пустыни Сарматские, по которому действительству, разделилися на две части, едина пошла до Севера и засела береги моря Балтийского, страну, протяженну на 250 миль Германских, между Германии, Пруссии, Ливонии, России, и берегов противлежащих Дании, Готфии, и Финляндии, даже до Выборха, и назвалася Генета или Венета, Германами нареченна «Венден», от Италиан «Слава», а от наших «Вандала». О сих Венетах Славянех будет повествовано по сем во своем месте: Другая часть Славян Сарматских обратилася к полудни, засела бреги Дунаиские, отнюду же искали овладети Государством Римским, которого земли и провинции толико озлобляли, что наконец покорили многие.

Прокопий Цезарейский, который первый был списатель о сих Славянех и о войнах, учиненных с Римляны, в первой книге о Готфех, тако пишет о Славянех: при сем средстве, Мартин и Валериян, приехали к Велисарии (Генералу Царя Иустиниана) ведуще с собою 16 000 салдат, из которых большая часть были Гунны, Славяне и Анты, которые живут обонпол¹ Дуная реки, недалече от ее берегов: Велисарий, возрадовався о приходе их, намерился сразитися с неприятелем. Той же списатель во 2-й книге повествует, что Велисарии хитрствовал, чтобы пленити некакого человека знаменита из неприятелей, дабы известитися с какою надеждою Варвары страдали толь тяжкие беды. Валериян обещал ему действительство намерения, чрез некоторых от народа Славенского, которые были под его знаменем; понеже были обычайны стояти, прикрывшия под каким-либо камнем или дровом, и тем образом взяти кого хотели от неприятелей, о чем и на Дунаи, где они имели своя жилища, и в Риме против иных Варваров, учинил искусство, того ради избрал Валериян единаго из сих Славян, сильнейшаго и храбрейшаго и мочного, который, поощрен обещаньи от Валерияна, прежде рассветания вскочил на холм, где по

¹ «По ту сторону».

всяк день бивалися за кошение травы конем, и тамо, легши на землю, покрывшися терном, таился, даже учинился день, един некоторой Готф приехал взяти травы, не надеявшись подвоху, на которого внезапно скоро Славянин напавши созади, и охватя крепко поперег, принес в обоз Римской, предал его Валерияну. Той же Прокопий пишет в 3-й книге, что един некогда Халдивий из фамилии и двора Иустинианова, толико презирал деньги, что он зело роскошно жил своим именем, когда не стал иметь ничего, учинил его Иустиниан в 4-й год своего царствования правителем всея Фракии, еже стрещи Дунай от наездов Варварских; понеже они во время прошедшее, тако с Гуннами, как и со Антами и со Славяны, переправяся тую же Дунай реку, учинили беды несносные Римляном; Но во время трех годов Халдивий учинил препятие подъездам оного народа со уроном их. Но как прошел третьей год, он переправился реку предреченную с немногими людьми, пришли ему на встречу все силы людей Славянских, потом, совокупившееся, бои учинили, на котором пал Халдивий со многими Римляны: По сем Антяне и Славяне, поссорившися между собою, учинили междуусобие, где Славяне одолели Антянов. Потом той же Прокопий прилагает, яко народ Славенской и Антянов не был правительствуем единым токмо человеком, но из древнего времени живяше в народнолюбной и общей вольности, что все дела полезные, или вредительные приносилися от них на совет всех, что было все единообразно у обоих народов; что наибольшие их признавали между Богов единого токмо точию Перуна (то есть строителя громостреляния) Господа единого Вселенныя, которому повинни были на жертву приносить Быков, и протчая животная. Они не познавали фортуны Госпожи над человекски¹; а когда ради недуга в дому, или от бед на войне, творят какой обет ради избавления своего, восприяв паки здравие, или миновав беду, должны суть по повелению исполнити обещание оброка, которые такому жертвеннику причитали паки восприятие здравия. Они же поклонялися лесам и нимфам (то есть русалкам) и протчым демоном, которым жертвуя, воспринимали свои предзнательства добрые или злые. Жительствовали в некоторых кибитках неукрашенных, зело расстоятельных едина от другой, пременяли часто своя обитания. На войне большая часть пехоты против неприятеля, ношаше щиты и копья в руках, не вооружалися никогда в латы. Идуще на войну, не носили платия, но некая покрывала даже до бедр. Язык их был Варварский. Ни в чем разнственны между собою образом телесным, но вси зело длинного росту и вельми мочны силами телесными, по цвету же волосов ниже зело были рыжи, ниже черны, но более по первому нежели по другому цвету². Жизнь их была жестока зело и безустройна, довольствовалися пищама не зело лакомыми, без коварства и озорничества в разорениях и в разбиваниях: Держали штиль Гуннов (Унгов), и всеконечно древле Славяне и Антяне имели едино тожде прозвище, СПОРЫ, еже значит рассеяни, за еже обитати единой от другой фамилии разлучно в своих кибитках, отстоящих друг от

¹ Не признавали власть судьбы.

² Видимо, это описание русых волос.

друга; занимали многое место обитающе, весь кряж обонпол страны Дунайские. Аще же и зело были жестоки, однакоже в великом почтении имели своих Попов. Между иных Богов покланялися Идолу (названному яко Бог, то есть Бог крепкий), под которого ногами стояла едина глава Человеческая, а другая Львова, в правой руке держущь копейце, а в левой — круглой шар серебряной. Сей был отлучен от протчих Идолов Славенских. Во время, помяновенное от Прокопия в книге 3-й, войско Славянское, прошедши Дунай и вшедши до Диррахия, учинили превеликия убытки Иллирианом, секуще всех, не щадили всякого пола, ниже возраста, опричь тех, которых с собою отвели в полон. Взяли в полон Аздада, оружиеносца Царева, вырезали ему несколько ремней из спины и бросили жива во огонь, и сожгли. Потом воевали всю страну даже до Помория, одолевающе хитростию грады Поморские, укрепленные осадною силою крепкою от Римлян; на двенадцать дней расстоянием от Константинополя, тамо порубили пятнадцать тысяч граждан, опустошили всю землю Иллириков и Фраков, где сажали на кол живых бедных жителей. Привязывали некоторых к четырем колам толстым, вбитым в землю, руками и ногами кверху, и потом били их во главы дубинами до толика, дондеже могли дыхати в толиком мучении. Протчих же, которых старости ради, или инаго препятя, не могли вести с собою, заперши во единое место тесное со скоты, сожигали без всякого умиления. Обогадившеся и обременившеся грабленями, паки прешли за Дунай, да возвратят-ся во свои кибитки. По нескольком времени великое число славян, переправяся паки Дунай, пришли в Наис, с намерением еже овладети градом Фессалоникою и ближними местами, принудили Царя Греческого вспять воззвати Германа славного капитана, которой был намерен следовать во Италию с великим войском, еже бы утомити Тотила. Но, уведомившеся Славяне от своих пленников, что Герман обретається в Сардах, понеже некогда он розбил войско Антийское, боящеся власти в подобное розбитие, восприяли иной путь и, переправившеся чрез горы Иллирические, прошли в Далмацию; и, воззукреплены бывше от иных Славян их народа, разделилися на три войска, и, наезжающе на разные места, починили беды несносные во Европе зимующе, аки бы были во властных¹ своих домех, не имеюще боязни от неприятеля. Известно стало что Тотила посулом многих денег воздвиг их во оные провинции Римские, дабы Царь Константинопольский не возмог впредь посылати помощи во Италию противу Готфов, которые их, аки вода, покрыли. И абие Царь послал противу Славян избранное войско, правительствуемое от Константина, Арация, Назария, Иустиниана и Иоанна правителей. Вначале от Схоластика Евнуха, которой достиг едину часть Славян, не могущих путешествовати вперед, ниже обратитися инуде², понеже обремененни скотами и протчими богатейшими добычами, постановили обоз свой на едином холме, которых окружили от всех стран Римляне, и ради нетерпения салдат Римских, которые сучали, утеснены в своих транжамен-

¹ «Собственных».

² «Куда-либо еще».

тах¹, наконец было им позволено от начальных атаковать Славянов, от которых сами всеконечно учинились разбиты и развоеваны, взяли они же знамена Константиновы: разгромили страну Астинг, в которую по се время не вхаживали, и дошли даже до Долгих стен; отстоящих един день токмо, или меньше, от Константинополя. Потом, как от бежания престали, и паки соединилось войско Царское, ударили внезапно на едину часть Славян и прогнали их в бежание, и свободили многих пленников Римлян со взятием паки знамен Константиновых. Оные же Славяне, которые возмогли избыти бегом, отъехали в дома своя. Оттуда паки отшедше, ударили на Иллириан и нанесли великие шкоды² оной провинции. Понеже войско Римское было меньше Славенского, не смели наступати на них, и препроводили оные многое время во оных воеваниях, наполнили дороги телами мертвыми, понеже не было, кто бы им тогда мог учинить какое возпротивление. Наконец возвратилися со всею своею добычею во свои кибитки на другую страну Дуная. Римляне не могли наскочити на них явно от страха, дабы Гепиды, их союзники, не двинулися в помощь и защищение их. Иероним Барди, наполняя недостаток прочих писателей о оных воинах, знаменует время и годы злодеятельств, которые Славяне сотворили во Фракии и во Иллирии во образ последующий: в лето 548-е Славяне наступили на Далматю и прошли даже до Диррахия. В лето 549-е развоевали Фракию. В лето 550-е, паки пошедши в Греческую землю, одолели Цариградцов, в лето 557-е, отложася от начальной их страны и вшедши в Македонию, починили тамо бесчисленные шкоды и, тамо обжившееся, наименовали оные места от своего имене: Славония. В лето 554-е преодолели Капитанов и останки Готфские, развоевали Сицилию, откуда прогнал их Герман Капитан Иустиниана Царя. В лето 585-е приходили даже до Константинополя, разоряя всю Фракию. Пишет Святой Григорий Иовию, правителю Маврикия Царя во Иллирии, что в лето 591-е, в седьмой год державства Маврикия, Славяне, перешедше Дунай, озлобляли Иллирическую землю, из которой разбежались люди во острова, да спасутся от свирепости сих. В том же году Маврикий Царь поднял оружие противу Уннов³, которые от времени Аттилы Царя жесточайшого и нареченного «бич Божий»; жительствоваши в Паннонии обонпол Дуная. И, послав с войском сына и тестя, озлобляли зело Уннов, тако, что (те) помышляли возвратитися на первая своя жилища, но, призвав в помощь Славян ближних и соединяся с ними, двинулися против Греков, которым подали толикой труд, что не дерзнули сражаться с ними в бою полевым. На другой год Славяне наступили на Греческое Царство и учинили великую шкоду, и забегая даже до Гирла Херсонского, тамо остановилися. В лето 594-е Маврикий послал против их доброе войско, которое учинилося разбито, потом, възукрепившееся, войско паки пришло в сражение боевое со Славяны, над которыми одержало кровавую победу. Славяне после четырех лет, учинив союз с Гуннами и Аварами, наступили паки на земли

¹ «Укреплениях».

² «Урон».

³ «Гуннов».

царства с величайшим уроном своим; однакоже, разъярившись больши, яко никогда тако, Славяне: вошли паки в провинции. Но Прикс Генерал Маврикиев их разбил, тожде им случилось с большим упадком в лето 1000-е. Но возвращались толико часто на обыкновенные наезды, что Царь принужден был наконец уступить Иллирическую землю, которую наименовали по том Славониею. Едина часть Славяне заняли места ближние к морю, другая часть прешла даже до Паннонии вышней; протчие правительствуемые от Чеха и Леха братии, проникнули в Моравию, Боемию, и Польшу. Оные ж, которые засели бреги Морские Далматии, распространили непрестанно свою область и Государство, озлобляя не точию соседей своих, но и зело дальних людей. Того ради во время Арисалда, Короля Лангобардов, учинивше един сильный Флот, прошли во Апулию, стали обозом при городе Манфредонии, где наступил на них Рион Дука Беневенский; толико храбро защищался, что его разбил, и на бою оный умер. Напал на них не нечаянно брат Рионов Радоалд, избил с великим уроном их; останки принуждены отидти из того Королевства, и, восприяв путь к Далматии, своему пребывалищу, обретоша что мало не вся Далматия соединилася купно против их; и, учинив войско немалое, с флотом вошли во устье Наренты, чтобы препяти им вход во оную реку. Что увидя, Славяне учинили притворство, аки бы возвратитися назад, Далматяне же последовали за ними, но ночь их разлучила. Славяне отступили за остров Корцула, где стояли, сокрывшееся, весь наступающий день. Потом в вечер, вышедши вон из порты, пошли против флоту Далмацкого, наскочили на него внезапно; бой несколько был сумнителен; наконец, учинив себе Славяне путь посреде оружия, прошли в Нарон в места, от них прежде добытыя. И, овладевши всеми оными местами и городом Нарентом, от древних имянованным Нарона, поставили тамо свое владительство, творящееся в прехождении времени зело сильны на мори и зело страшны, а имянно, Речи Посполитой¹ Венецианской, от которой, и от протчих Далматян, с пограничных брали чрез долгое время дань погодную.

Война между Слявян нарентских и Венециан началась во время Иоанна Партиципация, Князя Венецкого в лето 829-е, по котором учиняся наследник Петр Градениг учинил мир со Муисом Принципом² Нарентанским, они же в мале по том разорвав той мир, протекли даже до Каврли близко Венеции, дабы Венетов воспятити. Князь же Венецкий послал своего сына и способника Иоанна с сильным флотом, которой на другой год в карабельном бою Славяне одолели, и разбили с погублением многих караблей Венецких. Не преставали Нарентане гонителствовати Венециан чрез двести лет. Однакоже, oprичь того, они платили дань оным за плавание свободное по морю Адриатскому. Которое владительство Норентаны заступали и держали самовластное, окроме дани еще платили им же пошлину или подать с вещей, которые за преступление или мешкоту отпадали своей цены.

¹ Буквальное значение слов «речь посполитая» (польск. Rzeczpospolita) — это перевод латинского Res publica, «республика».

² Князем.

Неприятельство у Славян Нарентанских против Венециан было толь непримири-тельно, что сии, на всяк день возрастающе в силах, учинилися зело сильны на мори, желающе получение Долмации. Без того зело стужали от бесстыдства великого Нарентанов, возжигали ссоры с сими и Долматяны, дабы потом удобнее покорити их всех под иго. Во всех сражениях, которые имели Венециане противу Нарентанов, почитай, всегда были побиваны, а особливо во время Петра Капитана Князя Венецкого, которой, вышедши своею особою по двоекратно, против их сильным флотом, наступил на них при Каве Микуле в Далмации. В начатке боя виделся сильнейш¹, что Муис Принцепс Нарентинский уже мыслил бежати, а когда, възукрепившеся от остатних караблей Нарентинских, в помощь пришедших, под правлением Виты Рагузенина Бобалы Капитана славного, и часто употребленного Князем Нарентинским, возвратился паки сразитися с неприятелем победительным, которой по храбром защищении учинился, наконец, во всем разбит с смертью самого Князя. Та баталия толик страх и ужас граду Венеции дала, что усумневались, дабы неприятель, последуя за победою, не пришел обступити их во Венеции, заперли чепьми толстыми устие пристаней города своего, с караулом частым из самых граждан. Правление не страшливое Иоанна Парципация, которой в сем бедственном союзе паки восприял оставленное урядство, сие сражение оружия случилось в лето 880-е. Потом во время же Петра Саннута девятигонадеять Князя, люди Далматские, вначале Нарентаны, тако сжали Венециан, что город Венеция, почитай, весьма был осажден, понеже не входил ниже запас ниже купечество. В лето 996-е Петр Орсину Князь, учинив любовь, Государями Египетскими Сории, дабы отмстити обиды древния Нарентанские, отказал им платеж обыкновенные дани, о чем, прогневавшеся, они докучали всем местам морским, разоряюще от основания границы Заратинские, которые едины токмо были между Далмат тогда подданны Венецианом: Славяне Нарентанские, учинившеся Христианами при Святополке (от Латин названого Сферопил, их Царь), который обратился в веру Христову от Мефодия Философа, потом нареченного Кирилла, учинилися в великую помощь Италии, наполненной Срацинами, во время Царя Василя Македонянина, егда, соединившеся с Рагузены и с прочими Славяны ближними, с великим флотом прошли во Аbruцу, тогда называемую земля Фиетская, где показали искусство своея древния славы, изгоняя вон оных Срацын из Италии с великим побитием, и со славою вечною народу Славенскому.

Другая част сего народа, которая прошла в Паннонию Вышнюю и в Баварию Нижнюю, овладела Стирию, Каринтию, и Карниолы, и многие иные места ближняя, и учинили зело славно имя Славенское.

Римляне, толикощи несчастливо бившеся с Теодоном Королем Бойевским и со Славяны, и уже отчаявшеся держати Мизию, Паннонию и прочее Норика, оставили их в лето 515-е, в которое время Славяне, ныне свойственно нарекушеся Харионы, завладели оною страну Норика, лежащую между горы Тавра до Востока,

¹ Краткая форма слова, не употребительная в современном русском языке.

и объемлется между рек Муравою или Мурою, Дравою и Савою, даже до уезду Аквилегии, и тою такожде владели, нарицающиеся от места завладеанаго, Карантаны или Каринтаны, в лето 580-е вшедше с Дукою Гизалоном в Баварию Нижнюю, где есть место от горы, называемая Венеды, от правительства Славян Венедских. Перешедше Истр реку над устьем Изары реки, ратовали города Пизонские, ныне же именуема Пизония. Августа Ацилия, Мацелия или Мончинг на правом боку берега Дунайского, взяли городки старинные, место расстоящее от Ратизвуны к востоку 15 миль нареченные ныне Пфер и городки летние в компании Бойев, разбили войско салдат Римских, названных береговые, понеже стрegli берег реки Дуная, и, ставше на завоевание Ратизбоны, скоро овладели ею, понеже Славяне, преискусны стреляти из лука и метати копьями; наметали толико множество стрел, что согнали с стен их защитников и учинившися чрез толикие победы зело славны. В лето 593-е, и окрест, Агилульф король Лангобардов, осадив город Падву и, немогши одолети его, призвал в помощь Славян Карантинов и, чрез посредство сих, всеконечно взял его. Потом, пошедши с предреченными Славяны на завоевание Рима, с начала единого года осадив, учинился владетелем. По десяти летех той же Король Агилульф объявил войну Римляном за пленение своя дочери и, вышедши с войском из Милляна, просил помощи у хагана, Государя Аварского, которой ему послал войско Славян, с которыми взял осадю город Кремону в 21-й день, лета 6031-го, и рассыпал его от основания. При возвращении от того походу в дома, Славяне, ездя, разоряли место Гилдиберта, Короля Французского и Германского, которой послал на них пресильное войско, правительствуемое от Тессалона Принцепа Боневского, спорубежного от Востока со Славяны. Той, их одолев, покорил Гилдиберту; но они вскоре, как далеко отшел Тессалон, отложилися¹. Потом, разбив войско Боневское правительством Государя своего Хагана, и, вшедши в Боварию, развоевали, и разбили Гариовалда сына Тессалонова, которой с воинством Римским вышел противу их, и завладели Истрию, которую и прежде сего они пустошили во время Царя Феодосия. В лето 617-е Славяне, не могуще более претерпевати наезничества от Аваров, вооружилися на них, и обессилили их, в то время единого из своих салдат называемого Сам, за храброй поступок на оном бою, учинили себе начальником и Царем, в котором он достоинстве содержал себе 36 лет с великим разумом и мощию во всех своих войнах и храбростях, противу предреченных Аваров, над которыми всегда он был победитель. Имел двадцать жен от народу Славянского, с которыми родил он трех сыны и пятнадцать дочерей. Во едино время, купецких людей Французов, возвращающихся из нового Рима с своими товары во своя дома, ограбили на пути люди вооруженные Царя Сама. О чем Гоберт Король Французский отправил единого своего посла, нарицаемого Сихария, еже просити должного суда; которой, приехав ко двору Царя Сама, и, не могущи получитьи аудиенции, облекся в платье по обыкности Славян. И тако преодеян, прошел пред лице Самово и предложил ему все, что приказано было от Короля его. Приложил к тому ж, чтобы Сам

¹ Вернули себе независимость.

должен был имети многое почтение и многое осмотрителство о народе Французском, понеже он и его люди подлежали Королевству Французскому. Возпалився от того розговору, Сам възответствовал послу, что он и его народ всегда бы могли почитати Французов, когда бы Гоберт со своими восхотел имети дружбу со Славяны. Сихарий против того рек: невозможно рабом Христовым сотворити союз или какую дружбу со псами. Рече ему Сам: вы воистинну творите исповедание яко есте раби Христови, а ваши есми пси, того ради оное, что вы противно воли Его содеваете, нечестивне нам попущено отмщати угрызением зубным. И то рекши, в тот час отгнал его от себе. Гоберт, обещен быв, собрав войско, пришел сразитися со Славяны, но Славяне, разбив оное цветное Французское войско, взяли многих в плен; последующе же сей знаменитой победе, пошли в помощь своим товарищем Славяном, осажденным от Французов в городе Вогастр. И, наступив на осадивших, прогнали их вбежание и овладели их рухлядию и шатрами. Оттуду вошли в Турингию и в протчие места, соседные Франции, разоряюще и грабяще оные земли, которых земель был правитель Дука Дервин. Той, усмотрив, что Славяне всегда были победители над Французами его союзниками, отложася от них, предался Славяном и учинился им союзник. Однако же оставили Славяне на неколико времени озлобляти Королевство Французское и обратили оружие на Италию, в лето 650-е, и тамо учинили великие шкоды. Но, будучи преодоленны от Гримоалда, отступили в дома своя, обаче не пребыли на многое время спокойны. Егда Гоберт подвигнул воину против Амора, наследника Кубакорова, в Царстве Славян Дунайских, и сии Самова Царства подвиглися противу Француз и разорили их страну. Тогда Догоберт, избирая сильнейших воин своего Королевства и укрепився в пути от Саксонов, с которых снял ради сего действия дань годовую 120 коров, которые платили Франции от времени Клотария, первого сего имене Короля Французского, подвигнулся на Славян без случая. Наипаче на другой год, который был единонадесятый Королевствования Догобертова, вошли Славяне паки в Турингию и развоевали всю страну. Чего ради понудился Догоберт поставити на правительство Аустразии сына своего Сигиберта с титулю Королевскою, еже стрещи оные границы противу Славян, которые подобне непрестанно опустошали земли Французские. Наконец, Догоберт учинил пехоты три войска, числом 50000 воин. Едино послал¹ противу Славян Царя, Сама, который, пришед на бой полевой со Французы во Августе месяце, пребысть одолен паче от великова числа, неже мощию². И тогда сии Славяне обратилися в веру Христианскую; от святого Колумбана их Апостола. Умершу же Саму, бысть ему наследник Борут или Борух, который был первый Царь Славян Коринтианов, иже восприял бяше Святое крещение от Святого Донинга ученика Святого Руберта Епископа Юваниского, и Апостола Карнов, и, в заклад верности, дал Боруха Королю Догоберту единого своего сына, называемого Караст, и единого своего племянника Хитомира. Потом, сразившися с Гуннами, разорившими страну их,

¹ Послал одно из этих войск.

² Был побежден скорее численностью противника, чем его силой.

разбил их и посекал. Умершу же Боруту, воцарился во Славянех Каринтии, или Норика; вышперенченныи Хитомир или, по мнению Лазия, Караст, в которое время Меаран, человек ученыи и Свят, проповедал и научил оные люди вере Христовой. Бароны Славяне возбунтовали от Хитомирия своего Государя, под умышлением оного пременения веры, того ради Тессалон вторый, Государь Бойевский, пришел в помощь Хитомиру, и понудил его подданных, дабы были ему послушни. По умертвии Хитомира, Бароны Славяне оставили благочестие Христианское, изгнавшие Священников в Боярии, и, вшедше во Фриулы, разорили и убили Дуку Фердулфа со его войском, принудили Дуку Пенмона, преемника Фердулфова к миру не зело честному. Но потом, разрешив той мир его сын Ратх и вступив в Карниолу отечество Славянское, еже бы разорити тое; они же прогнаша его, и такожде разориша Фриулы. Тессалон же, напротив того, раздражен отступлением Славянов, вошел с тяжким войском в страну Славянов, по неколиком в сражении оружия одолел их и дал им за князя Валдунга. Гемона Региналда, Маерана, Готария, Эрхиноберта, Регинарда, Августина и Гунтера — Монахов Священников, которые проповедаду веру Христову Славяном, от неяже поколение Баронов, или Кавалеров, весьма отвращашеся. Но Ингон, преемник Валдунгов, по научению Арцыепископа Сализбургского, созвав во един день всех своих подданных на пир общенародный, разлучил шляхту от простых. Простых бо посадил на своей трапезе и подчивал светло на сосудех серебряных и златых. Шляхту же потом посадил на трапезе роскожи и повелел подчивати их в сосудех глиняных. И егда спросили Ингона бароны о причине оного разделения уничтожительного, возъответствовал, яко повелел употреблять столы, смотря по достоинству людей, понеже поселяне Християне, очищени непорочною кровию Христовою, имеют души чисты и нескверны, благороднии же противно, суще идолослужители, имеют оскверненни и поганы, что являло разность, учиненную на пировании. Той ответ толико возможе в сердцах барон Славянских, что в тое время все восприяли Святое крещение. Отсюда произошло оное древнее торжество, употребляемое даже до сего дни, при поставлениях князей Каринтии, о немже достоит мало нечто вняти: Недалеко от фортеции Святаго Вита, во единой долине зело пространной, идеже видятся следы древние некоего града, егоже имя есть неведомо, обретается един луг зело широкой, посреде же его лежит четвероугольный великий мрамор превысокий, на немже в день постановления нового Дуки седит един поселянин, природою по древнейшему превосходительству определенни ко служению такова урядства¹, от десные своея страны² держит Корову черну, и от левыя Кобылу чернейшую и зело непригожую. Около того камня стоит народ весь поселянский, ожидающъ приход нового принцепа, который показуется от начала луга с церемониальным провозждением от баронов пребогато одеянных; пред ним предходит Граф Горицкий, майстер наследничный палаты Принцепской. И по нем последуют 12 меньших знамен оружия оного Кнажества. Оныи же несет большое

¹ Чина, порядка.

² Справа.

знамя Архидуки Коринтии, последуют начальствующии, и протчие урядники Стата, пребогато одеяни, по них идет Принцеп, окружаемь вышшеначальнейшими поселяны, и он такожде одеян по поселянски одеждами деревенскими и не красными. Егда же приблизится ко мрамору, поселянин, сидящий на вышпереченном мраморе, видя являющася Принцепа, спрашивает высоким гласом языком Славенским: «Кто есть сей, идущий с толикою славою?» Люди, стоящие окрест, отвечают ему: «Сей есть наш новый Государь, иже идет восприяти владения стата¹». Поселянин паки вопрошает, праведен ли он есть судия, ищет ли он здравия отечеству, есть ли он свободен и не данник ли? Достоин ли чести, истинный ли христианин, защитник ли и возраститель веры Христовы? И коемуждо сих вопросу² отвечают людие тако: «Тако есть и будет». Наконец, прилагая³, поселянин вопрошает: «Коя ради вины хочет он меня с сего седалища согнати?» Тогда ему отвечает Граф Горицкии: «За 60 пенязей купуется у тебя сие место, сия же скотины, то есть Кобыла и Корова будут тебе, воз имеши и платие, которое имеет на себе Принцеп, и будещи ты безданен, и дом твой да не платит погодные дани.» Тогда поселянин, по легку поражая рукою лице Принцево, говорит ему: «Буди праведен, судия да правительствуеши прямо правду». И, сошед со Мрамора с Кобылою и с Коровою, оставляет место праздно про Принцепа, который, возшедши на верх и выняв вон меч, шурмует им, весь свиреп, показуяся творити тое же деяние на все страны камене, чем является обещевати всем доброе управление правды. Потом подается ему вода в шляпе деревенской; тую выпьет единым духом пред всеми явно на знак трезвости, неже попуститися разтлеватися сладострастьми вещей телугодных, толико предпочтенных. Потом, пошедши с камня, поидет со всеми в Церковь ближнюю, первее сняв одежду поселянскую, и отдает поселянину, и тамо внимаает Божественному пению; по скончании того, садится за стол обедати, и, пообедав, возвращается паки в луг, где поставляется готов стул судейской, на немже творит суд просящим и вотчинами жалует баронов, подданных Стату. Утвердивше, Славяне Норические, свое Королевство в Норике, якоже сказано выше, часто воевалися со Французы и протчими; разбивали, и убили на бою полевом Андагиза, Отца Французского Короля Пипина младейша, который был Веледомовный Феодорита Короля Французского.

Пред поступанием времени, востали ссоры между сими Славяны и Хакана Царя Аваров, такожде Славянов, обладателя Боиоарии⁴, разоряли его место толь часто, что он принужден был оставить оное. Того ради в лето 805-е пришел Хакан к Карлу Великому, Императору, просити единого места между Сибарии и Карандана,

¹ Государства.

² На каждый из этих вопросов.

³ В дополнение.

⁴ Этот вариант средневекового латинского имени Баварии (Boioarġa, Waioarġa) включает в себя название кельтского народа бойев (Boii), отразившееся также в названии Богемии. В этом регионе веками складывался многосоставный синтез культуры индоевропейских народов: иллирийцев, венетов, кельтов, римлян, славян, германцев; вероятно, не были полностью забыты в эпоху раннего Средневековья и традиции еще более древних этнических общностей доисторической Европы.

дабы обитати тамо, понеже он не можаше более с безопасностью жити в первой своей столице, ради непрестанных наездов Славян Норицких, которые, наконец, выгнали его весьма от оные столицы, якоже и Гуннов от своих своиственных. Часть тех Славян, тогда водима быв¹ Примиславом Комиком Стомисом, Тогером, пришла жительствовати круг реки Дравы, начинающесе от границе Боиоарии. Потом вмале оные Славяне, живущии при Дунаи и в Норике, совокупившесе с своими древнородными, наскочили на Паннонию Верхнюю, лежащую между Дуная и Савы, и Дравы рек по описанию Римлян, и подвинули свое оружие во Влахию на другой берег Дуная, где разбили, побили и искоренили останки Аваров и Гуннов, покоряя себе все место, даже до устия Савы реки. Тамо свели и посадили сведенцов Бойев и Славян, обаче они были данниками Карлу Великому, ради проходу учиненного с Никифором Царем Греческим, возобновленного по смерти Карла и Никифора Царя между Людовиком сыном Карловым, и Львом Царем Константинопольским. В тое время Людовит Славянин, Государь Паннонии Нижняя, ныне же нареченные Посжега, взбунтовал против Императора Людовика, понеже отрекся он давати ему оброк, воздвиг великое смещение в Боиоарии Нижней и, привлекиши к себе Булгаров Карнов, и некоторых Карионов, заступил великую часть Паннонии Верхняя. Людовик послал воинство Италианское противу Людовита в Паннонию, но Людовит бысть победитель. Обаче послал послы ко Императору с предложениями обновленными о мире, которые понеже не были приняты, возбудил от своея страны людей соседных, уговорил Тусцианов, людей, соседных Болгарской земле, еже оставити сторону Императорскую, вошел в земли союзные Людовику от страны реки Дравы, но наступил на него Балдерик Дука Фриульской, устремился в бегство. Был обступлен от Борны, Дуки Далматского, при реке Колапии, от Славян имянуемая Купы, но учинился победителем Людовит, понеже Гудусканы во время бою оставили совет Борны, которой паки их под иго взял, но потом, наступя на него, Людовит в своей его стране принудил своего неприятеля от злодейства отступить, Людовик же держал второй сейм во Аквисгране, идеже умыслил послати три войска во едино время, собранное из Саксонов Французов восточных, из Алейманов Боиоаров и Италиан, противу Людовита, который, будучи нашествован толикими силами и оставлен от Корниоланов и Карентанов, оставил город Сцисцию, ныне нарицаемый Сисег, и спасся у Сорабов, людей Далматских, где усмотрил, что един из оных Принцевов хотел его выдати, убил оного и градом ево овладел. Когда ему отказан был един разговор особливой, которого он просил имети со Императором, переехал к Луде Славянину, дяде по матери Борнину, которой убил его, Людовита, предательством, и с ним скончилися во едино время мятежи от оных стран между Славяны, которые потом во время Арнолфа Короля Французского Императора, в лето 891-е, разорвали и разбили войско Императорское на границах Боиоарии, и, вступивше в земли Империи, захватили место, которое от реки Мораговы называлося Мораванио,

¹ Будучи.

ныне же Моравия, прогоняя оттуду Маркоманнов останки; и тамо утвердили свое жительство. По времени же разпростириша толико свое державство, что Королевство Моравлян Славян объемляше в себе Венгерскую землю, Боемию и Россию. Имели многие войны с Пазинаками, ныне именуемыми Татарами. И держалось оное Царство даже до 991-го лета, в которое время умре Царь Свеуладо; овладели тою Венгры, Поляки, и великую часть Боемляне.

Моравия восприяла веру Христианскую во время Святоплуга¹ Короля Моравского, которой учинил свое пребывание в Веле граде и окрещен со своими народы, руками Кирилла Философа Апостола Болгарского, Русов и протчих Славян Далматских и Моравских. Сей Кирилл родом был Грек, родился в Фессалонике, ныне глаголемой Салоники, от отца Льва породного. Первее нарицался Константин Философ. В лето 887-е поставлен был Епископ Вели граду от Адриана Третьяго сего имене, Римского Папы; первый бысть Архиепископ Моравии. Научив первее во благочестие Христианское Болгары, Сербы и Святополка Царя Далматского, и по них Святоплуга Царя Моравского, со всем его народом, которой разпространялся между Вислы, Дуная и Ваги рек. И, правив пять лет свою Церковь в Моравии, отречеся того достоинства соизволением Стефана преемника Адрианова в посмещение² Мефодия своего брата. Сей бо недобре приятствован был от Короля Святоплуга Младейшаго. Во время, егда Король, некогда пошедши на охоту звероловительства, приказал Архиепископу Мефодию, дабы он не служил Литургии, дондеже он возвратится, ждал Мефодий даже до полудни, но, сумняся, дабы Божественная Жертва не была уничтожена, и, видя, что люди многие начинали отходить от Церкви, не ожидая больша, ниже смотря указу Королевского, зачал служить обедню. И, егда ста во Олтари, упражняяся в служении Божественном, прииде Король, окружен мятеженародом псоохотников (псярем) и стадом псов, и, вшед абие в Церковь, с шумом и лаянием псов, положил руку на оружие, где едва удержался, еже не поразити особу Архиепископскую, низвергши на землю все, что было на Олтари. Мефодий же отъиде того Царства, преходя в Боемию, отлучая проклятием Короля, и заповедуя всему Королевству.

В Боемии же пребыв некоторое время, поиде в Рим, идеже обрете брата своего Кирилла, и по немнозе времени паки бысть призван в Моравию. Но, провидя, что Король в великом злоначестии ожесточался противу причту Священного, не возможе более терпети толикого разрушения Стада своего, того ради паки возвратился в Рим и тамо преставися в лето 907-е, погребен же бысть в Церкви Святаго Климента, которого тело святое Кирилл, брат Мефодиев, принес из Таврика острова (сиречь из Крыму), ныне нарицаемого Тартария Меньшая, в Рим. При обращении Славяне просили от двора Римского чрез Кирилла, своего Апостола, дабы Литур-

¹ Имя великоморавского князя IX в. Святополка I обычно произносится без озвончения в конце: Свадоплькъ, Svatopluk, Zuentepulc и т.д. Орбини же отличает его имя от имени «Святополк» (см. ниже).

² Буквально: «в замещение».

гию и божественные службы служить на их свойственном языке, понеже предреченный Кирилл уже превел им в той же язык Старый и Новый Завет. Оное их прошение было предложено в польном соборе. И понеже вначале обретошася различные неудобности во мнении оных Отец, абие услышася глас чрезыестественный, глаголющ: «Всякое дыхание да хвалит Господа: и всяк язык того да исповесть.» То чудо приведе Отцев и Папу, еже соизволити Славяном действию их прошения. От того времени, еще же и ныне, Священницы Славян Либурнских, подлежащих Архидуке Норицкому, служат Литургию и протчая Божественная правила на своем языке природном, не имея знания языка Латинского, наипаче и сами Принцеры Норицкие употребляли буквы Славянские в народных письмах, якоже зрится во Церкви Святаго Стефана в Вене.

Вся порода¹ Славянская по всеестественно содержит двух мер характиры² писмен, которое преиметельство не имеют ни Греки, ниже Латины, едино есть изобретение предреченного Кирилла, и называют то Кириллица. Другаго же изобретатель Святой Иероним, и нарицашеся Буквица, которых начертании пребывают во всегдашнем употреблении у Славян, вящши же у Боемов и Поляков, которые два Королевства возымели началобытия от сея славные породы Славенские, иже овладев Иллириком, якоже речеса выше, разшири своя новонаселительства еще больши, далее к Северу, сиречь в Боемию и в Польшу, образом последующим.

Новонаселение Славян в Боемии (то есть в Чешской земле) и в Польши

Чех Кроат, роду благородного, был между своими зело почтен. Той (учинил или по случаю, или промыслом) убил некоторого из своих знатных, за что обвинен и позыван на суд по законам, не восхотел стати на суд; гонителствуемъ же от противные страны, большая бо часть Кроацции вооружишася ради защищения и охранения законов своих, на непокориводерзского Чеха. Но той, да избудет ярости людей, советовав с приятельми своими, взяв своего брата Леха с собою со своими сродниками и приятельми, и рабами многочисленными, восприял путь чрез Паннонию Верхнюю, соседнюю Моравляном, еже искати жительствова твердаго во иной стране. Достигши же со своими людьми в Моравию населенную, и в немалую часть Саксонии, породы Славянской, тамо остановился на некое время. Моравляне показали ему едину страну ближнюю, нарицаемую Боемию, от них прежде жительствовавшую, потом же оставлену пусту, в нейже немногие Славяне остались рассеяни по шелашам, сказующе ему тую³ ко обитанию зело пристойну. Чеху же, пришедшему во

¹ То есть «все (на)роды».

² Это слово в греческом языке означает «букву», «письменный знак», вообще нечто начертанное.

³ Ту (страну).

Йозеф Матхаузер. Праотец Чех на горе Ржип.

Чешский художник Й. Матхаузер в одном из своих самых известных исторических полотен изобразил сюжет народного предания о том, как праотец Чех (брат Леха и Руса, легендарных прародителей поляков и руссов) привел свой народ к священной горе Ржип (или Рип), ставшей средоточием чешской отчизны.

Йозеф Матхаузер (Josef Mathauser, 1846—1917) — чешский художник и иллюстратор. Писал преимущественно полотна на религиозную и историческую тематику, а также портреты. Согласно народным чешским преданиям, один из трёх братьев (Чех, Лех и Рус), праотец Чех привёл свой род на территорию нынешней Чехии, дав ему родину

определения последняя, угодно бысть сие предложение, иде со своими людьми чрез горы Герчинские¹; не раздражая никого, сниде в Боемию пугну, владеемую токмо стадами овец и быков более, нежели людей, которых обреталось мало, но и оные ни в чем не политичны², но пастухи, носяще власы долгие. Которыя сперва испужалися от приходу сего нового народа, никогда еще виденного, потом, разумеюще, что от того же суть рода Славянского, поздравили новых гостей, и обнималися, и подарили их гостинцами, обыкновенными даватися другом, сиречь млеко, сыром и мясом, и дали им вожда в Боемию Нижнюю. Чех же поиде до горы, из которые изходят реки Албия, Иултавия, — нареченныя Рип, еже глаголется видение, понеже оттуду видятя зрением очес все поля пространныя страны, и, возшед на сию гору и усмотрив здравость воздуха и плодородность земли, и изобильство паств и бреги, воздвиже руки к Небеси, возблагодарил Бога за толика благодеяния восприятая, сотворил жертву от скотов, с собою приведенных, по обычаю оного народа. И, возвратившися ко своим, возбудил их ко труду, разделил землю всякой фамилии, послал их строити дома и обитательства. И понеже были все искусны земледельству поль, скоро и с радостью приложилися ко труждению и в мало время умножилися Вандалами, и Далматяны, стекающимися на всяк день к народонаселению Боемии, яко к месту отдаленному от мятежей военных; в малые годы доиде оное людонаселение в состоятельство единого знаменитого Королевства. Лех такожде возжелал быти заводчик другаго народа и другаго Королевства, просил своего брата Чеха, да отпустит его отыти со всеми оными, хотящими ему последовати, еже искати иных пребываний во ином месте, обещаваея возвратитися, ежели не обрящут пользы к их обитательству: соизволил ему Чех. И тако Лех со своими последовал чрез горы Северныя. И, дошед во оныя места, которые ныне именуется Шилезия (Шленск) и Польша, наполнил их жителями, употребляя благочиние ко всем и не показуея никогда ниже славолубив, ниже горд. Тожде такожде действовал его брат Чех во своем Королевстве. И, ради вечныя памяти обоих братий, Боемляне ныне нарицаются именем своего заветчика, Чехи; а Поляки от своего, Лехи. Боемия и Польша, обитаемая от оных Славян, от природы вдалися во оружие, и множественны людьми удалыми и поятными какое-нибудь воинствовати злочинство. Война, которую имел Карлус Крассо Император противу Боемов, за приятельство Гуннов; больша была сумнительна и бедственна паче оных, прежде бывших с теми Гуннами и со Французы. Король зело пресловутый Боемский был Оттокаръ Пятый, которой разширил свою державу от моря Балтийского даже до Дуная и до моря Адриатского. И не токмо Боемляне сами были храбровоенные и изрядные сайдачники³, но и жены и девицы оныя страны были такожде природою храброинственны, ибо

¹ Герчинские горы (Гарц) — горный массив в Германии.

² То есть не имеют отношения к городской жизни.

³ Коинные лучники. Слово «сайдак», тюркско-монгольского происхождения, обозначало весь набор их вооружения; употреблялось и как название только лука.

восприявши оные употребление вседати на конь, возбуждати его к скаканию, обрещати его вкруг, герцовати копием, носити колчан и сайдак и метати копейцем, ходити за охотою и не оставяти дела надлежащего к войне, управительнейшаго оных времен. Наипаче же некогда оные жены овладели Королевством, имевше правительницу себе Валашку девицу двора Королевы Либуссы, жены Примислава. Та во образ другия Пантазилен Амазонки, бегая с подругами от содружества людей, изшедши оная от места, господствовала семь лет в Боемии и убила своею рукою во един день пять неприятелей своих. Женщина зело мудра была, досужа и хитра, спешествуема от другия пригожайшие, лукавнейшие и немилосерднейшие, именуемая Сарка, которая, дабы исходатайствовати смерть Стираду, юноше сильнейшему, и паче иных, ко истреблению естества женского мужественному; употребила обман последующий: приказала она себе привязати руки и ноги ко пню дерева и положить на землю при боке¹ рог охотничей и сосуд пития отравного, которое отымало ум, кто его испьет, приказала засести подругам в тайне, в месте, не зело далеко. Но стояла одна многое время. Егда тамо пришел Стирад, забавляясь на охоте, видя Сарку тако привязану, подвижесе к милосердию, соблазнившися и прельстившися о ее красоте, спросил ю о причине того немилосердаго положения. Ответствовала ему Сарка обманчивая, что то действо есть ярости повелительницы ее Валашки, занеже не похотела последовати злочинствию ее к людям, за что та Валашка уже готова была предати ю смерти, но когда услышала его псов лаяние и ржание коней, убежала, дабы паки потом возвратитися, и яко перещла беда пришествием его, и спаслася от конечные ее смерти; Притом просила его благоприятство освободити ю, или розвязанием, или смертью власные его десницы², дабы не впасти паки во оные Валашкины руки немилосердые. Стирад же, разрешив ю, вопрошаше о причине рога и сосуда; оная ответствовала, что питие определено есть ко продолжению ее жизни, да сотворит ей мучение чутельнейшее; а что рог долженствовал положен быти на шею ее, ради знака, что она была за зверьяма охотница. То рекши, испила сама часть от пития, против которого была пред ограждена охранительным лекарством, а остатнее дала Стираду. У него же питие отъяло абие ум, и, вложив рог во уста, рек: «Хочю трубити в него на их уничижение»; от чего возшумел и возгремел воздух и лес. Вышла Валашка со подругами вооруженными, от Западнаго места, поймали и связали злосчастного юношу. И приведши его в замок Великоградской, убили пред присутствием Короля Примислава и при всех людех. И да никто за баснословие почитает, что сие воинствование женского полу в Боемии бысть, понеже обычай древнейший был в Сарматии, яко жены бивалися с мущинами. Чин³ девицам был, еже стреляти из лука, седати на конь и ездити на ловлю. А женам уже потом сей чин, еже бити неприятеля. И егда девицы своего чина не исполняли, казнь им была — мучение погублением девства их, которое мучение вменялося великое во

¹ У (своего) бока.

² «От его собственной десницы».

³ Здесь: установленное, обязательное правило.

онь времена неискусозлобные. Мужество подобномысленное показала в недавних летех Матилда, жена роду Боемского, которая посягла замуж за графа верховного, уезду знаменитого, от которого родила сына с толикою болезнию. Но егда умер младенец, вскоре потом удумала себе не сообщатися впредь с мужем, которой за сие воздвиже оружие на жену; такожде и она прияла себе мощь, еже возпротивитися ему. И, шедше на полевой бой, одолела и взяла в полон Малтида мужа своего и приказала ему отсеци главу; и никогда уже не восприяла мужа, наипаче подарила все свои земли, лежащие от Радикофана, Фортеции Санезе, даже до Цепарона, ныне же нарицаются Отчее наследие Святаго Петра, Церкви Римские.

Храбрости военной Боемлян не уступали ни в чем Поляки, которые многожды разбивали до последнего истребления мужественнейшие войска, водимые от Тамберлана (то есть Темир Аксака) и от Батыя. Разбили пресильное войско Турецкое, которым командовал сам Салтан своею особою, порубили 80 тысяч. Побили такожде войско Московское, победили Господ Ливонских и Померанских, принудив их платити дань погодную; сие бысть при Сигизмунде Короле Польском. Сие Королевство вначале было наполнено народом Славянским, толико храбровоенным и толико жестоким, что от того зело коснело их обращение ко благочестью Христову, понеже Поляки были потоплены во Идолослужении преукорененном. Идоли же их первенственные были Иовит или Ди, Марс или Арис, наречен Леда бог войны и датель побед; Плутон, наимянованный Ниа, податель лутчих Престолов во своем Царстве. Венеру или Афродиту называли Дидилиа, от сея прошали Многоплодия и сладострастия ко изобилию детей. Диане или Артемиде дали имя Зевана или Зевониа; той молилися о воздержании, и о щастливых звероловительствах. Цереру или Димитир нарицали Марцана, от которыя ожидали плодородия поль и древес. Покланялися Ветру, которой протекает по колосам жит и по ветвиам древес, нарицающе его Догода, или Похвист: именем же Догодовым значили Ведро, а Похвистовым именем — нерастворение или ненастие воздуха. Такожде поклонялися Леде, матери Кастановой и Поллуксовой, под именем Лада и Лели, и Полели; древнейшие их песни припевалися в их речах: «Лада Лада», и «Лели и Лели», «Полели Полели».

В Боемии, в день недели четвертая Великого Поста, постановлял народ на телеге болваны Марцанин и Зевонин, которых носили со славою и с пением плачевным. Потом же вметали в эзеро или в реку, на память того дня, сиречь 7 дня Марта месяца, в который день Мечислав учинил явно народный указ, чтобы сокрушати кумиры Идольские.

Боемляне во время своего Короля Боривоа и Королевы Людомилы восприяли Крещение чрез Святоплуга Короля Моравского, в лето 900-е. Но Поляки закоснели во Идолослужении даже до 965-го лета, в неже действием и тщанием Короля их Мечислава пришли во Христианство сицевым образом; понеже Мечислав имел себе, по употреблению обыкновенному оною народа Идолослужительного, семь жен, с которыми аще и много лет совокуплялся, но не можаше раждати сынов, ради

Д Р Е В Н Я Я
РЕЛИГІЯ
С Л А В Я Н Ъ.

Сочиненіе Григорія Глинки,
Профессора Дерптскаго Университета.

Мишава, 1804.

Въ Типографіи у І. Ф. Штефенгагена и Сына.

Титульный лист одной из наиболее известных русских книг о дохристианских верованиях славян, изданной в 1804 г. Григорием Андреевичем Глинкой (1774—1818). В книге широко использованы и те сведения о славянских божествах, которые сообщает Мавро Орбини

наследия себе на Королевство. Увещавали его некоторые Христиане, обретавшиеся во дворе его, еже оставить языческую поганую веру ради восприятия веры Христа, подателя сынов и утешителя общего всех, и притом сопряцися, истинне и законне со единою точию женою Христианкою. Он же послал в Боемию просити себе в жену дщерь Дуки Болеслава, братоубийцы Владиславова, почитаема за Святаго; Болеслав уступил дщерь, обаче за договором, чтобы ему быти Христианином. Мечислав тому соизволил. И в самый той же день лета 965-го восприял в Гнезне Святое Крещение и женился на Домбровке, дщери Болеславлей, и тако он при своей жизни пекся вести и содержать по всему своему Королевству благочестие Христианское, посылая указы по всем градам; дабы во един некий день, на то определенный, сокрушили все идолы и дабы крестилися кииждо. Литвяне, такожде народ Славенской, были зело упрямы во своем Идолослужении, покланяхуся вместо Бога своего первенственного огню, под именем Зничь, и их жерцы соблюдали его непрестанно в некоторых местах, на то отлученных и во градах первенственных. Во своих немощах и болезнях повелевали своим сродником советовати со Священниками о избытии от немощи, они же, предстоя нощию пред огнем священным, поутру давали ответы мечтательные, уверяя их, яко видеша во огни стени немощного.

Воздаваху чести божественные Перуном (Громострелом), имели леса, и некоторые избранные древа освящены их капищам, и не было повольню никому сеци их, аще же по случаю разрушал кто закон, оный преступник без наказания не оставлен был; понеже прогневаные демоны или творяху его пасти мертв¹, или развращена которым-либо удом. Воздаваху некоторую честь божества ехиднам и протчым змиям, из которых каждая порода имела некоторые особливости. Которых кормили попечением свойственным, приносяще ему жертвы от млека и от кур. Вменяли в напасть будущую породе², когда един от оных Идолов свойственный убиен бывал, или восприимал некоторое поражение. На всякий год в 1-й день Октября, по собрании плодов, приносили жертву годовую и всеобщую, к которой стекалися жены и дети, банкетовали по три дни непрестанно от предложенных жертв, принесенных Богом их. Егда возвращахуся с войны, жертвовали огню некоторые добычи, с каким-либо полоненником. Стояху убо Литвяне Славяне в заблуждении Идолослужительства даже до лета 1385-го, в неже Королевство Польское правительствуемо было Годувигию девицую. К ней же послал Ягеллон, Князь Литовский, двух своих братьей, просити именем своим Гедувигу в жену, со обещанием еже прияти тоя благочестие Христианское и соединити вечно Литву к Польше, и потщатися с ним о присоединении паки Померании, Хулмеца и Шлезии, и протчая отчуждившаяся от оного Королевства. Со изволением сих предложений Ягеллон приехал в Краков в лето 1386-е, со всем своим двором, и тамо крестился и наречен бысть Владислав; обручился с Гедувигою и бысть помазан Королем Польским в лето 1387-е. Ради обраше-

¹ «Делали так, что он падал мертвым».

² Роду, семье.

ния Литвы приведе с собою Королеву, сожитиельницу свою, со многими Епископы и другими лицами Церковными и с подаянием одежд суконных, принесенных с собою из Польши всякому восприймавшему Крещение. Народ же убогий и грубый, даже до оногo дне довольствовавыйся одеждами льняными, притекаше от всех стран за еже имети со Крещением одежду суконную. Погасил Король оный священный огонь Идолский, разсыпал их храмы, разорил олтари, побил вся змии, посече и с корене вся лесы и дрeвеса посвященные и изчистил Идолослужительство от оногo места Литовского. В лето 1413-е поиде Владислав с войском противу людей своих, подданных Самогации, и одолев их, сожже капище их огня священногo емуже поклоняхуся, посече рощи священные из корене, обязал их восприяти веру Христову и восставил прекрасную церковь в медницах. Обгорияне, подданные Литовские, поклонялися Идолу, нарицаемому Золотая Баба, которыи поставлен далеко при реке Обиго, держащ во объятях младенчика, егоже сказоваху быти ее внучку, окружен многими различными инструментами наподобие труб, яже творяху велик шум; егда же кто-либо, хотев получитьи какую-либо вещь, жрец совета прошаше от Идола, от негоже приемляше истинные и известные ответствования о том, еже должно бы творити. Никто не смеяше пройти мимо близ того Идола без принесения какой-либо вещи, егда же ничесого иного имеяше, изторгши один влас из одежды и принося той, кланяхуся до земли, и сие Идолу довольно было.

О народе Славянском, нареченном Венеты, или Венеды

Имя Славянское не иным чем разнствует от Вандал, разве точию именем, понеже бо сей, и оный народ¹ имеют едино тожде началобытие из Сармации. Венеды имеют часть от народа Славянского, изшедшаго из Сармации во время Мартиниана Императора. Люди Венеды прошли своими розъездами вся лесы и горы, сущие между Февцынов и Финнов. Начали Славяне наполняти весь кряж страны, лежащие в длину между рек Албии и Дона, в широту же между моря Коданского и Адриатского, потом проидоша даже до последних предел Океана Западнаго. Во время Маврикия Царя Греки его войска поймали трех человек Славян, не имущих никоего оружия с собою, но имеху кийждо Арфу в руке. Вопросил их Маврикий: откуда идяху и где их есть обитание. Ответствовали, яко есть люди Славяне, живущии при Океане Западном. Понеже Хаган, Царь Аваров, посылал послы и дары князем их народа, прося помощи противу Греков, и что они паки посланы от их Тессархии, еже дати знати Хагану невозможность послати таковую помощь, ради расстояния зело далекого стран, и пребывают в пути из домов 18 месяцев. А еже носят арфы, понеже никто из их стран носящ оружия, ниже знающ, что есть оружие. Дивяся Царь возрасту их и величеству тела, послал их во Ираклию. Сии Слявяне наименовались при

¹ «И тот и другой народы».

мори Венедиком, прежде нареченном Кодан, вначале преехавши реку Вислу, и, пришедше даже до оные Албии, наскочили на жителей Шведов, Лонгобардов, Ругов и Швитонов при мори Коданском, иже, одолени бывше от Славян, отыдоша ко брегом Дунайским, оставивше всю страну во власть реченных Славян. Сие же случися в лето от Христа 500-е, после Богом определенных преселений народных. Понеже Славяне овладели всем кряжем страны, в нейже расширилися дондеже от Гендрика Авкупа и Оттона великого Императора, первое при реке Албии и Гавелы одержаны; потом же, по шестисот летех по их обхождению во оные страны, непрестанными войнами Гендрик Леон часть их побил и часть розогнал и покорил, в которое время со благочестием христианским ввели на их места сведенцов Немцов, оставшымся немногим останком от предреченных Славян при береге Албии в Лузаци и инде.

Имяна разные Славян Венедов

Аще Славяне в начале, как заняли места моря Балтийского, именовалися единым именем Славянским, однакоже разделилися потом в разные имена, понеже едини нареклися Помераняне, имя пресловутое¹ во древности, значит жителей при мори. Померия языком Славянским сказуется Приморисия. Померания прежде пришествия Христова имела пространнейшыя границы, неже нынешние, и жительствова-ли в ней, во оное время Померане, и Кассубиане.

Вилчи и Лютицы, или Люзициане, были четыре народа последующие, тако наречены ради великия их силы. Толонцы и Редары вменялися за един той же народ. Видится, что тако сии наречены от города Ретра, а другие — от реки Толенса, близ которыя имели своя населения. Редары обитали в рубежах Стетинезов, между рек Пана и Одра. Цирципанны произвели имя свое от реки Пана, их жительство было близ Грибсвалдии, Волгаста и Сондия. Кизины жили близ города Гуцеговия, и сему оставили свое имя. Ругяне или Рагии, названные от острова Ругии, якоже Чехи Боемские — от Боемии. Варнавы тако наименованы от Варнавы реки во уезде Ростовом; Обостриты притяжали земли Мелгалбургезов. Полябы мнится, что приняли то имя от равнины места². Город их начальный был Рацебург, перво славен ради Графства сего имене, потом же — ради Епископства: Вагиры жили близ Аделзбурха — города, некогда славного ради Епископства, которое потом пренесено в Любеку. Лингоне и Лины суть тогожде народа, уезда ныне нареченного Луне и Лунебурх. Имяна особливая людей Славянских, живших в Славии Восточной, между реки Албии и Вядра, ныне именуемой Марка Брандебургезска, суть последующая: Вилины, Стодераны, Бризаны, Верлы или Эрулы, со многими иными именованными от Гелмода, Верлы или Эрулы, жили близ реки Гавелы, дали имя свое городу Верл, в границах Обостритов, вся страна названа Верлия, ныне же Княжество Мехлабуржское, в котором в прошедших временах были некоторые грады зело славны

¹ В значении «широко известное».

² То есть от слова «поле».

«Славянин Германского моря» («Slavo del Mare Germanico», иллюстрация из итальянского оригинала книги Орбини). Имеется в виду Балтика. Сам Орбини в тексте называет это море «Венецицким», то есть Славянским. В его время балтийские славяне были уже по большей части германизированы

ради торгов всех людей Северных, и между которыми оные: Винава, Юлин и Верлия. Аритберт господствовал над Верлами-Славянами и Ругянами моря Балтийского. Во времена Карла, Великого Императора, Швенон, Король Швеции и Готфский, взял за себе в жену своячину Аритбертову. Мистивой первый бысть, иже восприял в старости своей веру Христову, действием жены своея Маргариты, дочери Гендрика Авкупа Императора. Скончалася порода Аритбертова в сынех Гендриковых, в сыне Годоскалковом. Канут, сын Гендрика Короля Датского, егда извелася порода Князей Верлских¹, был утвержден на оное Государство Верлское и Мехлабуржское, от Лотария Цесаря, в лето от Христа 1130-е. Сии люди всегда были вольные и никогда не подданны Римляном; были первенственные между оных Готфов, которые возмущили войнами Рим, Италию, Францию, Гишпанию, Африку, Европу и Ассию. Карлус Великий, биющися со Саксоны, не озлобил Эрулов². Левбузы же наименовались от Левбузия града, знатного ради епископства; Вилины и Стодераны (по мнению некоторых писателей нынешних) имели свое жительство при Берлине и Брандembурге. Бризаны жили во уезде Гавенбуржском; город их, Бричен, содержит и ныне имя Бризанов. Предеценты, Сорабы, Фимасты, Голсацы, Штермариане и Нордалтинги, вси Славяне, жительствоваши при Мори Венедицком; были страшны не токмо ближним, но и зело дальним; докучали оружием зело Королевству Датскому, не ради уже вольности земли острова, но за Корону и Королевство. Озлобили такожде Саксонию (Британию), Турингию, Францию, Германию, Аквитанию, Британию, Гумбрию³, Саландию⁴ и Галандию, начали мятежствовати и Германию Нижнюю и ожесточатися на своих неприятелей, в лето 480-е. Того ради Аларик, Король Шведский, не могуши терпети их доук жестоких, поиде со всеми своими силами до стран западных, оставив Шлезию, Лузацию и иные страны, ближние к Северу и к Востоку, оседся близ Дуная, Рена, Негра, и Алемана рек. Король Славянской Чех, и Лех, потом заняли те места, оставленные от Шведов и Бойев, якоже выше сказано. Сии Славяне Сорабы, перешедши в Турингию, остановилися в Меровезбурхе. Вне того города построили в лесу, нареченном Гирсбрулис, Тунехдорф, Тугебратестет, Невухенрон, Гогдорф, и многие иные места. Был обычай у сего народа, егда умрет муж, жена ввергала себе в костер огненный, в котором жжено было тело мужнее. Разбили в лето 550-е, близ города Лухты в Саксонии, Князя Саксонского с войском, с пятьюдесять тремя тысящами. Збили другое войско, совокупленное из Саксонов и Датчан, близ Лаупена, со смертью Короля Датского и с бежанием Князя Саксонского. Понеже предреченные Славяне Сорабы (имиже тогда правительствовал Звездодраго, капитан славный), одержаны и утеснены под команду Билослава начальника их, от многочисленного воиска Французского, правительствуемого Адол-

¹ Славянских князей. Эти сведения сохранены мекленбургской генеалогической традицией.

² Не дерзнул напасть на герулов.

³ Кимбрия, историческое название Ютландии.

⁴ Зеландия.

фом, Генералом Короля Гилдиберта Французского, биющися яко отчаянные, быша победителями, однакож со смертью Билославою. Но его брат Дерван отмстил тую смерть разбитием воиска, правительствуемого Адолфом же Генералом и самим Королем Дагобертом, наследником Гилдибертовым. Последи сея победы развоевали Турингию и Саксонию, опустошающе оные страны. Сии Славяне-Сорабы суть часть от оных древняя страны Триваллов Мизии Верхняя, которые, пришедше от Севера, заняли великую часть Далмации, древнее же жительство Сорабов было (якоже Плиний сказует) окрест моря Меотиса, отнюдуже отъидоша часть к Дунаю и к Мизии Верхней, часть путешествоваше чрез Сармацию, в Лузацию. Идеже, рассеявшися по местам ближним, остановилися при реке Сале и Албии; сущии же Мизии Верхние, нареклися сами собою Сарбли или Сербли, от соседов же своих наречены Сирбы, или Сирвиане, даша они имена градом Сербеко и Сербесто. Уезд их протязашеся от Самандрии города, лежащего при Дунае, даже до Нищевы. Места статнейшие Сербии: Стоинныбиоград, стольный град тоя украинны¹; Пристен, где родился Иустиниан Царь; Новомонт, город непоборимый, и Монтенегр, где есть пребогатое копание руд золотых и сребра.

Сорабы-Славяне Лузацкие² имели многие войны с Карлом Великим, разбили на многих боях его войско, из которых на едином погибли тридцать две тысячи Французов³. Они же, соединившися с Велетабами или Вилчами, с другим народом Славянским, разгоняли часто полки Карловы. Но Карл послал, наконец, сына своего Карла со всеми своими силами противу тех Славян, над которыми он, наконец, явился победитель со смертью Миледоха, Государя их и правителя. Того ради, учинив мир с Карлом в лето 804-е, обратилися противу Королевства Датского, возвестивше войну Королю Годафриду, которой, получив помощь от Вилчов-Славян, вступил во страну Абродитов-Славян, завоевал несколько крепостей, прогнал Драшку, их Князя, убил Догеламба, другаго их Князя, не без погубления великого своих людей, долженствующи причитати здравие свое, и останков своего войска, мужеству Вилчов-Славян, которые за древние вражды, со Абродитами бывшие, соединилися своевольно Датчанину. Драшка учинил отмщение им, завоевав великой град Змелдинг, но немногу потом времени минувши, Драшка прилучися на ярмонке Рерицкой, бысть убиен предательством людей Годафридовых. Абродитяне по смерти Драшковой осадили и завоевали, и опустошили крепость Гогбохов, стоявшую при реке Албии, разбили войско Сирарда, Короля Датского, близ Финнии, и, разбив его такожде в Юции, из которой прогнав, овладели ею. На другом бою взяли в полон сына его Сирардова Ярмерика, с двумя его сестрами. Едину из них продали Королю Норвежскому, другую же отдали Германом⁴, с которыми по смерти Карла Великого учинили многие войны, и на трех баталиях главных (едина была близ Горингена

¹ Того края, страны.

² Лужицкие сорбы.

³ Имеются в виду франки (как и в других упоминаниях «французов» этой эпохи).

⁴ Германцам (здесь дательный падеж множественного числа).

в Турингии, другая — при Родовике в Саксонии, а третья — между реки Фуллы и Висурга) Цесарцы потеряли больши 50000 людей, с малым уроном Славян. Едина часть от них, живущих при мори Балтийском, сильным флотом напали на королевство Аглинское, правительствуемое Гешпером Королем, которой, наконец, бысть победитель, взяв в плен Ратша или Рашта, Короля Славенского, егоже Герешпер повелел ослепити. Оставши убо Славяне, возвратившись во своя дома и устроивши свои войска, опустошили Фионнию — остров начальный на мори Балтийском. Имели многие войны со Арригом Саксонским первым Князем в Германии. Билися со Гендриком Цесарем в лето 934-е, воинствовали на Оттона Перваго Цесаря в лето 957-е, которого разбили в Турингии тако, что едва возмог избыти бегом. Возбуждены от Италиян, подвигли войну на Оттона Второго, и во двух сражениях тако их одолел, что, наконец, отходом отошли восвояси. Последи, учинив мир с Цесарем, помогали ему многократно противу его врагов и, между иных, на Вихиманна, мятежника застарелого Оттонова, егоже убил Мизаха Князь Славянской и друг Оттонов. Умершу же Оттону, имели лютейшыя войны со Оттоном Третьим в лето 989-е. На последнем бою, аще и пало Славян великое число, обаче Цесарь zde потерял цвет своего войска, и никогда было ему возможно покорити себе весьма сей народ, которой паче почитал вольность природную, нежели вещи дражайшыя; изволяли лутче смерть, нежели служить Цесарю, или иным. Притом же, совершаючи своя стужения противу державства, дали едино поражение досадное Корраду Второму Цесарю, в лето 1029-е. Такожде подобное принесли в лето 1055-е, Цесарю Фридериду, и прославились во всей Европе. С Горалд Король Датской и Норвежской, взяв в товарищи своих злочинений Дука и Дала, Князей Славенских с их людьми (которых мужеством под иго взял Аквитанию), и, прошедши в Британнию, убил Короля Гумбрского. Потом, учинивши флот карабельный сильнейший, напали Славяне едини на страны восточные Зееландии, где имели жестокие войны с Королем Росхилдийским и взяли многие корысти. Учинивше главныи другий флот 1500 караблей (сиречь лодок), напали на Галандию, идеже пришла на них буря ношная, от которой большая часть погибла в мори. Останки же, возвратившись в дома, собрали новых людей и сразилися со Швенном, Королем Датским, которого разбив, взяли в полон Славяне, которые ради своих непрестанных войн, не радели о науках¹, лишились Историописателей верных, иже бы издали на свет бои их древния. Аще же и ту и инде, но и то вне намерения было о них написано какое-либо дело от списателей действ противных, и то учинено с толикою особливостью о своих токмо, понеже не издали на свет, разве оное, чесого невозможно было им отрещися, по

¹ Этот образ славян как отважных воителей, совершенно не заботившихся ни о чем ином, при всей его эпичности, следует все же признать несколько искусственным стереотипом. Он имеет определенные исторические основания, но применительно к конкретному периоду Средних веков, когда многие славянские народы (прежде всего балтийские), носители дохристианской культуры Древней Европы, находились в жестком противостоянии с новыми государственными образованиями, возникавшими на континенте.

причине действ не слыханных никогда, но очевидно видимых. Такжеже другое дело, которое зело затмило мужество и силу Славянскую, было их свое несогласие и их междоусобные рати, которых ради превозмогли неприятели одолевати их. Ниже обрящется когда, чтобы от какова Короля, или от Цесаря преодолен был весь род Славянской купно моря Венедицкого, который разделился на многие народы сильнейшие под князьями и началами разными, но точию едина часть из них¹. Аще же бы соединени были вкупе между собою, были бы довольны противустояти не токмо Королю Франшужскому, или Цесарю, но противу многих были купно соединены, и редки суть образцы, чтоб которой Король или Цесарь, ратовав против Славян, не имел бы в самое то время иных Славян в помощь свою, да победит оных тогожде рода, который на него найдет. И сия истина учинилася не бессвидетельствованна единым токмо образом Ругянов, толико сильных в роде Славянском, которых Королевство никогда не упало, разве токмо когда возымели за неприятелей оных от своего рода.

О Славянех-Ругянех

Сии были сильнейшие и велевластнейшие между всех Славян, жительствоваши при мори Венедицком, или наипаче посреде тех вод, имеюще своего Короля свойственного и преславный храм. Того ради причитали себе и первенство во всем оном роде Славянском предреченного моря. К тому же обдержажу остров Ругийски, седьмь миль немецких длиною, такжеже равен и шириною; земля так плодovitа, что и ныне есть житница Седунезов или Шведов, якоже и Сицилия Римляном. Город стольный их Королевственный Ругянов нарицался Архоне, стоящ на зело высоком мысу острова того. От Востока и от Полудни² окружен морем. Стенами толико высок, что едва стрелою из лука достигало до верхности их. Но уже того града не видится ниже след. А от Запада был великой и крепкой роскат³, которой его защищал. Некоторые писатели полагали Архон на ином острове, нареченном Витора, отстоящем от Ругии шириною с едину реку; разорен от Гаралда Короля Готфского, и от Гемминга Короля Датского. Абрам Ортелий пишет, что где был Архон, древле был(а) Венета — город Славенской, зело превеличайш сущих во Европе, и преславен к торгу от всех народов. Сей град Венета принимал вся протчья народы. Однако же, егда тамо пребывали, не было попущено им жити по благочестью христианскому, егоже ради затвердел всегда в поганстве, даже до своего рассыпания. Но не обретется народ, учтивейший во обретенных обычаев и странноприемнейший, и благостен паче сих Славян, граждан Венецких. Который град Венету Гелмалд поставил между устия Одеры и города Камены, где видятся еще его следы, по мнению

¹ То есть ни один король или император не одолел бы всех славян Балтийского региона, будь они «купно» соединены.

² С востока и с юга.

³ Крепостной вал.

Каспар Давид Фридрих. Вид на Аркону при восходе Луны (Blick auf Arkona mit aufgehendem Mond) (Сепия). Великий немецкий художник-романтик Каспар Давид Фридрих (Caspar David Friedrich; 1774—1840) с глубоким почтением относился к славянским древностям острова Рюген и неоднократно изображал в своих работах размытый морем мыс, где стоял священный город Аркона — последний оплот рюгенских славян

предреченного писателя; и не от иного чего учинилося его разорение, разве от несогласия их междуусобного. Который град Король Датской, собрав пресильное войско и наступив на него, взял и опустошил и разорил до основания. Но живущии Ругяне во острове Ругийском в лето от Христа 809-е, учинив флот 830 караблей, напали на Королевство Датское с Фризию Восточною, взяли и сожгли города Алтенбург и Нежин, в которых взяли бесчисленную добычу. О чем прогневавшись, Карл Великий подвиг свои войска, в лето 810-е, и на двух боях кровавейших, одолев их, покорил под иго Христово, наложив на них дань, и приказал им имети в пощении особливом церковь святого Виты, которого во оные времена оные люди по премногу почитали. Платили усердно Ругяне дань Карлу при его жизни, а после его смерти оставили дань купно с благочестием Христианским и построили храм во Архоне. В которой принесли болван¹ Святовита (которого они называли Святовичь) и толико мужие, елико и жены на всякой год приносили в сей храм дань, по единому пенязю с головы, и, тако впадше в грубонечестие, поклонялися сему идолу Святовиту, которой был учинен деревянный, возраста² гигантского, о четырех лицах, подобием фонаря, дабы от всякия страны храма виделося лицо идолово. Еще же он же был без бороды с кудрями, со всякой стороны вырезанными, по употреблению власов Славян Ругянских; во одежде долгой, даже до ног, держащ в правой руке рог из металла. Который рог наполнял вином поп³ един бородатый, со многими церемониями и торжества, и оставлял его наполнен до утра: ежели убудет, или не убудет, гадатайствовали, последование изобилию, или недороду последующего года. Сей же болван левою рукою подперся, на бедре в стороне виделася узда и седло коня его с мечем, зело великим и украшенным. Стоял тот идол между четырех сводов капищ⁴, стоящие среди храма, завешен от всех стран завесами красными, зело богатыми и украшенными. Един только поп в капищу, в день един, точию предъидущий празднику, входил, удержавая дыхание. И когда хотел отдохнути, бежав ко дверем, выставлял главу свою наружу, дабы идол не осквернился дыханием смертным. Был един конь белой посвящен идолу, у которого из хвоста, или из гривы не поволено было выдернути власов, ниже кто мог садитися на него, oprичь единого токмо попа. Верил ослепленный той народ, что идол ездил на нем всякократно, егда он хотел разоряти их неприятелей. А ко уверению истины сея веры предлагали, что, егда оставляли его с вечера во обыкновенной его конюшне, добре чищена и привязана, обретали его часто в конюшне наутрие вспотелаго и огрязненного, яко бы ездил в большие пути нощию. От путешествия того коня провещевали добрый (или) злый случай своих ратей, и ради того окончания втыкали стоима шесть копей в землю перед храмом, парами едино против другога, равно расстоящие между собою, и ко всякой паре привязывали иное копие поперег, толико высоко от земли,

¹ Изваяние.

² В значении «роста, размера».

³ Жрец, служитель Святовита.

⁴ Часовни.

что коню возможно и без прыгания было поперх пройти. Потом в день, уставленный сему действованию, поп, по долгих и торжественных молитвах, взяв с церемониями великими коня за узду, вождаше его чрез три поперечные оные копия. И ежели переступал вся три ногою правою, без всякия помешки правая с левою, в некоторых предреченных чинах известны бываху о победе, и тако во пример противного. Идолу же давали третью часть от добычей и от всех корыстей учиненных, и, кроме того, ему же было в его почтение особливое 300 коней и 300 человек с его страны, которые за него ходили на войну, которых всю добычу вручали, верно, попу, который все полагал в сокровище церковное, откуда никогда не было повольно выняти ни малешую част. На всякой год, по собрании доходов, жертвовали многие скоты сему идолу, и тогда же некоторых христиан, взятых на войне, которых кровию подтверждал поп, что зело оный услаждался. После той жертвы приносили круглый пирог великий, зделанный из муста, величеством вместителен содержати единого человека, в которой вшедши, поп вопрошал у людей высоким голосом, ежели могут его видети, и все отвещавали «ни»; обращая молити идола, дабы в приидущий год хотя мало его могли видети. Само Король Датский, между иных чужестранных, послал сему идолу едину чарку златую в дар, за что восприял почесть; понеже в кратком времени умер смертью нужною¹ и лютою, что весьма не помог ему Святовит.

Затвердели Ругяне в заблуждении грубиянства на 350 лет, дондеже Валдемар, Король Датской, с сильным флотом, соединяс с Казимеровыми и Богославовыми (воинами) Князей Померанских и Прибиславовыми (воинами) Государя Обостритов-Славян, вшедши в Ругию, победил сих людей свирепых и, возложя осил болвану Святовиту на шею, приказал разволочити по всему войску в присутствии Славян и потом рассеци на части и сжеч всенародно. Разсыпал храм до основания, со всяким служением побрал сокровищ, и учинил указ, дабы все оставили идолослужение, и восприяли служение истинного Бога; повелел построити 12 церквей своим особливым иждивением, и тако весь остров учинил Христианами.

Яромар, Государь Ругянский, утвердил оным людям образом и частыми поученьми своими веру Христову, в сердцах шатающихся онога народа грубого и престокого паче всякого зверя, который был зело упрям во обращении паче всех протчих народов Славянских моря Венедицкого, или Балтийского. Предреченное же забобонство Святовитово, у Ругянов имеющее силу, стояло многое время в сердцах у Боемлян², дондеже Блаженный Вичеслав, Князь Боемский, дал им Мощи Святаго Виты, ради народного их почитания; обаче же не возмог истребити весьма память идола Святовита. Понеже еще и ныне Боемляне не сохраняют поздравления частейшаго и всенароднейшаго, разве под провещеванием имене «Вито», приемлюще приятелей, приезжающих издалека, с сими речьми: «Витей Витей», показующе срадоватися о их здравии, соблюденном дарованием Святовита. В протчем же

¹ Насильственной.

² У богемцев, чехов.

имели в политике человеческой изрядные законы и похвальные обыкности. Понеже убо великое попечение имели, дабы дети почитали родителей и слушались, и не обретался у них никто убог или проситель, зане же егда кто занемощствует, или остарееет, абие вручается в попечение наследником, дабы ими человеколюбезно управляем был и питаем. Были зело угодны и усердны, и веледушны в странно-примстве. Странноприезжей не требовал искати постоянного двора, понеже уже многие встречают и многие наперехват просят его, чтоб прияти изволил их угощение. И все, что приобретаеи паханием поль, в рыболовлении или в звериной ловли, харчили гостем и к подаянию тщались возможностью величайшею. Тии, кто был тороватейш, да не реку роскошен в сих вещех, творили и морские разбои нощию на мори, чтобы поутру разделить грабеж странником. А ежели за случай обрящется кто, что откажет постой страннику; было позволено всякому за то сожещи его дом со всем его веществом. Божба у них была возбранена между ими, понеже мнели, что присяга есть и кривоприсяга тоежде, во гнев мстительный от Богов. Но которые были пойманы в каком погрешении непорядочном, тех распинали, утверждающе, что Крест не должен служить к чему иному, разве к казни злодеев. От сего начася гнушание толико Крестом, от чего мнози человецы Святии и Князи Христиане, до поту трудились обратити их в веру Христову. Аще же и принуждены были усильством великим восприяти тую, однакоже часто возвращались во идолослужение.

Юлийские в Померании, аки уже последние остались восприяти веру Христову, в лето 1220-е. Магистр чина Тевтонского¹ вооружился на Славян-Пруссов² и, одолев их тогда, первое ввел веру христианскую на языке Немецком, от чего погас аки весьма язык Славян Прусских.

О Славянех Российских, или Москвитянех

Славяне Россиитии суть ныне от иноземцов обще зовомы Москвитяне. Сии остались во своих жилищах, егда протчие их товарищи и единосвоясные вышли и пошли, инии к морю Германскому, а инии — к Дунаю, якоже сказано в начале сего книги. Древнии называли их Роксоланами, и Тоссоланы, Трусоланы, Рушналы, Россияне и Рутени; ныне же названы Россиане, сиречь «рассеяны», понеже Россия языком Русским, или Славянским знаменует «рассеяние». Наречены тако причиною немалою; понеже люди Славяне овладели всю Сармацию Европскую и часть Азии; егда сначала вышли из Скандии. Преселенцы Славянские рассеялися и расточилися от Океана Мерзлаго³ даже до моря Медитерранского и заливы Адриатские, и от моря Большаго, даже до Океана Балтийского. Наипаче после того рассеяния первоначального Россияне-Славяне имянно послали своих преселенцов во Фландрию, где за тое, люди от них основаны, названы суть Рутенами; что и Греки дали

¹ Тевтонского ордена.

² Здесь со славянами вновь отождествляются балты, в данном случае пруссы, чей язык был утрачен в процессе германизации.

³ Ледовитого.

ния Славяном «спорос» [семья] сиречь народ рассеянный. Славяне Руси жили всегда внутри Сармации Европской, где обретаются и ныне, разширивше же много свое державство прогнанием всех протчих народов ближних, или принуждением жити по их обычаю, подобне яко Царство Российское протяжается уже от Дона реки, от моря Меотийского с востока; от Литвы же до рек Певце и Полмы; от Севера, от Ливонии Пруски и Польци с запада; от реки Тира или Днестра и гор Сарматских с полудни, в котором разширении объемлется Югария или Югра правинция, отечество Гуннов. Из которья изшедше, заняли Польшу и под вождением Аттиловым повоевали многие правинции Европские, того ради не тцая слава о Россианех, что их подданные в прешедших временах покорили себе прекраснейшие страны Европские. Егда бо сии Россиане жили в Сармации, всегда показывалися люди естественновоеенные, и всегда неукротимы. Во время, егда Помпей Великий воевал противу Мифридата Царя Понтскаго, Россиане приведени от Тасоваза или Тазия, Государя их, развращение великое учинили противу реченного Царя Понтскаго, в споспешение своего союза с Римским державством. Оружие же у них было: сабля, лук, копие, пансырь и щит из кожи воловой; которое непрестанно употребляли, не токмо противу соседев, но и противу протчих людей, дальнейших и славнейших. Во время Виспесиана Цесаря, преехавше Дунай и порубив два полка салдат Римских, вошли внутрь в Мизию и тамо убили Агриппа бурмистра и президента и от того времени обжилися в Мизии Иллирической, от нихже названа Рашце¹. Были в товарищех во всех походах воинских с Готфами, которые разорили Европу и иные страны; стужали многожды державству Греческому; при Льве Лакапене Царе Константинопольском: Подняли флот корабельный о пятнадцати тысящах судов Моноксилон² в море большем и, вооруживше той множеством полков с превеликим числом, обыдоша град Константинополь, тожде паки учинили при державе Константина Мономаха. В сих двуж походах побили многих Греков и возвратилися в дома со многими добычами богатейшими. В лето же от создания мира 6886 (по счислению их же, Россиан) Великий Князь Российский Димитрий победил на баталии полевой Великого Хана Татарского Мамаю и по трех летех по том паки сошелся ратоватися с предреченным Ханом, дондеже его разбил и истребил, что земля на тринадесять миль расстоянием покрылася мертвыми в том сражении. Кто желает знати все дела преславные народа Россииского, найдет тыя собраны в книгах Иеремия Рускаго, Сигизмунда Герберштейна, и Францишка Бизия Бергамского и Краковыты, который описал испытно две Сармации. Россиане же, суще погаными³, имели за Идолов Перуна (то есть громовое стреляние), Стриба, Корша, и Мокоша. О обращении же

¹ Рашция (Rascia, Raška, Рашка) — историческая область на юго-западе Центральной Сербии. Название происходит от имени города Рас (Ras, Стари Рас, Arsa в латинских источниках) — средневековой столицы этого края. Развалины города, сыгравшего важную роль в истории Сербии, признаны памятником культуры мирового значения, включенным в каталог ЮНЕСКО.

² Греч. «однодеревка», то есть челн, вытесанный из одного большого ствола.

³ «Когда были язычниками».

их во благочестие Христианское разная суть мнения. Летописи Российские хвалятся, что Россию благословил, и веру восприяла от Святаго Апостола Андрея, который, якоже глаголют, пришел из Греции на устье Днепрское и, всплыв вверх той реки, даже до места, идеже ныне обретается построен Киев, тамо благословил имя Российское. Крестив люди, водрузил Крест свой, проповедуя и предлагая, что во оном месте умножатся многочисленно Церкви Христианские, благодатью Божиею. Оттуда отшед, доиде до источника Днепрского в великое озеро Волох, и по реке Лорвате сниде во озеро Ильмень. Оттуда, шествуя водою реки Волхова, прииде в Нов град и оттуду тою же рекою в озеро Ладожское и, рекою Невою плавающ до моря, нареченного Рассианами Варяжское, то есть Германское, между Виландии и Ливонии, доиде, наконец, в Рим. Такжеже верят Россиане, что еще обращены они же в веру от Святаго Апостола Фаддея; того ради почитают его паче иных Святых небесных. Некоторые Греки отрицают сие хвалившееся¹ обращение древнее Россиан, буди тако, якоже кто хошет.

Истина не бессвидетельствованная приводит самую вещь, что Россиане были потоплены в злочестии во время Василиа Македонянина Царя, егда он послал Россианом Феофила Епископа, чрез негоже восприяли Христианство, когда предреченный Епископ положил, по упрошению их, во огонь Книгу Евангелие, которое пребысть невредимо. Летописи Российские приводят, что Олга Царица или Княгиня Российская ввела благочестие Христианское в тое Государство, виною дела последующего.

Игорь, Князь Россииский, взяв в жену предреченную Олгу, из Пскова, вниде с воинством сильнейшим во Грецию даже до Иераклии и Никомидии, идеже бысть побежден сражением славным, возвратившись в дом со остатными от того побития, убиен бысть на пути от Малдитта, Князя Славян-Древлян в месте, нарицаемом Корест, идеже и погребен труп Игорев, которого сын Вратислав, еще сый младенец, не доволен бысть² правити Царство Российское. Олга восприявши правление всецелое, к нейже Древляне послали двадесять послов, еже просити ю в жену Малдитту, их Князю. Олга же приказала их засыпати землею живых, и, прежде нежели ведомость разгласилася, отправила своих послов к Древляню, дабы послали более послов и благородия высочайшаго и благороднейшаго, во знак, яко истинно желают ю в жену Малдитту. Древляне же послали ей других послов, числом пятьдесят, знатнейших из их народа. Дошедшым же им к Олге, заперли их всех в баню и сожгли живых, и абие послала иных послов своих ко Древляню, объявити им свой приход и приготовить, по их обыкности, меду и вся вещи, потребные к торжествованию памяти умершаго ее мужа. Потом, пришедши она со всеми своими людьми, добре вооруженными, в Древлянию, нарядилася в печальное платие и праздновала всякою славою возможною предреченные поминки. И потом в банкете том (якоже творится обыкло такое дело) упоила допьяна Древлян, из которых повелела

¹ Прославленное.

² «Еще будучи младенцем, был не в состоянии...»

порубити три тысячи. Потом же, возвратившись в Киев, устроила войско свое чином и приведе его противу Древлян, которых разбивши и развоеавши, и запершихся во своем начальном граде, Олга, осадивши их, весь год под градом стояла неотступно. Не могуши же принудити их здатися, обещала им оставити осаду, за договором, чтобы граждане со всякого дому (в) место дани дали ей по три голубя и по три воробья. Что егда послали ей и дали реченные граждане, приказала тотчас под крыле реченных голубей и воробьев некакие огни Артифициальные¹ привязать (и) пустить на волю; прилетевшим же им каждому к своему жительство, абие на многих местах зажгли дома во граде. Граждене же, не могуще противустояти пламеню, вышли вси вон из града и впади во власть Олги, ихже часть порубила, а часть взяла в полон. И, тако побрав вся земли Древлянские и учинивши тое жертвозаклание во отмщение смерти Игоревой, возвратилася в Киев.

Вскоре потом пришла в Константинополь, во время Иоанна Цимисхия Царя, и тамо с крещением восприяла себе имя Елена; возвратившись же в Россию обогащена дарами учиненными от Царя, правила Государство свое великим смыслом и обратила их к вере христианской с радостью всего света. По смерти же ее, правил Государство сын ее Святослав, который последовал стопам матере своея в богобоязньстве и благочестии. Сему наследник бысть сын его природный Владимир, который не шествовал по отцевым стезям, ввел паки в Киев Идолослужение и болванопочтение, ихже имяна: Перун с главою сребряною, Услад, Корса, Дазва, Стриба, Зимцерла, Махош; и Кумиры учинены деревянные. Он же убил двух своих братьей: Ярополка и Олегу, и учинился Самодержцем Всея России. Сей Владимир восприял послов разных народов, да предложат ему каждый восприятие их веры особливья. Между толикими разностию недоумеаяся во избрании, послал известных послов своих в места рассмотреть веры и обычаи коегождо народа очевидно. Наконец предпочетши паче всех протчих Христианскую, законоположения Греческаго и, намерився восприятию, послал послы в Константинополь к Царем Василию и Константину просити в жену Анну сестру Цареву и предложити в таком случаи свое обращение к вере со отданием Корсуня, и все, что он имел от Государства Греческаго. По внегда же соизволено ему в сем, исполнилися договоры, предреченные в Корсуне, идеже и крестился, и наречен бысть Василий. Потом поставил в Киеве Митрополита, Архиепископа в Новьград и Епископы в иные грады, посвящены вси от Патриарха Константинопольского. Того ради от оногo времени сохранили Россиане без отвержения законоположение греческое. Един писатель, нареченный Ламберт, который написал «Историю Германскую», прежде шестисот лет, глаголет, что в лето 960-е пришли послы народа Российского ко Отгону Цесарю просити, да пошлет им какова-либо Епископа, который бы своим учением и проповедию насадил благочестие Христианское между ими, и что от реченного Цесаря был послан Адалберт, который от их гонительств едва убежал из рук их. Мнения же и возвещения оногo

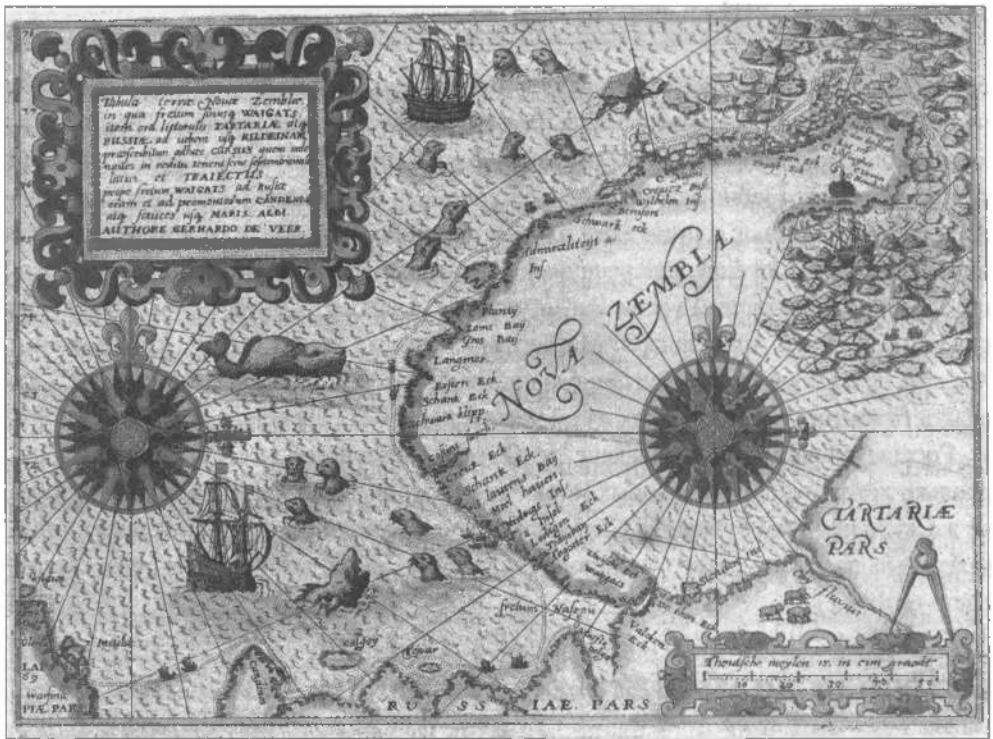
¹ Искусственные, рукотворные.

писателя суть ли истина (якоже вещь небезсвидетельственно, еще же и истинно, что во оное время Россия восприяла начертание букв от изобретения Кирилла Архиепископа, законоположения Римского, Апостола Славян-Моравлян, и учителя Адалбертова), потребно заключити, что проповеди и послание реченного Епископа Адалберта имели мал; или ни един плод, или яко Россия обратилася паки скоро во идолослужение; или еще, аще реченный писатель погрешил, потребно верити, что он ослеп в равногласии Руссии Ругян, понеже Адалберт был истинно Апостолом реченные Ругии и Архиепископ Магдебургу. Еще же может быти, что реченный Алберт, возвратившись из Руссии без события, утвердился потом в Ругии: от чего разность мнений писательских в сем члене пребывает разрешена и успокоена.

Россиане Биармские, плавающе по Океану Северному уже суть двести и несколько лет тому, обрели во оных морях един остров, не знаемый прежде того, обаче же жительствуем от народа Славянского; подлежащ и осужден на непрестанные мразы и льды. Называли его Филоподиа, или Нова Земля; величеством превосходит Кипр-остров.

Начало знаменательства Имене Славянского

Сие имя: Слави, или Славяне, — не вельми древнее. Все писатели новейшии согласуются, что Прокопий Цесарийский (который описал прежде лет войну Иустиниана Царя с Готфами; Гиорнанд Алан, который писал в то же время, — они были первые, что помянули о имени Славянском); еще и Бенд, который писал за сто лет прежде умаления державства Римского, написал же о Славянех. Птоломей Александриянин во своей осмой таблице полагает людей Суланов в Сармации Европской, ближней к Финном, которые были един той же народ со Славяны. И Петр Марцелл в «Зачатии Варварском», глаголя о сих Суланех, Славянех, рече, яко суть люди от нынешних, зовоми Склавуны. Истина есть, яко имя сие в прошлых временах было в писаниях зело испроказано и развращено. Греки и Италиане, не разумеюще знаменования имене Славянин, или Славин, развратили его в Склавин (по-Руски «невольничще») и в Склаво (то есть «невольник» значит по-Руски), которое прегрешение, како вошло, последовано в подлинных письмах Прокопия Цесарийского, Гиорнанда и Бенда. Мышлю что се погрешение должно вменити мягконежности языка Италианского, которые, да избегнут жестокости проношения, часто произглаголюют, извергая литеру, например, яко (в)место Флато — Фято, вместо Плаце — Пяце, и тако (в)место Славо — Сяво, творяще малое разнство в произглаголении «Сяво», или «Сцяво», влагая букву Ц. Отсюда случилось, что писатели, мало искусные в языке Италианском, хотяще писати по-латине, не превели, или не положили «Славо», но «Склаво» («невольник»). Еще может быти, яко сие случилось ради малыя приязни, наипаче от ненависти зело великия от Италиан, наибольши же от оных, которые живут при мори Адриатском, понеже они в прешедших временах от сего народа Славянского зело были утомлены и мало не вси изгублены. Иоанн

Карта Новой Земли, опубликованная Теодором де Бри в 1601 г. — одновременно с книгой Мавро Орбини. Составленная по рисунку участника знаменитых экспедиций Виллема Баренца (1590-е гг.) — Герхарда де Веера, она тем не менее отражает не только конкретные географические сведения, полученные в ходе этих экспедиций, но, видимо, и те представления европейцев, которые стали одним из самых загадочных сюжетов в повествовании Орбини, — о полулегендарной обширной суше в Ледовитом океане, населенной не какими-нибудь баснословными существами, а «народом Славянским». Примечательно, что, согласно книге Орбини (точнее, по свидетельству упоминаемого им Карла Вагрийского), эта обитаемая земля, которая «величием превосходит Кипростров», была в историческую эпоху неизвестна даже «Россианам Биармским» (вероятно, жителям Перми, или поморам Русского Севера)

Дубравий, писатель славный, мнит, что сие речение «Славо», или «Словянин», происходит от «Слова», толико паче, что все народы Сарматские, рассеянные по многим странам расстояющимся, глаголюще единым тем же языком, проложили себе сами оное имя Словины. Мартин Кромер, начальник уверения, утверждая тожде, приложил, яко оные люди, нарекошася Словянами, да назначат себе истинными твердыми и постоянными в содержании слова, данного кому-либо; и яко в древних временах, и не в давних, оные люди страдали скорейше вся тщеты, наипаче и самую смерть, нежели изменить слово. Понеже было между ими позволено сотворити отмщение слова изменнику, или преступнику своего слова, пощочиною пред народом, и оружием.

Но, оставив вышереченная претолкования, сказую, что оное имя Славо не произведется отинуду, разве от имене Славянин — Слава, которое имя восприяли вси люди тояжде породы, изшедшыя из Сармации, последи Славы, толиких ради исправлений славнейших, которыя содеяли всем своим странам сродственным, во утверждение вящее сея истины, окончивали имяна собственная своих Правителей и Королей славнейших сим гласом: Слава, или Славянин, — якоже, например; Станислав, Венцеслав, Владислав, Доброслав, Радослав, Болеслав и иная тако учиненная имена. Многие искусные писатели имеют сиевое мнение предреченное. Иеремий Русянин утверждает тое во описании о знаменитых боях, случившихся при границах Российских в лето 1118-е, сказую: «Нарицаются Славяне (якоже изобретаю, в древних изданиях наших предков) за многие победы исправленные и явно учиненные от них». Бернард Юстиниан, писатель Венецкий, между иными многими, исповедует в третьей книге «Истории Венецкой», яко Славяне притяжали сие славное имя чрез оружие, и самым делом слава природная и наследничная во оружии приналежит Славяном паче, нежели иным народом светским¹. Понеже носили своя победительная оружия во Асию, в Европу и Африку, под имяны Вандалов, Бургундионов, Готфов, Остроготфов, Визиготфов, Гепидов, Гетов, Аланов, Верлов или Ерулов, Аваров, Скирров, Гирров, Меланкленов, Баштарнов, Певчов, Даков, Шведов, Норманнов, Феннов или Финнов, Угров или Ункранов, Маркоманнов, Квадов, Фраков и Иллириан, которые вси были едина таяжде порода Славянская, тогожде языка. И егда вышли из Скандинавии, их общего отечества, нарицалися вси (окроме Иллирианов и Фраков) единым токмо именем общим Готфским, от сих Готфов восприяли начало Славяне-Антяне, Скирры, Авары, Аланы и протчие единаго тогожде отечества Сармации. Готфы, Вандалы, Визиготфы, Гепиды, Меланклейны и Геты были разны именами едиными, в протчем же согласовалися. Были белы телом, власами желтоваты, возрастом² велики, единых тех же законов и тояжде веры, и един той же язык имели, нарицаемый Готфский. Ныне же (понеже суть Вандалы истинные Готфы) невоз-

¹ «Иным народам мира».

² Ростом.

можно отпереться, что Славяне таяжде суть породы с Готфами, егда вси списатели славные в том согласуются, яко Вандалы и Славяне были единаго тогожде народа: Вестфалы и Освалы были Вандалы же, еще сии не единым точию и особливым именем, но многими и разными именами были называемы: Вандалами, Венедями, Вендами, Генетами, Венетами, и Славянами. Народ Вандальской занял во Европе, от севера до полудни, весь оный кряж, который протяжается между морем Германским и Медитерранским убо того ради Москвитяне, Россиане, Поляки, Чехи, Черкасы, Далматяне, Истриане, Карваты, Бошнаки, Булгары, Рашчане и прочие ближние, аще и различны суть именами свойственными: однакоже были тогожде единаго племени Вандальского, единаго языка общаго всем. Обретається в летописях Российских, что, пришед в несогласие, Руссы, ради обрания нового Князя, послали в Вагрию-город и в провинцию, в прошлых временех зело славную, Вандалов, стоявшую в нынешней близности Любеки, дабы имети какова-либо правителя от оного народа, им во всем единообразного. Оный же народ послал в Россию трех братьев, произшедших из единыя породы, славнейших и велможнейших Вандалии, нарицаемых Рюрика, Синява и Трувора. Рюрик восприял владение Нова града; Синяв поставил свое владительство на Беле озере, а Трувор восприял Княжение Пскова и пребывательство свое во граде Сворчех. Алане, Вандалы, Шведы и Бургундяне были Королевства Польского и имели той же един язык Польский, или Славянский. Первые Чехи восприяли началопроизведение от сих Аланов.

Верлы, или Эрүлы¹, были от сего народа Славянского тако наречени, понеже имя Верлы на языке Славенском значит люд свирепый, жестокий и гордый.

Авары, Баштарны, Певчены² и Финни были от тех же людей Славянских: Авары нарицали своего Царя Хаганом, или Коганом, якоже творяху и Болгары-Славяне.

Скирры и Гирры были Венеды, или Славяне, которые в прешедших временех жительствоваали такожде в Дакии и тамо названи быша Даки. Прежде же нахождения Гуннов, обитали оные в местах купно с Римляны; того ради и ныне сему пребывает память в Дакии; понеже в Молдавии и во Влахии (яже есть древняя Дакия) в народных письмах и в службах Божественных употребляют язык и начертания Славянская. Молдавы более сходствуют свойству наречия Рускаго, якоже Влахи более подражают Рашковцем.

Шведы или Швевы, Норманы и Булгары суть такожде люди-Славяне: понеже первые суть началородия Норманом и Булгаром.

Унряне или Угры имеют часть тогожде народа Славянского.

Наконец, Маркоманны и Квады, толико прославленные в повестех, такожде быша Славяне, понеже от древнего единства глаголания утверждается пространно единство породы.

Вси люди выпереченные употребляли еще от тех же имян свойственных во означении людей высокопочтенных: якоже Видимир, Валумир, Сигимир, Феодо-

¹ Герулы, в принятой ныне транскрипции.

² Певкины.

«Рюрик, Великий Князь Россійскій». Гравюра, напечатанная в 1805 г. историком, издателем и коллекционером Платоном Петровичем Бекетовым (1761—1836), собиравшим портреты великих людей русской истории (напечатана в книге: *Е.Е. Филипповский. Краткое историческое и хронологическое описание жизни и деяний Великих Князей Россійских, Царей, Императоров и их пресветлейших супруг и детей.* — Т. 1. — М., 1805). У Мавро Орбини, как и у многих его современников, не вызывало сомнений славянское происхождение Рюрика — из Вагрии, западной области «Северной Славии». Народ Вагрии Орбини считал «во всем единообразным» жителям Руси, призвавшим на княжение Рюрика и его братьев

мир, Фригимир, Свеулад или Сисвалд, Селимир, Гелмир, Радогаст, Рахимир, Раимир, Санхо, Сигизмир, Визумар, Витиз, Мизислав, Оттокар, Вигислав, Симгибан, Предемир и Обрад — вся имена свойственная Славян. Ко светлости и славе их еще прилагается, яко не точию мущины, но и женщины в вечную память произошли оружием, якоже Амазонки, жены бывшие Сармат-Славянов.

О Готфех-Славянех

Во времена древнейшая и прежде, неже еще слава разгласила имя Римлян, не имеюще Готфы-Славяне неприятелей отвне, еже битися. Воевались между собою и, вышедше из Скандинавии, перваго своего отечества, билися со Улмеругами и изгнали их от свойственного места, которым завладели под вождением Царя Бетиха. Оттуда пошли под вождением Царя Филимира в Скифию, имянуемую Овин, потом остановилися при людех-Спаллах. Одолевше же и сих, разделилися Готфы.

Разделение Готфов-Славян

Едина часть Готфов покорила себе Египет. Другая, под предводительством Ама-ла Короля, поиде к Востоку. Протчии, под правлением Валтовым, обратилися к Западу.

Оны, пошедшие к Востоку, завладели Скифию; выгнав Скифов, поставили иных Королей той стране. Король же их Везоз, от иных наречен Везор, подвиге войну на Беторика, Царя Египетского, и победил его. По нем наследница бысть Томира Царица, Которая подвигла многие воины противу Ксеркса, Царя Персского. Филипп, Царь Македонский, взял в жену Готилу, дочь Царя Скифского. Александр, сын Филиппов, стужал им, но, искусив сил их, учинил мир с ними, аще и Курций показуется некогда розгласен от иных во хвалу Александрову. Дарий же, воцарився над Персы, взял в жену дочь Антрирегира Царя Скифского, и до зде Готфы были имянованы Скифами, не ради того, якобы начало от Скифов, якоже некие писатели Италианские тому мнят быти, но понеже, прогнавше Скифов, завладели державством их.

Другая часть, нашедшая на Запад, разоривши Грецию, преиде во Асию и подаде помощь Трояном. Царе же их были Еврипил и Телеф, егоже убила Кассандра, и от Ахиллеса был лишен оружия. Во время Августа Цесаря, цветяше между Гетов Царь Беробиста, в которое время Елий Катон привел с другия страны Дуная 50 тысяч Гетов, да жительствуют во Фракии. Царь же их овогда обучением телесным, овогда трезвостью и законами тако их правительствовал, что, получив пространное державство, покорил себе многие народы соседные и с великою смелостью, переправяся Дунай, разорил Фракию, Македонию и Иллирию, дал велик страх Римляном, взял безчисленную корысть от ближних Галлов, Фраков и Иллириков, разорил весма Бойев подданных, Критазию и Тавришков. Того ради Август принужден послати

противу его войска, пятидесяти тысяч воин. Был мало не в то же время Дромахис, Король Готфский, который, сражаяся с Царем Лисимахом на Дунае, поймал его жива, последи же с великим другопочтением паки его отпустил. На знак же тоя виктории, учиненной Лисимаху во Фракии, подданней Царю Дромахису, построен бысть город и наречен Лисимахия. В некое время сии Готфы воевалися счастливо с Македоняны, посекали на части Сопириона, наместника великого Александра, с тридцетью тысящами военных людей. Не за многое время прежде того победили Царя Филиппа; не прогневался Александр постановити мир с ними. Потом одолел их Лукулл, генерал Римский. Они же хотели было перейти за Дунай; воспрепятствовал им тое Агриппа. Во времена Августа разорили все области ближняя, подлежащая державству Римскому. Во время Диоклитиана многое убивство сотворили по всему державству. Но дабы не долженствовати описовати их особливости, оставил Тацит порядок «Истории Римские», от него уже начатая.

Третья часть Готфов, которая даже до оных времен осталася во острове Улмеригов, завладела, соединяся с протчими Готфы, Паннониєю. Ситак же, их Князь, подвиже войну на Флемезов, на которой, егда отведаль силу Римскую, учинил мир с ними, и тако пребывали спокойны, даже до времен реченного Цесаря Домитиана, который был первый, что отворил храм Ианов. Тогда Готфы расторгли войска Римские, водимыя Помпеем и Сабином Агриппою, и, убивше Помпеа, отъяли ему главу от трупа. После сея знаменитыя победы Готфы разделилися на две части. Едина завладела Мизиею и Фракиєю. От породы сих, чрез линию отеческую, родился Максимин Цесарь. Другая часть подняла оружие противу Филиппа, Цесаря Римского, понеже отреклися давати ему оброк обыкновенный. Декий Сенатор, отец (Капитан Римский) и сын, пали на сем бою с тридцетью тысящами воин. В память тоя баталии поставился жертвенник на месте боевом, обреченный рукам Декиевым. Овладели Готфы Мизиею; во время же Гордиана опустошили Азию, Понт, Македонию и Грецию. На едином бою Макрин, сын Цесарев, бысть убит. Царствующу Постуму, наследнику Галинову, Готфы огосподствовали Фракиєю, разграбили Македонию, разоривше Фессалию и протекше Азию, разбили храм богини Дианы во Ефесе. Город Византия пострадал много от их наездов. Вошли с караблями своими тайно во устье Дуная и разграбили оных жителей. Но несколько обуздали их Клеокан и Афиней, старейшины Византийские, а Венериан впаде в руки их. Наскочили на Кизикину и овладели Азиєю со всею Грециєю. Гунтерик и Аргарик, Царь Готфский, были врази главные Диоклитиану Цесарю, котораго великим поражением поразили; взявше наметы войска римского, взяли Маркианополь, город Мизийский. Волузиан получил мир с Готфами. По нем бывшу преемнику Галениану, Готфы по предводительству трех своих Капитанов: Виндикона, Фурона и Варона, озлобили Азию, Елеспонт, Ефес, Вифинию и Халкидонию, разорили Анхиал-град, горы Елма, опустошили Ахайю, Фракию, Македонию и Фессалию, купно с городом Византиєю, тако, что в Византии ни един спасся, разве по случаю, который обрелся вне дому. Затем

изобрел Максимин Цесарь в намерение, еже утвердити мир с Готфами: сей Цесарь бысть первый, который им платил жалованье. В то время Гиберик, Царь Готфский, покорил под иго Скифов, Туидов, Бубенгезов, Васмавронтов и Кадов.

Царствуя Клавдий над римляны, поиде сам своею особою на Готфы, которые вси согласяся на разсыпание державства Римского и, учинивше с ним бой, пали — триста двадцать тысяч Готфов; две тысячи караблей потоплены в море. Сей бой учинился близ Мартиополя и окрест Византии. За которую победу Сингклит Римский уложил, чтобы в честь Клавдиеву положить монету златую в Сингклите, и един Андриант из злата поставили пред враты Капитолии. Учинивше же Готфы мир с Римляны, пребыли в тишине на шестьдесят лет, даже до времен Уалента, который, восприяв их в свой союз, пустил их обитати во Фракии, попустив им имети своя оружия. Тогда Готфы разделишася во Остроготфы, и Вышиготфы¹, сиречь в вышния и нижния. Оные, которые были ближайшии к Востоку, нареклися Остроготфы, западные же — Вышиготфы. Впали Готфы вси в междоусобную брань. Фридигерн, Царь Вышиготфов, притек ко Уаленту ради помощи противу Аталарика, Царя Остроготфов, их же Уалент збил близ Фракии; разгневавшись же за сие на Уалента, учинилися вси Ариане. Потом же, егда Готфов прогнали Гунны, притекли паки ко Уаленту и просили Мизию и Дацию в жителство. Но Царь, бояся, дабы впредь не наступили неприятельски на державство Римское, противу своей воли, уступил им Фракию и дал им двух своих Военачальников, Луцинина и Максима, дабы получить под их вождением иные лучшыя страны: Но, или за невеликой смысл сих двух Военачальник, или за то, что Луцинин покусился чрез отраву уморити Фридигерна, Царя Вышиготфского, тои подъял оружие на Уалента и на дву боях, на первом близ Босфора, на другом — близ Адрианополя разбиты и развоеваны быша Римляне: Уалент Царь, понеже ранен бысть стрелою на последнем бою, принесен быв от своих в плавник, который по случаю зажгли неприятели, и тамо згорел Уалент. Сие убо ему было проповедано за немногие годы прежде от единого монаха, которы увещавал его к миру с Вышиготфами. Умершу же сичевым образом Уаленту, Вышиготфы осадили Константинополь. Во благощастие Спасительное сему Царственному дому, соболезнова вдова Цярица Уалентова, та Многим благодетельством победила свирепство осадителей, понеже посылала им прохладные вещи из града во обоз и примерами гражданственными содействовала толико, что Готфы, оставивши осаду, обратилися противу Мизии и Фракии. Уалентиниан, наследник Уалентов, был от Аталарика, Царя Готфского, в толиком почтении, что во все время Царствования его и его наследника Феодосиа, сей народ свирепый не учинил вреда державству их. Наипаче по смерти Аталарика пребывали 25 лет, не избирая другаго, довольствующеся жити на жаловании и под законами Феодосиевыми. Потом, егда вышли Готфы из Фракии, поставили Царем Аларика, от породы Балтиев, емуже поддадася Радагаст, грознейший Варвар во оные времена, и с вой-

¹ Остготы и вестготы.

ском 200 тысяч разорили Фракию, Паннонию, Иллирик и Норик, предъидуще во Италию. Но, впадши Радагаст (в побитии, учиненном ему в горах Фиезулы) в полон Римляном, прия от них достойную умерщвлением казнь.

Между тем временем, Аларик, прошед во Ишпанию, овладел оное Царство и, владев им 13 лет, возвратился паки во Италию, где всех под меч подклонил и попалил. Обратился на Францию, от которого Королевства прогнан быв силою оружия; возвратился паки во Ишпанию и тамо утвердил державство Вышиготфов (прежде прихода Аттилова во Италию), которые потом всегда пребывали в миру со французы.

Остроготфы претерпели жестокие войны и гонение от Гуннов. Наконец же, егда обратилася фортуна ко Остроготфом противу сынов Аттиловых, быша весьма прогнаны Гунны из Паннонии и из Мизии от Остроготфов, которые разорили Иллирик, обдержали владение земель, завоеванных Львом Царем, с некоторыми поведеньми, давшие ему в аманаты¹ Феодорика, который потом был Царем во Италии. В сие время город Рим обреташеся насилуем многими Цесари, или Государи, которые друга друга низвергали, из нихже Царствуя, или Тиранствуя, Августул. Оттокар, Король Ругянов-Славян, овладычествовал Царством Италийским, силою оружия, разорил Тревизы, Виценцу и Бресцию, завоевал взятием Павию. Орест и Августул погибли на боях последующих. Рим же, почитай, в два года бысть лишен дванадесяти Цесарей; большая часть убиты тако. Сей град, яко обладатель мира, ни от единого инаго народа восприял величайшее поражение, яко от народа Славянского. Сицевым образом угасе державство Римское во Италии. Оный народ Славянский бысть первый от всех протчих, держащ Государство сие: Аще же и остася нечто славы Державству Римскому во Италии, все се изнесе вон с собою народ Славянский. Чесого ради ниже слава Кирова, за еже покорил себе Халдеи, ниже оная слава Александра Великого, за еже покорил себе державство Персидское, ниже оная самых Римлян, за еже погасили Монархию Греческую, могут уменьшити славу оную Славянов, которые наложили конец прекословию гордому последних.

Оттокар же, от иных наречен Одоакр, был Ругянин-Славянин, человек возраста высокого, который держал царство Италийское пятнадцать лет. Егда же идяше с войском своим в Рим, весь град, убоаяся, изыде во сретение ему, творяще человеку Славянину большую честь паче подобающие человеку смертному; был поздравлен Царем Римлянов. Позавидевше Остроготфы и Зион, Царь Восточный, Величеству Державства Оттокарова во Италии, Зион и Остроготфы поостриша Царя своего Феодорика на брань, который поиде с сильнейшим войском Остроготфским противу Оттокара во Италию. Пришедше же во сражение при реке По, по трех боях следующих и жесточайших бысть победитель Феодорик; побежав же Оттокар во град Равенну. Бысть тамо во осаде чрез три года непрестанно, потом сдался на договор. Феодорик же, противно учиня оному договору, приказал умерт-

¹ Аманат (араб.) — «заложник».

вити его и огосподствовал Царством Италийским, которое от Государствования единого Славянина-Ругянина преиде в другое, Славянина-Остроготфа. Обаче же со великим пременением фортуны, понеже Феодорик свободил от многих разоренной Италию, восставил паки украшение граду Риму, сопряжеса во многое свойство, дабы лучши той покорен имети. И во время тридесяти шести лет, в няже¹ он поживе в покое на престоле, ниже Рим, ниже Италия имели желати благополучий прешедших, бывших во времена Октавиана Августа, или Траяна, или Адриана, или коего ни будь инаго лучшего Государя. Умершу же Феодорику, бысть его наследник Государь худ, малодушен и не промыслителен. Иустиниан же Царь, видя время, удобное ко отобранию паки Италии и надеяся на храбрость Беллизария, победителя и прогнателя Вандалов из Африки, послал сего своего Генерала во Италию с сильным войском. Той бысть первый прогнатель Остроготфов из Сицилии. Прожения² Феодата, Короля их, освободил город Неаполь. Последи же учинил бой со Остроготфами близ Рима, на котором вси избранные салдаты Римские падоша, прочии же спаслися бегом, гоними Остроготфами, даже до врат Пинциарии. Останки же войска разбитого Иустинианова отступили отходом в город Рим, которой осадили победители. В другом бою пали с 200 тысяч Римлян, а в третьем погибли вси сильные салдаты Римские; осадные, принуждены голодом, послаша жены, дети, старые и протчия негодные³ в Неаполь: Остроготфы, оставивши осаду, пожгли города Сомо и Римини, взяли град Медиолан и, разоривши его от основания, сеяли по нем соль. Потом под вождием Тотила, Короля своего, взявши боем Равенну, Цезенну и Петру, овладели мало не всю Италию. Осадили паки Рим, приведше его голодом к нужде, еже ясти корения, мыши и животная домовая бездельнейшая, от чего помроша многие тысячи граждан. В то время Тотила, нашед путь чрез стены, вниде в ночное время в Рим, погубил всех мечем и огнем и весьма его запустошил и разорил. И, изшед вон, весьма оставил его пуст: осадных 22000 Греков (которые были посланы жити) порублены на части со всем гражданством. Учинив тое разорение злодействия, Тотила одолел паки Лукезами, Абрucz, Фортецу Рустикан, Перугии, остров Кипр и Акарнанию.

Беллизарий же, предъуспевая оным отсутствием Тотиловым, прилежаше паки ко строению и укреплению Рима, но пришед тамо Тотила, возвратившись из походу Акарнанииского, паки его осадил, взял и разорил сторицею крат, и учинился владетель всея Италии, опричь Равенны. Наступил на него Нарсиз, Генерал Иустинианов, посланный туда со всеми силами его державства и с помощью присовокупленную пяти тысяч Лонгобардов, трех тысящей Верлов, или Урлов, и четырех тысящей Гепидов. Бой был чрез два дни непрестанно; наконец, видяще Остроготфы, что ничто в корысть получали, разве непрестанных ратей с Римляны, отреклися владательства

¹ «В течение которых».

² «Прогнав».

³ Не пригодные для участия в сражениях.

Италии, да возмогут вывезти с собою вещи свои, где им будет угодно. И тако отъидоша из Италии, побеждены не от Греков, или от Римлян, но от салдат тогожде народа Славянского, вступивших в союз с Греками и Римляны. Во отхождениа же из Италии Остроготфы, часть приложилася к Бургундяном и ко Французом¹, часть ко иным народом, и часть возвратилася мирно под Государство Италианов, которые называют Готфов и протчих Славян Варварами. Долженствовало бы им рассмотреть, что они сами те же суть останки последние от тех же Варваров, сиречь от Готфов, Вандалов, Верлов и протчих Славян.

Вышиготфы выгнали Вандалов из Ишпании и завладели тем Королевством. Их же Короли даже до недавних времен наследием непрестанным держали оное Королевство, оставльше Галлию Французом. Но многажды обладали и Галлиею, дважды Паннониєю, трижды Мизиею, седмижды Фракиєю и, наконец, всем Востоком, чего никогда не учинили ни Александр Великий, ни Кир, ни Аннибал, ниже Цесарь, ниже протчие добыватели.

О Вандалех, народе Славянском

Вандалы, отшедши из Скандинавии, стояли в путешествии един год целой, покамест пришли до реки, ныне нареченные Вислы, которой даля имя Вандал, просмехающеса и ласкосердствуя сообразности имене своая Королевы, имянуемья Вандала, которая, егда они одержали победу знаменитую над неприятели, бросилася в тую реку. Иные же списатели глаголют, что оные люди получили имяноватися Вандалами от их Короля Вандала, который, по достижении их к реке Висле, правительствовал их с крайним удовольствием четьредесять лет. Сии Вандалы всегда были славны во оружии: воинствовали у Александра Великого, во всех его начинаниях. Егда же он умре, возвратилися во страну свою, которую после их завладели Саксоняне. Во время Августа Цесаря овладели берег восточный реки Рена, с войском 30000 человек. Откуда последи от Друза и Тиверия быша прогнаны во своя жительство, близ горы Карпата, при границах Сарматских, или Польских, из которых мест прежде принесли новоселения своя к морю Балтийскому. Вначале же многие войны воздвигнули на Датчан и Саксонов; соединилися с Маркоманны и людьми тогожде народа Славянского на Марка Антониа Цесаря. В лето от Христа 183-е наступили на всю Германию, притесняя большую часть людей Германии, жити утесненных во стране вело узкой, и овладели единым брегом реки Висурга; тысяща пятьсот, плывя по реке Висурге, вошли во Фризию, остановилися на берегу восточном реки Амиза. Но егда наскочил на них Тит Боенал, брат Адебалда, Князя Фризийского, одолел их и прогнал от Амиза. Билися и с Вышиготфами, но понеже побеждены и прогнаны от Дуная, одержали Паннонию, которою владели 40 лет. В лето 382-е прошли во Италию под вождением Короля их Многасилы (от иных списателей, не знающих язы-

¹ Франкам.

ка Вандальского, или Славянского, названого Модигисил, или Модидишк). В лето 415-е прошли во Францию с Крошкою, своим капитаном, все Государство секуше и попяюще... Но егда подоспели тамо Вышиготфы, сильнейшие их, им уступили страну; сошли по Пиринейским горам во Испанию и овладели единою лучшею провинциею Ишпанскою, нарекли ю от своего имене Вандалузия, ныне же, со отсечением первыя буквы, наречена Андалазия. Егда же часть их наскочили на Венецию и Истрию, разбили их и побили Василиск и Рихимир Цесари. Владели Вифиниею 30 лет. Позваны во Африку, под обещанием превеликих почестей от Контия Вонифатиа, отступника державства Римского. Прешли Гирло Гиблиторское¹, и не устояли в слове, данном реченному Контью; завладели Боналику, Салу, Таманазиду, Баназу и Тингенды, все грады превеликия. Уалентиниан Царь, наконец, повелел им изыти из Африки, с некоторыми порядки мирными, которые постановил с ними. Умершу же Уалентиниану, они паки возвратилися во Африку, правительствуеми своим Королем Гизерихом, взяли войною Карфаген, оную славную републику, которая задала толико озлоблению Речи Посполитой Римской; и яко до того времени пребывала, покорена державству Римскому. Учинив тую победу превелию, проиде Гизерих до оных островов: Сардинии, Сицилии, Кориски, Эбузы, или Питузы, или Ивики. Овладел и оными: Маэрку, и Минорку. (Из которых уступил Сицилию Оттокару, Королю Италийскому, за которую он обязался платити на всякой год некоторую дань Гизериху.) Гизерих, прошед в Шкоцию и Вританнию, держал оные места дотоле, что раззорил могучность жесточайшаго Аттилы: Егда же Максим тирански овладел державство Римское, взял насилем Евдосию в жену, вдову Уалентиниана. Она же, дабы ей избыти того Тиранна, тайно пославши, призвала Гизериха, славного толикими победами, во Италию ко осаде Рима, и да свободит ю от супружества ненавистного. Той же, вшед с тяжким воинством во Италию, взял Рим, где употребил в четырнадцать дней непрестанно вся действия необузданнейшаго немилосердия. Но укротил тое, рассмотрив смирение и покорение Папы Льва; отъиде из Рима в лето 457-е, взяв с собою в плен Евдосию и Плакидию со многими людьми. Гилимир был последний Король Вандалеской; того поймал внезапно Велисарий во Африке, но восприял его толикою храбростью, что ежели бы Гилимир преодолел избытием Фортуны, споспешествующие ему в сем бою, прогнал бы без сомнения и во он раз, всегда прогнанных Греков из Африки, хотя Велисарий, Генерал Иустиниана Царя, привел с собою лутчее войско державства. Но Гилимир погубляя, или не радя о времени погодном, подал время Велисарию исправитися силою и в третьем бою, который дали оба войска, убиту бывшу брату Гилимирову, с большею частью Вандалов, впаде жив в руки Велисариевы, который приведе его в Триумфе в Константинополь, где он же, представ Иустиниану, не уничтожился мыслию, учинил разглагольство с Царем, с толиким постоянством и твердостью, о непостоянстве Фортуны, с равномерительством прешедшаго своего бытия, к настоящему бытию, что Царь, умилился от словес

¹ Гибралтар.

Монета (50 денариев) Гелимера, последнего короля вандалов Северной Африки (годы правления: 530—534). Его имя, начертанное на монете (по-вандалски) как Geilamir, среди других, несомненно, германских имен вандалских королей Средиземноморья этой эпохи, может быть интерпретировано как балто-славянское. В более поздних славянских языках ему, вероятно, соответствовали бы формы «Желамир» («Желимир») или «Зеламир» («Зелимир») — палатализованные и с утратой дифтонга. Наверное, нельзя исключать и аналог «Велимир», — при самостоятельном развитии обеих лексем из гипотетической праязыковой формы *Gwelamir. Впрочем, на данной монете титул Гелимера дан в латинском варианте: «REX GEILAMIR», «Король Гейламир»

Гилимировых и, больше того, от великости и твердости его сердца, не токма ему свободу даровал, но даровал ему еще и изряднейшие земли во Франции, которыми он владел, донележе жил, и с его смертию скончася слава и имя Вандалское, окроме тех, которые держали стат свои Вандалужский, или Андалузский, оные не проезжавшие во Африку, где Вандалы царствовали двестие лет. Их же природная лютость принудила Церков Римскую прибавити в моления своя, еже «от Вандал избави нас, Господи». Вандалы же быша растлени ересью Ариевою чрез Готфов. Егда же еще были безбожные, между иных обычаев гражданства имели и тое, еже посылати единого посла к тем, с которыми желали постановити перемирие, или мир, который посол, взяв в руки камень, меташе его в воду, глаголя: «Тако да случится оному, кто из нас первее преступит веру», юже никогда не нарушали Вандалы злочестивые; аще же и нарушили тую бывше Арианами. От сих Вандал родился Стиликон оный славный, приятственный Феодосию, Царю Римскому, который, умирая, не усумнился вверити ему защищение сына своего Онория, ему же не усумнелся дати, еще жив сый, в жену дочь свою, в воздаяние его изрядных дел. От Вандал происходят Бургундиане нынешние, понеже во время Валентианиана Царя паки вышли Бургундиане от Северы, из земли Винделиков, прешедше реку Родан, изобретше во оном месте жительство покойное, остановилися, назвавше оную страну, от своего имене, Бургундия.

О Верлах, или Эрুলех, народе Славянском

Верлы, растленно¹ наречены Эрулы, и Эркулы, народ Славянской, изшедший из Скандинавии, пришли до эзера Забаха, овладели судами, елико их при оных брегах нашли, которыми, учинивше сильный флот карабельный, преидоша Большое море и взяли град Византию, потом нареченный Константинополь. Оттуду же, прешедше во Азию, порубили и пожгли несколько провинцей Римских и во Фригии раззорили Иллион, фортецу Троянскую, которая до зде стояла на основании: И, исполнившеся добычами и грабежами, паки перешли Большое море и утвердили свое жительство над Дунаем. Сие убо случилось при державстве Валерианове. Да покажут, колико в ни во что вменияли своих неприятелей², бивалися наги, токмо покрыв части срамные; горды и люты. Мыслили, что никоторой народ поступати в равенстве с ними в делех воинских может. Первое завладели Либурнию, и потом, во времена Анастасиа Царя, — Далматию; задали великую трудность Римляном в Паннонии, одолели Лонгобардов и всех протчих своих соседей, понеже не обреташеся, кто бы им учинил воспротивление. Преставше от воевания, опочили чрез три года целыя, от чего учинилася причина разрушения их, понеже

¹ Упрощенно, в просторечии. Этноним «герулы» общепринят в современной исторической науке.

² «Дабы показать, в какой мере они ни за что не считали своих противников».

погубляюще во празднестве обучение воинское, к тому же ни во что вменяюще, по своей обыкности, силы своих неприятелей, неначаянно быша объята, атакваны, разбиты и побиты от Лонгобардов.

Видомар, или Видимир Второй, Царь Верлов, царствуя при границах Далматии, мучил Святаго Максима со иными Христианами: Его же наследник Сукуладо, или Сундувалд, помог Нарсизу противу Готфов и был славен зело за свои эройские дела. Жены их хаживали с мужьями на баталии войны противу их неприятелей. Егда Верлы единожды одолены были от Римлян, тья жены поносили их малодушию, понеже пустили победитися от народа, возраста мнейшаго от них¹. Прежде же обращения их к вере Христовой, поклонялися многим богам, имели многих попов, охраняли многие законы, и церемонии зело разнственны от протчих паганных² народа Славянского. Между протчих, егда един кто из них занемоществует в возрасте старом, или что их искусные в хитрости врачевской отчаявалися во оздравлении немощного, полагали его в костер древ, и посылали едиаго Верла убить его. И потом сродники убитаго сожигали труп и костер, и жена убитого повешивалася на виселице при пепеле мужнем; аще же кая того не хотела творити, тую имели за бесчестную: Веру же Христианскую восприяли при Грате Царе своем, которои пришел в Константинополь к Царю Иустиниану и тамо со всеми своими людьми восприял Святое Крещение.

О Аварех, Славянском народе

Сии восприяли началобытие от Гепидов, воздвизали многие рати на Римлян, наиболши же при державстве Маврикия Царя, который, да учинит препятие их нападениям, даваше им дань погодную по 80 тысящ Дукатов златых. В лето 577-е послали послов к Маврикию Царю, по учиненном от них добытии града, знатнейшаго Сирмиа, дабы к данн предреченной прибавил других еще 20 тысящ. Получили намерение свое; немного последи послал Хаган Царь их, дабы возрастил еще других 100 тысящ Дукатов золотых. Егда же в том ему бысть отказано, разрушил град Сигидон и завладел многие иные города Иллирические. Сим Царь принужден был паки примиритися с ним, чрез Елпидиа Патрикия и Комментиола, которыс исходатайствовали мир с Хаганом: Но он скоро, мир разорвав, вооружил своих людей противу Фракки и опустошал ю даже до Долгих стен, где Авары вступили в бой с Комментиолом, генералом Маврикиевым, который, противно всякому надеянию, победил их, разбил и прогнал, в лето седмое надесять державствования Маврикиева. Хаган, исправся от разбития прошедшаго, наступил со своими людьми на Далматью, иде, шед до балки, разорил 40 городов ближних. Сии Авары жительствоваали

¹ Малорослого в сравнении с ними.

² Язычников.

в Паиннии Нижней. Оттуда потом сошли в Баварию, великие были приятели Далматяном, имже частые помощи подавали на Саксонов, правительствуеми Генриком, сыном Оттоновым. Но, восхотевше Авары некогда воздвигнути брань противу Саксон, преходяще с воинством своим чрез Далматю, попросили у Далматян некакия помощи. Они же, забывше благотворения, восприята в прошедшем времени, дали им пред ними вместо споможения едину сабаку, зело жирную. Авары же притворилися незлобием о сей обиде, со смеянием великим на Далматян неблагодарных, которым не время было тогда отмстити, сокрывая тое ко иному времени доброполучнейшему.

О Аланех-Славянех

Сии, изшедше из Скандинавии, общего от(е)чества всех Славян, разделилися на две части; едина пошла во Асию и вселилася близ гор Засеверных; ныне же наречены Татарове. Другие же, соединившесе Вандалом и Бургундионом, изгнали Французов и нареклися Скифи: некоторыми же писателми названи Даки. Но лутче было им названным быти Готфами: понеже имели един той же язык между ими. Были соседи Амазонянам, рассеяны в разные люди и народы, распространилися даже до реки Гангеса, которая разделяет Индию и впадает в Море Южное. Не строили кибиток, ни домов, ниже землю орали, но питалися мясом, и множеством млека, всегда живуще на телегах, покрытых кожуринами с древ, и возили их с собою по пространным степям. Егдаже доидут до попасов, расставяся вкруг, едали на тех телегах. Поедше пищу, отъезжали на тех же; сожитие же мужей со женами было общее, такожде и воспитание детей. Всякая страна, в которую приезжали, казалася им своя. Изобиловали коньми, скотами и стадами, которые наперед ходили их походу. Поля оных стран, на которых обитали и водилися, понеже были всегда травенисты и полны плодов, не страдали никогда недостатком травы про скотов и яблок про человеки. Многолюдство бесполезное; пребываше всегда вкруг телег, без обучительства, со бремени легчайшими.

Молодые люди обучалися ездити на конех, понеже ходити пешим вменяли дело уничижено. Все разве были искусные воеватели, великии возрастом¹, лица зело пригожаго, власов среднерусых, очей приязниво грозных, зело быстрых. Равны Гунном во всяком деле, но немного своетливейши и политични в пищеествии и во одеянии. Забегали, ловлю гонящее, даже до Моря Меотиса, до Гирла Киммериинского, до Армении и до Мидии; ратолубцы и бедолубцы, не любители праздности и покоя, считали за благополучие, еже умрети на бою. Тех вменяли за

¹ Ростом.

глупых и бездельных, которые умирали от старости. Славен у них, которой убит бывал на войне. Вместо полонеников, отрезывали голову неприятелем побежденным¹ и драли кожу с них, и полагали кожи на свои кони поводные, за победу большую; и с сими наряды водили их на бой. Не имели ни Церкви, ни Храма, ниже Попов, ниже Богов особливых, ни шалашей, ни кибиток: выняв сабли из ножен и воткнув голыя в землю, поклонялися им, яко богу Марсу, его же верили быти пастыря всем оным местам, в них же баталии имели. Имели знание дивное о будущих делах, о которых гадательствовали, собрав некакия прутики прямыя и разобрав их во время определенное, с некоторыми обавани наговорными. Холопство не было у них во употреблении, понеже вменияли себе всех, рожденных от славные породы². Обаче же имели правителей и судей избранных, искуснейших и ученнейших в делах военных. Наступали на Палестину, на Египет и на Иудею, которым страшное разорение учинили, во время Веспасиана Царя, понеже отворил им проход врат Каспийских Царь Урканский; разорили Мидию, Армению. Во времена последующая, восприявше плату и служение от Римлян, притяжали верность славы и храбрства. Покусилися многожды Гофы воити во Фракию без случая; призвавше Аланов в помощ, проидоша купно, творяще грабление велие. Имели Алане войну с Домитианом, Траяном Цесарями; во времена же Декия взяли Византию. Адриан Цесарь не возмог победити их оружием, но притяжал их дарами. Гратиан то же учинил. Уалентиниан, наследник Гордианов (котораго победили Алане), рассмотрив бесполезнство оружия, еже победати сей народ свирепый, сотворил указ, которым обещал свободу от подати на десять лет тем, которые их возмогут победити. Тогда Германе, желательны тоя славы и обещанные корысти, двинулися противу Аланов и одолели их, за что наречены были «безданники». Уалентиниан потом, вторицею вступив в войну против Аланов, был не точию побежден, но и удувлен, повелением Борбогаста, Царя их. Присовокупившеся Алане ко протчим народом Славянем, сиречь Вандалом, Бургундионом и Шведом, под вождением общего их Князя Симгибана, завладели Галлию. Оттуду же проидоша во Испанию, идеже завладели оную страну Испани, от них названую Аланиа, ныне же растленно глаголется Каталониа. Не довольствующеся же сею странною, наступиша на Португаллию, тамо взяли город Эмерит-Августу, со всею Галициею, где утвердили на несколько время и Царство свое. Радомир, Король Христианнейший Галлиции, побил Абдара, Короля Павии, в лето 823-е. Оные же Алане, которые остались в домех в Сармации, истреблени быша от своих соседев, тако что не обретається никто житель во оных местах, разве только некогда проходят казацы, искати какую либо ловлю.

¹ То есть не брали врагов в плен.

² «Считали, что все они происходят от славного рода».

О Баштарнех и Певчинах-Славянех

Баштарны и Певчины¹ бяху един народ, которые вселилися от гор Певчинских, и Карпатских, между устия Истра, и Днепра, распротяжен даже до Моря Меотиса. Первой их поход воинской учинился против Даков, которой им сбьтся благополучно. Воздвиглися на Павла Эмилиа, советника и Князя Римского, который на едином бою убил 10 тысяч конницы их последи же восприял их на плату. При Леппиде Консуле поднялися от Истра, творяще паки нападение в Державство Римское, быша побеждени от Помпеа и Цесаря. Дела Римлян пришли бы во изничтожение на войне с Мифридатом, аще бы не помогли вступления башарнов противу оного Царя. Потом же пришли во изничтожение силы их от многих ратей, прогнашася от своих обитательств. Того ради пришли на поселение во Унгрию, получив от Короля Матфия Корвина остров Дуная, где не во многом времени потом восприяли своей волею веру Кафолическую Римскую.

О Унграх и прочих. О Унграх, или Ункрах, и Меланкленех

Первая жительство Унгов не обретаются описаны ни от единого писателя древнего. Меланклены² убо были соседны Аланом при реке Волге, и ко Амазоняном. Отнюду же со поступанием времени отшедше, приидоша с первенственными жити в рубежи Подолии, переехав Истр реку, и нападали многожды на войска Римская. Разорили и весьма рассыпали город Фессалонику, уже новопоселение, учиненное от Римлян, нареченное Марциа Иулиа, потом же пребывание Королей Далматских и Арсенал флотов Далматских, пятнадцать верст окружностью, славен ради разных ратей, которые имели с разными людьми и державствы, разстоящ от Зары града, 222 мили Италианских, и законодательница многим людем, разделенным на 744 десятничестве, аще оный и воспротивлялся часто и многожды войскам Римским и иным храбрым народам, однакоже, наконец, завоеван бысть и рассыпан от народа Славянского, сиречь от Унгов, которые разорили и распленили мало не всю Далматю.

О Гиррех и Сциррех-Славянех

Сии жили окрест реки Вислы. Откуда отшедше и взявше плату от разных Государей, служили на их войнах. Некогда, соединившеся со Аланы и Гофами, учинили войну на римлян, даже дотоль, что со протчими Сарматы утвердили своя жительство во Иллирике и Истрии. Во время же, егда дети Аттилове быша побеждени, завладели Мизию Верхнюю и во оной вселилися во времена последующая.

¹ Бастарны и певкины, в современном написании и в (латинских) позднеантичных первоисточниках.

² Меланхлены.

О Финнех, или Феннех-Славянех

Финны-Славяне, последние люди Севера¹, заняли едину страну мира, едва жительствуему. Были добрые сайдачники², и во метании копия с великою скоростию. Не бе ин народ пристойнейший паче сего. Бивалися стрелами большими и широкими. В звероловениях похвалялися; не пребывали во едином месте, но обитание их было блудящее и неизвестное, на некоторых бревнах закрученных и загнутых [на лыжах] претекали по горам, покрытым снегами; убежати же, или достигнути неприятеля были скоро легки, обаянники все во своей жизни: Сии найдены были от Арнгрима Швека (который был потом зятем Фрошону Королю Датскому, правительствуемому Королем своим Тенгилом); воспротивилися храбро неприятелю. Потом же, егда увидеша себе погибающих, устремилися на бегание, бросивше в лице неприятелю-гонителю три камушка, которые ему показались во образ великих гор, чего ради престало войско Арнгримово гнаться за ними, ради препятія мнимых гор. На другой день Финны возвратилися сразитися с неприятелем, и егда паки быша сбиты и прогнаны, бросили на землю немного снегу, который показался рекою широкою и глубокою, препял гонение победителю. Возвратилися и в третие отведати щастие, со Арнгримом, но, бывше весьма разбиты и разгнаны, и, видящее, что хитрость волшебная нимало помогала, здалися; и учинилися немногим меньше как данники Королевства Датского: Сие же случилось не за много прежде пришествия Христова на землю.

О Даках-Славянех

Сии вышли из Скандинавии и, отлучившеся от протчих Славян, выгнали Верлов, обитавших по брегу Дуная, и в тех местех остановилися вовсе. Жительства своя имели тысящу верст вокруг, имели жестокия войны с Римляны, посекали в части Аппия Сабина, Консула, и Корнелия Фуска, старейшину Преторского, с великими войски Римскими. Воздвигли войну на Траяна Цесаря, которой построил на Дунаи оный мост, которого след еще и ныне показуется; своею особою бился с ними и победил Цесаря их, Декабола. Бился с Даками Домициан Цесарь, которой ложно себе употребил Триумф о них, понеже на бою больши был побежден, неже победитель: но Траян истинно был их победитель. Той, видев оную страну, от непрестанных ратей изгублену и лишену жителей, перевел туда девять новосведений от всех частей своего Державства. И от сего происходит, что и ныне говорят в Дакии (в Волошской земле) языком, сложенным из иных многих. Язык немецкий введся в Дакию от новых преселений немецких, которых Карлус Великий послал жити в Седмиградскую

¹ То есть население самого Крайнего Севера, известное еще поздней Античности. О возможных фонетических и этимологических сближениях их именования с венедами (вендами) см. статью-комментарий.

² Лучники.

землю, ныне же названа Себенбурген. Обаче же язык обретающийся ныне в Дакии возъодержал многие имена от Славян, своих началозаводчиков.

О Норманнех-Славянех

Сии разбойники морские, наречени от француз Норманны, сиречь «люди Северные», выходцы из Скандинавии последние, наезжающе и разоряюще места приморская Франции и, вшедше устиям рек больших на сухой путь, одолели Фригионов, или Фризионов, пожгли Амбург, осадили нововеденной город Колонию Ренскую и во Франции заняли Неустрию, от них ныне наречена Нормандия. Потом, в лето 887-е Рождества, Спасительного нам, Роллон, Король их, который потом наречен Роберт, перешел с войском новых Норманн во Англию. Но, будучи отбит от Агличан, прошел во своими людьми в Нормандию, в нейже жительствоваху тамо сущии от его народа, с ними же соединяся, завладел весь тракт страны заливы Святаго Малая, даже до Сенны, древними наречена Секвана. И вшедши в суда, реченным берегом пришел даже до Роана: Его же и осадил. И понеже не было граду помощи, кто бы оного прогнал, взял его по договорам и огосподствовал толь великой и богатой город, обратил мысль, еже добыти Королевство Французское. Повелел прийти из домов новым людем и со оными, разоряя всю страну, где проходил, учинил осад Парижу, Королевствующу тогда Королу Карлу. И, может быть, завоевал бы оный царственный дом, ежели бы граждане, уведомившись о выручке (которая им шла от Дуки Рихарда Бургонского и от Элата Контия Пойтиерского), крикнув из города осажденного и ударивше в тыл Норманнов, обратившихся противу неприятелей новых, на выручку осадным идущих, не разбили и не прогнали с тяжким уроном своих людей. Роллон, прогневан сим разбитием, собрал паки силы своя, пошел паки внутрь Франции, подкланяя всех под меч и пожигая, не щадя ни возраста, ни естества особного, ниже мест Святых или не Святых. Карлус, не надеяся на своя силы, поискал сообщения с неприятели, победители своими, напоследок сообщился на таких кондициях, чтобы Роллон Христианскую веру восприял и взяв в жену Циллу, дочь Карлову; имети за приданое Бретанию и Нормандию, с повинностью малаго почтения погодного к Короне Французской, во свидетельство, что Государство оное получил не чрез оружие, но чрез любовь. И тако, утвердив мир и присвоение, крестился, и наречен бысть от имени Контия Роберта Пойтиерского, своего отца крестного, Роберт; такожде пременял и имя стране, назвал Нормандию весь оный кряж страны, иже прежде нарицался Неустрия.

О Маркоманнах и Квадех-Славянех

Маркоманны были Вандалы, или Славяне; от их же племени быша и Квады. Сии Маркоманны, разлучившися от протчих Вандалов, нападоша на древних Бойев — народ свирепейший. И, выгнав их из их жительства, завладели им и восприяли имя

выгнанник Бойев. Вселились во всей оной стране, иже ныне разделилася в Моравию, в Боемию и Австрию Нижнюю, в которых странах было первое жительство Маркоманнов. Второе жительство их было во стране Тревирской. Сие их преселение случилось в два времена разные, сиречь во время Иулиа Цесаря, при правлении Ариовиста Короля Маркоманского и Шведского. Другое же — при державе Тивериеве, который преселил много людей Германских. Третье преселение и житие Маркоманнов было в Дакии Набережной, где суть границы Венгерские земли и Трансильвании. Четвертое было в Паннии Верхней, где ныне есть Австрия, и часть некая княжества Стирийского. В те места последние переходили четырижды населятися. Перво, были переведены от Клавдия Кесаря. Второе, вошли тамо оружием; а третье, егда Кесарь Галин подарил Паннию Вышнюю Валерию, своему тестю, Королю Маркоманскому. Последнее, когда Валентиниан Цесарь воевал противу сих людей, которых выгнал из Паннии, их жительства, юже паки они взяли при Адриане. Понеже потом, в пятое, выгнаны они (от) Марка Антония Кесаря: паки вошли тамо во время Коммода и Вассиана. Наконец, выгнал их вовсе Александр Цесарь. Пятое жительство Маркоманнов и Квадов было в Шилезии и в Марке Брандсбургской, стране при реке Одере: Шестое было в другой крат в стране Тревиров: Седмое было в Белгике близ моря. Осмое было при брегах моря Германского, между Даниею и Фландрию. В которых местех во всех сей народ был славен оружием.

Начальные их бои были последствующие: в товариществе Сарматов, Вандалов, Квадов, и протчих народов Славянских, переехавши Дунай, овладевающе Паннию, побили 20 тысяч Римлян.

Во время же Марка Антония Цесаря показали опыт великия своея храбрости. Ибо егда Марко Антоний, в войне противу Маркоманнов в Паннии Вышней, истощил уже всю свою казну и, не хотя, паче обыкновенного, каким-либо образом отяготити подданных Римлян, продал по оценке, чрез проповедника на площади Троянской, утвари Царские, чаши златые кристальные, каменномиринные сосуды, серебряные, одежды шелковыя женния, ее же вещи златотканые со многими жемчуги и камнями; к тому же, лишившись всех истуканных, сотворенных от первых художников, вооружил мечников, нанял Далматян, Дарданян, Диокинитов и Германов, понудился крайнею силою ради оные войны, на которой Маркоманны побеждены быша больши Божиим Промыслом, нежели оружием Марковым. Понеже Цесарь, вшедши во страну Квадов, был так осажден больше от недостатку воды, нежели чего иного, что и способу не обретал спастися. Тогда салдаты Христиане, обретающиеся в полку Римском, видяще себе пришедших к последнему истреблению, притекли к помощи Божией, призывающе имя Иисуса Христа. Иже, услышав мольбы оных немногих верных, послал толико множество воды, что воздовольствовалося ко прохладению войско, и стрелы от Небес падоша на неприятелей толико часты, что побегли от своего стану безчинне и смешенно, яко и Римляне уже, ударив на них в тыл, победили их мало не всех небольшими людьми¹, с помощию Христо-

¹ Небольшим количеством людей.

вою получили победу всеисполненну. Потом исповедал Марко Антоний и во своих письмах домособственных, что призванием Иисуса Христа, учиненным от салдат Христианских, получил воду с Небес и победу над неприятели: Но аще Маркоманнов сицевым образом и одолели Римляне, обаче же не покинули докучати провинциям их. Того ради при Коммод. Цесаре наступили на державство Римское только, что Коммод принужден был купити у них мир, со определением некаким дани погодные, и с уступкою единые части Паннонии, близ Дуная. Александр, Цесарь Римский, дабы содержати мир от Маркоманнов, обещал им все то, что потребуют, и сумму немалую наличных пенязей.

Максимин Цесарь имел долгиа и жестокие войны с сим народом, бился часто, с шатающеюся семо и овамо Фортуною, аще и войско преизрядное имел, счинено из Мавров и из Острогемов, и Парфов. Маркоманны, утвердившиися в Паннонии, подняли оружие противу Аврелиана Цесаря, вошли во Италию и разорили Маланезской стат. Но потом одолел их Валентиниан, когда овладели Ретиею с Нориком.

Свойственное же отечество Квадов: было страна, лежащая между Боемиею и Полониею: после названа от Боемов Шлезия. Понеже стекалися туда многие люди, из Мизмы, из Померании и Марки, населятися на ней, аки бы змии, ползуще, вошли во оную страну. «Шлезити» («шлешити») значит на языке Чешском: плезити, или ползати.

Первый Король Маркоманнов (которые царствовали при реке Албии в Боемии, Моравии и во Австрии, в начале Монархии Римския) был Моробудуй, который перевел Маркоманнов в Боемию. На сего Тиверий учинил нападение. Во оное время сии люди были зело страшны Римскому Державству. Катавалд же, выгнав Моробудуя (который много время жил в ссылке в Равенне), учинен бысть Король Маркоманном. После Катавалды королевствовал Юбилий, прогнавший Катавалду с королевства, и притеснил его скончати жизнь свою во Френе, в провинции Нардоне. Умершу же Юбилию, с поспешеством Тиверия Кесаря, учинен бысть Король Ванний, который царствовал над Маркоманнами и Шведами 40 лет. Пре кончине же изгнаша его Вандон и Сидон, дядие его по матери: Однако же получил от Римлян некоторые земли в Паннонии и ту сконча жизнь свою: Сидон же и Итал по сем королевствовали над Маркоманны и Шведа, даже до времен Веспасиана Кесаря. Вараберт Шестый, Король Маркоманнов, был во времена Марка Антония Кесаря, с ним же имел войну три года беспрестанно. После же Вараберта королевствовал Бранд, который, по мнению некоторых, построил город и нарече Брандебурх: Во время Диоклетиана Гунтерик и Ардерик господствовали Маркоманнами и Шведами. По них был Салонин, который дал свою дочь Пипу в жену Кесарю Галину. По Салонине преемники быша Гартамунд и Кариовист, которые помогли Аврелиану Кесарю на Гофы во Иллирике. В сие время Маркоманны, оставивше страну, едина часть переправилася в Рецию, другая же — в Валерию и Паннонию: Сии имели за первого себе Короля Габиниа, которому наследник бысть Хунимунд. Сего же победил Феодомир, Король Острогофский¹, и отец Феодорика Берненского; по нем же

¹ То есть король остготов.

преемники быша Ахюльф и Ронизмунд. Писмена Маркоманнов не много разнствова-
лися от Славянских. Они точию едини остались победительственны, понеже Гофы,
Вандалы, Маркоманны и протчие народы выше изьявленные, бывшие одинаго то-
гожде языка со Славяны, побили и покорили Державства и Королевства мало не
всего света: Наконец, пришли воеватися со Славяны, быша от них одолени и страны
своя купно с именем своим положиша в забвение последородным. Понеже речен-
ные Славяне ими завладели и удержали даже до сего дне.

О Амазонах, женского полу славных воинах Славянских

Ко светлости славы рода Славянского прилагается храбрость жен сего народа:
А вящше — Амазон, которые были жены Сарматов-Славян; жилища их быша при
реке Волге, между Меланклены и Сербы, иже были Славяне. Некоторые писатели
сказуючи, что оные были жены Гофом и в купности с мужьями своими бивалися
в платии мужеском противу Аврелиана Цесаря. Но или Гофьянни, или Сарматя-
нни, были всегда от народа Славянского. Егда же предательством побили у них
мужей, тогда, облекшеся оные во оружия их, наступили сердцем мужественным на
неприятелей и учинили достойное отмщение за смерть своих супружников. Быв-
ше же храбры во оружии, подвигнули рать во Азию, под правительством Марпезии,
их Царицы, которая за свои победы должна уравнена быти, или выше почитится,
с первыми Воеводами и Кесарями бывшими. Понеже прииде со оружием своим по-
бедительным даже до горы Кавкаса, идеже неколико время пребывши, подаде ве-
ществотворцем, еже нарицати Марпезию каменною стремниною оною места. Того
ради Амазоняны обошли потом всю Асию Меньшую, под иго взяли Армению, Га-
латию, Сирию, Киликию, Персиду, со иными многими областми Асийскими, иде-
же, утверждающе свое обитательство, построили многие грады, каланчи и крепо-
сти крепчайшыя. Между протчих превосходительных дел их состроили два града
славных, Смирну и Ефес, в честь богини Дианы, которую оные в великом почтении
имели, яко богиню-защитницу своих звероловительств и ратей. Возставили оный
славный храм во Ефесе, оный храм причтен был между седми чудес на свете, его
же потом сжег некто Эрострат, желая сотворити вечную память своему имени тем
зажжением: Цари же Гречестии, устранившеся силы Амазонские, послали противу
их Ираклия, славнейшаго Воеводу оных времен: Потом же пришли Амазоняны в по-
мощь Трояном противу Греков, под правительством Пантазилии, и пребывали твер-
ды в державстве своем даже до времен Александра Великого, его же непобедимая
сила егда чрез славу дошла в слухи Калистры, или Минутии, Царицы Амазонские.
Двигнулася она с войском 300 тысяч баб, желала получитьи семя от сего великого
Ироа¹. Путешествовала тридесять дней и, пришедши ко Александру, пребыла четы-

¹ «Героя».

ренадесять дней в объятиях сего Государя и единоначальника мира. И, познавши, яко уже зачала во чреве, возвратилася паки во свое Царство, которое последи скоро упало и погасло, купно со именем Амазонским.

Тамира, Царица Массаетов (иже быша Алане), противуста брань имела с Ки-ром, Царем Персским, толиким мужеством, что, взявши его жива на бою, приказала ему отсеци главу и потом ввергнути ю в сосуд, полный человеческие крове, дабы насытился тоя, понеже толикую жажду показал, будучи жив.

Алцида Готфяныня, Славяныня же, была женщина пресловутая¹ и изобретательница разбойничества морского, и водительница многих иных баб единомышленных. Некогда, биющися на едином флоте мужеском, у которых убит бысть Капитан Генерал, она учинена бысть правительницею того флота, вместо умершаго Капитана, понеже мужие оного флота познали силу и храбрость, и красоту Алцидину.

Во время войны Рингона, Короля Швецкого, со Аралдом, Королем Датским, жены народа Славянского способствоваху стране Аралдовой. И не токмо служили ему за простых салдат, но, собравшеся в великое число, правили чин Капитанской в сем деле, в котором изряднее цвели Тетта и Вишна, женщины Славяныни. Первая бысть вождь великия части войска, другая же — носительница знамени Генерального всего войска, его же потом в сражении лишена бысть, купно с правою рукою, от Старкатора богатыря и вождя войска Шведского.

Кинана Македоняныня, такожде Славяныня и сестра Александра Великого, яко же другая Марпесна, водила воинство, билася с неприятельма и убила своею рукою Карию, Царицу Иллирическую.

Тевта, жена Агрона, Короля Иллирического, по умертвии мужа владела многое время Далматами, народом воинским и победители частыми над Римляны, с ними же Тевта имела многие войны и показала искусство своея храбрости зело мужественно.

Град Фесалоника избавлен бысть от долгия осады Октавиана Кесаря чрез жен, которые, вышедши из града нощию и растрепавше власы; во одежди черной, лучи в руках имуще, возжгли огонь во всех странах обоза Римского, строй замешали и тем подали путь мужьям своим учинити баталию великую и овладети шатрами неприятельскими и местом.

Такожде возвеличили имя Славянское жены Ардуна, города Далматскаго, которые, видяще, что мужья, осажденные от Римлян, хотели здати город и покоритися под иго Римское, первое перекинулись к Римляном, аки беглые из города, и потом, понеже мужие их в сражении изнемогоша и начали советовать о здачи, оные, взявше своих детей, пометали часть во огонь, часть в реку, дабы избавитися им от настоящего порабощения.

Такожде и жены Дарданские, Иллирическия, егда пришли до крайности, еже здатися победителем, взявше своих детей, побросали в реку свободных, дабы не быти им невольниками во власти неприятельской.

¹ «Преславная».

Оныя же Далматские жены, егда не достало стрел и копеец мужьям их, еже уязвляти неприятелей, брали своих детей и, первое, ударяли о землю и убиенных метали в лице неприятелем: Флор, писатель достоверный, тоезде приписует женам Иллирическим, которые такожде были Славянки.

О Фраках, людех Славянских

Фраки, аще и не из Скандинавии вышли, однако же были от породы общие народа Славянского; имели един язык, единообразен Даком и Гофом. Фраки (якоже Святой Иероним в толковании на «[Книгу] Бытия» пишет) получили началобытие свое от Тира, седмаго сына Иафетова, от негоже нарицалися Тираки, или Траки, и проимяновали имянем своим Фракию. Народ сильнеиший от всех протчих Европских: Фракия была разделена на пятьдесят войск провинциальных. Границы ее распростиралися до Востока от Черного Моря, и Пропонтийского, к полудни от Моря Егейского, к западу от Македонии. Сей же народ иначе в завладении от Римлян не был, разве по причине войны Македонские. Толико были мужественни и храбри, что баснословили о них, аки бы сам Марс был от сего народа Фракийского. В лето 639-е от создания Рима, растекающесе на конех в Фессалии и Далмации, доехаша до берегов Моря Адриатского. И, увидевше, что не могут далее пройти, начали стрелами стреляти море, понеже аки бы отъяло славу их, и течение препяло побед их. Егда же неколико из них взяты в полон от Пизона, славного Генерала Римского, грызли от ярости железа, ими же быша скованы. По жестокости и свирепству того народа, наипаче же от обитавших близ горы Эмма, и от Астиков Римляне терпели многие и тяжкия обиды; частых же ради баталей умалилися зело силы их. Таже оныя жители горы Эма истреблени быша в горах от Марка Друза; такожде Минуций многих истребил, потопив во Эбре; Родопеан победил Марко Клавдий. Имели Фракиане своего Царя даже до лета Христова 48-го, в которое время Римляне весьма покорили их под иго и учинили провинциальными.

О Иллирианах-Славянех

Иллириане тако быша наречени от их прародителя, сей же бе отец Ахиллеев, Автариев, Дарданов, Тавланов и Перебов, от которых родишася Паннонии, Скордиск и Тривалл; Парфа, Даорта и Дашера, дщери. От сих братьей изошли великие и свирепые народы Иллирические, сиречь Ахиллеане, Автариане, Дардане, Миды, Тавлантиане, Перебиане, Панноны, Скордиски, Триваллы, Парфяне, Дарсиане, и Дашареты. От сих произошли потом протчие народы, жительствовавшие в стране, ныне нареченной Иллирик. Сих была превосходительная храбрость, на бою первыя войны, учиненном от Римлян со Иллирианами. Сие бысть во время Царя Агрона, сына Плевратова, который господствовал оною страну Иллирическою,

«Славянин Иллирический» (Slavo dell' Illirico) — иллюстрация из итальянского оригинала книги Мавро Орбини. Этот образ для него и для других далматинских гуманистов имел особое значение, поскольку представлял идеализированного древнего воина собственного Отечества, героического предка южных славян

лежащую окрест заливы Моря Ионийского, которою уже владетьствовавал Пир, Царь Епиротский, и от сих преемственно тому Агрону последствовали. Сей Агрон также держал великую часть Епира, Корфы, Дурац и Фаре; имел толико великое войско пехотное и конное, какова никто иной Царь Иллирический не имел. По упрощению Димитриа, отца Филиппа, Царя Македонского, послал своих в помощь городу Мидонии, осажденному от Этолов и Карфагенов, правительствуемых Аздрубалом Африческим, зятем Амилкара, Генерала славнейшаго; прогнали осадников, свободивше же город, и, исполнившеся добычами, возвратилися в дома своя. Толику радость тем дали Агрону, что учинил им пир торжественный, на котором пиру так довольно пил, что от того впал в болезнь, от нея же ему и смерть учинилася. Оставил Царство и единого сына сира, именем Пинеа, под управлением и защищением Тевки Февзы, или Февки, мачехи отроковой; яже выслала войско свое великое вне государства своего и приказала разбивати вся страны чуждые, не щадя никому. Протече тое войско Елисианы и Мессены, взяли город Фенику, по согласию с караульными салдаты Французскими, которых было осмь сот: разорвали и разбили войско Албанское, прибывшее зело позно ко защищению предреченного города. Потом егда Царица их повеле им вспять возвратитися, обнажили Фенику от всех ея богатств и возвратилися, часть морем, часть землю во Иллирик. О набегах и граблении града Феники (в котором купцы Италианские пострадали великой убыток), жалобы дошли в Рим, к Сенату, на Иллириан, чтобы уняти тую вольность зело вредительную купечеству морскому. Сие слышав, Сенат послал двух Послов, зовомых П: Юниа и Т: Луциа Коруканов, к Царице Тевке; когда же пришли послы, войско ея упражнялося тогда в осаде того града. Представше убо послы пред Царицею, жаловалися о обидах, от войска ея учиненных. Царица им возответствовала: что могла бы возбранити своим творити тое, аще бы Римляне подданные ея были. Потом же гордо примолвила, что Цари не имели силы возбраняти прибыли, которую Иллириане собственно могли имети от моря. Младейший из послов на сие отвещал безвременно, аще бы Римляне обычай имеле отмщати тайно особно явные обиды и подавати помощь обидимым, учинил бы Сенат всякую возможность принудити воспрепятствовать наездам тайноособным от ея подданных; сие слышав Царица и воспалившись гневом, презрела вину подданных своих. Егда же отошли послы вспять, по указу тайному Тевки убиени быша на пути. И егда о сем убийстве пришла ведомость к Сенату, умыслил Сенат приготовлятися войною противу Царицы; она же, предупредивши своих новых неприятелей, послала в Грецию Флот Карабельный, вдвое пред старым, неже обычай бе. Половина пошла в Корфу, другая поплыла в пристань Дурацкую, и взяли граждан внезапно, и уже было Иллириане овладели стенами града, аще бы граждане, отложивше страх первый и непорядок, восприявши силу, биющися мужественно о защищении своих пожитков, не принудили наступателей к бегству в свои Каравлы, которые, соединяся со своими, учинили купно осаду граду Корфу. Коснящей же осаде, приде им в подмогу седмь Караблей, вооружен-

ных от Акарнамов, их союзников, и ударили напротив, идущих посланных от Ахеев и Этолов, на помощь ко осажденному граду и, совокупяся, четыре флота, купно, наступили на Карабли неприятельские: и, ради вышшаго своего числа, четверицею против единого, овладели четырьмя галерами Ахейскими, потопивше едину пятивесельную, со всеми бывшими в ней, между которыми был Марко Каринко Капитан, зело славный у Ахеев. По сем возвратилися победители паки совершати осаду Корфу. Наконец, взяли оной град на акорд и поставили свой караул опасной, под правительством Димитриа Фариа. Между тем, двинулися от Рима Гиений Фулвий, с флотом двухсот Караблей, и Постумий Центомало, с сильным войском земным, под правлением Фабиа Максима; во второй раз, и Карвалиа Максима. Фулвий же, пришед к Корфу после здачи города, поплыл во остров, видетися со Димитрием. Той же, прежде слышав клеветы, нанесенные Царице на него, и бояся злобы женские, утвердил Римлян о своей им верности и о всем том, что было под его правишельсшвом. Корфяне, возрадовавшеся о приходе Римлян, со соизволением Димитриевым, отворили ворота и отдали град и осадной караул иллирический верности Римской, чтобы быти безопасным противу бесчинства Иллирианов. Приняты бывше Корфяне в мир и Димитрий — за вожда пути их, поплыли Римляне во Аполлонию, идеже, совокупивши паки войско земное, взяли сей град на договор: разрешили осаду Иллирианов в Дураце, который город взяли добровольно. Вступающе далее во Иллирик, овладели многие земли на дороге, взяли град Палермию на договор, такожде и Атинта-град последовал примеру Палермскому. Прогнали Иллириан от осады его, им же и овладели, яко же и иными многими городами Иллирическими, в которых многих салдат и офицеров Иллирических полонили, протчие же, утекшие в Нарону, бегством спаслися: Тевка же, отступивши в Рицан, принуждена была уступить города Корфу, Лезину, Лиссу, Дурац и страну Атинтанов, понеже учинила мир с ними. Сия была первая война Иллиричан с Римляны. Римляне же, учинивше мир с Тевкою и отдавше многие грады Иллирические Димитрию Фарию, за службы, учиненные к Речи Посполитой¹, учинили его Королем Иллирическим. Той Димитрий (якоже и прежде получил почтение сие: «Смелый и Храбрый», на войне славне, нареченной Кампанской, между Антигоном, Царем Македонским, и Клеоменом, Царем Лакедемонским, на которой в баталеи² памятной, учиненной между Эвою и Олимбом, взял со своими Иллиричаны зело трудное положение места, разбил Короля Клеомена и обдержал победу над Антигоном), понеже был свиреп сердцем и обычаен в мятежах воинских, невзирая на благодеяние, восприятое от Речи Посполитой Римской, собрал свои воинствы противу союзников Римских, разорил Навпакт, Ахаию и острова Циклады. Последи напал на него Павел Эмилиий, Генерал Римский, посланный от Речи Посполитыя, еже бы угасити оныи огни; бысть

¹ «К республике». Этимология этого архаизма разьяснялась выше.

² «В баталии», в сражении.

побежден больше коварством воинства, нежели силою неприятельскою, пошел прочь в Македонию, на помощ Филиппу, Царю Македонскому, на Этолов. Потом же убиен бысть в наступлении на город Мессенианов. Филипп же по наущению Димитриа объявил войну Римляном. Римляне же, под водительством Анициа Галла Претора, по причине сея войны, подвигнули оружие противу Генция, Короля другия части Иллирика, иже бе союзник Македоняном. Сего Короля, по нескольких сражениях, взявши Римляне в полон с его сынами и с братом Караванцием, сведоша в Рим и по указу Сенатскому послаша паки в Сполет: Павел Эмилий, по вступлении в повелительство Преторское, во един день коварством своим ограбил седьмьдесят городов Иллирических, которых он не возмог победити оружием. Дело же сие бысть сицевым поступком. Эмилий, отшед тайно в Рим и возвратився с крайнею скоростью, сказал жителем всех сих градов особственно, что по указу Сенатскому могло бы прощено быти им погрешение, ежели бы они дали ему все золото и все серебро, елико они имеют. Оным жителем угодно бысть сие умышление. Тогда посла Эмилий своих людей во оные грады, приказывая всякому коменданту, чтобы во един той же день определенный, поутру пред рассветанием, приказали ходити трубачам по всем улицам городов их, и кричати, чтобы в три часа вси принесли все золото и все серебро, елико они имели. Иже егда совершилося, салдаты завладели остатним и принесли остаток в Коллегиум Речи Посполитыя. Сим образом во един день ограбил седьмьдесят градов.

О Ардеанех и Пиларианех, Славянех Иллирических

Последи, егда учинил Павел Эмилий предреченное разорение седмидесятим городам Иллирическим, Ардеане и Пилариане учинилися первые, еже мстити сию обиду. Воздвигшеся убо на Римлян, наступиша на их союзников Иллирических, стояли мужественно противу войска, 10 тысяч пехоты и 6000 конницы Римския воспротивилися такою же храбростью другому войску многочисленнейшему, приведенному от Фулвиа Флавиа, обаче не возмог он скончати сию войну: Ардеане, или Варден, или Артеи, или Аритеи, едины и тыяжде Ардеане, тако реченнии, жительствоваши при брезе Далматском. От Плиния же наречени суть пустошители Италийские: Пиларии же жительствоваху древле близ острова Корциры Черного. Тогда нарицахуся Плерей, или Пляряне, ныне же от Рагужан названы Пилищане. Жительство имеют в их уезде и близ Корцира Черного, ныне же зовомого Курцола, от нея же названы острова Курцолары, что явствуется чрез некоторые розвалины, — земли древния, а не небогатая. Сия люди, совокупльшися, разъезжали древле по морю и докучали непрестанно берегам Италийским. Улучили на наемнослужных своих соседей и выгнали их из оных стран; наконец же одолели их Римляне, и принуждены жити в земли при реке Дрине.

О Скордисках, Славянех Иллирических

Сии разделились в большыя и в меньшыя. Большия жительствоваши между двух рек, которые впали в Дунай; сиречь, на реках Ара, или Сава, и Берга, ныне же нареченной Драва. Меньшия — обонпол¹ Дуная. Иаков Кашталдо, писатель, глаголет, что Скордиски жили во стране, ныне нареченной Рация. Но Мартин Никр, другий писатель, глаголет, что жительствоваши на оных местах, которыми владеют ныне Бошнаки. В лето Римское² 618-е билися впервые противу Римлян, водимых от Гаскония Претора. Последи 29 лет, победили Кана Порция, Катона Консула, Дидиона: Лентула, Пизона, Корнелия, Минуция Руфа, Мессалу, Луция Сципиона и Ливия Друза Консула. Все сии билися един по другом противу свирепаго народа Скордисков, которые толико были жестоки, что когда кому не случалася чаша для пития на пути, тотчас отсекали голову полоненику единому и, вынув из нее мозг, употребляли кожу окровавленную и покрытую власами вместо сумки, а череп — вместо чашки. Аще же немногое время быле пресильны, обаче же от непрестанных войны с Римляны и с соседы разоришася мало по малу силы их.

О Сагестанех, Славянех Иллирических

Сагестаны имели войну свирепейшую с Луцием Каттом, Метеллом и Кесарем Августом. Сей последи был ранен люто каменем в колено, в приступе, который он чинил к городу их Сетовию; наконец же утеснены от высокомошества Римского.

О Яподах, Славянех Иллирических

Сии жительствоваху в горе Албии, в последней из Алпийских гор, и зело высоко. От единыя страны порубежны быша с Паннионами и с Дунаем, а со другия — со Адриатским морем. Грады же их были: Метуло, Арупей, Монецио и Вендо. Имели жестокия войны с Римляны, а особливо против Семпрония Тудитана, с Тиверием Пандузием, и, конечно, со Августом Кесарем, когда Римляне нахождаху на град нарицаемый Метулу, но часто были отбиты от осадных, которые пожигали многие их махины воинские³ и ранили тяжко самого Кесаря, егда покусился вскочити со единой башни древяной на стены градския; обаче после покорил их под иго. Места же Яподовския были не плодородны тако, что большыя части питалися полбою и просом, во оружие убиралися по-Французски, а платие носили подобне якоже и протчие Иллиричане, и Фракиане приходили в Скардон, ради суда. Ныне же нарицаются Кранчи, подданные фамилии Аустрийской. Иоанн Стадий в записных книгах о Люции Флоре глаголет, что Яподы жительствоваши во оных странах, которыми ныне владеют Стириане.

¹ Наречие «обонпол», «по другую сторону», сохранилось и в церковнославянском языке.

² От основания Рима.

³ Машины, метательные орудия.

О Пеонех, или о Паннонех, Славянех Иллирических

Сии жили близ Истра, или Дуная, в Мизии Европейской, близ людей Далматских. Обыкли жизнь свою препровождати жестоко и трудно, понеже ни земля, ниже воздух удавался им добр; не имели ниже деревянного масла, ниже виноградного вина, разве зело нечто мало; не прилежали к землеоранию, для того, понеже зима у них была зело студена чрез большую часть года. Пища их была житарь и просо, из чего делали свое питие. Прочее же: человецы быша зело крепки и сильны, от природы приклонны ко гневу и ко убийству, однако же были славны во оное время, ради Агрианов Македонских, братьей их, живущих во стране нижшие Пеонии, иже служили в войнах Филипповых и Александровых Македонских. Во время Римлян страшное разорение учинили Корнилию, Генералу Римскому, от чего тол(и)кий ужас имела Италия, что чрез многое время ни который Консул дерзнул покуситься о Фортуне с Панноняны, которые превзошли Фортуну Далматян, их союзников, во времена Кесаря Августа

О Либурнех, Славянех Иллирических

Либурны Иллирические многажды воспротивлялися Генералом Римским. Разбили Лентула и Габиния, Генералов славных. В дальнейших же вѣсех от оных были славны в войнах карабельных. Всегда держали в чину великой флот, которым приступали ко островам Архипелажским и некоторыми завладели. Архиа Коринтан, основатель Сиракузский, в Сицилии оставил Керсирата, от породы Ираклидов, с частью своего воинства, обитати в Скерии, которая ныне нарицается Корцула. Той прогнал Либурнов, бывших ту владетелей. Либурния провинция восприяла сие имя от града начального, зовомого Либурния. Сия провинция древнейшая есть, ныне же приведена на уезд града Зары. Повествует Плиний во главе II, книги третия, что прешедшии во Апулию, во страну Педиколов, девять юношей, с толиким же числом девиц Иллирических, народили с предпоступанием времени тринадцать народов. Грады же сих Педиколов были: Рудиа, Игнатиа, Бариион, первое называна была Япед, ныне же Бары. Сия места потом были наречены Певчеции, или Певчентины, восприявшие то имя от предреченных юношей, которые были Либурняне, из которых едина часть называлися Певчециане.

О Далматянех, Славянех Иллирических

Народ Далматский за свое мужество и храбрость в хитрости воинской никогда довольно похвален был между всеми прочими людьми Иллирическими. Гречестии же и Латинстии писатели прославили их мужественнейших быти в войнах.

Сии Далматяне первое имели баталии с Римлянами, во время, егда Теука Царствовала в Далмации. Потом ратовалися с Гаем Макрием, который в первом сражении был побежден от них. Того ради, последи не преставали воздвизати оружие на Римлян и на протчих Иллириан, их союзников. Не приняли послов, посланных от Речи Посполитыя Римские, разбили караулы войска. Марка Фиегола Генерала Римского, прогоняя его даже до реки Нарона: Пришел Цецилий Метел, Консул, со другим войском, которого Далматяне дружески прияли. Он же по презимовании в Салоне-граде первнственным и дружеском к Римлян, возвратился в Рим, триумфствуя о Далматянех, не воевавшись с ними. Во время же войны Кесаревою противу Кельтов, взяле Далматяне насилем град Промону у Либурных, которые жаловалися о том Цесарю, бывшему тогда в соседстве их; он же послал послы к Далматом, дабы паки отдали Промону-град без всякия ссоры. Егда Цесарь предреченный воевал противу Помпеа, Далматы порубили у него спомощных 15 рот и три тысящи конницы Римской, которых ему Габиний вел. Вступившу Цесарю в войну на Парфян, побили Атиниа с тремя Компанствы, посланными от Цесаря к пограничным местам Далмацким, дабы известну быти о вере послов посланных к ним. Не за много прежде убили Бебиа, человека Консуларного и Капитана предреченных полков, утекшу Атинию в Рагузу Старую. Война (которую Далматы учинили, совокупяся с Пеонами, своими приятельми и соседями, противу Октавиана Цесаря и его Генералов Германика и Тивериа) была свирепейшая паче всех протчих. Число воставших — 800 тысящ человек, между которыми 200 пехоты, и 9 тысящ конницы было боевых действительных, под управлением Бапттона и Пинка, людей славных. Разделилися люди их на три войска: едино определилося наступити на Италию, другое вошло неприятельски в Македонию, третие осталось ко оберегательству отечества. Развоевале провинции Римские оного соседства, Македонию мечем и огнем сокрушили. Цесарь же и Сенат убоявшеся от тех поступков неприятельских: Толико паче, что, по речению самага Августа, могли бы достигнути в десять дней ко вратам Рима: Егда же всякий Сенатор и кавалер Римский до конца понудился, еже способствований иждивению сея войны, был послан Тиверий, с тридесятью полками, с которыми долженствовали совокупитися Цецина и Сильван, Планции Консоларные, с подмогою пяти иных полков и с великою частию конницы Металла Короля Фраческого. Далматяне прежде, дондеже бы не сочинилося тое совокупление, наступили на предреченную подмогу и порубили ю¹, почитай всю, в штуки², тако что Тиверий имел многие неудобства, еже покорити конечно под иго Далматию, яже подаде больши стужения Речи Посполитой Римской, чего не учинила другая война Карфагенская, по се время. Егда же Цесарь Август победил предреченным образом Далматян, покорил себе в тоежде время жителей острова Меледа и Корцулы, которые разбивали по морю.

¹ Ее.

² На куски.

Из которых приказал Цесарь побити молодых, а старых продавати народно по оценке. Между Далматами были Даорты и Дезидиаты, аки непреборимые ради строптивного положения места и ради свирепства остроумия их, и ради чудесного знательства в хитростех воинских, которые никогда не были всесовершенно покорены Римляном, даже до времен Отквитана Кесаря. Он потщался зело одолети их. Егда же погасла Монархия Римская, Далматы имели многие войны со прочими державствы и государствы, воспротивляющесе храбро всякому, кто искал лишити их от природные вольности. Между того билися многое время со Енриком, сыном Оттоновым, Саксонским, который пошел в Далматию со вооруженною рукою. Далматы, соединившесе с несколькими Боемами и Сорабами¹, вошли в Саксонию, протекли и в Турингию. Но, понеже бесчиновно устроении, разоряху страну, наступил на них Конте Поппон, разбил и разгнал с великим побитием их, а наипаче с Сорабским. О мятежствовании оных, Карлус Великий, Король Французский и Цесарь, оскорбился зело, понуждая примирити их паки себе, понеже они в войнах прошедших, противу Вилцов-Славян и неприятелей главных народа Французского, подали ему споможение великое, под правительством Витизана, их Государя, чтобы держати в своем почитательстве предреченных Славян-Сорабов и Авродитов. Первое Карлус подарил им страну обонпол Албиа реки, на которой обитали Саксоны, которых он, ради мятежничества, перевел оттуду во Францию. Во время же Генрика Первого и Оттона Третияго Цесаря: Далматия пострадала зело, за свои нахождения; однако же вышереченный Король Французский и Цесарь, всеми своими силами не могли приклонити непобедимых сердец Далматских к порабощению, но последние войны, которые имели с Речью Посполитою Венецкою². Той бо Речи Посполитой задали великие труды, прежде подданства своего им. Прежде времен Римских, Далматяне под правителством Дауна, Капитана славного, который ради войны Домашния оставил отечество, овладели оруженною рукою Япигию, ныне зовомую Калавриа, от имене же Даунова называли тую Давнию. Во время древнее Далматия владела градом Салоном Приамоном, Ниниею, Синотром, или Синотием, которые в прах были разсыпаны от Цесаря Августа. Господствоваше даже до Андретрия, места крепчайшаго, и до Далмидии, града великого, от которого восприяли себе имя Далматяне: Далматы на всякую Осмь лет чинили разделение своего уезду. Приходили в Салону Далматяне по должности написатися в десятки: 362 Далматян, 22 Декунов, 239 Диционов, 79 Мазеов, и 52 Сардиатов. Во град Нарону прихаживали, 89 городов по должности занимали во владетельство и больши, многие острова на мори Адриатском. И тако, созерцая добре великия силы Далматов, весьма не будет странно о том, что описано о их храбростех.

¹ Это уже, несомненно, события из средневековой истории славян, а не древних иллирийцев (первоначальных далматов современные историки, как и Орбини, классифицируют как иллирийский этнос).

² С Венецианской республикой.

О Дарданех-людех, Славянех Иллирических

Разные имели мнения писатели о стране, в которой обитали Дардане, — народ Славянский Иллирический. Едины определили их жителями страны нарицаемая Бошна, друзии же положили их в Сербии и Раци: Сей народ имел обычай обмываться точию трижды в течении всеа своея жизни. Первое егда раждалися, второе егда оженялися, третие, последнее, — егда умираху. Зело любили забавлятися музыкою на инструментах надымательных и струнных: Имели пресвирепыя войны с Филиппом; со Александром Великим, сыном Филипповым; со Александром, сыном Пировым; со Антигоном и с Димитрием, со всеми Цари Македонскими, последнего же изгнали из его Царства; многажды отражали от себе войски Римские, правительствуемая от Консулов Скрибониа, от Куриона Проконсула.

О Мезианех, или о Мизианех, народе Славянском Иллирическом

Двоякие были Мизиане Иллирические; вышние ныне названы от некоторых списателей Сербы, от иных же — Бошнаки. Нижния же ныне названы Булгары, вси единым именем названы были Скифы Меньшие. Сии же Мезиане были немилосерды, свирепы и горды. Марко Крассо, Консул Римский, егда пришел с войском грозным, еже бы покорити их под иго, Мизийское же войско стояще близ к оному войску. Во время, егда оба войска были в готовности сражаться, един Капитан Мизианин выехал вон из своего обозу и воззвал от войска Римского крепким гласом, спрашивая: «Что за люди?» Егда же ему возответствовано: «Римляне, господие всех народов», тогда Мизиане воскричали: «Будет тако, аще нас победите».

Сия Скифия Меньшая¹ еще обдержала страну Бессии и Триваллов. От Бессов произошли Бошнаки, якоже речется пространнее в разглагольстве особливом о Бошнии.

О Триваллах-людех, Славянех Иллирика

Филиппу, Царю Македонскому, победившу многие народы и покорившу вмаде не всю Грецию, и побившу войска неприятелей своих, едины токмо Триваллы паче всех протчих устремилися на него, егда он возвращался, обременен добычами, в Македонию; ранили его в бок тако, что прошедшее железо сквозь, ранило коня его до смерти, разгнали все его полки и овладели всею, елико было, добычею войска Филиппова, который имел великой труд спастися бегом и никогда потом дерзнул наступити на них. Александр Великий, сын Филиппов, хотя после смерти отца своего отмстити оную обиду, воздвиже войну на

¹ Великая Скифия в средневековом представлении простиралась на восток Евразии и на Крайний Север, практически неограниченно.

Триваллов; сии же мужеством небоязненным противустали ему. Последовали между ими многая сражения, в которых о Фортуне бе недоуметельно. Видящи же Александр, что не может их одолети, и егда они отступили в Левчу, остров Дунайской, восприяв дары от Сирмиа, Царя их, учинил мир с ними. И понеже искусил их силу во оружии, во всех своих походах воинских восхоте на войнах употреблять их, наипаче и Пеонов, и Агрианов. Жительствовали Триваллы во Фракии, и от Агрианов достигали даже до Дуная на 15 дней путешествия. Сначала страдали много от своих междоусобных ратей, потом же побеждени быша от Македонян и от Римлян. Между сими Триваллами такие были люди, которые токмо взглядом единым изурочивали¹ и убивали младенцев, на которых аще они посмотрят упорно очесы гневными.

О Агринех, народе Славянском Иллирика

Сии имели жительство свое между горы Родопа и Ема. Вначале Агриане имели войны неуступные со Александром Великим и с его отцем Филиппом, Царем Македонским. Потом же, примирившись со Александром, ясный показали знак своея верности в союзе, хотя развращали некоторые способники Дариевы, дабы учинили они спомоществование Дарию, Царю Персскому, неприятелю Александру. Но Агриане, и не присутствующу Александру, под правительством Лагара, Царя своего, укротили оную дерзость оных способников, расторгая и разбивая их полки, объявующених пребывати во смирении. Александр за сие воздав Лагару достойное благодарение, почтил его драгими подарками, обещевая ему в жену сестру свою скоро дати, егда возвратится в Пеллу. Но оный брак пресече тогда смерть Лагарова, с великою печалию Александровою. Той Александр всегда был многоприянив Агрианом и употребил их во всех своих войнах, кавалерию, имея яко споможение начальнейшее своего воинства Македонского и оберегателей своего собственного лица. И всеконечно Агриане быша причиною разбития и смерти Дария, Царя Персского, и победы, толико знаменитая, которую Александр восприял над Персами, ибо егда начася баталия, многие из Македонян в первом напуске были побиты и большая часть побежали ко Александру. Персяне же уже воздвигнули было высокий глас победительный, и Александр, окружен быв в средине от Персов, был в превеликой беде. Но Агриане, наскочивши на неприятелей окруживших Александра, принудили их паки обратитися противу себе и тем подали время Александру свободитися от беде и паке совокупити своих, и победити неприятелей. Споможением Агрианским получил Александр в добычу Ионию, Морею, обе Фригии, Каппадокию, Пафлагонию, Ардию, Карию, Ликию, Памфилию и Финикию. Храбростию Агрианов и покорил под иго Египет, и с Ливиею Греческою, часть Аравии, Килосирию, Месопотамию, Баланики, Сузы, Пер-

¹ Наводили сглаз, порчу.

сию, Мидию, Армению, Парфы¹ и вся люди, обдержимыя под державою Персов и Мидов², окроме врат Каспийских, Кавкаса и Дона реки. Силою руки Агрианские простре державство свое в Бактрианех и Ирканех, прогнал Скифов в их леса, покори́л себе Инд и Дасп, Акесин и Идраот, реки славнейшия.

Того ради да признается некаковым образом заслуга Агриан Иллирических, а во оных и весь род Славянский. Царь Александр дал грамоту жалованную, славную, которую по несколько сот лет некто Иулий Валтасар, секретарь Цесарский, обрел в книгохранительнице в Константинополе, в ней же написано — сице:

Мы, Александр Филиппович, Царь Македонский, Государь Монархии, изобразительный начатель державства греческого, Великого Диабога сын чрез Натавана возведен, обладатель Августов, и Брахманов, и Арбонов, от Восхода Солнечного даже до Запада, от Полудни до Севера, благородной породе Славян и их языку — милость, мир и здравие от нас и от наших наследников; которые во управлении света по нас наследствовати будут. Понеже нам всегда были есте в вере правдивы, во оружии мужественны, и наши проводницы, и сильные ратоборцы; за сие вам даем и сообщаем богато дарно, вечно, всю часть земли Северные, даже до границ последних Полудня Италийского и до гор Персидских, таково, дабы никто дерзал тамо пребывати, обитати, или жительствовати, разве токмо ваши. А ежели некоторые восхотят населятися, да будут вам невольники, и дети их да будут невольники ваших сынов.

Дана во граде Новой Александрии, которой основан нами на великой реке Ниле, в лето второнадесять нашего Царствования; представляющую нам великому богу Иовиту, Марсу и Плутону, и богине Минерве. Свидетели сего дела суть высокородный Алцета наш канцлер и протчие единанадесять князе, которых по смерти нашей без наследия нашего оставляем наследниками нашими и всея вселенной.

Сия грамота жалованная есть едина от древнейших, какову ни един иной народ вселенные может изоказати, во свидетельство мужества своих предков. Не должно видетися странно в предреченной грамоте речению сему: «Славоны», понеже Славоны и славы знаменует славные, и прослытыя, все едино суть, якоже речеса выше. Град же Агриа, суци в Дакии, был создан от сих Агрианов, бывших между гор Ема и Родопы, соседных Македонии.

О Македонянех, Славянех Иллирических же

Аще и некоторые писатели мнят, что и Македоняне повинни были причитатися между Греки. Однакоже может заключитися, что Македония была всегда жительствуема от народа Славянского, низходящего от Тира: Сие утверждается от доводов последующих.

¹ Парфян.

² Мидийцев.

Язык Македонянов всегда был разнствен от Греческого, сие утверждаю образом Александра Великого, его же воинство было составлено, большая часть, из народа Греческого.

Некогда Филот, сын Парменионов, Капитан старший людей Македонских Александровых, имея разглагольствие о едином своем деле пред всем множеством войска. Александр рече ему: «Македоняне, о Филоте! будут тебе судити. Я тебе вопрошаю, хоцещи ли ты говорити с ними твоим языком прирожденным?» Филот же ответствовал: «Ежели природным языком говорити буду, Греки не разумеют». Александр же, поношая Филота, глаголаше: «Слышите, Македоняне, яко Филот языком своим природным гнушается?» Се ныне явно есть, аще бы были Македоняне Греки, чего бы ради Филот отрицатися говорити по-Гречески пред Греками. Наипаче же и замолчанное согласие народов было первое, еже ввести в употребление писмена: ионическая, понеже и прирожденная речь Македонян была разнственна от общего языка Греческаго; есть признак явственнейший, что Македоняне не были причтены между Греки. И от сего такожде, что ни един Историограф пишет, чтобы во всенародном разделении языков Немродовых достался Македоняном един язык свойственно особый, разнствующ от всех протчих людей. И напротив, многие списатели утверждают, что Македоняне всегда были языка Славянскаго. Фукидид, генеральный Грек, который покорив, даже до Византии и Полю, великую часть Фракии и Мизии и весь Иллирик, нарицает вся сия пространная места единым имянем «Македониа», яко бы он судил откровенно, что места Фракии, Мизии и Иллирика были едино с Македониею, на еже быти им тогожде единого языка с нею. Окроме того титула Царей Македонских и Греческих разнствуема¹, и обычаи природные тех и других толико разнственны суть, что показывают много: Македоняне не были Греками. Сего ради, аще неколи, а наипаче у повествователей Варварских, и читается, что Александр Великий был Еллин, тое бысть того ради, понеже Греки были более знаеми паче всех протчих народов Европских, за древность ратей своих с Восточными². И того ради вменяеми, яко люди Западные были все Греки. Якоже и в наши времена Греки и Турки, и вси протчие народи Восточные мнят всех людей сущих веры Католические, яко суть Немцы. Иеремия Русянин, добрый Историк, в «Летописях Московских» пишет явно, что Россиане и Македоняне древние были одинаго тогожде языка. Македоняне, под вождением Филиппа, Царя своего, принудили прегордые грады Греческие к послушанию своих законов и покорили под иго работы всю Грецию, яже до онога времени бысть свободная, сравняшеса своею славою с превысокими царями. Александр Великий, сын Филиппов, обладал даже до предел земли; пограбил многое множество народов, и умолче земли пред ним, обладателем. Последи же Александра Македоняне и их наследники господствовали 266 лет Египтянами, окроме многих иных Царств.

¹ То есть сам этот титул указывает на различие македонцев и греков.

² С восточными народами.

О Иллирианех-Славянех, обще

Иллириане по смерти Александра Великого служили в войнах и иным Государем, а наибольши Римляном, которые, знающе мужество их, тщалися держати их всегда за приятелей, и во неудобнейших действиях, и в бедственнейших временах употребляли полезно их воинствованием. Иулиан Цесарь воинствовал ими противу Мартиана. И понеже Державство Римское озлобляемо тогда было от Германов, поставлены были на обережение на пограничных местах два полка Иллирианов, всякой из них полк был по шести тысяч человек салдатов, нарицаемы Марциа Барбули, с которыми долговременные войны во окончание все приведены благополучно, даже до пришествия Диоклитианова и Максимианова. За заслугу их храбрости повелели Цесари нарицати их Иовитианами и Геркулианами. Ниже Цесарь Август был от иного народа толико вспоможен в войнах междоусобных, ниже Уалент Царь в походе от Востока, елико от Иллириан. Они же воинствовали и под Велисарием во Италии на Гофов; идеже паче всех иных показал великое храбрство Назем, начальник Иллирианский. Между тем Далматяне имянно процвели паче всех в храбрости оружия, их же имя всегда было славно.

О Далматянех, Славянех Иллирических, о твердости и поступках их

Далмация была Палестра, или школа воинская, салдатству Римскому, где они обучались оружию и обыкали трудам военным. Понудилися Римляне в их превеликия начинания, дабы Далматян иметь за товарищей при бою, который имел Клавдий Царь с Гофами, которых число доходило до 350 тысяч воин. Конница Далматская показала искусство изрядное своея храбрости во время Онориа Царя, егда дела Римские обреталися в великом бедстве. Полки салдат Далматян были поставлены стрещи города Рима, понеже, за их храбросердечество и за силу телесную, были аки крепость начальная всего войска Римского. И ныне Султан Турецкий, употребляющей начальных: глав к правительствам, избирает вождей главных своим войскам из сего народа Иллирического, держащи к охранению своея особы, число до 20 тысяч янычарей от тогожде народа.

Елико надлежит к языку древнему Далматов и протчих народов Иллирика

Аще некоторые и восхотели подтвердить, что язык нынешний предреченных¹ людей есть разнствен во всем от онога, который они имели сперва, и что он первое введен был от Славян в лето Господне 606-е, егда сии Славяне овладели оными местами, где в прешедшыя времена был или Греческой, или Латинской

¹ Описанных выше.

язык, обаче не должно держати за известное, что в Далмации и во Иллирице был всегда той же язык, который днесь тамо обретается, хотя от нахождения Гоффов, и Славян неколико отменился. Довод недосвидетельствуемый есть о сем, что где-либо первые жители единыя страны ни поделися, весьма остался всегда первый древний язык оныя страны, разве точию неколико отменился, якоже видимо есть во Италии, где остался язык древний Латин, аще и растлен от непрестанных находений разных народов чужестранных. Тоежде случилось и Далматом, и протчим Иллирианом, которые, сообщаяся со Славяны, развратили свой язык древний и из дву языков разных учинили един третий, сродствене двум. Тое есть истина, что в некоторых градах морских Далмации были переведенцы Римские, которые говорили языком Латинским. Но и то есть правдиво, что оные перевелися вси, егда оными местами овладели Славяне, в лето от Христа 606-е. Един другой довод неоспорный — перевод Святаго Писания, учинен от Святаго Иеронима, учителя Церкви Римские, языком Славянским Долматом и протчим народом Иллирическим, мало не за двести лет прежде как Славяне овладели Далмациею, отчего производится безсвидетельственно, что язык Далматский и Иллирический был прежде прихода Славян: Сия истина показуется всеконечно от разных имян городов Иллирических, яко же Грапсокорита, Белазоря, и иные, которые имяна суть вся Славянская. Аще же бы и виделось, что язык древний Далматии и Иллирика был един со оным Гофским и Славянским, но сие удобностью разумевалися между ими, ниже было такое разнство между Далматов и Славян, елико было между сими Иллирианы.

О благородных и знатных человецех Далматии и Иллирика

Кроме оных вышепомянутых от порождения Славянскаго Иллирика, обретаются еще последующии мужие знатнии: Клавдий, проименованный Флаций, и его брат Квинтилий, Проб и Кар, Цари Римские, родишася от родителей Иллирических; по последованию, Карин и Нумериан Цесари, дети Клавдиевы, были от тогожде народа; Габиний, с Диоклитианом Царем, и его сын Максимиан, и Максентий, его внук, сын Максимианов, были Далматы; Декий Август, с Декием Цесарем, его сыном, и Овиниан, два Уалентиниана, Уалент Гратиан и Валентин, Цари, имели порождение из Паннонии. Галлерий и Максимин, и его зять Аврелиан, и Ликиний были Даки, последовательно, Славяне; два Максимиана имели началородие из Фракии; Констанц Цесарь, отец Константина Великого, был внук по степени свойства Клавдия Августа Далматянина; от Бессов или Бошняков, народа Славянскаго Иллирическаго, имел началородие Леон Первый, Царь. Иустиниан, Первый сего имене Царь, родился во граде при Стене Сербском, или во оном Ахрида, ныне нарицаемом Охрида (также Сербский), и назван Иустиниана. Первая: между всех добродействий великих (которые учинил еси Иустиниан Великий

Царь) было оно, достойно вечные памяти, еже повелел в вести (тщанием Иоанна Патрикия, Трибуниана и Терфила Дорофеа) две тысячи статей рассеянных о судоправительстве гражданском, действованном во вся времена Римские Речи Посполитыя в 50 книг, нареченных «Деяния народная», и заключити сию плодovitую материю в четыре свитка малыя, названные «Постановления: ради удобства о судоискусстве». Иустиниану наследник бысть в державстве другой Славянин, который был Иустин, племянник Иустинианов, рожден от его сестры: По пренесении же Державства Римского к Германом, Карлус Сигисмунд и Венцеслав, изшедший от рода Славянского Чешского, имел достоинство Державственное. Не лишался род Славянский и людей славных, и ученых. Святой Иероним, Учитель Церкви Римския, рожден в земли Стридонской Далматии, его же благоречие, якоже глаголет Августин, на Иулиана сияше, якоже Солнце, от Востока до Запада; человек толикия власти, яко и ученая Греция, учительница, хвалимая миру в писменах, долженствовала просительствовати списания о Библии, учиненная от сего Далматянина.

Далматия даровала двух крайних Архиереев славных Церкви Римской: Гаиа и Иоанна Четвертого; из них един первее украсил Церковь Божию многими уставами Святыми. При Диоклитиане убо Августе, своем сроднике, венец мучения приял. Другий, который родился от отца Венинтия Схоластика, человек сый благоговеин паче протчих, иже своим именем многих пленников Христиан скупил, преставися в благовонии Святостном. Гавиний, брат реченного Гаиа, человек зело ученый в Святом Писании, со Сусанною своею дщерию (девою преизрядные красоты, юже искал пояти в жену Максимиан, сын Диоклитиана Царя) мученьми зельными по указу реченного Диоклитиана замучен, который венец такожде получили Максим и Клавдий, братиа Гаиевы и Гавиниевы, со Препединою, женою Клавдиею и со Александром и Лукиєю, с своими детьми. Марине ж Лев братия, рожденные в Далматии во граде Арбии. Кирилла, дщи Декиа Царя, Артемиа, дщи Диоклитианова, и Серена, жена его, замучены от Максимиана брата его же.

О разделении Иллирика, учиненном от Римлян

По толиких стах минувших лет в непрестанных войнах Римляне трудились, дабы получить Иллирик; и, наконец, получив намерение свое, покорив под иго свое, разделили его на десять провинций; взаимно прременных и придержащихся Державству Римскому. Первая провинция была Норика Береговая, близ Дуная, вне иже были солдаты Римские, на охранении, которые наречены Рипарии, или Рипариолы (то есть береговые), ныне же нарицается. Австриа. Вторая провинция был Норик Междуземной, первый, или Верхний, в котором жительствова-ли Бойи, обону страну¹ Ема реки, нынеже зовомо Тиролии. Норик второй, или

¹ По ту сторону.

Нижний, был третья провинция, ныне жительствоваема от Стириан и Ларионян. Четвертая провинция, Валерия, древле была часть Паннонии, и бе одержима между рек Драва и Дуная к Западу, ныне же творится часть Австрии и Унгарии; пятая была Паннония, между рек Дравую, Савою и Дунаем; ныне же Унгариа и Карни; в той был Сирмий, где река Баконший впадает в Саву и есть гора Алм. Шестая приближалася Паннонии и была провинция, реченная Мизиа, начинающаяся от предреченного поречия, и простиралася даже до Понта, разделена едина в верхнюю и другая же в нижнюю: Первою владели Трибаллы, ныне же Сербы и Болгары; другая, составляющая седмую провинцию, на ней же обитали Скифи меньшие, или нижние, иже суть Влахи, и часть Болгаров. Между сими была Дакия Береговая; осмая провинция, по сей стране Дуная, учтена по изгублении Дакии Дунайской; девятая провинция была Либурниа, свойственно названа Иллирик, новосведенство Ядры, или Цары, ныне же наречена Славониа. Десятая и остатняя провинция Иллирическая была Далмация; грады начальные оная были Салона и Епидавр, ныне же Рауза¹. К сим десяти провинциям Римляне присовокупили потом другия пять: сиречь Дарданию, Емимонту, Ахайю, Македонию и Фессалию, которые называли все единым именем Иллирик, и в них имели Губернаторов и урядников Римских, един Мартал, Преторский Сержант, или Хоронжий Воинства; три Капитана, един в Мизии Нижней, другой в Дакии, третий в Мизии Вышней. Были два Консолара: един в Мизии Нижней, другой же в Дакии Междужемли, и осмь Президентов. Под Маршалом Преторским во Иллирике были две Губернии: Македониа и Дакия. Кавалериа Далматская содержала пятое, осмое и девятое место в воинстве; под Хоронжием всего Иллирика были урядничества и достоинства последующая.

Урядничества и достоинства Римския во Иллирице²

Един полк Палатинской, Бертоны старые, помощных Палашинских шесть, младые, вооруженные копиями; сайдачники выборные, непобедимые Иовиане; несломные осмь полков Контейств, то есть Марциане, Костантезы, Марции, Дианские, старые компани Германиковых. Вторые копейщики Августы, Минервиане и копейщики молодые, вооруженные по обыкности Контейств; последующие, щасливые Феодосиане молодые. Бургарацезы Скомпезы: Улпианезы, Метезы, вторые Феодосиане, балестриеры [каменометники из самострелове] Феодосиане молодые и Скапезы. Сие воинство описанное имело правителей и официалов последующих, сиречь одного Принципа, двух писарей, или сметчиков, одного Секретаря;

¹ Рауза, Дубровник.

² Практически не воспринимаемый сейчас в издании 1722 г. текст приведен к современной терминологии и откомментирован во второй части книги.

начальные ящечные, которые учиняются писарьми, казначеи, приемщики и прочие, ради охранения персоны. Контей Подарунков¹ во Иллирике; Контей купечества во Иллирике, главный над казначеями. Контей над Металлами; последуют урядники вышереченного Контеа купечеств во Иллирике. То есть Приммикирий (писарь принципской) всего урядничества, Приммикирий ящика правильного, Приммикирий Нотарский, Приммикирий ящика щетчиков, Приммикирий ящика слитков золота, Приммикирий золота на ответ, Приммикирий ящика одежд Священных, Приммикирий ящика серебряного, Приммикирий ящиков тысячных, Приммикирий ободей перстневых: Приммикирий монеты и прочих менопенезников; ящечники вышереченных ящиков, второподписчик урядничества, и сей есть Приммикирий, первописарь приемщиков, третьей подписчик урядничества, которому надлежит попечение о колясках; в четвертом месте письма, и прочие дворяне, или урядники полатные; под пятым совершеннейшим Президентом Далматским были урядничества последующая: един Принцеп, един трубник, два куриера; един Секретарь, един Канцлер, един Агент, един подканцлер;: приемщики прочие были ронинные, которым не было повольно преходити во иное войско, без единого знака глаголющего, по милости Принцесовой; прочие президенты имели урядничества второрядные, по подобию Президента Далматского: Капитан гвардии податной, различяло областех последующих; о Италии, Иллирике и Африке. Урядство майстрово урядничеств, Канцлер, подканцлер и подканцлеры строений, Куриоз курса публичного присутственно, Куриоз всех провинций, переводчики всех народов строительства Иллирическая были последующая. Сарми щиты, седла, оружия, щиты Ацинковы, щиты Корутовы, Салонские оружия, под управлением яснейшаго Контия подарков Священных, были последующия Контией: подарунков во Иллирике: компутисты вторья Паннонии, Далматии, и Савии, Компутисты (Сметчики) суммы первья Паннонии, Валерии, Норика Медитеранского² и Берегового, Препозит Салонитов Далматских, Препозит Сисцианов Савии, прокуратор монеты Сисциа, прокуратор дворов, прокуратор двора Башанского Паннонии Вторые, преведены в Салону двора Сирмсаго Вторые Паннонии, двора Иовианского, Далматсаго, Спалата Баффа Салонского, в Далматии. Сии были урядничества и достоинства, которая имели Римляне ради правительства Иллирического и Далматсаго; в которой провинции обретающийся ныне град Раузский, имене и языка Славянского, един токмо вольныи и светлейш, не токмо Далматии, но и всего Иллирика. Тако за древность свою, якоже и за мужество своих гражданов в прошедших временах не будет вне намерения, ради окончания сея беседы, еже возглаголати началобытие, дела знаменитейшия, случившиися в сем граде, к вящей славе народа Славянского.

¹ Даров.

² Средиземноморского.

О началобытии, о поступках и о делах, памяти достойных, Речи Посполитыя Раузския, народа Славянского Далматии

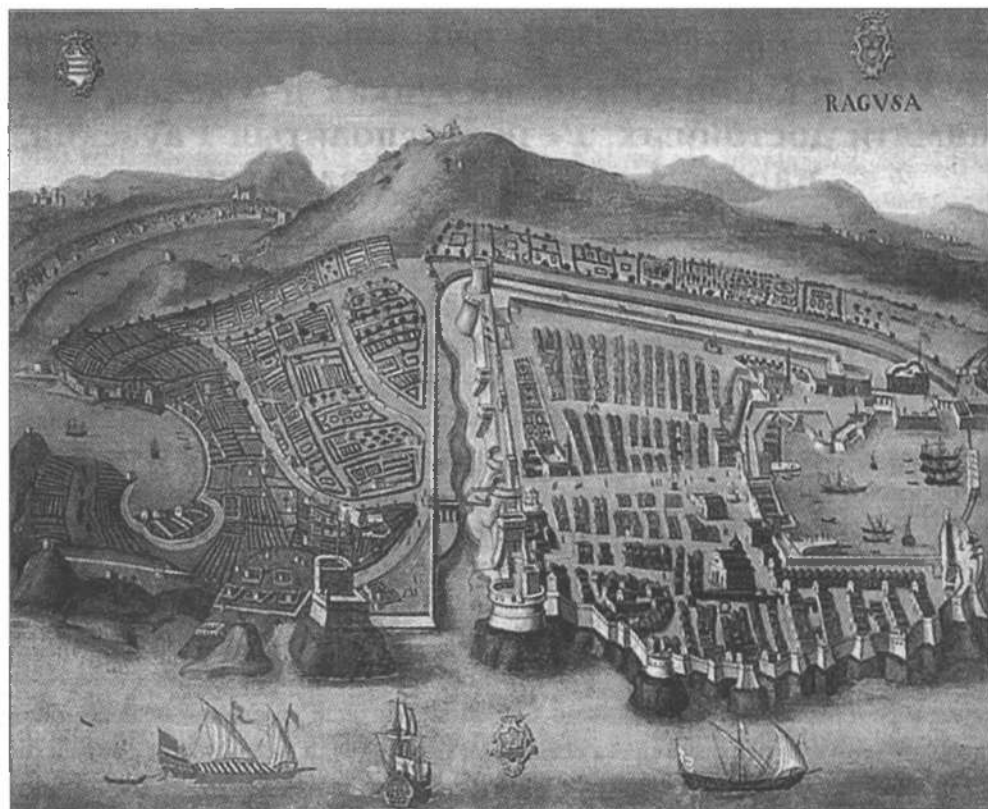
Град славныи Рауза был основан на разрушениях¹ града Епидавра, который уже был Колониа у Римлян, наречен Мариа, девятый полк. Сей град Епидавр был знатен и древний, основан во время, в неже родился Моисей, вождь и законодавец людей Еврейских, в лето от миробытия 2606-е, и содержащеся даже до времен Валериана Царя, лето Спасительного Рождества 265-е, в неже время, нашедше Готфы на Фракию и на Иллирик, раззорили великую часть Епидавра. Того ради богатейшии и можнейшии граждане Епидаврские, да избудут впредь такова неистовства народа Варварского, построили на высоком и неудобвосходном крутобережном острове в море, и по природе, и по художеству зело безопасну от всякого нападения сухопутного и морского, едину небольшую фортецию, которая в лето 283-е благородно возвращена. Сарматы во времена Проба Царя, озлобляюще Иллирик, опустошили аки весьма город Епидавр; который потом был оставлен весьма, егда во оном месте объявился оный славный² Змий, названный Боус, пожирающ быки, умерщвляя пастихи и разтлевая воздух дышанием. Сей Змий обиташе во единой пещере, зело глубокой (которая пещера видима есть среди Епидавра), и бысть потом сожжен от самого Святаго Илариона, в лето Спасительного Рождества Христова 360-е. Град же Рагуза восприял свое имя от камене, нареченного Греками Лас, того ради первее нарицалися Лаузяне, потом же, пременением первыя буквы «л» на «р», нареклися Раужане; первые стен Раузских обход³ протяжался полмили окрест. Первые творцы сего града Раузы были Григорий, Арсаций, Валентин Архидиакон, Ифавентин Иерей Святаго Стефана, суть даже до сего века, лет с 1360, по отхождении своем из Епидавра, построили сей град. В нем же положено и тело Святаго Панкратиа, в Церкви Святаго Стефана среде града положено. Вначале Рагузяне, стеснени бывше в малой и бесплодной стране, с великим тщанием и прилежанием вдалися торговли и купечествам морским; с поступанием времени возрасли богатством и людьми ратоборственнейшими; торговыми же промыслы нажили богатства; крепостию же природною подданных⁴ родилися люди, храбрейшии во оружии. Но ниже сие должно весьма видетися странно: яко та страна, еюже владеют ныне Рагузяне, еще прежде приходу Славян во оная места производила всегда людей храбровоенных, понеже первое обитали в ней Партины, которые часто бивалися с Римляны, внегда же оное державство было в вящем цвете, тогда помогали им на их неприятелей. Во время Помпеа отложилися было Епидавряне, люди Партинские, и по некоторых сражениях той бунт бысть укрошен от Поллиона. Римляне, егда ходили с Германи-

¹ На развалинах.

² Знаменитый.

³ Периметр стен.

⁴ Благодаря свойственной им врожденной силе.

Изображение Рагузы неизвестным художником в 1667 г., несколько десятилетий спустя после издания книги Мавро Орбини. Собственно древняя Рагуза, с ее мощными крепостными стенами на прибрежных скалах, занимает правую половину картины; в левой части — примыкающее к Рагузе селение Дубровник, давшее городу его современное хорватское название

ком на град Ретин, или Ротаней (егоже следы и ныне видятся в горе Кумане, уезде Рагузском), быша зело озлобленни железом и огнем, верженным на дома града от осажденных и избегших в замок, и погиге большая часть осадителей. Цесарь Август, зело порицая некогда безмужествию Марка Антониа, напротив же, хвалился сам, что силою своею покорил (между протчих Иллириан) Партинов, которые, будучи в дружбе с Римляны, многажды им помогали в их войнах во Иллирике на неприятелей; а наипаче во освобождении Башпинатов от осады, отчего видится ясно, что уезд Рагузский был природно плодovit людьми военными. Самую же вещь¹ во времена новейшая правительства своего показалися всегда таковы. Но егда Михаил Царь оставил мало не всю Италию и многая места Сицилии на разграбление Варваром Карфагенским, Скифы Паннонские, Далматские и протчих мест, сиречь Корваты, Сербы, Захлубы, Тербуниоты, Каналиты, Диоклитианы и Раутаны, отряспе иго Державства Римского, ему же быша подлегли, положилися в вольность. Тоя ради причины, Агаряне Картагинские, под вождением Султанов Саббы и Калфуты, чело-веков в хитрости морской обученнейших, с тремястами Караблей, напали на места Державства и взяли многие грады Далматские, между которыми Бутаму (ныне Буда) Розу и Катар Нижний, осадили Рагузу, первый град сего народа, держаще его чрез долгое время осажден, ради великого противостоятельства осажденных, которые, видевши себе пришедших до последнего изнеможения, послали послов к Михаилу, Царю Константинопольскому, прося помощи. Их же, умершу между того времени Михаилу, приял Василий, Македонский Царь, наследник Михаилов, и получили от него Флот в вспоможение, состоящ во сте Караблех, под вождением Никиты Патрикия, Адмирала Морского, по прозванию Орифа, еже употребити противу Варваров. Варвары убо, услышав прежде о приходе Флота, оставили осад Рагузский и обратилися во Италию, нападая овогда на оную страну, овогда же на глаголемую Лонгобардию; взяли град Бары и тамо остановилися, завладевая весь оныи Тракт страны, даже до Рима. Но Карваты и иные, прежде помянутые, вступивше под защищение Царя Василия, възукрепили своими людьми флот его Карабельный и, соединяся в помощ сильную с Рагузяны и оным на бедство Короля Французского и Папы Римского, собрали сильнейшее воинство, с которым, под правительством Орифы, завоевали Бары. Король Французский, с другим войском помощным, разбил славно Солтана и поймал его жива, со всеми Агаряны, оставшимися от бою. Войска Рагузские и протчие Славяне стояли потом многое время в Лонгобардии под правительством Прокопия, Протовестиариа Василивса и Капитана Славян, и западных. Сей Василий Капитан со своими людьми учинил многие дела Героиские, с побитием великим Срацын; наконец, пришедши в несогласие со Львом, другим Капитаном, товарищем своим (которой имел при себе Македонян и Фракиан), бысть побежден от неприятелей в сражении оружия, по преданию² отреченного Льва, своего товарища. На той баталии пропало много Славян и Рагужан, прежде всегда живших в своей природ-

¹ «И в самом деле».

² В связи с предательством.

ной вольности. Некоторые списатели Венецкие, разве токмо пристрастни суще на отечество их, сказали, что Рагуза поддалася под защищение Венецианом, в лето 998-е, во время Петра Арсеола, Князя Венецкаго, который воздвиг войну на Нарентанов; и яко оныя Рагужане посылали своего Архиепископа, с неколикими своими благородными людьми, первыми из Рагужан, о подданстве предреченному¹ князю. Сия ложь видится явно от летописей оных времен, в которые времена Рагуза была доведственна в союзе с Василием Порфиригенимом, Царем Константинопольским, с которым и Венециане были такожде в дружбе такой, что во время Державства его предреченный их граф Арсеол получил от него вольность от дани. И тако, аще Рагужане тогда приятели бывши единого Царя, толико сильного, какую бы имели боязнь или нужду, из вольности какову имели, учинитися своею охотою подданными иному. Но причина похода Архиепископского и благородных Рагужан к Венецианом неведома Сабеллику, хвастателю торжествования лживого. Ибо была не такая, как выше помянуто, но сия последующая. Егда пребывали Венециане в войне с Нарентаны, Петр Арсеол, Граф, послал десять караблей раззоряти границы неприятельские. Егда же сии шли в той поход, встретилися на един карабль Рагузский, зело великий и нагружен богатыми товарами. И было в Борде несколько купецких людей Нарентанов, на которой Карабль нападши Венециане и взяли его. Рагузяне уведомившись о том деле неправедном; послал Сенат сего града Рагузы несколько благородных со Ариепископом в Венецию, просити о отдаче взятого. А на случай, ежели откажут, засвидетельствовати присутствием предреченного их Ариепископа, дабы принести те жалобы пред Царя Константинопольского (с ним же обе те страны были Союзны) и в том себе от него сатисфакцию да получить. Сия быша истинная причина предреченного посольства, о немже Сабеллик описатель, многожды сам себе противословен бысть, не имея ведомости. И понеже он ослеплен пристрастием к Речи Посполитой Венецкой, своему отечеству, егоже понуждается прославити светло, чиня дела Венецианская неразсмотрительне, нестерпиме, списатель нелицемерный, чем наипаче тое отечество помрачает и творит подозрительно последородным, о чесом он сам нам дает пример ясный во своих воспоминаниях и о войне Венециан с Нарентаны, которых не престаает называти немальми ворами. И потом нам паки повествует, что оныя немалые воры, в расстоянии непрестанном ста седмидесяти лет, нападали, оскорбляли и еще того горше, учинили дани даятельницаю обогатырствованную Речь Посполитую Венецкую, которую за сие ему должно имети не в великом возвышении; еще же мало и верити ему надлежит ради оных его меру превосходящих и пристрастных возвещений, из которых выключается толикое недобоверство в его почитании. Того ради на порок такового неосмотрительного писателя, остает уже се истинное: что Речь Посполитая Рагузская всегда жила вольная, ниже от чужестранных была правительствуема много, разве токмо единощи, егда, дабы свободитися от мучительства Дамиана Иудова, благородного Рагуженина, намерилася, прияти правительство временное Венецианское, тако согнетена

¹ Вышеупомянутому.

бывши нуждею, которая не приемлет закона естественнаго. Таковому делу научает нас горностаи, животное безсловесное, утеснен бывши от грязи и от огня, производит лучши итти в той огонь, нежели окалятися грязью. Беды бо последния требуют лекарств закону естественному всеконечно противных; случай же страдания, тогда учинившегося Речи Посполитой Рагузской, был сицевый.

Рагузская Речь Посполитая бывала во оное время правительствуема от единого Ректора, который нарицался Магистрат вышший оного Государства, глава Консиллии, и Президент в Палате Публичной. Правительство сие пременяемо было с года на год. И тако, в лето 1260-е, был обран на оное достоинство¹ Дамиан Юда, человек богатый и высокомысленный. Той, вкусив сладосте господствования, вступил в первенство, чтоб удержати правительство Речи Посполитыя, выше предела закона предъустановленного, и быти бы вечным и Самодержавным Принцепом²; учинил на своем коште ради сего злоначинания великую гвардию салдат и по исполнении года в правительстве своем ввел тайно в город своих единомышленников и спомощников. Потом, егда прииде день собрания Консиллии, ради обрания нового Ректора, не созвал большой Консиллии, ниже восхотел изыти из Палаты. Ко слухоразношению шляхетства дал знати сице, что его рассмотрение было переобразовати злоупотребления, введенная в правительство от несогласии шляхты мятежетворные. И, сие дело учинив, будто бы намерен отложить потом правительство и жити в монашестве. Той притвор показался наипаче удобоверен, понеже он не имел детей мужеска полу; но понеже некоторые благородные, вначале оные первой фамилии Бобали, не поверили его словам; наипаче же его укаряли всенародно за его Тиранское намерение и воспротивлялися ему всею силою. Но той Дамиан Иуда приказал тайно Гашперу Унгру, Капитану Гвардии своей палатной (салдаты гвардии суть приставы приписные, обычайные, правителя Рагузскаго), еже заключити в тюрьмы оные особы, а достальные благородные, уведомившись, побежали в Бошню от страха Тиранского. Он же, свободен будучи от всякого страха, тиранствовал более двух годов единоголасно, озлобляя непрестанно Речь Посполитую Рагузскую, со предосуждением отечества и добра всенародного, и со соблазном свойственных своих сродников. Чего ради Петр Бенеша, зять мучителей, молодец великодушный и великоревнитель за освобождение отечества от Тиранства, по желанию от множества некоторых начальных Сенаторов, тайно был послан в Венецию, под притворством дела свойственнаго просити помощи от Венециан и предложити правительство единому коему-либо из оные Речи Посполитыя. Венециане убо, приемши предложение, дали Бенеше две галеры, добре вооруженные, под образом двух Послов, притворно посланных к Царю Константинопольскому, с которыми пришел к пристани Рагузской, сказал тестю, что предреченные Послы имеют себе приказание согласитися³ с ним, прежде отшествия ко двору Царскому, и того ради должно ему воззвати их

¹ «Избран на эту должность».

² Князем, правителем.

³ Заключить соглашение.

на свой обед. Дамиан Тиран позвал их на угощение; последи же и Послы просили его на заутренний день, взаимно, на угощение в свои Галеры, еже бы показати ему дары и гостинцы, которые Речь Посполитая Венецкая посылает Царю. Он же, не усумневаяся какому-либо быти обману, а к тому же от зятя увещан, еже содержати дружбу с оными Послами, отдал им Визиту в предреченный день в Галерах, в которые едва токмо вшел, офицеры галерные, наученные хитрости, приказали поднять якори и отступить далее в море, потом Дамиана ввергнути в тюрьму связана, яко юзника¹. Он же, видя себя впадша во власть других, болезнуя о измене зятней и Венецианской, паде во отчаяние и, ударяясь многожды головою о древо кормы галерные, убился до смерти; убийца сам себе бысть, который прежде был отечеству Тиран. Бенеша возвратился паки с Послами в Рагузу, где в народе начали кричати вольность; аще же и многие шляхтичи понудилися, чтобы привести дела в прежнее состояние, без вступления Иностранных. Не хотящи же множество оного народа изменить веры Венецианом, избрали за Ректора единого из предреченных Послов притворных, зовомого Марка Дандол, обаче же с договором, чтобы не мог делати какое-либо дело без указу и сообщения Сенатского, и сие последствовало в лето 1202-е. Но сей Ректор Венецкий не имел власти над делами всенародными и никогда не держал больше четырех слуг, без обыкновенные Гвардия салдатские. Вкратце реши, был тако презрен, что некогда напал на него в Церкви Соборной един шляхтич, имянованный Сарака; не возмог никогда в том получитьи сатисфакции от Сената Рагузского, аще и учинил о том прение. Сей есть случай, который подал подлог баснословию списателей, которые мечталися умом, что оные Галеры пришли покорити под иго един град Рагузу, которого жители своих вьдщи 20-ти галер имели в мори, и что, в лето 350-е, прежде возпротивлялися осаде всеми силами Срацинской и послали помощь немалую людей самому Царю Константинопольскому, еже поратовати² Срацын во Апулии. В чем в неправде остался Венецкий историк Сабеллик, тако в сем месте, якоже и во иных, где пишет о Рагужанех, буди хотя забыл о чистости дел, или от злобы, или от погрешения. Тоежде еще учинил Историк Цезарь Кампана, списатель века тысяща шестсотнаго; сей в 15-й книге, во второй статье написал, что в лето 1594-е, усумневающаяся Рагужане от нахождения Цикал, Капитан Баши Турецкаго, просили Венециан о вспоможении, умыслившие лучши поддатися их присуду, нежели оному неверных. Лживость сего повествования Кампанова зело познали сами Венециане и от околичностей союза оных времен: понеже Речь Посполитая Рагузская ни чрез писмы, ни чрез Послов, ниже иным коим-либо образом притекала во оное время не точию к помощи Венецкой, но ниже к Королю Ишпанскому, ниже к Папе Римскому, которым такожде в сем времени имела бы притещи с прошением о помощи, аще бы нужда была таковая, какову подлагает лживно Кампана. Но самую вещь и Рагужяне знали зело изрядно приуготовление Цикалино, что он, Цикала, на них не готовился, ниже смечали на которую-либо страну Адриатского Моря; но только на получение

¹ Узника.

² Повоевать (от слова «рать»).

владательства Тунисского, которое потом последовало, от того самого походу морского Цикалина. То уже ниже впало в мысль Рагужаном оное, что в сем деле повествует Кампана, немного известен о делах состояния оных времен и о учинениях Посполитыя Речи Рагузские, яже под различностью союзов имела войну и воспринимала и давала помощь другим Потентатом.

О войнах начальных Речи Посполитыя Рагузския

Окроме браней вышеповествованных, пишут летописи верные о делах прешедших, яко город Рагуза был в лето 1075-е осажден от Бодина, Короля Рашского и Сербскаго, чрез семь лет безотступно: понеже Речь Посполитая Рагужская стояла твердо, в содержании защищения, поданнаго племянником предреченного Короля, убегшим в Рагузу, ради почтения их. Оная подвинула сию брань в то время, егда град Рагуза уже зело распространялся великим стечением людей, купечеством морским и вольностью туда привабленных¹.

В войне, которую имели Алексей Комнин Царь и Венециане, на Роберта Гвискарда, Дуку Апулийского, Република Рагузская подала споможение Дуке на неприятелей. И егда начался бой карабельный близ Дурацы, Капитания Рагузская снисдеся со Алексиевою Капитаниею и овладела ею тако, что, перешед един салдат Рагужанин на корму побежденные Галеры Царские, намерился уже было убить и самого Царя, аще бы не возбранен был от своего Капитана, который на него закричал великим голосом: «Понеже сей есть Алексий, не должно его касаться!», показуя в том немалую умеренность и чествования, к пощадению достоинства Царского, и веледушие свое о владении Галерою.

В лето 1148-е разбили Рагужане флот карабельный Мирослава, брата Деши, Дуки Ратского, в Полище, которая даже до сего дни, ради вечной памяти, называется Порт Рагузский во Албании.

В лето 1160-е разбили на бою Требинском войско Бариха Короля, или Банна Бошнатского.

В лето 1253-е дали десять караблей вооруженных Риниру, Доке Венецкому, на Геновезов в войне Акрской.

Егда Петр, Король Аррагонский, воздвиг войну против Карла де Анжю, Короля Неаполитанского, Рагужане дали сильное споможение Королю Петру, его же сын Фридерик Король Неапольский, знаем бысть² во многих случаях к Посполитой Речи Рагузской, которая за разные подмоги, данные двору Царя Константинопольского на Срацын и Солданов Египетских, получила в лето 1320-е от Андроника Царя свободу от всяких податей и пошлин, по всему его Державству.

¹ «Привлеченных».

² «Был известен».

Николай Кабога, послан от Сената с флотом морским Рагузским противу морского разбойствия Лудовика, Дуки Англойского, разбил весьма Балдасара, Капитана Караблей предреченного Дуки. Потом же, егда разоряли береги морские Рагузские две галеры тогожде Дуки Англойского, поимали их Рагужане в полон, близ порта Юлиана, с девятью баронами Французаны; за искупление оных обещал Карл Шестый, Король Французской, двести тысяч Дукатов: число, безмерно по оному времени велико. Но Сенат Рагузский никогда не внимал корысти денежной во своих добродетелях воинских; уволил их без искупления и послал с единою галерою даже до Марсиллии: Егда некогда также Посполитая Речь Венецкая с Геновезскою были в войне, оная Рагузская Речь послала две галеры в помощь Геновезом, которые их восприяли, с толикою честью, что Матфия Георгиева, Капитана оных галер, присоединили к благородству своему¹.

В лето 1404-е, егда Октоиа Король Бошнацской объявил войну Рагужаном, тогда Рагужане под правлением Андреа Волчи, шляхтича Рагузского, разбили пред Курцолою девять галер, посланных от Вуладинава, Короля Неапольскаго, в помощь вышеписанному Октоию.

В лето 1413-е овладели островами Корсулом, Лезиною, Лищею и Брацуею, прогнав оберегательное войско Жарвоиа Вухчиха, Дуки Спалатского, которые потом отдали Сигизмунду, Царю и Королю Венгерскому.

Вкратце сказать, сия Посполитая Речь немало знатна и славна во исправлениях, учиненных за свое защищение: якоже еще и чрез помощи частыя, поданные по союзам случайным, учиненным от Потентатов Западных, противу неверных. Рагужане противостояли осаде (которую учинил Салтан Турецкий Сулиман под Рагузою, со стом дватцетью галерами; такожде и нападением Энгана Сагижака Амурата Салтана) так мужественно, что сила Оттоманская принуждена была оставити Рагужан в своей природной вольности и удовольствоватися несколькими даянием погодным за торговлю Восточную.

Республика Рагузская, между всех протчих дел, которые видятся даже до сего дне, может истинною хвалитися, что была всегда убежище и ухранение лиц великих, в Фортуне гонение страдавших.

О убежищи, поданном от Республики Рагузския Принцепам и протчим особам великим верным

Первое убежище, которое сия Посполитая дала Принцепу Силвестру, сыну Прелемира, Короля Далматского, изгнанному от своих подданных из Королевства, которой притек с материю в Рагузу, идеже возмужал и потом, помощью тоя Посполитыя Речи, паки поставлен в Королевство отеческое.

В лето вышепереченное 1075-е спаслися в Рагузе сынове Браниславовы, гонительствуемы от Бодина, своего дяди, Короля Рашского и Сербскаго; и ради содержания веры сего защитительства договореннаго, претерпела Посполитая Рагузская долгую войну и осаду седмолетнюю от предреченного Короля Бодина.

¹ К числу своей знати.

В лето 1310-е сынове умершего Короля Стефана Бошнатского, изгнанные из Королевства, удалилися с матерью своею Исабеллою в Рагузу. Посполитая же Речь Рагузская своими силами поставила в реченное Королевство Стефана, первородного из предреченных сынов.

В лето 1359-е Рагуза подала хранилище Дабищу, брату Твартка, Короля Бошнатского, и многим иным баронам оногo королевства, гонительствуемым от реченного Твартка. От него же упросила потом милость всем сим бедствующим.

В лето 1396-е Сигизмунд, Цесарь и Король Венгерский, убегая от разбития Баязита, Царя Турецкаго под Никополем, пришел в Рагузу, отгуду потом провожден на галерах Рагузских в Сибеник чрез тое же место, возвратитися в свое Королевство.

В лето 1440-е Георгий Деспота Сербский, разбит от Султана Амурата, ушел на галере Рагузской из Антиваров в Рагузу. И аще и были посулы великия и угрозы последующыя от Султана; однакоже его спасла и помогла ему получитьи стат.

Фома Палеолог, Деспота Магнисийский, выгнан от Турок, обрел защищение крепкое в Рагузе.

Сигизмунд злоглавный, прогнан от Папы Пиа Второго, получил убежище в Рагузу. И егда хотел он переехати к Порте Турецкой просити помощи от неверных на вред Италии, Сенат Рагузский, дабы препяти вред толь великий Христианству и дабы установити долгожитие и мщение Сигизмундово, учинили его Генералом всего своего стата¹, аще и не требовали того, понеже были в Рагузе иные особы благородные, годны оногo чина.

В нахождении повсюдном, от оружия Оттоманского удаляясь, статы всего Иллирика и владетели поместные (прогнанные из реченных статов) не имели иного убежища спомощнейшаго, и твердейшаго не избрали, токмо во объятиях Посполитыя Речи Рагузские.

В лето 1575-е Король Ишпанский Филипп Второй и Султан Турецкий избрали Рагузу за место удобнейшее и безопаснейшее, к договору о премене невольников, взятых от тоя и от другия страны.

О воинех, славных во оружии, Речи Посполитыя Рагузския

В лето 887-е Вит Бобалов, Рагужанин, Капитан караблей Рагузских и Нарентанских, с своими караблями разбил флот Венецкий (в котором поражении убили Петра Кандиана Венецкаго, зовомого Дож). И была причина победы знатные, которую восприяли в той день Нарентане² над своими неприятельми.

Михаил Бобал разбил при войне Требинской Бариха, Короля Башнатского, и тою баталиєю свободил свое отечество от утеснении оногo Короля.

¹ Государства.

² Нарентане — славянская этническая группа обитателей берегов реки Неретвы, которая течет в основном по территории Боснии и Герцеговины, а близ Адриатического моря — по территории Далмации. Нарентане, как и жители Дубровницкой республики, нередко участвовали в войнах с Венецией, а также с турками.

Николай Бобал же (дом плодови́т людьми ратоборственными) разбил и низверг войско Немана, Дуки Рашского, — неприятеля великого Речи Посполитыя Рагузские.

Марин Рештов, Капитан сил морских Рагузских, прогнал от городов Лезины, Брацы, Корцолы и Аишты войско береговое Дуки Гарвона. Последовали тому Матфей и Марин Георгиевичи, которые силы морские зело прославили и вечно достойное памяти сотворили свое имя и своего отечества: Матфей — в войнах Геновезских противу Венециан, а Марин — в делах храбрых, учиненных в товариществе братнем противу курсаров Дуки Ангиюскаго, Короля Неапольскаго и Сицилийского.

Матфей и Иван Луккаревы получили чрез оружие имя вечное своему отечеству и своему дому.

Матфей, учинен быв¹ от Сигизмунда, Цесаря и Короля Венгерского, Бан Далмации и Кроации. Иоанн, прият быв в первенство в Уранское и в правительство Белградское, защитил оное предостение христианское от оружия Оттоманского.

Оставляю поминати о многих иных особах, ясных во оружии, Посполитыя Речи Рагузские, чтобы не подати скучения читателем: и прети до оных особ, которые прославили туюжде ученьми.

¹ Получил титул, «чин».

Гравюра, напечатанная на контртитule книги дубровницкого поэта и монаха эпохи барокко Игњата Джурджевича. Книга носит название: «Божественный Апостол Павел потерпел кораблекрушение на море, ныне именуемом Венетский залив, и после крушения обрел приют на далматинском острове Мелита» («*D[ivus] Paulus Apostolus in mari, quod nunc Venetus Sinus dicitur, naufragus, et Melitae Dalmatensis Insulae post Naufragium hospes, sive De genuino significato duorum locorum in Actibus Apostolicis. — Venetiis, 1730*»). Гравюра иллюстрирует одно из самых значительных христианских преданий древней Далмации. Согласно раннесредневековой традиции Дубровника (Рагузы), описанное в «Деяниях Апостолов» кораблекрушение, после которого спасся апостол Павел, произошло не возле острова Мальта (лат. *Melita Africana*, «Мелита Африканская»), а возле далматинского острова Млет (*Melita Illyricana*, или *Dalmatensis*, «Мелита Иллирическая, или Далматинская»). Игњат Джурджевич (хорватск. *Ignjat Đurđević*, при рождении Нико Мариа Джурджевич, в монашестве Игњатий — лат. *Ignatius Georgius*, итал. Иньяцио Джорджи, *Ignazio Giorgi*; 1675—1737) основывается в своем исследовании на исключительно богатом и разностороннем материале древнегреческих (классических и византийских) и латинских авторов, а также на исследованиях раннего Нового времени. И доказывает высокую степень правдоподобия именно дубровницкой локализации новозаветного сюжета. На гравюре в руках аллегорической фигуры перед апостолом Павлом — свиток с ключевыми латинскими надписями: «Мы плыли на корабле по Адрия» и «Остров назывался Мелита». Примечательно, что отправным моментом для Джурджевича стало описание этого сюжета в греческой, а не латинской Библии (некоторые ее списки в этих главах «Деяний» отличаются от более раннего греческого оригинала). Джурджевич приводит в книге и античные свидетельства о дохристианской истории острова, где он подвизался в бенедиктинском аббатстве, как и Мавро Орбини

О людех ученых Посполитыя Речи Рагузския

Иоанн Стоик, ради своего учения глубокого в Писаниях Святых, возведен в Кардинальство Церкви Римской, обогатил своих наследников своими ученнейшими рукописаньми на языке греческом. Толико сего ради почитаем бысть град Базилеа (един из трехнадесяти, которые составляют Швицерскую), яко умершу оному Стоику, человеку сушу велику и честну, погребен в предреченной Базилии, где видим есть его гроб, свидетель верный его добродетелей, такожде и отечество Рагузское.

Элий Цервин, творец славнейший, Иоанн Гоция, ретор красноречивейший, заслужили славу своего века, прославленного своими произведеньми писменными, хранимыми с великим тщанием в книгохранильницах преславнейших Европских.

Георгий Бенигн, Минорита, был зело учен во священной Богословии, чему свидетельствуют оставшыяся по смерти его некоторые труды дивные, которым последовали и Богословцы схоластические.

Иаков Бонский, творец славнейший, сложил стихи Латинские о жизни Господа нашего Иисуса Христа.

Матфей Бобал был зело учен на языке Греческом, с которого превел на Латинский вся списания Святаго Василиа, слогаписательством, зело почтенным учеными.

Савин Глухий, тояжде породы Бобалские, был стихотворец преизящный на языке Италийском и Славенском, о чесом оного деяния нам уверяют.

Климент Ранинской, чина Святаго Доминика, зело учен во Священном Писании, издал на свет некоторыя беседы, в великом почтении держимыя.

Тояжде породы был Доминик Ранина, кавалер Святаго Стефана, стихотворец славный, на языках Италианском и Славенском.

Николай Вита Гочий, человек преученый, о чесом суть свидетели — его писания, изданная на свет, на Языках Латинском и простом Италианском.

Миную молчанием бесчисленных иных, учения подобного с вышепомянутыми, да скончю сие повествование со описанием уезда, прилежащего Рагузе.

Уезд, прилежащий Рагузе

Уезд обладательства Речи Посполитыя Рагузские зело узок широтою, длину же содержит со 135 миль италианских. Между протчими грады содержит оные: Стагн, Лагусту, Меледу, Гюпану острова, Половину и Каламоту; суть и иные острова прилежащие. Лагуста отстоит от Рагузы 100 миль, имеет 50 миль в округ, изобилен вином, маслом дравяным, пшеницею и всех родов овощами, и плодами земными; жители его суть свирепы и сильни, обоего пола, мужского и женского.

Меледа, древле нарицаема Мелита и Мелитена, 30 миль длинен и во округ его, 63 мили отстоящ от Рагузы; производит вина больши красные и сильнейшыя. Пшеницы не уготворяет довольно про своих жителей. Есть един монастырь Святаго Венедикта, в нем же были многие человецы велики в науках Святых и мирских, и во благоговейнстве зело удивительны.

Две вещи дивные повествуются сего острова: Первая, что его жители, аще и далеко друг от друга, игранием свистания разумеются зело изрядно. Другая, яко един некто житель, зовомый Казаля Бабинополий, проклят бысть от матери, которая молила ня него гнев Божии, сице глаголя (понеже он отказал упрямо в принятии ея в дом свой): «Тако да попустит Бог, да ни земля, ни море примет костей твоих!» Умершу оному, и погребоша его пред церковию Святаго Пагкратиа. Наутрее на другой день, нашли его вне гроба; тожде случилось во многие дни последующие. Того ради бросили его в море, которое тогда стояло тихо, но тотчас, егда восприяло оное тело проклятое, начало смущатися, и в единой минуте выбросило его между неких брегов, где оные кости прилипли к камению, в такой образ, что с трудностью превеликою могли отторгнуться от камене, и то железом зело твердым.

Остров Гюпана длинен от Запада к Востоку 4 мили, и десять кругом. Сей един из всех изряднейших островов, что держит его сенат Рагузский, тако веселости ради местоположения, яко и за доброту вин, которых производит множество.

Остров Средник тако назван, понеже лежит между двух иных островов, сиречь Каламиты и Гюпаны, имеет 10 миль округ себе, имеет воздух дорогий, избилует водами пресными, между сланых. Производит вина премногое число: Показует сады и палаты прекрасного строения, прозрачен от многих стран к восприятию караблей. Сей, егда в лето 1538-е восприял дружечно 12 галер Папы Павла Третияго (над которыми был Капитан Патриарх Аквилейский, дому Гриманского Венециана), был от оных людей нечестиво расхищен.

Каламота, меньшая острова Средника, — [остров] не плодovit и не многожителен, но производит добрые вина. Жители сих трех островов больши обучаются хитрости матрозской, чего ради многожды случается, что мало мушин, больши баб обретаются во оных островах.

Из сих трех островов выходят ныне оные большие Карабли, которые видимы суть в морях, на Италийском и Ишпанском, из которых Речь Посполитая Рагузская наименьши учинити может сто, кроме многих иных гаулионов и суд меньших, которые, понеже требуют великое число людей, суть причиною, что Рагужане не могут по земляном пути поставити 5, или 6 тысяч воин. Однако же, егда поставят все свои Карабли вкупе, делают един превеликий и прекрепкий флот, нежели сего времени возможно учинити кому иному Принцепоу на Адриатском мори, тако ради их великости, якоже и ради великого числа Артилерии, которую возят с собою. Но паче больши ради крепости великодушныя матрозов в бою с Турки. Ибо покамест ни един из них обрящется жив, поощряют друг друга, воспоминающе памяствовати, яко они суть Рагужане, обыклые всегда отмщати с великим кровопролитием неприятелем, до последнего издыхания свою смерть, о чесом образцы суть явственны всему свету.

Австрийский историк и картограф Вольфганг Лац, или Лациус (Wolfgang Laz, или Lazi-
us; 1514—1565), чьи исследования стали одним из главных источников для публикации
вандалского (славянского по содержанию) словаря в книге Мавро Орбини. Портрет работы
художника Ханса Лаутензака (1554, литография: Й. Раух). Подобные словари этнографам
последующего времени удавалось составлять на землях «Северной Славии»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вандальский словарь¹

В приложении к первому разделу нашего издания публикуется составленный Орбини словарь, который можно назвать ключевым для понимания метаистории славянства в концепции автора. В итальянском оригинале словарь находится на стр. 99—102. В полном переводе книги, выполненном Юрием Куприковым с итальянского оригинала и опубликованном в издательстве «ОЛМА» (*Мавро Орбини. Славянское Царство*. — М., 2009. — С. 120), Орбини вводит этот словарь (опущенный Савой Владиславичем в его переводе-изложении 1722 г.) выразительной цитатой из работы знаменитого немецкого космографа Себастьяна Мюнстера (1489—1552): «Как мы говорили, в области Мекленбурга, на всем протяжении побережья от Голштинии до Ливонии, жили только Вандалы, или Славяне»: еще одно авторитетное свидетельство о том, что славянское осмысление дискуссионного этнонима имело место в Западной Европе еще свыше полутысячелетия назад. И далее Орбини делает заключение: «Таким образом, на основании свидетельств, столь авторитетных и знаменитых авторов, можно уверенно утверждать, что Готы, Визиготы, Гепиды, Вандалы и Геты были одного и того же Славянского племени. В качестве еще одного подтверждения этого я приведу ниже некоторые слова из II книги Карла Вагрийского и XI книги Лапиуса, которые, по свидетельству указанных авторов, были в употреблении у древних вандалов».

¹ Кроме некоторых слов, а также явных иноязычных заимствований, все приведенные лексемы оказываются славянскими, причем с несомненной западнославянской ориентацией. Возможно, это лексика какой-то из этнических групп балтийских славян. Именно их западные авторы чаще всего называли вендами; вандалами же Орбини их именует, следуя Альберту Кранцу, как он сам и констатирует. Словарный материал был собран не самим Орбини. Он указывает два первоисточника своего словаря: работу Вольфганга Лаца (Лапиуса), а также книгу загадочного, так и оставшегося неотожествленным Карла Вагрийского. Владиславич в своем переводе-изложении исключил словарь, даже не упомянув его. В связи с особой важностью этого словарного материала для понимания книги Орбини (и критических дискуссий последующих веков, об этнониме «вандалы») мы воспроизводим вандальский словарь из итальянского издания 1601 г., с переводом на русский язык итальянских истолкований славянских слов, предложенных у Орбини. В оригинале словарь набран в три столбца: вандальский, славянский (вероятно, общеславянский, по мнению Орбини) и итальянский. В нашем издании сохранены многие из промежуточных общеславянских лексем, характеризующих Орбини как слависта. (Об этнониме «вандалы» см. статью-комментарий.)

- Ruzie — розы
 Stal — (пре)стол
 Wich — веч(ный)
 Peczar — чаша
 Cachel — котел
 Culich — кубок, чаша
 Kamoga — комната
 Klach — известь
 Baba — баба (как предок по женской линии)
 Ptach — птаха, птица
 Czetrion — цитрон
 Klynoti — клонить
 Kuchas — повар
 Safran — шафран
 Scarlet — скарлат (ткань, окрашенная в пурпур)
 Scoda — вред («школа»)
 Plamen — пламень, пламя
 Dwazivo — dvoiestvo — двоичность, двойственность
 Pflaster — пластырь
 Pust — pusto — пустыня (в значении «пустынь»)
 Brat — брат
 Rabota — работа
 Milikno — mlieko — молоко
 Okruzii — kruzy — внутренности
 Mlady — mlad — молодой
 Volk — vuk — волк
 Teta — teta — тетя
 Kurwa — kurva — блудница
 Strach — strah — страх
 Pero — pero — перо
 Dypnia — digna — дыня
 Plyge — pluchia — лёгкие
 PaKole¹ — pachole — младенец
 Czerzi — cetiri — четыре
 Piet — pet — пять
 Korzen — korien — корень
 Razlog — raslog — причина

¹ Прописной буквой «К» в середине или конце слова Орбини передает славянский звук, сходный с русским «ч», или «х».

- Kolo — kolo — круг (др.-рус. «коло»)
Lopata — лопата
Tma — тьма
Tepli — toplo — теплый
Boty — biesve — чулки
Grom — гром
Prosach — prosiak — нищий
Brod — брод
Tuti — tucchi — топтать
Chtiti — htiti — желать
Mayti¹ — myti — мыть
Klatiti² — klatiti — колотить
Dropati — darpati — царапать
Pithi — riti — пить
Lagithi — laiati — лаять
Kriti — закрывать
Schergiti — siati — сеять
Zalogi — zaloghi — засада
Kost — кость
Tobole — tobolaz — сума, тоболец
Masdra — mesgra — внутренности (мездра)
Boy — бой
Koblanch — klobuch — шапка («клобук»)
Hruscha — kruscha — груша
Plin — pun — полный
Olobo — olovo — свинец
Lepsi — liepsei — красивее
Prut — прут, прутик
Muy — mioi — мой
Tisytz — tissuchia — тысяча
Dyeliti — dieliti — делить
Woliti — volieti — выбирать
Zwati — zvati — звать
Teczovati — taczovati³ — танцевать
Zhuchar — zuchar — сахар

¹ Сохранение дифтонга может указывать либо на архаизм индоевропейской протолексе-мы, либо, возможно, на балтские ассоциации.

² Неполногласие (вместо восточнославянского «колотити») может свидетельствовать о южнославянских диалектах.

³ Вероятно, первая гласная в этих славянских словах была носовой.

Mincze	— minza	— монета
Myss	— mysc	— мышь
Mucha	— muha	— муха
Tanecz	— tanaz	— танец
Truhy	— truhavo	— печальный
Saumar	— kramar	— погонщик мулов
Lost	— svietlost	— свет
Grob	— гробница	
Smitti	— smiati	— смеяться
Wnach	— vnuch	— внук
Gnysti	— gnyesdo	— гнездо
Sechyra	— sechyra	— секира
Sediate	— sedieti	— сидеть
Teneta	— tonoti	— тенета
Tenchny	— tanchy	— тонкий
Truba	— nubgua	— труба
Widieti	— vidieti	— видеть
Wdowecz	— vdovaz	— вдовец
Wyno	— vyno	— вино
Uncza	— uncia	— унция
Desna	— desna	— десная (правая)
Kobyła	— кобыла	
Krug	— круг	
Lisy	— plisy	— лысый
Golubo ¹	— golub	— голубь
Klicz	— kgliuc	— ключ
Zumby ²	— zuby	— зубы
Potokh	— potok	— поток
Kastan	— costagn	— каштан
Czysti ³	— cisti	— чистый
Koczka	— maska	— кошка
Vule	— voglia	— воля
Hora ⁴	— gora	— гора

¹ Конечное «о» может в принципе указывать на следы полногласного произношения «ъ» в конце слов, как в новгородском диалекте древнерусского языка (косвенное свидетельство языковой, диалектной близости севернорусских земель и региона балтийских славян).

² Возможный реликт древнеславянского носового гласного (um), сохранившегося в польском языке.

³ В начале вандалского слова стоит твердое «ч» (cz), как в польском.

⁴ Это слово именно так выглядит в чешском и словацком языках.

Vuasate¹ — vesati — связывать, вязать
 Swager² — svak — свояк
 Loter — lotar — лодырь
 Gladkhi — gladki — гладкий
 Lechchy — lachscii — легкий
 Levu — lav — лев
 Libo — gliubav — любовь
 Buchwize — buchviza — книга («буквица»)
 Wedro — vedro — ясная погода, ведро
 Ssilhan — lihan — косоглазый
 Mez — mac — меч
 Mistr — mestar — наставник
 Mule — mlin — мельница
 Sestra — сестра
 Malvasy — malvasia — мальвазия (сорт винограда)
 Dyl³ — dil — доля
 Perla — жемчуг («перл»)
 Pavu — павлин
 Med — мед
 Stati — stati — стоять
 Mogu — mogu — могу
 Stuol⁴ — stuol — стол
 Swynie — suigna⁵ — свинья
 Tele — tele — теленок
 Ziena — zena — жена
 Chvaly⁶ — hvala — слава
 Kila — kila — грыжа («кила»)
 Zima — холод
 Sledowaty — sliedovati — следовать
 Pitati⁷ — спрашивать

¹ Сочетание букв «Vu» в старопечатных книгах может означать просто «w», нередко писавшееся раздельно; в некоторых случаях, не вызывающих сомнения, мы при публикации словаря Орбини произвели эту замену. (В польском языке «w» передает именно звук «в».) Это, видимо, справедливо и по отношению к некоторым другим словам данного лексикона.

² В языках, пользующихся латиницей, буквой «g» перед гласной иногда передается йотирование (аналогично — и в греческом, в византийскую и новогреческую эпохи); то есть это слово можно прочесть как «свайер».

³ Западнославянская форма слова.

⁴ Дифтонг «uo» может быть особенностью, сближающей данный словарь с балтскими языками.

⁵ Слово записано Орбини по правилам итальянского языка (-igna = -инья).

⁶ Вероятно, это форма множественного числа.

⁷ При записи слова латиницей «ы» могло превратиться в «и».

- Chizipati — chihati — чихать
 Matiti — mlatiti — молотить
 Strossati — strossati — строгать
 Snych — snig — снег
 Novuy¹ — novy — новый
 Nagy — nago — нагой
 Woda — voda — вода
 Ztrewicz — zrevic — башмаки («черевички»)
 Dar — дар
 Klap — hlap — холоп
 Plawiti — plaviti — плавать
 Praczwati — prazovati — ожидать (рождения) детей
 Plesati — плясать
 Plaiziti — tlaciti — притеснять
 Plachta — plato — плат
 Postdye — poslye — после
 Prosiiti — просить
 Miziasi — misciati — мочиться
 Kada — kuda — хвост
 Boditi — bosti — бодать («тыкать»)
 Schornia — scorgne — сапоги
 Waliti — wagliati — валять
 Sedil — sedlo — сиденье
 Siti — siati — сеять
 Witer — vietar — ветер
 Dol — долина
 Bieda — беда
 Placz — plaza — площадь
 Kuchinie — kuhinia — кухня
 Lyd — gliudi — люди
 Mus — muse — муж
 Poczwati — pociwati — почивать¹
 Swanti — sveti — святой
 Pasti — пасти
 Tribuch — tarbuh — живот
 Sobota — subota — суббота
 Opuchh — opach — косой
 Rozum — razum — разум
 Dum — dom — дом

¹ Здесь, вероятно, «vui» = «w», и все слово читалось как польское «powu».

Lug — lug — луг
Pochoy — pochoy — покой
Navuchyer — nauchyer — кормчий
Truba — trubgua — труба
Navavu — navo — наём
Newesta — neviesta — невеста
Pogiti — pouiti — поить
Pisati — писать
Nass — nasc — наш¹.

¹ Далее Орбини (в итальянском оригинале книги «Царство Славян»), ссылаясь на византийского писателя Прокопия Кесарийского (между 490 и 507 — после 562), констатировавшего единство происхождения языка вандалов, готов и гетов, делает вывод об изначальном славянстве всех этих народов.

РАЗДЕЛ II

Царство Славян

Историческое описание истоков имени, славы и распространения славянского народа, его царей и правителей со многими царствами, королевствами и провинциями. Собрано из многочисленных исторических трудов господином Мавро Орбини, архимандритом Рагужским.

В книге приводится историческое описание всех народов с общим славянским языком и отечеством, но к настоящему моменту рассеянных по многим странам вследствие многочисленных войн, которые происходили в Европе, Азии и Африке, расширения границ их царства, распространения их древних обычаев в разное время и познания Христа Спасителя при разных правителях¹.

Краткое историческое описание славянского народа, его славы и расширения

Нет ничего удивительного в том, что слава славянского народа, которая должна была разойтись по всему миру, в наше время утрачена. Если бы славяне были так же богаты учеными и образованными людьми, как своими военными и могущественным оружием, то ни один другой народ в мире не сравнился бы с ними. Нынешняя

¹ Эта преамбула, как явствует из упоминания автора в третьем лице, написана Савой Владиславицем, который изменил структуру начальной части книги. В оригинале ее открывает, как это было принято, обращение Орбини к читателю. Это обращение С. Владиславиц пересказывает ниже, снабдив его авторским заглавием, которое в оригинале тем не менее помещено значительно дальше, после традиционного посвящения книги меценату и единомышленнику Марину Бобальевичу (см. о нем в статье-комментарии, в конце нашего издания), после списка упоминаемых в книге авторов и вводной главы о северном происхождении славянства. Под заглавием «Origine de gli Slavi, et progresso dell'Imperio loro» («Происхождение Славян и расширение Империи их») Орбини излагает и цитирует классические античные и средневековые свидетельства о «варварских» народах, среди которых он особо выделяет «Винидов, или Венедов», как предков славян.

же слава других народов, значительно уступавших славянам в своем величии, обьяняется не чем иным, как трудами живших среди них ученых людей.

История еврейского народа, например, принадлежит перу великих историков Филона, Гегесиппа и Иосифа. Не обошли бы стороной евреев и великие греческие историки, если бы им было дозволено разглашать сокровенные еврейские мистерии, как пишет Лактанций в 4-й книге, во II главе истории. К примеру, Феопомп в своих исторических изысканиях захотел проникнуть в тайны еврейского народа и ослеп. А по свидетельствам других, он 40 дней пребывал в болезни и увидел предостерегающее видение, после чего, как пишет Димитрий Птолемию¹, от своего намерения отказался. Поэт Феодот² же, упоминая еврейские тайны, тоже ослеп, но когда покался в содеянном, вновь прозрел.

Исторические события Греции прославлены многочисленными историками, среди которых Анаксимандр Милетский, Гекатей Милетский, Демокрит, Эвдокс, Дикеарх, Эфор, Эратосфен, Полибий и Посидоний. Историю Рима и всей Италии описывают Аристид Милетский, Феотим, Клетоним, Неарх, Теофил, Дорофей, Аристокл и Хрисипп. Фиванская история³ прославлена описаниями Ктесия. Эпирская — Критолаем. События на Пелопоннесе — Хрисермом, Досифеем и Теофилом. Деяния Тосканские описаны Сосистратом. Аркадийские — Деморатом. Беотийские — описал Мерилл. А все, кто упомянут Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях»: Элларик, Ктесий Книдский, Мегасфен, Артемидор Эфесский, Каллисфен, современники Феопомпа, и многие другие — Страбон, Полибий, Солин и прочие, — живописуют дела индийские, персидские, египетские и иные. Деяния гальские описывал Диафор. Фракийские — Сократ. Ливийские — Гесионак, Теокал. Гунибальд в более чем тридцати своих книгах, а также Вастальд, Элигаст, Аребальд, Ригимер, Ветан, Дорак, Карадак и Рутвик восславили народ франков.

Все вышеназванные народы по сей день еще более прославляются великими историками, каждый из которых на языке своего народа описывал деяния его, с немалыми трудами и прилежанием.

Народ же славянский, который в древние времена был скуден на людей ученых, поначалу непрестанно стремился к военным достижениям, достойным вечной славы, и нисколько не заботился о том, чтобы кто-то прославлял его подвиги. Поэтому немногие историки упоминали славян, но и те упоминания скорее касались войн славянского народа с другими народами, нежели каким бы то ни было образом его восхваляли. А войной славянский народ ходил едва ли не на все народы мира: разорил Персию, владел Азией и Африкой, бился с египтянами и с Александром Великим, покорил Грецию, Македонию, Иллирию, завладел Моравией, Силезией, Чехией, Польшей и берегами

¹ Речь идет о египетском царе Птолемеи II Филадельфе (III в. до н.э.) и греческом философе Димитрии Фалерском (345—283 до н.э.), который, согласно традиции, был инициатором перевода Библии на древнегреческий язык («Септуагинта»).

² Поэт Феодот творил на рубеже II—I вв. до н.э. Очень похожие предания повествуют и об античных мистериях.

³ Имеются в виду Фивы.

Балтийского моря, дошел до Италии и долгое время воевал против римлян, где иногда бывал побежден, иногда мстил, устраивая кровавые побоища, иногда же заканчивал бой равенством. Наконец, подчинив себе Римскую империю, завладел многими ее провинциями, разорил Рим, сделав подданными римских императоров, чего во всем мире никакой другой народ не добивался. Владел Францией, Англией, установил державную власть в Испании¹, захватил лучшие европейские провинции.

От этой прославленной в те времена нации произошли многие другие могущественные народы, а именно: славяне, вандалы, бургунтионы, готы, остготы, русы или расы, вестготы, гепиды, геты, аланы, верлы или герулы, авары, скирры, гирры, меланхлены, бастарны, певки, даки, шведы, норманны, фенны или финны, укры или венгры, маркоманны, квады, фракийцы. Аллеры были близ венецов, или генетов, которые заселили берег Балтийского моря² и разделились на бесчисленные племена: поморян, вильцев, ругиан, варнавов, оботритов, полабов, вагиров, лингонов, толенцев, редатов или риадутов, цирципаннов, кизинов, герулов или элуельдов, левбузов, вилинов, стореданов, брицанов и многих других, которые и составляли славянский народ³, как будет показано дальше.

На случай, если кто-то пожелает скрыть или уничтожить память о вышеозначенных событиях, ссылаюсь на обширную коллекцию светлейшего князя Дурбино Пезарского, который располагает великой, славной и достоверной библиотекой в самом сердце Италии. А если какой-нибудь из чужеземных народов станет из ненависти хулить это истинное описание, отсылаю к названным здесь описаниям историков, которые своими многочисленными трудами свидетельствуют об этих событиях⁴.

А я прошу, чтобы ты, благоразумный читатель, благоугодно принял этот мой труд и не осуждал меня, потому что сам, как и все люди, грешен. Моя цель состоит только в том, чтобы разъяснить некоторые темные стороны и отчетливо показать, кто к чему какое отношение имеет. И еще я прошу, чтобы каждый из вас бережно, внимательно и честно относился не только к современной, но и к древней истории своего народа и приумножения его сильных качеств и делал свой вклад в пополнение моего краткого исторического описания. Ведь хотя высокоученые историки и немало в своих описаниях ошибались, но дополнить и исправить имеющееся не составит большого труда, как это принято в мировой науке⁵.

¹ Здесь речь идет о вандальских королевствах Испании и Северной Африки (см. в статье-комментарии о вандалах, венедах и т.д. в историософии Орбини).

² То самое место, которое «отпугивает» тех, кто не пытается разобраться в нюансах словоупотребления у Орбини, и которое свидетельствует о многообразии оттенков смысла выражения «народ славянской» у нашего автора.

³ Подробное перечисление различных этнических групп балтийских славян, чьи именованья здесь достаточно понятны без подробных пояснений (если не считать того, что к некоторым этнонимам Орбини добавляет букву «У», в начале слова).

⁴ Чрезвычайно обильные в итальянском тексте книги Орбини ссылки на работы историков раннего Нового времени значительно сокращены в изложении Савы Владиславича, возможно, отчасти из политических соображений (нельзя забывать, что С. Владиславич был российским дипломатом Петровской эпохи).

⁵ В оригинале далее следует пространное посвящение Марину Бобальевичу, датированное 1 марта 1601 г.

**Список имен исторических деятелей данной истории
(некоторые из них отвергнуты Римской Церковью, но
не за неправильное описание, а за непочитание Церкви¹)**

А

Архимандрит Тритемн, *Abbate Tritemio* (Аббат Тритемий)²

Архимандрит Урс Паргенд, *Abbate Urspargense* (Аббат Урсбергский)

Абламиос, *Ablabio*, Аблавий

Абрамортелий, *Abraam Ortelio* (Абрахам Ортелий)

Адамий Саксонский, *Adameo Sassone*

Мастер Адам, *M. Adamo* (Адам Бременский)

Агаций Смирней, *Agatia Smirneo* (Агафий Миринейский)

Агустин Дохтор, *Agostino Dottore* (Августин Блаженный)

Агустин Моравский, *Agostino Moravo*

Аймон монах, *Aimone Monaco*

Алберт Кранций, *Alberto Crantio* (Альберт Кранц)

Алберт Штаденц, *Alberto Stadense*

Александр Гван, *Alessandro Guaino* (точнее, *Alessandro Guagnini*, Алессандро Гваньини)

¹ Указатель цитируемых в книге историков при переводе был выстроен Саваой Владиславичем в соответствии с последовательностью букв русского алфавита. В итальянском оригинале Орбини также отмечает, какие из этих авторов не признавались Римской Церковью. Это малоизвестные ныне писатели, проявлявшие симпатии к протестантизму (актуальная тогда проблематика), а не какие-то хранители тайных знаний о славянстве, как иногда считают сейчас некоторые читатели, не работавшие с оригиналом книги и недостаточно сведущие в ней и в контексте эпохи ее первого издания. Орбини оговаривает это расхождение упомянутых авторов с Ватиканом, поскольку сам он был искренним католиком и называл Римскую церковь Святой Матерью. А действительно необычные и неизвестные современной науке авторы (источники Орбини), наподобие Карла Вагрийского, Иеремии Русского и т.д., в ватиканских «Индексах отреченных книг» не встречаются. Скорее всего, их работы вообще не касались конфессиональных споров и потому не были под запретом. Отметим, что Сава Владиславич, опытный дипломат Петровской эпохи, в своем сокращенном переводе-изложении 1722 г. (и в данном Указателе) опустил какие бы то ни было упоминания о многих авторах, которые симпатизировали протестантизму, сохранив при этом сообщаемые ими исторические сведения, включенные Орбини в его книгу. В частности, не упоминается очень часто цитируемый в итальянском оригинале Орбини баварский ученый ренессансного масштаба, историк и филолог, известный под именем Иоганн Авентин, или Йоханнес Авентинус (Иоганн Георг Турмайр; 1477—1534), крупный исследователь древней истории германцев и соседних с ними народов.

² Приводим в этом Указателе имена в произношении Петровской эпохи, по переводу 1722 г. Поскольку они иногда имеют почти неузнаваемый вид, сопровождаем их итальянским вариантом из оригинала Орбини; в скобках дается общепринятое современное произношение (за исключением малоизвестных и неотожествленных имен).

- Александр Скуфет, Alessandro Sculeto¹
 Амиан монах, Ammiano Monaco
 Артман Щедель²
 Андрей Ангел Дурацын, Andrea Angelo Durazzino
 Андрей Корнелий, Andrea Cornelio
 Андулфа Сагак, Andulfo Sagaco (Landolfus Sagax, или Landolfo Sagace)
 «Аналии Фрисии», «Annali³ di Frisia» («Анналы Фризии»)
 «Аналии Галанский», «Annali di Olanda» («Анналы Голландии»)
 «Анали Рагужский», «Annali di Rausa» («Анналы Рагузы»)
 «Анали Ружский», «Annali di Russia» («Русские анналы», «Летопись» Иереми
 Русского)
 «Анали Тутки», «Annali de' Turchi» («Турецкие анналы»)⁴
 «Анали Венеции», «Annali di Venetia» («Венецианские анналы»)
 Анони монах, Annonio Monaco
 Антоний Бофинин, Antonio Bosinio
 Антоний Геуфреу, Antonio Geufreo
 М. Антоний Сабелик, M. Antonio Sabellico
 Антоний Сконкофий, Antonio Sconcovio
 Антоний Выперан, Antonio Viperiano
 Апиян Александрийской, Appiano Alessandrino (Аппиан Александрийский)
 Арнорд Архимандрит, Arnaldo Abbate
 Арпунтак Бурде Галанский, Arpontaco Burdegalense (Бордоский)
 Ариан Никомедийской, Arriano di Nicomedia (Арриан Никомедийский)
 М. Аурелий Кассиодор, M. Aurelio Cassiodoro
 С. Аурелий Витор, S. Aurelio Vittore (Секст Аврелий Виктор)

Б

- Балдасар Спалатин, Baltasar Spalatino
 Беат Ренан, Beato Renano
 Бероз Халдей, Beroso Caldeo (Берос Халдей)
 Бернард Юстиниан, Bernardo Giustiniano
 Бонифасий Симонет, Bonifacio Simoneta
 «Буллдор», «Bulla d'oro» («Золотая булла»)
 Безвеквий, Busbequio

¹ Так в итальянском оригинале и в русском издании 1722 г. Можно предположить, что это неточный набор имени лютеранского богослова, гейдельбергского профессора Абрахама Скультетуса (Abraham Scultetus; 1566—1625), современника Орбини.

² Отсутствует в перечне итальянского издания.

³ Смысл этого слова — «хроника, летопись». Для западноевропейских источников уместнее оставить «анналы», поскольку «летопись» — скорее из древнерусского лексикона.

⁴ В итальянском оригинале опечатка, отсюда прочтение «Тутки».

В

Валерий Максим, Valerio Massimo
 Варрон Учитель, M. Varone (Варрон)¹
 Ф. Вигерий, F. Vegetio (Флавий Вегетий)
 Валерий Потервел, C. Velleio Paterculo (Гай Веллей Патеркул)
 Венцеслав Боемский, Venceslavo Boemo (Богемский)
 Вернер Роземвинский, Vernero Rotenuick (нем. Rotenwick, Ротенвик)
 Ветор Утисенц, Vettore Viticense
 Витикинд Галяской, Vitichindo Olandese (Видукинд Голландский)
 Витикинд Саксонской, Vitichindo Sassone (Видукинд Саксонский)
 Витикинд Вагриемской, Vitichindo Vagriese (Видукинд Вагрийский)
 Внефрид Аглинской, Unefrido Inglese (Уинфрид Английский)
 Волфанг Лазий, Vuolfango² Lazzio (Вольфганг Лац, или Лациус)
 Волфанг Галанской, Vuolfango Olandese (Вольфганг Голландский)

Г

Гаспер Пеуцыр, Gasparo Peucero (Гаспар Певкерус)
 Гаспер Тыгурик, Gasparo Tigurino (Гаспар Цюрихский)³
 Геремий Рус, Geremia Russo (Иеремия Русский)⁴
 Герард Рудингер, Gertardo Rudingero
 Геваний⁵ Аубан, Giovanni Aubano
 Геваний Батиста, Giovanni Battista
 Геваний Ботер, Giovanni Botero
 Геваний Коклео, Giovanni Cocleo (Иоганн Кохлеус или Коклеус)
 Геваний Курополит, Giovanni Curopalato (Иоганн Курополит или Куропалат)
 Геваний Дубравн, Giovanni Dubravio (Ян Дубравий)
 Геваний Эсендский, Giovanni di Essendia (Иоганн Эссенский)
 Геваний Эербурт, Giovanni Herburto (Ян Гербурт)
 Геваний Лазнард, Giovanni Laziardo

¹ «М.» здесь — от итал. «Maestro» в значении «учитель, магистр»).

² Так в итальянском оригинале.

³ Именно в Цюрихе за полвека до выхода книги Орбини обсуждались вопросы единства протестантизма, и этот автор помечен как «запрещенный» (однако Орбини подчеркивает, что использует лишь исторические исследования таких авторов, а не их вероучительные работы).

⁴ Еще один автор, чрезвычайно важный для Орбини (главный первоисточник его сведений о Руси), нигде более не упоминаемый и, кстати, не фигурирующий в числе «отреченных еретиков», в ватиканских «Индексах запрещенных книг». В эпоху противостояния католицизма и протестантизма сведения о дальних странах (каковой была для Запада Древняя Русь) воспринимались нейтрально.

⁵ «Геваний» в переложении Савы Владиславича чаще всего соответствует итальянскому «Джованни».

- Иван Великой Готской, *Gioanni Magno Gotho* (Йохан Великий Гот)¹
 Геваний Науклер, *Gioanni Nauclero* (Иоганн Науклер)
 Геваний Вилан, *Gioanni Villano* (Джованни Виллани)
 Геваний Стадн, *Gioanni Stadio*
 Геваний Горопей, *Gioanni Goroꝛpeio* (Ян Герартсен ван Горп)²
 Геваний Гоболли, *Gioanni Gobellino*
 Геваний монах, *Gioanni Monaco*
 Геваний Ивотский, *Gioanni di Thvuocz* (Янош Туроци)³
 Геваний Тыгурин, *Gioanni Tigurino* (Иоганн Цюрихский)
 Геваний Пинет, *Gioanni Pineto*
 Георгий Цедрен, *Giorgio Cedreno* (Георгий Кедрин)⁴
 Георгий Пакимер, *Giorgio Pachimero*
 Георгий Верчигер, *Giorgio Werenhero*
 Георианда Алани, *Giornando Alano* (Иорнанд Алан; более известен как Иордан)
 Геролом Датор, *Girolamo Dottore* (букв. «Учитель Иероним»; Блаженный Иероним Стридонский)
 Геролом Барди, *Girolamo Bardi*
 Геролом Руцели, *Girolamo Ruscelli*
 Гиулий Фарозд, *Giulio Faroldo*
 Гиуний Корд, *Giunio Cordo*
 Готфред Монате, *Godifredo Monaco* (Готфрид Монах)
 Готфрид в Стерберкий, *Gothfrido Viterbiense* (Готфрид Витербский)
 Григорий Доктор, *Gregorio Dottore* («Учитель Григорий», св. Григорий)
 Гулиам Кантер, *Gulielmo Cantero* (Вильгельм Кантер)
 Гулиам Фризн, *Gulielmo Frisio* (Гемма Фризиус)
 Гунтер Поета, *Gunthero Poeta* (Гюнтер Поэт)

Д

- Диодор Сикилский, *Diodoro Siculo* (Диодор Сицилийский)
 Диоген Лаерц, *Diogene Laertio* (Диоген Лаэртский)
 Дион Ницый, *Dione Niceo* (Дион Никейский)

¹ Последний католический архиепископ Швеции *Johan Månsson* (1488—1544) действительно именовался по-латыни *Johannes Magnus*, буквально «Иоанн Великий». Он был также историком, автором «Истории готы и шведов».

² Нидерландский гуманист и филолог Ян ван Горп (*Jan van Gorp van der Beke*; лат. *Johannes Goropius Becanus*; 1519—1573) разрабатывал, в частности, темы сравнительного языкознания и изначального языка человечества.

³ Имя венгерского хрониста Яноша Туроци (ок. 1435 — ок. 1490) записывали и как *János Thurócsu*, что напоминает набранную с опечатками версию итальянского оригинала.

⁴ Имя этого автора звучит по-русски, однако это византийский историк рубежа XI—XII вв. (в классическом произношении — Георгиос Кедренос; в обычном современном русском тексте — Кедрен).

Дионизий Пуник, *Dionisio Punico* (Дионисий Пунический)
 Дитмар Мерса Пугерр, *Dithmaro Mersapurgese* (Титмар Мерзебургский)
 Доменик Марнонигр, *Domenico Mario Nigro* (Доменико Марио Негро)

Э

Эгесип, *Egesippo* (Гегесипп)¹
 Эгиди Тскуди, *Egidio Tschudio* (Эгидий Чуди)²
 Эгинарт Монах, *Eginharro Monaco* (Эйнхард Монах)
 Элий Спорцьян, *Elio Spartiano* (Элий Спартиан)
 Эмануил Монасе, *Emanuelo Manasse*
 Эпитом Страбона, *Epitoma di Strabone* («Эпитома Страбона»)³
 Эразмо Стеля, *Erasmus Stella* (Эразм Стела)⁴
 Эвдоций Панегириста, *Eudocio Panegirista*
 Эвгип монах, *Eugippo Monaco* (Евгипший Монах)⁵
 Эвзевий, *Eusebio* (Евсевий)
 Эвстасий, *Eustachio* (Евстахий)
 Этропий
 Элмолд Попа, *Helmoldo Prete* (Гельмольд Пресвитер)
 Энрик Диервордий, *Henrico di Ervordia* (Генрих Эрфуртский)
 Эрман Кострат, *Hermanno Contratto* (Герман Калека)
 Эрман Скодель, *Hartmanno Schodel* (Хартман Шедель)
 Эродиан, *Herodiano* (Геродиан)
 Эродот Аликарсинский, *Herodoto Alicemateo* (Геродот Галикарнасский)

З

Захарий Лилной, *Zacaria Lilio*
 Зонара, *Zonara* (Иоанн Зонара)
 Зозина, *Zosino* (Зосима)⁶

¹ Греческие и западноевропейские имена, начинающиеся на букву Е, в русской транслитерации часто начинаются на Э. Сюда же попали и авторы, чьи имена начинаются на латинское Н.

² Чуди (Tschudi) — известный средневековый род Швейцарии. Эгидий (1505—1572) был хронистом, исследователем ранней истории этого региона.

³ Эпитома — краткое изложение научного трактата или произведения художественной литературы.

⁴ Псевдоним немецкого историка Иоганна Штюлера (Johannes Stüler; 1460—1521).

⁵ Церковный историк V—VI вв.; некоторое время жил в Подунавье — в регионе, важном для этногенеза многих славянских народов и для формирования этногенетических преданий.

⁶ Византийский историк V в.

И

- Изаций Веце, Isacio Tzetze (Исаакий, или Иоанн Цец)¹
 Исидор Испаленский, Isidoro Hispalense (Исидор Севильский)
 Изигонн, Isigonio appresso Plinio (Исигон Никейский, в передаче Плиния)

К

- Калсурин Сура, Calsurino Sura
 Калимах Приприний, Callimaco appresso Plinio (Калимах, в передаче Плиния)
 Карл Сигоний, Carlo Sigonio
 Карл Вагриос, Carlo Vagriese (Карл Вагрийский)
 Келий Дунат, Celio Donato
 Керилиан, Cerilliano
 М. Кикерин, M. Cicerone (Цицерон)²
 Корнелий Тацит, Cornelio Tacito
 Константин Порфиrogenит, Costantino Porfirogenito (Константин Багрянородный)
 Константин Спандугин, Costantino Spandugino
 Корад Пеутиньер, Corrado Peutingero (Конрад Пёйтингер)
 Крисип, Crisippo (Хрисипп)
 Кронара Фиоманаха Миноританий, Cronica de Frati Minoriti («Хроника Братьев
 Меньших»)³
 Квинт Курций, Q. Curtio (Квинт Курций)
 Кириак Кспангеберн, Kiriaco Spangebergio (Кириак Шпангенберг)⁴
 Криштофан Варсевиций, Christofano Varseviceio

Л

- Ламберт Скафия Бургенце, Lamberto Schaffnaburgense (Ламберт Херсфельдский, или Ашаффенбургский)
 Лаврентий Сур, Laurentio Suro (Лаврентий Сурий)
 Леонард Аретн, Leonardo Aretino
 Людовик Сервин, Lodovico Cervino (Людовик Цриевич Туберон)⁴
 Люкан, Lucano (Лукан)
 Людифалн, Lucio Fauplo

¹ Ученый, византийский поэт и филолог XII в. Иоанн Цец; Исаакий — его брат.

² По-итальянски Marco Tullio Cicerone, по-латыни Marcus Tullius Cicero. В классической латыни буква «с» читалась как «к».

³ Орден Братьев Меньших Конвентуальных — одна из ветвей ордена францисканцев.

⁴ Далматинский историк и гуманист, монах-бенедиктинец Людовик Цриевич Туберон (1459—1527) был уроженцем Дубровника, земляком Орбини. Одна из книг Туберона посвящена истории Дубровника.

Люиџи Кантерин, Luigi Contarino (Луиджи Контарини)

Люит Пранд Тициненский, Luitprando Ticiniense (Лиутпранд Кремонский)¹

Леополд Памперт, Lupoldo Bambergio (Леопольд Бамбергский)

М

Марцелин Конте, Marcellino Conte (Марцеллин Комит)

Мариан Скот, Mariano Scoto (Мариан Скот)

Марин Барлецы, Marino Barletio

Марин Архимандрит, Marino Benchemio

Марин² монах, F[rater] Martino (Брат Мартин)

Мартын Бископ, Martino Abbate (Мартин Аббат)

Мартын Кромер, Martino Cromero (Мартин Кромер)

Martino Vescovo Coscentino (Мартин, епископ Гнезненский)

Мартын Сегоин, Martino Segonio (Мартин Сегон)³

Мартын Вагнет, Martino Vagneto (Мартин Вагнетус)

Марсиан Капела, Marziano Capella (Марциан Капелла)

Матфей Михофитеа, Matthia Meccovita (Мацей Меховский или Меховита)

Мазокья, Mazochio (Мазокьо)

Метель Тугарин, Metello Tigurino (Метелл Тигурин, т.е. Цюрихский)

Мефодий Историк, Metodio Historico

Михайла Риций, Michel Riccio (Микеле Риччо)

Михайла Салюаницианский, Michel Salonitano (Михаил Салонский)⁴

Мудест, Modesto⁵

Н

Nazario Mamertino (Назарий Мамертин)

Niceforo Gregora (Никифор Григора)

Niceta Coniato (Никита Хониат)

G. Nicolo Doglioni (Джованни Николо Дольони)

¹ Ticinum — древнее название города Павия на севере Италии. Лиутпранд, историк X века, епископ Кремоны, родился в этом городе.

² Возможно, в написании имени была допущена опечатка.

³ Серб Мартин Сегон был католическим епископом в черногорском городе Улцинь (XV в.).

⁴ Салона — античный иллирийский далматинский город.

⁵ По непонятной причине список авторов в изложении Савы Владиславича обрывается на букве «М». Крайне небрежно набранный в издании 1722 г., этот перечень заставляет предположить, что Владиславич не писал, а диктовал его (некоторые имена собственные оказались разорванными на две бессмысленные части), или поручил составить перечень какому-то недостаточно грамотному помощнику. Отсутствующая вторая половина списка воспроизводится по итальянскому оригиналу. В скобках дана русская транскрипция имен авторов и исторических трудов, наиболее значимых для Орбини.

Nicolo Marscalco (Николаус Маршалк)

Nicolo Stobeo (Стобей)

О

Olao Magno (Олаус Магнус)

Onesimo

«Origine de' Gothi» («Origo Gothorum»)¹

Ottone Frigigense (Оттон Фрейзингский)

P. Ovidio Nasone (Публий Овидий Назон)

П

Paolo Bamefrido (Павел Варнефрид)

Paolo Diacono (Павел Диакон)²

Paolo Emilio (Паоло Эмилио)

Paolo Nivemontano (Пауль из Шнееберга)

Paolo Giovio (Павел Иовий)

Paolo Langio (Пауль Ланге Цигнеус)

Paolo Orosio (Павел Орозий)

Paolo Paruta (Паоло Парута)

Paolo Scaligero (Pavao Skalić³, Павел Скалич)

Petancio (Петанчич⁴)

Pier Francesco Giambulari (Пьерфранческо Джамбуллари)⁵

Pietro Artoreo (Петер Артопеус, запрещенный автор)

Pietro Bellonio (Пьер Белон)

Pietro Bizaro (Пьетро Бицари)

Pietro de Castro Pere

Pietro Crusber (Петер Крусбер)

Pietro Echilino (Петр Эквиллийский)

Pietro Giustiniano (Пьетро Джустиниани)

Pietro Livio (Пьетро Ливио)

P. Piteo (П[адре?] Питео)

Pio Secondo (Римский папа Пий II)

Plinio (Плиний Старший)

¹ Лат. «Происхождение готов».

² Павел Варнефрид и Павел Диакон — это один и тот же человек, эрудированный историк VIII в., происходивший из древнего и знатного лангобардского рода.

³ Хорватский гуманист (1534—1573); иногда его фамилию писали в форме «Скалигер».

⁴ Феликс Петанчич (Feliks Petančić, лат. Felix Petancius; около 1455—1517) — дубровницкий художник-миниатюрист, гуманист и дипломат.

⁵ Имя флорентийского литератора, историка и архивиста Пьерфранческо Джамбуллари (около 1495—1555) иногда писали и как Pier Francisco.

Plutarco (Плутарх)
 Polibio (Полибий)
 Porfirio (Порфирий)
 Pomponio Leto (Помпонно Лето или Помпоний Лет)
 «Privilegi di Catara» («Привилегии Котора»)¹
 Procopio di Cesarea (Прокопий Кесарийский)
 Prospero Aquitano (Проспер Аквитанский)

Р

Rafaelo Volaterano (Raffaele Maffei, Рафаэль из Вольтерры)²
 Reginone Abbate (Аббат Регинон)³
 Registro delle Cronache Registrum cronicarum
 Reinnero Reinocio (Reinhard Reuneke)⁴, запрещенный автор
 Ricardo Bartolino (Риккардо Бартолини)
 Rinaldo Britanno (Ринальд Британский)
 Roberto Gaguino (Робер Гаген)⁵
 Roberto Valturio (Роберто Вальтурио)⁶

С

Sassone Grammatico (Саксон Грамматик)
 Sebastian Munstero (Себастьян Мюнстер)
 Scolastico Smirneo (Агафий Миринейский, называемый также Схоластиком)⁷
 Scipione Ammirato (Сципион Аммирато)
 Seruio (Сервий)
 Sidonio Apollinatio (Аполлинарий Сидоний)⁸
 Sigiberto Gemblacese (Сигиберт из аббатства Жамблу)

¹ Котор — город в современной Черногории, исторически — на Далматинском побережье.

² Рафаэле Маффеи (1451—1522) — итальянский гуманист, историк, исследователь античных первоисточников.

³ Немецкий хронист (ок. 840—915).

⁴ Немецкий гуманист и историк Рейнхард Райнеке (1541—1595) был известен под латинизированным псевдонимом Reinegus Reineccius. Он исследовал, в частности, проблемы происхождения германцев, обращаясь при этом и к работам авторов, принадлежавших той же историографической традиции, что и Орбини.

⁵ Robert Gaguin (1433—1501) — французский философ эпохи Возрождения.

⁶ Итальянский военный инженер (1413—1483).

⁷ По-гречески οὐλοιστικός означает, в частности, «адвокат». Византийский историк и поэт, мастер эпиграммы, Агафий Миринейский (536—582) занимался и адвокатской деятельностью.

⁸ Галло-римский литератор и епископ (около 430 — около 486). Канонизирован Католической церковью. Его работы представляют собой ценный источник эпохи завоевания Галлии вестготами.

Sigismondo Herbersteino (Сигизмунд Герберштейн)
 Silberto Genebrardo (лат. Silbertus Genebrardus; Жильбер Женебрар)¹
 Socrate Historico (Сократ Историк)
 Solino (Солин)
 Sozimeno (Созомен)
 «Specchio de' Sassoni» («Саксонское Зерцало»)²
 C. Statio Poeta (Стаций Поэт)³
 Stefano Bizantino (Стефан Византийский)
 Strabone (Страбон)
 Suffrida Pietro Misnense (Петрус Суффридус)⁴
 «Suida» («Свида»)⁵
 Soplimento di Eutropio (Дополнение к «Римской истории» Евтропия)
 Svetonio Tranquillo (Светоний Транквилл)
 Suffrida Misnense (Петрус Суффридус)
 Symmaco (Симмах)

Т

Teoderico (Теодерик Монах)⁶
 Teodoro Spandugino (Феодор Спандунес)⁷
 Teopompo Chio (Феопомп Хиосский)

¹ Жильбер Женебрар (Gilbert Générard; 1535—1597) — французский богослов и востоковед.

² «Саксонское Зерцало» («Sachsenspiegel») — старейший правовой сборник Германии 1220-х гг.

³ Римский комедиограф Цецилий Стаций жил около 220—168 гг. до н. э. (не путать с известным латинским поэтом по имени Публий Папиний *Стаций*; около 40 — около 96).

⁴ Фризский историк (Petrus Suffridus; 1527—1597), изучавший проблемы этногенеза германцев. Он пришел к выводу, что значительная часть фризской лексики не является германской по происхождению. Рассматривал он и «вандальскую» составляющую в формировании древнефризского этноса, приводя в связи с этим точку зрения авторитетного немецкого историка Альберта Кранца (одного из главных предшественников Орбини в вопросах генезиса славян). Кранц отождествлял вандалов со славянами (прежде всего, балтийскими, северными). Суффридус же отстаивал концепцию (основанную на библейских преданиях о расселении людей после Ноева потоп) азиатского, восточного происхождения древних фризов. Однако фактически его выводы о негерманских предках древних обитателей анклава у Северного моря убедительно коррелируют с метаисторией Орбини и его единомышленников: читатель убедится в этом при внимательном изучении книги Орбини в целом и отдельных ее важнейших мотивов.

⁵ В современной русской научной литературе этот византийский энциклопедический словарь X в. обычно транскрибируется как «Суда».

⁶ Норвежский хронист XII в., бенедиктинский монах Theodericus (Theodoricus) Monachus (не путать с антиохийским богословом V в. блаженным Феодоритом; лат. Theodoretus).

⁷ Феодор Спандунес (Θεόδωρος Σπανδούνης, итал. Teodoro Spandugino) — греческий историк византийского происхождения (начало XVI в.). Живя в Италии, он написал историю формирования Османской империи.

Teodolo (Фома Магистр)
 Tito Livio (Тит Ливий)
 Tolomeo Alessandrino (Птолемей Александрийский)
 Toma Ebendorfo (Томас Эбендорфер)¹
 Trebellio Pollione (Требеллий Поллион)
 Trogo Pompeo (Помпей Трог)
 Tugenone Patavino

Ф

Fabio Celeriano (лат. Fabius Ceryllianus, Фабий Цериллиан)
 Farasmanno Greco (Фарасман Грек)²
 «Fascicolo de' tempi» (лат. «Fasciculus Temporum», букв. «Собрание времен»)³
 Filippo Callimaco (Филипп Калимах)
 Filippo Lonicerò (Филипп Лоницер, запрещенный автор)⁴
 Flauio Vorisco (Флавий Вописк)
 Lucio Floro (Луций Флор)
 Francesco Bisso (Франческо Биссо)⁵
 Francesco Baldillo
 Francesco Irenico (Францискус Иреникус)⁶
 Francesco Serdonati (Франческо Сердонати)⁷

¹ Томас Эбендорфер (1387 — 1464) — австрийский историк, профессор Венского университета.

² Фарасман был царем Хорезма во времена Александра Македонского.

³ Опыт написания всемирной истории немецким картезианским монахом по имени Вернер Ролевинк (1425—1502); книга только при жизни автора издавалась около сорока раз.

⁴ Philipp Lonicer (1543—1599) был богословом немецкой Евангелической церкви, поэтому оказался в перечне отреченных Ватиканом авторов. В этой, второй, половине списка источников книги Мавро Орбини (публикуемой нами по итальянскому оригиналу) имена отреченных авторов сохранены, и читатель может, при желании, узнать о них из биографических справочных изданий. Из первой половины данного списка Сава Владиславич такие имена почти полностью исключил, вероятно, по дипломатическим соображениям.

⁵ Франческо Биссо (умер в 1623) — генеральный викарий (представитель епархиального епископа) в Палермо.

⁶ Латинский псевдоним немецкого историка Франца Фридлиба (Franz Friedlieb; 1494/1495—1553).

⁷ Современник Орбини, работавший в Италии дубровницкий историк (1537/1540—1615).

< Descrizione della Scandinavia che fu l'antica Patria de gli Slavi (Описание Скандинавии, которая была древним Отечеством славян)¹ >

Все историки считают родиной этого народа Скандинавию, которая многими называется Сканция, другими — Скандания, третьими — Скандия и Скандизона и которая, как пишет Элмолд², расположена в северных землях.

Древние греки и римляне, когда узнали о ее существовании, сошлись на том, что это холодный пояс земли, покрытый несходящим снегом и лишенный всякого животного мира. Немногие упоминали эти земли. Некоторые полагали, что там обитают благополучные и праведные люди, живущие долгую жизнь³, а другие и вовсе представляли себе ее большим островом. Плиний, например, в 4-й книге рассказывает, что Скандинавия — необыкновенный и неохватный в своих размерах остров, Солин же в 23-й главе о чудесах мира говорит, что Скандинавия — остров, крупнее всех германских островов, но ничего чудного, кроме самого острова, там нет. Однако сам же потом поправляется, что Скандинавия не является действительным островом, а только пространной территорией, окруженной морем, но не отделенной от окружающих земель. Иорнанд Алан также повествует о некоей земле, кузнице народов и лоне племен⁴. Протяженность ее с юга на север составляет 1800 миль, а ширина немногим меньше половины от этого. С одной стороны она омывается Балтийским морем, с другой — океаном, называемым некоторыми Ледовитым морем. С северной стороны вблизи современной российской границы, по

¹ В переводе-изложении Савы Владиславича эта краткая, но очень важная для понимания авторского замысла и исторической концепции Орбини вводная главка никак не выделена. Воспроизводим ее название по итальянскому оригиналу 1601 г. Под «Скандинавией» здесь, скорее всего, имеется в виду некая легендарная древняя земля в «Северном океане», своего рода «изначальная Гиперборея» (см. об этом в статье-комментарии, после основного текста книги).

² Гельмольд, автор «Славянской хроники». Ниже в этой важной вводной главе о «гиперборейском», или «нордическом», происхождении предков «рода славянского» упоминаются известные античные и средневековые историки, чьи имена понятны без комментариев: Плиний, Солин, Прокопий Кесарийский, Стефан Византийский и др.

³ Имеются в виду античные предания о северной земле «блаженных гипербореев», живущих дольше обычных людей. В этой небольшой вводной главе Орбини формулирует свой вариант «гиперборейской концепции» происхождения предков славян. На протяжении всей книги он последовательно напоминает читателям об этой «нордической прародине».

⁴ В латинском оригинале «Гетика» готского историка Иордана: «*officina gentium aut certe velut vagina nationum*», «мастерская родов (народов), или поистине как бы (материнское) лоно народов (наций)» (*Getica*, 25). Это тоже, по сути, своеобразная «гиперборейская модель» этногенеза VI в. Иордана иногда называли Иорнандом; по преданию, в его родословной были аланские предки.

картам Олая Великого¹, она соседствует с землями скрифиннов и карел². Некоторые ученые люди, опираясь на свидетельства древних, полагают, что Скандинавия есть та самая славная Туле³. Помпоний Мела видит местонахождение Туле напротив Нижней Германии. Птолемей определяет место Туле в 73-м градусе широты и в 26-м градусе долготы. Прокопий рассказывает, что в ней жило 13 народов и столько же царей властвовало, что выходит в десять раз больше, чем в Британии. Стефан Византийский называет Туле великой, поскольку она охватывает скрифитанские народы, ныне называемые скрифиннами. Исаакий Цец, истолкователь Ликофрона⁴, пишет, что Туле лежит к востоку от Британии, пограничные земли которой принадлежат Скандии, тем более что одна из частей Скандии и сейчас носит имя Марка Туле. Балтийское море, которое окружает Туле, не знает ни приливов, ни отливов и оттого особенно бурно и опасно. Морские течения, пригоняемые ветром с севера, столь пресны, что матросы употребляют воду для варки, а происходит это от множества впадающих в море рек и озер. Противоположное же течение приходит с запада, и вода при этом замерзает настолько, что поверху ездят каретами или, как их называют некоторые народы, санями. А иногда и целые пешие войска переходят с материка на острова Скандинавии, которая, отбросив все другие имена, стала носить имя Скандия⁵. Это имя означает веселость, пригодность, потому как она не уступает ни одной стране в свежести воздуха, в плодородных почвах, в удобстве пристаней и торговли и в морском богатстве, а также в рыболовстве в озерах и реках, в охоте на необычных зверей, в золотых и серебряных месторождениях, в меди и свинце, в множестве городов и гражданских постановлений. Из нее же издревле [по сказанию Солинову в 25-й главе «О северных (народах)»⁶] часто высылались

¹ Скрифинны, скритифинны, скререфинны и т. п. в средневековой европейской географии представлялись очень неоднозначно локализуемым полулегендарным народом Крайнего Севера. Олаф Магнус (в латинизированном написании Olaus Magnus; 1490—1557) был известным шведским историком (и архиепископом Упсалы), сохранившим много ценных сведений и преданий о северных народах. Одним из итогов его исследований стала «*Carta Marina*» (лат. «Морская карта»), напечатанная в 1539 г. («чертеж показательный» в тексте Орбини).

² В итальянском оригинале добавлено, что речь идет о народах, соседствующих с «Московитами».

³ Так считали многие средневековые западноевропейские авторы, отождествлявшие «остров Скандза» с самой северной, овеянной легендами околполярной землей античной географии: Ultima Thule (Thule, Tule и т. д.) — «Крайняя Тула», где-то на Крайнем Севере Атлантики.

⁴ Ликофрон, древнегреческий поэт первой половины III в. до н. э.; Иоанн Цец — византийский филолог XII в., комментировавший античных авторов. Схолии к Ликофрону долгое время приписывались его брату Исаакию.

⁵ Здесь уже говорится об «эмпирической» Скандинавии.

⁶ То есть о гиперборях.

первые плоды урожая Аполлону Делосскому¹, через посланниц-девственниц². Но поскольку имело место насилие со стороны принимавших их мужей и назад они уже не возвращались невинными, пришлось вернуть этот далекий ритуал в пределы Скандинавии, которая ныне состоит из трех королевств: Норвегии, Швеции и Готии, части королевства Датского и многих других провинций, а именно Ботнии, Финмарки, Лаптонии и Финляндии, территория которой в древние времена была заселена славянским народом, имела их язык и во времена господства русских приняла греческую веру. Кроме вышеперечисленных, есть еще много провинций в Скандинавии, из которых вышли славяне, со многими другими могущественнейшими народами, которые позднее взяли под свои владения Азию, Африку и Европу.

Становление славян и происхождение их державности

Становление и происхождение державности славянского народа не особенно поддается изучению, поскольку славяне мало чтити книжную науку и ученых людей. Недоставало им времени внимать грамоте и наукам, потому как были они по природе своей варварами и жили в окружении таких же свирепых и варварских народов, с которыми непрестанно воевали³. По этой причине они не отличались известностью от других варваров, заселявших окрестные просторы степей. Впервые о них стало известно, когда они принялись нападать на греков и римлян (у которых вначале процветали науки и которые впоследствии утратили образованность и красноречие) и чуть было не истребили их оружием. Парфяне, готы, вандалы, аланы, лангобарды, сарацины, гунны и, наконец, эти самые славяне настолько притеснили и разорили греков и римлян, что не заботились, да и вовсе не имели времени, чтобы описывать свое происхождение и историю разных чужеземных народов, которых они имели причины ненавидеть.

Петр Крузбер Голландский в книге третьей, о северных народах, Увикинд Увагрес⁴ в первой книге «Германии» и Александр Гвагвин⁵ в своей «Сармации» повествуют о том, что Иафет, старший сын Ноя, от которого произошел славянский народ, после памятного потопа, упоминаемого в Священном Писании, поселился первоначально

¹ Хорошо известное античному миру предание о дарах, присылавшихся гиперборейцами на остров Делос, в храм Аполлона и, так сказать, о «посольстве» гиперборейских дев. Этот сюжет (включая маршрут доставки гиперборейских даров, возможно, как-то связанный с древним «янтарным путем» с Севера в античное Средиземноморье) давно и обстоятельно исследуется историками Античности.

² Этот сюжетный ход вновь возвращает нас к античным преданиям о «блаженных гиперборейцах» и их дарах, посылаемых на остров Делос.

³ Здесь Орбини отдает дань позднеантичным, римским и византийским стереотипам представлений о «варварах» Центральной и Северной Европы.

⁴ Видукинд Вагрийский. Имена собственные в издании 1722 г. часто переданы весьма произвольно.

⁵ Гваньини.

в Азию¹. Затем его потомки пошли в Европу, на север, и нашли себе пристанище в Скандинавии, где их численность неизмеримо увеличилась. Было у них двести государств, и населяли они земли от горы Тавр в Киликии² к северу, половину Азии при Северном океане и всю Европу, даже до Британского океана. Знание это берется и от истолкования самого имени Иафет, которое значит «расширение», и от счастливого благословения отца его Ноя, который, предвидя будущие три условия человеческой жизни, наказал трем своим сыновьям, чтобы каждый из них соответствовал своему определенному назначению. Симу он сказал: «Совершай как священник божественную службу». Хаму же: «Трудись, воздвигая землю и поля и обучаясь ручному ремеслу». Иафету: «Правительствуй как царь и защищай и как воин обучайся оружию». Этот наказ или Ноев завет стал впоследствии неуклонно соблюдаться и потомками его сынов. Поэтому славяне, происходящие от Иафета, всегда были храбры оружием и начальствовали над многими людьми. Но поскольку потомство Иафета разрослось до такого числа, что великая Скандинавия не смогла их вместить, они покинули ее пределы. И, оставив многочисленные родные жилища, покорили себе всю Европейскую Сарматию, которая (по Птолемию) на востоке оканчивается Меотидским морем и Доном, на западе же доходит до реки Вислы, на севере — до Сарматского океана, а на юге — до Карпатских гор.

Случилось это первое переселение славян из Скандинавии во времена Офониеля, сделанного наследником после Юзея, наследника Моисея. Офониель же был еврейским судьей в 3790 году от Сотворения мира, за 1460 лет до пришествия Христа. В это время из Скандинавии вышли готы и под тем же именем и славяне, составлявшие с готами единый народ. Так, народ славянский, покорив своему державству всю Сарматию³, впоследствии разделился на несколько колен и получил разные названия, а именно: веныды, славяне, анты, верлы, герулы, аланы или массагеты, гирры, скирры, сербы, эмнуклены, даки, шведы, фенны или финны, пруссы, вандалы, бургунды, готы, остготы, вестготы, геты, гепиды, маркоманы, квады, авары, певкины, бастарны, роксоланы или русы, ляхи, богемцы или чехи, шленцы и булгары, которые все были одним и тем же родом славянским, который и по сей день превосходит все другие народы, поскольку к славянскому роду относятся не только те, кто живет в Илирии, Истрии⁴ и Карпатах, но еще многие превеликие и сильнейшие народы: булгары, рашцы, рашциане, сербы, боснийцы, хорваты, пятигорцы, русы, поляне, поляки, московиты, черкасы и те, кто живет далеко при Венедском заливе, даже до реки Альбии⁵, остатки которых и сейчас германцы называют славянами

¹ Общие библейские представления о послепотопном происхождении людей (потомков Ноя и его сыновей) из Азии.

² Иными словами, от Малой Азии.

³ Здесь это античное географическое понятие можно соотнести с Восточной Европой в целом.

⁴ «Иллирийско-славянская», древнебалканская идентификация, столь значимая для южнославянских историков круга Орбини, упоминается им в первую очередь.

⁵ «Венедский залив» (Мирового океана) означает в средневековой географии Балтийское море. «Албия» — это Эльба (лат. *Albis*). Речь здесь идет о балтийских славянах.

и виндянами или виндами, и, конечно, лузацы, кассубии, моравы, литвяне¹, шленцы и богемцы. Поэтому и язык славянский распространен от Каспийского моря до самой Саксонии и до Адриатического моря и до Германского. Этот народ славянский всегда показывал себя свирепым, воинственным и честолюбивым. У славян был древний обычай никогда не жить в одном и том же месте, но всякий раз, когда заканчивались запасы или неприятели их преследовали или казалось им тесно, менять места проживания и переносить свое имущество. Жили они всегда в шатрах² и были воевательными, вольными и неукротимыми. Во времена цезаря Августа они жили вперемешку с фракийцами³, а потом захватили оружием почти всю Европу и значительную часть Азии и Африки, поскольку, если внимательно рассматривать это славянское племя, не найдется в прошедших временах другой народ храбрее его. Они с легкостью переживали стужу, жару и прочие военные лишения. Всегда предстояли бесстрашными, сталкиваясь с тысячью опасностями, никогда не были во всем покорны державству римскому. Более того, когда славяне во времена императора Максимилиана вошли в Иллирию, Паннонию и Мисию, то опустошили все и так храбро наступали на римские войска, что державство римское было постоянно вынуждено оберегать себя от сарматского воинства⁴, полагая великим подвигом отвращение от себя их свирепства.

Род венедов был разделен на три части, названные венедами, антами и славянами, которые все три произошли от единого скандинавского корня. Славяне, еще будучи расселенными в Сарматии, устраивали непрестанные войны против разных народов и всегда выходили из них славными победителями, благодаря чему и стали называться славянами. Под этим именем (по словам Риналда Вританского в 1-й -книге летописей Вритании), собрав единую могущественную флотилию на Венедском море, они наступали на Англию и, будучи высоки ростом, почитались за богатырей. Но, после того как их от того острова прогнал сильной рукой Брут⁵, сын Сильвия, внука Енея, вынуждены они были искать себе новые жилища и приплыли к берегам Нижней Саксонии, ныне именуемой Фризией, где в то время никого не было, и сошли было на сушу, но в скором времени неожиданно столкнулись с мест-

¹ Балтские народы во времена Орбини в западной историографии еще практически не отделяли от славян.

² Представления о предках славян как о кочевниках разделяются далеко не всеми историками (см., например, известные работы о славянах академика Б.А. Рыбакова).

³ Некоторые современные слависты также предполагают, что отдельные этнические группы предков южнославянских народов весьма рано жили во фракийском регионе. Однако, как и Орбини, их обычно не отождествляют непосредственно с фракийцами, хотя и те и другие входят в индоевропейскую семью народов.

⁴ В Средние века и раннее Новое время «сарматами» чаще всего называли славян западных. Восточные славяне в этой этнологической модели соотносились преимущественно с античной Скифией, довольно неопределенной географически и распространявшейся в средневековом понимании и на Крайний Север, к Ледовитому океану, и далеко на восток, вплоть до тихоокеанских регионов.

⁵ Легендарный прародитель обитателей Британии.

ными жителями, сопротивление которых вынудило их отступить обратно к своим кораблям. Отплыв оттуда на кораблях, они прошли дальше вглубь на запад, пока не вошли в устье реки Мозы и, остановившись там спустя некоторое время около древней Влардинги, возвели могущественную крепость, которую назвали своим именем Славенбург. События эти происходили за 900 лет до пришествия Христа. А местными жителями, вынудившими славян отступить, были шведы, которые до того изгнали аланов и обосновались на территории, лежащей между реками Флево и Швево. Другие же славяне, которые в то время остались в Сарматии, мужественно сопротивляясь войскам Александра Великого, который пытался покорить их себе, убили Менедама, александрова капитана, и также изрубили 2000 единиц пехоты и 300 конницы македонцев. Курций приписывает это сражение скифам, следуя в своем мнении заблуждению других итальянских историков¹, которые, когда узнавали о каком-либо варварском народе, всегда (о чем пишет Альберт Кранц²) называли их скифами. Однако в описании Курция и других историков ясно видится, что войско александрово было разбито именно славянами, поскольку сам Курций добавляет, что к Александру Великому пришли послы восточных германцев, которые историками тогдашних времен называются сарматами и скифами, а нами — венедами, сами же себя называли славянами³. Послы числом 20 при лошадях, будучи приняты и усажены в царском шатре, стали разглядывать лицо царя, будто измеряя его ум по телесному росту, и это лицо им не показалось столь великим и равным царской славе. Потом один из них, самый старший, произнес следующую речь: «Если бы боги пожелали, чтобы величина твоего тела было равна желанию твоей мысли, то ты не смог бы вместить в тебя весь свет. Ты одной рукой касался бы востока, другой рукой — запада, и, получив все это, захотел бы знать, где скрывается сияние божественного света. Так что ты желаешь вещей, которых не можешь достичь. Ты идешь из Европы в Азию и из Азии переходишь в Европу,

¹ В данном случае древнеримских (как Курций Руф, известный историк, писавший о деяниях Александра Македонского).

² Об Альберте Кранце см. во вступительной статье к нашему изданию.

³ Очень важное место для понимания этнических наименований у Орбини и у многих других авторов Средневековья и раннего Нового времени. Славяне (они же сарматы, скифы и веныды в других источниках) названы еще и «Германами восточными» (!). Ясно, что речь идет о северо-востоке нынешней Германии, о территории, долгое время населенной балтийскими славянами. «Германами восточными» они тут наречены по территориальному, а не лингвистическому принципу этнической идентификации. Они ведь жили в той обширной части Северной Европы, которая со времен Тацита постоянно называлась Германией. А потому они и «Германы», несмотря на то, что при этом они могли говорить на славянском, кельтском, финском и др. языках. Именно эта модель срабатывала (хотя и не во всех случаях, что создает дополнительные сложности для исследования) применительно к вандалам, готам, лангобардам и многим другим этносам, упоминаемым у Орбини. Причем в результате получившиеся именованья могли быть и диаметрально противоположными: если, скажем, шведы у Орбини — «Славянского рода», то в данном случае (в той же книге) славяне названы «Германами». И это кажется противоречивым лишь с точки зрения поздних представлений о неизбежности и прямолинейной однозначности любого термина. Возможно, это отчасти объясняет и бескомпромиссность норманских дискуссий, просто невозможных в более ранние эпохи.

а когда победишь весь род человеческий, тогда будешь воевать со зверьми, лесами, снегом и реками. Или ты не знаешь, что великие древа долгое время растут, а потом в одночасье искореняются? Безумен тот, кто смотрит только на плод этих деревьев, не измеряя их высоту. Имей это в виду, если желаешь взойти на самый их верх по ветвям, за которые ты будешь хвататься, чтобы не упасть на землю. И лев иногда бывает пищей малейших птиц, и железо ржавчиной съедается, и ни одна вещь не бывает настолько крепка, чтобы не мочь быть сломленной другой, не самой мощной вещью. Что нам с тобой делить? Мы никогда не приходили на твою землю, поскольку ты знаешь, откуда ты пришел. Но и нас ведь нельзя не знать, живущих среди превеликих лесов. Мы не можем покоряться, но и не хотим быть господами. Дары же наши, через которые вы сможете познать людей скифских, вам уже принесены: пара быков, одна соха, стрелы, копья и одна чаша. Эти вещи мы употребляем и с приятелями, и против неприятелей. Плоды, добытые с трудом, и быков наших мы даем приятелям, с ними в чашах жертвуем вино богам, а неприятелей издалека встречаем стрелами, а вблизи поражаем копьями. Таким образом мы победили скифского царя (здесь видно, что послы были не скифами, как их ошибочно называет Курций) и мидского¹, и персидского, даже до Египта путь нам был открыт. Но ты хвалишься походами на разбойников, ты и сам разбойник для всех народов, которых ты победил. Ты взял Лидию, овладел Сирией, держишь Персиду, в твоей власти бактриане, хочешь идти в Индию, а еще и покушаешься на наш скот своими сребролюбивыми и несатыми руками. Зачем тебе нужны богатства, которые только заставляют стремиться к большей славе? Ты первый среди прочих избобилуешь славой, поскольку чем больше получаешь, тем больше желаешь того, что ты не имеешь. Недостаточно тебе того, как долго ты уже мешкаешь с бактрийцами, которых желаешь победить. Согдийцы снова начали войну. Победы твои только порождают новые войны. Но хотя ты и считаешься более велик и могущественен, чем другие, все равно никто не может содержать у себя государя чужестранного. Стоит тебе переправиться через Дон (еще одно свидетельство заблуждения Курция о скифах), и ты узнаешь, насколько широко лежат эти просторы. Скифов ты никогда не одолеешь, да и наши бедные войска быстрее, чем твое войско, носящее с собой награбленное от стольких народов. И если ты подумаешь, что мы находимся далеко, скоро увидишь нас стоящих в своем лагере, поскольку мы с такой быстротой передвигаемся и нападаем. Мы слышали, что греки высмеивают наши степи, но мы больше любим пустые леса и лишённые всяческого возделывания земли, нежели города и изобильные имения. Поэтому держи крепче руками свою фортуны, потому как она непостоянна и против своей воли не задержится. Поэтому тебе должно следовать здравому совету, который мы тебе даем и который тебе дает настоящий союз, лучше будет тебе обуздать фортуны за шею для лучшего ею управления. Говорят, что фортуны без ног и что у нее есть только руки, украшенные перьями. И когда она подает руку, то не позволяет коснуться своего оперения. Разумеется, если ты Бог, то должен творить

¹ Мидийского.

людям благо, а не отнимать их собственность. Если же ты человек, помни, что тебе всегда и надлежит им оставаться. Неразумное дело — думать о том, ради чего ты самого себя забываешь. Тех, на кого ты не станешь идти войной, ты сделаешь своими приятелями, потому как дружба между равными обычно самая крепкая. Равными могут называться только те, которые никогда не мерялись силами, но и про тех, кого ты победил, опасайся верить, что они приятели, потому что между господином и рабом не может сохраняться любовь. Но мы и в мирное время привыкли хранить права войны. Не думаете ли вы, что мы подтверждаем свое расположение присягой? Наша присяга в сохранении верности. Другая осторожность бытует у греков, которые подтверждают свои дела призыванием богов. Тебе не нужен приятель, в котором ты будешь сомневаться. Кто не кланяется людям, обманывает богов, ты действительно будешь иметь нас сторожами Азии и Европы. Мы ограничены Бактрой по Дону, а с другой стороны, по слухам, Македония сопряжена с фракийскими холмами и горами. Поэтому, коль скоро мы соседи друг другу, решай, надлежит нам быть приятелями или неприятелями?»

На эту речь варвара царь ответил, что желает служить своей фортуне, на которую много уповал, и так и отпустил послов славянских, с которыми после этого последовало сражение. Александр своих потерял немало, а урон неприятелям нанес небольшой, но поскольку они не могли воспротивиться войску, снабженному всяким оружием, вынуждены они были отступить по обыкновению в глубь Сарматии, в которой предпринимали впоследствии знатные и славные походы с благополучным завершением. Этот храбрый народ славянский никогда не успокаивался. Стремясь к великим свершениям, они снова решили оставить сарматские пустыни, после чего разделились на две части. Одни пошли на север и осели там на берегу Балтийского моря на протяжении 250 германских миль между Германией, Пруссией, Ливонией, Руссией и противоположными берегами Дании, Готии и Финляндии даже до Выборга и назвались генетами или венедами, германцами называемые венден, итальянцами — слава, а нашими — вандала¹. Об этих славянах-венедах будет позже рассказано отдельно. Другая часть сарматских славян обратилась на юг и осела на берегах Дуная. Там они пытались завладеть Римским государством и постоянно совершали набеги на их земли и провинции, пока наконец не покорили многие из них.

Прокопий Кесарийский, который был первым историком этих славян и войн, учиненных ими против римлян, в первой книге о готах² пишет о славянах следующее: тем временем Мартин и Валериан приехали к Велисарю (полководцу царя Юстиниана), приведя с собой 16000 солдат, из которых большая часть были гунны,

¹ Неясно, кто здесь «наши». Носители той исторической традиции, которой следовал Орбини? См. во вступительной статье об изначальности и глубокой древности этнонима «вандалы», согласно средневековым западноевропейским хронистам.

² «Война с готами» византийского историка Прокопия Кесарийского (годы жизни: между 490 и 507 — после 562). Прокопий был советником полководца Велисария.

славяне и анты, которые живут по ту сторону реки Дунай, недалеко от ее берегов. Велисарий обрадовался их приходу и решил сразиться с неприятелем. Тот же историк во второй книге повествует о том, что Велисарий схитрил, чтобы взять в плен некоторого знаменитого человека из неприятелей, чтобы разузнать, на что надеялись варвары, перенося столь тяжкие мучения. Валериан обещал ему оказать эту услугу посредством некоторых людей от славянского народа, которые были под его знаменем. Они могли стоять, прикрытыми каким-нибудь камнем или деревом, и таким образом брать, кого хотели, из неприятелей, чему он их обучил и на Дунае, где у них были свои жилища, и в Риме, против некоторых варваров. Таким образом, Валериан выбрал одного из славян, сильнейшего, храбрейшего и могучего, который, поощренный валериановыми обещаниями, до рассвета вскочил на холм, где каждый день косили траву для коней, прилег там на землю, покрытую терном, и притаился. Чуть только рассвело, один некий гот приехал, чтобы набрать травы, и не почуял подвоха. Славянин же быстро и внезапно напал на него сзади, крепко обхватил поперек, притащил его в стан римлян и передал Валериану. Тот же Прокопий пишет в третьей книге, что некий Халдивий из семьи и двора Юстиниана настолько презирал деньги, что жил роскошной жизнью, не имея ничего. В четвертый год своего царствования поставил его Юстиниан правителем всей Фракии, чтобы оберегать Дунай от набегов варваров, потому как до этого гунны, анты и славяне постоянно переправлялись через Дунай и наносили римлянам непоправимый урон. В течение трех лет Халдивий сопротивлялся набегам этих племен, нанося им потери. По прошествии же трех лет переправился он с немногими людьми через реку, а ему навстречу выступили все бывшие там силы славян и столкнулись с ним в бою, в котором Халдивий со многими римлянами пал. Спустя время анты и славяне, поссорившись между собой, устроили междоусобицу, в которой славяне одолели антов. Дальше Прокопий пишет, что народ славян и антов не имел единого правителя, но с древних времен жил во всеобщей народолюбивой свободе, все добрые и злые дела выносились на общий совет и все было единообразно. Большинство из них признавали из богов только одного Перуна (или громовержца), единственного хозяина вселенной, которому они обязаны были приносить в жертву быков и прочих животных. Они не признавали власти судьбы над человеком, а если во время недуга в доме или бед на войне и соблюдают какую-то заповедь для избавления, то, когда снова обретают здоровье или переживают беду, должны исполнить жертвоприношение, считая его залогом выздоровления. Они поклонялись лесам и нимфам (то есть русалкам)¹ и прочим демонам, жертвуя которым, они гадали о делах добрых и злых. Жили они в нескольких неукрашенных кибитках, отстоявших на далекое расстояние друг от друга, и часто меняли место проживания. На войне большая часть пехоты против неприятеля никогда не вооружалась в латы, а носила в руках щиты и копья.

¹ Пожалуй, правильное тут говорить о мифологических персонажах, подобных южнославянским «вилам»; это образ с очень древними корнями, не вполне тождественный ни античным нимфам, ни русалкам позднего славянского фольклора.

Когда они ходили на войну, то носили не платья, а какие-то покрывала, доходящие до бедер. Язык у них был варварский. Телосложением они между собой не отличались, все были очень высокого роста и весьма крепко сложенные, цвет волос был ни рыжим, ни черным, но ближе к первому, чем ко второму. Жизнь их была суровой и бедной, они довольствовались не самой лакомой пищей и не отличались коварством или озорством в разорениях и разбоях, будучи в этом деле похожими на гуннов (угров)¹. Разумеется, древние славяне и анты носили то же название «споры», которое обозначает «рассеянные», поскольку обитали семьями отдельно одна от другой в своих кибитках, отстоящих друг от друга, занимали просторную территорию, весь край дунайской земли с обеих сторон. Хотя и были жестокими, но особо почитали своих жрецов. Среди прочих богов поклонялись идолу (названному как бог, то есть бог крепкий), под ногами которого стояла одна голова человеческая, а другая львиная, держащего в правой руке копьё, а в левой — круглый серебряный шар. Он отличался от других славянских идолов. Во времена, упомянутые у Прокония в третьей книге, славянское войско, перейдя Дунай и вступив в Диррахию², нанесло урон иллирийцам. Убивали всех, невзирая на пол и возраст, кроме тех, которых брали в плен. Взяли в плен царского оруженосца Азбада, вырезали ему несколько ремней из спины, бросили заживо в огонь и сожгли. Затем завоевали всю страну вплоть до Поморья³, взяв хитростью поморские города, хотя и мощно укрепленные римлянами, в двенадцати днях пути от Константинополя. Там порубили пятнадцать тысяч граждан, опустошили всю землю иллирийцев и фракийцев, сажая на кол несчастных жителей. Некоторых привязывали руками и ногами вверх к четырем толстым кольям, вбитым в землю, и били дубинами по головам, пока те могли дышать. Остальных же, которых из-за старости или по иным причинам не могли вести с собой, запирали в одном месте вместе со скотом и немилосердно⁴ сжигали.

¹ Отождествление гуннов и венгров (мадьяр) — еще один пример необязательной этнонимии у Орбини (вероятно, основой для этого было совместное участие тех и других этносов в общих племенных союзах).

² Ныне город Дуррес (итал. Дураццо) в Албании, на восточном побережье Адриатики.

³ Разумеется, средиземноморского.

⁴ Орбини здесь следует византийским источникам в описании крайней жестокости славян по отношению как раз к иллирийскому населению этого региона, впоследствии трактованному южнославянскими гуманистами в качестве древних предков славянских народов. Можно было бы заподозрить византийских авторов в тенденциозности по отношению к «варварам»; однако, видимо, подобные факты имели место. В эпоху Великого переселения народов, в не всегда регулярных и упорядоченных воинских формированиях «варваров» наверняка находили прибежище маргинальные личности, которым был навсегда заказан возврат в родные селения, в связи с тем, что они там совершили. Скрыв свое прошлое, они могли вступить в отряды иноплеменных князей и сражаться за них, но предсказать поведение таких людей в отношении беззащитного населения довольно сложно. К тому же в жестокой истории войн Средневековья известны эпизоды, когда мирные жители безжалостно истреблялись за клятвопреступничество и предательство их вождей и правителей, за нарушение ими взятых на себя союзнических обещаний. В данном случае византийские авторы могли достоверно описать сами кровавые события, по каким-то причинам умолчав об их предыстории во всех

Обогадившись и нагружившись богатой добычей, они снова перешли за Дунай и возвратились в свои кибитки. Спустя некоторое время большое число славян переправились снова через Дунай и пришли в Наис с намерением овладеть городом Фессалоники и окрестными землями, вынудили греческого царя вернуть славного полководца Германа, который намерен был отправиться с большим войском в Италию, чтобы напасть на Тотилу. А славяне разведали через своих пленников, что Герман обретается в Сардах. И поскольку тот некогда разбил антское войско, они, опасаясь быть так же разбитыми, пошли другим путем и переправились через иллирийские горы в Далматии, где обрели подкрепление от других славян. Там они разделились на три войска и, совершая набеги на разные места, нанесли невосполнимый ущерб Европе, обретаясь там в зимнее время, будто в своих владениях, и не опасаясь неприятеля. Стало известно, что Тотила, посулив им много денег, направил их в эти римские провинции, чтобы константинопольский царь не смог впредь посылать помощь в Италию против готов, которые покрыли их подобно воде. И тогда царь послал против славян избранное войско под управлением полководцев Константина, Аранция, Назария, Юстиниана и Иоанна. Командующим же он поставил Схоластика Евнуха, который настиг одну часть славян, не сумевших ни двинуться дальше вперед, ни повернуть в другое место. После этого они, имея при себе скот и прочую богатейшую добычу, поставили свой обоз на одном холме, а римляне окружили их со всех сторон. И поскольку римские солдаты, скучая и будучи утомленными в своих укреплениях, не могли больше терпеть, начальство позволило им атаковать славян, но они были сами побеждены и разбиты. А те взяли константиновы знамена, разгромили город Астик, в который до того времени не входили, и даже дошли до Длинных стен, расположенных в одном дне пути или меньше от Константинополя. Потом же, оправившись от бегства, царское войско вновь соединилось и внезапно ударило по одной из частей славян, обратив их в бегство, освободив многих пленных римлян и взяв обратно константиновы знамена. Те же славяне, которые смогли спастись бегством, уехали в свои жилища. А отойдя снова оттуда, ударили по иллирийцам и нанесли огромные потери этой провинции. Поскольку римское войско было меньше славянского, нападать они не осмелились, и те долгое время наступали, наполняя дороги телами мертвыми, поскольку не было никого, кто бы им мог как-то сопротивляться. Наконец, возвратились они со всей своей добычей в свои кибитки на другой стороне Дуная. Римляне не могли напасть на них явно от страха, поскольку союзники тех, гепиды, могли прийти на защиту. Иероним Барди¹, заполняя пробелы в описаниях других историков тех войн, повествует о годах злодейств, учиненных славянами во Фракии в Иллирии следующим образом: в 548 году славяне вступили в Далматии и прошли до Диррахии. В 549 году завое-

ее подробностях. Так в греко-римском мире складывался стереотипный образ славянских, германских, тюркских народов, повлиявший и на их восприятие в Средние века.

¹ Джеронимо Барди (*Geronimo Bardi*; 1544—1594) — итальянский монах, славившийся своей эрудицией.

вали Фракию, в 550 году снова ступили на греческую землю и одолели царьградцев, а в 557 году, отойдя от своего родного края и войдя в Македонию, учинили там бесчисленные неприятности и, обжившись там, назвали эти места своим именем — Славонией. В 554 году они под предводительством своих военачальников одолели и остатки готов, завоевали Сицилию, откуда были изгнаны Германом, полководцем царя Юстиниана. В 585 году дошли до Константинополя, розорив всю Фракию. Святой Григорий пишет Иовию, префекту царя Маврикия в Иллирии, что в 591 году, в седьмой год царствования Маврикия, славяне, перейдя Дунай, напали на иллирийскую землю, из которой народ бежал на острова¹, чтобы спастись от их свирепств. В том же году царь Маврикий поднял оружие против гуннов, которые со времен жесточайшего царя Аттилы, прозванного «бич Божий», проживали в Паннонии по обе стороны Дуная. Послав с войском сына и тестя, он нанес такой ущерб гуннам, что те вознамерились было вернуться на свои первоначальные земли, но призвав на помощь славянских соседей и объединившись с ними, двинулись на греков, которым создали такие трудности, что не посмели сражаться с ними в бою. На следующий год славяне вступили в греческое царство и нанесли ему большой ущерб и, добравшись до Херсонского пролива, там остановились. В 594 году Маврикий послал против них большое войско, которое было разбито, а потом, укрепленное, снова пошло на сражение со славянами и одержало кровавую победу. Славяне же, спустя четыре года, заключив союз с гуннами и аварами, снова напали на земли царства, понеся огромные потери. Славяне же разъярились, как никогда, и вошли снова в провинции, но Прикс, маврикиев генерал, разбил их. То же случилось с большим уроном и в 1000 году. Однако вторгались славяне настолько часто, что царь был вынужден, наконец, уступить иллирийскую землю, которую впоследствии назвали Славонией. Часть славян заняла приморские территории, другая часть дошла до верхней Паннонии. Прочие братства, управляемые Чехом и Ляхом, проникли в Моравию, Богемию и Польшу. Те же, которые обосновались на морских берегах Далматии, расширяли непрестанно свои владения и свое государство, угрожая не только своим соседям, но и дальним от них народам. Так, во времена Арисалда, короля Лангобардов, собравши один сильный флот, проследовали они в Апулию, остановились с обозами в городе Манфредонии, где их встретил Рион, герцог Беневенский, и настолько храбро защищался, что разбил этот флот, погибнув при этом в бою. Потом напал на них неожиданно брат Риона Радоалд и разбил, нанеся большие потери. Оставшиеся из них вынуждены были оставить королевство и, взяв путь на Далматию, к своему пристанищу, обнаружили, что чуть ли не вся Далматия объединилась против них и, собрав немалое войско, вошли в устье Наренты², чтобы воспрепятствовать им войти в реку. Славяне, увидев это, притворились, что вернулись назад, а далматы последовали за ними, но ночь их разлучила. Славяне отсту-

¹ Многочисленные острова на Адриатике, у далматинского побережья. На одном из них, на острове Млет, подвизался впоследствии и бенедиктинский монах Мавро Орбини.

² Славянское название этой реки — Неретва, итальянское — Narenta (лат. Naro). Река течет в Герцеговине и Далмации.

пили за остров Корцула, где стояли в засаде весь следующий день. После чего в вечер, выйдя из порта, двинулись на далмацкий флот и внезапно на него напали. Бой был непродолжительным, и, наконец, расчистив себе дорогу оружием, славяне вошли в Нарон, в места, прежде ими завоеванные. Овладев всеми теми территориями и городом Нарентом, называемым древними Нароном, они обосновали там свое правление и стали с течением времени настолько могущественными на море и страшными, что брали ежегодную дань с Венецианской республики и с прочих соседних с ними далматов.

Война между нарентскими славянами и венецианцами началась во времена Иоанна Парципация, князя венецианского в 829 году, после которого взошедший на престол наследник Петр Градениг заключил мир с Муисом князем Нарентским. Те же, спустя недолгое время, разорвали этот мир и добрались до Каорли неподалеку от Венеции, чтобы потеснить венецианцев¹. Князь Венецианский же послал своего сына и помощника Иоанна с сильным флотом, который славяне на следующий год одолели в корабельном сражении, потопив многие венецианские корабли. Не перестали нарентане преследовать венецианцев и спустя двести лет. Помимо этого, венецианцам приходилось платить дань за свободное плавание по Адриатическому морю, на которое всецело притязали нарентане. Кроме дани, они платили им также пошлину или подать с вещей, которые по причине нарушений переходили к ним.

Бражда у нарентских славян с венецианцами была настолько непримиримой, что последние, каждый день укрепляясь в могуществе, стали настолько влиятельными на море, что захотели заполучить Далматию, которая, страдая от большой наглости нарентан, разжигала эти ссоры, чтобы потом проще было покорить их всех под иго. Во всех сражениях, в которых венецианцы воевали против нарентан, они всегда бывали биты, а особенно во времена Петра Капитана, князя венецианского, который вышел собственной персоной против двукратно превосходящего их флота, напал на них при Каве Микуне в Далматии. В начале боя выглядел сильнее², так что нарентинский принцеп Муис уже намеревался бежать. Но когда он укрепился остальными кораблями нарентскими, пришедшими на помощь под управлением славного полководца Виты Рагузенина Бобалы, часто именуемого князем нарентским, и возвратился, чтобы снова сразиться с доблестным неприятелем, который, храбро защищаясь, был, наконец, полностью разбит, а князь их повержен. Это сражение такой страх и ужас принесло в город венецианцев, что те стали думать, как бы неприятель, следуя за победой, не обступил их в Венеции, и обнесли устье пристаней своего города толстыми цепями с регулярным караулом из самих горожан. Это сражение произошло в 880 году во времена правления Иоанна Парципация, которому пришлось вернуться на оставленную должность. Потом, во времена Петра Сангуты, девятнадцатого князя, далматский народ, изначально нарентане, настолько притеснили венецианцев, что

¹ Здесь автор имеет в виду романизированных венетов, предков венецианцев (жителей итальянской области Венето).

² Краткая форма слова, не употребительная в современном русском языке.

город Венеция оказался почти полностью осажден, поскольку туда не доходили ни запасы, ни какие-либо товары. В 996 году князь Петр Орсину, почтив благодеянием и подарками правителей Египта и Сирии, для отмщения своих с нарентанами давних обид перестал тем платить дань. Нарентяне же прогневались на это и стали совершать морские набеги, полностью разоряя заратинские земли, которые единственные из земель далматов находились в венецианском подданстве.

Нарентские славяне, принявшие христианство при Святополке (их царь, названный латинянами Сферопилом), который был обращен в Христову веру Мефодием философом и Кириллом, пришел на подмогу Италии, наполненной сарацинами во времена царя Василия Македонского и, объединившись с рагузцами и прочими окрестными славянами, проследовали с большим флотом в Аbruцц¹, тогда еще называемую Фиетской землей, где доказали свою древнюю славу, мастерски одолев сарацин и изгнав их из Италии и принеся вечную славу славянскому народу.

Другая часть этого народа, которая дошла до Верхней Паннонии и Нижней Баварии, завладела Сирией, Каринтией, Карниолами и многими окрестными территориями и тоже обессмертила имя славян².

Римляне же, настолько неудачно сразившиеся с королем Теодоном Бойевским и со славянами и уже отчаявшиеся удержать Мизию, Паннонию и прочие земли Норика, оставили их в 515 году, когда славяне, теперь под предводительством Харрионы, завладели этими землями Норика, лежащими вокруг горы Тавр на востоке и окруженными реками Муравой или Мурой, Дравой и Савой до самого уезда Аквилей, которым они также овладели, назвав себя карантцами или коринтцами. В 580 году вошли с графом Гизалоном в Нижнюю Баварию в местность близ гор, называемых Венедями³. Перейдя реку Истр, около устья реки Изары завоевали пизонские города, ныне называемые Пизония, Августа, Ацилия, Мацелиа или Мончинг, на правом берегу реки Дунай. Они взяли совместно с баварцами старинные

¹ Область Аbruццо (Abruzzo) в Центральной Италии, недалеко от Рима.

² Речь идет о раннесредневековой истории региона Восточных Альп, о венетско-иллирийском государстве Норик, ставшем провинцией Римской империи; впоследствии, в VII—IX вв., тут располагалось славянское княжество Карантаня (Karantanija, Korotan — отсюда название славянского народа «хорутане», упоминаемого в Повести временных лет). Здесь взаимодействовали традиции венетов и иллирийцев (романизированных еще во времена Римской империи), традиции кельтов и ранних славян. В современном мире преемниками этой сложной культурной общности в наибольшей мере являются, пожалуй, словенцы.

³ В описываемую эпоху, наверное, уже имела место идентификация славян с адриатическими и альпийскими венетами (как и с иллирийцами). Однако собственно венетские древние надписи, обнаруженные и в Восточно-Альпийском регионе и исследованные еще в позапрошлом веке, обнаруживают сходство прежде всего с иллирийской группой индоевропейских языков. Алфавит же их более всего близок этрусскому (см.: Carl Pauli. *Die Veneter und ihre Schriftdenkmäler*. — Leipzig, 1891). Тем не менее какие-то основания для соотнесения ранних славян с этими венетами наверняка существовали, хотя вопрос этот не может быть решен прямолинейными и упрощенными схемами и требует комплексного исследования. Некоторые предположения по этому поводу отражены во вступительной статье к нашему изданию книги Орбини.

городки, в 15 милях к востоку от Ратизбоны, ныне называемой Пфер, и летние лагеря. Разбили войско римских солдат, называвшихся береговыми, поскольку стерегли берег реки Дунай, и, нацелившись на завоевание Ратизбоны, вскорости овладели и ей, поскольку славяне, будучи искуснейшими стрелками из лука и метателями копья, напускали такое множество стрел, что согнали со стен защищающихся и весьма прославились этими победами. С 593 года Агилульф, король Лангобардов, осадил город Падву¹ и, не сумев одолеть его, призвал на помощь славян-карантинов² и с их помощью наконец взял его. Потом же отправился с вышеупомянутыми славянами на завоевание Рима и, проведя в осаде один год, также завладел и им. По прошествии десяти лет тот же король Агилульф объявил войну римлянам за пленение своей дочери и, выйдя с войском из Милана, попросил помощи у аварского кагана-государя, который послал ему войско славян³, с которым он взял осадой город Кремону на 21-й день 6031 года и разрушил его до основания. Возвратившись с того похода домой, славяне по пути разорили территории Гилдберта, короля Французского и Германского, который послал на них могучее войско под управлением Тессалона, принцепа Боневского, соседствующего со славянами с востока. Тот, одолев их, покорил Гилдберту, но те вскоре после ухода Тессалона вернули независимость. После этого они, разбив баварское войско под управлением их государя кагана и войдя в Баварию, атаковали и разбили Гариовалда, сына Тессалона, который вышел против них с римским войском, и завладели Истрией, которую они и до этого разоряли во времена царя Феодосия. В 617 году славяне, будучи более неспособными терпеть наскоки аваров, вооружились на них и лишили их силы, а одного из своих солдат по имени Само за храбрый поступок в этом бою поставили себе начальником и царем, в котором звании он пробыл в течение 36 лет, показывая ум и силу во всех войнах и походах против вышеназванных аваров, над которыми он всегда одерживал верх⁴. У него было двадцать славянских жен, от которых он родил трех сыновей и пятнадцать дочерей. Однажды французские купцы, возвращавшиеся из нового Рима со своими товарами по домам, были ограблены на пути вооруженными людьми царя Само. По этому поводу Дагоберт, король Французский⁵, отправил одного своего посла по имени Сихария, чтобы просить должного суда. Тот приехал ко двору царя Само и, не сумев получить аудиенции, оделся в платье по обычаям славян. И таким образом, переодетый, предстал перед

¹ Падую.

² Славян из Карантании.

³ Славяне и авары часто были союзниками.

⁴ «Царь Само» — это франк по происхождению (согласно источникам его времени) по имени Само, ставший в VII в. королем сильного и обширного, хотя и недолго просуществовавшего славянского государства (племенного союза) в Центральной Европе. В средневековых хрониках есть упоминание и о славянском происхождении Само; существует также точка зрения, что он был из романизированных галлов. Сведения о государстве Само (даже о его границах) не вполне точны. Видимо, правомерно называть его предшественником Карантании, или Великой Моравии.

⁵ Дагоберт, король франков. Ниже в этом описании «французы» означают франков.

лицом Само и доложил все, что ему было велено его королем. Ко всему сказанному он добавил, что Само должен был бы иметь многое почтение и обходительность к французскому народу, поскольку он и его люди являются подданными французского королевства. Разозленный этим разговором Само ответил послу, что он и его народ всегда могли бы почитать французов, если бы Дагоберт со своими людьми захотел дружить со славянами. Сихарий ему в ответ сказал, что невозможно рабам Христовым заключать союз или какую-либо дружбу со псами. Само же на это ответил следующее: вы воистину творите исповедание, поскольку являетесь рабами Христа, мы же его псы, поскольку то, что вы нечестиво совершаете против его воли, мы имеем право отмищать укусами. И сказав это, тут же прогнал его от себя. Дагоберт, будучи таким образом обесчещен, собрал войско и пошел войной на славян. Славяне же разбили это отборное французское войско, многих взяли в плен и после этой знаменитой победы отправились на помощь своим славянским товарищам, осажденным французами в городе Вогастр. Напав на осаждавших, они обратили их в бегство и овладели их обозом и шатрами. Оттуда они вошли в Тюрингию и прочие места по соседству с Францией, разоряя и грабя те земли, правителем которых был граф Дервин. Тот, углядев, что славяне каждый раз побеждали его союзников французов, предали тех и заключили союз со славянами. Однако славяне оставили на некоторое время нападки на Французское королевство, обратились с оружием на Италию в 650 году и там устроили большой погром, но, уступив в сражении с Гримоальдом, вынуждены были отступить в свои родные земли. Но и там не пребывали долгое время спокойны. Когда Дагоберт пошел войной против Амора, наследника Кубакора, в царстве дунайских славян, подданные царства Само выдвинулись против французов и разорили их земли. Тогда Дагоберт, избрав сильнейших воинов своего королевства и получив в пути подкрепление от саксов, коих по случаю этого похода освободил от годовой дани в 120 коров, которые они платили Франции со времен Клотария, первого французского короля, выступил на славян. После этого, в одиннадцатый год правления Дагоберта, славяне вторглись снова в Тюрингию и завоевали всю территорию. Поэтому Дагоберт был вынужден поставить на правление Аустразией своего сына, короля Сигиберта, чтобы стеречь те границы против славян, которые постоянно разоряли французские земли. В конце концов Дагоберт собрал три пеших войска в 50 000 воинов. Одно он послал против славян царя Само, который, придя на сражение, оказался повержен не столько мощью противника, сколько его количеством. И тогда эти славяне были обращены в христианскую веру Колумбаном, их апостолом¹. Когда же Само умер, престол унаследовал Борот или Борух, который стал первым царем каринтийских славян и который воспринял святое крещение от святого Донинга, ученика святого Руберта, епископа Ювавского и просветителя карнов. В залог верности дал Борута королю Дагоберту своего единственного сына по имени Караст и одного своего племянника, которого звали

¹ Ирландский монах Колумбан, миссионер и просветитель, жил около 540—615, несколько раньше существования державы Само (623—658).

Хитомир. Потом он, сразившись с гуннами, которые разоряли их страну, разбил их и уничтожил. Когда же умер Борут, у славян взошел на царство Каринтии или Норика вышеназванный Хитомир или, по мнению Лазия¹, Караст. В то время проповедовал ученый и святой человек по имени Меаран и научил этих людей Христовой вере. Славянские вельможи же взбунтовали против своего царя Хитомира за это насильственное изменение веры, и к Хитомиру на помощь пришел бойский царь, настояв на послушании подданных. Но после смерти Хитомира славянские вельможи отказались от христианского благочестия, изгнали священников в Боярию и, войдя в Фриулы, разорили жителей, убили герцога Фердульфа с его войском и вынудили графа Пенмона, преемника Фердульфа, принять унижительный мир. Но потом этот договор нарушил Ратх и вступил в Карниолу, землю, принадлежавшую славянам, чтобы разорить ее. Те же прогнали его и в ответ разорили Фриулы. Тессалон же в свою очередь был раздражен отступлением славян и пошел с большим войском на славянскую землю. И в недолгом сражении он отомстил им, поставив над ними князя Валдунга. Монахи и священники Гемон, Регинвальд, Майоран, Готарий, Эрхиноберт, Регинард, Августин и Гунтер стали проповедовать славянам Христову веру, которую вельможи, или всадники, особенно возненавидели. Но Ингон, преемник Валдунга, по совету архиепископа Зальцбургского, созвав в один день всех своих подданных на общенародный пир, разлучил господ и посадил их отдельно от простолюдинов. Последних он посадил за свой стол и светло потчивал на серебряных и золотых сосудах. Первых же он посадил за отдельный стол и повелел потчивать их в глиняных сосудах. И когда спросили Ингона о причине такого уничтожительного разделения, тот ответил, что повелел устроить столы в зависимости от достоинства людей, поскольку крестьяне, будучи христианами, имеют чистые, нескверные и благородные души, а, напротив, идолослужители имеют оскверненные и поганые, что и составило разницу, устроенную на пиру. Все это настолько подействовало на сердца славянских баронов, что в то время все приняли святое крещение. Отсюда произошло то древнее торжество, справляемое и по сей день, при избрании князей Каринтии, о котором стоит рассказать в нескольких словах. Недалеко от крепости Святого Вита, в одной особенно просторной долине, где видны развалины некоего города, имя которому неизвестно, простирается довольно широкий луг. Посреди этого луга лежит четырехугольная высокая мраморная глыба, и на ней в день избрания нового графа восседает некий крестьянин, которому принадлежит древнейшее наследственное право выполнения этого обряда. Он с правой стороны от себя держит черную корову, а с левой — очень черную и неказистую кобылу. Около того камня стоят всем народом крестьяне, ожидая прихода нового господина, который появляется на краю луга с церемониальным сопрово-

¹ Вольфганг Лац (Wolfgang Laz, чаще упоминается под латинизированным именем *Lazius*; 1514—1565) — австрийский историк, чье наследие было важным источником для Орбини. В частности, на исследованиях Лациуса в значительной мере базируется приведенный в книге Орбини вандалский славянский словарь (см. вступительную статью).

ждением пребогато одетых баронов. Перед ним шествует граф Горицкий, майордом княжеской палаты. А за ним следуют 12 меньших знамен оружия этого княжества. Они же несут большое знамя эрцгерцога Каринтии, далее следуют магистраты и прочие министры, пребогато одетые, за ними идет князь, окруженный свитой должностных лиц. Сам он также одет по-крестьянски в деревенские грубые одежды. Когда он подходит к мраморной глыбе, то крестьянин, сидящий на вышеназванном мраморе, громко спрашивает по-славянски: «Кто это идет с таким почетом?» Люди, стоящие рядом, отвечают ему: «Это наш новый государь, который идет, чтобы принять власть над страной». Крестьянин же снова спрашивает, праведный ли он судья, радеет ли он за здоровье отечества, свободен ли он, не данник ли. Достоин ли он чести, защитник ли и истинный ли христианин? И на каждый из этих вопросов люди отвечают: «Так есть и будет». Наконец, крестьянин вопрошает: «За какую цену желает он согнать меня с этого седалища?» Тогда отвечает ему граф Горицкий: «За 60 пенязей покупается¹ у тебя это место, а эта скотина, то есть кобыла и корова останутся тебе, у тебя будет воз и платье господина, ты не будешь платить ему никакой подати, и твой дом не будет платить годовой налог». Тогда крестьянин, легко ударяя рукой по лицу князя, говорит ему: «Будь праведен, судья, и правь истинно». И, сойдя с мраморной глыбы с кобылой и коровой, уступает праздничное место князю, который, взойдя на верх и вытащив свой меч, потрясает им с суровым видом, повторяя то же действие на всех сторонах камня, чем возвещает всем свое доброе и праведное правление. Потом ему подается вода в деревенской шляпе. Он ее выпивает залпом на глазах у всех в знак трезвости и неиспорченности сладострастными и телугодными утехами, столь ценимыми многими. Затем, сойдя с камня, идет со всеми в ближайшую церковь, предварительно сняв крестьянскую одежду и отдав ее крестьянину. Там он внимает божественному пению и по его окончании садится за стол обедать. Пообедав, он возвращается снова на луг, где ему приготовлен судейский стол, на котором он творит суд просящим и жалует баронов, подданных государству, вотчинами. Утверждая описанным образом свое королевство в Норике, норикские славяне часто воевали с французами и прочими. Разграбили и убили в полевом бою Андагиза, отца французского короля Пипина-младшего, который был майордомом французского короля Феодорита.

Некоторое время спустя возникла ссора между этими славянами, царем Аварским и Славянским и обладателем Баварии Хаканом. Они разоряли его территории столь часто, что он вынужден был их оставить. После этого в 805 году пришел Хакан к Карлу Великому, императору, просить одной территории между Сибарией и Каранданом, чтобы там обитать, поскольку он не мог больше безопасно жить в своей первой столице из-за непрестанных набегов норикских славян, которые,

¹ В этом описании заметно присутствие западнославянской лексики, что естественно в истории Карантании. Не исключено, что Сава Владиславич в данном случае не просто переводил текст Орбини с итальянского оригинала, но руководствовался собственными знаниями каких-то славянских первоисточников.

наконец, отогнали его далеко от этой столицы, так же как и гуннов от своих собственных. Часть тех славян, которые были тогда под управлением Премислава, Кемики, Стомира, Оттогера, расположилась вокруг реки Дравы, берущей свое начало на границе Баварии. Потом почти все эти славяне, жившие при Дунае и на Норике, соединившись со своими представителями одного с ними древнего происхождения, совершили нападение на Верхнюю Паннонию, простиравшуюся по описаниям римлян между реками Дунаем и Савой, и предприняли вооруженный поход на Влахию, на другой берег реки Дунай, где разграбили, побили и искоренили остатки аваров и гуннов, покорив себе всю территорию вплоть до устья реки Савы. Туда они вывели и поселили славянских и баварских выходцев, которые были данниками Карла Великого из-за войны, устроенной Никифором, греческим царем, и возобновленной после смерти Карла и царя Никифора, между Людовиком, сыном Карла, и царем Константинополя Львом. В то время славянин Людевит, государь Нижней Паннонии, нынче называемой Посжегой, взбунтовал против императора Людовика, поскольку тот отказался выплачивать ему жалованье, и устроил великую смуту в Нижней Баварии, привлек к себе карнских булгар и некоторых карионцев и занял большую часть Верхней Паннонии. Людовик послал против Людевита в Паннонию итальянское войско, но Людевит вышел победителем. Тем не менее он отправил послов к императору с обновленным предложением мира, и, поскольку оно не было принято, поднял на своей земле соседние народы, уговорил тусцианцев, живущих по соседству с болгарской землей, оставил императорские земли и вступил на территории, соседние с Людовиком, поблизости от реки Дравы. Но был застигнут Балдериком, графом Фриульским, и обращен в бегство. Затем он также был окружен Борном, графом Далматским, у реки Колапии славянами, именуемыми купами, но Людевит победил в бою, поскольку гудусканцы во время сражения предали Борна, который вновь взял их под иго, и напали на него. Людевит со своей стороны вынудил своего неприятеля прекратить наступление. Людовик же устроил второй собор в Аквисгроне, поэтому задумал послать на Людевита три войска одновременно, собрав его из восточносаксонских французов, баварских немцев и итальянцев, после чего тот, атакуемый столькими силами и брошенный корниоланцами и карентанцами, оставил город Сцисцию, ныне называемую Сисегом, и укрылся у далматского народа сербов. Там он узнал, что некто из князей хотел его выдать, убил его и завладел его городом. Когда же ему было отказано в аудиенции, которую он попросил у императора, то переехал к славянину Луде, дяде Борна по матери, который предал и убил Людевита. С его смертью кончились и мятежи тех славянских земель, которые впоследствии, во времена французского короля-императора Арнольфа, в 891 году разорвали и разграбили императорское войско на границе с Баварией и вступили в имперские земли, захватив территорию, которая по реке Морагове называлась Мораванио, ныне Моравия. Изгнав оттуда остатки маркоманцев, они поселились в тех местах. С течением времени они настолько распространили свою державу, что королевство моравских славян распростерлось на венгерскую землю.

Богемию и Россию¹. Много воевали с пазинцами², ныне называемыми татарами. И держалось это царство вплоть до 991 года, когда умер царь Свеуладо и землями овладели венгры, поляки и большая часть богемцев.

Моравия приняла христианскую веру во времена моравского короля Святополка, который правил в Велеграде и был крещен со своим народом Кириллом Философом, апостолом болгарским, русами и прочими далматскими и моравскими славянами. Кирилл этот был по происхождению грек, родился в Фессалонике, ныне называемой Салоники, от патрикия Льва. Первоначально назывался Константином Философом. В 887 году был поставлен папой римским Адрианом III епископом Велеграда. Он был первым архиепископом Моравии, научив сперва христианскому благочестию болгар, сербов и далматского царя Святополка и затем моравского царя Святополка со всем его народом, который проживал между реками Вислой Дунаем и Вагой. Так правил он пять лет своей церковью в Моравии и затем по воле Стефана, преемника Адриана, отрекся от своей должности в пользу своего брата Мефодия, с которым дурно обошелся король Святополк-младший. В то время когда король, отправляясь на охоту, приказал архиепископу Мефодию не служить литургию, пока он не возвратится, Мефодий подождал до полудня. Но, опасаясь глумления над Божественной Жертвой и видя, что многие люди стали уходить из церкви, не стал дальше ждать и, вопреки королевскому указу, начал служить обедню. И когда он стоял в алтаре, совершая Божественную службу, пришел король в окружении толпы псовых охотников и стада псов и, войдя в церковь с шумом и лаем псов, взялся за оружие и едва удержался от того, чтобы сразить архиепископскую особу, низвергнув на землю все, что было в алтаре. Мефодий же покинул то царство и ушел в Богемию, где отлучил короля и наложил запрет на все его королевство.

Побыв некоторое время в Богемии, он отправился в Рим, где обрел своего брата Кирилла, и спустя некоторое время снова был призван в Моравию. Но, предвидя, что король очень злочестиво ожесточился на своих священнослужителей, он не мог более терпеть такой потери и разорения своего стада, возвратился в Рим и там в 907 году преставился. Похоронен был в церкви Святого Климента, святое тело которого Кирилл, брат Мефодия, доставил с острова Таврии (то есть из Крыма), ныне называемого Малой Тартарией, в Рим. При обращении в Христову веру славяне попросили у римского двора через их посланника Кирилла, чтобы служить литургию на их собственном языке, потому как вышеупомянутый Кирилл уже перевел им на этот язык Ветхий и Новый Завет. Это их прошение было представлено на полном соборе. И, несмотря на то что поначалу обнаружили разногласия во мнении некоторых отцов, все-таки услышан был сверхъестественный голос, говоривший следующее: «Всякое дыхание да хвалит Господа, и всяк народ да исповедает его». Чудо то привело отцов и папу к тому, чтобы разрешить славянам поступить, как они просят. С того времени и по сей день священники либурнских славян, подданных норикского эрцгерцога,

¹ Разумеется, тут говорится о западных землях будущей России.

² Так называли печенегов.

служат литургию и прочие богослужения на своем родном языке, не зная латинского языка. Даже и сами князья норикские использовали славянские буквы в общественных надписях, которые можно увидеть в церкви Святого Стефана в Вене.

Весь род славянский имеет собственную азбуку двух видов, которыми не пользуются ни греки, ни латиняне. Одна из них создана вышеупомянутым Кириллом, и называют ее кириллицей. Создателем второй из них был святой Иероним, и называлась она Буквицей¹. Начертания ее присутствуют в повседневном употреблении у славян, особенно у богемцев и поляков. Эти два королевства происходят из славного славянского рода, который, овладев Иллирией, как было сказано выше, расширил свои территории еще дальше на север, а именно в Богемию и в Польшу, о чем будет рассказано далее.

Расселение славян в Богемии (то есть в Чешской земле) и в Польше

Чех Кроат², благородного происхождения, в своем кругу был очень почитаем. Он (то ли случайно, то ли с умыслом) убил одного из своих знакомых, за что был обвинен и вызван в суд по законам, но не захотел явиться на суд и был гоним своими противниками. Большая же часть Хорватии подняла оружие на дерзкого чеха для защиты и охранения своих законов. Но тот, чтобы избежать народной ярости, посоветовался со своими приятелями, взял своего брата Ляха с родственниками, приятелями и многочисленными рабами и отправился в путь через Верхнюю Паннонию, граничащую с Моравией, чтобы найти себе надежное убежище на другой земле. Когда же он добрался со своими людьми до Моравии, которая, как и Саксония, находилась во владениях славян, там на некоторое время остановился. Мораване показали ему одну соседнюю страну, называемую Богемией, на которой они прежде обитали, но потом покинули, оставив лишь немногих славян, рассеянных по шалашам, и сказали, что эти края весьма годны для проживания. Чеху, пришедшему в поисках именно такой земли, понравилось предложение, и он отправился со своими людьми через Герчинские горы и, ни на кого не нападая, пришел в пустую Богемию, заселенную больше стадами овец и быков, чем людьми, которых обреталось мало, но и те не отличались цивилизностью, а были пастухами и носили длинные косы. Те сперва испугались прихода этого нового народа, никогда раньше не виданного,

¹ Сейчас эта система письма обычно называется глаголицей. Ее происхождение за последние два века стало предметом множества чрезвычайно интересных исследований. Особое внимание глаголице уделяют южнославянские ученые, поскольку она была широко распространена именно в этой части славянского мира. Однако ею пользовались и в других регионах, в том числе на Руси (иногда глаголица служила своего рода тайнописью).

² То есть «Хорват». Этнонимы «хорваты» и «сербы» в эпоху раннего Средневековья (еще во времена общеславянского единства) использовались далеко за пределами нынешних Сербии и Хорватии; это нашло отражение и в топонимике. Впрочем, соотнесение этих географических названий с какими-то конкретными этническими группами славян представляет довольно сложную задачу.

но потом поняли, что они того же славянского рода, и стали поздравлять новых гостей, обниматься, одаривать их гостинцами, которые давались по обычаю друзьям, а именно молоком, сыром и мясом, и дали им в правление Нижнюю Богемию. Чех же дошел до горы, с которой сходят реки Албия и Иултавия, называемой Рип¹, что означает «вид», поскольку оттуда видны невооруженным глазом все пространные поля окрестных земель, и, когда взошел на гору, восхищенный здоровьем воздуха, плодородием земель и обилием паств и рек, воздвиг руки на небо и поблагодарил Бога за такие обретенные благодеяния и сотворил жертву из скота, приведенного с собой по обычаю этого народа. И, возвратившись к своим, приказал им трудиться, разделил земли всем семьям, послал строить дома и жилища. И поскольку они все умели возделывать поля, то быстро и с радостью взялись за работу, и в скором времени все больше вандалов и далматов² стало стекаться к народонаселению Богемии как к территории, отдаленной от военных действий. В течение нескольких лет вошло это население в состав единого знаменитого королевства. Лях тоже захотел основать другой народ и другое королевство и попросил брата Чеха, чтобы тот отпустил его уйти со всеми теми, кто хотел бы за ним последовать, чтобы искать новой жизни на другой территории, и обещал возвратиться, если не найдут пользы в обитании на новом месте. Чех дал согласие, и Лях со своими людьми отправился в путь через Северные горы. И, дойдя до тех мест, которые ныне называются Шилезией (Шленск) и Польшей, населил их жителями, проявляя благочиние ко всем и не выказывая ни честолюбия, ни гордости. Так же правил и его брат Чех в своем королевстве. В знак бессмертной памяти обоих братьев богемцы ныне называют себя именем своего правителя — чехи, а поляки своего — ляхи. Богемия и Польша, где обитали эти славяне, от природы были богаты на удалых бойцов, всегда готовых участвовать в каких-нибудь сражениях. Война, которую вел император Карл Крассо против богемцев в пользу гуннов, была более рискованной и опасной, чем другие предпринимавшиеся против тех гуннов и французов. Самым пресловутым королем Богемии был Оттокар Пятый, который расширил свою державу от Балтийского моря до Дуная и до Адриатического моря. И не только были сами богемцы доблестными бойцами и изрядными лучниками, но и жены и девицы этой страны тоже были воинственными, поскольку они научились ездить верхом, управлять конем на скаку, пускать его по кругу, гарцевать копьём, носить колчан и сайдак, метать копьём, ходить на охоту и не оставлять военное дело, которое было самым важным в те времена. Более того, в одно время эти женщины овладели королевством, учредив себе правительницей девку Валашку из двора королевы Либуussy³, жены Примислава. Та, подобно амазонке Пантазилее, которая избегала с подругами сожительства с мужчинами, господствовала семь лет в Богемии, убив собственноручно в один

¹ Гора Ржип (Říp), имеющая особое значение в преданиях о начале чешской истории, сравнительно невысока, однако расположена посреди равнины и видна издалека.

² В данном случае оба этнонима, пожалуй, осмысливаются как именованья изначального славянства.

³ Либуше (Libuše по-чешски; в немецких источниках ее называют Либусса, Libussa) — мудрая родоначальница королей Чехии, жившая, предположительно, в VIII в.

день пять своих неприятелей. Она была очень мудрой, осторожной и хитрой женщиной, и ее поддерживала другая пригожая, лукавейшая и немилосердная женщина по имени Сарка, которая, чтобы учинить погибель Стираду, сильнейшему юноше, который больше всех преследовал этих женщин, устроила следующий обман. Она приказала привязать себе руки и ноги ко пню дерева и положить на землю рядом с ней охотничий рог и сосуд отравленного напитка, который отнимал ум у тех, кто его выпьет, и приказала подругам затаиться в месте поблизости. Сама осталась на долгое время одна. Когда же туда пришел Стирад, увлеченный охотой, и увидел Сарку привязанной, то, проникнувшись жалостью и будучи покоренным ее красотой, он спросил ее о причине ее жестокого положения. Коварная Сарка ему ответила на это, что это была ярость ее повелительницы Валашки, поскольку она не хотела участвовать в кознях той по отношению к мужчинам, за что Валашка уже готова была предать ее смерти. Но когда она услышала лаяние его псов и ржание лошадей, то убежала, чтобы вернуться позже, и поскольку беда с его пришествием миновала, Сарка была спасена от смерти. Потом она попросила его милость освободить ее от его собственной десницы, чтобы вновь не оказаться в жестоких руках Валашки. Стирад же, освободив ее, спросил о том, откуда и зачем при ней был рог и сосуд. Та ответила, что напиток был в ознаменование продолжения жизни, чтобы продлить ей тяжелое мучение, а что рог должен был быть положен на ее шею в знак того, что она была охотницей на зверей. Сказав это, она выпила сама часть напитка, от действия которого она была защищена принятым заранее лекарством, а остальное дала Стираду. Напиток у того сразу же отнял рассудок, и, вложив рог в уста, он сказал: «Хочу трубить в него назло врагам», отчего зашумел и загремел воздух и лес. Валашка же вышла с вооруженными подругами от западного моста, они поймали и связали злосчастного юношу. И, приведя его в городской замок, убили на глазах короля Примислава и всего народа. И пусть никто не считает, что это воинствование женского пола было в Богемии¹ только потому, что по древнейшему сарматскому обычаю женщины воевали с мужчинами. Девицам полагалось стрелять из лука, сидеть в седле и ездить на охоту. А женщины уже потом обязывались воевать с неприятелем. И если девицы своего правила не исполняли, их наказывали лишением девственности, что считалось серьезным наказанием в те не столь жестокие времена. Подобную мужественность духа показала в недавнее время Матильда, женщина богемского происхождения, которая вышла замуж за верховного графа из знаменитого уезда, от которого родила больного сына. Вскоре же после того как младенец умер, она решила не сближаться впредь с мужем, который за это поднял на нее оружие, а она взяла на себя смелость воспротивиться ему. Выйдя в поле, одолела Матильда своего мужа и приказала отсечь ему голову, после чего больше никогда уже не выходила замуж и, более того, отдала все свои земли, лежащие от Радикофана, крепости Санезе и до Цепарона, ныне называемого отеческим наследием римской церкви святого Петра.

¹ Этнологи признают, что в подобных чешских легендах действительно нашли отражение отголоски древней борьбы матриархального и патриархального устройства общества.

Военной храбрости богемцев ни в чем не уступали поляки, которые многожды разбивали до полного истребления мужественнейшие войска, предводительствуемые Тамерланом (Темиром Аксакой) и Батыем. Разбили и сильнейшее турецкое войско, которым командовал сам Султан собственной персоной, сразив 80 тысяч человек. Побили также и московское войско, победили ливонцев и поморов, вынудив тех платить годовую дань, что имело место при польском короле Сигизмунде. Это королевство сначала было наполнено славянским народом, настолько доблестным и настолько жестоким, что это шло вразрез с их обращением к христианскому благочестию, и поэтому поляки, упорствуя в идолопоклонстве, довольно поздно обратились в христианство. Главенствующими идолами у тех были Иовит¹ или Дий, Марс или Арис, названный Ледой, богом войны и дарователем побед, Плутон, названный Ниой, подателем лучших престолов в своем царстве. Венеру или Афродиту называли Дидилией, у нее просили сладострастия и плодovitости к изобилию детей. Диане или Артемиде дали имя Зевана или Зевония, ей молились о воздержании и об удачной охоте. Цереру или Димитир² называли Марцана, от нее ждали плодородия полей и деревьев. Поклонялись Ветру, который мчался над колосьями житниц и ветвями деревьев, называя его Догодой или Похвистом. Именем Догода называли ведро, а именем Похвиста — нерастворение или ненастье воздуха. Также поклонялись Леде, матери Кастора и Поллукса под именами Лада, Лели и Полели. В древнейших их песнях присутствовали в припевах слова «Лада Лада», «Лели Лели» и «Полели Полели»³.

В Богемии в день четвертой недели Великого поста⁴ народ ставил на телегу болваны Марциани⁵ и Зевони, которых носили со славой и со скорбным пением. Потом же бросали в озеро или реку в память того дня, а именно 7 дня марта месяца, в день, когда Мечислав огласил народный указ, чтобы уничтожить статуи идолов.

¹ Юпитер. Описание дохристианских божеств через их сопоставление с античным пантеоном было характерно для всей Европы. Ниже у Орбини идет речь о богах западных славян. Их почитание довольно обстоятельно исследовалось еще немецкими учеными раннего Нового времени (разумеется, Орбини мог обращаться и к каким-то неопубликованным источникам). Впоследствии (около двух веков назад) русские мифологи и писатели активно использовали эти сведения, зачастую без указания источников (в манере той эпохи). В результате сложилось (и дожило до современных энциклопедий последних десятилетий) представление о том, что это единый общеславянский пантеон, хотя применительно к каждому персонажу такое предположение требует серьезного обоснования. Не исключено, что некоторые из этих образов представляют собой персонификацию отдельных божественных атрибутов, олицетворение стихий и т. п. (то есть это не дубликат олимпийского пантеона греков).

² Деметру.

³ Связь этих ритуальных славянских припевов с античными образами представляется общеевропейской приметой сблизать малопонятные мотивы с классическими. Впрочем, индоевропейские (или даже более ранние), очень древние истоки теонима «Лада» можно считать более чем вероятными, в свете лингвистических исследований XX века.

⁴ В 4-е воскресенье Великого поста.

⁵ Марцана (Мерцана) в обозначенных выше источниках, вероятно, олицетворяет зарю (возможно, и «зарю нового годичного цикла»).

Богемцы во времена короля Боривоа и королевы Людомилы приняли крещение через Святополка короля Моравии в 900 году. Поляки же продолжали служить идолам до 965 года, но деятельностью и тщанием их короля Мечислава были обращены в христианство следующим образом. Хотя Мечислав и имел по обыкновению этого идолопоклонного народа семь жен, он не мог родить себе сына, который бы стал его наследником на королевство. Некоторые христиане, обретавшиеся в его дворе, уговаривали его оставить поганую языческую веру и принять веру Христа, подающего сынов и общего утешителя всех, и вместе с тем связать себя истинно и законно с ровню одной женой христианкой. Тот же послал в Богемию просить себе в жены дочь Дуки Болеслава, убийцы своего брата Владислава, почитаемого святым. Болеслав уступил дочь, но с условием, чтобы тот стал христианином. Мечислав согласился, в тот же самый день 965 года принял в Гнезне Святое Крещение и женился на Домбровке, дочери Болеслава. И так он при своей жизни заботился о сохранении христианского благочестия в своем королевстве, посылая указы по всем городам, чтобы в некоторый означенный день всем уничтожить все идолы и креститься. Литовцы, тоже славянский народ¹, были особо упрямы в своем идолослужении и имели своим верховным богом огонь под именем Знич (Znicz), а их жрецы непрестанно совершали ему поклонения в особых местах и в больших городах. В своих немощах и болезнях они повелевали своим друзьям советоваться со жрецами² об избавлении от немощи, а те, предстоя ночью перед священным огнем, поутру давали ответ, уверяя их, что видели в огне тень³ немощного.

Они воздавали божественные почести Перкуну, Громовержцу, имели капища и священные леса, и некоторые избранные деревья были освящены: их никому не разрешалось рубить. И если кто имел неосторожность нарушить закон, этот преступник не оставался без наказания — разгневанные демоны либо лишали его дара речи, либо сковывали недугом какую-нибудь часть тела. Литовцы считали божествами ехидн и прочих змей⁴, каждая порода которых имела свои особенности. Всех кормили с особой заботой, принося в жертву молоко и кур. Они вменяли в будущем напасть всей семье, если один из этих принадлежащих им идолов погибал или был чем-то недоволен. Каждый год в первый день октября по собирании плодов приносили ежегодное всеобщее жертвоприношение, на которое сходились женщины и дети, устраивали пиршество по три дня с жертвенными животными, возданными их богам. Когда возвращались с войны, жертвовали огню некоторую добычу вместе с каким-нибудь пленником. В заблуждении идолопоклонничества литовские славяне пребывали до

¹ Вплоть до эпохи Нового времени балтов и славян считали представителями единой этнолингвистической общности. Внутри индоевропейской языковой семьи балты — ближайшие родственники славян; немало общего обнаруживается и в их этнографии.

² Речь идет о вайделотах — дохристианских жрецах-прорицателях, хранителях священного огня, у балтских народов. Слово «вайделоты» родственно славянскому «ведать (знать)». В Литве (особенно в Жямайтии) живые традиции древней религии сохранялись дольше, чем где бы то ни было в Европе.

³ Буквально: «тень» (архаичная диалектная форма слова). В данном случае, наверное, можно говорить о «душе» больного.

⁴ Зоологическая классификация тогда соотносилась скорее с традиционной символикой живых существ, нежели с их реальными особенностями.

1385 года¹, когда польское королевство управлялось девицей Ядвигой (Heduuige)². К ней литовский князь Ягайло послал двух своих братьев просить от своего имени Ядвигу в жены с просьбой дать обещание принять христианское благочестие, навечно объединить Литву с Польшей и постараться вместе с этим присоединить Поморье, Хульмец (Chulmec)³, Силезию и прочие земли, отнятые у этого королевства. С этими предложениями Ягайло приехал в 1386 году в Краков со всем своим двором. Там он крестился, получил имя Владислав, обручился с Ядвигой и в 1387 году был помазан королем Польши. По случаю обращения Литвы он привел с собой королеву, со многими епископами и другими церковными лицами и с подаванием привезенных с собой из Польши суконных одежд для всех, кто принимал крещение. Убогий и грубый народ, до тех пор довольствовавшийся льняными одеждами, стекался со всех краев, чтобы вместе с крещением обрести суконную одежду. Король же погасил священный идольский огонь, разрушил их храмы, разорил алтари, перебил всех змей, посекал и искоренил все леса и освященные деревья и искоренил идолослужение на литовской земле. В 1413 году пошел Владислав с войском против своих людей, подданных Самогации⁴ и, одолев их, сжег капище их священного огня, которому они поклонялись, срубил под корень священные рощи, обязал их принять Христову веру и воздвиг прекрасную церковь в Медниках (Miednich)⁵.

Обгоряне (Obgoriani), литовские подданные, поклонялись идолу по имени Золотая Баба (Slatababa), которая была поставлена далеко, возле реки Обио (Обуо), и держала в объятьях младенчика; о нем говорили, что это ее внучка. Идол был окружен многоразличными инструментами наподобие труб, которые громко шумели. Когда же кто-то хотел получить какую-либо вещь, жрец совета спрашивал идола и получал от него истинные и достоверные ответы о том, что надлежит делать. Никто не смел пройти мимо того идола, не принеся ему какую-либо вещь, а если ничего другого не имел, — вырвать волос из одежды и принести его с поклоном до земли, чего идолу было довольно⁶.

¹ В труднодоступных лесных районах Жямайтии — до следующего столетия.

² Heduuige (= Hedwige): Ядвига (Гедвига), королева Польская (1374—1399, королева с 1384 г.). Пользовалась глубоким почитанием в народе и в XX в. была канонизирована.

³ У Орбини написание не совсем точное. Речь идет о местности под названием Chlumec (по-немецки Kulm) в Устецком крае на северо-западе Богемии.

⁴ Samogitia — латинизированное название исторической области Жямайтия (Žemaitija, Žemaitėjė; северо-запад Литвы). Распространенное старое латинское именование жямайтов — Samagitae. Отсюда происходит встречающееся доньше в некоторых неточных переводах смешение древнего прибалтийского населения с самодийцами («самоедами» древнерусских источников), чей язык относится к уральской, а не индоевропейской лингвистической семье. Однако самодийские народы (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы) населяют весьма удаленные от Балтики земли Крайнего Севера (в основном от полуострова Канин Нос до Таймыра). Допускает эту ошибку и Орбини. Немного ниже он описывает культ Золотой Богини («Золотой Бабы») в Приобье, называя его обитателей «подданными Литовскими».

⁵ Мядининкай (лит. Medininkai), недалеко от границы с современной Белоруссией. Медники — российское название до 1939 г.

⁶ В древнерусских источниках и свидетельствах иностранцев, бывавших на Руси, культ «Золотой Богини» («Золотой Бабы») соотносится с финно-уграми (прежде всего с северными, обскими уграми), родственными самодийцам.

О славянском народе, называемом венеты¹ или венеды

Славянский народ ничем иным не отличается от вандалов, кроме самого имени, поскольку это был один и тот же народ, и происходят и те, и другие из Сарматии². Венеды были частью славянского народа, вышедшего из Сарматии во времена императора Марциана³. Венедский народ разошелся по лесам и горам, которые находились между певкинами и феннами. Славяне начали наполнять весь кряж территории, протянувшейся в длину между рек Албии и Дона, в ширину — между Коданским⁴ и Адриатическим морями, после чего прошли даже до крайних пределов Западного океана. Во времена греческого царя Маврикия его войска встретили трех славян, не имевших никакого оружия с собой, но несших по арфе каждый⁵. Маврикий спросил их, откуда они шли и где их жилище. Они ответили, что они славяне и живут у Западного океана. Каган, аварский царь, посылал послов и дары князьям их народа, прося помощи против греков, и они были посланы от их таксиархии, которая дала знать кагану о невозможности послать эту помощь, поскольку расстояние между странами слишком далеко и путь от их жилищ займет 18 месяцев. А несут они арфы, чтобы никто из их страны не носил оружие и не был знаком с оружием. Царь удивился их возрасту вкупе с могучестью тела и послал их в Гераклею.

От этих славян и произошло название Венедского моря, прежде называвшегося Кодан. Они же, сначала переправившись через реку Вислу и дойдя до реки Албии, напали на шведов, лангобардов, ругов⁶ и швитонов при Коданском море. Те, кто был бит славянами, отошли к берегам Дуная, оставив всю страну во власть вышеназванных славян. Это случилось в 500 году от Рождества

¹ В вопросе о славянстве венетов Орбини, в частности, ссылается на авторитет готского историка Аблавия, чей труд ныне совершенно неизвестен.

² «Сарматское» происхождение венетов (венедов) отмечается в русском переложении 1722 г. Савой Владиславичем (на стр. 50 указанного издания), и это более соответствует расхожим представлениям той эпохи о происхождении славян (во всяком случае, западных и северных, балтийских). Орбини же в итальянском оригинале не озвучивает сарматскую версию (Р. 59) венетского этногенезиса, и надо понимать, что он имеет в виду и здесь постоянно постулируемое им древнесеверное («скандинавское») происхождение, отмечая лишь «наибольшую древность венедов» среди народов Германского региона (со ссылкой на Тацита).

³ Марциан был византийским императором в 450—457 гг.

⁴ Балтийское море, или та его часть, что находится близ современного Гданьска. Описанный ниже сюжет о встрече греков со славянскими странниками-арфистами, ввиду его важности, подробно рассмотрен во вступительной статье.

⁵ Этот поистине уникальный исторический эпизод подробно рассмотрен в заключительной статье-комментарии.

⁶ Rugi, а не Rugiani (как Орбини обычно называет славян острова Рюген). Похоже, что здесь он склонен разграничивать тех и других, как принято и в современной исторической науке, полагая, что ругиане (славяне) в Прибалтике пришли на смену древним ругам (последних современные историки чаще всего соотносят с германцами).

Христовая, после определенных Богом народных переселений. Славяне овладели всей этой территорией, которую расширяли, пока не были побеждены Генрихом Птицеловом и великим императором Оттоном¹ на реках Албии и Гавеле². Потом же, по прошествии шестисот лет после того как славяне прошли эти земли, Генрих Лев³ непрерывными войнами побил часть из них и часть разогнал и покорил под свои владения. На их места ввели с христианским благочестием колонии немцев, хотя там и оставались немногочисленные славяне по берегам Албии в Лузании⁴.

Разные имена вenedских славян

Если славяне сначала, заняв территории у Балтийского моря, назывались единым славянским именем, то потом разделились на разные народы, поскольку одни назвались поморянами (Pomerani), имя издревле известное, обозначающее жителей у моря. Поморье⁵ на славянском языке называлось Приморсия⁶. Поморье до Пришествия Христова имело более широкие границы, чем нынешние, а проживали там в то время поморяне⁷ и кашубы.

Вильцами и лютичами называли соседние народы, получившие свое имя за их большую силу. Толенцы (Tolenzi) и редары считались одним и тем же народом. Представляется, что одни были названы по городу Ретра, а другие — по реке Толенс (Tolenso), около которой располагались их жилища. Редары обитали в преде-

¹ Генрих I Птицелов (876—936) был первым королем Восточно-Франкского королевства из Саксонской династии. Оттон I Великий (Otto I der Große; 912—973) — король Германии с 936 г., император Священной Римской империи с 962 г.

² В современном произношении — река Хафель (Havel), правобережный приток Эльбы, на востоке современной Германии. Здешнюю этническую группу балтийских славян, живших в районе нынешнего Бранденбурга, обычно называют гаволянами.

³ Генрих Лев (1129—1195) из династии Вельфов — герцог Саксонии, впоследствии Баварии.

⁴ Этот «остаток» славянского населения Восточной Германии — лужичане, лужицкие сербы, компактная этническая группа на территории Германии, сохранившая славянский язык. В целом Орбини здесь излагает историю балтийских славян так, как это стало общепринятым в европейской историографии в последующие века: славяне в эпоху Великого переселения народов заняли территории, освобожденные после ухода к югу германцев, населявших эти земли прежде. Эта трактовка противопоставляется предлагавшейся некоторыми историками концепции автохтонизма: изначальности, исконности проживания протославян и их еще более ранних предков (возможно, вenedов, или вандалов) на большей части славянских земель эпохи Средневековья. У старых немецких авторов можно найти подобные высказывания и относительно «Северной Славии» — региона балтийских славян.

⁵ Балтийское Поморье.

⁶ Не путать с субарктическим Поморьем Русского Севера.

⁷ Это противоречит тому, что Орбини говорил чуть выше (о заселении славянами Балтийского побережья лишь через 500 лет «от Христа») и скорее соответствует воззрениям автохтонистов.

лах щецинских¹, между реками Панев² и Одра. Народ цирципаннов произошел от реки Панев, а жили они близ Грипсвальдии (Gripswaldia)³, Вольгаста и Сондия. Кизины жили в районе города Гучеговий⁴ и оставили ему свое имя.

Ругиане или рагийцы были названы по острову Ругия⁵, как и богемские чехи — по Богемии. Варнавы так названы от реки Варнавы в Ростокомском⁶ регионе. Обостриты владели землей Мекленбургской. Полабы, думается, приняли имя от одноименной равнины. Их столицей был Рацебург, сперва прославленный одноименным графством, а затем — епископством. Вагиры жили близ Адельбурга — города, некогда прославленного епископством, которое потом было перенесено в Любек. Лингоны и лины (Lingoni, Lini), не сильно от них отличающиеся, жили на той территории, где сохранились названия Луне или Люнебург⁷. Следующие особые наименования славян, живших в Восточной Славии, между реками Албией и Одрой (ныне эта земля называется Марка Бранденбургская): вилины, стодоряне, бризане, верлы или герулы и многие другие, упомянутые Гельмольдом⁸.

Верлы или герулы жили близ реки Гавелы и называли своим именем город Верло⁹ на Обостритской земле, а страну — Верлией; ныне Мекленбургское княжество¹⁰.

¹ На северо-западе современной Польши, в районе города Щецин (в немецком произношении Штеттин), основанного как поселение балтийских славян-поморян в VIII—IX вв.

² Rapew — правый приток Одры.

³ Грейфсвальд — немецкий город в земле Мекленбург — Передняя Померания, в регионе, прежде населенном балтийскими славянами.

⁴ Итал. Gucegovio.

⁵ Ныне остров Рюген.

⁶ Росток — крупнейший город федеральной земли Мекленбург — Передняя Померания.

⁷ Город в Нижней Саксонии; в раннем Средневековье населенный славянскими этническими группами глинян и древан. В нижнелужицком языке (одном из сохранившихся доныне на территории Германии языков лужицких сербов) город называется Glain.

⁸ Гельмольд (около 1125 — после 1177), немецкий миссионер и автор широко известной «Славянской хроники», называет (также и Орбини) славянами многие народы, которые в позднейшее время определялись как германские.

⁹ Werlo — итальянизированная форма (у Савы Владиславича «Верл»). В средневековых источниках немцев, ближайших соседей, город и прилегающие земли называются Werle. Как германизированное княжество, с заметными элементами славянской культуры (в том числе применительно к именам местной знати), Верле существовало в составе Священной Римской империи с 1235 по 1436 г. Различные трактовки верлов и герулов (этнос, воинская элита) рассматриваются в заключительной статье-комментарии нашего издания. Орбини придавал вердам большое значение среди северных славян и включил в оригинал своей книги специальную (хотя и конспективную) главку, посвященную князьям верлов и вкратце пересказанную (ниже) Савой Владиславичем.

¹⁰ Герулов, участников военных походов в Центральной Европе времен Великого переселения народов, называют германцами на основании достаточно давних и надежных свидетельств. Вместе с тем в мекленбургских землях (на их прародине, или в местах более раннего обитания), в городе Верле (Верло, Вурле), упомянутом у Орбини, согласно позднесредневековым немецким источникам, еще полтысячелетия назад среди представителей местной знати были люди со славянскими именами.

Там некоторые города особенно прославились благодаря торговле северных народов; среди них были Винава¹, Юлин и Верлия². Аритберт господствовал над верлами и ругианами Балтийского моря. Во времена императора Карла Великого король Швеции и Готии Швенон взял себе в жены свояченицу Аритберта. Князь Мистивой был первым среди верлов правителем, кто принял в старости Христову веру под влиянием своей жены Маргариты, дочери императора Генриха I Птицелова. Династия Аритберта прервалась у сыновей Генриха, на сыне князя Годескалка³. Канут, сын короля Датского Генриха, когда верлские князья прекратили свой род, был избран на правление Верлским и Мекленбургским государством, цесарем Лотарем в 1130 году от Рождества Христова.

Эти люди, верлы или герулы, всегда жили вольно и никогда не подчинялись римлянам. Они были первыми среди готов (Gothi), кто пошел войной на Рим, Италию, земли франков, Испанию, Африку, Европу и Азию⁴. Карл Великий, бившийся с саксами, не нападал на герулов. Славяне-любушане (Leubusii) называли себя по городу Левбузий⁵, знаменитому своим епископством. Вилины (Wilini) и стодоряне

¹ Чаще этот город называется Винета. Островные славянские города Балтики, богатые и овеянные легендами, широко известными в Северной Европе, являют собой одну из вековых тайн Севера. История поисков этих городов и различные варианты их локализации — сюжет множества книг и научных исследований.

² При всей важности «венедско-венетской» темы для понимания метаистории славянства у Орбини, он очень кратко повествует о «северных венетах» (балтийских славянах) в сравнении с южными, адриатическими венетами и иллирийцами в целом, которых он рассматривает как предков южных славян. В частности, он в данном месте текста лишь бегло и конспективно рассказывает о полуполюгендарных и реальных славянских городах Балтийского региона, причем Сава Владиславич излагает это повествование еще короче и менее четко. В итальянском оригинале перечень городов, обретших свои богатства благодаря североевропейской торговле, таков: Iulino, Vuyneta, Retra, Stargarda (или Starigrad), Volgasto, Gystino, Kyssino, Domup и Melchouro. Окончание -o характерно для многих слов итальянского языка, но корневая часть этих топонимов (как и их локализация) часто остается предметом дискуссий. Если исключить знаменитые Юлин, Винету, Старгард и Ретру, можно привести убедительные прочтения: Домин (Domup), Гюстров (Gystin) — вполне реальный город и с известной по «Гюстровским анналам» историей (см. статью-комментарий). Что же касается приведенного здесь краткого перечня северных городов (Винава, Юлин, Верлия), то он в итальянском оригинале тоже есть, но значительно ниже, после рассказа о князе Прибиславе, а не Аритберте. Впрочем, два различных перечня вносят определенную путаницу, и, возможно, Сава Владиславич намеренно исключил один из них, хотя оставленное им упоминание получилось нетрадиционно сокращенным и, вероятно, происходит из другого источника, менее сведущего в географии Европейского Севера.

³ Более точная транскрипция этого имени: Готшалк.

⁴ Здесь Орбини переходит к герулам эпохи Великого переселения народов, отождествляя их со славянами-верлами Балтийского региона. Предводители герулов носили, как правило, несомненно, германские имена. О попытках разрешить эти противоречия см. статью-комментарий.

⁵ Итал. Leubusio. Не исключено, что изначальное славянское название читалось как «Любуш» (в промежуточном немецком произношении мог быть вариант «Лейбус» или «Лейбуз»).

(Stoderani), по мнению некоторых авторов, проживали в области нынешних Берлина и Бранденбурга. Брежане (Brizani) жили в области Хавельберга¹, название их города Бритцен² и сейчас отсылает к имени брежанского народа. Предеценты, сорабы³, фимасты, хользацы (Holsatii), термархи⁴ и нордальбинги (Nordalbingi)⁵ — всё это славяне, и они жили у Венедского моря. Они угрожали не только соседям, но и дальним народам; очень докучали оружием Датскому королевству, не из-за вольности острова, а из-за короны и королевства⁶. Нападали также на Саксонию (Британию)⁷, Тюрингию, земли франков, Германию, Аквитанию, Британию, Кимврию, Зеландию и Голландию; совершали вооруженные набеги и в Нижней Германии и жестоко били своих неприятелей в 480 году.

Аларих же, король свевов, будучи не в силах более терпеть их жестоких набегов, пошел со всеми своими силами до западных окраин, оставив Силезию, Лузацию и другие страны к северу и востоку, и остановился возле рек Дунай, Рейн, Неккар (Negro)⁸ и Алеман⁹. А короли славянские Чех и Лех позднее заняли оставленные свевами и бойями территории, о чем было сказано выше. Эти славяне, перейдя в Тюрингию, остановились в Мерзесбурге (Merovesburgo). В окрестностях города они основали в лесу (под названием Гирсбрулис¹⁰) Тунехдорфф, Тугебрахтестет, Невухенродт, Хохдорфф и многие другие поселения. Был такой обычай у этого народа: когда умрет муж, жена ввергала себя в огненный костер, в котором сжигалось тело мужа. Они же в 550 году близ города Лухта (Luchta) в Саксонии разбили саксонского князя с пятидесятитрехтысячным войском. Сразили и другое войско, собранное из саксов и данов близ Лаупена, убив датского короля и обратив саксонского князя в бегство. Упомянутые славяне же (ими тогда правил славный полководец Звездодраго¹¹) под командованием славянского князя Билослава, будучи сдержаны

¹ Лат. Havelburgensis. Хавельберг — северо-западнее Берлина.

² Орбини приводит два варианта этого топонима: Britzen и Briz.

³ Известное название лужицких сербов, единственного народа балтийских славян, сохранившего на территории Германии свою этническую идентичность.

⁴ Архаичная форма этого этнонима: Thetmarsii. Известен вариант: Thethmarchi (германская передача древнего этнонима в латинизированном варианте). У Орбини: Stetmani, у Савы Владиславича: «Штермариане».

⁵ В некоторых случаях несомненны германо-романские этимологии (в данном варианте нечто вроде «Северные белые», с суффиксом существительного). В русском переводе 1722 г.: «Нордалтинги». Вероятнее всего, речь в ряде случаев идет не об этносах, а о межплеменных союзах, куда могли входить различные этнические группы.

⁶ Пиратство в эпоху Средневековья среди балтийских славян действительно имело место. Возможно, отчасти это было связано с тем, что северные славяне, дольше многих европейских народов хранившие древние дохристианские традиции в религии и быту, несколько веков упорно и жестко противостояли новой цивилизационной модели, которая была принята Европой.

⁷ Пояснение в скобках есть уже в русском издании 1722 г.

⁸ Неккар (варианты названия: Neckar, Negger) — приток Рейна.

⁹ Эльба(?)

¹⁰ Hirsbrulis.

¹¹ Zviesdodrago.

многочисленным франкским войском военачальника Адульфа, при франкском короле Гилдберте, отчаянно бились и одержали победу, не избежав гибели Билослава. Его брат князь Дерван отомстил за эту смерть, разбив войска Адульфа и самого короля Дагоберта, наследника Гилдберта. После этой победы они завоевали также Тюрингию и Саксонию, разорив эти страны.

Эти славяне-сорабы составляют часть тех, кто проживал в древней стране трибаллов¹, в Верхней Мёзии. Придя с севера, они заняли большую часть Далматии. Издревле же сорабы жили (по описанию Плиния) по берегам Меотского моря², откуда они отошли в сторону Дуная, к Верхней Мёзии, а часть пошла через Сарматию, или Полонию, в Лузацию. Там они, рассеявшись по окрестным землям, остановились у реки Сале и Албии. Те же, кто находился в Верхней Мёзии, именовали себя сарблы (Sarbgli) или серблы (Serbgli)³, а соседи называли их сорабами или сорабрами, и своим городам они дали названия Сербекко (Serbeco) и Сербесто (Serbesto). Территория их простиралась от города Самадрии, близ Дуная, до Нишавы⁴. В числе знаменитейших мест Сербии: Стойныбиоград⁵, главный город этой страны⁶ Приштина («Пристен»), где родился царь Юстиниан, Новомонт, неодолимый город, и Черногория («Монтенегр»), где есть богатейшие залежи золотых и серебряных руд.

Лужицкие славяне-сорабы немало воевали с Карлом Великим и разбили во многих боях его войско, в одном из которых пало тридцать две тысячи франков. Они же, объединившись с велетами или вильцами, другим славянским народом, стали часто разбивать войска Карла. Карл, наконец, послал своего сына Карла со всеми силами против тех славян и в конце концов победил их, убив их царя и правителя Миледоха (Miledoch). Заключив же мир с Карлом в 804 году, они пошли войной против Датского королевства, объявив войну королю Годфриду, который, получив помощь от славян-вильцев, вступил в страну славян-абродитов⁷, завоевал несколько крепостей, обратил в бегство Дражко, их князя, убил Годелайба (Godelaibo), другого их князя, не без значительных потерь в своих войсках. Своим здоровьем и остатком своего войска он был обязан мужеству славян-вильцев, которые из-за древней вражды с абродитами добровольно объединились с датчанином⁸. Дражко

¹ Трибаллы — иллирийское или фракийское племя в Нижнем Подунавье, упоминавшееся еще Геродотом.

² Меотида — античное название Азовского моря.

³ *Serbli* — архаичное именование сербов, засвидетельствованное в раннесредневековых источниках. Относительно грамматической структуры этого слова заметим, что суффикс *-li*, известный в индоевропейских языках, может иметь еще более древнее, доиндоевропейское, происхождение.

⁴ Ниш (итал. *Nissa*) — большой сербский город юго-восточнее Белграда, стоит на реке под названием Нишава.

⁵ Конечно, это «Стольный Белград».

⁶ Того края, страны.

⁷ Неточное написание. Этот народ балтийских славян в первоисточниках именуется ободритами (абодритами, оботритами).

⁸ То есть славяне вильцы и ободриты оказались в состоянии междоусобной войны.

же учинил им месть, завоевав большой город смельдингов¹, но спустя время был замечен на Рерицкой ярмарке² и предательски убит людьми Годфрида. Абродиты же после смерти князя Дражко осадили, завоевали и разорили крепость Хохбуохи (Hochbuochi)³, стоявшую на реке Албии, разбили войско датского короля Сирарда (итал. Sirardo)⁴ близ Фионнии и затем снова разбили его и прогнали в Ютландию, овладев ею. В другом бою взяли в плен сына Сирарда Ярмерика (Iarmerico) с двумя его сестрами. Одну из них продали норвежскому королю, другую отдали германцам, с которыми после смерти Карла Великого много воевали. В трех главных сражениях (одно было близ Горингена в Тюрингии, другое — при Родвихе (Roduich) в Саксонии, а третье — между реками Фульда и Везер⁵) подданные цесаря потеряли больше 50 000 людей при малом уроне у славян.

Часть их, живущая у Балтийского моря, напала мощным флотом на Английское королевство, управляемое королем Гереспером, который, наконец, победил и взял в плен славянского короля Расто⁶, по повелению Гереспера ослепленного. Оставшиеся же славяне возвратились домой и, собрав войско, разорили Фионнию — главный остров на Балтийском море⁷. Много воевали с Арриго Саксонским, первым князем Германии. Бились с цесарем Генрихом в 934 году, воевали с цесарем Оттоном Первым в 957 году, которого разбили в Тюрингии так, что едва тот едва смог бежать. Они приняли вызов итальянцев и пошли войной на Оттона Второго, и тот в двух сражениях так их побил, что они наконец ушли восвояси. Впоследствии же, заключив мир с цесарем, помогали ему многократно против его врагов и, среди прочих, против Вихиманна, давнишнего врага Оттона, которого убил славянский князь и друг Оттона Мизаха (Misacha). Когда же умер Оттон, славяне в 989 году жестоко воевали с Оттоном Третьим. В последнем бою, хотя и пало немало славян, цесарь там вовсе потерял весь цвет своего войска и уже никогда не имел возможности покорить этот народ, который больше почитал природную вольность, нежели богатства, желал скорее смерти, нежели служить цесарю или кому-то другому.

¹ Смельдинги (Smeldingi) — славянская (возможно, балто-славянская) этническая группа в раннесредневековом правобережье Эльбы, у одного из ее притоков, по соседству с ободритами. Название этого этноса обычно связывают с грамматическим корнем слова «смола»; то есть это своего рода «смоляне» «Северной Славии». Этимологическую проблему создает стабильное использование в средневековых источниках германского суффикса «ing», необычное для передачи славянских этнонимов западными авторами.

² Рерик (Reric), крупный торговый центр ободритов в VIII—IX вв. Его бывшее местоположение определяется предположительно. Дискуссионной остается и связь этого названия с известным славянским этнонимом «ререги» («соколы»?).

³ Варианты названия этой крепости «Hohbuoki», «Hochbuochi», «Hohbuoki», «Hochburgi» и т.д. Истолковывается как «высокий *бург* (над Эльбой)».

⁴ Хронологически, вероятно, Сигфред (Sigfred) — правитель Дании около 770—800 гг.

⁵ Река Фульда — один из истоков реки Везер, впадающей в Северное море.

⁶ В оригинале Орбин приводит два варианта его имени: Rastho и Rasto.

⁷ Остров Фюн (датск. Fyn; Фиония — латинизированная форма), к востоку от Ютландского полуострова, у «входа» в Балтийское море со стороны Атлантики.

Притом же, совершая свои набеги на королевство, они нанесли одно досадное поражение цесарю Конраду Второму в 1029 году. Подобное поражение они нанесли в 1055 году цесарю Фридерiku и прославились по всей Европе. Датский и норвежский король Харальд, взяв в союзники славянских князей по имени Дук и Дал с их людьми (чьим мужеством была покорена Аквитания) и, дойдя до Британии, убил гумбрского короля¹. Потом, собрав сильнейший корабельный флот, объединенные славяне напали на восточные территории Зеландии, где ожесточенно воевали с королем Росхильдии² и захватили большую добычу. Собрав же второй флот в 1500 кораблей (то есть лодий³), напали на Голландию, где их застала ночная буря, от которой большая их часть погибла в море. Остатки славян, возвратясь назад, собрали новое войско, сразились с датским королем Свеном, разбили его войско, а самого взяли в плен.

Конечно, не радея о науках в силу бесчисленных войн, они, увы, были лишены точных историков, которые бы опубликовали описания их древних сражений. Если что-то где-то и было о них написано историками враждебного лагеря, и то с подробным освещением только своих народов, то только то, чего они не могли отвергнуть среди не описанных, но достоверно засвидетельствованных деяний. Еще одним обстоятельством, которое затмило мужество и мощь славян, были их взаимные несогласия и междоусобные войны, позволявшие неприятелям их одолевать. Но не обнаруживается случаев, чтобы какой-либо король или цесарь истребил на Венедском море весь славянский род, который разделился на многие сильнейшие народы под разными князьями и начальниками, а разгромил только часть из них. Если бы они объединились все вместе, то были бы способны противостоять не только франкскому королю или цесарю. Но против многих неприятелей объединялись, и редкий был случай, чтобы какой-либо король или цесарь воевал бы против славян, не имея в то же время других славян в союзниках, чтобы победить других воинов того же рода, с которыми встретятся в бою. Это наблюдение не осталось без внимания применительно к единственному в своем роде народу ругиан, настолько сильному в славянском роде, что их королевство никогда не бывало свергнуто, кроме как неприятелями собственного же рода⁴.

¹ Имеется в виду англосаксонское королевство Нортумбрия (ныне в Северо-Западной Англии).

² Росхильде, соврем. Роскилле, находится на востоке острова Зеландия.

³ Суммируя сведения о мореходстве у славян (включая Древнюю Русь), можно сказать, что их суда были невелики («лодьи», «челны» и т. д.), хотя маневренны и надежны. Достаточно вспомнить «кочи» поморов Русского Севера, пригодные для плаваний по Ледовитому океану.

⁴ В Крестовом походе против последних славян-язычников Балтики, чьим оплотом был остров Ругия (Рюген), действительно принимали участие не только войска германских народов, но и те балтийские славяне, которые к тому времени уже довольно давно стали их союзниками.

О славянах-ругианах

Этот народ был сильнейшим и могущественнейшим из всех славян. Жили они у Венедского моря и даже посреди этих вод¹ имели своего собственного короля и величественный храм² и поэтому считали себя первенствующими среди всего славянского рода на побережье вышеупомянутого моря. К тому же они владели островом Ругия³, семи немецких миль в длину и стольких же миль шириной. Земля эта настолько плодородна, что и сейчас является житницей для шведов, как Сицилия для римлян. Столица королевства ругиан называлась Архоне (Archone)⁴ и стояла на очень высоком мысу этого острова. С востока и с юга он окружен морем, а стены были настолько высоки, что едва можно было стрелой из лука достичь их верхов. Однако развалины того города в наше время уже не обнаруживаются⁵. А с запада располагался большой и крепкий бастион, который его защищал. Некоторые историки считали, что Архоне находится на другом острове, названном Витора⁶, находящемся от Ругии по ту сторону пролива. Он был разорен готским королем Гаральдом и датским королем Геммингом.

Абрам Ортелий пишет, что там, где был город Архоне, ранее располагался славянский город Винета, заметно превосходящий города, которые были тогда в Европе, и прославленный всенародным торгом⁷. Этот город Винета принимал все прочие народы. Однако же, когда они туда приезжали, им не позволялось жить по христианскому благочестию, поскольку жители города пребывали в язычестве до самого времени его разрушения⁸. Но не нашлось народа, более учтивого, гостеприимного и благостного, чем те славяне, винетские горожане. Этот город Винету Гельмольд⁹ помещает между устьем Одры и городом Камен (Cameno), где все еще заметны его

¹ На острове Ругия, ныне Рюген.

² Традиционно считается, что у древних славян не было храмов в обычном смысле слова; их функцию выполняли (как у кельтов) священные огороженные участки, почитаемые роши и т.п.

³ Владение островом Ругия (современный Рюген) и означает обитание этого народа «среди вод» Венедского моря.

⁴ Аркона, в большинстве средневековых первоисточников. Впрочем, изредка встречается и такое написание, через букву «х».

⁵ Часть размытых морем развалин Арконы и мыса, на котором она стояла, сохраняются доныне.

⁶ Священный город ругиан (руян) Аркона, как его чаще называли, находился на севере Рюгена, на полуострове Виттов (Wittow), который в древности был отдельным островом.

⁷ Полноценное археологическое обследование Арконы, которое могло бы подтвердить или опровергнуть эти предположения, сейчас уже невозможно. Скальное меловое основание мыса, где стояла Аркона, за истекшие века разрушено волнами моря, и от развалин священного города ругиан осталась лишь небольшая часть.

⁸ Аркона была в Северной Европе последним оплотом, так сказать, «государственного язычества» (а не его реликтов в народных христианских верованиях).

⁹ Христианский миссионер (1120—1177), автор знаменитой «Славянской хроники». Некоторые его формулировки и определения близки высказываниям Орбини.

следы, по мнению вышеупомянутого историка. Его разорение обусловлено не чем иным, как междоусобными разногласиями тамошних жителей. Датский же король собрал могущественнейшее войско, напал на этот город, взял его, разорил и разрушил до основания¹. Но ругиане, жившие на Ругийском острове, в 809 году от Рождества Христова, собрав флот в 830 кораблей, напали на Датское королевство и Восточную Фризию, взяли и сожгли города Альденбург и Ниссен (Niessen)², в которых обрели бесчисленные богатства³. Карл Великий прогневался на это и, подняв свои войска в 810 году, в двух кровавейших боях одолел ругиан и покорил под христианское иго, обложив их данью и приказав им иметь в особом почтении церковь Святого Вита, которого в те времена премного почитали⁴.

Те исправно платили дань и соблюдали христианское благочестие, построив храм в Архоне. В этот храм они принесли идола Святовита, которого они называли также Звантович (Zvantovich)⁵, и как мужчины, так и женщины каждый год приносили в этот храм дань по деньге с головы. Так они, снова впав в язычество, поклонились этому идолу Святовиту, который был гигантского роста, с четырьмя лицами и подобием фонаря, чтобы со всех сторон храма было видно идольское лицо. Кроме того, он был без бороды, с кудрями, вырезанными по обычаю славян-ругиан, и в длинной одежде до ступней и держал в правой руке металлический рог. Этот рог наполнял вином один бородатый жрец с особой церемонией и торжеством и оставлял его полным до утра, а по тому, убудет или не убудет вино, гадали, быть ли изобилию или неурожаю в следующем году. Этот болван левой рукой подпирал бок, а на бедре виднелись узда и конское седло с мечом, очень большим и украшенным. Стоял этот идол между четырьмя арками капеллы⁶, посреди большого храма, завешенный со всех сторон красными завесами, очень богатыми и разукрашенными. В капеллу входил только жрец в один день, предшествующий празднику, удерживая дыхание. Если же он хотел вздохнуть, то бежал к дверям и высовывал голову наружу, чтобы не осквернять идола смертным дыханием.

К идолу был приставлен конь, которому не позволялось выдергивать волосы из хвоста или из гривы и на которого никто не должен был садиться, кроме самого жреца. Слепленный народ верил, что на нем всякий раз ездил идол, когда намеревался разорять их неприятелей. А для утверждения истинности этой веры

¹ Крестоносцы, предводительствуемые датским королем Вальдемаром I, захватили Аркону в 1168 г.

² «Нежин» в изложении Савы Владиславича.

³ Здесь Орбини возвращается в своем повествовании на несколько веков назад.

⁴ Связь почитания святого Вита с верованиями славян-ругиан может быть вторичной и сравнительно поздней. В народной этимологии могли сблизить имя чтимого святого с древним названием полуострова Виттов (на севере Рюгена), где находилась Аркона. Смысл первоначального названия полуострова, вероятно, уже был утрачен.

⁵ В средневековых источниках довольно много несколько различающихся между собой имен этого славянского божества.

⁶ Часовня, «капелла» (Сава Владиславич переводит «капище»).

рассказывали, что, оставляя его в обыкновенной конюшне чистым и привязанным, наутро обретали вспотевшим и грязным, будто бы он ездил ночью в дальний путь. По поступу этого коня предсказывали, благоприятный или неудачный будет исход из ратных походов. А по окончании этого ритуала втыкали вертикально шесть копий в землю перед храмом, парами, одно напротив другого на равном расстоянии, и к каждой паре привязывали другое копые поперек: настолько высоко от земли, чтобы коню можно было, не перепрыгивая, переступить их. Потом, в день, назначенный для этого действия, жрец, после долгих и торжественных молитв, торжественно взял коня под уздцы, проводил его через эти поперечные копыя. И если тот переступал все три правой ногой, не путая правую ногу с левой, то это, согласно их верованиям, предрекало победу — и наоборот¹. Идолу же приносили третью часть от добычи и всех обретенных богатств и, кроме того, ему же в знак особого почтения полагались 300 коней и 300 человек с его земли, которые за него ходили на войну и которых исправно вручали жрецу. Тот все собирал в церковной сокровищнице, откуда никому никогда не позволялось забирать ни малейшей части. Каждый год, после сбора податей, многие жертвовали этому идолу скот или даже некоторых христиан, взятых на войне, жертву которых жрец подтверждал кровью, чтобы особенно его ублажить². После этой жертвы приносили большой круглый пирог³, сделанный из муста, размером таков, что мог бы вместить человека. Зайдя за него, жрец спрашивал у людей громким голосом, могут ли они его видеть, и все отвечали «ни» с обращением молить идола, чтобы в грядущий год хотя бы немного могли его видеть. Сам датский король среди иных чужестранцев послал в дар этому идолу одну золотую чарку, за что воспринял почесть. Однако, видимо, не помог ему Святовит, потому как он спустя недолгое время умер в лютой нужде.

Так пребывали ругиане в грубом заблуждении 350 лет, пока датский король Вальдемар с могучим флотом, объединясь с воинами славянских князей-поморян Казимира и Бугеслава и государя славян-обостритов Прибислава, войдя в Ругию, победил этих свирепых людей и, возложив на шею болвану-Святовиту петлю, приказал войску в присутствии славян расцечь его на части и всенародно сжечь. Потом он разрушил храм до основания вместе со служебными сооружениями и приказал, чтобы все оставили идолослужение и восприяли истинного Бога. Повелел построить двенадцать церквей, своим особым старанием, и так обратил весь остров в христианство⁴.

¹ Символика и ритуалистика, связанные с образом коня, могут рассматриваться как приметы древней религии индоевропейцев, еще сохранявшейся в Арконе.

² Традиционно считается, что у древних славян не было человеческих жертвоприношений, и описанные случаи имели место в сравнительно позднюю эпоху жесткого противостояния балтийских славян насильственному разрушению хранимых ими устоев жизни, характерных для Древней Европы.

³ В оригинале Орбини уточняет, что пирог был «в форме ротонды».

⁴ Примечательная деталь: в уже немецком фольклоре Рюгена и Померании вплоть до XIX столетия сохранялись многочисленные легенды об этих событиях, подчас с несомненной симпатией к славянскому языческому населению Рюгена.

Яромар, государь Ругианский, своими частыми проповедями утвердил Христову веру в колеблющихся сердцах этого грубого народа, который в жестокости превосходил любого зверя и особенно отличался упрямством в обращении к вере во Христа по сравнению со всеми прочими славянскими народами Венедского, или Балтийского, моря. Описанное же выше суеверие Святовита, имевшее место у ругиан, оставалось долгое время и в сердцах богемцев, пока Блаженный Вичеслав, князь Богемии, не дал им мощи Святого Вита для их народного почитания, но все же не смог истребить память об идоле Святовита. У богемцев и по сей день нет более всенародного и частого приветствия, кроме как произнесение имени Вита. Когда они принимают друзей, приезжающих издалека, говоря «Витей Витей», они выказывают радость об их здоровье, сохраненном в дар от Святовита¹.

Таким было идолослужение этих славян-венедов. Во всем остальном же отношения между людьми строились по особенным законам и обычаям, достойным похвал. Ведь они очень заботились о том, чтобы дети почитали родителей и слушались и чтобы не было у них убогих и нуждающихся людей. Так, если кто заболел или состарится, он передавался на попечение наследникам, чтобы они человеколюбиво кормили его и окружали заботой. Они были весьма услужливы, старательны и великодушны к иноземным гостям. Гость не имел необходимости искать постоянного двора, поскольку уже многие его встречали и наперебой просили, чтобы соизволил принять их угощение. И всё, что они добывали вспахиванием полей, рыболовством или охотой, подавали гостям и к даению относились со всевозможным тщанием. Те, кто был побогаче, но не сказать, чтобы роскошествовал во всем, устраивали и морские разбои ночью на море, чтобы наутро разделить добычу с гостем. А если случайно находился тот, кто отказывал в гостеприимстве страннику, то всякому позволялось сжечь его дом со всем имуществом. Божба у них была запрещена, поскольку они считали, что клятва, как и ложная клятва, гневит богов. Те же, кто был уличен в каком-либо погрешении против порядка, распинались на кресте, а крест не предназначался ни для чего иного, кроме как для казни злодеев². Отсюда пошла такая неприязнь к кресту, из-за чего многие святые люди и христианские князья

¹ Видимо, здесь все же смешиваются различные (во всяком случае для позднего Средневековья) языковые и ономастические реалии. Имя святого Вита в силу омонимии отождествлено с корнем, входящим в теонимы балтийских славян: Святовит, Ругевит. Кроме того, у западных славян и в западной части восточнославянского региона этот корень ныне входит в глагол со значением «приветствовать» (ср. польское слово *vitać*, белорусское «вітаю» — «приветствую» и т.д.). Не исключено, что в праславянской и индоевропейской ретроспективе все эти языковые факты, теонимы, топонимы (полуостров Виттов) системно взаимосвязаны, но отождествлять их напрямую применительно к более поздней эпохе вряд ли правомочно.

² В таком ракурсе получается, что балтийские славяне-язычники указанной эпохи были знакомы с христианством. Тогда их верования могут быть классифицированы и как христианская ересь, наподобие еретических учений Южной Европы.

столь трудились в поте лица в деле обращения ругиан в Христову веру. Те, конечно, вынуждены были под большим насилием воспринять ее, но часто потом возвращались в идолослужение.

Славяне в Померании оставались последними, кто принял христианскую веру в 1226 году. Тогда магистр Тевтонского ордена вооружился на прусских славян, одолев их, первым ввел христианское вероучение на немецком языке, от чего весьма пострадал их родной язык¹.

О славянах российских, или москвитянах

Российских славян иноземцы нынче называют москвитянами. Они оставались в своих селениях, в то время как прочие их товарищи и свойственники выступали одни к Германскому морю, а другие — к Дунаю, как было сказано в начале этой книги. Древние называли их роксоланами и токсоланами, троксоланами, рессанлами, россанами и рутенами, теперь же называются руссами, то есть «рассеянными», поскольку «Россия» русским или славянским языком знаменует «рассеяние». Название это имеет существенные основания, ибо славянский народ овладел всей Европейской Сарматией и частью Азии, тогда как изначально вышел из Скандии. Славянские переселенцы рассеялись и расточились от Ледовитого океана вплоть до Адриатического моря и от Большого моря — до Балтийского океана³. Более того, после этого первоначального рассеяния вышеназванные славяне-руссы послали своих переселенцев во Фландрию; впоследствии люди, там обосновавшиеся, стали называться рутенами (Ruteni)⁴ за то же, за что и греки дали им имя «Спорти», от «спорос» (семя), что означает «рассеянный» народ.

Славяне-руссы жили всегда внутри Европейской⁵ Сарматии, где обретаются и по сей день, значительно расширив свои владения прогнанием прочих, сосед-

¹ В последующие (после Орбини) века прусский язык был полностью ассимилирован немецким.

² Это, конечно, поздняя и искусственная этимология, хотя в трактовке Орбини она соответствует масштабной эпичности его повествования о «Царстве Славян».

³ В Средние века и раннее Новое время нередко называли «океанами» сравнительно небольшие моря или еще меньшие акватории (морские заливы), имеющие выход в Мировой океан.

⁴ Вероятно, Орбини здесь имеет в виду отдельные группы балтийских славян-ободритов, расселившихся на западе славянского мира, в контактной зоне с германцами. Необходимо отметить, что в латинских источниках двухтысячелетней давности «рутенами» (Ruteni) называли также галльское племя в современной Южной Франции. Почти так же (Rutheni) позднее именовались и карпатские русины, связанные историческими корнями с изначальной Русью. Так что здесь складывается ситуация, схожая с этнонимом «венеты»: это и древние кельты Бретани, и адриатические (илирийские) венеты, которых многие слависты, как и Орбини, так или иначе соотносят с предками отдельных славянских народов.

⁵ То есть в Восточной Европе или в ее западных областях (западнее Скифии, простиравшейся, по мнению многих средневековых географов, на безбрежные просторы Евразии). Существовала также традиция связывать истоки славянства именно со Скифией.

них народов или принуждением к жизни по их обычаям. Так Российское царство распростерлось от реки Дон и Меотского моря с востока, от Литвы и рек Певке (Peuce) и Полма (Polma) — с севера¹, от Прусской Ливонии и Польши — с запада, от реки Тир или Днестр и Сарматских гор² — с юга и расширилось даже на провинцию Югарию или Югру (Iuhra), родину гуннов. Гунны же вышли из этой провинции, заняли Польшу и под началом Аттилы завоевали многие европейские области. По этой причине не попусту славят руссов, что их подданные в прошедших временах покорили лучшие европейские государства. А руссы, когда жили в Сарматии, всегда показывали себя прирожденными военными и всегда были неукротимы.

В то время как Помпей Великий воевал против понтийского царя Митридата, руссы, под управлением их государя Тасоваза (Tasovaz), или Тасия (итал. Tasio), устроили большой разгром вышеназванного понтийского царя, что поспособствовало их союзу с Римским государством³. Из оружия у них были сабля, лук, копье, панцирь и щит из воловьей кожи, которые они непрерывно использовали не только против соседей, но и против дальних и славных народов. Во времена цесаря Веспасиана они, переехав Дунай и порубив два римских легиона, вошли в Мёзию Иллирийскую, там убили консула Агриппу и тамошнего наместника-презида и обжились, назвав ее Рацией (итал. Rascia)⁴. Заключали военные союзы с готами, которые разоряли Европу и другие территории, угрожали многожды Греческому государству. При константинопольском царе Льве Лакапене подняли корабельный флот в пятнадцать тысяч челнов в Большом море⁵ и со множеством вооруженных полков напали на город Константинополь, то же совершили и при царствовании Константина Мономаха. В этих двух походах они перебили многих греков и возвратились в дома с многою богатой добычей. В 6886-й год от Сотворения Мира⁶ (по их же, россиян, летосчислению) великий российский князь Дмитрий победил в полевом сражении великого татарского хана Мамаю и спустя три года снова сошелся в бою с названным ханом, пока его не разбил и не истребил так, что земля на протяжении

¹ В оригинале Орбини поясняет, что имеет здесь в виду рубежи Финляндии.

² Ныне обычно известны под названием Донецкий край. В древности Сарматскими горами называли Карпаты.

³ Легенды и дискуссионные письменные источники, повествующие об участии славян (протославян?) в событиях античной истории, вкратце рассматриваются во вступительной статье.

⁴ Рация, Расция (Rascia, Raška, Рашка на кириллице) — историческая древняя область на юго-западе Центральной Сербии. Название происходит от имени города Рас (Ras, Стари Рас, Arsa в латинских источниках) — средневековой столицы этого края. Развалины города, сыгравшего важную роль в истории Сербии, признаны памятником культуры мирового значения, включенным в каталог ЮНЕСКО.

⁵ В Черном море.

⁶ То есть в 1378 г. от Рождества Христова.

тринадцати миль покрылась телами убитых. Кто желает узнать о славных подвигах русского народа, найдет их в книгах Иереми Русского, Сигизмунда Герберштейна, Франческо Бизио да Бергамо и краковского профессора Матвея Меховского, который подробно описал «Историю двух Сарматий»¹.

Россияне же, будучи язычниками, имели в качестве идолов Перуна (то есть «громовой раскат»), Стриба, Корша и Мокоша². Об обращении же их в христианское благочестие существуют разные мнения. Российские летописи горды тем, что Россию благословил и обратил в веру святой апостол Андрей, который, как говорят, пришел из Греции в устье Днепра и, проплыв вверх по реке до того места, где сейчас находится Киев, там благословил российский род. Крестив народ, он водрузил крест, проповедуя и предвозвещая, что в том месте благодатью Божией приумножатся числом христианские церкви. Отойдя оттуда, он дошел до истока Днепра к большому озеру Волох и по реке Лорвате спустился в озеро Ильмень. Там он прошеествовав водами реки Волхов, достиг Новгорода и оттуда той же рекой попал в Ладожское озеро. Выйдя через реку Неву в море, названное россиянами Варяжским, то есть Германским³, между Виландией и Ливонией, добрался наконец в Рим. Также верят россияне, что они обращены в веру Христову святым апостолом Фаддеем, отчего они почитают его больше других небесных святых. Некоторые греки отрицают прославленное летописцами столь древнее обращение руссов, но пускай будет так, как кто того желает.

Небезосновательны сведения о том, что языческое злочестие⁴ было у россиян искоренено во времена македонского царя Василия, когда он послал россиянам епископа Феофила. От этого епископа они и приняли христианство⁵, когда он по их просьбе положил в огонь книгу Евангелие, которое осталось невредимым. Российские летописи говорят о том, что царица Ольга, российская княгиня, ввела христианское благочестие в это государство следующим образом.

¹ Сигизмунд Герберштейн, автор «Записок о Московии», и Матвей Меховский (или Меховита; Maciej Miechowita, Maciej z Miechowa, Maciej Karpią, 1457—1523), автор трактата «О двух Сарматиях», — знаменитые авторы (существуют и русские академические издания их работ). Francesco da Bergamo (1536—1626) известен историкам по архивным материалам Ватикана. Но Иеремия Русский, или Еремей Русс (итал. Geremia Russo) — это одна из главных загадок книги «Царство Славян». «Московские (или Русские) анналы» Иереми Русского цитирует только Орбини. Латинское слово «Annales», вообще говоря, часто соответствует русскому слову «летопись», однако это ничего не меняет. «Московская летопись» неведомого Иереми все равно остается неразгаданной тайной.

² Последние три имени общезвестных восточнославянских божеств могли приобрести такой странный облик в результате неточной переписки каких-то источников. Однако нельзя исключить и древность этих вариантов, заслуживающих в таком случае специального исследования.

³ В свете исследований последующих веков такая безапелляционная этимология представляется спорной.

⁴ Имеется в виду языческая вера.

⁵ То есть эти реальные свидетельства противоречат преданию о принятии Русью христианства во времена апостольские.

Князь российский Игорь, взяв в жены вышеназванную Ольгу из Пскова, вошел с мощнейшим воинством в Грецию до Иераклии и Никомидии, где был повержен в славном сражении и возвращался назад с теми, кто остался после того сражения. Игорь был убит в дороге Малдиттом, князем славян-древлян в месте, называемом Корест¹, где и было погребено его тело. А его сын Вратислав, еще будучи младенцем, не способен был править российским царством. Когда же Ольга окончательно взошла на царство, послали к ней древляне двадцать послов, чтобы просить ее в жены их князю Малдитту. Ольга же приказала похоронить их заживо и, прежде чем весть об этом успела разойтись, послала своих послов к древлянам, чтобы отправили ей больше послов и знатнейших вельмож в знак того, что действительно желают ее в жены Малдитту. Древляне послали ей других послов числом пятьдесят, знатнейших из их народа. Когда же они дошли до Ольги, их всех заперли в баню и сожгли заживо. Она же послала к древлянам других своих послов, чтобы объявили им ее приход и приготовили по их обычаям меду и все вещи, необходимые к торжественным поминкам ее умершего мужа. Потом, когда она добралась со своими хорошо вооруженными людьми до Древлянии, нарядилась в траурное платье и отпраздновала со всевозможной торжественностью вышеозначенные поминки. И потом на том банкете (который обычно творится в таких случаях) она напоила допьяна древлян, из которых велела порубить три тысячи. Потом же, возвратившись в Киев, она собрала свое войско и, подняв его на древлян, разбила и разогнала их. И когда они заперлись в своей столице, Ольга окружила их и весь год неотступно держала в осаде. Не сумев вынудить их сдаться, она пообещала им оставить осаду сговором, чтобы горожане с каждого дома вместо дани дали ей по три голубя и по три воробья. Когда же горожане послали ей это все, приказала тотчас привязать под крылья названных голубей и воробьев некие рукотворные огни и отпустить на волю. Когда же они прилетели назад, то зажгли во многих местах городские дома. Горожане же, будучи неспособны противостоят пламени, вышли все вон из города и попали во власть Ольги, которая часть из них порубила, а часть взяла в плен. И так, разорив все древлянские земли и устроив такое жертвоприношение во отмщение смерти Игоря, вернулась она в Киев.

Вскоре после этого, во времена царя Иоанна Цимисхия, явилась она в Константинополь и там с крещением приняла имя Елена. Возвратившись же в Россию, одаренная царскими богатствами, правила она своим государством с великой мудростью и обратила их к христианской вере к радости всего света. После же ее смерти государством правил ее сын Святослав, который последовал стопам своей матери в богобоязненности и в благочестии. Ему же наследником был родной сын Владимир, который в свою очередь не последовал отцу, а ввел Киев снова в идолослужение и болванопочитание. Имена идолов были Перун с серебряной головой, Услад,

¹ Центром Древлянского княжества был город Искоростень. Ныне — Коростень, в Житомирской области (Украина).

Корса, Дазва, Стриба, Зицмерла, Махош¹, и им были сделаны деревянные статуи. Он же убил двух своих братьев Ярополка и Олега и стал самодержцем всей России. Затем Владимир тот принял послов от разных народов, чтобы каждый из них предложил приятие своей собственной веры. Не сумев выбрать из такого разнообразия, послал он известных своих послов в другие страны, чтобы понаблюдать за верой и обычаями каждого из народов воочию. Наконец, предпочтя больше всех прочую христианскую веру греческого образца и вознамерившись воспринять ее, послал он послов в Константинополь к царям Василию и Константину просить в жены цареву сестру Анну и предложить в таком случае, чтобы он обратился в веру и отдал им Корсунь и все, что он имел от греческого государства. Когда предложение его было принято, был исполнен договор о передаче Корсуни, где он и крестился, получив имя Василий. Потом он поставил в Киеве митрополита, в Новгороде — архиепископа, а в прочие города — епископов, посвященных константинопольским патриархом. Таким образом, с того времени россияне и по сей день придерживаются греческого обряда. Один историк по имени Ламберт, написавший «Историю Германии», утверждал, что шестьсот лет назад, в 960 году, послы российского народа пришли к цесарю Оттону просить, чтобы он послал им какого-нибудь епископа, который бы своим учением и проповедью распространил среди них христианское благочестие, и что вышеупомянутым цесарем был послан Адальберт, который смог от них спастись. На вопрос, истинны ли мнения и утверждения этого историка (поскольку имеются подлинныя свидетельства, что в то время Русь восприняла начертания букв, изобретенные архиепископом Кириллом, апостолом славян-моравян и учителем Адальберта, и утвержденные Римом), следует ответить так, что проповеди и послание вышеозначенного епископа принесли малые результаты, или вовсе никаких плодов, либо потому, что Русь вскоре снова обратилась в идолослужение, либо потому, что названный историк ошибся, отождествив русских и ругиан², поскольку Адальберт был действительно апостолом названной Ругии и архиепископом Магдебурга. Также возможно, что Адальберт этот, возвратившись ни с чем из Руси, утвердился потом в Ругии. Таким образом, разночтения по данному вопросу могут быть разрешены и успокоены.

Биармские же россияне, плававшие в те времена по Северному океану уже двести с небольшим лет назад, обрели в тех морях некий остров, прежде неизвестный,

¹ В перечень восточнославянских божеств, широко известный по древнерусским источникам, включен проблематичный Услад. Среди «надежных» имен Симаргл заменен на западнославянскую Зимцерлу; это обстоятельство представляет интерес, поскольку может в принципе указывать на авторское осмысление имени Симаргла (обычно соотносимого с древнеиранской мифологией), на славянский коррелят этого теонима. Нельзя в данном случае исключить и существование в прошлом какого-то, ныне неизвестного, первоисточника, на основе которого было сделано это осмысление.

² В отождествлении руссов и ругиан (с острова Ругия, Рюген). В последующие века (после Орбини) эти свидетельства и сомнения по их поводу в исторической науке трактовались в целом именно так, как у Орбини.

и теперь на нем проживает славянский народ, а сам остров осужден на вечные морозы и льды. Его называли Филоподия, или Новая Земля, и размером он превосходит даже остров Кипр¹.

Начало распространения славы славянского рода

Имя это — «славы или славяне» — не особенно древнее. Все современные историки сходятся во мнении, что Прокопий Кесарийский (который первым описал войну царя Юстиниана с готами, Гиорнанд Алан², который писал в то же время, — они

¹ Это краткое сообщение Орбини вдвойне (или втройне!) загадочно. Получается, что русские поморы, открыв в Ледовитом океане Новую Землю, обнаружили обитающий там «народ Славянской» (пусть протославянский, предславянский, с поправкой на неопределенность терминологии у Орбини, — тот гипотетический народ-предок всего древнего Норда, о котором говорилось во вступительной статье). Конечно, в письменных источниках и на старых картах средневековой Европы нередко упоминаются легендарные обитаемые земли в Ледовитом океане и на севере Атлантики. Но в данном случае не менее таинствен и тот источник, из которого Орбини пересказывает это свидетельство: книга автора по имени Карл Вагрийский, или Вагриец (Carlo Vagriese, Carlo della Wagria, в итальянском оригинале). Его книгу Орбини цитирует многократно, с указанием ее частей и глав, — однако сама книга никому не известна (насколько можно судить по сохранившимся свидетельствам). Не фигурирует Карл Вагрийский и в ватиканских «Индексах» отреченных книг, то есть отпадает гипотеза, что там было нечто еретическое и книгу уничтожили (хотя в этом случае упоминания об авторе наверняка где-нибудь обнаружались бы). Возможно лишь предположить, что Карл был малоизвестным единомышленником Орбини, который пользовался его рукописью, так никогда и не опубликованной (либо же Carlo Vagriese — это псевдоним). Современные сербские и хорватские историки смогли лишь предположить, что автор жил в Северной Германии примерно во времена Орбини. (Сава Владиславич в своем переводе опустил эту библиографическую ссылку.) Вагрия — это историческая область недалеко от Дании, часть нынешней германской федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн. В раннем Средневековье это был крайний запад региона, населенного балтийскими славянами. Причем, согласно той историографической традиции, которой следовал Орбини, отсюда происходил и князь Рюрик (в его славянстве не сомневались и многие немецкие ученые раннего Нового времени). Загадочный Карл Вагрийский оказывается его земляком; обстоятельство интересное, но оно не проясняет ни личность Карла, ни сообщаемые им удивительные сведения. Новая Земля, населенная к тому же «народом Славянским», у него названа по-гречески, Филоподией. Но филоподия (греч. φιλολοβία) в биологии — это тонкие подвижные микровыросты, напоминающие щупалец, способные втягиваться в клетку (*у амёб*). Современные энциклопедии просто не знают иного значения этого слова. Возможно, конечно, что первоначальное название арктического острова было искажено при переписке каких-то первоисточников. Но почему вообще русские (новгородские) поморы называли Новую Землю по-гречески? А если называли не они, то кто? Кроме русских, в Ледовитом океане, по современным данным, могли странствовать, пожалуй, только скандинавы и волжские булгары, конкурировавшие с Новгородом в северных промыслах. Но не греки-византийцы! Разве что это были какие-то гипотетические забытые авторы, чьи творения, может быть, хранились в Александрийской библиотеке... Все эти «остросюжетные» загадки не удалось решить и южнославянским ученым, которые десятилетиями работали в архивах, готовя академические издания книги Орбини.

² Распространенное в прошлом именование знаменитого раннесредневекового историка Иордана.

были первые, кто упомянул о славянском роде), а также Бенд, который писал за сто лет до падения римского державства, написал и о славянах. Птолемей Александрийский в своей восьмой таблице¹ располагает «суланский» народ в европейской Сарматии, граничащей с финнами, которые были со славянами одним и тем же народом. И Петр Марцелл в «Зачатии варварском», говоря об этих суланах, славянах, отмечает, что это люди, называемые нынче склавуны². Это действительно так, поскольку за прошедшее время это название в исторических описаниях сильно коверкалось. Греки и итальянцы, не понимавшие названия «славянин», или «славин», исказили его до «склавин» (то есть по-русски «невольничиха») и «склаво» (то есть по-русски «невольник»)³. Эта ошибка так и вошла последовательно в описания Прокопия Кесарийского, Гиорнанда и Бенда. Я думаю, что эту ошибку можно вменить мягкости речи итальянского народа, который избегает жесткости произношения и часто произносит, опуская букву, например вместо флато — фято, вместо плаце — пяце и так же вместо славо — сяво, вкладывая букву «ц»⁴. Так получилось, что описатели, недостаточно искусные в итальянском языке, желая писать на латыни, решили писать не «славо», а «склаво» («невольник»)⁵. Еще может статься, что

¹ Изобилующие географическими названиями и числами географических координат разделы книги Птолемея напоминают таблицы. Упоминание народа, схожего по названию с «суланами», иногда рассматривается как первое в античной литературе употребление искаженного слова «славяне» (именно данного этнонима, а не праславян как таковых, под какими-либо другими именами).

² О болгарях, гуннах и других «варварских» народах писал византийский историк Марцеллин Комит (лат. Marcellinus Comes) (умер после 534 г.).

³ Орбини излагает, в полном соответствии с выводами современной лингвистики, известный ныне факт: заимствованное византийскими греками и поздними римлянами протославянское именование славян (Σκλάβος; Σκλαβηνός; Sclavus) оказалось созвучно поздне-латинскому *sclavus*, «раб» (в раннем Средневековье, в условиях частых военных конфликтов и Великого переселения народов, славянские пленники нередко попадали в рабство). Это слово вошло и в западноевропейские языки, порождая соответствующие негативные ассоциации и толкования имени славян как этноса (причина и следствие поменялись местами). Изначальный же, собственно славянский и индоевропейский смысл этого этнонима чаще всего связывали со «славой» (корень с созвучными индоевропейскими истоками), или «словом» (то есть это люди, «говорящие понятными словами», в отличие от иноземцев). Касательно наличия звука «к» в весьма ранних формах слова, приведенных выше, существуют другие гипотезы. Общепринятой, единой трактовки нынешнего наименования славян, объясняющей сразу все известные в истории варианты, в современной науке нет, и потому старинное, озвученное в книге Орбини истолкование вполне имеет право на жизнь, хотя бы в силу его четкой простоты и всеобщности, вкупе с общеиндоевропейскими («арийскими», как говорили в позапрошлом веке) истоками грамматического корня.

⁴ Записанные латиницей, эти словоформы будут выглядеть как *Siavo* и *Sciavo*. Из других примеров этого фонетического чередования: «площадь» по-испански — plaza, по-итальянски — piazza.

⁵ Латинская буква «с» («ц», как мы ее обычно произносим сейчас) в классическом произношении читалась как «к». Нельзя не отметить, что Орбини здесь к тому же использует слово «Италийский» и в значении «древнеримский» (применительно к поздней Римской империи, воевавшей с «варварами»), и в его буквальном значении (применительно к конфликтам итальянцев и южных славян).

причиной этому неприязнь или даже большая ненависть итальянцев, в особенности от тех, которые живут у Адриатического моря, поскольку за прошедшие времена они много страдали от этого славянского народа и были чуть было не загублены. Иоанн Дубравий, славный историк, считает, что это наименование «славо» или «славянин» происходит из «слова», потому как все сарматские народы, рассеянные по многим отстоящим друг от друга странам, говорили на одном и том же языке и, таким образом, сами себе придумали это название «словины»¹. Мартин Кромер², утверждая то же самое, добавил, что эти люди, назвавшись славянами, потому что считали себя твердыми и постоянными в держании слова, данного кому-либо. И как в древние времена, так и в последнее время эти люди предпочитали перенести любые лишения и даже смерть, нежели изменить своему слову. Ведь между ними было позволено совершать отмщение тому, кто изменил своему слову или нарушил его, прилюдной пощечиной и оружием.

Но оставляя приведенные выше толкования имени славян, я утверждаю, что имя Славо произошло не откуда-нибудь, а от имени Славянин — Слава, которое приняли все люди этого рода, вышедшие из Сарматии, совершая настолько славные деяния, которыми они прославили все свои родные края. В действительное утверждение этой истины они оканчивали имена своих славнейших правителей и королей, называя имя Слава или Славянин, как, например, Станислав, Венцеслав, Владислав, Доброслав, Радослав, Болеслав и другие так составленные имена. Многие искусные историки имеют то же мнение. Иеремия Русский утверждает так в описании знаменитых боев, случившихся у российских границ в 1118 году, говоря следующее: «Славяне называются так (о чем говорится в древних изданиях наших предков) за многие явно ими одержанные победы»³. Бернارد Юстиниан, венецианский историк, как и многие другие, пишет, что славяне обрели это славное имя оружием и что на самом деле природная и наследственная слава в оружии принадлежит славянам больше, нежели другим народам мира. Ведь они ходили со своим победоносным оружием по Азии, Европе и Африке под именами вандалов, бургундцев, готов, остготов, вестготов, гепидов, арентинов, аланов, верлов или герулов, аваров, скирров, гирров, меланхленов, бастарнов, певкинов⁴, даков, шведов, норманнов, феннов или финнов, угров или ункрапов, маркоманов, квадов, фракийцев и иллирийцев, которые все были одного и того же рода славянского и того же языка. И когда они вышли из Скандинавии, их общей родины, все назывались (кроме иллирийцев и фракийцев)

¹ Иоанн Дубравий (Ян Дубравиус, или Дубравский; Jan Dubravius; 1486—1553) — чешский историк и писатель, епископ Оломоуца. Его труды по истории славян (прежде всего Богемии) Орбини высоко ценил и использовал в своих исследованиях.

² Мартин Кромер (Marcin Kromer; 1512 — 1589) — польский историк, картограф, церковный деятель.

³ Цитата из вышеупомянутых загадочных «Анналов» Иеремии Русского (в скобках — замечание Орбини).

⁴ Певкины, упоминаемые Тацитом.

только одним общим именем готы¹. От этих готов же восприяняли начало славяне-анты, скирры, авары, аланы и прочие люди родом из той же Сарматии. Готы, вандалы, вестготы, гепиды, меланклейнцы и нарентины различались только именами, во всем прочем же были сходны. Кожа у них была белого цвета, волосы желтоватые, ростом были велики, имели один и тот же закон, одну и ту же веру и один и тот же язык, называемый готским. Теперь же (поскольку вандалы являются истинными готами²) невозможно не признать, что славяне одного и того же рода с готами, так как все известные историки сходятся на том, что вандалы и славяне были одним и тем же народом³. К вандалам относились вестфалы и освалы, и назывались они не одним особым именем, но многими разными именами: вандалами, венедрами, вендами, генетами, венетами и славянами. Вандальский народ занял в Европе всю ту территорию с севера на юг, которая простирается между Германским и Средиземным морем [Медитерранским], и, хотя москвитяне, россияне, поляки, чехи, черкасы, далматы, истрийцы, карваты, бошняки, болгары, рапчане и прочие близкие народы и различались своими названиями, но все были одного и того же вандальского племени⁴ и единого общего языка. В российских летописях находятся сведения о том, что, когда у руссов начались распри из-за выбора нового князя, они послали людей в город Вагрию⁵, довольно известную в прошедших временах провинцию вандалов, стоявший поблизости от нынешнего Любека⁶, чтобы иметь какого-нибудь правителя от этого народа, во всем с ними единообразного. Народ же этот послал в Россию трех братьев одного и того же рода, знатнейших и известнейших по имени Рюрик, Сияв и Трувор. Рюрик принял в свое правление Новгород, Сияв основал свое владение в Белозерске, а Трувор стал князем городов Пскова и Сворчеха⁷. Аланы, вандалы, шведы и бургундцы же принадлежали Польскому королевству и имели

¹ По сути, здесь сформулирована северная концепция происхождения индоевропейцев (и некоторых народов уральской и алтайской языковых семей). В качестве общего их названия предлагается этноним «готы», что, несомненно, восходит к «Гетике» Иордана, писавшего о Скандинавии как о «материнском лоне народов».

² Получается, что слово «Вандалы» у Орбини синонимично и «Славянам», и вышеупомянутым изначально «Готам» древнего Севера: подтверждение правильности выбора «вандальско-вендской модели» для разгадки общего замысла книги, внешне очень путаной (в нынешнем понимании).

³ См. вступительную статью.

⁴ Необходимо отметить, что Орбини здесь может употреблять термин «вандалы» (вместо общепринятого именованья славян «вендами»), просто следуя авторитету Альберта Кранца. Как раз в этом месте итальянского оригинала Орбини напоминает, что Кранц называет славян исключительно «вандалами» в своей книге «Вандалия».

⁵ То есть ставшие позже широко распространенными представления о Рюрике-варяге — следствие метатезы, фонетически допустимой перестановки согласных в славянском этнониме «вагры» (вагры — вар(я)ги).

⁶ Вблизи Любека и Голштинии, согласно оригиналу Орбини (на западе земель балтийских славян).

⁷ В Изборске.

один и тот же польский, или славянский язык. Первые чехи берут начало от этих аланов¹.

Верлы же, или герулы², были так названы славянами, потому что название верлы на славянском языке означает свирепые, жестокие и гордые люди.

Авары, бастарны, певкины³ и финны произошли от того же славянского народа. Авары называли своего царя каганом или коганом, так же делали и славяне-болгары.

Скирры и гирры были венедами, или славянами, которые в прошедшие времена жили также и в Дакии и там назывались даками. До нашествия гуннов жили они на тех же территориях, что и римляне. Отсюда и по сей день сохраняется память тех времен в Дакии, поэтому в Молдавии и во Влахии (она же древняя Дакия) в народных письменах и в Божественных службах они употребляют славянский язык и начертания⁴. Молдаване больше сходны по языку с русскими, так же как и влахи больше походят на рашковцев.

Шведы или швевы, норманны и булгары все являются также славянскими народами, поскольку первые из них являются прародителями норманнов и булгар⁵.

Унгры или угры являются частью того же славянского народа.

Наконец, маркоманы или квады, настолько прославленные в исторических повествованиях, тоже были славянами, поскольку древнее единство наречия свидетельствует о единстве рода⁶.

Все вышеозначенные народы имели в употреблении имена, свойственные в своем значении высокопочтенным людям, такие как Видимир, Валумир, Сигимир, Феодомир, Фригимир, Свеулад или Сисвалд, Селимир, Гелмир, Радогаст, Рахимир, Раимир, Санхо, Сигизмир, Визумар, Витиз, Мизислав, Оттокар, Вигислав, Симгибан, Предемир и Обрад — все имена, свойственные славянам⁷. К их светлости и славе

¹ Примерно в этом месте итальянского оригинала (Сава Владиславич его в данном случае скорее пересказывает, чем переводит текст, опуская цитаты и перекомпоновывая фразы) Орбини публикует небольшой словарь языка вандалов, напоминая читателю перед этим, что именно вандалами именуется славян Альберт Кранц. Сава Владиславич исключил этот словарь из своего перевода-переложения. Однако, учитывая особую значимость этого лексикона для замысла книги, Орбини (недаром же он решил включить в текст именно его, а не какой-либо другой словник), мы воспроизводим его в конце нашей публикации как приложение, по итальянскому оригиналу.

² Герулы, в принятой ныне транскрипции.

³ Певкины.

⁴ В Православной церкви Молдовы и в народной традиции.

⁵ Имеются в виду болгары — южные славяне.

⁶ То есть этническое единство основано на древней языковой общности: предельно четкая формулировка этногенетической концепции Орбини, объясняющая столь широкое употребление им термина «народ Славянской».

⁷ Некоторые из этих имен этимологизируются на германской основе, но в свете только что высказанных мыслей Орбини тут нет противоречия (в рамках его системы этнической идентификации).

еще можно добавить, что не только мужчины, но и женщины обессмертили свое имя оружием, подобно амазонкам, женам бывших сарматских славян.

О славянах-готах

В древнейшие времена, до того как прославился римский народ, не было у готских славян неприятелей извне, с которыми они могли бы сражаться. Они воевали между собой, и, выйдя из своей родной Скандинавии, они бились с ульмеругами, изгнав их с подвластных им территорий, которыми завладели сами под управлением царя Бериха; они под предводительством царя Филिमора двинулись в Скифию, называвшуюся Овин, и были остановлены народом спальским. Одолев же их, готы разделились¹.

Разделение славян-готов

Одна часть готов покорила себе Египет, другая же, под предводительством короля Амала, пошла к востоку. Прочие же под управлением Валта обратились к западу.

Те, кто пошел к востоку, завладели Скифией, изгнав скифов, и поставили в той стране других королей. Король же их Везоз, иными называемый Везор, пошел войной на египетского царя Беторика и победил его. Его наследницей стала царица Томира, которая много раз выступала войной на персидского царя Ксеркса. Македонский царь Филипп же взял в жены дочь скифского царя Готилу. Александр, сын Филиппа, нападал на них, но, испытав их силу, заключил с ними мир, хотя и Курций, восхваляя Александра, описывает события несколько иначе². Дарий же, воцарившийся над персами, взял в жены дочь скифского царя Антрирегира, и до этого момента готы именовались скифами³, не потому, что они якобы берут начало от скифов, как считают некоторые итальянцы, но поскольку они, прогнав скифов, завладели их державой.

Другая их часть, которая пошла на запад и разорила Грецию, перешла в Азию и оказала помощь троянцам. Царями у тех были Еврипил и Телеф, которого убила Кассандра и которого Ахилл лишил оружия. Во времена цесаря Августа процветал между нарентан царь Беробита, и в это же время Элий Катон привел с другого берега Дуная 50 тысяч нарентан, чтобы поселить их во Фракии. Царь же, обучая их телесно, трезвостью и законами, так ими правил, что, получив пространное державство, покорила себе многие соседние народы и, с великой смелостью переправившись через

¹ Канва этих сведений соответствует «Гетике» Иордана.

² Квинт Курций Руф — римский историк I в., автор «Истории Александра Македонского».

³ Еще один универсальный и неопределенный этноним древности (скифы) здесь поставлен в соответствие с «народом Славянским» (через посредство «Готов»). Впрочем, и многие современные академические историки называют «скифов-пахарей» Северного Причерноморья в числе предков славян (прежде всего восточных).

Дунай, разорил Фракию, Македонию и Иллирию, навел великий страх на римлян, бесчисленно разворовал соседних галлов, фракийцев и иллирийцев, разорил бойев¹, подвластных Критазию, и таврисков. Это побудило Августа послать против него войско в пятьдесят тысяч воинов. Почти в то же время жил готский король Дромахет, который сражался на Дунае с Лисимахом, пленил его, после чего с большим дружеским почтением отпустил обратно. В память о той победе над Лисимахом во Фракии, подданной царю Дромахету, был построен город, названный Лисимахия. Было время, когда эти готы успешно воевали с македонцами и посекали на части тридцатитысячное войско Соприона, наместника Александра Великого. Незадолго до того они победили царя Филиппа. А Александр не стал гневаться и заключил с ними мир. Потом их одолел римский военачальник Лукулл. Они же намеревались было перейти за Дунай, но этому воспрепятствовал Агриппа. Во времена Августа они разорили все окрестные области, принадлежавшие Римскому державству. Во времена Диоклетиана они также многих людей перебили по всему державству. Но нет необходимости описывать их особенности, поскольку они уже описаны в трактате Тацита «История Древнего Рима».

Третья часть готов, которая до тех времен оставалась на острове ульмеруго², объединившись с прочими готами, завладела Паннонией. Ситалк же, их князь, пошел войной на афинян, во время которой, почувствовав на себе мощь римлян, заключил с ними мир. Так они и пребывали в мире до времен цесаря Домициана, который был первым, кто отворил храм Януса³. Тогда готы разбили римские войска, предводительствуемые Помпеем и Сабиним Агриппой, и, убив Помпея, забрали голову от его трупа. После этой знаменитой победы готы разделились на две части. Одна из них завладела Мёзией и Фракией. От их рода по отцовской линии имел происхождение цесарь Максимин. Другая же часть подняла оружие против римского цесаря Филиппа, поскольку те отказались ему платить дань. Сенатор Декий и его сын пали в том бою с тридцатью тысячами воинов. В память о той баталии и в честь Декия на месте сражения поставили жертвенник. Готы овладели Мизией, потом, во времена Гордиана, опустошили Азию, Понт, Македонию и Грецию. В одном бою Макрин, сын цесаря, был убит. При царствовании Постума⁴, наследника Галлиена, готы завладели Фракией, разграбили Македонию, разорили Фессалию и, добравшись до Азии, разрушили храм богини Дианы⁵ в Ефесе. От их набегов пострадал

¹ Кельтский народ Центральной Европы, сыгравший важную роль в этногенезе некоторых германских и славянских народов и этнических групп.

² Ульмеруги, обитатели островов (или острова) на Балтике, были, согласно Иордану, разбиты готами при их исходе из Скандинавии. Не исключена причастность ульмеругов к этногенезу славян-ругиан (остров Рюген).

³ В Древнем Риме под арками храма Януса проходили воины, отправлявшиеся на битву. По окончании войны храм вновь запирали.

⁴ Постум — один из римских полководцев, которые захватили власть при Галлиене (257 г. н.э.). Постум был правителем так называемой Галло-Римской империи.

⁵ Храм Артемиды Эфесской.

город Византий. Они незаметно вошли с кораблями в устье Дуная и разграбили тамошних жителей. Несколько обуздали их византийские старейшины Клеокан и Афиней, а Венериан пал от их рук. Напали на Кизикену и овладели Малой Азией¹ со всей Грецией. Гунтерих и Аргаих, цари готские², были главными врагами цесаря Диоклетиана, которому нанесли величайшее поражение, взяв лагерь римского войска, и также взяли мёзийский город Марцианополь. Волузиану удалось заключить мир с готами. Во времена же его преемника Галлиена готы под предводительством трех своих полководцев — Вендикона, Турона и Варона — напали на Азию³, Геллеспонт, Эфес, Вифинию и Халкидонию, разрушили город Анхиал в Гемских горах⁴, разорили Ахайю, Фракию, Македонию и Фессалию вместе с городом Византием, причем так, что в Византии никто не избежал своей участи, если только он по случаю не обрелся вне дома. Затем цесарь Максимин вознамерился утвердить мир с готами и был первым, кто стал платить им жалованье. В то время готский царь Гиберик покорил под иго скифов, твидов, бубенгетов, васмабронтов и кадов.

Когда же римлянами царствовал Клавдий, пошел он собственной персоной на готов, которые были намерены разрушить Римское державство, но, вступив с ним в бой, пали — триста двадцать тысяч готов и две тысячи кораблей были потоплены в море. Этот бой произошел близ Мартинополя в окрестностях Византия⁵. По случаю этой победы римский Сенат постановил, чтобы в честь Клавдия напечатали золотую монету в Сенате и статую из золота поставили перед воротами Капитолия. Заключив мир с римлянами, готы пребывали в тишине шестьдесят лет до времен Валента, который, заключив с ними союз, впустил их на земли Фракии, позволив иметь свое оружие. Тогда готы разделились на остготов и вестготов, то есть верхних и нижних. Те, кто располагался восточнее, назвали себя остготами, а те, кто западнее — вестготами. И впали все готы в междоусобную брань. Фридигерн, царь вестготов, пришел к Валенту за помощью против Атталариха, царя остготов, а Валент разбил их близ Фракии. Разгневавшись за это на Валента, они все приняли арианство⁶. Потом же, когда готов прогнали гунны, пришли они снова к Валенту просить Мёзию и Дакию в жительство. Царь же, боясь, как бы те впредь не совершили нападение на Римское державство, против своей воли уступил им Фракию и дал двух своих военачальников: Лупидина и Максима, чтобы заполучить под их предводительством другие, лучшие территории. Но то ли из-за небольшого толку от этих двух военачальников, то ли из-за того, что Лупидин покусился отравить вестгот-

¹ Разумеется, речь идет о Малой Азии.

² Корень *gich* («царь, король, вождь») в именах правителей «варваров», воевавших с Римом, восходя к общендоевропейским корням, имеет восточногерманскую форму.

³ Разумеется, Малую Азию.

⁴ На Балканах.

⁵ Орбини постоянно называет город Византий (впоследствии, со времен Константина Великого — Константинополь) Византией, что иногда затемняет смысл фраз.

⁶ Среди восточных германцев (в частности, североафриканских вандалов) арианство было широко распространено, независимо от этих конкретных обстоятельств. Надо полагать, это направление в раннем христианстве бытовало и среди союзных им этнических групп.

ского царя Фридигерна, тот поднял оружие на Валента и в двух боях — первом близ пролива Босфора и втором близ Адрианополя — разбил римлян. Поскольку царь Валент был ранен стрелой в последнем бою, его принесли в хижину, которую случилось поджечь неприятелям, и там Валент сгорел. Такой конец за несколько лет был ему предречен одним монархом, который уговаривал его заключить мир с вестготами. Когда Валента постигла кончина, вестготы осадили Константинополь. По счастливому стечению обстоятельств этому царственному дому сопереживала царица, вдова Валента, которая большим благодеянием победила свирепство осаждавших тем, что посылала теплые вещи из города в осажденный город и этой помощью горожанам в значительной степени содействовала тому, что готы оставили осаду и обратились против Мёзии и Фракии¹. Валентиниан, наследник Валента², пребывал в таком почтении у готского царя Атталариха, что во времена царствования его наследника Феодосия³ этот свирепый народ не причинял вреда их державству. Более того, после смерти Атталариха они в течение двадцати пяти лет не избирали никого другого, довольствуясь жизнью под законом Феодосия. Потом, когда готы вышли из Фракии, поставили они царем Алариха из рода балтов (*della famiglia de Balthi*), который имел в подчинении грознейшего в те времена варвара Радагаста. С войском в 200 тысяч они разорили Фракию, Паннонию, Иллирию и Норик на подступах к Италии. Но Радагаст (в сражении, произошедшем в горах Фиезулы) попал в плен к римлянам, приняв от них достойную казнь.

Между тем Аларих вошел в Испанию, овладел этим царством и, пробив там тринадцать лет, возвратился вновь в Италию, где покорил всех огнем и мечом. Затем он обратился на земли франков, но был изгнан из этого королевства оружием. Тогда он снова возвратился в Испанию и там утвердил державство вестготов (до прихода Аттилы в Италию), которые потом всегда пребывали в мире с франками.

Остготы же претерпели жестокие войны и гонение от гуннов. Наконец, когда фортуна повернулась лицом к остготам против сынов Аттилы, гунны были в значительной мере изгнаны ими из Паннонии и Мёзии, а остготы разорили Иллирию, охватив владения, ранее завоеванные царем Львом на определенных условиях, оставив им в заложниках Теодориха, который потом стал царем Италии. В это время город Рим оказался раздираем многими цесарями или государями, которые свергали друг друга и из которых царствовал или тиранствовал Августул. Оттокар, король славянуругиан⁴, мощью оружия овладел италийским царством, разорил Тревизо, Виченцу

¹ Войны с готами датируются 367—369 и 376—382 гг. Император Валент погиб в 378 г.

² Валентиниан был старшим братом и соправителем Валента и умер тремя годами раньше последнего.

³ Феодосий I Великий был преемником Валента.

⁴ В настоящее время преобладает точка зрения, что первоначальные, балтийские, ругии были германцами; после их ухода на юг в эпоху Великого переселения народов на их земли пришли балтийские славяне, унаследовавшие и название ругиев. Впрочем, этническая принадлежность изначальных ругиев, известных еще поздней Античности, остается дискуссионной.

и Брешию, взял Падую. Орест и Августул пали в последующих боях. Рим же спустя два года был, можно сказать, лишен двенадцати цесарей, большая часть которых были убиты. Этот главенствующий город в мире ни от одного народа не терпел настолько величайшее поражение, как от славянского народа. Таким образом, римское державство в Италии угасло. Славянский же этот народ был первым среди прочих, кто владел этим государством. Если что в Италии и осталось от римского державства, все выместил собой славянский народ. Никакая слава Кира¹, который покорил себе Халдею, ни Александра Великого, который покорил себе персидское державство, ни даже римлян, которые уничтожили греческую монархию, не может приуменьшить славу славян, которые положили конец гордому прекословию последних².

Оттокар же, иными называемый Одоакр, был славянин-ругианин³, человек высокого роста, который владел Италийским царством пятнадцать лет. Когда он шел со своим войском на Рим, весь город устрашился и вышел навстречу ему, творя больше почести славянину, нежели подобает смертному человеку, приветствуя его как короля римлян. Позавидовали остготы и царь Восточной Римской империи Флавий Зенон державству Оттокара в Италии и послали своего царя Теодориха на бой; он пошел с сильнейшим остготским войском на Оттокара в Италию. Произошло же сражение на реке По, и после трех жесточайших битв вышел Теодорих победителем, а Оттокар бежал в город Равенну. Там он, пробыв в осаде три года без перерыва, согласился на мирный договор. Теодорих же, нарушив этот договор, приказал умертвить его и овладел Италийским царством, которое от владения одного славянина-ругианина перешло в другое — славянина-остгота. Сопутствовала этому большая перемена фортуны, поскольку Теодорих избавил Италию от многих разорений и восстановил былую красоту города Рима, движимый намерением сделать его более покорным своей власти. И в течение тридцати шести лет, которые он спокойно пробыл на престоле, ни Рим, ни вся Италия не желали большего благопо-

¹ Персидского царя Кира (VI в. до н.э.), победившего, в частности, вавилонян («халдеев», как их часто называли).

² Считаю необходимым отметить, что, согласно Орбини, об этом упоминается не только у Прокопия, но и у Аблавия (Ablavius, Ablabius), первого известного современной науке историка готов. Считается, что труд Аблавия не сохранился даже во фрагментах, только в упоминаниях у Иордана и Кассиодора, которые высоко ценили исследование Аблавия. Книга Орбини при этом не принимается во внимание как источник второстепенный и в известной мере литературный, а не исторический. Однако, учитывая солидную библиографическую проработку источников (в том числе ныне неизвестных), произведенную Орбини, нельзя не отметить, что любые упоминания Аблавия в данной книге (разумеется, в итальянском оригинале, а не в сокращенном изложении) могут стать предметом серьезного исследования. Естественно, в данном случае готский автор Аблавий употребляет этноним «готы», а не «славяне» (это уже отождествление Орбини).

³ В современной науке обычно разграничивают этнос под названием «руги», участвовавший в битвах эпохи Великого переселения народов, и славянское население Ругии (Рюгена); либо же считают древних германцев-ругов предшественниками славян на Рюгене. Последняя точка зрения была преобладающей в первой половине XX в.

лучия и не вспоминали времена Октавиана Августа, или Траяна, или Адриана, или какого бы то ни было лучшего государя. Когда же умер Теодорих, его наследник оказался малодушным и недальновидным. Царь Юстиниан, увидев, что время удобно для отвоевания Италии¹, и, надеясь на храбрость Велисария, победителя и изгнателя вандалов из Африки, послал этого своего военачальника в Италию с сильным войском. Тот был первым, кто изгнал остготов из Сицилии. Прогнав же Теодата, короля их, он освободил Неаполь, после чего сразился с остготами близ Рима, где все избранные римские солдаты пали, а прочие спаслись бегством, будучи гонимы остготами, до ворот Пинчиарии. Остатки же войска, разбитого Юстинианом, отступили в город Рим, который осадили победители. В следующем бою пало около 200 тысяч римлян, а в третьем погибли уже все сильнейшие римские солдаты. Те же, кто оставался в осаде, моримые голодом, отправили женщин, детей, стариков и прочих небоеспособных в Неаполь². А остготы, оставив осаду, сожгли города Комо и Римини, взяли Милан и, разрушив его до основания, посыпали его пепелище солью. Потом под управлением своего короля Тотилы они взяли с боем Равенну, Чезену и Петру и овладели почти всей Италией. Потом они вновь осадили Рим, изморив его голодом до такой степени, что люди ели коренья, мышей и бесполезных домашних животных, от чего померли многие тысячи граждан. В то время Тотила, найдя путь через стены, вошел в ночное время в Рим, погубил всех огнем и мечом и весьма опустошил его и разрушил. Выйдя же вон оттуда, он оставил город значительно опустошенным. 22 000 греков, которые были посланы для защиты Италии, были порублены на части вместе с прочими горожанами. Устроив это злодейское разорение, Тотила позднее одолел Луккези, Абрुццо и крепость Рустикан, Перуджу, остров Кипр и Акарнанию.

Велисарий же, пользуясь отсутствием Тотилы, приложил усилия к восстановлению и укреплению Рима, но Тотила вернулся из акарнанского похода, осадил того, взял и разорил вдвойне, сделавшись властителем всей Италии, кроме Равенны. На него напал Нарсет, военачальник Юстиниана, посланный туда со всеми силами его державства и с подкреплением в виде пяти тысяч лангобардов, трех тысяч верлов или герулов и четырех тысяч гепидов. Через два дня началось сражение, которое долго не прекращалось, и остготы, видя, наконец, что никакой пользы они не получают, кроме непрерывных сражений с римлянами, отреклись от владения Италией с возможностью вывоза всего своего имущества туда, куда им будет угодно. И так отошли они из Италии, не побежденные ни греками, ни римлянами, но воинами славянского же народа, вступившего в союз с греками и римлянами. А отойдя из Италии, часть остготов примкнула к бургундам и к франкам, часть — к другим народам, и еще часть возвратилась с миром в государство итальянцев, которые называли готов и прочих славян варварами. Следовало бы им учитывать, что они сами

¹ Это уже эпоха разделенной Римской империи (на Восточную и Западную).

² Итальянские топонимы здесь оставляем в транскрипции, современной Орбини, чтобы избежать дополнительных и второстепенных в данном случае пояснений.

и являются теми самыми остатками варваров, а именно готов, вандалов, верлов и прочих славян.

Вестготы изгнали вандалов из Испании и завладели их королевством. А их короли и до недавних времен наследственно владели этим королевством, оставив Галлию французам. Однако они много раз владели и Галлией, дважды Паннонией, трижды Мёзией, семь раз Фракией, наконец, всем Востоком¹, чего не удавалось ни Александру Великому, ни Киру, ни Ганнибалу, ни Цезарю, ни другим завоевателям.

О вандалах, славянском народе²

Вандалы, выйдя из Скандинавии, пробыли в пути целый год, пока не добрались до реки, ныне называемой Вислой, которой дали имя Вандал в память о своей королеве, которую звали Ванда и которая, когда они одержали знаменитую победу над неприятелем, добровольно бросилась в ту реку. Другие же историки утверждают, что эти люди получили название вандалов от их короля Ванда, который после прихода их на Вислу весьма удовлетворительно правил ими сорок лет³. Эти вандалы всегда были прославлены своим оружием и воевали с Александром Великим во всех его походах. Когда же он умер, они возвратились в свою страну, которую вслед за ними захватили саксы. Во времена цесаря Августа они с войском в 30 000 человек завладели восточным берегом реки Рейн. Оттуда они впоследствии были изгнаны Друзом и Тиберием в свои обиталища — в окрестности гор Карпатских, к сарматским, или польским границам, откуда они до этого переселились к Балтийскому морю⁴. Сначала они пошли войной на датчан и саксов, а затем объединились с маркоманами и людьми того же славянского народа, на цесаря Марка Антония. В 183 году от Рождества Христова они напали на всю Германию, оттеснив большую часть местных жителей в довольно укромные места, и овладели одним берегом реки Везер. Тысяча пятьсот из них, проплыв по реке Везер, вошли во Фризию и остановились на восточном берегу реки Эмс. Но, когда на них напал Тит Бойокал, брат фризского князя Адебальда, то одолел их и прогнал с Эмса. Бились они и с вестго-

¹ Разумеется, такое утверждение выглядит крайне неопределенно.

² При всей неоднозначности и дискуссионности данного этнонима, он играет особую роль в метаисторической концепции Орбини. Подробно этот вопрос рассматривается в статье-комментарии.

³ О нордическом исходе именно вандалов (или этноса, чье название было схоже с этим латинизированным словом), о возможных следах такого исхода в географических названиях Древней Европы см. статью-комментарий. Именование Вислы Вандалом (Vandalus) зафиксировано в старых польских хрониках (непосредственно в регионе, где течет Висла). Хорошо знакомы этим хроникам и польскому фольклору также легенды о королеве Ванде (в различных вариантах). Король по имени Vandalus упоминается в ранних генеалогических источниках Германии.

⁴ Получается, что у Орбини здесь соединяются два варианта происхождения «Вандалов, народа Славянского»: их нордический, скандинавский исход и расселение из Карпатского региона на север, к Балтике. Второй вариант согласуется с общепринятыми современными теориями славянского этногенеза.

тами, но поскольку были побеждены и изгнаны с Дуная, захватили Паннонию, которой владели 40 лет. В 382 году пришли в Италию под предводительством их короля Многасилы (некоторыми историками, не знающими вандалского или славянского языка, названного Модигисилом или Модидиском). В 415 году пошли на франков со своим полководцем Гроском, разбивая и сжигая все государство. Но когда туда подоспели вестготы, которые были сильнее их, вандалы уступили им страну и сошли по Пиренейским горам в Испанию, где овладели одной из лучших провинций и назвали ее своим именем Вандалусия, ныне же с отсечением первой буквы называемой Андалусия. Когда же часть из них напала на Венецию и Истрию, их разбили цесари Василиск и Рихимер¹. 30 лет владели Вифинией. Были позваны в Африку отступником Римской державы комитом Бонифацием с обещанием превеликих почестей. Пересекли Гибралтарский пролив и, не сдержав слово, данное вышеозначенному комиту, завладели превеликими городами под названием Боналика, Сала, Таманазида, Баназой и Тингенди². Наконец царь Валентиниан добился их ухода из Африки на определенных условиях. Когда же Валентиниан умер, они снова возвратились в Африку под управлением короля Гензериха и взяли войной Карфаген, то славное государство, которое устроило столько нападений на Римскую республику и которое до того времени пребывало 530 лет под властью Римского державства. Одержав ту превеликую победу, дошел Гензерих до островов Сардинии, Сицилии, Корсики, Эбузум, иначе именуемого Питуза, или Ивика, и овладел ими, а заодно Майоркой и Миноркой (из названных он уступил Сицилию итальянскому королю Оттокару, за которую он обязался платить каждый год некоторую дань Гензериху). Гензерих же прошел в Шотландию и Британию и держал их в своих владениях до тех пор, пока не привлек внимание могущественного и жесточайшего Атиллы. Когда же Максим тирански овладел римским державством, то взял насильно в жены вдову Валентиниана Евдосию. Она же, чтобы избавиться от этого тирана, тайно отправив послов, призвала Гензериха, прославившегося столькими победами, в Италию на осаду Рима, чтобы он освободил ее от ненавистного супружества. Тот вошел с большим и мощным войском в Италию и взял Рим, где провел четырнадцать дней в необузданных злодействах, но оставил их, увидев смирение и покорность папы Льва. В 457 году он вышел из Рима, взяв себе в плен Евдосию и Платидию со многими людьми. Гилимир³ был последним вандалским королем. В Африке

¹ Правитель франков Рихимер I царствовал в 87—111 гг.

² Это уже история не балтийских, северных вандалов, которых немецкие историки раннего Нового времени уверенно соотносили со славянами, а история вандалских королевств Северной Африки, возглавлявшихся восточногерманскими правителями.

³ Принятая сейчас транскрипция имени последнего вандалского короля Северной Африки — Гелимер (Gelimer; Geilamīr в надписи на монете времен его правления). Его имя, в ряду восточногерманских имен этой вандалской династии, в принципе может быть фонетически правдоподобно этимологизировано по-славянски: как латинизированное «Велимир». Он был разгромлен и в 534 г. пленен Велисарием, полководцем византийского императора Юстиниана I.

Гилимир был внезапно встречен Велисарием, но сражался с ним настолько храбро, что если бы у него было достаточно фортуны в этом бою, то несомненно прогнал бы и на этот раз всегда гонимых из Африки греков, хотя Велисарий, генерал царя Юстиниана, привел с собой лучшее войско державства. Но Гилимир, замешкавшись или не рассчитав время, дал время Велисарии собраться с силой, и в третьем бою, который провели оба войска, был убит брат Гилимира с большей частью вандалов, а сам Гилимир был пленен Велисарием, который триумфально привел его в Константинополь, где тот предстал перед царем Юстинианом и не потерялся, но с такой уверенностью и твердостью завел разговор с царем о непостоянстве фортуны с соразмерностью прошедшего своего бытия настоящему бытию, что царь, умилившись словами Гилимира и, более того, от великости и твердости его сердца, не только даровал ему свободу, но также и изряднейшие земли у франков, которыми он владел до конца жизни. С его смертью же окончилась память и слава вандалского народа, кроме как в Вандалузском, или Андалузском государстве, жители которого не переходили в Африку и царствовали два столетия. Природная их лютость побудила Римскую Церковь дополнить свои молитвы словами «от вандалов избави нас, Господи». Вандалы же были растлены через готов ересью Ария. Когда же они еще были безбожниками¹, среди их обычаев имелся и такой: они посылали одного посла к тем, с кем намеревались заключить перемирие или мир, и посол тот, взяв в руки камень, бросал его в воду, говоря: «Пусть же случится это с тем, кто из нас первый нарушит клятву», от которой сами злочестивые вандалы никогда не отступали, хотя в действительности однажды отступили, обратившись в арианство. Родом из этих вандалов был тот известный Стиликон, приятель римскому царю Феодосию, который, умирая, не усомнился верить ему на сохранение своего сына Гонория. Ему же он без раздумий отдал в жены свою дочь в воздаяние его изрядным делам. От вандалов происходят нынешние бургунды, поскольку во времена царя Валентиниана бургунды вышли с севера, с земли народа винделиков и, перейдя реку Родан², остановились и обрели на этой территории спокойное жительство, назвав эту страну по своему имени Бургундией.

О верлах, или герулах, народе славянском

Верлы, неправильно называемые герулами, или эркулами (Erculi), славянский народ, исшедший из Скандинавии, пришел к Болоту Забакка³ и овладел всеми судами, которые они нашли у тех берегов, из которых они собрали мощный корабель-

¹ То есть до принятия христианства.

² Лат. Rhodanus (ныне Rhone, Рона), река в Юго-Восточной Галлии.

³ Palus Zabacca — это Меотида, Азовское море (именовавшееся римлянами в Античную эпоху Болотом Меотийским, Palus Maeotis). Palus Zabacca его называли некоторые авторы эпохи Орбини. Этот исторический эпизод эпохи Великого переселения народов в целом соответствует общепринятой ныне географической идентификации герулов как германского этноса. Возможно, речь идет о союзе различных племен.

ный флот, переплыли Большое море¹ и взяли город Византий, позже получивший название Константинополь. Оттуда они перешли в Азию, порубили и пожгли несколько римских провинций и разрушили во Фригии Илион, Троянскую крепость, которая до того момента еще стояла. И, вдоволь награбившись, переправились обратно через Большое море, утвердив свое жительство в окрестностях Дуная. Это произошло уже при царствовании Валериана. Чтобы показать, насколько они ни во что не ставили своих неприятелей, они гордо и люто сражались нагими, покрыв только срамные места. Они думали, что никакой народ не может сравниться с ними в воинских делах. Сначала они завладели Либурнией, потом, во времена царя Анастасия, — Далматией, нанесли большой урон римлянам в Паннонии, одолели лангобардов и всех прочих соседей, поскольку не находилось того, кто бы им воспротивился. Прекратив же воевать, они отдыхали целых три года, что стало причиной их гибели, поскольку, погубляя в праздности воинское обучение и ни во что, по своему обыкновению, не ставя силы своих неприятелей, были внезапно окружены, атакованы и разбиты лангобардами².

Видомар или Видимир Второй, царь верлов, у границ Далматии устраивал мучения святому Максиму и другим христианам. Наследник же его Сукулад, иными именуемый Синдувальд, помог Нарсесу против готов и весьма прославился геройскими подвигами. Жены их ходили с мужьями на военные сражения против неприятелей. Когда верлы один раз были одолены римлянами, женщины те стали их поносить за малодушие, поскольку позволили победить себя народу, ростом меньшему, чем они были сами. До их обращения в Христову веру поклонялись многим богам и имели многих жрецов, охраняя многочисленные законы и разнообразные церемонии от других язычников славянского народа. Среди прочих был такой обычай: когда один из них становился немощным по старости или если искусные во врачебной хитрости люди отчаивались излечить больного, они клали в костер дрова и посылали одного из верлов убить его. После этого родственники убитого сжигали труп на костре, и жена убитого вешалась на виселице над муж-

¹ Черное море.

² Речь идет о герулах (эпохи Великого переселения народов), воевавших на юге (подобно вандалам Испании и Северной Африки) с греко-римским миром и «варварскими» народами. Однако в Средние века на Севере, в землях балтийских славян-ободритов, в районе Мекленбурга, существовал город Верле (Werle), столица земельного владения, которое, согласно ранним немецким генеалогическим источникам и историческим трудам мекленбургских авторов, управлялось славянскими князьями. Когда их род пресекся, в 1235 г. здесь был основан уже немецкий феодал, сохранивший прежнее название, Верле. Не предавалась забвению и память о славянских князьях города, хотя, насколько можно судить по первоисточникам, славянский язык здесь примерно за два столетия сменился немецким. Этимология слова «герулы» (верлы, герулы) неоднозначна. Это слово лингвистически надежно соотносится с германским титулом «ярл, эрл». Существует мнение, что этот термин — скорее не этноним, а название воинской элиты. См. работу известного современного германиста, доктора филологических наук Натальи Александровны Ганиной «Герулы как воинская элита: к определению и этимологии термина» (Материалы XIX Чтений памяти В.Т. Пашуто. — М., 2007. — С. 41—45).

ним прахом. Если же какая-либо женщина не желала последовать этому, считали ее бесчестной. Христианскую же веру они приняли при их царе по имени Грате, который пришел в Константинополь к царю Юстиниану и там со всеми своими людьми принял Святое Крещение.

Об аварах, славянском народе¹

Они восприняли свое происхождение от гепидов², многократно поднимали оружие на римлян, более всего при державстве царя Маврикия, который, чтобы избежать их нападений, давал им годовую дань в 80 тысяч золотых дукатов. В 577 году же они послали послов к царю Маврикию, чтобы к означенной дани добавить еще 20 тысяч. Некоторое время спустя послал их царь-каган, чтобы увеличить дань еще на 100 тысяч золотых дукатов. Когда же ему было в том отказано, он разрушил город Сигидон и завладел многими другими иллирийскими городами. Царь вынужден был снова примириться с ним через патриция Эпидия и Комментиола, которые исходатайствовали мир с каганом. Но скоро он нарушил этот мир, вооружил своих людей против Фракии и разорил ее, дойдя до «Длинных стен»³, где авары вступили в бой с маврикиевым военачальником Комментиолом, который, вопреки всем ожиданиям, победил их, разбил и прогнал на семнадцатом году правления Маврикия. Каган же, оправившись от разгрома, пошел со своими людьми на Далматию, где, дойдя до Балки (Balca), разорил сорок соседних городов. Эти авары жили в Нижней Паннонии. Оттуда они потом сошли в Баварию и были в большой дружбе с далматами, оказывая им частую помощь в войнах против саксов, которыми правил Генрик, сын Оттона. Но однажды захотели авары пойти войной против саксов и, проходя через Далматию, попросили у далматов какой-нибудь помощи. Те же, забыв свои благодеяния, совершенные в прошедшем времени, дали им вместо помощи одну очень жирную собаку. Авары притворились несколько не обиженными этим и посмеялись над неблагодарными далматами, которым не время было тогда мстить; отложив это до более благополучных времен.

¹ В современной науке преобладает мнение об аварах как о преимущественно древнетюркском племенном союзе. Авары, как известно, неоднократно вступали в военные конфликты со славянами, однако иногда их связывали и союзнические отношения, что могло послужить основой для путаницы в их именовании в западноевропейских источниках.

² Гепиды, по средневековым источникам, числятся среди «готских племен» (восточногерманских, в современной исторической науке; об этом свидетельствуют сохранившиеся имена королей гепидов). Авары и лангобарды в 567 г. разгромили гепидов в Дакии. Авары тракуются как тюркский (или монгольский, или ираноязычный) племенной союз; возможно, с участием угров. Они часто воевали со славянами; впрочем, признается и их роль в этногенезе южных славян.

³ «Длинные стены» — античный по происхождению вид фортификационных сооружений, защищавших стенами путь от города, находящегося в удалении от моря, к его порту.

О славянах-аланах¹

Этот народ, выйдя из Скандинавии, общей прародины всех славян, разделился на две части. Одна часть пошла в Азию и поселилась близ Засеверных гор; эти люди ныне называются татарами. Другие же, объединившись с вандалами и бургундами, изгнали франков и назвали себя скифами, которых иные историки именуют даками. Но лучше было им называться готами, поскольку они были одного с ними языка. Соседничали с амазонками и рассеялись по разным людям и народам, распространившись даже до реки Ганг, которая разделяет Индию и впадает в Южное море². Они не строили ни кибиток, ни домов и не вспахивали землю, но питались в основном мясом и молоком, всегда живя в телегах, покрытых корой деревьев, и возили их с собой по просторным степям. Когда же они доходили до пастбища, расставлялись в круг и ели на этих телегах. На них же, съев пищу, двигались дальше. Там же сходились мужья с женами, вопитывались дети. Всякая страна, в которую они приезжали, казалась им своей. У них было в изобилии коней, скота и стад, которые они гнали перед собой. Поскольку поля тех краев, где они обитали и ходили, были всегда травянистыми и полными плодов, они никогда не страдали недостатком травы для скота или яблок для людей. Все, от кого не было пользы, держались вокруг телег, ничему не обучаясь, но выполняя посильную работу.

Молодые люди обучались ездить на конях, поскольку ходить пешком считалось унижением. Все были искусными военными, высоки ростом, весьма пригожи лицом

¹ Вопрос о тех аланах, которые упоминаются в позднесантичных и раннесредневековых источниках, достаточно сложен. Сам этноним «аланы» выводят их *агуала, «ариец» (разумеется, в древнем индоиранском значении, а не в позднем, расологическом, свойственном XIX в. и не в общем индоевропейском контексте, характерном для этого термина в XIX в.). Естественно, среди них были ираноязычные предки современного народа осетины-аланы а также другие народы, вступавшие с ними в союзнические отношения; в том числе пра-славяне; упомянем так и не решенную до конца проблему народа роксолан и их связей с предками как осетин, так и славян). Прежде всего это относится к упоминаниям, связанным с южноевропейскими регионами, близкими Северному Кавказу. Однако иногда аланы (или алауны), либо другие подобные варианты) фигурируют в этимологических и топонимических истолкованиях, а также в исторических описаниях событий и местностей более северных регионов, — и на территории будущей Древней Руси, и западнее. По-видимому, Alani латинских источников на Западе могли указывать, по созвучию, на различные этнолингвистические (топонимические и т.д.) реалии. Собственно говоря, именно такие веки обозначает и Орбини в своей главе об аланах.

² Суммируя все эти сведения и неоднозначные, по-разному толковавшиеся названия народов, можно сделать вывод, что для Орбини аланы были не только исторически конкретными ираноязычными предками современного осетинского народа. Скорее, это общее именование всех индоевропейцев, включая народы ведической Индии (и даже название далеких предков некоторых народов алтайской языковой семьи, оказывающихся, таким образом, в генетическом родстве с «родом Славянским», в глобальной трактовке Орбини). При этом ориентируется северная, «скандинавско-нордическая» модель их происхождения. Быт их Орбини ниже описывает как чисто кочевнический, в несколько утрированном и стереотипном восприятии носителя городской европейской культуры.

со среднерусыми волосами и приятными, грозными и очень быстрыми глазами. Они были равны гуннам во всяком деле, но были немного более прихотливыми и цивилизованными в еде и одежде. Ходили охотиться на Меотское море, до залива Киммерийского, до Армении и до Мидии. Были любителями военного дела и всяческих опасностей, не любили праздность и покой и считали благополучной кончиной смерть в бою. Тех, кто умирал от старости, считали за глухих и бездельных. Тот, кто бывал убит на войне, обретал славу. Вместо того чтобы брать в плен, отрезали головы побежденным неприятелям и сдирали с них кожу, возлагая кожи на своих боевых коней в честь большой победы, и с этими нарядами водили их на бой. Не имели ни церкви, ни храма, ни служителей, ни собственных богов, ни шалашей, ни кибиток. Вытаскивая сабли из ножен и втыкая их в землю, поклонялись им как богу Марсу, которого считали пастырем на всех тех местах, где воевали. Имели удивительное знание о будущих делах, о которых гадали, собирая прямые пруттики и разбирая их в определенное время, произнося заклинания. У них никогда не было холопов, поскольку они причисляли всех рожденных к славному роду. Правители и судьи у них были искуснейшие и ученейшие в военном деле. Нападали они на Палестину, Египет и Иудею, которым устроили жестокое разорение во времена царя Веспасиана. Поскольку царь Гиркании¹ отворил им проход в Каспийские врата, разорили также Мидию и Армению. В последующие времена, принимая плату и служение от римлян, стяжали славу доблестных воинов. Многожды неудачно покушались готы войти во Фракию. И, призвав в помощь аланов, вошли вместе и устроили большое разорение. Воевали аланы с цесарями Домицианом и Траяном, во времена же Деция взяли Византий². Цесарь Адриан не смог победить их оружием, но откупился дарами. Грациан поступил так же. Валентиниан, наследник Гордиана (которого аланы победили), второй раз вступив в войну против аланов, был не только побежден, но и удушен по приказу их царя Барбогаста. Объединившись с другими славянскими народами, а именно с вандалами, бургундами и шведами, аланы под общим предводительством князя Сангибана завладели Галлией. Оттуда же прошли в Испанию, где завладели той испанской территорией, которую они называли Алания³ и которая сейчас неправильно называется Каталонией. Не удовлетворившись этой страной, они напали на Португалию и там взяли город под названием Эмерита-Августа⁴ со всей Галисией, где утвердили на некоторое время свое царствование. Радомир, христианнейший король Галисии⁵, победил короля Павии Абдара в 823 году. Те же

¹ Гиркания (Нугсапіа) — древняя прикаспийская область, на территории современного Ирана и, частично, Туркменистана. Каспий иногда называли Гирканским морем.

² У Орбини: «Константинополь». Во времена Деция (III в.) это еще был город Византий.

³ У Орбини в оригинале: *Goti Alania*. Готталанией (*Gottalania*) называли Каталонию при вестготах.

⁴ Эмерита-Августа (лат. *Emerita Augusta*, современная Мерида) была главным городом римской провинции Лузитания.

⁵ В некоторых работах славистов (например, у Шафарика) имя Радомир трактовалось как славянский вариант (с хорошо известными регулярными чередованиями звуков) имени *Artameres*, или *Artamires*.

аланы, которые остались в Сарматии, были истреблены своими соседями так, что не найдется ни одного жителя в тех местах, разве что иногда там проходят казаки, устраивая охоту.

О славянах-бастарнах и славянах-певкинах

Бастарны¹ и певкины были одним народом, который поселился на территории, протяженной от Певкинских² и Карпатских гор, между устьями Истра и Днепра до Меотского моря. Первый их воинский поход был предпринят против даков, и он окончился благополучно. Позднее они поднялись на Павла Эмилия, римского князя и советника, который в одном бою убил 10 тысяч их всадников, но, тем не менее, впоследствии держал их на жаловании. При консуле Лепиде они поднялись от Истра, совершив снова нападение на Римское державство, и были побеждены цесарем Помпеем. Дела римлян в войне против Митридата совсем пришли бы в упадок, если бы не бастарны, которые в это же время выступили против того царя. Потом их силы истощились многими войнами, и они были изгнаны из своих обиталищ. И так пришли они на поселение в Угрию, получив от короля Матфия Корвина остров на Дунае, где спустя недолгое время восприняли добровольно римскую католическую веру.

Об уграх (Uchri), или ункранах (Unchrani) и меланхленах

Упоминание первоначального места жительства угров не обнаруживается ни у одного из древних историков³. Меланхлены⁴ же были соседями аланам у реки Волги и знаменитым амазонкам. Оттуда они с течением времени отошли и переселились на территорию Подолии, переправившись через реку Истр, и многожды затем нападали на римские войска. Разорили и значительно разрушили город Салону, уже заселенную римлянами и названную Марцией Юлией, ранее — пристанище далматских королей и арсенал далматского флота⁵. Город этот, окружность в пятнадцать верст, был прославлен сражениями, которые происходили между разными людьми и державами. Отстоял он от города Цары на 222 итальянских мили и был

¹ В эллинистическую эпоху этот народ обитал севернее низовьев Дуная.

² Лат. *Peucini Montes* — Вольно-Подольская возвышенность, где берет начало река Южный Буг.

³ Это естественно, если речь идет о раннесредневековых предках современных венгров.

⁴ Меланхлены, по свидетельству Геродота, жили в верховьях Дона, севернее «царских скифов».

⁵ О далматском городе Салона (Салоны) неоднократно говорится ниже, когда речь пойдет об Илирийском регионе.

местом свершения правосудия¹ для многих людей, разделенных на 744 десятичества. Хотя он много раз сопротивлялся римским войскам и другим храбрым народам, но был, однако же, наконец завоеван и разрушен славянским народом, а именно уграми, которые разорили и пленили почти всю Далматию.

О славянах-гиррах и сциррах

Они жили в окрестностях реки Вислы. Отойдя оттуда и взяв плату от разных государей, они служили на их войнах. Некогда объединились с аланами и готами и пошли войной на римлян, даже до того, что утвердили с прочими сарматами свое жительство в Иллирии и Истрии. Во времена же, когда сыновья Аттилы² были побеждены, завладели Верхней Мёзией и поселились в ней на дальнейшие времена.

О финнах или фенно-славянах

Финны-славяне, самый дальний северный народ, заняли едва пригодную для жизни территорию. Были хорошими лучниками и метали копья с большой скоростью. Не было другого народа, более достойного, чем они. Сражались они большими и широкими стрелами. Хвалились своей охотой и не обретались в одном месте, а имели блуждающее и неизвестное обитание. Ходили на своеобразных искривленных и загнутых досках³ по горам, покрытым снегами. Они были быстрыми и легкими, что позволяло им беспрепятственно убежать или настичь неприятеля. Они под предводительством их короля Тенгилла были атакованы Арнгримом Свевом, который потом пришелся зятем датскому королю Фротону, и храбро сопротивлялись неприятелю. Потом же, когда увидели, что терпят поражение, устремились в бегство, бросив в лицо преследовавших их неприятелей три камушка, которые символизировали великие горы, и так, имея препятствием подразумеваемые горы, перестало войско Арнгрима гнаться за ними. На другой день финны вернулись обратно, чтобы сразиться с неприятелем и, когда снова были биты и обращены в бегство, бросили на землю немного снега, который ознаменовал широкую и глубокую реку и тоже остановил преследование их победителями⁴. Возвратились они и на третий раз попытать счастье с Арнгримом, но были наголову разбиты и разогнаны. Видя, что волшебная хитрость им не очень помогала, они сдались и чуть не стали данниками Датского королевства. Это случилось незадолго до пришествия Христа на землю.

¹ Слово «город» в латинском языке (*urbs*) женского рода. Это нашло отражение в соответствующих словесных конструкциях и образах у авторов, связанных с западноевропейской культурой.

² То есть гунны.

³ Упоминание лапландских (саамских) и скандинавских лыж.

⁴ В финнах, упоминаемых Тацитом, усматривают предков саамов (лапландцев), древних обитателей севера Фенно-Скандии, славившихся (в том числе в Древней Руси) как искусные волшебники.

О славянах-даках

Они также вышли из Скандинавии и, разлучившись с другими славянами, изгнали верлов, обитавших по берегу Дуная¹. В тех местах они остановились насовсем, имея свои жилища на тысячу верст вокруг. Жестоко воевали с римлянами, разбили войско консула Аппия Сабина и преторского префекта Корнелия Фуска с большими римскими войсками. Пошли войной на цесаря Траяна, который построил на Дунае тот мост, след коего еще и ныне заметен. Собственной персоной бился с ними Децебал² и победил их цесаря. Бился с даками также и цесарь Домициан, который ложно себе объявил триумф против них, поскольку в бою больше был побежден, нежели сам победил. Траян уже на самом деле победил их и, увидев, что страна их разорена и в значительной мере лишена населения, направил туда девять потоков переселенцев из всех частей своего державства. Отсюда и пошло то, что в Дакии (на Волошской земле) ныне говорят языком, составленным из многих других. Немецкий язык был введен в Дакии с новыми немецкими переселениями, которые Карл Великий отправил в Семиградскую землю, ныне называемую Зибенбюрген³. Но все же язык, обретающийся ныне в Дакии, сохранил многие имена славян, своих родоначальников⁴.

О славянах-норманнах

Эти морские разбойники от франков получили имя норманны, то есть «люди Севера»⁵. Они были последними выходцами из Скандинавии⁶, набегали и разоряли приморские территории будущей Франции и, войдя через устья больших рек, одолели фризов, сожгли Амбург, осадили незадолго до этого основанный

¹ Здесь очевидна отсылка к истории герулов, которых идентифицируют либо как племя германцев, либо как воинскую элиту различных этносов («ярлы» и т.д.) эпохи Великого переселения народов. Однако история даков, во многом неясная и сулящая ученым неожиданные открытия, восходит к более древним временам.

² Децебал (Decabalus) — последний царь Дакии (правил в 87—106 гг.). В войнах с Римом ему неоднократно удавалось добиться успехов.

³ Земли древней Дакии в последующие два тысячелетия входили в состав различных государств и этнолингвистических областей. Немцы называли эти земли Семиградьем, Siebenbürgen, а также Transsilvanien. Сейчас наиболее распространенное в русской исторической литературе название — Трансильвания (по-латыни «Залесье»); это историческая область на северо-западе современной Румынии.

⁴ Славянских и еще более ранних заимствований (очень древних) в языках и диалектах этого региона действительно много: интереснейший материал для славистики и лингвистической истории Древней Европы.

⁵ В итальянском оригинале Орбини «*huomini di Tramontana*», буквально: «люди Полярной звезды».

⁶ Свою «славянско-гиперборейскую» концепцию Орбини последовательно выдерживает, практически нигде не забывая напомнить об исходе «из Скандинавии» предков тех народов, о которых он пишет.

город Колонию Ренскую¹ и в земле франков заняли Нейстрию, названную ими Нормандией. Потом, в 887 году от спасительного Рождества Христова, король их Роллон, который позже был назван Робертом, перешел с войском из новых норманнов в Англию. Но, будучи отбит англичанами, пошел со своими людьми в Нормандию, где жили его соплеменники, объединился с ними и завладел всей дорогой «земли святого Мало»² до самой Сены, называвшейся древними Секваной. И погрузившись на суда, по описанному берегу продвинулся до самого Роана, который и осадил. И поскольку не было у города помощников, которые бы могли его прогнать, взял этот город, овладел им на определенных условиях, имея в подчинении столь богатый город, занялся мыслью, как бы завоевать все Французское королевство. Он повелел прийти с его территорий новым людям и с ними, разоряя все места, которые он проходил, устроил осаду Парижа, в котором правил тогда король Карл. И, может быть, он бы и завоевал этот царственный дом, ежели бы горожане, узнав о подмоге (которая шла к ним от герцога Рихарда Бургонского и от графа Пуатье³, по имени Эбль), издав клич из осажденного города и ударив в тыл норманнов, обратившихся против новых, идущих на подмогу осадным, неприятелей, не разбили и не прогнали их с большими потерями своих людей. Роллон же, разгневанный этим поражением, собрал снова свои силы и пошел внутрь страны франков, сражая всех мечом и поджигая, не щадя ни возраста, ни пола, ни церковных людей, ни мирян. Карл, не надеясь на собственные силы, попросил мира у победивших его неприятелей на таких условиях, чтобы Роллон принял христианскую веру и взял себе в жены дочь Карла Циллу, которая в качестве приданого имела бы Бретань и Нормандию с небольшой ежегодной данью франкской короне в знак того, что государство это он получил не оружием, а любовью. Так, утвердив мир и связав себя родственными узами, он крестился и был назван именем своего крестного отца графа Роберта Пуатье: Роберт. Также он изменил и название стране, окрестив Нормандией всю территорию страны, которая прежде называлась Нейстрия⁴.

О маркоманах и славянах-квadaх

Маркоманы были вандалами, или славянами. К их же племени принадлежали и квады. Эти маркоманы, разлучившись с другими вандалами, напали на древних бойев, свирепейший народ. И, изгнав их с их территорией, завладели ими и при-

¹ Кёльн, на Рейне (основан римлянами в 50 г. н. э.).

² Святой Мало (487—565) — один из святых основателей Бретани, древнекельтский подвижник (валлиец по происхождению, ученик святого Брендана), почитаемый и в Православной церкви.

³ Из графов Пуатье (историческая область Пуату, к югу от Бретани).

⁴ Юго-западная часть королевства Меровингов.

няли имя изгнанных бойев¹. Расселились они по всей той земле, которая ныне делится на Моравию, Богемию и Нижнюю Австрию. Эти страны были первоначальным местом жительства маркоманов. Вторым же местом жительства у них была Тревирская земля. Это их переселение случилось дважды. Один раз — во времена Юлия Цезаря при правлении короля маркоманов и шведов Ариовиста. Второй раз — при державстве Тиверия, который переселил многие германские народы. На третий раз маркоманы переселились в Прибрежную Дакию: туда, где территория (нынешней) Венгрии граничит с Трансильванией. Четвертое их переселение было в Верхнюю Паннонию, где сейчас находится Австрия и некоторая часть Стирийского княжества². На эти территории они приходили четырежды. Сперва они были переведены туда цесарем Клавдием. Второй раз они вошли туда с оружием, а на третий раз — когда цесарь Галиен подарил Верхнюю Паннонию своему тестю, маркоманскому королю. Последнее же переселение случилось, когда цесарь Валентиниан воевал против этого народа, который он изгнал из Паннонии с его обиталищ, а те вернули ее обратно при Адриане. Затем же, на пятый раз, они были изгнаны цесарем Марком Антонием и вернулись при Коммодe и Вассиане. Наконец, навсегда их выгнал оттуда цесарь Александр. Пятое место обитания маркоманов и квадов было в Силезии и в Марке Брандебургской, у реки Одер. Шестой территорией, на которой они расположились, была снова Тревирская земля, седьмой стала Белгика близ моря. В восьмой раз они жили у берегов Германского моря между Данией и Фландрией. Во всех землях этот народ прославился оружием.

Первые их бои были следующие. В союзе с сарматами, вандалами, квадами и прочими славянскими народами они, перейдя Дунай, овладели Паннонией, побив 20 тысяч римлян.

Во времена же цесаря Марка Антония они проявили свою великую храбрость. Сам же Марк Антоний в войне против маркоманов в Верхней Паннонии истощил всю свою казну и, не желая каким-либо образом отяготить подданных римлян, распродал на форуме Траяна царскую утварь: хрустальные и золотые чаши, сосуды из камня, серебра и мирры³, шелковые одежды жены, ее же златотканые вещи со многими жемчугами и камнями. Кроме того, он лишился всех истуканов, сотворенных известнейшими художниками. Так он вооружил мечников, нанял далматов,

¹ Вероятно, тут имели место более сложные и древние процессы этногенеза. В указанном Центрально-Европейском регионе взаимодействовали предшественники будущих славянских, германских и кельтских (бойи) народов, причем это взаимодействие восходит к дописьменной эпохе, от которой сохранились лишь археологические и этноисторические свидетельства, интерпретируемые по-разному (в том числе в панславистском либо пангерманистском духе).

² Штирия; вероятно, та ее часть, что связана со Словенией.

³ Из драгоценной древесины растущего в Средиземноморье миррового дерева, напоминающего небольшой кедр.

дарданов, диокинитов¹ и германцев и сильно обеднел из-за этой войны, в которой маркоманы были побеждены не столько оружием Марка, сколько Божиим промыслом.

Когда цесарь вступил на землю квадов, он больше всего был обеспокоен недостатком воды, нежели чем-либо другим, и не мог найти способа спастись. Тогда солдаты-христиане, обретавшиеся в римском полку, увидев, что положение их крайне бедственно, прибегли к помощи Божией, призывая имя Иисуса Христа. Услышав мольбы немногих верных, Бог послал такое множество воды, что ее хватило на утоление жажды всему войску, а стрелы с небес настолько часто поражали неприятелей, что они бежали из своего стана бесчинно и смешанно, так что римляне уже, ударив им в тыл, победили почти всех их небольшими силами. И так получили они с Христовой помощью полную победу. Марк Антоний же в письмах своему дому писал, что они призыванием Иисуса Христа, совершенным христианскими солдатами, получили воду с небес и победу над неприятелем. Но хотя римляне и одолели маркоманов таковым образом, те не прекратили докучать их провинциям. Так, например, при цесаре Коммод наступили они на Римское державство так, что Коммод вынужден был заплатить им за мир, определив им годовую дань и уступив одну из частей Паннонии близ Дуная. Римский цесарь Александр, чтобы сохранить мир с маркоманами, обещал им все, что они потребуют, а также немалую сумму денег.

Цесарь Максимин имел долгие и жестокие войны с этим народом. Бился он часто, с колеблющейся туда-сюда фортуной², хотя имел презрительное войско, собранное из мавров, жителей Осроены³ и парфян. Маркоманы же, утвердившись в Паннонии, подняли оружие против цесаря Аврелиана, вошли в Италию и разорили город Милан. Но потом, когда они овладели Рецией и Нориком, их разбил Валентиниан.

Собственным же отечеством квадов была земля, расположенная между Богемией и Полонией, позже названная богемцами Силезией, поскольку туда стекались многие люди из Мейссена⁴, славяне-поморяне и жители Марки⁵, подобно ползущим

¹ В итальянском тексте: *Diocuniti*. Существует предположение, что это искаженное латинское *Diogmitae*, от греческого *Διομίται*, — «диогмиты», род войск в римской армии, предназначенный для преследования грабителей (прежде всего — в некоторых провинциях). Однако против такого предположения свидетельствует тот факт, что все остальные слова в данном перечислении — это названия народов, а не категорий римского общества.

² То есть счастье то сопутствовало, то изменяло ему.

³ Осроена, иначе называемая Эдесским царством, представляла собой небольшое государство, существовавшее в эллинистическую эпоху на западе Месопотамии (в настоящее время это Северо-Восточная Сирия).

⁴ Изначальный смысл этого немецкого топонима выводят из славянского слова «мыс, предгорье». У Орбини это название передано как *Misni* (предположительно, его более ранняя форма: *Mysnu*, «расположенный на мысу, или в предгорьях», с характерным для западнославянских и севернославянских языков отсутствием «й» в конце слова).

⁵ Бранденбургского региона.

змеям, чтобы там поселиться. А «шлезити» («шлешити») на чешском языке означает «плежить», или «ползать»¹.

Первым королем маркоманов (которые царствовали на реке Албии² в Богемии, в Моравии и в Австрии, сначала принадлежавшей римской монархии) был Моробудуй³, который и привел маркоманов в Богемию. На него Тиберий устроил нападение⁴. В то время этот народ внушал большой страх Римскому державству. Катавалда же, свергнув Маробудуя⁵ (который долгое время жил в ссылке в Равенне), сам стал королем маркоманов. После Катавалды царствовал Юбиллий, свергший Катавалду и вынудивший того окончить свою жизнь близ Фрея, в провинции Нарбонская Галлия⁶. Когда же умер Юбиллий, то посредством цесаря Тиберия на царство взошел король Ванний, который правил маркоманами и шведами⁷ сорок лет. Прежде его кончины свергли его Вандон и Сидон, его дядя по матери. Но он получил от римлян некоторые земли в Паннонии и там скончался. Затем же над маркоманами и шведами, до времен цесаря Веспасиана, царствовали Сидон и Итал. Шестой король маркоманов Вараберт правил во времена цесаря Марка Антония, с которым непрестанно воевал три года. После же Вараберта королевствовал Бранд, который, по мнению некоторых, построил город и назвал его Бранденбург⁸. Во времена Диоклетиана маркоманами и шведами правили Гунтерик и Ардерик. После них был Салонин, который отдал свою дочь Пипу в жены цесарю Галиену. Премниками Салонина были Хартамунд и Кариовист, которые помогли цесарю Аврелиану в войне с готами в Иллирии. В это время маркоманы, оставив страну, частью переправились в Рецию, частью — в Валерию и Паннонию Савию. Последние имели своим королем Габиния, наследником которому стал Хунимунд. Второго победил

¹ Орбини приводит типичную народную этимологию слова. Древнее название Силезии связывают с рекой Сленза (польское *Ślęza*; левый приток Одры) и священной горой Сленжа (*Ślęża*) в Судетских горах. Еще один вариант этимологии предполагает связь с народом силягов (возможно, родственников вандалам), которых упоминает еще Птолемей.

² На Эльбе (Лабе, в славянском произношении).

³ О его имени см. чуть ниже.

⁴ Эта военная кампания римлян (на территории нынешней Словакии) имела место в 6 г. от Р. Х. В известном смысле это точка отсчета для правящей династии маркоманов, хронологическая привязка.

⁵ У самого Орбини в итальянском оригинале здесь другой вариант имени: *Marobuduo*, Маробудуй. Именно эта форма (лат. *Marobuduuus*) употребляется в первоисточниках и исторических исследованиях. Видимо, в первом случае имела место опечатка. Или же Орбини в первоисточниках встречал оба варианта. Поэтому оставляем эти варианты и в нашем русском переводе.

⁶ Ныне это Фрежюс (*Fréjus*) — город на Лазурном Берегу Франции. Древнеримское название: *Fogium Julii*. У Орбини в итальянском тексте: *Freio*.

⁷ Квадами?

⁸ Это один из вариантов этимологии слова «Бранденбург». Широко известен другой вариант происхождения этого названия, от славянского (гаволянского) «Бранибор».

остготский король Теодомир, отец Теодорика Бернского¹. Преемниками Хуннимунда стали Ахиульф и Ронизмунд.

Письмена маркоманов не сильно отличались от славянских². Одни лишь славяне оставались победительственны, поскольку готы, вандалы и прочие вышеописанные народы, бывшие одного и того же языка со славянами, побили и покорили державства и королевства почти всего света. А когда наконец они пришли воевать со славянами, были побеждены ими, утратив вместе со всеми завоеванными землями и собственное имя. Ведь названные славяне завладели ими и удержали даже до наших дней³.

Об амазонках, славных воительницах славянских

Светлость славы славянского имени дополняется также храбростью жен этого народа, и в особенности амазонок, которые были женами сарматских славян. Жили они у реки Волги между меланхленами и сербами⁴, которые также были славянами. Некоторые историки говорят, что они были женами готов и вместе со своими мужьями бились в мужской одежде против цесаря Аврелиана. Но будь они готами или сарматами, они все равно принадлежали славянскому народу. Когда же их мужья были предательски убиты, они надели их доспехи и с мужественной доблестью наступили на неприятелей и достойно отомстили им за смерть своих супругов. Будучи храбрыми оружием, они двинулись на Азию под предводительством их царицы Марпесии⁵, которая за свои победы заслуживает сравнения с лучшими воеводами и цесарями или

¹ В современной научной литературе его имя варьирует: Дитрих Бернский, Тидрек Бернский, Теодорих, король остготов (475—526) и т.д. В германской эпической традиции это чрезвычайно популярный герой. При этом на историческую основу эпохи Великого переселения народов нередко накладываются общеевропейские сюжеты и мотивы, подчас в уникальной редакции. Их исследование, продолжающееся уже несколько столетий, по-прежнему сулит многообещающие открытия в области кросскультурных взаимодействий Средневековья.

² Образцы букв маркоманского алфавита, воспроизведенные здесь в итальянском оригинале книги Орбини, не слишком похожи ни на глаголицу (которая наверняка была известна автору — южному славянину), ни на кириллицу. Поэтому неясно, какие «славянские письма» имел в виду он сам, а также его первоисточник, загадочный Иеремия Русский, на которого он в данном случае ссылается. Приведенные им буквы имеют несомненное сходство с некоторыми рунами Северной Европы, а значит, за этим свидетельством может скрываться еще более интересная и дискуссионная проблема — о бытовании рун у древних славян.

³ Из последних фраз получается, что перечисленные народы близки славянам по языку, но все же им не тождественны (во всяком случае имена упомянутых королей, несомненно, германские: Гунтерих, Теодорих, Хуннимунд и т. д.). Обобщая, можно сказать, что Орбини пишет о сообществе народов, генетически родственных («единой породы»), осознающих это единство, но уже обособившихся друг от друга.

⁴ *Sirbi* в итальянском оригинале. Применительно к античной древности данный этноним может означать праславян и предков нынешних сербов. В лингвистике существует точка зрения, что именование праславян (или даже предславян) словом, схожим со словом «сербы», предшествовало возникновению этнонима «славяне».

⁵ Древний вариант ее имени: Марпесса.

Asch	ᚦ ᚥ ᚫ	a	His	ᚱ	i	Rehit	ᚱ ᚱ ᚱ	r
Birith	ᚮ ᚮ	b	Gilch	ᚷ ᚷ ᚷ	k	Suhil	ᚹ ᚹ	s
Khen	ᚱ ᚱ	ch	Lagu	ᚱ	l	Tac	ᚱ	t
Thorn	ᚨ ᚨ ᚨ	þ	Man	ᚨ	m	Hur	ᚱ ᚱ ᚱ	u
Eho	ᚺ	e	Not	ᚷ ᚷ	n	Helahe	ᚺ ᚷ ᚷ	x
Fehc	ᚷ ᚷ	f	Othil	ᚱ ᚱ	o	Huyri	ᚷ ᚷ ᚷ	y
Gibu	ᚷ ᚷ	g	Perch	ᚷ ᚷ ᚱ	p	Ziu	ᚱ ᚱ	z
Hagale	ᚷ ᚱ ᚷ	h	Khon	ᚱ	q			

Маркоманские руны.

Взято с <http://en.wikipedia.org/wiki/Runes#/media/File:Marcomannic>

даже превозношения над ними. Ведь добравшись со своим победоносным оружием даже до Кавказских гор, пробыли там некоторое время, а их пребывание дало повод лучшим поэтам назвать каменную стремнину тех мест Марпесией в их честь. После этого амазонки обошли всю Малую Азию, взяли под иго Армению, Галатию, Сирию, Киликию и Персию со многими другими могущественными землями Азии, где они, утвердив свое жительство, построили многие города и мощнейшие крепости. Среди прочих подвигов они построили два знаменитых города: Смирну и Эфес в честь богини Дианы¹ которую они имели в великом почтении как богиню-защитницу их охотничьего и военного дела². В Эфесе воздвигли тот знаменитейший храм, который был включен в число семи чудес света и который потом сжег некто Герострат, желая этим поджогом обессмертить свое имя. Цари же греческие, устранившись силы амазонок, послали против них Геракла, славнейшего воеводу тех времен. Потом амазонки под предводительством Пентесилеи пришли на помощь троянцам против греков и утвердили свое державство до времен Александра Великого, непобедимая сила которого молвой дошла до амазонской царицы Калистры, или Минутии. Та же, полагая, что обретет великое счастье, если родит детей от этого великого героя, выдвинулась с войском в 300 тысяч женщин. Шла она тридцать дней и, придя к Александру, пробыла четырнадцать дней в объездах этого государя и единоначальника мира. И когда узнала, что уже зачала, возвратилась обратно в свое царство, которое вскоре после этого пришло в упадок и угагло вместе с именем амазонок.

Тамира, царица массагетов (которые были аланами)³, воевала против персидского царя Кира с таким мужеством, что, взяв его живым в бою, приказала отсечь ему голову и потом ввергнуть ее в сосуд, полный человеческой крови, чтобы та насытилась, поскольку он испытывал сильную жажду, будучи еще живым.

Алцида (Alcida) же, родом из готов, славянка, была женщиной знаменитой. Она занималась морским разбоем и водила с собой многих женщин-единомышленниц. Одно время, сражаясь на мужском флоте, на котором был убит капитан и полководец, она была поставлена правительницей этого флота на место умершего капитана, поскольку мужи этого флота ценили силу, храбрость и красоту Алциды.

Во времена войны шведского короля Рингона с датским королем Гаральдом жены славянского народа поспособствовали гаральдовой стороне. Они не только служили ему в качестве простых солдат, но, собравшись великим числом, правили

¹ Имеется в виду, конечно, Артемида, близкая Диане в античном пантеоне. В литературе Ренессанса и раннего Нового времени, чаще всего писавшейся на латыни, Артемиду нередко именовали древнеримским теонимом Диана.

² В многочисленных и очень широко распространенных сказаниях об амазонках правомерно видеть не свидетельство «завоевания» женщинами половины Евразии, а реликты очень древних религиозных верований и общественных отношений. Это, собственно говоря, косвенно подтверждает и Орбини, акцентируя наследие религии Матери Богов в Малой Азии. Культ богини-охотницы, покровительницы зверей и дикой природы, действительно был очень характерен в древности и для Кавказского региона; отголоски этого культа в фольклоре засвидетельствованы здесь в сравнительно недавнее время.

³ В оригинале Орбини ссылается на Аммиана Марцеллина.

в должности командиров в том деле, в котором больше всего прославились славянские женщины Тетта (Tetta)¹ и Висна (Visna). Первая стала предводительницей большей части войска, а вторая — носительницей главного знамени всего войска, коего знамени потом в сражении вместе с правой рукою ее лишил богатырь и предводитель шведского войска Старкатер.

Кинана Македонская, тоже славянка и сестра Александра Великого², подобно Марпесии, ходила во главе войск и билась с врагами и сразила своей рукою иллирийскую царицу Карию.

Тевта, жена царя Иллирии Агрона, после смерти мужа долгое время царствовала над далматами, воинственным народом и частыми победителями римлян, с которыми Тевта много воевала и проявила великую храбрость и мужество³.

Город Салона в Далматии был избавлен от долгой осады цесаря Октавиана посредством жен, которые, выйдя ночью из города в черных одеяниях и растрепав волосы, держа в руках факелы, разожгли огонь по всему римскому стану, смешали им строй и этим позволили мужьям устроить великое сражение и овладеть неприятельскими шатрами и лагерем.

Также возвеличили славянское имя и жены далматского города Ардуба, которые, увидев, что осажденные римлянами мужья намерены были сдать город и поклониться под римское иго, сначала перешли на сторону римлян как перебежчики, а потом, поскольку мужи их в сражении изнемогли и все равно стали совещаться о сдаче города, жены взяли своих детей и побросали часть в огонь, частью в реку, чтобы избавиться им от порабощения.

Также и жены дарданские, иллирийские, когда дошли до крайности — сдать победителям, взяли своих детей и побросали в реку, чтобы не быть им невольниками во власти неприятеля.

Те же далматские жены, когда стало не хватать стрел и копий мужьям их, чтобы поражать неприятелей, брали собственных детей и, сперва ударяя о землю, мертвых метали в лицо неприятелям. Флор, достоверный историк, то же самое приписывает иллирийским женщинам, которые также были славянками⁴.

¹ Возможно, имеется в виду Това, дочь славянского князя Мстивоя, которая была женой короля Дании и Норвегии Харальда I Синезубого (около 910—987). Балтийские славяне-ободриты были его союзниками. Орбини здесь, в частности, дает ссылку (в оригинале) на книгу «Вандалия» Альберта Кранца. Об этом немецком авторе, предшественнике Орбини и во многом его единомышленнике в отношении истории славянства, см. в статье-комментарии.

² В системе этнической идентификации южнославянских гуманистов Александр Македонский воспринимался как славянин прежде всего по факту своей соотнесенности с территорией, населенной славянами во времена создания соответствующих книг и трактатов (см. также вступительную статью).

³ О царице Тевте подробно рассказывается ниже.

⁴ Согласно территориальному, региональному (а не принятому сейчас в науке этнолингвистическому) принципу определения этнической принадлежности у Орбини и других авторов раннего Нового времени, иллирийские народы Балкан (пожалуй, прежде всего адриатические веныты) в ту эпоху практически отождествлялись с южными славянами (хотя реальные предки последних нередко вели с иллирийцами жестокие войны, и кровная преемственность тут не могла быть столь однозначной и всеобъемлющей).

О фракийцах, людях славянских

Фракийцы, хотя и не вышли из Скандинавии, были, однако же, общего со славянами рода («una natione Slava»), имели один язык, такой же, как у даков и готов¹. Фракийцы (как пишет святой Иероним в толковании к [Книге] Бытия) имеют происхождение от Фираса², седьмого сына Иафета, от которого они и назвались «фраками» и назвали своим именем Фракию. Они были сильнейшим народом из всех прочих европейских. Фракия была разделена на пятьдесят провинциальных войск. Ее границы простирались к востоку до Черного и Пропонтийского моря, к югу — до Эгейского моря и к западу — до Македонии. Народ этот никоим образом не покорялся римлянам, кроме как в Македонской войне. Они были настолько мужественными и храбрыми, что слагались легенды, будто бы сам (бог войны) Марс был фракийского происхождения. В 639 году от основания Рима³ они разошлись на конях по Фессалии и Далматии и добрались до берегов Адриатического моря. Увидев же, что дальше пройти они не смогут, они стали осыпать море стрелами, поскольку будто бы именно оно отобрало у них славу и его течение остановило их победное шествие. Когда же несколько из них были взяты в плен славным римским генералом Пизоном, стали от ярости грызть железные оковы, которыми были скованы. От жестокостей и свирепств этого народа, особенно от тех, что обитали близ Гемских гор⁴, и от астиев⁵ римляне претерпели многие тяжелые набеги, и от частых сражений силы их значительно убавились. Те же обитатели Гемских гор были однажды истреблены в горах Марком Друзом. Многих истребил и Минуций, потопив их в реке Эвр⁶. Родопцев⁷ же победил Марк Клавдий. У фракийцев был свой царь до 48 года от Рождества Христова, когда римляне в значительной мере покорили их под иго и сделали их землю своей провинцией.

¹ Важный нюанс: фракийцы (лат. Thraci), индоевропейский народ (и в современной научной классификации, и у Орбини, коль скоро они у него «общей породы» со славянами), «не из Скандинавии вышли». То есть «нордическое» происхождение, столь последовательно акцентируемое применительно к славянам (во всем многообразии их именованый у Орбини), не является, в авторской концепции, уделом абсолютно всех индоевропейцев.

² Фирас или Тирас (в латинской транслитерации Thiras), младший сын Ноя, еще с античных времен (Иосиф Флавий) считался прародителем фракийцев.

³ Основание Рима датируется 753 годом до н. э.

⁴ Гемские горы (лат. Haemus, итал. Епо) — античное название Балкан. Древняя Фракия была ограничена этими горами с севера.

⁵ Астии (лат. Astii, Astiei) — одно из фракийских племен.

⁶ Это античное название одной из крупнейших рек на Балканах (др.-греч. Ἐβρος, лат. Nebrus, итал. Ебро); в классическом древнегреческом произношении «Эброс» (не путать с рекой Эбро на Пиренейском полуострове, также известной в античной истории! Битва при Эбро имела место в 217 г. до н.э. между Римом и Карфагеном, в ходе Второй Пунической войны). Современное болгарское название балканской реки: Марица.

⁷ Жителей Родопских гор. Судя по историческому контексту латинского и итальянского слова «Rodopei», речь не идет о какой-то особой этнической группе.

Об иллирийских славянах¹

Иллирийцы были так названы их прародителем (Иллирием), который был отцом Ахилла, Автария, Дардана, Тавлантия и Переба, от которых родились Панноний, Скордиск и Трибалл и дочери Парфа, Даорта и Дассера. От этих братьев и сестер произошли великие и свирепые иллирийские народы, а именно: ахиллеи, автарии, дарданы, меды (итал. *Medi*), тавлантии, перебы, паннонцы, скордиски, трибаллы, парфении², дарсии и дассареты³. От них потом произошли прочие народы, жившие в стране, ныне называемой Иллирией. Иллирийцы показали превосходную храбрость в первом сражении, устроенном римлянами против них. Это было во времена царя Агрона, сына Плеврата, который господствовал над страной Иллирийской, расположенной в окрестностях залива Ионийского моря; уже до той поры ею властвовал эпирский царь Пир, коему тот Агрон стал преемником. Агрон же владел и большей частью Эпира, Корфу⁴, Дурреса и Фароса и имел такое большое войско, пешее и конное, какого ни один иллирийский царь не имел. По просьбе Димитрия, отца македонского царя Филиппа, послал он свои войска в помощь городу Мидонии, осажденному этолийцами и карфагенянами, предводительствуемыми Гасдрубалом Африканским, зятем славнейшего полководца Амилкара. Те прогнали осаждавших, освободив город, и, забрав тамошние богатства, возвратились домой. Этим они настолько обрадовали Агрона, что тот устроил им торжественный пир. На

¹ Здесь Орбини, продолжая уделять внимание этногенетическим легендам и мифологизированным свидетельствам древних авторов, тем не менее, в значительной степени переходит от метастории к истории, поскольку речь теперь идет о его Отечестве. Досконально зная источники разных эпох, повествующие обо всем Иллирийском регионе (а не только о собственно Далмации), он безоговорочно трактует историю древних иллирийских народов Балкан в автохтонистском ракурсе по отношению к южным славянам, утверждая их прямую преемственность (не отрицая при этом надежно засвидетельствованный факт прихода на Балканы различных славянских этносов в эпоху Великого переселения народов).

² По-древнегречески данный этноним можно истолковать как «дети дев», или «рожденные вне брака».

³ Эти предания о происхождении иллирийцев с античных времен разнятся в деталях. Орбини приводит один из вариантов, не самый распространенный. У Аппиана в «Истории Рима» (раздел об Иллирийских войнах, §2) говорится, что легендарный первопродок Иллирий имел сыновей по имени Энхелей, Автарей, Дардан, Мед, Тавлас и Перреб; имена дочерей: Парфона, Даорфона, Дассарона (отмечается, что были и другие дети). Соответственно названия иллирийских народов: тавлантии, перребы, энхелеи, автарей, дарданы, парфены, дассаретии и дарсии. У Автарей, по Аппиану, был сын Панноний или Пеон, а у него в свою очередь сыновья Скордиск и Трибалл, давшие начало народам скордисков и трибаллов. Разумеется, разночтения были и в списках «Истории» Аппиана. Так что о точных сведениях тут говорить не приходится. Мы воспроизводим вариант Орбини, выверенный по итальянскому оригиналу (возможно, у него, историка древней и средневековой Иллирии, работавшего в лучших итальянских архивах, было из чего выбирать). Во всяком случае, на Аппиана он в оригинале ссылается. Точное же сопоставление различных списков и вариантов — это задача академического исследования, а не научно-популярного издания книги.

⁴ Итал. *Corfu* — это греческий остров Керкира (в составе Ионических островов). Оставляем в переводе легко узнаваемый вариант «Корфу», как и в оригинале у Орбини.

пиру он так много выпил, что впал в болезнь, приведшую его к смерти. Так оставил он царство и единственного сына-сироту по имени Пиней под надзором и защитой Тевки (Тевзы, или Тевты)¹, мачехи мальчика. Она же отправила войско за пределы своего государства и приказала громить все чужие земли, не щадя никого. Прошло то войско через земли элейцев и мессенцев, взяло город Финику² по добровольному согласию караульных франкских³ воинов, которых было восемьсот. Потом разметали и разбили албанское⁴ войско, прибывшее слишком поздно на защиту названного города. А когда иллирийская царица повелела им возвратиться назад, разорили полностью Финику и возвратились: часть морем, часть сушей в Иллирию. О набегах и грабежах города Финики (в котором итальянские купцы понесли большой убыток) иллирийцами дошли жалобы в римский Сенат, — что нужно унять эту особенно вредоносную для морского купечества вольность. Услышав это, Сенат отправил двух послов по имени Юний и Луций Корукуан к царице Тевте. Когда же пришли послы, ее войско как раз осаждало тот город⁵. Предстали послы перед царицей и пожаловались на обиды, учиненные ее войском. Царица же им ответила, что могла бы запретить своим совершать эти действия, если бы римляне были ее подданными. Потом гордо добавила, что цари не имели обычая запрещать прибыль, которую иллирийцы, собственно, могли иметь с моря. Младший из послов на это ответил опрометчиво, что если бы у римлян был обычай тайно отмщать особо явные обиды и подавать помощь обиженным, использовал бы Сенат всякую возможность вынудить ее воспрепятствовать тайным набегам ее подданных. Услышав это, царица так разгневалась, что пренебрегла виной своих подданных. Когда послы отошли обратно, они были, по тайному указу Тевты, убиты в пути. И когда весть об этом убийстве дошла до Сената, постановил Сенат идти войной против царицы. Она же, упредив своих новых неприятелей, послала в Грецию корабельный флот гораздо больше прежнего. Половина пошла в Корфу, другие поплыли к пристани Дурреса и взяли горожан внезапно. И уже иллирийцы овладели было стенами города,

¹ Имя этой иллирийской царицы из племени ардеев — др.-греч. Τεύτα — транслитерируется как Teuta (Тевта). У Орбини в итальянском оригинале — другой вариант: Teusa, хотя здесь он приводит, с точными ссылками на различные источники, и другие варианты ее имени. В русском переводе мы придерживаемся того написания, которое стало нормой в отечественном антиковедении, во избежание путаницы при восприятии книги Орбини. Время ее правления, возможно, 231—227 гг. (или 230—228) до н.э.

² В древнегреческом тексте Полибия, подробно описавшего Иллирийские войны римлян, название этого города: Φοινίκη.

³ В итальянском оригинале у Орбини речь идет о галлах, у Полибия, на чью «Историю» опирается Орбини, о «галатах».

⁴ То есть из древних городов той эпохи, которые в Новое время находились на территории Албании. Орбини, как было принято в литературе и искусстве его времени, осовременивает такие образы (например, часто употребляет в оригинале слова «французы, французский» в отношении франков или галлов, и т.д.). При этом этнолингвистическая идентификация уступает место региональной (подробнее об этом см. в статье-комментарии).

⁵ Орбини на основании античных источников уточняет, что командовал иллирийцами Скердилайд (Σκερδύλαιδος у Полибия; итал. Scerdelaido) — брат Агрона, мужа Тевты.

если бы горожане, оправившись от первого страха и смятения, не обрели силы и, храбро отбиваясь в защиту своего имущества, не вынудили наступающих бежать к своим кораблям, которые, объединившись с другими, совместно учинили осаду городу Корфу. На означенную осаду же к ним на помощь пришли семь вооруженных кораблей от их союзников акарнанцев¹ и вступили в сражение с посланными на помощь осажденному городу ахейцами и этолийцами. И так четыре флота, объединившись, напали на неприятельские корабли и числом, вчетверо превышающим, овладели ахейскими галерами и потопили одну пятивесельную галеру со всеми, кто на ней был; среди них обретался и Марк Кериневс², прославленный среди ахейцев. По сем возвратились победители обратно, к осаде Корфу. Наконец, они захватили этот город и поставили там свой дозорный караул под управлением Димитрия Фаросского³.

Между тем из Рима вышел Гней Фульвий с пешим войском под управлением Фабия Максима, во втором его консульстве, и Карвалия Максима. Фульвий же, придя к Корфу, после сдачи города поплыл на остров увидеться с Димитрием. А тот, ранее услышав о клеветах на него царице и боясь женской злости, уверил римлян в своей им верности и в том, что передаст им то, что было под его правлением. Корфяне же, обрадовавшись приходу римлян, при попустительстве Димитрия, открыли ворота и сдали город и осадный караул под покровительство римлян, чтобы обезопасить себя от бесчинств иллирийцев. Корфяне приняли мир, и, назначив Димитрия в качестве провожатого, поплыли римляне в Аполлонию, где, объединившись снова в одно пешее войско, взяли этот город под свое покровительство, прекратив осаду иллирийцев в Дурресе и взяв город добровольно. Вступив же далее в Иллирию, они овладели многими землями на пути, взяли под покровительство город Патермию; покорился и город Атинта, последовав патермскому примеру. Так прогнали они иллирийцев от осады и овладели этим городом, как и многими другими иллирийскими городами, в которых пленили многих иллирийских воинов и полководцев. Прочие же, ушедшие в Нарону, спаслись бегством. А Тевта, отступив в Ризон⁴, была вынуждена уступить города Корфу, Лезину, Лиссу, Дуррес⁵ и земли атинтанов⁶, пользуясь заключенным с ними миром. Такова была первая война иллирийцев с римлянами.

¹ Акарнания — область на западе Центральной Греции.

² Имя его даем по тексту Полибия (в данном случае это первоисточник): Κερυνεύς.

³ «Димитрий (Деметрий) с острова Фарос». Это остров у далматинского побережья, именовавшийся греками Φάρος (или Φάρα); отсюда его хорватское название Нвар (в итальянском языке: Lesina). Остров, заселенный с глубокой древности, неоднократно упоминается в трактатах далматинских гуманистов о происхождении южных славян.

⁴ Ризон (в славянском произношении Рисан) — древняя крепость в современной Черногории.

⁵ Древний город на территории современной Албании. Он часто упоминается в исторической литературе (и у Орбини тоже) под итальянским именем Durazzo; греки его называли Диррахий, сербы — Драч и т.д.

⁶ Атинтаны (др.-греч. Ατιντάνες) — эллинский этнос в Эпире (между нынешними Грецией и Албанией). По-видимому, точно таким же этнонимом греки называли и одно из иллирийских племен.

Римляне же, заключив мир с Тевтой, отдали многие иллирийские города Димитрию Фаросскому за заслуги перед Республикой¹ и сделали его царем Иллирийским. Димитрий тот получил почетное прозвание «Смелый и Храбрый». Вот как это произошло: в знаменитую войну, названную Кампанской, между македонским царем Антигоном и лакедемонским царем Клеоменом, в памятном сражении², происшедшем между Эвой и Олимпом³, он со своими иллирийцами, находясь на самом опасном участке, разбил царя Клеомена и одержал победу над Антигоном. Он был свиреп сердцем и привычен к военному делу; невзирая на благодеяние, оказанное Республикой, собрал свои войска против римских союзников и разорил Навпакт, Ахайю и острова Киклады. Тогда на него напал римский консул Павел Эмилий, посланный Республикой, чтобы угасить этот огонь, и был он побежден больше коварством войска, нежели силой неприятеля⁴, и ушел прочь в Македонию на помощь македонскому царю Филиппу против этолийцев, и был убит при наступлении на город мессенцев. Филипп, по наущению Димитрия, объявил войну римлянам. Те же, под предводительством претора Аниция Галла по случаю упомянутой войны подняли оружие на Генция, короля другой части Иллирии, союзника македоняня. После нескольких сражений римляне пленили этого короля с сыновьями и братом Караванцием и отвели в Рим. По указу Сената послали они в Сполеций⁵ по следующему делу. Павел Эмилий, вступив в должность претора, за один день коварством ограбил семьдесят иллирийских городов, которые он не смог победить оружием. Сделал он это таким образом. Эмилий отошел тайно в Рим и очень скоро возвратился, сказав жителям всех этих городов, что по указу Сената им будут прощены все совершенные ими проступки, если они отдадут ему все золото и все серебро, которое у них есть. Жители согласились на это предложение, и тогда послал Эмилий своих людей в эти города, приказав каждому коменданту, чтобы ходили в один и тот же назначенный день утром перед рассветом по всем улицам их городов гла-

¹ «К республике». Этимология этого архаизма разъяснялась выше.

² «В баталии», в сражении.

³ Эва и Олимп — холмы у дороги, ведущей к Спарте.

⁴ В итальянском оригинале в описании этой войны есть упоминание взятого римлянами города Далмий. Для Орбини и других южнославянских авторов его эпохи, в частности для его идейного предшественника Винко Прибоевича (о нем см. в статье-комментарии), это был не просто рядовой топоним, поскольку от названия данного города традиционно производили само именование древнего народа иллирийских далматов. Этот город, расположенный ныне на территории Боснии и Герцеговины, на Динарском нагорье в западной части Балкан, известен по древним и средневековым источникам под различными, хотя явно родственными именами, представляющими ценный материал для этимологических исследований. *Dalmium*, *Delminium* — античные транскрипции; возможно, первоначальным вариантом был топоним *Dupno*, который впоследствии стал произноситься как *Duyno* (древнекельтские ассоциации?). Обычно древний топоним этимологизируется от иллирийского *d'Imno*, «пастбище», происходящего от *dalma* или *delma* — «овца». В форме «Далминий» город упоминается у Орбини ниже. В настоящее время это Томиславград, в память о коронации здесь в 925 г. первого короля Хорватии Томислава I.

⁵ Лат. *Spolegium*, современный город Сполето, сравнительно недалеко от Рима.

штааи и возвещали, чтобы в три часа все принесли все золото и серебро, которое у них было. Когда же это все совершилось, воины забрали часть себе, а часть отнесли в Коллегиум Республики. Таким образом, он в один день ограбил семьдесят городов.

Об ардеях и пиляриях, иллирийских славянах

После того как Павел Эмилий учинил вышеописанное разорение семидесяти иллирийских городов, ардеи и пилярии были первыми, кто принялся мстить за свою обиду. Пойдя войной на римлян, они напали на их иллирийских союзников и стояли мужественно против римского войска в 10 тысяч пехоты и 6000 конницы, а потом воспротивились с тою же храбростью и другому многочисленнейшему войску, приведенному Фульвием Флавием, и тот не смог довести эту войну до конца. Ардеи, или вардеи, или артеи, аритеи¹ — это одни и те же ардеи, по-разному называемые, — жили у границ Далматии. Они были названы Плинием «опустошителями» италийскими. Пиляры же издревле жили близ острова Коркира Нигра². Тогда их называли плеарами или пиляриями³, ныне же рагузыне⁴ их зовут пилишанами (Pilisiani). Живут они в своем округе близ Коркиры, теперь именуемой Курцола, от которой названы острова Курцолары. Там можно увидеть кое-какие развалины; говорят, что в прошлом они занимали большую территорию. Эти люди, собравшись, разъезжали в древние времена по морю, непрестанно докучая италийским берегам. Сделали наемнослужащими своих соседей и выгнали их с их земель. Наконец, их одолели римляне, и они вынуждены были поселиться на землях при реке Дрине.

О скордисках, иллирийских славянах

Эти славяне разделились на большую и меньшую часть. Большая часть проживала между двух рек, которые впадают в Дунай, а именно Ноарос, или Сава, и Бергос, ныне же называемая Дравой. Меньшая часть жила по другую сторо-

¹ В итальянском оригинале Орбини точно указывает, какие античные или византийские авторы употребляли то либо другое название. Добавляет он и еще один вариант: Daorigi, «даоризы» в позднем латинском произношении. Из упомянутых этнонимов, согласно античным свидетельствам (Страбон), название «вардеи» считалось более поздним, нежели «ардеи», употребленное у Орбини.

² Лат. *Corsuga Nigra* («Черная Коркира»), хорватское название — Корчула (Korčula), итальянское — *Corzola*.

³ *Pleari*; так их называет Страбон. Лат. *Pilarii* означает «копьеносцы», от *pilum* — «металлическое копье». Впрочем, это может быть поздней латинской этимологией, по созвучию; у Плиния данный этноним — *Pilagi*, то есть «пиляры».

⁴ Жители Рагузы, Дубровника. Орбини постепенно переходит к истории своего родного края. В этой части повествования для него важны мельчайшие подробности; в связи с этим я мы, по возможности, сопровождаем текст относительно подробными постраничными примечаниями, ориентируясь в значительной степени на итальянский оригинал, где эти подробности обозначены более четко и основательно.

ну Дуная. Историк Джакомо Кастальдо говорит, что скордиски жили на территории, ныне называемой Рашия¹. Но другой автор, Марио Нигро, утверждает, что они жили на тех землях, которыми сейчас владеют боснийцы. В 618 году от основания Рима бились они впервые против римлян, предводительствуемых претором Косконием. Спустя 29 лет они победили консула Гая Порция Катона, а впоследствии — Дидиона, Лентула, Пизона, Корнелия, проконсула Минуция Руфа, Мессалу, Луция Сципиона и консула Ливия Друза. Все они сражались, один за другим, против свирепого народа скордисков, который был настолько жесток, что если кому-нибудь не хватало чаши для питья в пути, тотчас отсекали голову одному пленнику и, вынув из нее мозг, использовали окровавленную и покрытую волосами кожу вместо сумки, а череп — вместо чаши². Они некоторое время были могущественны, но от непрерывных войн с римлянами и с соседями мало-помалу ослабели.

О сагестанах, иллирийских славянах

Сагестаны свирепейшим образом воевали с консулом Луцием Аврелием Коттой, Метеллом и цесарем Августом. Последний был серьезно ранен камнем в колено, когда брал приступом их город Сетовию³. Наконец же были подавлены могуществом римлян.

О яподах, иллирийских славянах

Этот народ жил на горе Альбий⁴, крайней из Альпийских гор, и очень высокой. С одной стороны они граничили с землями паннонов и Дунаем, а с другой — с Адриатическим морем. У них были города Метул (Metulo), Арупины (Aurupino), Монетий (Monetio) и Вендон (Vendo)⁵. Ожесточенно воевали с римлянами, а осо-

¹ Rascia, Рашка, один из регионов Центральной Сербии.

² Орбини ни в коей мере не смягчает античные описания «варварских» народов, именуемых им славянами, без всяких оговорок (хотя описания эти наверняка тенденциозны и склонны к возведению в принцип отдельных кровавых эпизодов древних войн). Впрочем, преемственность исторических славян в отношении иллирийцев, фракийцев и других древнебалканских этносов могла быть лишь весьма опосредованной (см. вступительную статью).

³ Ныне это небольшой город Шушань (Šušanj) в Черногории.

⁴ Лат. Albium. Орбини здесь дает ссылку на Страбона (в итальянском оригинале).

⁵ Орбини опирается здесь на сведения Страбона («География», книга 4, 6.10). Мы воспроизводим принятые в современном русском антиковедении формы топонимов, в скобках даем их итальянский вариант, по Орбини. Не исключено, что последний из этих топонимов («Вендона» в одном из вариантов итальянского перевода Страбона эпохи Орбини) имеет какое-то отношение к адриатическим венам (предкам южных славян, по Орбини), или, в более общем варианте, к древнему «венетско-венедскому географическому пространству» (см. об этом в заключительной статье-комментарии).

бенно с консулом Гаем Семпронием Тудитаном, претором Тиберием Пандусием¹ и, конечно же, с цесарем Августом. Когда римляне ходили войной на город, называемый Метул, то постоянно бывали отбиты осажденными, которые поджигали их осадные машины и тяжело ранили самого цесаря, когда тот покусился перескочить с деревянной башни на городские стены. Однако же после того он покорил их под иго. Земли яподские были неплодородны, так что большей частью там питались полбой и просом. В доспехи они одевались, как франки; одежду носили такую же, как другие иллирийцы и фракийцы. В Скардону приходили² для отправления правосудия. Ныне же они называются крантиями³, подданные Австрийскому королевству. Иоанн Стадий в записках о Луции Флоре утверждает, что яподы жили на тех землях, которыми ныне владеют стирийцы.

О пеонах, или о паннонах, иллирийских славянах

Эти люди жили у реки Истр, или у Дуная⁴, в Европейской Мёзии, рядом с далматским народом. Имели обыкновение всю жизнь проводить в жестоких и трудных условиях, поскольку ни земля, ни воздух не были у них благодатны, не было у них ни деревянного масла, ни виноградного вина, разве только в очень малом количестве. Они не возделывали землю, поскольку у них большую часть года стояла холодная зима. Пищей у них были житарь⁵ и просо, из которого они делали питье. В остальном же они были людьми крепкими, могучими, от природы склонными к жестокости и убийству, но славились своими родственниками, жившими на землях Нижней Пеонии, которые участвовали в войнах Филиппа и Александра Македонских. Также они устроили ужасное разорение римскому консулу Корнелию, из-за чего в такой страх впала Италия, что долгие годы ни один консул не дерзнул попытаться счастья с паннонцами, которые превзошли в своем успехе далматов, бывших их союзниками во времена цесаря Августа.

¹ Их поход в Иллирию имел место в 129 г. до н.э.

² Сейчас Скардона — это небольшой хорватский город Скрадин (Skradin). В иллирийскую, доримскую эпоху это был город либурнов (по Страбону).

³ У Орбини: Crantii; жители Каринтии (по-немецки Kärnten, на словенском языке Koroška), нынешней федеральной земли на юге Австрии, в Альпах, по соседству со Словенией. Славяне-каринтаны («корутане» средневековых источников), согласно документальным свидетельствам, живут здесь с VI в., издревле контактируя с кельтами и германцами. Название Каринтии уходит в глубину тысячелетий. Его связывают с иллирийскими, с кельтскими грамматическими корнями или с еще более древней, доиндоевропейской, языковой основой.

⁴ В итальянском оригинале Орбини здесь ссылается на различные источники географической локализации этого народа.

⁵ Жито — немолотое зерно ржи либо пшеницы; или хлеб, когда он еще на корню, не сжат. Житарь грамматически может означать и человека, имеющего отношение к житу по роду своей деятельности. Здесь употребляется как синоним хлеба.

О либурнах, иллирийских славянах

Иллирийцы-либурны многожды сопротивлялись римским полководцам. Они разбили славных римских консулов Лентула и Габиния¹. В последующих же веках они прославились в корабельных войнах. Всегда держали наготове большой флот, с которым наступали на острова Архипелага, завладев ими. Коринфянин Архий, основатель Сиракуз, оставил в Сицилии Херсикрата из рода Гераклидов, с частью своего воинства, на заселение Схерии, которая сейчас называется Коркира. Тот же прогнал либурнов, владевших островом². Провинция Либурния приняла свое имя от стольного города, называемого Либурнией. Это самая древняя провинция, которая ныне относится к округу города Задар³. Плиний во II главе третьей книги повествует, что, прийдя в Апулию, страну педиколов, девять иллирийских юношей и столько же девиц народили с течением времени тринадцать народов. У этих педикулов были города Рудия, Эгнатия, Барий, изначально называвшийся Япиг⁴, ныне же Бари. Эти места потом называли Певкетией или Певкентиной, восприняв это название от вышеозначенных юношей, которые были либурнами, а часть их именовалась певкетиями⁵.

О далматах⁶, иллирийских славянах

Далматский народ за свое мужество, храбрость и воинское искусство никогда особенно не восхвалялся среди прочих иллирийских народов. Греческие же и латинские историки прославили их воинское мужество. Эти далматы впервые воевали с римлянами во времена, когда в Далматии царствовала Тевта. Потом сражались с Гаем Макрием, который в первом сражении был побежден ими. После этого они не переставали поднимать оружие на римлян и на других иллирийцев, их союзников. Они не приняли послов от римской республики, разбили караульные войска. Римского консула Марка Фигула

¹ Габиний, известный римский военный и политический деятель, умер в Иллирии, вскоре после поражения от далматов.

² Остров Схерия (Σχερίη) упоминается у Гомера как одно из местопребываний Одиссея в его пути на Итаку. Схерия с античных времен отождествляется с островом Коркира (или Керкира; сейчас известен под своим итальянским названием Корфу). Согласно древнегреческой мифологии, на Схерии жили феаки (Φαίακες), «блаженный народ», чье описание напоминает античные представления о гиперборейцах. Таким образом, либурны, трактуемые у Орбини как предки славян, сближаются с прекраснейшими образами так называемой античной утопии, обозначая один из аспектов метаистории в книге «Царство славян».

³ Город Задар, по-итальянски Зара (хорв. Zadar, лат. Iadera, итал. Zara) — один из исторических центров Далматии. В латинском варианте сохранилось его древнее иллирийское название. Иллирийцы жили здесь за тысячу лет до включения Далматии в состав Римской империи.

⁴ Лат. Iarux. В итальянском варианте у Орбини: Iapedi.

⁵ Орбини здесь дает ссылки на античных авторов: Плиния, Каллимаха, Дионисия Пунического. Peucetii — латинское название племени, жившего в Апулии, на юге Италии. Другим их этнонимом было Poedicli, «педиклы» (согласно Страбону). Их относят к племенному союзу япигов.

⁶ Собственно говоря, средневековые и новоевропейские жители Далматии (Далматии) по-русски именуются далматинцами (производное слово от названия их Отечества). Однако Орбини подчеркивает прямую их преемственность от древнего, доримского народа далматов, поэтому в нашем переводе чаще используется именно этот архаичный этноним.

прогнали до реки Нарон. Дружески приняли пришедшего консула Цецилия Метелла с войском. А тот, будучи встречен далматами как друг и перезимовав в городе Салоне, возвратился в Рим и провозгласил триумф над далматами, даже не повоевав с ними.

Во времена же войны Цезаря против кельтов далматы взяли насилем город Промону у либурнов, которые пожаловались на это Цезарю, бывшему тогда их соседом. Тот же отправил послов к далматам, чтобы отдали назад город Промону без всякой ссоры. Когда же упомянутый Цезарь воевал против Помпея, далматы порубили 15 отрядов и три тысячи римской конницы, которые Габиний вел ему на подкрепление. Когда же Цезарь пошел войной на парфян, они побили Атиния с тремя отрядами, посланными Цезарем к пограничным далматским территориям, чтобы разузнать о верности послов, посланных к ним. Незадолго до того убили Бебия, консула и полководца вышеозначенных войск, когда Атиний отправился в Старую Рагузу. Война, которую далматы вели, объединившись с пеонами, своими приятелями и соседями¹, против цесаря Октавиана и его «генералов» Германика и Тиберия, была самой ожесточенной. У восставших было 800 тысяч человек, из которых они выставили 200 пехоты и 9 тысяч конницы под командованием славных полководцев Балтона и Пинка. Их люди разделились на три войска: одно должно было напасть на Италию, другое пошло войной на Македонию, а третье осталось оберегать Отечество. Так, они разбили соседние римские провинции и сокрушили огнем и мечом Македонию. Цесарь же и Сенат побоялись их неприятельских козней, тем более что, по словам самого Августа, они могли бы за десять дней достичь ворот Рима. Когда же все римские сенаторы и всадники наконец убедились, что надо способствовать избежанию этой войны, был послан Тиверий с тридцатью отрядами, к которым должны были присоединиться также консулы Цецина и Сильван с подмогой еще в пять легионов и с большой частью конницы фракийского короля Металка. Далматы же, упредив это соединение, наступили на вышеозначенную подмогу и порубили ее, можно сказать, на куски, так что Тиверий уже имел большие сложности с покорением под иго Далматии, которая нанесла огромный урон Римской республике, чего не случалось ни в одной другой Карфагенской войне и по сей день.

Когда же цесарь Август победил вышеописанным образом далматов, то покорила себе в то же время жителей островов Меледа² и Корчула³, которые устраивали морские разбои. Из них цесарь приказал побить молодых, а старых продать с торгов. Среди далматов были даорсы⁴ и дезитиаты (Desitiati), непревзойденные в труднодоступности их мест жительства, в неукротимости нрава и в удивительном знании военных хитростей. Они никогда не были окончательно покорены римлянами до

¹ Племенной союз пеонов (др.-греч. Παίονες), вероятно, фракийско-иллирийского происхождения, известный уже в эпоху классической Античности, находился в основном на территории современной Македонии.

² Меледа — итальянское название острова Млет недалеко от далматинского побережья, того самого острова, где подвизался монах Мавро Орбини.

³ Хорватское название Корчула (лат. и итал. Corzula).

⁴ Варианты: даоризы, даурсии; эллинизированный иллирийский этнос (др.-греч. Δαορίσιοι, Δαούριοι; лат. и итал. Daorsi), живший в долине реки Неретвы (романизированное название: Нарон, Нарона).

времен цесаря Октавиана, которому пришлось очень потрудиться, чтобы одолеть их. Когда же римская монархия пала, далматы много воевали с прочими державами и государствами, храбро сопротивляясь любому, кто пытался лишить их природной вольности. Среди прочих бились долгое время с Генрихом, сыном Оттона Саксонского, который пошел с войной на Далмацию. Далматы же, объединившись с некоторыми богемцами и сербами¹, вошли в Саксонию и прошествовали в Тюрингию. Но поскольку они беспорядочно разоряли страну, на них напал граф Поппон, разбил и разогнал их, значительно перебив, особенно сербов. От нападений последних в значительной мере пострадал французский король и цесарь Карл Великий, будучи вынужден примириться с ними, поскольку в прошедших войнах против вильцев-славян, главных неприятелей франков, прислали ему большую подмогу под управлением их государя Витизана, чтобы укрепить дружбу с вышеназванными сербскими славянами и абродитами². Сначала Карл подарил им территорию по обе стороны реки Албии³, где обитали в то время саксы, которых он в наказание перевел оттуда во Францию⁴. Во времена же Генриха Первого и цесаря Оттона Третьего Далматия очень пострадала от их нападений, однако вышеназванный франкский король и цесарь всеми своими силами не могли склонить непокорные далматинские сердца к порабощению; это удалось в войне с ними Венецианской республике. Той республике пришлось преодолеть великие трудности, прежде чем покорить их под свое господство. Еще в доримские времена далматы под управлением славного полководца Давна, который ради домашней войны оставил отечество, захватили оружием Япигию, ныне называемую Калаврией, и по имени Давна назвали ее Давнией. В древние времена Далматия владела городами Салоной⁵, Приамоном, Нинией и Синотром, которые были сожжены цесарем Августом. Были также у них крепость Андретрий и большой город Далминий⁶, от которого и взяли себе имя

¹ Это уже, несомненно, события из средневековой истории славян, а не древних иллирийцев (первоначальных далматов современные историки, как и Орбини, классифицируют как иллирийский этнос). Сербы в раннем Средневековье — это, скорее, предки будущих южных славян-сербов; данный этноним, по-видимому, очень древний, упоминается севернее Балкан. Кроме того, в варианте «сорбы», это название одной из этнических групп северных, балтийских славян (единственного из этих народов, сохранившего до нашего времени славянский язык). Орбини, вообще говоря, повествует именно о «сорбах» (Sorabi в итальянском оригинале).

² Балтийских славян-ободритов («Abroditi» в итальянском тексте книги Орбини, с довольно распространенной в западных источниках перестановкой согласных).

³ Эльбы.

⁴ То есть в земли франков, в несколько расплывчатой терминологии Орбини, писавшего в манере литературы барокко. В итальянском тексте Орбини упоминает и имя правившего тогда князя славян-ободритов: Тамбавиз, или Тароваз (Tambauiz; Tarouaz).

⁵ Салона (или Салоны) — древний город, где первоначально жили иллирийцы-далматы и находилась древнегреческая торговая колония; в римскую эпоху Салона стала столицей провинции Далматия (Далмация), в составе Римской империи.

⁶ Лат. Dalminium. Поскольку этот топоним важен как традиционный источник названия родины Орбини, приведем варианты его (у различных авторов): Delminium, Deminium, Delmis. По средневековым свидетельствам, этот город был заброшен уже за три-четыре века до Орбини, хотя его развалины тогда еще сохранялись. Сейчас даже его бывшее местонахождение идентифицируется по-разному.

далматы. Каждые восемь лет они, по свойственному им обычаю, устраивали переезд своей территории. В Салону обращались для разрешения вопросов, связанных с законами, которые там (в Далматии) распределялись сообразно разделению (населения) на декурии¹. У далматов было 372 декурии, у декунов² — 22, у диционов — 239, у мазеев — 79 и 52 — у сардиатов³. А в другой город, Нарону, обращались из 89 прочих городов⁴. Кроме того, Далматия владела многими островами на Адриатическом море. Итак, если принять во внимание великую силу далматов, не покажется особенно странным то, что написано об их храбрости⁵.

О народе дарданов, иллирийских славян

Разные мнения были у историков земли, в которой обитали дарданы⁶, иллирийский славянский народ. Одни считали их жителями страны под названием Босния, другие же относили их к Сербии и Рашии⁷. Этот народ имел обычай обмываться ровно три раза в течение всей своей жизни. В первый раз — когда рождались, второй — когда женились и последний — когда умирали. Очень любили музыку на духовых и струнных инструментах. Ожесточенно воевали с Филиппом, Александром Великим, сыном Филиппа, Александром, сыном Пирра, Антигоном и Димитрием, со всеми македонскими царями, последнего из которых они изгнали из его царства. Многожды отражали нападения римских войск под управлением консула Скрибония и проконсула Куриона.

¹ На декурии, «десятки», в Древнем Риме подразделялись курии различных сословий римского общества. В данном случае Орбини, повествуя о древней Далматии, цитирует Плиния («Естественная история», книга 3, глава 22), указывая источник в итальянском оригинале, что облегчает восприятие этого сюжета. Однако в различных списках и изданиях Плиния (хорошо известных и в Италии, задолго до Орбини) количество этих «далматинских декурий», применительно к обитавшим там этническим группам, существенно варьирует. Это относится и к названиям племен.

² У этого этнонима наиболее заметные разночтения с вариантом Орбини: в ставших ныне классическими изданиях Плиния это *Deurici* (*Deurigi*), то есть деврики (девры).

³ Плиний упоминает в вышеуказанной главе и другие племена древней Далматии. Возможно, Орбини считал приведенные им этнонимы наиболее надежными, на основании каких-то иных первоисточников.

⁴ Здесь Орбини ссылается (в итальянском оригинале) на римского ученого-энциклопедиста Варрона (116—27 до н. э.).

⁵ В оригинале: «*della nobile natione Dalmatina*», «о благородном народе далматинском».

⁶ Дарданы (дарданцы) — палеобалканский народ, по-видимому, участвовавший в этногенезе албанцев. В палеобалканистике донныне остается немало труднодоказуемых гипотез и «белых пятен».

⁷ Рашка (*Raška*), Стара Рашка (лат. *Rascia*, итал. *Rassia*) — историческая область на юге Центральной Сербии и на севере Черногории. Столицей Сербии некоторое время был город Рас; в западноевропейских источниках именем этой области иногда называли Сербию. Многовековая близость Сербии и Руси в сфере православной литературы и искусства воспринимается еще более зримо и убедительно в свете этого созвучия, которое, возможно, не случайно, если обратиться к сравнительному языкознанию, к глубинной ретроспективе. И у Орбини, в итальянском тексте, жители этого сербского региона названы словом *Rassiani* (без всяких искусственных допущений, с нормативным праиндоевропейским суффиксом, который имеет еще более древнее происхождение).

О мёзийцах, или мизийцах, славянском народе Иллирии

Иллирийские мёзийцы¹ были двойственным народом. Верхних сейчас некоторые историки называют сербами, а другие — бошняками². Нижние же ныне называются булгарами³, а все они единым именем назывались малыми скифами. Эти мёзийцы были немилосердны, свирепы и горды. Когда римский консул Марк Красс пришел с грозным войском, чтобы покорить их под иго, мезийское войско стояло напротив этого войска. И в тот момент, как оба войска уже были готовы сразиться, один мезийский полководец выехал из своего стана и воззвал к римскому войску громким голосом, спрашивая: «Что за люди?» Когда же ему было отвечено: «Римляне, господа всех народов», тогда мезийцы воскликнули: «Будет так, если нас победите».

Эта Малая Скифия также завоевала земли бессов и трибаллов. От бессов же произошли боснийцы («бошняки»), как говорится подробно в отдельном описании Боснии.

О народе трибаллов, иллирийских славян

Когда царь Македонии Филипп победил многие народы, покорил почти всю Грецию и побил войска своих неприятелей, одни лишь трибаллы из всех прочих устремились на него, когда он, обремененный добычей, возвращался в Македонию. При этом они его поразили в бок так, что железо прошло сквозь его коня, нанеся тому смертельную рану, разогнали все его полки и овладели всей, какая была, добычей Филиппова войска, а сам Филипп с большим трудом спасся бегством и никогда потом не дерзнул нападать на них. Александр Великий, сын Филиппа, намереваясь после смерти своего отца отомстить эту обиду, поднял оружие на трибаллов, которые сопротивлялись ему мужественно и бесстрашно. Между ними последовало множество сражений, в которых Фортуна колебалась от одних к другим. Александр же, видя, что не сможет их одолеть, и когда они отступили на дунайский остров Певку⁴, принял дары от их царя Сирмия и заключил с ними мир. И поскольку он познал их силу в оружии, то во всех своих походах он пожелал задействовать их, как и пеонцев и агрийцев. Жили трибальцы во Фракии, и их земля простиралась от агрийцев до Дуная на 15 дней пути. Поначалу они много страдали от своих междоусобных

¹ Балканскую Мёзию (др.-греч. Μοισία, лат. Moesia), располагавшуюся вдоль южного берега Дуная, не следует путать с областью Мизия (др.-греч. Μυσία, лат. Mysia) на северо-западе Малой Азии.

² Боснийский язык весьма близок сербскому; диалектные различия нередко обусловлены конфессиональными моментами и соответствующими заимствованиями.

³ Болгары.

⁴ В итальянском тексте у Орбини название острова: Реусе (от древнегреческого слова со значением «сосна»). Остров находится в дельте Дуная. Его иногда путают с островом Левка. Левка, «Белый (остров)» — одно из древнегреческих названий священного черноморского острова напротив устья Дуная (другие распространенные названия: «остров Ахилла», «Змеиный»). Предполагается, что остров почитался еще в догреческую эпоху; возможно киммерийцами.

войн, потом же были побеждены македонцами и римлянами. Среди этих трибаллов были и такие люди, которые одним только взглядом наводили порчу и убивали младенцев, на которых они посмотрят упорно гневным взглядом.

Об агрианах¹, славянском народе Иллирии

Этот народ проживал между горами Родопскими и Балканскими². Сначала агриане неуступчиво воевали с Александром Великим и его отцом Филиппом, македонским царем. Потом же, примирившись с Александром, они показали ясный знак верности в союзе, хотя и были соблазняемы некоторыми помощниками персидского царя Дария, врага Александра, помочь ему. Но агриане и в отсутствие Александра под предводительством своего царя Лагара укротили эту дерзость тех помощников, разгоняя и разбивая их полки, пообещавшие смириться. Александр, за это воздав Лагару достойную благодарность, почтил его дорогими подарками, пообещав ему вскорости отдать в жены свою сестру, когда возвратится в Пеллу. Но брак тот, к великой печали Александра, оборвала смерть Лагара. Александр всегда был приятелем агрианам и звал их во все свои войны в кавалерию в качестве главной подмоги своего македонского войска и оберегателей своей собственной персоны. И, разумеется, благодаря агрианам был повержен и убит персидский царь Дарий, и была одержана столь знаменитая победа Александра над персами. Ведь когда началось сражение, многие из македонцев при первом натиске были побиты, и большая часть обратилась назад к Александру. Персы уже было издали победный крик, и Александр, стоявший в середине и окруженный персами, обречен был на превеликую беду, как тут агриане напали на окруживших Александра неприятелей и отвлекли их на себя, дав время Александру оправиться от бедственного положения, снова собрать силы и победить неприятеля. С помощью агрианов Александр завоевал Ионию, Морею, обе Фригии, Каппадокию, Пафлагонию, Лидию, Карию, Ликию, Памфилию и Финикию. Храбростью же агрианов покорил под иго Египет с греческой Ливией, часть Аравии, Келесирию, Месопотамию, Баланию³, Сузы, персов, мидийцев, парфян и все народы, которыми властвовали персы и мидяне, кроме Каспийских врат, Кавказа и реки Дона. Мощью руки агрианов он распространил свое державство на бактрийцев и гирканов⁴, прогнал скифов в их леса, покорил себе славнейшие реки Инд, Гидасп, Акесин и Гидраот⁵.

Таким образом, пусть будет признана заслуга самих иллирийских агрианов, а в их лице и всего славянского рода. Царь Александр даровал известную жалованную грамоту, которую, спустя несколько столетий, некто Юлий Валтасар, секретарь цесаря, нашел в Константинопольской⁶ библиотеке. В ней было написано следующее:

¹ Фракийский этнос, обитавший к северу от Македонии.

² У Орбини: «Гемские горы», древнее название Балкан.

³ Иначе: Valania, Belinas, Vanidas. Историческая область в Сирийском регионе, близ Латакии.

⁴ Македонская колония Гиркания находилась в Малой Азии (в Лидии).

⁵ Реки Hydasp, Akesines, Hydraoth упоминаются в преданиях о походе Александра Македонского в Индию.

⁶ О жалованной грамоте Александра Македонского славянам см. вступительную статью.

Мы, Александр Филиппович¹, Царь Македонский, Государь Монархии, изобразительный начатель державства греческого, Великого Диабога² сын чрез Натавана возвещен, обладатель Августов, и Брахманов, и Арбонов, от Восхода Солнечного до Запада, от Полудни до Севера, благородной породе Славян и их языку — милость, мир и здравие от нас и от наших наследников; которые во управлении света по нас наследствовать будут. Понеже нам всегда были есте в вере правдивы, во оружии мужественны, и наши проводницы, и сильные ратоборцы; за сие вам даем и сообщаем богато дарно, вечно, всю часть земли Северные, даже до границ последних полудня³ Италийского и до гор Персидских, таково, дабы никто дерзал тамо пребывать, обитати, или жительствовати, разве токмо ваши. А ежели некоторые восхотят населятися, да будут вам невольники, и дети их да будут невольники ваших сынов.

Дана во граде Новой Александрии, которой основан нами на великой реке Ниле, в лето второенадесять нашего Царствования; представляющую нам великому богу Иовиту⁴, Марсу и Плутону, и богине Минерве. Свидетели сего дела суть высокогородный Алцета наш канцлер и прочие едиинадесять князе, которых по смерти нашей без наследия нашего⁵ оставляем наследниками нашими и вся вселенной.

Эта жалованная грамота является одной из древнейших, какую ни один другой народ мира не мог явить в свидетельство мужества своих предков. Не должно казаться странным в этой грамоте название «славоны», потому как «славоны» и «славы» знаменуют собой все известные и прославленные народы, которые были описаны выше. Город же Агррия, расположенный в Дакии, был основан теми же агрийцами, которые жили между Гемских гор⁶ и гор Родонских, по соседству с Македонией⁷.

О македонянех, также иллирийских славянах

Хотя некоторые историки считают, что македонцы должны считаться греками, может статься, что Македонию всегда населял славянский народ, берущий свое начало от Тира. Это подтверждается последующими доводами.

Язык македонский всегда отличался от греческого, что я могу подтвердить примером из истории Александра Великого, чье воинство состояло большей частью из греческого народа.

¹ Alessandro di Filippo в итальянском оригинале.

² Юпитера, или Зевса (Giove в итальянском тексте у Орбини). Любопытно, что в изложении Савы Владиславича используется форма, близкая к древнему индоевропейскому варианту этого теонима.

³ То есть «юга» (архаичное слово в русском языке, восходящее к античным аналогам).

⁴ Немного видоизмененное латинское имя Юпитера (в соответствии с той его грамматической формой, которая употребляется в косвенных падежах).

⁵ То есть без прямого, кровного наследника.

⁶ Античное название Балканских гор (лат. Haemus, отсюда итальянское *Ето*; *Емо* в изложении Савы Владиславича), происходящее от имени мифологического героя-фракийца: Αἴμος по-древнегречески.

⁷ Согласно книге Орбини, получается, что эта грамота была дана вполне определенной этнической группе иллирийцев, входящих в число предков южных славян.

Некогда Филот, сын Пармениона, старший полководец александровых македонцев разговаривал об одном своем деле перед всем войском. Александр сказал ему: «Македонцы, о Филот, должны осудить тебя. Я спрашиваю тебя, желаешь ли ты говорить с ними на твоём родном языке!» Филот же ответил: «Если говорить на родном языке, не поймут греки». Александр же, упрекая Филота, сказал: «Слышите, македонцы, Филот гнушается своим родным языком!» Из этого явно следует, что если бы македонцы были греками, тогда к чему Филоту отказываться говорить по-гречески с греками. Более того, молчаливый союз народов был первый, в котором были введены в употребление ионийские письмена, поскольку родная речь македонцев отличалась от общего греческого языка. Это очевиднейший признак того, что македонцы не относились к грекам. И поэтому также ни один историк не пишет, чтобы во всенародном разделении языков Немрода¹ македонцам достался целый отдельный язык, отличающийся от языков всех прочих народов. И напротив, многие историки утверждают, что македонцы были всегда славянского языка. Фукидид, греческий генерал, который, покорив большую часть Фракии и Мёзии и всю Иллирию², называет все эти территории единым именем «Македония», не считал прямо, что территории Фракии, Мёзии и Иллирии были едины с Македонией, а только что они говорили на одном и том же языке. Кроме того, титулы македонских и греческих царей (который использовал Александр) отличались, и прирожденные обычаи тех и других были настолько различными, что доказывает: македонцы не были греками. Поэтому, если и пишут варварские историки, что Александр Великий был эллином, то только из-за того, что греки были больше известны, чем все прочие европейские народы за древность своих войн с восточными народами. И поэтому считалось, что все западные люди были греками, как и в наши времена греки, турки и все прочие восточные народы считают всех людей католической веры немцами. Иеремия Русский, хороший историк, в «Московских анналах» явно пишет, что россияне и македонцы были одного и того же языка³. Македонцы под предводительством своего царя Филиппа вынудили прегордые греческие города к подчинению своим законам и поработили всю Грецию, которая до того времени была свободной, сравнившись своей славой с превеликими царями. Территория Александра Великого, сына Филиппа, простиралась до самого края земли⁴. Он пограбил многое множество народов, и умолкли земли перед этим властителем. После Александра македонцы и их наследники среди прочих царств⁵ 266 лет господствовали над египтянами.

¹ Нимврод, Нимрод в библейской традиции был царем Вавилона и Аккада; он повелел возвести башню до небес, за чем последовало, в качестве Божией кары, разделение единого языка на множество наречий.

² Историк Фукидид (V в. до н.э.) участвовал в Пелопоннесской войне, возглавляя эскадру, которая действовала у побережья Фракии.

³ Еще одна цитата из загадочного творения Иеремии Русского.

⁴ В Средние века в Европе и на Ближнем Востоке бытовали мифологизированные легенды о хождении Александра «на край света», через «страну тьмы» (к полярным регионам?).

⁵ Имеются в виду правители царств, на которые распалась империя Александра Македонского.

О славянах-иллирийцах в целом

Иллирийцы после смерти Александра Великого служили в войнах и другим государям, а больше всего римлянам, которые, зная их мужество, старались их всегда держать в союзниках и в тяжелых войнах и бедственные времена пользовались их воинскими силами. Так, цесарь Иулиан воевал с ними против Мартиана. И поскольку на Римское державство тогда совершали набеги германцы, на охрану пограничных территорий было поставлено два легиона иллирийцев, каждый по шесть тысяч воинов, именуемых «Марциобарбулами»¹, длительные войны с которыми оканчивались благополучно до пришествия на царство Диоклетиана и Максимилиана. За заслуги в храбрости повелели цесари называть иллирийцев «Иовиями» и «Геркулиями»². Ни цесарь Август не получал от кого-либо такой помощи в междоусобных войнах, ни царь Валент в восточном походе, как от иллирийцев. Они же воевали и под Велисарием в Италии против готов, где больше всех проявил себя в храбрости иллирийский военачальник Назем. Между тем именно далматы прославились больше всех в храбрости оружия, тогда как имя их всегда было прославлено.

О далматах³, иллирийских славянах, об их твердости и поступках

Далматия была своего рода палестрой, или воинской школой римских солдат, где они обучались владению оружием и привыкали к военному делу. Римляне нуждались в великих начинаниях далматов, чтобы иметь их товарищами в войне, которую царь Клавдий вел с готами, число коих доходило до 350 тысяч воинов. Далматская конница показала изрядную храбрость во времена царя Гонория, когда дела римские находились в большом упадке. Полки далматских солдат были поставлены охранять город Рим, поскольку с их храбростью и телесной мощью они были главной силой римского войска. И по сей день турецкий султан, выбирающий начальников в свое правление, выбирает полководцев своим войскам из этого иллирийского народа, держа для охраны своей особы до 20 тысяч янычар от того же народа.

¹ Это воины, в чье вооружение входили короткие, но массивные метательные копья (дротики) с зазубренным наконечником и с оперением, утяжеленные свинцом (*plumbatae*; так иногда называли и дубины со свинцовыми набалдашниками, но в данном случае имеются в виду копья). В составе армии Диоклетиана было два легиона иллирийских воинов, которые мастерски владели этими тяжелыми дротиками. Эгих воинов, по свидетельству римских военных историков, называли *Martio-barbuli*. *Barbula*, по-латыни буквально «бородка», обозначает зазубрины наконечника, а всё название можно перевести как «Посвященные Марсу (воины) с зазубренными (дротиками)». Именно о них пишет Орбини. Указанное им число воинов в каждом из этих легионов очень велико; столь большие легионы формировались лишь в исключительных случаях, и это обстоятельство тоже свидетельствует о доблести воинов-иллирийцев.

² Подобными Юпитеру и Гераклу. Так именовались старшие дворцовые («палатинские») воинские подразделения императорской гвардии; эти названия сохранялись и в ранневизантийскую эпоху, в Восточной Римской империи.

³ В настоящее время слово «далматы» обычно относят к древнему балканскому этносу (лат. *Dalmatae*), а средневековое население Далмации именуют производным от ее названия словом «далматинцы». У Орбини в оригинале: «*Dalmatini*».

О древнем языке далматов и прочих народов Иллирии

Хотя некоторые и захотят подтверждения того, что нынешний язык описанных народов отличается во всем от того, который у них был сперва, и что он впервые был введен в употребление славянами в 606 году, когда славяне овладели теми местами, где в прошедшие времена был или греческий, или латинский язык, то, по моему убеждению, в Далматии и в Иллирии был всегда тот же язык, который используется там сегодня, хотя с приходом готов и славян он несколько исказился¹. Нет никаких сведений в пользу того, что там, где исходные жители земли не разделились, остался первоначальный, древний язык, разве что с некоторыми изменениями, как, например, в Италии, где остался древний латинский язык, хотя он и испорчен из-за непрерывных набегов разных чужеземных народов. То же случилось и с далматами и прочими иллирийцами, которые, сообщая со славянами, способствовали искажению своего древнего языка и из двух разных языков сделали третий, родственный обоим². Так, и в самом деле на некоторых приморских землях Далматии находились римские поселения, где говорили на латинском языке. Но также верно и то, что они там поселились, когда теми местами уже овладели славяне, что произошло в 606 году³. Другой неоспоримый довод — перевод Священного Писания святым Иеронимом, учителем Римской Церкви⁴, далматам и прочим иллирийским народам — почти за двести лет до того, как славяне овладели Далматией⁵, и, следовательно, можно определенно заключить, что далматский и иллирийский языки

¹ Орбини здесь близок к позиции автохтонизма, свойственного многим славистам последующих веков. Примечательно, что исходным праязыком своей Родины он называет все же древний палеобалканский язык, с трудом поддающийся реконструкции в связи с малым количеством сохранившихся свидетельств.

² При всей подвижности и произвольной, барочной «литературности» своей терминологической системы Орбини здесь достаточно ясно разграничивает исторических средневековых славян (и их языки) и первоначальный пранарод («род Славянский»), объемлющий иллирийцев, венетов, венедов, вандалов, фракийцев и др.: древние европейские этносы, давшие начало народам более поздним, известным из письменных источников. Эта схема подтверждает ключевую для понимания книги Орбини концепцию заявленного им «рода Славянского» именно как пранарода, предложенную во вступительной статье. При этом родные для Орбини далматы оказываются носителями традиций и языка этого изначального народа (пусть с неизбежными модификациями). Не случайно Орбини называл свой язык не хорватским и не сербским, но «дубровницким».

³ Орбини здесь говорит о латыни средневековой, на основе которой складывались новые, романские языки.

⁴ В оригинале у Орбини: «Dottore della Santa Madre Chiesa», «Учитель Святой Матери Церкви». Сава Владиславич в своем изложении более нейтрально передает эти авторские формулировки католического монаха Мавро Орбини.

⁵ Блаженный Иероним (около 342—420), переводчик Библии на латинский язык, согласно некоторым средневековым и ранненовоевропейским источникам и исследованиям, был также создателем славянского глаголического алфавита, распространяемого преимущественно у южных славян. Собственно говоря, книга Орбини — один из этих источников; но славяне (позднее переселившиеся в Иллирик) здесь дистанцируются от древних далматов, которым, по Орбини, благовествовал святой Иероним (однако «языком Славянским»!).

были в употреблении до прихода славян. Эта истина, разумеется, подтверждается и именами городов Иллирии, такими, как Грапса, Коритта, Билазора («Белазоря») и другими, которые носят славянские названия¹. Хотя заметно, что древний язык Далматии и Иллирии был един с готским и славянским², понимание между ними было затруднительно, притом что между языками далматов и славян не было такого различия, как между ними и иллирийским наречием.

О благородных и знатных людях Далматии и Иллирии

Помимо тех, что были упомянуты выше, родом из славянской Иллирии³, как известно, были также следующие знатные мужи: Клавдий, названный Флавием, его брат Квинтилий, римские цари Проб и Кар, родители которых были иллирийцами⁴. Также, по порядку, можно упомянуть цесарей Карина и Нумериана, сыновей Клавдия. Далматами⁵ же были Габиний, царь Диоклетиан, его сын Максимиан, сын Максимиана Максентий. Родом из Паннонии были цари Деций Август с его сыном Децием цесарем, Иовиниан, два Валентиниана, Валент Грациан и Валентин. Галлерий и Максимиан, его зять Аврелиан и Ликиний были даками и соответственно славянами. Два Максимиана были родом из Фракии. Цесарь Констанций, отец Константина Великого, был собственным внуком далмата Клавдия Августа. Из бессов или боснийцев («бошняков»)⁶,

¹ В итальянском оригинале Орбини приводит значение этих топонимов, в своей интерпретации: Bilazoga — «Белая Заря» (итал. candida aurora), Coritta — «Корыто» (итал. trogo), Grapsa — «Грабеж» (итал. rapina). Последние два истолкования, пожалуй, несколько странны для названий городов и выглядят как поздние народные этимологизирования. Однако город Buzazoga (или Vilazoga) в Македонии был хорошо известен еще со времен классической Античности. Высказывалось и предположение, что близ Билазоры находится гробница Александра Македонского. Два других иллирийских города Орбини упоминает (в итальянском оригинале) со ссылкой на готского историка Аблавия, чей труд ныне неизвестен даже во фрагментах (время жизни Аблавия датируют от первой половины IV в. до рубежа V—VI вв.). Собственно говоря, эта отсылка к совершенно забытому в современной науке позднеантичному историку, при всей ее беглости, чрезвычайно важна и могла бы стать предметом отдельного углубленного исследования. Тем более что Орбини в начале книги называет Аблавия в числе своих источников и, возможно, работал с какими-то, впоследствии утраченными или неизвестными текстами, проливающими свет на загадочную фигуру готского ученого, а одновременно и на раннюю историю славян.

² То есть в современной терминологии он был языком индоевропейским.

³ В оригинале Орбини подробно перечисляет здесь известных людей — уроженцев его родного края. Следует отметить, что есть смысловое различие между почти синонимичными словами «Иллирия» и «Иллирик». Последнее из них, Illiricum — это название конкретной римской провинции, тогда как первое, как правило, обозначает географическое понятие, всю западную часть Балканского региона (с не столь определенными границами), некогда населенную древними иллирийскими народами.

⁴ О принципах этнической идентификации у Орбини см. в статье-комментарии.

⁵ Вся эта глава нагляднейшим образом иллюстрирует территориальный принцип этнической идентификации, которого придерживался Орбини, и делает гораздо более понятными многие его «странные» умозаключения.

⁶ У Орбини: Bosnesi. Византийского императора Льва I (401—474), уроженца Дакии, называли «Фракийцем».

славянского народа, вышел царь Лев I. Юстиниан, первый царь с таким именем, родился в городе Призрен, в Сербии, или в Ахриде, именовавшемся также Юстинианой, а ныне называемом Охрид¹. Первое из всех добрых дел, совершенных царем Юстинианом Великим, было достойно вечной памяти, а именно он повелел издать (старанием Иоанна Патрикия, Трибуниана и Феофила Дорофея) две тысячи указов о гражданском судопроизводстве, действовавших во все времена Римской республики, в 50 книгах, названных «Народные деяния» («Digesta»)² и уместить это подробное повествование на четырех малых свитках под названием «Постановления об удобстве в судоискусстве»³. Наследником Юстиниана в державстве стал другой славянин, Юстин, который был племянником Юстиниана, родившимся от его сестры. После перенесения Римского державства к германцам императорами были Карл, Сигизмунд и Венцеслав, выходцы из чешских славян. Не лишен был славянский род и людей прославленных и ученых. Святой Иероним, учитель Римской Церкви, красноречие которого, как пишет (Блаженный) Августин в труде «Против Юлиана-пелагианина», светило, подобно солнцу, с востока на запад, родился на земле Далматии. Он был человеком столь авторитетным, что даже ученая Греция, наставница, восхваляемая знаменитыми историками всего мира, не постыдилась попросить перевод Библии, написанный этим далматом.

Далматия даровала Римской Церкви двух прославленных понтификов: Гая и Иоанна Четвертого, из которых первый украсил Божию Церковь многими святыми уставами. При Диоклетиане Августе же, его родственнике, принял мученический венец. Второй, рожденный от отца Венинтия Схоластика, был самым благоговейным человеком среди прочих, который собственноручно выкупал многих христианских пленников и впоследствии преставился в святольном благоговении. Гавиний, брат названного Гая, человек весьма ученый в Святом Писании, со своей дочерью Сусанной (девой преизрядной красоты, которую хотел взять в жены Максимиан, сын царя Диоклетиана) был замучен тяжкими мучениями по указу того же Диоклетиана. Тот же венец за исповедание Христа приняли Максим и Клавдий, братья Гая и Гавиния с женой Клавдия Препединой и с детьми Александром и Луцией; Марин и Лев. Братья Марин и Лев родились в Далматии в городе Арбии⁴. Кирилла, дочь царя Декия, Артемия, дочь Диоклетиана, и Серена, его жена, приняли мученичество от Максимиана.

¹ Город в современной Македонии.

² В итальянском оригинале Орбини: «Digesti» (буквально: «Собрание», «Свод»).

³ «Свод гражданского права» императора Юстиниана впоследствии стал образцом для законодателей всей Европы.

⁴ По-итальянски Arbe, по-древнегречески Ἄρβη, по-хорватски Rab, по-латыни и на далматинском наречии Arba — древний иллирийский город на одноименном острове близ адриатического побережья, впоследствии входивший в состав Римской империи. По преданию, святой Марин и его друзья-христиане бежали из Арбы (Раба) от преследований во времена Диоклетиана и нашли пристанище на вершине горы в Апенниннах, основав в 301 г. будущее государство Сан-Марино.

О разделении Иллирии, учиненном римлянами

Столькие столетия в непрестанных войнах римляне пытались покорить Иллирию и, наконец, исполнив свое намерение и покорив ее под иго, разделили ее на десять провинций. Первой провинцией был Береговой Норик (*Norico di Riviera*), близ Дуная, за пределами которой стояли римские солдаты на страже; они были названы рипариями или рипариолами (то есть береговыми)¹; нынче она называется Австрией. Вторая провинция была Средиземный Норик (*Norico frà Terra*) — первая, или верхняя, в которой жили бойи по обе стороны реки Ено², — ныне называемая Тиролией. Норик Второй, или Нижний (*Norico secondo, over inferiore*), был третьей провинцией, ныне населенной стириями и карионами. Четвертой провинцией была Валерия, которая издревле относилась к Паннонии и охватывала территорию между реками Драва и Дунай к западу; сейчас это часть Австрии и Венгрии. Пятой была Паннония между реками Драва, Сава и Дунай, ныне — Венгрия и Каринтия. В последней был город Сирмий³, где река Баконтий впадает в Саву и где расположена гора Альм. Шестой, соседней с Паннонией провинцией была Мёзия, которая простиралась оттуда до Понта⁴ и была разделена на Верхнюю и Нижнюю. Первой владели трибаллы, ныне же сербы и болгары; на территории второй, уже седьмой, провинции обитали «малые, или нижние, скифы», они же влахи, и часть болгар. Между ними находилась Береговая Дакия, восьмая провинция, основанная после утраты Дунайской Дакии. Девятой провинцией была Либурия, собственно, и названная Иллирией, где находилась колония Ядра или Цара⁵; ныне называемая Славонией. Десятой и последней иллирийской провинцией была Далматия. Главными ее городами были Салона и Эпидавр, ныне же Рагуза. К этим десяти провинциям римляне присовокупили позднее другие пять, а именно Дарданию, Эмимонт⁶, Ахайю, Македонию и Фессалию, которые они называли единым именем «Иллирик» и в которых были римские наместники и чиновники. Был префект претория — «сержант»⁷ («хо-

¹ *Ripa* (лат.) — берег реки.

² Река Инн (лат. *Aenus, Oenus*), правый приток Дуная; истоки реки находятся в современной Швейцарии.

³ Сирмий (именовавшийся в поздней Античности даже «матерью городов») находился в Римской Паннонии.

⁴ До моря.

⁵ Город, по-итальянски именуемый *Zara*, сербы и хорваты называют *Zadar/Zadar*; *Jadera* — далматинское произношение.

⁶ Лат. *Naemimontus* — позднеримская и ранневизантийская провинция в Северо-Восточной Фракии.

⁷ Названия древнеримских должностей и воинских званий, часто осовремененные (как это было тогда принято) в итальянском тексте у Орбини и в изложении Савы Владиславича, комментируются в нашем издании довольно кратко, поскольку для книги об истории славянского мира это тема вторичная, и ее детальное раскрытие неоправданно усложнило бы пояснения к тексту. *Sergente* («сержант») — в итальянском тексте Орбини. Должность префекта первоначально была военной и означала командира преторианской гвардии; в поздней Римской империи префект возглавлял крупный административный округ. Впрочем, в приграничных провинциях в эту эпоху и военные функции сохраняли исключительно важное значение в связи с постоянными конфликтами с «варварскими» соседними народами.

рунжий») воинства; три полководца («капитана»): один в Нижней Мёзии, другой в Дакии, третий в Верхней Мёзии. Были также два консула: один в Нижней Мёзии, а другой в Средиземной Дакии, и восемь президов¹. Под магистратурой префекта в Иллирике находилось два диоцеза: Македония и Дакия. Далматинская кавалерия в воинстве занимала пятое, восьмое и девятое места. И под «хорунжим» всего Иллирика были нижеследующие должности.

Должности и звания, которые были у римлян в Иллирике²

Один легион Палатинский³

«Старшие Британцы»⁴

¹ Консулы и президы поздней Римской империи отличались значимостью подвластных им провинций (первые были более значимы).

² В своем искреннем желании подчеркнуть древность своего Отечества, его причастность к античной истории Орбини здесь предельно подробно перечисляет римские по происхождению должности, бытовавшие в Иллирике, а значит, и в родной автору Далмации. При этом некоторые из этих должностей и званий существовали, несколько видоизменяясь, в Византийскую эпоху и были восприняты южными славянами. В итальянском оригинале книги некоторые термины даны в форме, присущей временам, когда писалась книга (как в западноевропейской живописи Ренессанса и Нового времени). Кроме того, Сава Владиславич (для которого это также была история его Родины) в своем русском переложении текста иногда привносит колорит Петровской эпохи вместе с бытовавшими тогда словами, принадлежавшими скорее западным, чем южным славянам. Чтобы «развести» все эти разновременные напластования и надлежащим образом пояснить их, к одной этой краткой главе пришлось бы написать намного превосходящий ее по объему комментарий нескольких специалистов по истории древнего и средневекового воинского искусства и административного устройства у народов Южной Европы. Поэтому в ряде случаев мы просто даем в примечаниях соответствующий термин из авторского итальянского оригинала и латинский первоисточник соответствующего слова. Некоторые их колоритные, но с трудом воспринимаемые современным читателем эквиваленты Петровской эпохи приводятся в скобках. Формально эта глава-перечень в достаточно пафосной и яркой книге Орбини выглядит суховато, однако она, с необходимыми пояснениями, представляет собой весьма важное и древнее документальное подтверждение той очень заметной роли, которую играла в Балканском регионе родная для Орбини Далматия.

³ Палатинами (лат. Palatinae) в армии Римской империи называли элитные (буквально: «дворцовые») воинские подразделения. Основную же часть армии составляли «комитаты», полевые, или «сопровождающие» подразделения; о них у Орбини речь идет далее. Сава Владиславич называл их в своем изложении «контействами», что, впрочем, ассоциируется с бытовавшим в старой России именованием «графства», имеющим уже не античное, а новоевропейское происхождение. Необходимо отметить, что в поздней Римской империи словом *comitatus* называли и императорский двор, или ставку, поскольку императоры в эту эпоху почти постоянно находились в военных походах. Отсюда упоминание в этой главе нескольких императорских дворов, называвшихся по соответствующему городу или провинции.

⁴ Лат. *Britones*; в итальянском оригинале Орбини стоит сбивающее с толку слово «Bertoni». Что касается часто встречающихся ниже терминов «старшие» (*seniores*, итал. *vecchi*) и «младшие» (*juniores*, итал. *giovani*), то в поздней Римской империи, в эпоху составления латинского первоисточника данной главы, первые из них дислоцировались в западной части империи, а вторые — в восточной. Это не указание на возраст воинов, на ветеранов и новобранцев и т.п.

Шесть вспомогательных Палатинских подразделений

Младшие копыеносцы

Гвардейские лучники

«Непобедимые Иовии» («Юпитеров легион»)¹Несгибаемые восемь комитатов («контейств»)²

«Посвященный Марсу» легион (императора) Константина

Марции («Марсов легион»)³

Легион, посвященный Диане

Старшие подразделения Германской кампании

Секундарии⁴

Копейщики Августа

Легион Минервы

Младшие копейщики

¹ Элитный легион позднеримской эпохи.² «Контей» в этом переводе соответствует позднеримскому «комиту».

³ Сохранившиеся сведения о некоторых римских легионах и их организации крайне скудны; это относится и к легионам, входившим в состав Иллирийской армии. Орбини мог в принципе пользоваться утраченными впоследствии источниками (в частности, при катастрофическом землетрясении, почти полностью разрушившем Дубровник сравнительно недолгое время спустя после выхода этой книги). И его сведения, которые могут показаться излишними широкой читательской аудитории, заслуживают специального исследования. Впрочем, не вызывает сомнений, что главным первоисточником для Орбини при написании этой главки был латинский текст «*Notitia Dignitatum*» (буквально «Список должностей», составленный на рубеже IV—V веков и содержащий подчас уникальные сведения об административном делении поздней Римской империи (особенно ее дальних провинций), о названиях населенных пунктов и областей, о воинских званиях и гражданских должностях, о структуре армии как в Западной Римской империи, так и в Восточной. Уже во времена Орбини этот источник существовал в составе лишь одного манускрипта, который был вскоре утерян. С него делались списки; в них немало разночтений (которые, в совокупности вариантов, сами по себе содержат бесценный для науки материал). Орбини аккуратно выбрал из древнего документа сведения, имеющие отношение к его Родине (к римской провинции Иллирик и к Иллирии в более широком смысле географической области запада Балкан), и перевел эти материалы на итальянский язык. При подготовке нашего издания невозможно было полагаться только на изложение Савы Владиславича: в те времена не было единых правил перевода таких документов, и терминология была вольной и необязательной. Поэтому текст сверялся с итальянским оригиналом Орбини и с латинским первоисточником, по одному из самых современных его академических изданий, выпущенному в Мадриде «Высшим советом научных исследований» (Consejo Superior de Investigaciones Científicas, CSIC): Concepción Neira Faleiro. La «*Notitia Dignitatum*» (Nueva Roma, Vol. 25). — Madrid: CSIC, 2005, а также по более раннему изданию, в докторской диссертации указанного автора: Concepción Neira Faleiro. La *NOTITIA DIGNITATUM*: Nueva Edición Crítica y Comentario Histórico. — Madrid, 1998. Учитывались и варианты, приведенные в старых, классических изданиях этого древнеримского «путеводителя» по империи, на протяжении нескольких последних столетий неизменно привлекавшего заслуженное внимание антиковедов и медиевистов.

⁴ Вариант: «секунданы» (в латинском первоисточнике).

Вооруженные по обычаям комитатов («контейств»)¹

«Счастливым младшим (легион) Феодосия»

Болгарский (легион)²

Скампийский (или Скумпийский легион)

Ульпиев (легион)

Меттский (?) (легион)³

Секундари Феодосия

Молодые прашники Феодосия

Скупийский (легион)⁴**В канцелярии вышеописанного воинства были следующие должности**Председатель⁵

Два казначея

Делопроизводитель

Примискриниариусы⁶, служившие казначеями

Скриниариусы (нотариусы)

¹ Это вспомогательные подразделения, по типу комитатов («pseudo-comitatenses» в современной исторической литературе); они дислоцировались на опасных приграничных направлениях.

² В латинском источнике: *Burgaracenses* (*Bugaracenses*), в итальянском тексте Орбини: *Burgaracesi*. Сравнительный анализ и выявление исторического контекста всех этих названий не входит в задачу научно-популярного издания книги Орбини; это предмет специальных исследований по истории поздней Римской империи и Балканского региона.

³ Варианты названия в латинском первоисточнике различны: *Merenses* и *Metenses*. В книге Орбини приведен второй вариант (итал. *Metesi*), что, вероятно, соответствует истине, поскольку соотносится, в латинской ретроспекции, с названием одного из древних галло-римских городов: *Mettis* (современный Мец на северо-востоке Франции). В римскую эпоху его часто называли *Divodurum Mediomatricorum*, «(город) Диводур (в землях) кельтов-медиаматриков».

⁴ Не исключено, что здесь и несколькими строками выше речь идет об одном и том же легионе, который «удвоился» лишь в процессе очень давнего неточного переписывания исходного варианта латинского первоисточника. *Scupia* — город в Верхней Мёзии (севернее современной Сербии). С учетом более поздней топонимии этого региона можно предположить и вариант произношения: *Scumpia* (*Scompria*). Названия этих двух легионов в латинском источнике: *Scupenses* и *Scampenses*. У Орбини (в итальянском варианте) — *Scompesi* и *Scapesi*. На разночтения и путаницу в написании этих названий исследователи латинского первоисточника обращали внимание уже давно.

⁵ *Princeps officii* (председатель канцелярии). Слово *princeps*, в исторических трудах по военному делу Римской империи более раннего периода, переводится и как «принцип» (один из «основных» воинов), хотя в русском языке при этом возникают отвлекающие внимание ассоциации.

⁶ Название этой должности различно в латинском, итальянском и славянских языках. По-латыни это *scriniarius* (и по-русски иногда транслитерируется как «скриниариус»), хранитель «скриния» (лат. *scrinium*; ср. с архаичным русским словом «скрыня»), круглого ящика для хранения свитков, книг, документов (в том числе во время военного похода). В эпоху Римской империи слово *scrinium* обозначало и императорскую канцелярию, откуда русский перевод названия этой должности словом «нотариус». В итальянском языке этой древнеримской «скрыне» соответствует термин *cassa* (сбивающий читателя с толку современными ассоциациями), и название должности выглядит как *cassiere* (именно так и в оригинале у Орбини).

Писцы¹ и прочие должности при личной гвардии
 Комит даров («контей подарунков») в Иллирике
 Комит пограничной торговли («контей купечества») в Иллирике²
 Начальник казначеев
 Комит по металлам

**Далее следуют чиновники вышеупомянутого комитета пограничной
 торговли («контей купечества») в Иллирике**

Примицерий³ «всякого урядничества» (в данной канцелярии)
 Примицерий скриния ценового регулирования
 Примицерий по учету
 Примицерий скриния золота в слитках
 Примицерий скриния «золота на ответ»⁴
 Примицерий скриния священных одежд
 Примицерий скриния серебра
 Примицерий скриния милиарисиев⁵
 Примицерий монетного обращения и прочие скриниариусы («менопенезники»)
 Скриниариусы (нотариусы) вышеназванных скриниев
 Секундицерий⁶ канцелярии («урядничества»), он же примидерий писарей
 Териоцерий⁷ канцелярии («урядничества»), которому вменялось в обязанность
 попечение о перевозке багажа (императоров)
 В четвертом ранге — писцы и другие чиновники дворцовой свиты

При совершеннейшем муже⁸, президе Далматии, были следующие должности
 Председатель (канцелярии)

¹ Лат. *receptor*, итал. *ricevitore*, буквально «приемщик».

² Эта должность, *comes commerciorum*, в поздней Римской империи приобрела особое значение в связи с частыми военными конфликтами в пограничных областях. Торговля и сбор таможенных пошлин там в эти времена контролировались исключительно армией.

³ Несколько странное для современного читателя слово (по-латыни оно означает буквально «первовосковой»; «примикирий» в византийском варианте) указывало, что носитель данной должности занимал первое место на восковой таблице должностей, связанных с его родом занятий. В итальянском тексте Орбини: *Primicerio*, термин, переведенный из латинского первоисточника.

⁴ Лат. *Scrinius auri ad responsum* (итал. *Cassa dell'oro alla risposta*) — ведомство, где выдавались средства на военные расходы и, по-видимому, учитывалось золото, возвращающееся в казну диоцеза. Весь круг функций этого скриния остается не вполне ясным.

⁵ Милиарисий (лат. *miliarisium*, от слова *miliarensis*, буквально «тысячный») — серебряная монета, введенная в Римской империи в 310—320-е гг.

⁶ То есть второй по значимости чиновник по данному ведомству (лат. *primus*, *первый*; *secundus*, *второй*). По-итальянски у Орбини: *secondicerio*.

⁷ Третий по рангу служащий: *tertiocerius* (итал. *terzocerio*).

⁸ Президов провинций именовали одним из высших сенаторских титулов: *Vir illustris*, «сиятельный (светлейший) муж». Презид Далматии назван *Vir perfectissimus*, «совершеннейший муж» (или «перфектиссим», в исторической русской литературе). В поздней Римской империи это титул знати из сословия всадников. Во времена составления латинского текста «Списка должностей» перфектиссимы представляли собой фактически новое сословие, преемственное по отношению к всадникам («эквитам», *equites*).

Помощник, награжденный почетным рожком¹

Два табулария²

Делопроизводитель

Адьютор³

Заведующий документацией⁴

Субадьюва⁵

Писцы и другие служащие из свиты префекта, которым не подобало переходить в другое воинское подразделение без милостивого указания председателя (канцелярии).

Прочим президам подчинялась канцелярия по подобию той, что была у презида Далматии⁶.

Должность командира дворцовой гвардии была в следующих диоцезах

Италия

Иллирик⁷

Африка⁸.

Канцелярия магистра канцелярий («урядство майстрово урядничеств»)

Адьютор

Субадьювы адьютора

Субадьювы в различных (императорских) мастерских

Попечитель⁹ существующей транспортной службы

¹ Таково значение латинского слова *corniculatus* (в итальянском переводе: *Trombetta*), применительно к чиновничьему ведомству. В действующей армии, в легионах, почетным рожком награждался отличившийся на службе рядовой воин, который становился помощником («адьютантом») центуриона.

² Латинское *tabularius* могло означать и архивариуса, ведающего податными записями, и счетовода, и нотариуса. Итальянский термин у Орбини: *scrigere*, в современном значении: «курьер».

³ Лат. *adiutor*, «помощник».

⁴ Служащий «*ab actis*», буквально «от дел», «от актов». В итальянском переводе Орбини: *Agente*, что в современном языке означает действующее лицо, агента, посредника. Смысл одного и того же романского корня в данном случае существенно изменился за полтора-два тысячелетия.

⁵ В латинском языке слово *subadiuva* означало помощника, младшего по рангу, «второго помощника».

⁶ Эта фраза есть и в латинском оригинале «Списка должностей», составленного более чем за тысячу лет до Орбини: независимое подтверждение высокого статуса его Отечества еще во времена Римской империи.

⁷ Смысл данного упоминания, очевидно, в том, что Отечество Орбини во времена Римской империи в этом отношении не уступало Италии, где находился «стольный» Рим.

⁸ Имеется в виду, конечно, Северная Африка, входившая в цивилизационный круг римской и византийской культуры; либо конкретно провинция Африка.

⁹ Латинское *curiosus* в других контекстах переводят и как «шпион, соглядатай» (буквально: «внимательно наблюдающий»). Здесь уместнее слово «попечитель». «*Cursus publicus*» — государственная курьерская и транспортная служба в Римской империи.

Попечители от всех провинций

Переводчики от всех народов¹

(Императорские) мастерские в Иллирике были следующие

В Сирмии²: мастерские по изготовлению щитов, седел и оружия

Мастерская по изготовлению щитов в Аквинке³

Мастерская по изготовлению щитов в Карнунте⁴

Оружейная мастерская в Салоне

Под началом светлейшего комита даров были следующие должности

Комит даров в Иллирике

Логофеты⁵ Второй Паннонии, Далматии и Савии

Логофеты Первой Паннонии, Валерии, Средиземного Норика⁶ и Норика Прибрежного

Препозит⁷ чиновников города Салоны в Далматии

Препозит чиновников города Сисции в провинции Паннония Савия⁸

Прокуратор монетного обращения в Сисции

¹ В военной администрации дальних провинций поздней Римской империи крайне необходимы были переводчики со всех наречий соседних народов: кельтов, славян, германцев, даков и т.д. Переводчики часто были из числа тех, кто служил в римских легионах.

² Здесь указаны мастерские, находившиеся в уже упоминавшихся временных военных ставках императоров в эпоху поздней империи. В походах они находились почти непрерывно, и ставка в каком-нибудь крупном провинциальном городе приобретала значение императорского двора и, так сказать, «генштаба». Естественно, в таких городах организовывались и мастерские, которые обслуживали и двор, и армию. Сирмий на пути в Дакию был одним из таких временных средоточий поздней Римской империи.

³ Aquincum, город в римской провинции Нижняя Паннония (на территории современной Венгрии, в предместьях Будапешта).

⁴ Карнунт (лат. Carnuntum) — римский военный лагерь на Дунае (в современной Австрии), ставший в позднеантичную эпоху столицей провинции Верхняя Паннония.

⁵ На русский язык название древнеримской должности весьма высокого ранга *rationalis sumptuarius* («учитывающий средства») иногда переводят как «(государственный) казначей»; ее сопоставляют с современным постом министра финансов. Византийский аналог этой должности — «логофет» (λογοφῆτης, «налагающий счет») — довольно широко известен сейчас, и мы используем в современном переводе именно этот термин, чтобы отделить его от «казначеев» младших рангов («*numeraarius*»). У Орбини в итальянском тексте: «*Computisti della somma*» — перевод римского термина, конкретизирующий многозначное латинское слово «*rationalis*».

⁶ О «Средиземном Норике» см. выше.

⁷ Praepositus, буквально «начальник».

⁸ Город Сисция (лат. Siscia, хорв. Sisak) на территории современной Хорватии; до включения его в состав Римской империи носил иллирийское (или кельтско-иллирийское) название Segestica. Римская провинция Паннония Савия занимала часть современных Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины.

Прокураторы гинекеев

Прокуратор гинекея города Бассианы¹

Прокуратор гинекея Второй Паннии, переведенного в Салону²

Прокураторы гинекея в Сирмии, во Второй Паннии

Прокураторы гинекея в Иовии³ (переведенного в Далмацию)

Прокуратор красильни⁴ в городе Салона, в Далматии

Находящийся в этой провинции⁵ ныне город Раузский⁶, славянского языка и народа, — единственно вольный и светлейший не только в Далматии, но и во всей Иллирии⁷. Так, восхваляя древность и мужество ее граждан в прошедших временах, не будет иного намерения окончить данное описание, как рассказать о происхождении и знаменитых событиях, совершившихся в этом городе к вящей славе славянского народа.

О происхождении и о деяниях, достойных памяти, Рагузской республики, славянского народа Далматии

Славный город Рагуза основан на развалинах города Эпидавра, который уже был тогда римской колонией, и именовался Девятым легионом Мария⁸. Этот город Эпидавр, знатный и древний, основан в то же время, когда родился Моисей, вождь и законодатель еврейского народа, в 2606 году от Сотворения мира, и стоял до времен царя Валериана, когда в 265 году от Рождества Христова на Фракию и Иллирию напали готы и разрушили большую часть Эпидавра. Тогда богатейшие и знатнейшие эпидаврские горожане, во избежание впредь такого неистовства

¹ В провинции Панния Савия.

² Перевод (из удаленных провинций) разного рода учреждений, связанных с временными ставками императоров, происходил в эпоху окончательного ослабления Западной Римской империи. Нередко этот перевод осуществлялся именно в Далмацию (занимавшую тогда значительно большую территорию, чем во времена Орбини), и она, еще в составе Римской империи, приобрела в Балканском регионе большее значение, чем прежде.

³ Иовия находилась в провинции Панния Савия.

⁴ В контексте древнеримского оригинала и его перевода у Орбини слово *varhium* (или *varium*, итал. *vario*, от древнегреческого βαφί, «окрашивание»), вероятно, означает мастерские, где, помимо прочего, окрашивали ткани в пурпур, подобающий императорской цветовой символике. Эти мастерские находились в ведомстве прокуратора гинекея.

⁵ То есть в Далматии.

⁶ Рагуза — довольно широко распространенный вариант названия города Рагуза.

⁷ Весь приведенный выше, сложный для современного восприятия, перечень, сочетавший в книге Орбини позднеимперские именованные всевозможных воинских званий и чиновничьих должностей с их итальянским переводом в восприятии южнославянского автора, конечно, был для Орбини (да и для Савы Владиславича) документальным напоминанием о древней истории дорогого их сердцу родного края.

⁸ Ударение стоит на первом слоге. Гай Марий — римский полководец, осуществивший военную реформу и семикратно избиравшийся консулом пять раз подряд в 104—100 гг. до н. э.

варварского народа, на высоком и неудобовосходимом крутом берегу острова, на море, построили крепость, весьма безопасную от любого сухопутного и морского нападения, которая в 283 году была благородно возвращена сарматам. Сарматы же, во времена цесаря Проба напав на Иллирию, довольно сильно разрушили Эпидавр, который потом был окончательно заброшен, потому как на его территории появился тот знаменитый змей, названный Боусом; он пожирал быков¹ и умерщвлял пастухов, портя воздух своим дыханием. Этот змей обитал в одной очень глубокой пещере (которую можно увидеть посреди Эпидавра) и был потом сожжен самим святым Иларионом в 360 году от спасительного Рождества Христова. Город же Рагуза воспринял свое имя от камня, названного греками Лас², и поэтому горожане изначально назывались лаузцами, а потом, с изменением первой буквы с «л» на «р», назвались раузцами. Первоначально раузские стены охватывали территорию в полмили. Основателями этого города Раузы были Григорий, Арсаций, архидиакон Валентин и иерей церкви Святого Стефана Фавентин, которые построили город в 1360 году, по исходе из Эпидавра. В нем же было похоронено и тело святого Панкратия, в церкви Святого Стефана в центре города. Сначала рагузцы, будучи стеснены на небольшом и бесплодном участке земли, с большим старанием вели торговлю и поддерживали морское купечество. С течением времени они возросли богатством и искуснейшими военными. Так они торговыми промыслами нажили богатства, а врожденной крепостью подданных — людей, храбрейших оружием. Но это не должно казаться особенно странным, поскольку та земля, которой владеют ныне рагузцы, еще до прихода славян³ всегда рождала храбровоенных людей, поскольку первое время на ней обитали парфяне⁴, кои часто бились с римлянами, когда это державство было в самом расцвете; тогда же помогали им и против неприятелей. Во времена Помпея эпидавраине, парфянский народ, подняли было восстание, но после нескольких сражений бунт был усмирен Поллионом. Римляне же, когда ходили с Германиком на далматинский город Ретин, или Ротаней (следы его и ныне заметны на горе Куман, в Рагузском уезде), были значительно перебиты огнем и железом, низвергаемым на городские дома осажденными, которые скрылись в замке, так что большая часть осаждавших погибла. Цесарь Август, очень порицая тогда отсутствие мужества у Марка Антония, в свою очередь хвалился сам, что покорил своими силами парфян, которые, будучи в союзе с римлянами, много раз

¹ По-древнегречески βοῦς — «бык». Змий именовался «Быком».

² Само древнегреческое слово λάσ в поэтическом языке означает «камень, скала». Скорее всего, это не название некоего камня (скалистых берегов?), а констатация первоначального смысла самого слова.

³ Вновь Орбини разграничивает древнее балканское население этого края и исторических славян (хотя преемственность, непрерывность этнокультурных традиций, конечно, подразумевается).

⁴ Partini. Вообще говоря, «парфяк» по-итальянски «Parti». Собственно Парфянская империя располагалась на территории современного Ирана, однако по своему политическому и военному влиянию она во многих регионах конкурировала с Римом.

помогали в их войнах в Иллирии против неприятелей, а особенно в освобождении от осады родовых владений-баштин (*rei Bassinati*)¹.

Из сего очевидно, что Рагузский уезд был природно богат военными людьми. И в самом деле, они всегда таковыми себя проявляли в новейшие времена своего правительства. Но когда царь Михаил оставил почти всю Италию и многие территории Сицилии на разграбление карфагенским варварам, скифы паннонские, далматские и других земель, а именно хорваты, сербы, захлубы, тербуниоты, каналиты, диоклетианы и раутаны, сбросили с себя иго Римского державства, которому сами добровольно подчинялись. По этой причине карфагенские² агаряне под управлением султанов³ Саббы и Калфуты, людей учнейших в морской хитрости, с тремястами кораблями напали на территории державства и взяли многие далматские города, среди которых Бутама (ныне Буда), Роза и Нижний Катар; осадили Рагузу, главный город этого народа, держа его долгое время в осаде из-за большого сопротивления осажденных, которые, дойдя до последнего изнеможения, отправили послов к константинопольскому царю Михаилу, прося помощи. Поскольку Михаил к тому времени уже умер, на помощь пришел его наследник⁴, македонский царь Василий. И далматы получили от него в помощь флот в сто кораблей под предводительством Никиты Патрикия, морского адмирала по прозвищу Орифа, чтобы напасть на варваров. Варвары же, услышав о приближении флота, оставили осаду Рагузы и обратились в Италию, напав по дороге на страну, когда-то называвшуюся Лангобардией, взяли город Бари и там остановились, завладев всей дорогой этой земли вплоть до Рима. Но некоторые, прежде упомянутые, хорваты, вступив на защиту царя Василия, укрепили своими людьми корабельный флот и, объединившись с рагузцами и другими, на беду франкского короля и папы римского, собрали сильнейшее воинство, с которым они под управлением Орифы завоевали Бари. Франкский король же с другим помогавшим ему войском славно разбил султана и взял его живым со всеми агарянами (*Agareni*), оставшимися после боя. Рагузские войска и прочие славяне оставались потом долгое время в Лангобардии под начальством Прокопия, протовестиария василевса и полководца славян и западных народов. Этот полководец Василий со своими людьми совершил многие геройские подвиги,

¹ Баштина — одна из форм земельной собственности у южных славян, в феодальной Сербии (и Болгарии), в XII—XIV вв. Это родовое владение (как феодалов-«властителей», так и крестьян), которое можно было свободно наследовать, дарить, завещать Церкви. Разумеется, в эпоху конфликтов римлян и парфян эти формы землевладения здесь еще не получили развития, и Орбини, видимо, просто «проецирует» знакомый ему в позднелатинской и итальянской форме термин («*res Bassinata*») на реалии гораздо более ранних времен.

² Речь идет о войнах с арабами («сарацинами»).

³ «Карфагенские султаны» — характерный пример необязательной, вольной терминологии у Орбини и многих историков его времени, сочетавших лишь отчасти близкие друг другу образы различных культур и эпох. В значительной степени это относится и к лексике Савы Владиславича, излагавшего книгу Орбини для российского читателя в 1722 г.

⁴ Василий I, основатель Македонской династии, был императором Византии в 866—886 г.

значительно побив сарацин. Наконец, придя в несогласие с другим полководцем и своим товарищем Львом (который имел при себе македонцев и фракийцев), был побежден неприятелем в сражении предательством своего товарища Льва. В том сражении пропало много славян и рагузцев, прежде всегда живших в своей изначальной свободе.

Некоторые венецианские историки, вероятно из-за пристрастия к своему отечеству, говорили, что Рагуза подчинилась венецианцам в 998 году, во времена Пьетро Орсеоло, венецианского дожа, который воздвиг войну на нарентанов, так как они послали своего архиепископа с несколькими своими знатными людьми, первыми из рагузцев, которые сделались подданными этому князю. Ошибочность этого предположения явно видна по хроникам тех времен, когда Рагуза, по достоверным свидетельствам, была в союзе с константинопольским царем Василием Порфирогенитом, с которым и венецианцы состояли в такой дружбе, что во времена его державства их упомянутый ранее дож Орсеоло был избавлен Василием от дани. Итак, поскольку рагузцы были приятелями этого столь сильного царя, то какую бы они ни имели боязнь или нужду, они из свободных людей охотно сделались его подданными. Но причина похода архиепископа и благородных рагузцев к венецианцам была неведома Сабеллику¹, стоящему на пути обмана. Ведь она была не той, как упомянуто выше, а следующей. Когда венецианцы воевали с нарентанами, дож Пьетро Орсеоло послал десять кораблей разорять неприятельские границы. Когда же те отправились в поход, им встретился один рагузский корабль, очень большой и нагруженный богатыми товарами. И было на борту несколько нарентанских купцов. Венецианцы же напали на этот корабль и взяли его. Рагузцы узнали об этом несправедном деле, и Сенат города послал несколько знатных людей с архиепископом в Венецию, просить о возвращении взятого и в случае, если им будет отказано, почтить присутствием прежде упомянутого их архиепископа, чтобы принести эти жалобы царю Константинополя (с ним обе эти страны были в союзе) и тем самым получить от него сатисфакцию. Это и была истинная причина описанного посольства, о которой историк Сабеллик, много раз самому себе противореча, не имел сведений. И поскольку он ослеплен пристрастием к Венецианской республике, своему отечеству, и пытается блистательно прославить его, венецианские события он описывает неосмотрительно. Это делает его нестерпимо лицемерным историком, чем он особенно помрачает свое отечество и делает его подозрительно бесславным, что он ясно показывает на примере своих воспоминаний и описаний войны венецианцев с нарентанами, которых он не перестает называть «немалыми ворами». И потом снова рассказывает нам, что эти «немалые воры» в течение ста семидесяти лет непрестанно нападали, оскорбляли и, еще того горше, сделали данниками богатую Венецианскую республику, которую за это ему не должно бы иметь в осо-

¹ Марк Антоний Сабеллик (итал. Marco Antonio Coccio, лат. Marcus Antonius Coccius Sabellius; 1436—1506) — итальянский историк, автор фундаментальной «Истории Венеции», хранитель библиотеки Святого Марка.

бенном почете¹. Как же тогда верить в его чрезмерно пристрастные повествования, которые делают настолько неудобным его прочтение?

Так, этому неосмотрительному описанию противоречит уже то обстоятельство, что Рагузская республика всегда жила в свободе и не была особенно управляема кем-либо другим, кроме разве одного времени, когда, с целью избавиться от преследований Дамиана Юды, знатного рагузца, они вознамерились принять временное венецианское правительство, будучи настолько угнетенными нуждой, что это переходило все естественные границы. Этому делу научает нас горноста́й, бессловесное животное, которое, будучи утесненным грязью и огнем, предпочитает идти в огонь, нежели пачкаться грязью. Последние беды требуют лекарств, разумеется, противоположных законам природы. Случай же страданий, имевших место в Рагузской республике, в то время был именно таковым.

Рагузская республика находилась в то время под управлением одного ректора, который назывался высшим магистратом этого государства, главой Консилиума и президентом Общественной палаты. Это правительство сменялось каждый год. Так, в 1260 году на эту должность был избран Дамиан Джуда, человек богатый и высокомысленный. Вкусив сладости господствования, он вступил во власть, чтобы править республикой сверх предустановленного срока и быть вечным и самодержавным правителем. По этому случаю он собрал на своей стороне великую гвардию солдат и, по истечении года своего правления, ввел тайно в город своих единомышленников и помощников. Потом, когда пришел день собрания Консилиума для избрания нового главы, он не созвал большого совета, но и не захотел выйти из палаты. Во всеулышание вельможам он дал знать, что его замыслом было избежать злоупотреблений, имевших место в правительстве из-за разногласий мятежных вельмож. И, сделав это, он намеревался будто бы отказаться от правительственных дел и уйти в монашество. Это притворство оказалось особенно к месту, поскольку у него не было детей мужского пола. Но поскольку некоторые знатные люди из рода Бобали² с самого начала не поверили его словам, то укоряли его всенародно за его тиранские намерения и сопротивлялись ему всеми силами. Однако Дамиан Джуда тайно приказал Гаспару Унгаро, капитану своей палатной гвардии (солдаты гвардии были обычными приписными приставами рагузского правителя) заключить в тюрьмы этих лиц, и все остальные благородные, узнав об этом и побоявшись тирании, бежали в Боснию. Он же, избавившись от всех угроз, тиранствовал единолично более двух лет, постоянно разоряя Рагузскую республику, с предосуждением своего отечества и всенародного блага и попустительством своих родственников. Видя это, Петр Бенеша (Piero Venessa),

¹ За счет примерно таких полемических сентенций в библиографических спорах с малоизвестными ныне авторами Сава Владиславич и сокращал в 1722 г. свой русский вариант книги Орбини. При этом он не выбрасывал из текста никакие «страшные тайны» истории славянства, как иногда кажется тем пристрастным читателям, которые судят о проблеме лишь по самому факту резкого уменьшения объема книги в итальянском оригинале и в изложении 1722 г.

² Знатный род Дубровницкой республики.

зять мучителя, великодушный человек и великоревнитель за освобождение Отечества от тирании, по желанию некоторого количества начальствующих сенаторов был тайно послан в Венецию, под видом собственных дел, просить помощи у венецианцев и предложить кому-нибудь из них правление Рагузской республикой. Венецианцы же, приняв предложение, дали Бенеше две хорошо вооруженные галеры под образом двух послов, притворно посланных к константинопольскому царю. Он же, причалив на них к рагузской пристани, сказал тестю, что вышеназванные послы имеют приказание заключить соглашение с ним, прежде чем они отправятся к царскому двору, и поэтому их надо позвать на свой обед. Тиранин Дамиан позвал их на угощение. После этого и послы попросили его на следующий день взаимнообразно явиться на угощение в их галеры, чтобы показать ему дары и гостинцы, которые Венецианская республика послала царю. Он же, не заподозрив какого бы то ни было обмана, к тому же уговариваемый зятем удружить этим послам, почтил их в означенный день своим визитом на галеры. Но, как только он в них вошел, галерные офицеры, наученные хитростью, приказали поднять якоря и отступить подальше в море, свергнув связанного Дамиана в тюрьму как узника. Он же, видя себя во власти других и печальясь об измене зятя и венецианцев, впал в отчаяние и, ударяясь многожды головой о дерево галерной кормы, убился до смерти. Так тиран стал убийцей самому себе, после того как был убийцей Отечеству своему. Бенеша же возвратился с послами обратно в Рагузу, где народ возликовал о свободе. И хотя многие знатные горожане старались привести дела в прежнее состояние без участия иностранцев, большинство народа не желало изменить своего доверия венецианцам, и главой Консилиума избрали одного из вышеназванных притворных послов, по имени Марко Дандоло, с уговором, чтобы он не мог решать какое-либо дело без согласования с Сенатом. Совершилось это в 1262 году¹.

Однако этот венецианский правитель не имел власти над всенародными делами и никогда не держал больше четырех слуг, а не стражей порядка (*biggi*) и не солдат. Им столь пренебрегали, что однажды в соборной церкви на него напал один знатный горожанин по имени Сарака (*Saraca*), а тот, хотя и учинил об этом прение, не сумел получить сатисфакцию от рагузского Сената. Случай этот дал повод баснословию историков вообразить, что две венецианские галеры пришли покорить под иго город Рагузу, жители которого имели 20 галер в море, и в 1350 году они сопротивлялись сарацинской осаде всеми силами и послали немалую помощь самому константинопольскому цесарю на сражение с сарацинами в Апулии². Здесь, как

¹ В оригинале книги Орбини добавляет, что, по другим свидетельствам, это имело место в 1215 г. Современные данные о венецианском правителе Рагузы по имени Марко Дандоло также неоднозначны. Дандоло — один из древних патрицианских родов в Венеции.

² При всем мужестве жителей Дубровника (Рагузы) и виртуозной тонкости далматинской внешней политики, Орбини упрощает характер взаимоотношений Рагузы и могущественной Венеции в сложнейшую для Восточного Средиземноморья эпоху военных конфликтов с турками (см., например, основанный на точных современных данных сайт: http://it.wikipedia.org/wiki/Capi_di_Stato_di_Ragusa). Понимается, сходная тенденциозность имела место и в работах венецианских историков раннего Нового времени.

и в других местах, где Сабеллик пишет о рагузцах, венецианский историк неправ, либо ошибочно, либо с умыслом не предполагает чистоту их деяний. Так же писал и историк Чезаре Кампана¹ о событиях тысяча шестисотого года. В 15-й книге второго тома он написал, что в 1594 году рагужцы ожидали нападения Чикалы (Cicala), капитана турецкого паши, и попросили венецианцев о помощи, решив, что лучше быть под их покровительством, чем этих неверных. Но эти косвенные указания Кампаны на союз, который был желателен и самим венецианцам, на самом деле ошибочны. Ведь Рагузская республика ни через письма, ни через послов, ни каким-либо иным образом не прибегала к помощи венецианской, к испанскому королю или к Папе Римскому, к которым также в это время могла бы прибегнуть, если бы возникла такая необходимость, какую лживо предполагает Кампана. Но на самом деле и рагужцы весьма хорошо себе представляли приготовления Чикалы (он, Чикала, на них не собирався), да и не посягали они на какую-либо землю у Адриатического моря, но только на власть над Тунисом, что потом проявилось в том самом морском походе против Чикалы. Не могло прийти рагузцам в голову, что об этом деле повествует Кампана, немного знающий о положении дел в те времена и о начинаниях Рагузской республики, которая воевала в различных союзах и давала помощь другим властителям.

О первых войнах Рагузской республики

Кроме вышеописанных сражений, достоверные хроники прошедших событий пишут, что город Рагуза был с 1075 года семь лет безотступно осажден королем Рашским и Сербским Бодином, поскольку Рагузская республика стояла твердо в держании защиты, с честью устроенной племянником преждеупомянутого короля. Именно Рагуза стала причиной этого сражения в то время, когда она уже весьма прославилась большим стечением народа, морским купечеством и вольностью туда приглашаемых людей.

В войне, в которой участвовали царь Алексей Комнин с венецианцами против апулийского герцога Роберто Гвискардо², Рагузская республика прислала подмогу герцогу против неприятелей. И когда начался корабельный бой близ Дураццо³, рагузский флот сошелся с флотом Алексея и овладел им так, что один рагузский солдат, перешедший на корму побежденной царской галеры, чуть было не убил и самого царя, если бы не был остановлен собственным капитаном, который громко крикнул ему: «Это же Алексей, нельзя его трогать!», показав этим немалую умеренность и благородство и пощадив царское достоинство и великодушие во владении галерой.

¹ Джулио Чезаре Капаччо (Сарассио; 1560—1634) — неаполитанский историк и поэт, родом из Кампаны.

² Роберто Гвискардо (Roberto Guiscardo или Robert Guiscard); герцог Апулии, жил около 1015—1085.

³ Дураццо, старинное итальянское название древнего города Дуррес в Албании (античный Диррахий; первоначальное древнегреческое название — Эпидамн).

В 1148 году разбили рагузцы корабельный флот Мирослава, брата Деши, графа Рашки (итал. *Dessa Duca di Rassia*), в Польице (*Poglize*), которая и по сей день, в память тех событий, называется Рагузским Портом в Албании.

В 1160 году они разгромили в Требинском сражении войско боснийского бана Бариха¹.

В 1253 году они дали десять вооруженных кораблей венецианскому дожу² Риньери против генуэзцев в Акрской войне.

Когда король арагонский Петр воздвиг войну против неаполитанского короля Карла Анжуйского, рагузцы дали мощную подмогу королю Петру, сын которого, неаполитанский король Федерико, был известен во многих событиях, связанных с Рагузской республикой. За всевозможную помощь, которую Рагуза оказывала двору константинопольского царя против сарацин и египетских султанов, получила она в 1320 году от царя Андроника свободу от всяких податей и пошлин всему его державству.

Николай Кабога³, посланный Сенатом с рагузским морским флотом против морского разбоя анжуйского графа Людовика, значительно побил Бальдасара, капитана кораблей упомянутого графа. А впоследствии, когда морские берега Рагузы разорвали две галеры того же графа Анжуйского, взяли их рагузцы в плен близ порта Джулиана, с девятью французскими баронами, за выкуп которых Карл Шестой, король французский, обещал двести тысяч дукатов, безмерно великое число по тем временам. Но Сенат Рагузы никогда не искал денежной корысти в своих воинских добродетелях, поэтому отпустил их на волю без выкупа и доставил с одной галерой в Марсилию. Когда же воевали между собой Венецианская республика с Генуэзской, Рагузская республика послала две галеры в помощь генуэзцам, которые их приняли с такими почестями, что Матфия Георгиева, капитана этих галер, причислили к своей знати⁴.

В 1404 году, когда король боснийский Стефан Остоя⁵ объявил войну Рагузе, то рагузцы под командованием Андрея Волце (*Andrea di Volze*), знатного горожанина, разбили перед Курцолой девять галер, посланных неаполитанским королем Владиславом⁶ в помощь вышеназванному Остое.

¹ Бан — историческое именование правителя в Боснии и некоторых других городах.

² Дожа Сава Владиславич в своем изложении часто именуется Дукой, а генуэзцев — Геновезами.

³ Кабога (*Saboga* по-итальянски; по-хорватски *Kabužić* или *Kaboga*) — один из патрицианских родов Рагузской республики.

⁴ К числу своей знати.

⁵ Стефан Остоя (серб. *Стјепан Остоја*) — король Боснии в 1398—1404 и в 1409—1418 годах.

⁶ Неаполитанский король, живший около 1376—1414 (правил в 1386—1414), действительно носил имя *Ladislaus*, Владислав. Точнее, его именовали либо *Ladislausom*, либо *Lancelotom* (*Lancelot*). Взаимозаменяемость имен *Ladislaus* и *Lancelot*, благодаря которой человек со славянским (венедским?) именем оказывается в числе самых знаменитых рыцарей Круглого стола (в некоторых списках Артуровского эпоса), — известный, хотя недостаточно изученный и редко акцентуруемый факт средневековой западноевропейской ономастики (в том числе эпической и мифологической).

В 1413 году они овладели островами Корцола, Лезина, Лисса (Лица) и Брацца¹, прогнав охранное войско сплитского графа Харвое Вучича, которые потом отдали венгерскому царю и королю Сигизмунду.

Если вкратце сказать, Рагузская республика была немало знатна и прославлена в подвигах, совершенных в свое защищение, — как и своей частой помощью, подаваемой в случайных союзах, заключенных с нею западными властителями против восточных народов. Рагузцы противостояли осаде (которую устроил турецкий султан Сулиман под Рагузой со ста двадцатью галерами и атаками Энгана Сагиджака Амурата Салтана) настолько мужественно, что оттоманские силы были вынуждены оставить рагузцев в своей изначальной свободе и удовольствоваться некоторым годовым налогом от восточной торговли.

Рагузская республика, среди прочих деяний, которые прославляются и по сей день, может также гордиться тем, что всегда была убежищем и хранилищем известных личностей, страдавших от неблагоприятности Фортуны.

Об убежище, поданном Рагузской республикой принцепсам и прочим великим верным особам

Первым таким человеком, которому эта республика предоставила убежище, был Сильвестр, сын далматского короля Прелемира, изгнанный своими подданными из королевства, который пришел с матерью в Рагузу, где возмужал и потом с помощью этой республики был снова поставлен на правление своим отечеством.

В вышеозначенный 1075 год спаслись в Рагузе сыновья Бранислава, преследуемые своим дядей Бодином, королем Рашии и Сербии. И во утверждение веры этого оговоренного защитничества Рагузская республика претерпела долгую войну и семилетнюю осаду со стороны названного короля Бодина.

В 1310 году сыновья умершего короля Стефана Боснийского, изгнанные из королевства, удалились со своей матерью Исабеллой в Рагузу. Рагузская республика же своими силами поставила на это королевство Стефана, первенца из названных сыновей.

В 1359 году Рагуза предоставила убежище Дабише², брату боснийского короля Твртка³, и многим другим баронам этого королевства, преследуемым названным Твртком. Его же потом уговорила смилостивиться ко всем тем бедствующим.

¹ Воспроизводим эти топонимы в транскрипции итальянского оригинала книги Орбини. Остров Лисса по-хорватски называется Vis, его древнегреческое название Ἰσσα. Такая форма топонима в Средиземноморье может указывать на очень древнее, палеоевропейское происхождение слова. Вариант «Лица» приводит Сава Владиславич.

² Stjepan Dabiša — король Боснии (католик) в 1391—1395 гг. У Орбини, в итальянской передаче, его имя — DaBiscia. Сейчас слависты полагают точно неизвестной степень его родства с его предшественником, Твртко I (возможно, сводный брат).

³ Стефан Твртко I Котроманич (серб. Стефан Твртко I Котроманић, босн. Stjepan Tvrtko I Kotromanić), около 1338—1391) — первоначально боснийский бан, он провозгласил себя потомком царствующего дома Сербии. («Бан», «господин» — титул правителя области (назначаемого королем) в регионе Сербия-Хорватия-Валахия-Молдова, существовавший вплоть до Нового времени. Этноязыковое происхождение титула остается дискуссионным.)

В 1396 году венгерский цесарь и король Сигизмунд, избежав разгрома турецким царем Баязитом под Никоподем, пришел в Рагузу, откуда потом был сопровожден на рагузских галерах в Сибеник, откуда он возвратился в свое королевство.

В 1440 году сербский деспот Георгий, разбитый султаном Муратом, ушел на рагузской галере из Антивари в Рагузу. И хотя впоследствии были серьезные угрозы со стороны султана, республика спасла его и помогла ему обрести правление.

Фома Палеолог, правитель Магнисийский, изгнанный турками, обрел крепкое убежище в Рагузе.

Гисмондо Малатеста¹ был прогнан папой Пием Вторым и получил убежище в Рагузе. А когда он захотел переехать в турецкий порт просить помощи мусульманских народов против Италии, рагузский Сенат, чтобы воспрепятствовать такому оскорблению христианства и сохранить долгую жизнь и отомстить Гисмондо, сделал его генералом всего своего государства, хотя и не было в том нужды, поскольку в Рагузе были и другие благородные особы, достойные этого чина.

Удаляясь от повсеместных нападений оттоманских войск, поместные власти всей Иллирии, прогнанные с названных земель, не имели другого более твердого и надежного убежища, чем в объятых Рагузской республикой.

В 1575 году испанский король Филипп II и турецкий султан избрали Рагузу удобнейшим и безопаснейшим местом для договора об обмене невольниками, взятыми в плен той и другой стороной.

О воинах Рагузской республики, славных оружием

В 887 году рагужец Вит Бобалов², капитан рагузских и нарентанских кораблей, со своим флотом разбил венецианский флот (в этом сражении убили Пьетро Кандиано, дожа Венеции). И причина знатной победы, которую нарентане одержали над неприятелями, была следующая.

Михаил Бобал в Требинском сражении разбил Боснийского короля Бариха и этим сражением избавил свое отечество от его притеснений.

Николай Бобал же (род этот был богат военными людьми) разбил и сразил войско Немани, графа Рашии, большого неприятеля Рагузской республики.

Марин Рештов (Marino di Resti), капитан рагузских морских сил, прогнал от городов Лезины, Браццы, Корцолы и Лиссы береговое войско графа Харвойе. Этому

¹ Гисмондо ди Пандольфо Малатеста (Ghismondo di Pandolfo Malatesta, 1417—1469) — властитель Римини, прославивший человеком безнравственным, однако тонким знатоком искусства и литературы.

² «Vita di Bobali» в итальянском оригинале у Орбини. Этот знаменитый рагузский род в разных источниках именуется по-разному, часто в итальянском варианте. По-видимому, исходное славянское его именование, в латинской транслитерации: Bobaljević или Bobalić.

последовали морские силы Матфея и Марина Георгиевичей, которые весьма прославили и обессмертили свое имя и свое отечество: Матфей — в Генуэзских войнах против венецианцев, а Марин — в храбрых подвигах, свершенных в братском товариществе против корсаров Анжуйского графа, Неаполитанского и Сицилийского королей.

Матфей и Иоанн Луккаревы (de Lucca) получили через оружие вечную славу своему отечеству и своему дому. Матфея цесарь и король венгерский Сигизмунд избрал баном¹ Далматии и Хорватии. Иоанн был поставлен на правление землями Враны (Vrana)² и Белграда и защитил этот христианский оплот от оттоманского оружия.

Заканчиваю вспоминать о многих особах, прославивших своим оружием Рагузскую республику, чтобы не наскучить читателям, и перейду на тех особ, которые прославили ее своей ученостью.

Об ученых людях Рагузской республики³

Иоанн Стоик своим глубоким учением о Священном Писании был возведен в кардиналы Римской Церкви и обогатил преемников своими ученейшими рукописями на греческом языке. Особенно почитаемым стал город Базилея (один из тринадцати городов на швейцарской земле), поскольку, когда этот Стоик умер, будучи человеком великим и честным, был погребен в названной Базилее, где можно увидеть его гробницу, верное свидетельство его добродетелей и напоминание о Рагузском отечестве.

Илия Цриевич, славнейший творец⁴, Иоанн Гоццио (Gioanni Gozzio), красноречивейший оратор, заслужили величие своего века, прославленного своими письменными произведениями, хранимыми с великим тщанием в знаменитейших библиотеках Европы.

Георгий Бениньо, минорит⁵, был весьма ученым в священном богословии, чему свидетельствуют оставшиеся по его смерти некоторые чудесные труды, которым последовали и схоластические богословы.

Иаков Бунич⁶, известнейший поэт, сложил стихи латинские о жизни Господа нашего Иисуса Христа.

¹ Правитель области у южных славян.

² Vrana — средневековый город в Далмации.

³ Этот небольшой раздел книги Орбини, если судить по хронологии жизни и кругозору упомянутых авторов (в свете кратких сведений о них в примечаниях), позволяет понять правомерность сопоставления славянского далматинского Дубровника и Рагузской республики с культурно-философскими центрами Италии.

⁴ Elio Lampridio Cervino или Церва Cerva (лат. Aelius Lampridius Cervinus, хорватск. Pija Srpjević; 1463—1520) — дубровницкий поэт, писавший на латинском языке.

⁵ Минориты — францисканцы, «Меньшие (братья)», — католический монашеский орден, следующий заветам апостольской бедности.

⁶ Итал. Giacomo di Вдла, хорватск. Jakov Bunić (1469—1543) — автор поэмы «*De vita et gestis Christi*» («О житии и деяниях Христовых»).

Матфей Бобал был знатоком греческого языка, с которого он перевел на латинский все писания Святого Василия, слогом, весьма высоко оцененным почтенными учеными.

Савин Глухой, из того же Бобальского рода, был стихотворцем изящнейшим — на итальянском и славянском языках, в чем нас убеждают его творения.

Климент Раньина¹, монашеского чина святого Доминика, был весьма ученым в Священном Писании и издал некоторые беседы, хранимые с великим почтением.

Из того же рода был Динко Раньина², кавалер ордена Святого Стефана³, славный стихотворец на итальянском и славянском языках.

Никола Витов Гучетич⁴ был человек преученный, о чем свидетельствуют его труды, вышедшие в свет на латинском и народном тосканском языках.

Умолчу о бесчисленных других людях, подобных в учености вышеупомянутым, и окончу это повествование описанием земельных владений, принадлежавших Рагузе.

Владения, принадлежавшие Рагузе⁵

Территория, которой владела Рагузская республика, весьма узка шириной, а в длину имела протяжение в 135 итальянских миль. Среди прочих городов там был город Стон⁶. Среди островов: Лагуста, Меледа, Жупана (Giupana), Лопуд⁷ и Каламота и иные прилежащие острова. Лагуста отстоит от Рагузы на 100 миль и имеет 50 миль в окружности, изобилует вином, древесным маслом, пшеницей, овощами всех родов и земными плодами. Жители острова — свирепые и сильные, как мужчины, так и женщины.

¹ Имя этого знатного дубровницкого рода известно в различных вариантах: Rana, Ranane, Ragnana, Rannina, Ranina; в хорватской передаче: Ranjina, Raninić, Ranenić. Богослов Климент жил в 1482—1559 гг.

² Дубровницкий поэт Динко Раньина (хорватск. Dinko Ranjina, итал. Domenico Ragnina; 1536—1607), автор сонетов на итальянском языке, был также членом Сената Рагузской республики.

³ Национальный орден Венгрии в составе Австро-Венгерской империи.

⁴ Так звучит его имя на хорватском языке (Nikola Vitov Gučetić; в итальянском варианте: Nicolò Vito di Gozze; 1549—1610). Этот далматинский философ изучал и комментировал Платона, Аристотеля и Аверроэса; осмысливал в своих трудах современные ему политические учения в свете представлений Аристотеля о государстве. Он не только рассматривал отвлеченные модели государственного устройства, но также исследовал экономические отношения, роль человеческого труда в преуспевании общества.

⁵ Этот раздел у Орбини весьма краток и еще сильнее сокращен Савой Владиславичем, «формату» изложения которого мы придерживаемся.

⁶ Небольшой город Стон (хорватск. Ston, или Veliki Ston; лат. Stagnum) находится на юге современной Хорватии. Во времена Рагузской республики он имел большое значение. В городе сохранились здания в готическом стиле.

⁷ Isola di Mezzo: так называется этот остров по-итальянски; Lopud — его хорватское название. Остров расположен недалеко от Дубровника.

Меледа¹, издревле называемая Мелитой и Мелитеной, 30 миль в длину и в окружности, на 63 мили отстоит от Рагузы, производит красные и крепчайшие вина. Пшеницы не заготовливает достаточно для своих жителей. Есть монастырь Святого Бенедикта, в котором подвизалось множество великих в священных и мирских науках людей, удивительных своим благочестием.

Две дивные вещи повествуется об этом острове. Первая состоит в том, что его жители, хотя и живут далеко друг от друга, изрядно² понимают друг друга при помощи свиста. Вторая же — в том, что один житель из рода Бабинополье (Babinopolje)³ был проклят матерью, которая молила на него гнев Божий, произнося следующее (поскольку он упрямо отказал принять ее у себя дома): «Пусть Бог попустит, чтобы ни земля, ни море не приняли твоих костей!» Когда тот умер, погребли его перед церковью Святого Панкратия⁴. Утром же на другой день нашли его вне гроба, то же случилось и во многие последующие дни. Тогда бросили его в море, которое тогда стояло тихо, но, восприняв это проклятое тело, море заволновалось и спустя минуту выбросило его на берег, где кости прилипли к камню таким образом, что с большим трудом могли быть отделены от камней, и только очень твердым железом.

Остров Жупана протянулся с запада на восток на четыре мили и на десять — в окружности. Это один из самых изряднейших островов, который держит Сенат Рагузский из-за его живописности и качества вин, которые он производит в изобилии.

Остров «Средник»⁵ был так назван, поскольку лежит между двух других островов, а именно Каламоты и Жупаны; имеет в окружности десять миль. Там чудесный воздух, а также изобилует этот остров пресными водами среди соленых⁶. Производит премного количество вин. Имеет сады и строения прекрасного убранства⁷, доступен для входа кораблей многих стран. Когда в 1538 году он принял дружелюбно двенадцать галер Папы Павла Третьего, которыми командовал Патриарх Аквилей-

¹ Млет, по-хорватски именуемый Mljet, по-латински Melita, а по-итальянски Meleda, — тот самый остров, где подвизался бенедиктинский монах Мавро Орбини.

² Это краткое свидетельство представляется глубоко значительным, хотя и косвенным аргументом в пользу утверждений Орбини о чрезвычайно древних истоках далеких предков населения его родной Далмации. В современной этнологии существует мнение, что своеобразный «язык свиста», воспринимаемый его знатоками на очень большом расстоянии и сохранившийся в весьма немногочисленных и удаленных друг от друга уголках земного шара, восходит к глубочайшей древности человечества.

³ По-славянски «Бабино Поле», Babino Polje. В оригинале Орбини сообщает, что это произошло в 1410 г., а нечестивца звали Шурмало (Sciurmalò).

⁴ У Орбини — буквальная латинская транслитерация греческого имени «Панкратий» (буква «гамма» перед «каппой» в греческом читается как «н»).

⁵ Так Сава Владиславич истолковывает топоним Isola di Mezzo (у Орбини он дан в форме Isola di Mezo).

⁶ В оригинале говорится, что среди (in mezo) соленых (морских) вод остров изобилует водою пресной.

⁷ На острове свыше двадцати церквей и францисканский монастырь.

ский (рода Гриманского Венециана), был, однако, этот остров некоторыми людьми нечестиво расхищен.

Каламота — остров меньший, чем «Средник», не плодovitый и малонаселенный, но производит качественные вина. Жители этих трех островов большей частью обучаются матросской премудрости, из-за чего нередко случается, что на этих островах обретается больше женщин, нежели мужчин.

С этих трех островов выходят те большие корабли, которые можно видеть в Итальяском и Испанском морях, которых Рагузская республика имеет не меньше сотни, помимо тех многих галлионов и меньших судов. Поскольку они требуют большого числа людей, это стало причиной того, что рагужцы не могут на суше выставить пять или шесть тысяч воинов. Однако, если они собирали свои корабли вместе, то создавали самый превеликий и прекрепкий флот, который в то время способен был собрать какой-либо иной принцепс на Адриатическом море, в силу как размера флота, так и большого числа артиллерии, которую они возят с собой, но больше всего в силу величия боевого духа матросов в боях с турками. Ведь пока ни одного из них не останется в живых, они поощряют друг друга, вспоминая, что они рагужцы, привыкшие всегда отмщать неприятелям с большим кровопролитием свою смерть до последнего издыхания, в чем они показывают себя явными образцами для подражания всему свету.

РАЗДЕЛ III

Е. Лазарев

О ЦАРСТВЕННОМ ВЕЛИЧИИ СЛАВЯНСТВА

Именно таков буквальный смысл авторского названия этой книги, «Il Regno de gli Slavi». Ведь латинское слово *regnum*, как и соответствующее итальянское *il regno*, означает не только и не просто «царство» в географическом и политическом аспектах, но и «царственное достоинство» — понятие возвышенное, трудноопределимое и, в некотором смысле, метаисторическое. Автор книги, Мавро Орбини, как раз и стремился поведать читающей публике о вещах необычных, выходящих за рамки обыденной политической истории, однако причастных, по его убеждению, истории сокровенной и очень древней. Его книга — увлекательная, изобилующая неожиданностями загадка, выраженная колоритным языком давно минувшей эпохи, богатым непредсказуемыми ассоциациями, столь несвойственными современной научной терминологии. Поэтому многие высказывания автора теперь воспринимаются как парадокс и эпатаж или как эпическое преувеличение.

Книгу Орбини, впервые изданную на итальянском языке более четырех веков назад, в 1601 г., многие действительно считали и считают историческим курьезом, примером легендарного творчества, своего рода манифестом панславизма и идеи славянского единства, облеченным в форму исторического повествования. Никто не отрицает, что в книге немало ценного эмпирического, хроникального материала, касающегося прежде всего южных славян. Но, когда автор заявляет, что от славянского корня произошли и такие народы, как скандинавы-шведы, кельты-бретонцы (и даже финны, принадлежащие, как известно, уральской, а не индоевропейской языковой семье), такие утверждения, естественно, трактуются ныне как некая ги-

пербола, свойственная скорее художественной, а не исторической литературе. Это относится и к географии расселения славянства: в составе метаисторического «Царства Славян» оказываются земли, которые вроде бы никогда не было принято считать славянскими.

При этом эпический, торжественный панславизм Орбини нигде не переходит в декларирование национальной и националистической исключительности славянства. Повествуя о его героических деяниях, автор не идеализирует прошлое, с его кровавыми военными конфликтами. Он остается верен историческим свидетельствам, подчас жестоким, — и тем не менее, следуя избранной им средневековой историографической традиции (которую мы попытаемся обрисовать в этой вступительной статье), возвеличивает и живописует именно «царственное величие Славянства». Это удастся ему отчасти благодаря верности эстетическим принципам литературы барокко, с ее пышной экспрессией и обязательной пафосностью, хотя формально сюжетные перипетии нередко выглядят «разорванными» и внутренне противоречивыми. Однако это не превращает книгу Орбини в вольное художественное произведение: по форме и содержанию это историческое исследование, облеченное в непривычную форму.

Но тем не менее закономерен вопрос: может быть, ученый из Дубровницкой республики Мавар Орбин¹ (Мауро Орбини его называли в Италии), стоявший у истоков южнославянской исторической науки, и в самом деле написал своего рода героический эпос во славу предков? Для ученого тех времен это было бы более естественно, чем для современного академического историка. Однако если не ограничиваться вырванными из контекста парадоксальными формулировками, если внимательно и непредвзято погрузиться в мир суждений и выводов не только самого Орбини, но и других авторов той же традиции (многовековой и международной западноевропейской традиции, как вы вскоре увидите), то становится ясно, что эти выводы закономерны, систематичны и обоснованны. Сейчас они кажутся эпатажными только потому, что в них нет привычной для нас научной (и наукообразной) терминологической системы. Понять, что же, собственно, имел в виду сам Орбини, можно лишь тогда, когда ясны основы, на которых строится повествование. В нашей вступительной статье предпринята попытка обозначить эти основы, подобрать ключ к понятийной системе автора.

¹ Ныне географически это юг Хорватии, по соседству с Сербией; историческое и научное наследие Дубровника имеет особую значимость как для Хорватии, так и для Сербии. Сам Орбини называл родной язык «дубровницким» (например, на титульном листе книги перевода итальянского богословского труда: *Začalo Duhovno od početka, i sfarhe xivota coviečanskoga (...)* / *Istomaceno iz Jezikka Italianskoga u Dubrovački po D. Mavru Orbinu Dubrovčaninu (...)*. — Venetia, [1621]). Славянскую форму имени Орбини (Мавар) уточняет профессор Белградского университета, историк книжности Мирослав Пантић (1926—2011): М. Пантић. Мавро Орбин — живот и рад // *Краљевство Словена*. — Београд, 1969. — С. 4. (Все особо не оговоренные переводы цитат во вступительной статье и комментариях выполнены автором статьи.)

И тогда обнаружится, что Орбини ёмко и выразительно синтезировал тысячелетние этнологические воззрения, — общеевропейскую систему воззрений на историю народов, а не только идеологию панславизма (с последней задачей справился бы и талантливый поэт, а не ученый). Орбини ничего не ниспровергал, не восставал против научных авторитетов, не создавал «виртуальную историю». Трактую «О царственном величии Славянства», он утверждал научные приоритеты своего времени, подчас отодвинутые на второй план в силу политических мотивов. Среди его первоисточников — не только близкие ему по духу и национальным традициям предшественники из числа южнославянских гуманистов, но (в первую очередь!) великие хронисты, поистине «столпы» культуры западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени (равнозначные Нестору-летописцу Древней Руси). И еще — труды западноевропейских историков, его предшественников, далеких от политически predetermined панславистской ориентации, связанной с укреплением идеологической основы славянских государств.

Да, Орбини часто исходит в своих исторических построениях из выводов общепризнанных ученых раннего Нового времени, прежде всего немецких. Последнее обстоятельство весьма существенно — в силу конкретно-исторической ситуации. Ведь именно расселение германцев к югу от Балтики на протяжении почти целого тысячелетия сопровождалось конфронтацией с балтийскими славянами, — они дольше германцев хранили верность дохристианской религии, древнему укладу жизни, а потому неизбежно вступали в конфликт с той цивилизационной моделью, которая стала главной для Европы. Итог известен: почти все эти славянские этносы были ассимилированы немцами.

И вот обнаруживается, что многие формулировки, касающиеся как раз балтийских славян, у панслависта Орбини (а также у его предшественников и последователей) — совершенно такие же, как у объективных ученых того народа, чьи предки участвовали в Крестовых походах против славян-язычников! Это ли не объективное подтверждение умозаключений Орбини? Ведь трудно заподозрить в славянофильстве немецких историков, даже если они были уроженцами Северо-Восточной Германии и в числе их кровных предков были балтийские славяне (ситуация, кстати, нередкая, особенно среди краеведов из небольших городов). Но все равно они и их предки уже несколько веков принадлежали немецкой культуре, писали и мыслили по-немецки. Психологически тут можно было бы ожидать иной, прогерманской тенденциозности.

Всё вышесказанное с необходимостью требует указаний на конкретные источники (иначе автора этих строк резонно упрекнут в голословном панславизме). Обращение к этим источникам, как вы вскоре увидите, само по себе — дело чрезвычайно интересное, интригующее. В этом беглом обзоре нам придется коснуться всевозможных загадок истории, вспомнить и об Александрийской библиотеке, и о «вечной» проблеме происхождения князя Рюрика, и о давнем непримиримом споре норманистов и антинорманистов, и о топонимике древнейшей Европы, и даже

о дискутируемой в последние десятилетия гиперборейской концепции (в ее средневековой модификации). Вспомним мы об этом не всуе: всё это имеет прямое отношение к той самой историографической традиции, которую представляет книга Орбини, к его славянской историософии.

Надо сказать, что концепция северного, «нордического» происхождения далеких предков исторических славян (как и других народов, соотносимых им с этногенезом славян) является одним из ключей для понимания авторского замысла. Это — и зачин книги, и ее настойчивый лейтмотив, присутствующий «в строках и за строками» текста, замаскированный среди множества описаний боев и усобиц, переселений народов и княжеских деяний. Причем именно нордическая тема дает возможность связать книгу Орбини с некоторыми новейшими изысканиями в сфере древнейшей истории Северной Европы, с поистине революционными находками археологов и дискуссионными историческими памятниками, — словом, со всем тем, о чем Орбини просто не мог знать в его эпоху. А если все же знал в какой-то степени, то это уже несомненная загадка его творчества, связанная с неизвестными нам источниками, которыми он мог пользоваться.

Поэтому сама фигура Орбини — загадка для историков. Скучные биографические сведения о нем довольно просты. Как и многие другие южные славяне, Мавро Орбин (в Италии — *Mauro Orbini*; итальянская форма его имени стала более употребительной) был католиком, бенедиктинским монахом, а впоследствии аббатом на острове Млет, недалеко от побережья Далмации. Родился он около 1550 г., умер в 1614 г. в городе Дубровник (латинское название — *Ragusa*, в итальянских источниках встречается форма *Rausa*). Славянский Дубровник, связанный преданиями с поздней Античностью, в культурном отношении во многом можно сравнить с Италией эпохи Ренессанса (отсюда и выражение «южнославянские гуманисты», «хорватские гуманисты» или «гуманисты Дубровницкой республики»). Но об Орбини не скажешь, что он был универсальным и разносторонним «титаном эпохи Возрождения». Славу скромному бенедиктинцу принесла прежде всего его книга о славянах. И загадка Орбини связана не с его биографией, а именно с этой книгой. Потому что указанные им источники подчас или уникальны, или доньше недостаточно изучены, или вообще неизвестны и могут показаться современному читателю художественным вымыслом автора (тем более что книга написана в витиеватой манере литературы барокко).

Уникальность либо необычность многих источников Орбини (и самой его книги) постоянно подчеркивается в изданиях, предназначенных для широкой читательской аудитории. Но есть в этой уникальности один важный аспект, который, кажется, не упоминается вовсе. Источники и концепции, присутствующие лишь в одной-единственной книге, уязвимы для критических оценок, для подозрения в том, что автор выстроил свою работу по законам художественной литературы, а попросту говоря, сам сочинил свои первоисточники. Но с книгой Орбини дело обстоит иначе. И речь тут не об известных свидетельствах средневековых хроник. Речь о том, что

и некоторые упоминаемые им «эпатажные» авторы и идеи все же встречаются, хотя и редко, не только в его книге о славянах.

Например, неожиданный для читателя «скандинавско-нордический вектор» в происхождении предков славян присутствует и в главной работе современника и земляка Орбини — представителя знатной фамилии Дубровника, члена «Великого вече» (а впоследствии и князя) Дубровницкой республики, историка Якова Лукаревича (Jakov Lukarević, в итальянских изданиях Luccari); 1551—1615)¹. В этом «Подробном изложении Annalov Рагузы» Лукаревич неоднократно цитирует и загадочного немецкого знатока славянских древностей Карла Вагрийского, который часто фигурирует у Орбини, но так и остался неизвестным даже для южнославянских ученых, десятилетиями работавших в архивах бывшей Югославии и Италии. Упоминает Лукаревич и автора неведомых современной науке «Московских Annalov» Иеремию Русского (возможно, полагаясь на авторитет Орбини, чья книга уже была тогда издана, но похоже, что не только на него). Словом, источниковедческая тайна Орбини — это в большой мере тайна самого славянского Дубровника и его духовного наследия, его истории, предыстории и культурных контактов.

Не исключено, что многие нестандартные идеи и интригующие исторические коллизии «Царства Славян» объясняются не только работой автора книги в раритетных итальянских библиотеках и архивах (как обычно полагают исследователи книги, особо выделяя библиотеку североитальянского герцога Урбино)², но также внутренним миром и культурным окружением того незаурядного человека, которому посвящена книга. Это уроженец Дубровника, меценат, покровитель книгоиздательской деятельности Марин Бобальевич (Marin Andrijin Bobaljević, или Bobalić; 1556—1605). В Италии, где он долгое время жил, его называли Marino di Andrea Bobalio (отсюда русифицированная форма посвящения ему книги в переводе Савы Владиславича), или de Bobali. Собственно говоря, Babalio, предположительно, является более архаичной формой имени его рода, возможно, боснийского или хорватского происхождения. Так вот, по заключению южнославянских историков, основанному на архивных исследованиях, именно Бобальевич вдохновил бенедиктинского монаха Орбини на работу над грандиозной по замыслу и охвату материала книгой «Царство Славян»³.

¹ *Copioso ristretto de gli Annali di Rausa*. Libri Quattro, di Giacomo di Pietro Luccari, Gentiluomo Rauseo. Venetia, 1605. — P. 2.

² Как правило, отмечается работа Орбини в библиотеке герцога Урбино — Франческо Мария II делла Ровере (Francesco Maria II della Rovere; 1549—1631). Урбино — это Северная Италия, регион, исторически близкий адриатическим венецам. Впрочем, для каких-то обоснованных выводов применительно к идеям венецско-иллирийских истоков славянства у дубровницких гуманистов самого этого факта недостаточно.

³ *Пантић Мирослав*. Сусрети с прошлошћу. — Београд: Просвета, 1984. — С. 98—107; Vinko Foretić (1989). Bobaljević, Marin // *Hrvatski biografski leksikon*. — Izdanje 1983—2013. Цитируется по электронной версии — <http://enciklopedija.lzmk.hr/clanak.aspx?id=56429>

К сожалению, невозможно сказать по этому вопросу что-либо более конкретное относительно деталей замысла и воззрений Бобальевича, в частности, касательно «скандинавско-нордических» преданий об истоках предков славян. Во всяком случае, этот «гиперборейский вектор» отсутствует в поздней «Хронике Дубровника», которую составил на основании множества источников хорватский поэт-латинист, тоже уроженец Дубровника, Джоно Растич (Džono Rastić; лат. Junius Restius, 1755—1814). В его работе повествование начинается в раннесредневековом Иллирике¹. Видимо, во времена Растича предпочитали обходить молчанием масштабные метаисторические обобщения, относя их скорее к сфере мифологии.

Если говорить о нерешенных проблемах загадочных первоисточников книги «Царство Славян», о раритетах библиотеки североитальянской области Урбино, то нельзя не отметить, что само имя автора книги, несомненно, сродни названию этой области. Сербский историк, академик Мирослав Пантич (Мирослав Пантӣ; 1926—2011), в своем исследовании об Орбини приводит несколько различных вариантов написания имени дубровницкого гуманиста в документах его эпохи: *Orbini, de Orbino, Urbini, de Urbinis, Urbino, Urbinus*². Все эти варианты лингвистически можно рассматривать как латинские и итальянские указания на какую-то связь славянина-дубровчанина по имени Мавар Орбин с этим регионом (хотя дело может быть лишь в поздних контактах), либо на происхождение оттуда его рода. Конечно, этого совершенно недостаточно для каких-то аргументированных выводов о преемственности исторических познаний Орбини относительно наследия североитальянских, адриатических венетов, а через них — гипотетических палеоевропейских народов Древней Европы со схожим названием (которые в его книге и выступают как «род Славянской»). Но все-таки и механически отбрасывать эту «безумную» гипотезу, наверное, не следует. Заманчивое предположение нуждается в дальнейшем исследовании.

Один из своих самых шокирующих первоисточников, совсем небольшой по объему документ, Орбини воспроизводит на с. 168—169 (в итальянском оригинале 1601 г.; на с. 146 в русском переводе 1722 г., который мы издаем). В книге Орбини этот первоисточник не выделен как-то особо, не снабжен отдельным подзаголовком и теряется в тексте, хотя оказывается одним из ключей к представлениям о славянстве у Орбини. А ведь этому документу придавал исключительное значение человек, благодаря чьим идеям, по выводам современных историков, в значительной мере и была написана книга Орбини. Это Винко Прибоевич (Vinko Pribojević; серед. XV в. — после 1532), также южнославянский гуманист, духовный и идеологический предшественник Орбини.

¹ *Chronica Ragusina Junii Restii ab Origine Urbis usque ad Annum 1451, item Joannis Gundulae (1451—1484). — Zagabriae, 1893. — P. 14.* (Издана в Загребе, в серии: «Памятники, рассматривающие историю южных славян» — «*Monumenta Spectantia Historiam Slavorum Meridionalium*»). — Vol. 25. — *Scriptores*; 2).

² *Пантӣ Мирослав. Сусрети с прошлoшћу. — Београд: Просвета, 1984. — С. 80.*

Роль М. Бобальевича [ed Urbino] в этом вопросе остается одной из загадок «Царства Славян». Но именно Прибоевич сформулировал идею общеславянского единства (по сути, с теми же акцентами, что у Орбини) в небольшом латинском трактате: «*Oratio Fratris Vincentii Priboevii, Sacrae Theologiae Professoris Ordinis Praedicatorum, De Origine Successibusque Slavorum*» (Venetiis, 1532) — «Речение брата Винцентия Прибоевicia, профессора Священной теологии, из Ордена проповедников, о происхождении и успехах Славян».

Может возникнуть недоумение: зачем Прибоевичу, монаху-доминиканцу, католику, то есть человеку с западными приоритетами, понадобилось так прославлять весь славянский мир, по большей части связанный с традициями восточного христианства, то есть внешний, а порой и оппозиционный в отношении к католичеству? Тем не менее трактат Прибоевicia, при всей его краткости и более сдержанной, чем у вдохновенного и экспрессивного Орбини, форме изложения, недвусмысленно обозначает те же идеи славянского единства.

Но обратим внимание на одно важное историческое обстоятельство. Доминиканский орден, орден братьев-проповедников, основанный в XIII в. формально для борьбы с ересями, очень быстро поставил во главу угла широчайшее для своего времени изучение наук и образовательную деятельность, причем в весьма удаленных регионах: от Руси до Ирана и Китая, а впоследствии — и в культурных центрах Древней Америки. В ордене состояли поистине выдающиеся и неординарные философы Альберт Великий (ок. 1193—1280) и Фома Аквинский (1225/1226—1274); величайший христианский мистик Майстер Экхарт (1260—1328); защитник прав индейцев Бартоломе де Лас Касас (1484—1566) и некоторые его сподвижники; наконец, великие ученые и мыслители, не нуждающиеся в особых комментариях: Джордано Бруно (1548—1600) и Томмазо Кампанелла (1568—1639).

Вывод из этого следует простой и очевидный: орден братьев-проповедников, по-видимому, обладал настолько незаурядными знаниями, приобретенными в самых неожиданных уголках земного шара, что сами эти знания подчас приводили к непредсказуемым, трагическим конфликтам хранителей этих знаний с различными официальными структурами и воззрениями. Эти знания опережали свое время, а иногда воспринимались как вызов общепринятому порядку вещей. И если иметь это в виду, то, наверное, не покажется столь уж эпатажным и тот документ, которым предварил свою книгу (в указанном венецианском издании 1532 г.) Винко Прибоевич. Этот документ называется (в латинском варианте): «*Privilegium Alexandri Magni donatum populis Slavis*» — «Привилегия Александра Великого, дарованная народам Славянским». Александр Великий — это, разумеется, Александр Македонский, живший в 356—323 гг. до н.э.

Как к этому относиться? Славянские народы, во всем их ныне известном многообразии, сформировались на протяжении последнего тысячелетия, после распада общеславянского этнолингвистического единства, много веков спустя после Александра Македонского. И называть славян славянами, насколько можно судить

ORATIO FRATRIS VINCENTII
PRIBOEVII SACRAE THEOLO
GIAE PROFESSORIS ORDINIS
PRAEDICATORVM
DE ORIGINE SVCC
CESSIBVSQVE
SLAVORVM.

Veneriis. M. D. X. X. X. I. I.

Con licentia delli Illustriss. Signori Capi di X.

по всем доступным источникам, стали намного позже эпохи великого завоевателя мира (не ранее чем полтора тысячелетия назад). Так кого же имеет в виду эта странная «Привилегия...»? Ученые, стоящие на позициях формального критицизма, в подобных случаях снабжают текст пренебрежительным «псевдо-» или просто обвиняют автора (или средневекового переписчика, переводчика) в поздней фальсификации, фактически представляя значительную часть древних и средневековых историков сборищем авантюристов.

Вряд ли эта позиция продуктивна (не говоря уж об этических моментах). Отношение к написанному («начертанному») слову в прошлом было гораздо более серьезным и благоговейным, чем сейчас. Хотя, например, комментаторы древности нередко практически не отделяли свои высказывания от комментируемого текста, и без того хорошо знакомого немногим эрудированным читателям. Современной науке это служит основанием для «омоложения» датировок и, как следствие, для опровержения традиционно принятого авторства. Возможно, и во многих текстах, заклеянных как фальшивки, на самом деле всего лишь проявились какие-то иные, чем сейчас, подходы к исторической реальности и ее фиксации. В данном случае — к представлениям об этносе. Они могли быть (и наверняка были) не такими, какие привычны для нас; в результате знакомые именованья народов, этнонимы, тут обозначают нечто иное¹. Несомненно и то, что подобные тексты всегда приобретали окончательную, известную нам форму на протяжении веков, отражая различные стадии восприятия исходного содержания и терминологии. Но это вряд ли правомерно называть фальсификацией.

Винко Прибоевича можно было бы обвинить в сочинительстве, если бы загадочная «Привилегия...» имелась только в его книге и нигде более. Однако дело обстоит совершенно иначе! Это действительно был документ, обладавший международным авторитетом в Западной Европе (документ на латинском языке и в новоевропейских переводах; гипотетический древнегреческий прототекст науке неизвестен ни в каком варианте). Его бытование в славянском мире XVI—XVIII столетий, многочисленные версии, несомненно, литературно и идеологически обработанные в эпоху укрепления славянских государств, с энциклопедической полнотой и безупречными переводами на русский язык, исследованы в одной из монографий Александра Сергеевича Мыльникова². Однако текст «Привилегии...» воспроизводит, скажем,

¹ Исторические изменения в представлениях об этносе — важная тема современных академических исследований. Применительно к славянской культуре эти вопросы рассматривают, например, выдающийся отечественный славист Александр Сергеевич Мыльников (1929—2003; см. его книгу: А.С. Мыльников. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999) и исследователь восточноевропейских генеалогических традиций, историк и публицист Вячеслав Игоревич Меркулов. Об их работах еще пойдет речь в этой статье.

² Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — С. 45—94.

и венгерский барон Петрус де Рева (венг. Péter Révay; 1568—1622)¹, хранитель королевской короны, государственный деятель и историк, представитель одной из древнейших дворянских фамилий Венгрии². Последнее обстоятельство в принципе может указывать на то, что в числе его далеких предков были и славяне древней Паннонии, жившие там до переселения туда мадьяр. В венгерском языке сохранилось множество архаичных славянских слов, и это, кстати, могло служить основанием для причисления венгров, «угринов» (финно-угорского, уральского народа, в современной научной классификации) к «славянскому племени», — в былые века, до того как сложились современные представления об этнической идентификации.

Критически мыслящий читатель скажет, что в таком случае Петрус де Рева, подобно гуманистам Дубровника или же чешским, польским и русским авторам, имел основания для пристрастно позитивного отношения к славянским древностям и легендам о них. Однако «Привилегия Александра Великого, дарованная народам Славянским» считалась чрезвычайно авторитетной и для венецианцев, которые говорили на романском, итальянском языке (хотя и с существенными диалектными особенностями), а со славянами Балкан подчас воевали и соперничали в морской торговле. В подробных каталогах итальянских библиотек описано немало манускриптов венецианского происхождения, в которых фигурирует эта «Привилегия...» (видимо, в данном случае это — различные списки одного и того же латинского текста). Причем она в этих манускриптах предваряет перечни знатнейших родов Венеции, санкционируя и обосновывая их древность и славу³.

Так могли относиться только к тем, кого издавна считали своими предками, пусть даже в контексте этногенетических легенд и какого-то исторического мифа (он всегда и везде присутствует в средневековой историософии: достаточно вспомнить хотя бы бесчисленные «троянские сказания» о происхождении европейских правящих династий). И если непредвзято взглянуть на положение вещей, то в случае венецианских списков «Привилегии...» перед нами — именно та шокирующая современного человека ситуация, которая нередка у Мавро Орбини: неславянский в этноязыковом отношении (романский) народ еще полтысячелетия назад воспринимал деяния славян (пусть и легендарные) как подвиги собственных предков.

Более того: похоже, что именно венецианские списки «Привилегии...» позволяют приблизиться к адекватному пониманию того, что хотел выразить своей книгой Мавро Орбини. Они, как мы вскоре увидим, помогают выстроить внутренне непротиворечивую систему, которая структурирует эту удивительную и на первый взгляд весьма позднюю и претенциозную концепцию «царственного величия сла-

¹ *Petrus de Rewa. De Monarchia et Sacra Corona Regni Hungariae Centuria Septem.* — Francofurti, 1659. — P. 147.

² См. о нем: *Georgius Hanerus (Georg Haner; 1672—1740). De Scriptoribus Rerum Hungaricarum et Transsilvanicarum Saeculi XVII Scriptisque eorundem.* — Cibinii (Sibiu), 1798. — P. 63—72.

³ См., например: *Rhodes James Montague. A Descriptive Catalogue of the Manuscripts in the Library of Eton College.* — Cambridge University Press, 1895. — P. 119.

вянства», — на самом деле, возможно, уходящую корнями даже не в праславянскую, а в дославянскую эпоху.

Но, чтобы не рассуждать голословно, сначала приведем здесь полный, максимально точный перевод латинской версии «Привилегии Александра Великого», по указанной книге барона де Рева¹, с учетом некоторых вариантов того же списка (в книге Винко Прибоевича 1532 г. и в венецианских манускриптах)². При этом отметим из современных академических изданий перевод «Привилегии...» на хорватский язык в книге: Vinko Pribojević. *O podrijetlu i slavi Slavena / Preveli Veljko Gortan, Pavao Knezović. Priredio Miroslav Kurelac.* — Zagreb, 1997. (Str. 52—53: латинский текст, Str. 132—133: хорватский перевод профессора П. Кнезовича). Это издание, наряду с рядом других, стало итогом исследовательской работы южнославянских ученых на протяжении нескольких десятилетий. Переводчикам и комментаторам удалось решить некоторые спорные вопросы, связанные с этим необычным документом.

Привилегия Александра Великого, дарованная народам Славянским, которая извлечена из древнейшей греческой книги, обнаруженной в Константинополе, и, слово в слово, переложена с греческого наречия на латинский язык, со всяческим прилежанием и тщанием.

Мы, Александр, [сын] Филиппа, царя Македонского, ставший архонтом (archos) Монархии³, Греческой империи зачинатель, великого Зевса сын, возвешенный Нактабаном⁴, беседовавший с Брахманами, достигший Древа Солнца

¹ По классификации А.С. Мельникова, это ранняя редакция текста, еще не обремененного всевозможными литературными «украшениями».

² Здесь и далее во вступительной статье особо не оговоренные переводы выполнены ее автором.

³ Во многих вариантах (в том числе в книге де Рева) здесь — явная и несколько анекдотичная ошибка переписчика, веками ставившая в тупик исследователей. Вместо archos Monarchiae — архонт (глава, первоначало) Монархии нередко стоит hircus Monarchiae — козел Монархии (!). Это пытались объяснить тем, что, как известно, Александра Македонского, объявленного сыном египетского бога Аммона, иногда изображали с рогами (хотя в символике Аммона они не козлиные); или же зооморфная символика трактовалась в контексте библейского пророчества Даниила о мировых державах и соответствующих им «звериных» символах. Однако в книге Винко Прибоевича здесь стоит именно archos, и при воспроизведении трактата Прибоевича в вышеупомянутом загребском издании 1997 г. предпочтение было безоговорочно отдано этому простому и самому логичному варианту (есть и другие, совсем непонятные версии, но не будем загромождать ими эти примечания).

⁴ У Прибоевича Nathabanus (другие варианты этого имени: Natabanus, Natanabus, Ne-tanabus, Natanebus, Neptanabus и т.д.) — это в средневековых легендах об Александре Македонском египетский фараон Нектанеб (более точно его подлинное имя реконструируют как Нехтнебеф), правивший незадолго до завоевания Египта Александром. В легендах он — величайший волшебник и тайный отец Александра Македонского (причем через его посредство (Natanabus), его имя встречается, например, в парижской рукописи 8501, XIV в. (см.: Adolf Kressner. *Aus Handschriften. Zur Alexandersage im Mittelalter // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen.* — Bd. 68. — Braunschweig, 1882. — S. 32—33).

и Древа Луны¹, а также земель Персов и Мидян, Повелитель мира (*Domipus Mundi*) от восхода Солнца и до заката, от юга и до севера.

Блистательному (*illustri*) Племеню Славян и языку их — милость, мир и благоденствие от Нас и преемников наших, которые воспоследуют нам в управлении Миром (*in gubernatione Mundi*)².

Поскольку вы всегда содействовали Нам — правдивые в вере, в сражениях отважные, помощники наши, воинственные и могучие, Мы даруем и навсегда предоставляем вам в беспрепятственное владение всю область земли от Севера вплоть до южных пределов Италии (*ab Aquilone usque ad fines Italie Meridionales*), дабы никто не дерзал там пребывать, или находиться, или размещаться, кроме ваших [людей].

А если обнаружится, что кто-либо другой там пребывает, да будет он служителем вашим, и потомки его — служителями ваших потомков да будут.

Дано в заложенном нами Новом Граде Александрийском (*in Civitate Nova Alexandrina*), основанном на великой реке Нил, в двенадцатый год царствования нашего, при благоволении Великих Богов — Зевса, Ареса, Плутона и Величайшей Богини Афины³.

Свидетели же сего — наш блистательный Атлет Локатека и другие одиннадцать Предводителей (*Principes*), которых Мы, расставаясь с жизнью без потомков, оставляем наследниками нашими, а также всего Мира (*totius Orbis*).

Язык этого списка — обычная средневековая латынь, с незначительными стандартными отступлениями от норм классического правописания и иногда с ошибками переписчиков. Сделать какие-либо выводы о происхождении исходного текста на этом основании вряд ли возможно. А вот содержание, конечно, нестандартно и многоаспектно. В «Привилегии...», несомненно, присутствует историческая (пожалуй, даже традиционалистская) мифология. Это проявляется и в числовом коде: мудрый Царь Мира, на двенадцатый год правления, предчувствуя свою смерть, завещает власть двенадцати преемникам, олицетворяющим всю обитаемую вселенную. Александр Македонский действительно был склонен, скажем так, к сакрализованной церемониальности. Однако в тексте есть и исторические неувязки.

¹ Согласно позднеантичным и средневековым преданиям, Александр Македонский во время своего Восточного похода провел немало времени в странствиях по неведомым пустынным землям, встречался с брахманами, индийскими мудрецами, а также посетил Древо Солнца и Древо Луны — священные говорящие деревья, которые возвестили ему неизбежную раннюю смерть.

² Примечательно, что «Привилегия» даруется, согласно этому тексту, не только народу, но и славянскому языку.

³ В латинском тексте, по обыкновению, древнегреческие имена божеств заменены латинскими: «*Magnis Diis Iove, Marte, Plutone et Maxima Dea Minerva*». В списке барона де Рева окончание этой фразы имеет сокращенный вид: «*anno decimo secundo Deae Minervae*», «в двенадцатый год Богини Афины». Судя по всему корпусу славянских списков «Привилегии...», проанализированному в цитированной выше монографии А.С. Мыльникова, первоначально было все же упомянуто несколько божеств (тем более, что Зевс-Аммон издревле считался родителем Александра).

Александр стал царем Македонии в 336 г., а значит, на двенадцатый год правления он находился в Восточном походе, скорее всего в Персии. Возможность передачи (через посредников?) каких-то грамот боевым соратникам, наверное, существует, но прототекст в таком случае должен был иметь иной, не столь парадный и «вселенский» вид. Значит, допуская подлинность сюжета (дарования царем благодарственной грамоты-привилегии кому-то из соратников), следует признать несомненной более позднюю литературную обработку сообщения об этом событии (возможно, еще в позднеантичную или византийскую эпохи).

Вообще говоря, складывается впечатление, что в тексте речь идет о тайной, мистериальной передаче Александром власти над миром, — не тем хорошо известным заместникам, которые после кончины царя вступили в борьбу друг с другом, развалив его огромную империю, а неведомым доверенным лицам. Их число — двенадцать — действительно фигурирует в различных мистериальных культах. Если такой сюжет и мифологичен, то это неведомый нам миф применительно к Александру Македонскому.

Ясность не вносит и единственное упоминаемое имя преемника: Локатека Атлет, в списке де Рева. У Прибоевича он — Лотатерра Атлет. А в энциклопедически исчерпывающем обзоре различных списков А.С. Мыльниковым вариации этого именованья на редкость многообразны. Вместо «Атлета» часто появляются созвучные этому слову имена; столь же вариативен «Локатека». В последнем слове вообще усматривают не имя собственное, а искаженное название поздней, византийской должности — «логофет», управляющий ведомством. Этой версии, по сути, следует и Орбини: в его варианте «Привилегии...», в итальянском тексте (на с. 169), значит: «*Atleta nostro tesofiego*» (букв. «Атлет, наш казначей»). Сава Владиславич в русском переводе 1722 г. (с. 146) истолковал это как «Алцета наш канцлер», введя имя собственное (возможно, на основании какого-то другого списка, которому он больше доверял). И подобные разночтения есть почти в каждой фразе «Привилегии...».

Словом, говорить даже о гипотетической реконструкции каких-то древнегреческих первоисточников тут не приходится. Основания же для датировки имеющегося латинского варианта — в основном косвенные. Исходя из отраженной в тексте суммы знаний об Александре Македонском, критические исследователи связывают его с чешскими просветителями XIV столетия; затем списки «Привилегии...» стали распространяться в славянском мире, поскольку были востребованы идеологической и культурологической ситуацией. Интересна гипотеза чешского историка Франтишека Бартоша (*František Michálek Bartoš*; 1889—1972), согласно которой «Привилегия...» связана с гуситским движением, с наследием автора «Гуситской хроники» — писателя-хрониста и поэта Лаврентия из Бржезовой (*Vavřinec z Březové*, ок. 1370 — после 1437)¹.

¹ *Bartoš František M. Zápis Alexandra Velikého Slovanům a jeho původce // Časopis Národního musea v Praze: Řada historická.*, 115. — Praha, 1946. — Str. 44—49. Цит. по: *Odložilík Otakar. The Privilege of Alexander the Great for the Slavs // Folia Diplomatica I.* — Brno, 1971. — Str. 241.

Но, может быть, Лаврентий был не автором «Привилегии...», а лишь сыграл важную роль в ее распространении среди западных славян? Он был не только магистром свободных искусств, изучавшим науки в Пражском университете, но и иподиаконом; он получил, с разрешения Римского папы, церковный бенефиций — должность, с которой шли доходы. И, наверное, он мог через католиков-итальянцев познакомиться с весьма ранними венецианскими списками «Привилегии...», которые, кажется, остались недооцененными современной наукой, делающей акцент преимущественно на красочных и многообразных вариантах из славянского мира (пусть они и на латинском языке). Кстати, видимо, и Орбини работал именно с венецианскими манускриптами.

Но чем же так уж знамениты эти венецианские списки? Прежде всего, тем, что там указан человек, который, согласно стереотипной для этих вариантов приписке к «Привилегии Александра Великого...», как раз и нашел в «некой древнейшей библиотеке»¹ сакраментальный и неуловимый первоисточник! В одном из этих манускриптов, XVI в., в собрании Итонского колледжа, каталогизированном Монтегю Джеймсом (No. 193. *Venetorum Nobilium Liber* — «Книга венецианской знати»), эта приписка к «Привилегии...» предваряет точно датированное, 27 июня 1310 г., письмо тогдашнего венецианского дожа Пьетро Градениго (1251—1311) своему посланнику в Армении — Цорци (Джорджио) Дольфину (*Zorzi Dolphin*). Венецианские посланники на христианском Востоке, естественно, бывали тогда и в Константинополе², и теоретически возможность нахождения там кем-то из посольства некоего манускрипта или документа, могущего послужить для прославления Венеции, становится весьма вероятной. Не исключено, что время находки и ее перевода на латынь — около 1310 г.

Имя первооткрывателя «Привилегии...» в латинизированной форме — *Julianus Baldasar*, то есть Джулиано Бальдазар, коль скоро он был, скорее всего, итальянцем (или, возможно, Бальдассаре). Имя его хорошо известно — во многом благодаря книге Орбини, который, повествуя о «Привилегии народам Славянским», сообщает и об этом человеке, называя его *Giulio Baldasar*, Джулио Бальдазар (на с. 169 итальянского оригинала; Иулий Валтасар, как перевел С. Владиславич). Биографические сведения об этом человеке отсутствуют (кроме упомянутых выше); ничего но-

¹ *Rhodes James Montague* (1862—1936). *A Descriptive Catalogue of the Manuscripts in the Library of Eton College*. — Cambridge University Press, 1895. — P. 119; Paul Oskar Kristeller. *Iter Italicum*. — Vol. II. — Leiden: Brill, 1998. — P. 269; Progetto cronache veneziane e ravennati (secoli VI—XIX). © 2003/07 Fondazione Casa di Oriani. (Prof. A. Carile). http://www.cronachevenezianeravennati.it/codici/codice.jsp?ACTION=Carica&ID_CODICE=1941; Nuova Biblioteca Manoscritta <http://www.nuovabibliotecamanoscritta.it/Generale/ricerca/AnteprimaManoscritto.html>

² В фундаментальной многотомной «Истории Венеции» этот же человек, в сообщении о том же самом письме 1310 г., назван «*Giorgio Delfino Bailo in Constantinopoli*» — «Джорджио Дельфино, посланник в Константинополе» (*Tentori Cristoforo*. *Saggio sulla storia civile, politica, ecclesiastica e sulla corografia e topografia degli stati della Repubblica di Venezia*. — T. V. — Venezia, 1785. — P. 256).

вого в этом плане не нашли и издатели современного академического хорватского перевода книги Орбини, подготовленного под руководством профессора Франьо Шаньека (Franjo Šanjek), историка и богослова¹. И тем не менее фраза, сообщающая в венецианских манускриптах о находке, сделанной этим Бальдазаром, содержит и другую важную информацию. Она помогает конкретизировать образ славянства в Средние века и в начале новоевропейской эпохи. А попросту говоря, понять, что же имели в виду Орбини, Прибоевич и другие авторы, возвеличившие загадочную «Привилегию Александра Великого, дарованную народам Славянским».

Эта фраза в латинских рукописях выглядит так: «Ego Julianus Baldasar secretarius hoc privilegium Dalmatiae in quadam bibliotheca antiquissima repperi»² — «Я, Джулиано Бальдазар, секретарь, эту привилегию Далмации обрел в некоей древнейшей библиотеке». Приписка кратка и проста, однако в ней присутствует несомненный аналог торжественному названию всей «Привилегии...» (возможно, позднему, связанному с обработкой изначального документа, найденного в «древнейшей библиотеке»). «Привилегия народам Славянским» оказывается «привилегией Далмации»! Что же из этого следует?

Далмация, прибрежная северо-западная часть Балканского региона, после расселения здесь исторических славян около полутора тысячелетий назад, сыграла важную роль в южнославянской культуре. Несомненно, в этногенезе балканских славян в качестве древнего субстрата участвовали и более ранние этносы Балкан: иллирийцы, фракийцы, кельты. Судя по надежным и, так сказать, документальным, хотя и скудным, данным эпиграфики (по надписям прежде всего на камне и металле), о прямой языковой преемственности в отношении славян тут говорить сложно. Древние народы Балкан были сначала романизированы, вошли в состав Римской империи и лишь спустя несколько веков приняли участие в формировании южного славянства. Отдельные лингвистические сходства могут объясняться индоевропейской принадлежностью всех этих языков.

Впрочем, есть основания полагать, что изначальные палеоевропейские или палеобалканские следы сохранились здесь, так сказать, «на виду», — не в каких-то спорных аспектах средневековых тайноучений, а в самом названии отчизны Мавро Орбини — города Дубровника. Только не в славянском, а в позднеантичном, латинском его именовании: Ragusa (Rausa). Говоря о происхождении этого названия в своей исключительно содержательной и точной работе «Об управлении Империй», византийский император Константин VII Багрянородный (905—959) отмечает, что «на языке Ромеев» (то есть на греческом) этот город первоначально не

¹ *Orbini Mavro. Kraljevstvo Slavena.* — Zagreb, 1999. — Str. 571.

² Цитируется манускрипт конца XV в. № 205 из городской библиотеки Вероны, каталогизированный в рамках проекта: Nuova Biblioteca Manoscritta. <http://www.nuovabibliotecamanoscritta.it/Generale/ricerca/AnteprimaManoscritto.html> В других доступных итальянских рукописях (по содержанию все они связаны с Венецией) текст отличается лишь незначительными вариациями в написании слов.

назывался Ραούση, или Ραούσιον (Rausium в латинском переводе). Его жителей именовали Λαυσαῖοι; Константин Багрянородный производит это слово от древнегреческого λαοῦ, «обрыв» (родственная словоформа: λίθας, «камень») — «живущие на обрывистом месте»¹.

Это означает, что первоначальное название Рагузы-Дубровника происходило не из латыни, а из греческого языка и выглядело как Λαούση, Λαούσιον (Lausium). Всё это имело бы лишь узкое лингвистическое и топонимическое значение, если бы именно в древних письменных языках балканско-адриатического региона — в крито-микенской письменности (условно говоря, времен Троянской войны) и еще более раннем, малоизученном минойском языке — как раз «Р» и «Л» на письме не различались². Получается, что прославленный, родной для Орбини южнославянский город даже в своем названии содержал для понимающего читателя скрытое указание на культуру и язык Древней Европы, на эпоху населявших ее народов-предков.

Региональная, культурная, кровная преемственность, даже при смене языка, в таких случаях, несомненно, имела место. Может быть, вплоть до наследования каких-то специфических традиций раннего христианства и местных религий древних балканских народов средневековыми южнославянскими учениями («сектами»). Чаще всего эти традиции называют богомильскими; культурные связи издавна объединяли их последователей и с народным христианством Древней Руси, вплоть до северных ее княжеств. Именно в Далмации, Хорватии, Боснии, Герцеговине, в сопредельных с побережьем Адриатики горных анклавах сохранились так называемые *стечаки* — богомильские надгробные стелы со сложной, уникальной символикой резных изображений, уходящей корнями в еще недостаточно изученную палеоевропейскую древность этого региона.

Далмация (в несколько расширительном значении) в определенном ракурсе могла восприниматься как духовное и историческое средоточие славянства в целом, как его синоним. Именно на такой региональной (а не этноязыковой) идентификации базировались и утверждения Орбини, что сам Александр Македонский, например, — славянин: он ведь был уроженцем страны, которая давно принадлежит славянскому миру. И пусть во времена Александра Македонского земли Далмации и Хорватии населяли иллирийцы (видимо, самостоятельная группа индоевропейцев): их, согласно прежней модели этнической идентификации, тоже можно было именовать славянами. Что и делает Мавро Орбини. Именно в повествовании о «славянах иллирических», которым он, их представитель, уделяет особое внимание, он и воспроизводит текст «Привилегии...».

¹ *Constantini Porphyrogeniti. De Administrando Imperio // Patrologia Graeca. — Tomus 113. — Paris, 1864. — Col. 261D—264A.*

² Ср. в микенском древнегреческом хорошо известный титул: ra-wa-ke-ta = lāwāgetās, «глава области», местный правитель (*Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. — Л.: Наука, 1986. — С. 128.*)

Он был не одинок в своих убеждениях и дефинициях. Фауст Вранчич (хорв. Faust Vrančić, итал. Fausto Veranzio, 1551—1617) — хорватский учёный с исключительно разносторонними интересами (он, кстати, первым испытал парашют) прославился и как создатель сравнительного словаря пяти «благороднейших европейских языков» (или даже групп языков): латинского, итальянского, германского, славянского и венгерского. При этом общеславянскую лексику он по всей книге именуется как раз далматинской: это для него синонимы (далматинский — значит славянский). Во вступительном слове к книге он подчеркивает, что для него Далмация — гораздо более обширная территория, чем это было в его время, когда она разделилась на собственно Далмацию, Хорватию, Боснию, Славонию, Сербию и Болгарию¹. А выдающийся специалист в области глаголической письменности южных славян, историограф и теолог, писавший на хорватском, латинском и итальянском языках, Франьо Главинич (Franjo Glavinić; 1585—1652) относил «Привилегию Александра Великого» непосредственно к хорватам², уверенно проецируя этот этноним в далекое прошлое (слово «хорваты», как и «сербы», видимо, еще в раннем Средневековье обозначало различные этнические группы славян, живших тогда значительно севернее; еще до формирования народов сербов и хорватов, известных по «классическим» письменным источникам).

Всё это объясняет южнославянские приоритеты, укорененные в представлениях об иллирийской преемственности и этнической самоидентификации. Но почему те же (панславистские!) тенденции встретили поддержку в итальянской, романской Венеции? Ведь там бережно переписывали текст «Привилегии...», санкционируя этим документом древность и авторитет собственных знатных родов. Там была издана и имела большой успех книга Винко Прибоевича. И словарь Вранчича (где славянская, «далматинская» речь включена в число «благороднейших европейских языков») опубликовали тоже в Венеции. Какая же этногенетическая модель тут сработала?

Ответ почти очевиден. К северо-западу от иллирийских народов, на северных берегах Адриатики более двух тысячелетий назад обитали вены. С названием этого народа и связано имя Венеции. Они были давними союзниками римлян и в итоге стали считаться полноправными римскими гражданами. Неизбежное следствие — быстрая романизация венов и скудость точных сведений об их первоначальном языке. Он был в исторической ретроспективе, по-видимому, родственен и иллирийским наречиям (в первую очередь), и древнегерманским, и итальянским, и, что особенно важно для нашей темы, — языкам балтов и протославян. Вены, безусловно, связаны кровными узами с жителями нынешней области Венето, с венецианцами.

¹ [Fausto Veranzio]. *Dictionarium Quinque Nobilissimarum Europaeae Linguarum; Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmati[c]ae et Hungaricae.* — Venetiis, 1595.

² Цит. по: Kurelac Miroslav. Vinko Pribojević i njegovo djelo // Vinko Pribojević. *O podrijetlu i slavi Slavena / Preveli Veljko Gortan, Pavao Knezović.* Priredio Miroslav Kurelac. — Zagreb, 1997. — Str. 14.

Но и с их соседями-славянами — тоже (прежде всего, со словенцами¹, чье значение в истории славянского мира, пожалуй, еще не всегда оценивается должным образом).

Значит, если эрудированный венецианец семь веков назад обнаружил в Константинополе некий древний документ, прославляющий подвиги венетов, он вполне мог соотнести этот текст одновременно и с предками венецианцев, и с предками славян «большой Далмации». (Тем более что прибрежная Далмация входила в сферу влияния Венеции, хотя имели место и военные конфликты.) Значит, можно предположить, что изначально в гипотетической грамоте-привилегии речь шла не об иллирийцах, столь значимых для славянской историософии дубровницких гуманистов, а об адриатических венетах (были и другие венеты, и о них мы сейчас поговорим). К тому же определения «иллирийский» и «венетский» считаются почти синонимами, — как для Орбини и авторов, следовавших той же традиции, так и для многих современных лингвистов и этнологов.

Предложенные выше гипотезы, отправной точкой для которых стали венецианские списки «Привилегии...», несколько проясняют ситуацию, так сказать, на региональном, балканском и северноитальянском уровне. Но пока остается непонятым и необоснованным глобальный панславистский ракурс, заданный имеющимися в нашем распоряжении списками. Ведь привилегия-то в них дана всему славянскому миру, «от Севера вплоть до южных пределов Италии (ab Aquilone usque ad fines Italie Meridionales)», а не локальным областям расселения иллирийцев и венетов. При этом «южные пределы Италии» — рубеж довольно конкретный. Эти слова могут означать не дарование всей Италии (вместе с Римом), а просто фиксируют широтный маркер: даруются земли, простирающиеся до этих ориентиров, — вероятнее всего, балканские территории до широты Южной Италии, которые закрепляются, таким образом, за древними предками славян. «Север» («Аквилон») не конкретизируется в ранних вариантах «Привилегии...»; эта конкретизация (до берегов Ледовитого океана!) присутствует в более поздних славянских списках². И она эмпирически соответствует исторической географии России.

Но во времена Александра Македонского даже Карпаты для античного человека из Средиземноморья были горным рубежом весьма далекого, труднодоступного и холодного Севера. И если представить себе, что Александр хотел кому-то из соратников гарантировать преимущества во владении этими неопределенными и малонаселенными просторами, то он, скорее всего, ограничился бы как раз такой расплывчатой формулировкой (разумеется, на греческом, а не на латыни).

¹ Исследование венетско-славянской преемственности давно стало одним из важных направлений в работе современного российского историка и филолога Павла Владимировича Тулаева (см., например, его монографию: *Тулаев П.В. Венеты: предки славян.* — М., 2000), а также в деятельности некоторых словенских ученых.

² См.: *Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века.* — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — С. 84 и др.

Пределом сколько-нибудь известного Крайнего Севера был для античной географии Балтийский регион. По-видимому, довольно подробные сведения о нем хранились в знаменитой Александрийской библиотеке. Великий географ, астроном, математик Клавдий Птолемей (ок. 87 или 90 — ок. 165 или 168), живший и работавший в Александрии, в своей поистине уникальной «Географии» привел сведения о народах, горах и реках от Индокитая до Северной Атлантики и Скандинавии, указав попутно координаты нескольких тысяч населенных пунктов (!) в этих регионах. Исходная информация, видимо, получена от путешественников и не очень точна (по современным меркам), но иначе как бесценной ее не назовешь. Об этих неизвестных городах-загадках веками спорят, их ищут археологи. Для нашей же темы особенно важно краткое сообщение великого александрийца о Балтике (в третьей книге), о людях, живших некогда на здешних морских берегах: «ἔθνη μέγιστα οἱ τε Οὐενέδαι παρ' ὄλον τὸν Οὐενεδικὸν κόλπον» — «величайшие народы, веныды, по всему заливу Венедскому» (в латинском переводе: «gentes maximae Venedae propter totum Venedicum Sinum»¹. Венедский залив (лат. Sinus Venedicus) — это античное название Балтийского моря (залив Мирового океана).

Краткое сообщение Птолемея о северных венедах имеет исключительно важный подтекст. По всей совокупности исторических данных сейчас ясно, что в его времена (менее двух тысячелетий назад) ни один из известных народов региона не жил «по всему заливу Венедскому»: ни славяне, ни балты (ни даже балто-славяне, если они еще не забыли тогда о былой этноязыковой общности), ни германцы и скандинавы, ни западные финно-угры (включая лапландцев-саами). Самое простое и непротиворечивое объяснение этого несоответствия, пожалуй, заключается в следующем. Сведения Птолемея (из неизвестного первоисточника Александрийской библиотеки) относятся к гораздо более древней эпохе и к палеоевропейской совокупности родственных «племен» (можно и так перевести слово ἔθνη). Это был, по сути, народ-прародитель более поздних североευропейских этносов. Он вошел в их состав как субстрат, как одна из основ.

Но ведь это, если отвлечься от терминологических нюансов, — именно та «эпатажная» историческая ситуация, которая обрисована в книге Мавро Орбини! Даже «Привилегия Александра Великого» обретает свое место в этой картине. Название балтийских венедев почти не отличается от имени венетов адриатических; так замыкается и конкретизируется в «Привилегии...» загадочное географическое пространство «от Севера до пределов Италии». И ведь не отдельные «экзотические» авторы, не романтические панслависты, а всё позднее германское Средневековье и немецкая историография Нового времени именно от балтийских венедев производят немецкое название славян: die Wenden. Основания для утверждения германским миром такой преемственности неясны. Ведь если палеоевропейские веныды Птолемея участвовали в этногенезе большинства народов европейского Норда,

¹ Claudii Ptolemaei. Geographiae Libri Octo. — Fasciculus III. — Essendiae (Essen), 1842. — P. 200.

то почему именно славян немцы считали наиболее близкими этим прародителям? Но это исторический факт, подтвержденный множеством авторитетных западных первоисточников, не всегда миролюбивых в отношении славян, с их стойкими языческими традициями.

Даже мегалитические святилища каменного века на балтийском острове Рюген (созданные еще до индоевропеизации Северной Европы) немцы упорно именовали «вендскими древностями», не пытаясь связывать их с собственными героями и предками (хотя бы легендарными). В официальных латинских средневековых документах (после завоевания Рюгена датчанами) эти памятники названы: «*antiquorum sepulcra*» («захоронения древних»), «*tumuli paganorum*» («гробницы язычников»), «*tumulus gigantis*» («гробница гиганта»)¹. Поясняя упоминания об этих мегалитах, историк Фридрих фон Дрегер (1699—1750) именует их *вендскими*: «*alt Wendisch heidnisch Grab*» («древняя вендская языческая гробница»), «*alten Wendischen, sogenannten Hünen-Gräber*» («древние вендские, так называемые богатырские могилы»)².

Похоже, что именно венедско-вендская (или венедско-славянская диахроническая модель) позволяет адекватно понять многие «странные» места в книге Мавро Орбини, с поправкой на эмоциональную «текучесть» и неустойчивость его терминологии. Вот что он пишет в одной из самых одиозных для современной науки фраз (на с. 4 в русском переводе 1722 г.): «От сего всегда славного народа [Славянского] в прошедших временах произошли (*apparigono*, букв. «появились», в итальянском оригинале) сильнейшие народы; сиречь Славяне, Вандалы, Бургунтионы, Гофы, Острогофы, Руси или Раси, Визигофы, Гепиды, Гетыаланы, Уверлы, или Грулы, Авары, Скирры, Гирры, Меландены, Баштарны, Пеуки, Даки, Шведы, Норманны, Фенны, или Финны, Укры, или Ункраны, Маркоманны, Квады, Фраки; Аллери были близ Венедов, или Генетов, которые засели берег моря Балтийского и разделилися на многие начала...»

Если абстрагироваться от причудливой (на современный взгляд) трансформации известных этнонимов (например, «Пеуки» — это певкины, «Укры» — угры, «Гофы» — готы, «Ункраны» — венгры, «Фраки» — фракийцы, «Генеты» — зеты, хорошо известные Античности, по крайней мере со времен Гомера, и т.д.), если внимательно вчитаться в эту фразу, то нельзя не обратить внимание на странное формальное противоречие. «Славяне» произошли «от народа Славянского»! «Избыточная» фигура речи, украшательство? Но Мавро Орбини, оставаясь верным манере словесного выражения своей эпохи, литературным приемам барокко, работал над историческим трудом, а не над пародией на историю. Значит, можно предположить, что он, при очевидной необязательности, барочной выпренности своих

¹ *G.C.F. Lisch. Friderico-Francisceum oder Grossherzogliche Alterthümersammlung aus der altgermanischen und slavischen Zeit Meklenburgs zu Ludwigslust erläutert. — Leipzig, 1837. — S. 11, 13 etc.*

² *Dreger Friederich von. Codex Pomeraniae Vicinarumque Terrarum Diplomaticus. — Berlin, 1768. — P. 164, 171 etc.*

дефиниций, употреблял именование «Славяне» (а тем более «Славянской род», или народ) в разном смысле. Это и собственно «Славяне» (исторические, как мы скажем сейчас), и «народ Славянской» незапамятной древности, пранарод, принявший участие в формировании множества более поздних этносов, — но по какой-то причине соотносимый со славянами поздними. В контексте всего вышесказанного представляется вероятным, что это и есть тот древний северный народ, который почти два тысячелетия назад Плиний Старший (23—79 гг.) называл венедями (Venedi)¹, Тацит (ок. 56 — ок. 117) — венетами (Veneti)², Птолемей — венедями (Οὐενέδαι). На Севере процесс этногенеза идет медленнее, чем в степной и еще более южных географических зонах. И правомерно допустить, что европейский Норд дольше оставался местом обитания родственных друг другу этнических групп далеких и уже неизвестных нам предков известных народов (не только праиндоевропейцев, но и их еще более ранних предшественников).

Еще одна очень важная, хотя и не бросающаяся в глаза деталь присутствует в этой цитате из Орбини. В числе этносов, которые произошли «от народа Славянского», названы «Фенны, или Финны». Коль скоро во всей этой системе просматривается античный подтекст, то вполне возможно, что речь идет не об исторических финнах (суоми), а об упоминаемом в «Германии» Тацита народе Fenni³, — их обычно трактуют как протосаамов. И лингвисты XX в. убедительно доказали, что в финно-угорском языке саамов большой процент (около трети) составляют заимствования как раз из субстратного языка древнейшего населения Крайнего Севера Европы⁴.

Тацит затрудняется определить этническую принадлежность именно феннов, венетов (балтийских), а также певкинов. Он не утверждает, что какой-либо из этих народов жил «по всей Балтике». Его «Германия» написана в 98 г. и, видимо, отражает реальную ситуацию своей эпохи, тогда как Птолемей, похоже, воспроизвел более раннее предание, которое могло сохраняться в устной форме среди каких-то северных народов, прежде чем было зафиксировано в Александрии. Так античная наука соприкасается с выводами современных ученых и одновременно — с тем, не имеющим специального названия направлением в исторической науке, которое выразил в своей книге Орбини.

Полное название его книги в переводе 1722 г. выглядит так: «Книга Историография початия имене, славы и расширения народа Славянского, и их царей и владетелей, под многими именами и со многими Царствиями, Королевствами и Провинциями. Собрана из многих книг исторических, чрез господина Мавроурбина, архимандрита Рагужского». Автор уже в названии своего труда подчеркивает: «на-

¹ *Plinius Secundus C. Naturalis Historia.* — Berolini, 1866. — P. 187 (Lib. IV. Cap. 97).

² *Tacitus. Germania.* — Erlangen, 1850. — P. 74, 76 (Cap. 46).

³ *Tacitus. Germania.* — Erlangen, 1850. — P. 74, 76.

⁴ См., например, монографию известного отечественного лингвиста Георгия Мартыновича Керта (1923—2009): *Керт Г.М. Саамский язык.* — Л.: Наука, 1971.

род Славянской» описан им «под многими именами». А значит, имеется в виду нечто иное, нежели этнос в его нынешнем понимании: современные автору конкретные славяне: русские, сербы, хорваты, поляки, чехи...

Так утверждается мысль о том, что народы, носящие сейчас различные имена (и говорящие на разных языках), в сокровенном историософском смысле являют собой некое единство. Причем эта их общность, в понятийной и терминологической системе Мавро Орбини и многих его современников (не только панславистов), может быть непротиворечиво определена как «народ Славянской», хотя для рационалистического сознания это парадокс. Глубинный смысл такого повествования раскрывается не в виде сухого рассудочного постулата, но как сокровенный подтекст всей книги в целом (если читать ее внимательно, не возмущаясь и не восхищаясь безоглядно теми или иными частными, яркими и «странными» сентенциями).

А вот еще одно высказывание Орбини (в переводе 1722 г.): «Порода Венедов была на иные три разделена, нареченные Венед, Анта и Славенская, которые произошли все три от того ж единого корене Скандинавского» (в контексте книги скорее следует читать: «Гиперборейского»; признаков норманистской теории здесь нет и в помине). Авторская концепция именно венедов как пранарода высказана тут предельно ясно, хотя и непривычно с точки зрения современного читателя. Перечисленные автором «венеды, анты и словене» (если перевести на современный язык) — хорошо известные, исторически засвидетельствованные крупнейшие объединения праславян раннего Средневековья — в своеобразной терминологической системе Орбини не тождественны еще более древнему, изначальному «мета-этносу», который здесь определяется как «порода (то есть “род”) Венедов». Эти загадочные и часто дискутируемые «протовенеды» не равнозначны более поздним венедам-славянам историческим (хотя и связаны с ними, по убеждению не только Орбини, но и многих нынешних славистов). Налицо та же самая парадоксальная терминологическая модель, что и в утверждении автора о происхождении шведов, финнов, венгров и т.д. «от рода Славянского». Здесь действует нелинейная, неклассическая логика исторического и этногенетического умозаключения, которая с трудом воспринимается современным человеком, привыкшим к логике линейной и, так сказать, бытовой (даже в делах, далеких от повседневности).

Надо сказать, что книга Мавро Орбини и «Привилегия Александра Великого» (прежде всего, в контексте южнославянского гуманизма) взаимно дополняют друг друга и в отношении венедско-иллирийских идентификаций. Небольшая по объему «Привилегия...» маркирует географические пределы «Царства Славян» четче и лаконичнее, чем книга Орбини. С учетом обозначенных выше античных корреляций можно предположить, что в гипотетическом древнегреческом прототексте «Привилегии...», до его перевода на латынь (скорее всего, венецианцем), слову «славяне» соответствовало как раз птолемеевское «Ὀβενέδαι», «венеды». Это слово давало венецианцам основания для отождествления со своими предками, адриатическими венетами. Оно находило должное место и в южнославянской историософии,

перекликаясь с иллирийско-венетскими построениями дубровницких гуманистов. И, конечно, оно было перспективно для исследований в рамках вenedско-вендской модели истоков славянства, которая получила независимое развитие в немецкой историографии (в основном до середины XVIII в.), сделавшей общеевропейским достоянием (основательно забытым в эпоху «норманистских баталий») многие дефиниции, которые сейчас так поражают нас в книге Орбини.

Венедско-славянская диахроническая модель, пожалуй, дает возможность конкретизировать и исторически обосновать еще один эпатазирующий многих нынешних читателей тезис Орбини. Он явно придавал особое значение весьма необычному утверждению — о том, что прародиной славян (скорее, протославян, или даже предславян) был Крайний Север. В таком гиперборейском ключе (если воспользоваться античной терминологией) написана вводная глава, открывающая его книгу: «Описание Скандинавии, которая была древним Отечеством славянским» (в русском издании 1722 г. название этой главы опущено, хотя текст ее переведен, сразу после перечня «историографов сея истории», на с. 10—13). Упоминает Орбини, в связи со Скандинавией, и античные предания о землях «блаженных гипербореев».

Конечно, напрашивается простое предположение: Орбини мог в вопросе изначального происхождения славян всего лишь следовать классике раннесредневековой европейской литературы — готскому историку VI в. Иордану. Тот в своей книге «О происхождении и деяниях гетов» («*De Origine Actibusque Getarum*»; краткое название: «*Getica*»), повествуя преимущественно об истории гетов¹, приводит общеизвестную характеристику северного «острова Скандза (Scandza)», то есть Скандинавии². Иордан говорит, что Скандза была «*quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum*» — «как бы мастерской племен, или, поистине, словно бы [материнским] лоном для народов» (*Getica*, 25)³. Получается действительно гиперборейская концепция полуторатысячелетней давности.

Это, так сказать, «на поверхности». Однако в вenedской модели правдоподобно выглядит высказывание о северном происхождении именно протославян (или какой-то их составляющей части, субстрата и т.п.). Ведь если птолемеевские веныды, обитавшие в древности «по всей Балтике», — это народ-предок, в том числе славян (и даже в первую очередь славян, как свидетельствует обширная и пунктуальная немецкая историография о венедах), то очевидно, что их вenedские прародители жили и на северном балтийском побережье, то есть в Скандинавии. Это и констатирует во вводной главе Мавро Орбини, говоря о скандинавской прародине. Попутно заметим, что вenedская диахроническая модель обосновывает и эпатажное, заяв-

¹ Готов Иордан считал потомками гетов. Некоторые авторы отождествляли эти этнонимы.

² Ее долгое время именовали островом, и, возможно, это древнее воспоминание о географической ситуации, имевшей место тысячелетия назад, когда скалистая Фенно-Скандия действительно отделялась от материка проливом через Белое море, Онегу и Ладогу.

³ В русском академическом издании Иордана, где воспроизведен и латинский оригинал, см.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. — СПб.: Алетея, 1997. — С. 126.

ленное Орбини происхождение шведов «от рода Славянского». Если это — образное именование северного протонарода, венедедов, то, вероятно, они участвовали и в этногенезе других народов Балтики, в том числе исторических скандинавов.

О венедах Орбини (при всех своих иллирийских, балканских приоритетах) говорит часто и иногда очень точно, хотя общая размашистая экспрессивность стили и словоупотребления маскирует в глазах современного читателя эту точность. Например, Орбини, называя венедедов (эпохи Великого переселения народов) «частью от народа Славянского, изшедшаго из Сармации» (Восточной Европы), в согласии с данными современной науки описывает (с. 50—51 в переводе 1722 г.) «волну» расселения, после V в., исторических балтийских славян: «Начали Славяне наполнять весь кряж страны, лежащая в длину между рек Албии (Эльбы) и Дона, в широту же между моря Коданского¹ и Адриатского...» Это — из рассказа о венедах (венетах), и ясно, что здесь речь уже не о древненордических венедах Птолемея, а именно о жителях «Северной Славии» (лат. «*Sclavia Borealis*»), как называли земли балтийских славян некоторые авторы, следовавшие той же традиции, что и Орбини. Перечисляет он и исторически достоверные названия отдельных этнических групп «Северной Славии», когда населившие ее венедеды «разделилися на многие начала».

Однако Орбини не был бы сам собой, если бы ограничился общими местами в своем повествовании. Он приводит в рассказе о венедах удивительное и, к сожалению, малоизученное раннесредневековое свидетельство о том, что венедеды, заселив земли до Эльбы, «потом проидоша даже до последних предел Океана Западнаго» (с. 50). В процитированном русском переводе 1722 г. Сава Владиславич опустил указание на первоисточник. В оригинале он указан (на с. 59), и мы сейчас поговорим об этом подробнее: любые детали в таком уникальном свидетельстве не только необходимы, но и чрезвычайно интересны. Ведь этот полузабытый сюжет косвенно мотивирует дерзновенное распространение «Славянского царства» в книге Орбини (пусть и в диахроническом аспекте) не только на север, но и далеко на запад, вплоть до Бретани и Нижнего Рейна.

Орбини отмечает, что о славянах на берегах «Океана Западнаго» (то есть Атлантического) пишет хронист Павел Диакон «в 17-й книге», не уточняя название работы. Но точное авторство этого произведения затруднительно определить. Это так называемая «*Historia Miscella*» («Смешанная история») — действительно очень важный источник, основанный в том числе на неизвестных ныне материалах, но над ним в разное время работали несколько человек². Собственно говоря, это «Римская история» («*Historia Romana*»). Ее начальная часть, до 364 г. (до кончины императора Иовиана), написана Евтропием, римским историком 2-й половины IV в. До

¹ Одно из старинных названий Балтийского моря или его южной части (предположительно, это название родственно имени города Гданьск).

² «Смешанной историей» эту книгу впервые назвал французский ученый Пьер Питу (Pierre Pithou, лат. Petrus Pithoeus; 1539—1596), издавший ее в Базеле в 1569 г.

середины VI в. повествование довел эрудированный, прекрасно знавший предания своего народа лангобардский историк VIII в. Павел Диакон (или Павел Варнефрид, живший около 720—800; называют и другие даты: между 725 и 730 — между 797 и 799). В конце X — начале XI вв. ломбардский ученый Ландольф Сагакс (*Landolfus Sagax*) написал продолжение (до IX в.); он скомпилировал текст из различных источников.

Интересующий нас эпизод имел место в 591 г. Значит, автором надо бы назвать Ландольфа Сагакса. Тем не менее уже ранние издатели «Истории» констатировали особую роль именно Павла Диакона, отмечая, что это он впервые собрал воедино разнородный исходный материал для создания книги. Поэтому его имя фигурирует в колонтитуле хронологически более поздних глав, и Орбини не погрешил против истины, именно так ссылаясь на эту книгу. К его времени она печаталась уже трижды; он, по-видимому, пользовался первыми двумя изданиями (или одним из них). Первым издателем стал выдающийся богемский ученый своего времени Зикмунд Хрубый з Елени (Зикмунд Еленский; *Zikmund Hrubý z Jelení*, лат. *Sigismund(us) Gelenius*; 1497—1554)¹; вторым — уже упоминавшийся Пьер Питу²; третьим — нидерландский филолог, профессор истории в нескольких немецких городах, Ян де Груйтере (или Грутер; *Jan de Gruytere*, лат. *Janus Gruterus*; 1560—1627)³. На основании этих латинских первоисточников мы и попробуем по достоинству оценить то единственное в своем роде свидетельство о славянах, которое в изложении Орбини стало достоянием относительно широкого круга читателей (однако сейчас упоминается редко).

Итак, 591 год от Рождества Христова. Византийский император Маврикий (Φλάβιος Μαυρίκιος Τιβέριος Αὔγουστος; 539—602), правивший в 582—602 гг., успешно завершил персидскую военную кампанию. И тут же вновь взялся за ратные дела в связи с натиском на ромеев-византийцев с севера «варварских» народов, прежде всего авар и славян. Император с войском отправился во Фракию и прибыл «в место, именуемое Даоний (*Daonium*)»⁴.

«А на следующий день Ромеями были задержаны три мужа, Славяне (*Sclavini*) родом; они не имели при себе ничего железного, лишь несли кифары (*citharas*)⁵. Император спросил: откуда они, и где же — место их обитания? И вот, они сказали,

¹ *Eutropii Insigne Volumen quo Romana Historia Universa Describitur*. — Basileae (Basel), 1532.

² *Historiae Miscellae a Paulo Aquilegiensi Diacono primum collectae, post etiam a Landulpho Sagaci auctae productaeque ad Imperium Leonis IV, id est, annum Christi 806*. Libri XXIV. Basileae (Basel), 1569.

³ *Historiae Augustae Scriptores Latini Minores* (...), opera Jani Gruteri. — Hanoviae, 1590, переиздание там же, 1611.

⁴ Цитируем по изданию Пьера Питу: *Historiae Miscellae a Paulo Aquilegiensi Diacono primum collectae* (...). — Basileae, 1569. — P. 518.

⁵ С. Владиславич переводит: «имеху книждо Арфу в руке» (С. 50 в издании 1722 г.). Античная, древнегреческая кифара (κίθάρα) — это разновидность лиры. В итальянском оригинале у Орбини (P. 59) — *le cithare*, кифара.

что родом они — Славяне (*genere... se esse Sclavinos*); обитают же они у края (*circa finem*) Западного Океана. Каган¹ к ним отправил посольство и дары предводителям (*principibus*) рода их, дабы те оказали ему помощь против Ромеев. Таксиархи² же направили их (этих трех мужей) разъяснить кагану причину, согласно которой они не могут послать ему помощь вследствие продолжительности пути. Восемнадцать месяцев посвятили они пребыванию в пути и тогда достигли Ромеев. Далее, кифары несли они потому, что не видели кого-либо из своих облеченным в оружие, ибо в их стране не ведают, что такое железо. Император же, подивившись их возрасту и воздав хвалу телесной силе их, отправил их в Гераклею»³.

Это сообщение хрониста — квинтэссенция исторической тайны. На мифологизированную легенду оно не похоже. Павел Диакон, происходивший из лангобардской знати, живший сравнительно близко по времени к описываемым событиям, мог в данном случае исходить и из каких-то известных ему устных преданий, и из утраченных греческих манускриптов. Но эти общие рассуждения ничего не объясняют. Безусловно точна здесь лишь локализация места, где византийский император встретил славян-арфистов. Гераклея — старый портовый город во Фракии (первоначально называвшийся Перинф), на Мраморном море, в полусотне миль от Константинополя. Позже, в эпоху Крестовых походов, в начале XIII в., Гераклея была значительным церковным центром, а Даоний — одним из ее епархиальных городов⁴. Возможно, его более древнее название, *Daunion*, зафиксировано в материалах знаменитого картографа А. Ортелиуса (*Abraham Ortelius*; 1527—1598)⁵. Однако для нашей темы это — частные подробности.

¹ Имеется в виду Аварский каганат, обширное государство, существовавшее в VI—IX вв. на территории Сербии, Хорватии, Трансильвании, Паннонии, отчасти современной Украины. Авар чаще всего сближают с раннесредневековыми тюркскими народами, хотя в разное время в составе общих племенных союзов с аварами могли находиться монголоязычные, тунгусо-маньчжурские, а также иранские этнические группы. Славяне же чаще всего были постоянными и надежными союзниками авар, в частности в конфликтах с Византией, и это могло стать одной из причин того, что и авар в свою очередь иногда называли славянами. Кроме того, авары были впоследствии ассимилированы преимущественно южнославянскими народами.

² *Taxiarcha*; в Античности таксиарх был командиром пеших воинов племени. Однако, коль скоро эти загадочные «славяне Западного океана» вообще не знали оружия, тут лучше оставить (греческое по происхождению) слово без перевода, имея в виду его буквальный смысл: «начальник порядка», хранитель традиционного уклада (в своем племени, клане).

³ *Historiae Miscellae a Paulo Aquilegiensi Diacono primum collectae* (...). — Basileae, 1569. — P. 518—519. В издании Яна де Груйтере, где введено также деление каждой книги в «*Historia Miscella*» на главы, это 25-я глава 17-й книги (*Historiae Augustae Scriptores Latini Minores* (...), opera Jani Gruteri. — Hanoviae, 1590. — P. 947. В переиздании 1611 г. пагинация та же).

⁴ *The Chronicle of Geoffry de Villehardouin, Marshal of Champagne and Romania, concerning the conquest of Constantinople, by the French and Venetians, anno M.CC.IV* / Translated by T. Smith. — London, 1829. — Примечание на с. 182.

⁵ *Cartographica Neerlandica Topographical names for Ortelius Map No. 214*. — <http://www.orteliusmaps.com/topnames/ort214.html>

Образ «славян Западного океана» резко контрастирует со всеми реалиями эпохи Великого переселения народов. Воинственность исторических славян, союзников авар, признается, пожалуй, всеми хронистами той эпохи. Почти все авторы в разных странах на протяжении многих веков писали, что само имя славян порождено их воинской славой. А трое старых «лироносцев», обладающих юношеской силой, позволившей им за полтора года без оружия и сопровождения, пешком пересечь всю Европу, ассоциируются скорее с идеализированными представлениями о мудрых кельтских друидах, или вещих бардах. Но тогда почему они именуются славянами?

Разумеется, можно предположить, что Маврикию встретились именно кельты. Ведь и на крайнем западе Европы, в Бретани (Арморики), два тысячелетия назад существовал народ, чье имя, *Veneti*, в латинизированном произношении звучит так же, как название адриатических венетов и балтийских венедов. (Этот факт сам по себе «работает» на концепцию венедов как пранарода, палеоевропейцев: на дальних рубежах континента уцелели этнические группы, уже говорящие на различных языках-потомках, но сохранившие единое древнее именование своих далеких предков.) И если люди, встреченные Маврикием, называли себя венетами (мы ведь опять не располагаем греческим оригиналом, только латинским переводом!), то переводчики императора, наверное, могли соотнести это слово со славянами (исходя, допустим, из северо-балканских реалий). Кстати, сами кельты той эпохи могли владеть и греческим языком, и латынью.

Впрочем, у гипотезы о том, что это были венеты Арморики, есть очевидные слабые места. Аварский каган, вполне логично, мог обратиться за помощью к давним союзникам-славянам, но вряд ли — к далеким и неведомым кельтам Бретани, к народу атлантических мореплавателей, каковыми были бретонские венеты. Кроме того, шел 591 год. А венеты Арморики еще шесть с половиной веков назад оказали стойкое вооруженное сопротивление вторжению римлян, потерпели поражение и, как считается, были полностью истреблены или проданы в рабство войсками Юлия Цезаря.

Но, возможно, все-таки уничтожено было не всё население. Ведь еще в 77 г. энциклопедист и эрудит Плиний Старший (23—79), сам бывавший в заальпийских землях, упомянул в 4-й книге своей «Естественной истории» народ венетов в составе Лугдунской Галлии¹, римской провинции, в которую вошла и Арморика.

Не исчезло здесь название венетов и в последующие века. Город, построенный римлянами в их землях, по-латыни называли *Civitas Venetorum*, «Город венетов», а в Средние века, уже после переселения из Уэльса бретонского населения (в IV—VI вв.): *Veneda*, *Venedia* и т.п. Ныне он по-бретонски называется *Gwened* (*Wened*), по-французски — Ванн (*Vannes*)².

¹ *Plinii Secundi C. Naturalis Historia*. — Vol. I (Libri I—VI). — Berolini, 1866. — P. 189.

² См.: *Histoire de Vannes*, на сайте города Ванн.

On a rock, whose summit I saw
Sagons, an old looking, framing shade,
Slept on the sable girth of moss,
With haggard eyes the old bard;
I saw his beard and hoary hair
As when it fell a meteor to the broadest sea;
And with a Master's hand, and Prophet's fire,
Struck the deep sorrows of his lyre.

Валлийский бард. Фронтиспис книги Эдварда Джонса «Музыкальные и поэтические древности валлийских бардов и друидов», 1784 г.

Всё это говорит о том, что и какие-то группы уцелевших древних венетов (пусть романизированных), и родственные им бретонцы в конце VI в. могли отождествлять себя и со своими прямыми предками, венетами-кельтами, и с гипотетическим палеоевропейским народом, носившим это (или сходное по звучанию) имя. Но вот об их славянской идентификации свидетельствует лишь одно-единственное повествование о странной встрече императора Маврикия, сохраненное Павлом Диаконом и акцентированное в книге Мавро Орбини.

В этом повествовании есть еще одна загадка. Кельты-то были не менее воинственны, чем все индоевропейцы; они прекрасно знали, что такое железо, и без колебаний «облекались оружием». А ведь славянские арфисты поведали византийскому императору, что никогда не видели никого «из своих» в таком облике. Народ (род, клан), не знавший железа, выходит, пребывал еще в бронзовом веке, а то и в каменном! Формально получается, что речь идет и в самом деле о палеоевропейцах как таковых, а не об их потомках и преемниках. Перед императором Маврикием предстали поистине «блаженные гипербореи» из золотого века человечества (на гиперборейскую тему в данном случае работают и кифары, связанные с символизмом Аполлона, чтимого гиперборейями, согласно античным авторам). И эти люди у Павла Диакона именуется славянами.

Вполне разгадать этот сюжет вряд ли возможно при отсутствии хоть каких-нибудь аналогов. Однако весьма показательная корреляция все же обнаруживается, хотя и не в старинных манускриптах, а в современной науке. Один из самых ярких, нестандартно мыслящих немецких филологов-топонимистов середины XX в., Ханс Кун (Hans Kuhn), пришел к выводу, что чуть севернее Бретани, в нижнерейнских землях, долго сохранялся «островок» исключительно древнего населения Европы, германизированного лишь в первые века нашей эры. А значит, его следы можно обнаружить и в языке (субстратная лексика германских языков), и, конечно, в географических названиях этого региона. Кун назвал его «Nordwestblock», «Северо-западный блок».

И, пытаясь конкретизировать результаты своих многолетних лингвистических и топонимических исследований, он на основании доступных аналогий определял праязык этого региона как илирийский или... венетский¹. Не в этом ли ключ к загадке сюжета о славянских (венетских или венецких?) арфистах-странниках, из рода, не ведающего железа и оружия? Ведь этот образ ассоциируется и с обычаями лапландцев-саами, тех самых «финнов» Тацита. Это исключительно миролюбивый народ, никогда не решавший споры с соседями при помощи оружия. И название его непротиворечиво соотносится с корнем *vind-* (*wind-*): двойное *pp* может быть результатом закономерной фонетической ассимиляции звуко сочетания *nd*.

¹ Kuhn Hans. Vor- und frühgermanisch Ortsnamen in Nord-Deutschland und die Niederlanden // Hans Kuhn. *Kleine Schriften. Namensforschung und Sonstiges. Aufsätze und Rezensionen aus den Gebieten der germanischen und nordischen Sprach-, Literatur- und Kulturgeschichte.* — Bd. 3. — Berlin: Walter de Gruyter, 1972. — S. 115 и далее.

Так современная лингвистика неожиданно сближается со «странными», эмоциональными заявлениями Мавро Орбини. И похоже, что реальные перспективы возможных исследований в этом направлении еще масштабнее, чем у хорватского гуманиста. Ведь «Nordwestblock», примыкающий к Северному морю, наполовину ушедшие под воду Нидерланды, живущие под защитой дамб, — это остатки затонувшего, исчезнувшего несколько тысячелетий назад «Континента Северного моря». Эта земля, описанная в суровой и таинственной «Хронике Ура Линда» и еще недавно казавшаяся фантастической и выдуманной, постепенно становится реальностью. Подводная археология Северного моря в XX в. уже подарила науке орудия, найденные на мелководных участках, — точно такие же, какие встречаются на континенте, в районе «Северо-западного блока». Это была единая культура.

И она странным образом соприкасается, как мы видели, с некоторыми ранними свидетельствами о славянстве и Древней Европе (хотя тут, наверное, правильнее говорить о предславянах, предгерманцах, предкельтах: слишком глубокая предстория открывается за этими свидетельствами). Собственно говоря, и заявление Орбини о скандинавской прародине славян может относиться к исходу их далеких прапредков не собственно из Фенно-Скандии, а из соседнего с ней «Континента Северного моря». Миграция населения из постепенно уходящих в морские волны земель, несомненно, имела место в мезолите и неолите, а это для исторической памяти народов не такая уж глубокая древность. И в ныне утраченных документах она могла найти отражение, — в тех, которые еще успели изучить ученые Средневековья и раннего Нового времени. Сам Орбини полагает, что народ славян-арфистов (к сожалению, нет сведений о его точном именовании) — это часть балтийских славян (то есть венедов!), добравшихся в своих миграциях до Западного океана. Но, пожалуй, свидетельство «Смешанной истории» еще более убедительно коррелирует с концепцией северного происхождения предков славян и других народов Северной Европы, согласно книге Орбини.

В контексте топонимических исследований Ханса Куна и его последователей вкупе с сообщением «Смешанной истории» можно высказать предварительное, нуждающееся в проработке и дополнительных доказательствах предположение, что какие-то родственные племена этого изначального древненордического населения носили имя, близкое венедам или венетам, и находились в генетическом родстве с венетами других европейских регионов. (Разговор о гипотетическом значении этого этнонима требует привлечения обширных материалов из области сравнительного языкознания, что невозможно сделать в формате краткой статьи.) Во всяком случае, очевидная фонетическая корреляция с «величайшими народами» венедов у Птолея, в Балтийском регионе (тоже на Севере), косвенно подтверждает это предположение. Тем более что именно Птолемей, как говорилось выше, вполне возможно, имел в виду как раз народ-предок более поздних здешних этносов. Причем как раз тот народ, чье имя германские хронисты впоследствии соотнесли со славянами.

Значит, и парадоксальные этнологические формулировки у Орбини в контексте этой сложной исторической ретроспективы требуют внимательнее взглянуть в них. Когда он причисляет к «Славянскому роду» те этносы, которые многими авторами обоснованно трактуются как германские либо какие-то иные, это не говорит о его тенденциозной германофобии либо о безоглядном панславизме. Это отражение исторической реальности, всегда более многомерной, чем зачастую представляется в рамках устоявшихся научных и терминологических парадигм последних одного-двух веков. Хронисты и историки прошлого часто осознавали эту сложность и многомерность как непреложную данность, не пытаясь выстроить на основе противоречивых, но взаимодополняющих фактов наукообразную теорию по законам прямолинейной логики. И порой оказывались более адекватными в отношении реалий прошлого, нежели ученые Новейшего времени в своих излишне жестких и априорных концепциях.

Поэтому в заключительной части вступительной статьи к книге Мавро Орбини попробуем показать, что именно эти полузабытые авторы (как, впрочем, и некоторые современные ученые) в рамках иной, нелинейной логики подтверждают слова Орбини, произнесенные в начале книги¹, после того, как он обрисовал величественную и такую непривычную картину происхождения европейских народов. «А ежели которой-нибудь из странных² народов, сему истинному описанию будет по ненависти прекословить, свидетельствуюсь на описание Историографов, при сем объявленных, которые многими своими историографийскими книгами о сем деле упоминают».

Некоторые современные читатели Мавро Орбини трактуют подобные его заявления в том смысле, что он использовал прежде всего «отреченные» книги, включенные Ватиканом в известные «Индексы запрещенных книг». Создается образ какой-то тайной мудрости, принципиально отличающейся от «магистральных» направлений исторической мысли того времени. Однако это не так. Сравнительно небольшая часть книг, цитируемых Орбини в итальянском оригинале, и в самом деле попала в ватиканские «Индексы». Но не потому, что там сокрыты «запретные тайны» о славянах. Причина гораздо прозаичнее. В противостоянии католичества и протестантизма Ватикан, как правило, включал в свои «Индексы» те книги (например, по церковной или общей истории), где содержались позитивные высказывания в адрес протестантизма, где обстоятельно и сочувственно излагалась его история. Только и всего! К тому же впоследствии многие исторические и философские книги из этих «Индексов» были исключены, и отношение к ним в католическом мире стало скорее нейтральным³.

¹ С. 5 в русском издании 1722 г. По возможности именно оно цитируется в этой статье, чтобы у читателей не возникало дополнительных проблем при работе с книгой, при поиске соответствующих цитат.

² То есть «иных, иноземных».

³ В XX в. «Индексы» ориентировались скорее на противостояние порнографии и художественной литературе, несовместимой с христианской моралью.

Некоторые современные читатели Мавро Орбини трактуют подобные его заявления в том смысле, что он использовал, прежде всего, «отреченные» книги, включенные Ватиканом в известные «Индексы запрещенных книг». Создается образ какой-то тайной мудрости, принципиально отличающейся от «магистральных» направлений исторической мысли того времени. Однако это не так. Сравнительно небольшая часть книг, цитируемых Орбини в итальянском оригинале, и в самом деле попала в ватиканские «Индексы». Но не потому, что там сокрыты «запретные тайны» о славянах. Причина гораздо прозаичнее. В противостоянии католицизма и протестантизма Ватикан, как правило, включал в свои «Индексы» те книги (например, по церковной, или общей истории), где содержались позитивные высказывания в адрес протестантизма, где обстоятельно и сочувственно излагалась его история. Только и всего! К тому же впоследствии многие исторические и философские книги из этих «Индексов» были исключены, и отношение к ним в католическом мире стало скорее нейтральным¹.

Бытует мнение, что и сама работа Орбини «Царство Славян» была включена Ватиканом в «Индекс» книг, запрещенных для чтения и издания в католических странах. Некоторые исследователи отрицают этот факт, хотя Орбини почти на каждой странице своей книги ссылается на работы «запретных» для католицизма историков протестантской ориентации (в западном христианстве тогда это было, как правило, главным поводом для запрещения книги Римом). Так вот: ситуация на деле еще необычнее: книга Орбини действительно была включена в один из многочисленных «Индексов» Ватикана (изданный по указанию Папы Александра VII в 1664 г., на основании эдикта 7 августа 1603 г.)². Однако включена под другим, хотя и схожим по звучанию именем: Маурицио Орсини (Mauritio Orsini)! Почему?! «Канцелярия» Ватикана работала четко. Да и указанный эдикт-первоисточник невелик по объему, он содержит лишь несколько страниц текста, и «заблудиться» в нем вряд ли возможно.

Может быть, суть вопроса — в том имени, которое было упомянуто, во внутренних «итальянских делах»? Орсини — старинный знатный род Рима. В этом роду были и папы римские, и кардиналы, и даже некоторые правители Эпирского царства, одного из «осколков» Византийской империи. Эпир, на северо-западе Древней Эллады, соседствовал (с юга) с землями южных славян, чьи исторические судьбы были столь близки Мавро Орбини. В древности Эпир населяли иллирийцы — прямые предки славян Адриатического бассейна, в исторических построениях Орбини. Да и его собственная фамилия, известная в письменных документах в нескольких, схожих друг с другом вариантах, вызывает несомненные ассоциации с герцогским

¹ В XX в. «Индексы» ориентировались скорее на противостояние порнографии и художественной литературе, несовместимой с христианской моралью.

² Вот что напечатано в этом «Индексе»: «Del Regno delli Slavi di Mauritio Orsini; in edicto 7. Augusti 1603» // *Index Librorum Prohibitopum Alexansri VII. Pontificis Maximi iussu editus*. — Romae, 1664. — P. 208. Папа Александр VII жил в 1599—1667 гг.

родом Урбино и может свидетельствовать о дальнем и по каким-то причинам не акцентируемом родстве.

Конечно, по отдельности все эти факты ничего особенно «таинственного» не содержат (и во всяком случае не объясняют подмену имен в «Индексе» Папы Александра VII). Но в совокупности этих многообразных фактов и факторов, возможно, просматриваются уже почти неуловимые для нас геополитические и этноисторические «комбинации» своего времени, к которым, похоже, был причастен Орбини, вдохновитель идей панславизма и (формально) итальянский монах. Поистине, человек-загадка...

Проблемы, связанные с включением «Царства Славян» Орбини в число «отреченных» книг Ватикана, на этом не заканчиваются. Ведь автор этой же самой книги (во всяком случае, если судить по ее заглавию) и под своим, общеизвестным именем — Мавро Орбини — значится в том же «Индексе» 1664 г.! Причем найти его там проще, чем его двойника Маурицио Орсини. В алфавитном перечне «Mauro Orbini» помещен в разделе на букву «М»¹, тогда как его «призрачный двойник» Maurilio Orsini — в разделе на букву «R», по первой букве первого значащего слова в названии «Il Regno delli Slavi» (в формулировке эдикта 1603 г.).

Не проясняет ситуацию с «двойником» и сам этот, — казалось бы, исходный в данной ситуации, — латинский эдикт «Святого апостольского дворца»² от 7 августа 1603 г. Там, в обосновании запрета книги (а не в перечне), фигурирует только Орбини: «Мавро Орбини из Рагузы. “Царство Славян, ныне искаженно именуемых Шьявони”³; книга, напечатанная в Пезаро в 1601 г., [объявляется запрещенной], доколе она обнаруживает повсюду упоминаемые имена отвергнутых еретиков» («Mauro Orbini Raguseo *il Regno delli Slavi* hoggi corrottamente detti Schiavoni, stampato in Pesaro 1601, usquequo prodeat deletis haereticorum nominibus passim citatis»)⁴.

Обоснование запрета книги, о котором сейчас много говорят, иногда выстраивая при этом конспирологические версии, в оригинале оказывается заурядным для своего времени (многие авторы, связанные с католическо-протестантской полемикой, впоследствии исключались из числа «отреченных»; это не было «вечное проклятие»). А в данном случае определение по книге Орбини, не запрещающее ее тему, по-видимому, допускает и внесение автором соответствующих изменений (не

¹ *Index Librorum Prohibitopum Alexansri VII. Pontificis Maximi iussu editus.* — Romae, 1664. — P. 110, 295 (в последнем случае это итоговый указатель к «Индексу»).

² *Sacrum Palatium Apostolicum* (итал. *Sacro Palazzo Apostolico*, S.P.A., «Святой апостольский дворец») — каноническое латинское название Ватиканского или Папского дворца, официальной резиденции Папы Римского.

³ Позднее, итальянское произношение латинского именованя славян.

⁴ Эдикт 1603 г. цитируется по изданию ирландского профессора церковной истории Ричарда Гиббингса (1813—1888; Тринити-колледж; Дублин): *Editto del Maestro del Sacro Palazzo Apostolico, 7. Augusti 1603 // An Exact Reprint of the Roman Index Expurgatorius / ed. by Richard Gibbings.* — Dublin, 1837. — P. 602.

столь частое обращение к «еретическим именам», «*haereticorum nominibus*», или их удаление), что сняло бы и запрет. Кстати, именно в этом ключе нередко действовал многоопытный дипломат Сава Владиславич, работая над русским изложением книги (1722 г.).

Впрочем, остается нерешенной проблема загадочного «двойника» (либо упоминания книги Орбини под чужим именем). Ведь всё, сказанное в ватиканском эдикте 1603 г., относится только к «Мавро Орбини из Рагузы» (*Mauro Orbini Raguseo*), а вовсе не к Маурицио Орсини. Практически невероятной представляется ситуация, в которой какой-то другой автор (к тому же носящий созвучное имя, да еще в те же самые годы), написал бы свою книгу о славянах, тоже попавшую в «Индекс».

Так, может быть, появление «двойника» — результат ошибки, которую порой допускают и аккуратные люди в самых пунктуальных организациях? Может быть. Хотя это самый простой и незамысловатый ответ, и не исключено, что мы здесь столкнулись с одной из загадок истории, причем эта загадка пока не поддается не только однозначному решению, но даже внятной формулировке, не говоря уж о деталях и нюансах. И упоминаемые в книге Орбини «Царство Славян» исторические труды, в те годы считавшиеся одиозными для Ватикана, не в состоянии пролить свет на тайну «двойника» Орбини; эти работы лишь характеризуют контекст эпохи, когда было издано «Царство Славян».

Так что по-настоящему значительны для понимания книги Орбини, а нередко и поистине загадочны другие «историографийские книги» — те, которыми пользовался монах-гуманист Дубровницкой республики, но которые не дошли до наших дней (во всяком случае, неизвестны современной науке) либо сохранились не полностью. В бесчисленных войнах на земле южных славян (да и в Италии, где Орбини много работал в библиотеках) наверняка были утрачены и какие-то важные варианты известных древних манускриптов и документов. Но очень многие из упомянутых «историографийских книг» вполне доступны поныне, хотя представляются безнадежно устарелыми для современной исторической науки и упоминаются редко, в узкоспециальных исследованиях. Однако они-то нередко и свидетельствуют в пользу выводов и идей Орбини.

Творения этих «Историографов» охватывают примерно полтора тысячелетия, начиная с произведений позднеэллинистических историков. Эти ранние работы, конечно, считаются сейчас признанной классикой жанра, но отношение к ним все-таки — сдержанно-снисходительное, как к чему-то не вполне зрелому. Впрочем, даже в этой конспективной статье мы уже видели, как «странные» и вроде бы не очень убедительные свидетельства полуторатысячелетней давности (о славянах Западного океана) могут неожиданно сближаться с новейшими научными концепциями. И если верно высказанное здесь предположение о «венедско-славянской модели» как о стержневой, фундаментальной основе всей той исторической традиции, которой следовал Орбини, то, вероятно, сле-

дует, и в «историографических книгах» попытаться отследить именно эту модель.

Применительно к книге Орбини венедская модель, как мы видели, позволяет прежде всего осмысленно (хотя и весьма приближенно) обосновать его парадоксальную географию этногенетических процессов, связанных со «Славянским царством», в его неизмеримо древней (собственно, дославянской, палеоевропейской) ретроспективе. И эти умозаключения находят подтверждение (пусть косвенное или частичное) уже у позднеантичных историков, писавших о венетах (венетах). Эти авторы жили примерно в одну и ту же эпоху, около двух тысяч лет назад. Совершенно не обязательно полагать, что они заимствовали друг у друга сходные сюжеты; скорее, эти предания о европейских народах были тогда широко известны.

Одно из них гласит о малоазийском (из Пафлагонии¹) происхождении адриатических венетов и тем самым связует их с древним народом энетов (Ἐνετοί; было распространено и латинское написание *Eneti*, «генеты»). Энеты принимали, согласно «Илиаде» (2, 851), участие в Троянской войне. Об их последующем переселении пишет, в частности (ссылаясь на Софокла), греческий географ и историк Страбон (около 64 или 63 до н.э. — 24): «Антенор же и его дети вместе с уцелевшими энетами спаслись во Фракию, а оттуда перебрались в так называемую Энетику (Ἐνετικὴν), — ту, что на Адриатике»². С этой версией солидарен знаменитый римский историк Тит Ливий (59 до н.э. — 17), автор «Истории от основания Города» (то есть Рима; лат. «*Ab Urbe Condita*»). Повествуя о тех, кто спасся после падения Трои, он называет «Антенора с множеством энетов» («*Antenorem cum multitudine Enetum*»); они «прибыли во внутренний залив Адриатического моря» («*venisse in intimum maris Hadriatici sinum*»). Энеты и троянцы овладели здешними землями и теперь «весь народ называют венетами» («*gens universa Veneti appellati*») (Lib. I, Cap. 1, 1—3)³. И энциклопедист Плиний Старший (*Naturalis Historia*, Lib. VI, Cap. 2) приводит точку зрения римского историка Корнелия Непота (Cornelius Nepos; 100—24 до н.э.), который связывал происхождение названия народа венетов, живших в Италии, с энетами Пафлагонии⁴.

Конечно, тут нельзя исключить возможность случайного сближения схожих этнонимов, тем более что гомеровский эпос в Античности пользовался искренним почитанием и широчайшей известностью. К тому же этот сюжет перекликается с преданиями Троянского цикла, с общеевропейскими легендами о проис-

¹ На севере древней Малой Азии, в Южном Причерноморье.

² *Strabonis Rerum Geographicarum Libri XVII / Editio Stereotypa*. — Tomus III. — Lipsiae, 1829. — P. 123.

³ *Livy [Titi Livii ab Urbe Condita]*. — Vol. I. — Harvard University Press, 1961 (Loeb Classical Library). — P. 6.

⁴ *Plinii Secundi C. Naturalis Historia*. — Vol. I (Libri I—VI). — Berolini, 1866. — P. 231.

хождении из Трои (и из области Троады, в расширенном смысле) королевских династий и целых народов. И все же остается не менее правдоподобной и версия генетического, палеоевропейского родства этих малоизвестных ныне этносов, — версия, свидетельствующая в пользу умозаключений Орбини и нашей венедской модели, которая их обосновывает. Ведь в ретроспективе тысячелетий Малая Азия и Древняя Европа обнаруживают некую общность в отношении материальной культуры, религиозных верований и, вполне возможно, в лингвистическом аспекте. Именно эта глубинная изначальность (а не более поздние античные представления) могла сыграть решающую роль в том, что историки круга Орбини — и славянские, и немецкие — с легкостью именовали венедов (венетов) также и этнетами, и генетами.

Необходимо отметить, что и великий Геродот (около 484 — около 425 до н.э.) свидетельствует об адриатическом народе под названием «энеты», Ἐνετοί (без густого придыхания в начале слова), относя их при этом к числу иллирийских этносов (Ἰλλυριοὶν Ἐνετούς)¹. Примерно так же впоследствии мыслили Орбини и другие южнославянские гуманисты, как, впрочем, и современные исследователи венетской эпиграфики²; вспомним также истолкование географических названий Древней Европы Хансом Куном. Весьма ранний «Перипл обитаемого моря Европы, Азии и Африки»³ древнегреческого мореплавателя конца VI — начала V в. до н.э. Скилака Кариандского⁴ также упоминает на Адриатике, по соседству с иллирийскими племенами, народ под названием «энеты» (в той же форме, Ἐνετοί, без густого придыхания). Согласно этому «Периплу», в земле энетов течет полумифическая, связанная с античными представлениями о Севере река Эридан, Ἠριδανός (в данном случае ее отождествляют с рекой По). Примечательно, что в параллельном латинском тексте, сопровождающем греческий оригинал, этноним Ἐνετοί был переведен как Venetī⁵, венеты (как и в цитированном выше издании Геродота).

¹ *Herodoti Historiarum Libri IX.* — Parisiis, 1844. — P. 65 (I, 196).

² Близкое родство венетского (адриатического) и иллирийского языков античной эпохи убедительно обосновал еще в 1891 г. немецкий историк Карл Паули (Carl Eugen Pauli; 1839—1901) в донные не потерявшей своего значения обстоятельной монографии: *Pauli Carl. Die Veneter und ihre Schriftdenkmäler.* — Leipzig, 1891.

³ В оригинале: «Ливии»; так иногда называли в Античности всю Африку. Перипл — это описание морских побережий и их ориентиров, с указанием примерных расстояний между ними.

⁴ Дошедший до нас текст этого «Перипла» датируется несколько более поздним временем — серединой IV в. до н.э.

⁵ Речь идет об издании: ΣΚΥΛΑΚΟΣ ΚΑΡΥΑΝΔΕΩΣ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ ΤΗΣ ΟΙΚΟΥΜΕΝΗΣ ΕΥΡΩΠΗΣ ΚΑΙ ΑΣΙΑΣ ΚΑΙ ΛΙΒΥΗΣ (*Scylacis Caryandensis Periplus Maris ad Litora Habitata Europae et Asiae et Libyae*) // *Geographi Graeci Minores.* — Vol. I. — Parisiis, 1855. — P. 26 (*Europa*, 19). Цитируемое здесь издание подготовил филолог-классик, палеограф и историк из Геттингенского университета Карл Мюллер (Karl Wilhelm Ludwig Müller; 1813—1894), приобретший известность своими особенно бережными публикациями творений древнегреческой литературы, которые он сопровождал латинскими переводами. (Он участвовал и в подготовке вышеуказанного издания Геродота.)

Упоминание реки Эридан привносит в эти свидетельства не вполне понятный теперь возвышенно-мифологический аспект, с несомненным гиперборейским и даже небесным оттенком. Дело в том, что река Эридан (несмотря на ее распространенную локализацию в Адриатическом регионе) издавна считалась (уже по Геродоту) «впадающей в то море, которое обращено к северному ветру» («ἐκδιδόντα ἐς θάλασσαν τὴν πρὸς βορρῆν ἄνεμον»)¹. Геродот (там же) сообщает, что «оттуда, как говорят, к нам доставляют янтарь (τὸ ἵλεκτρον)». Это соотнесение Эридана и обитающих на нем венетов с древнейшим «янтарным путем», ведущим к далекому Северу, закрепилось в веках. Возможно, в этих представлениях нашло отражение реально существовавшее в Древней Европе изначальное родство венетов Адриатики и Балтики (или их предков).

Однако Эридан земной в античном мирозерцании был своего рода отображением Эридана небесного. Так называли тогда одно из созвездий — зримый символ Небесной реки, уподоблявшейся в земном мире великому Нилу, который имел особое значение в античной географии. Эратосфен Киренский (Ἐρατοσθένης ὁ Κυρηνάιος; между 276 и 273 — около 194 до н.э.) — знаменитый древнегреческий ученый, астроном и математик, поэт и географ, десятки лет возглавлявший Александрийскую библиотеку, в астрономическом труде «Катастеризмы» (описания созвездий) отметил: «Некоторые же совершенно справедливо говорят, что он (Эридан) — это Нил. Ибо лишь он от юга (ἀπὸ μεσημβρίας) имеет начало»². Подобно тому, как Нил, текущий от самых дальних для античной географии южных пределов, обозначает направление на север, так и небесный Эридан устремляется с юга на север, — но в мире небесном.

Противоречивость образа Эридана для бытовой логики выразительно и загадочно сформулировал Страбон: «...Эридан, который не существует нигде на земле, хотя его и сближают с [рекой] По» («Ἐριδανόν, τὸν μηδαμοῦ γῆς ὄντα, πλησίον δὲ τοῦ Πάδου λεγόμενον»)³. Латинский мифограф Гигин (Gaius Julius Hyginus; около 64 до н.э. — 17), чьи труды дошли до нас лишь в извлечениях, касающихся, в частности, описания созвездий, добавляет, что Эридан «иные называют Нилом, а многие — Океаном» («alii Nilum, complures etiam Oceanum esse dixerunt»)⁴. В позднеантичном символизме Нил и Океан в известном смысле синонимичны, поскольку связаны с представлениями о Вселенских Водах. И хотя в сохранившихся древних текстах не говорится о людях, живущих на берегах звездного Эридана, венеты

¹ *Herodoti Historiarum Libri IX.* — Parisiis, 1844. — P. 169 (III, 115).

² ΕΡΑΤΟΣΘΕΝΟΥΣ ΚΥΡΗΝΑΙΟΥ ΚΑΤΑΣΤΕΡΙΣΜΟΙ (Eratosthenis Cyrenaei Catasterismi) // *Opuscula Mythologica Physica et Ethica Graece et Latine.* — Amstelædami, 1688. — P. 130 (Catasterismi, 37. Ἐριδανός).

³ *Strabonis Rerum Geographicarum Libri XVII / Editio Stereotypa.* — Tomus I. — Lipsiae, 1829. — P. 347.

⁴ Hyginus. *De Astronomia* / ed. Ghislaine Viré. — Stuttgartiae; Lipsiae: Teubner, 1992. (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana) — P. 77 (*De Astronomia*, 2.32. Eridanus).

настолько устойчиво ассоциировались с Эриданом земным, что вся совокупность этих мифов порождает несколько неожиданный образ небесной отчизны венетов. Этот образ не детализирован и для истории как бы второстепенен в своей метафизичности, но он не противоречит общему настрою книги Орбини и столь близкой ему теме венедов (венетов).

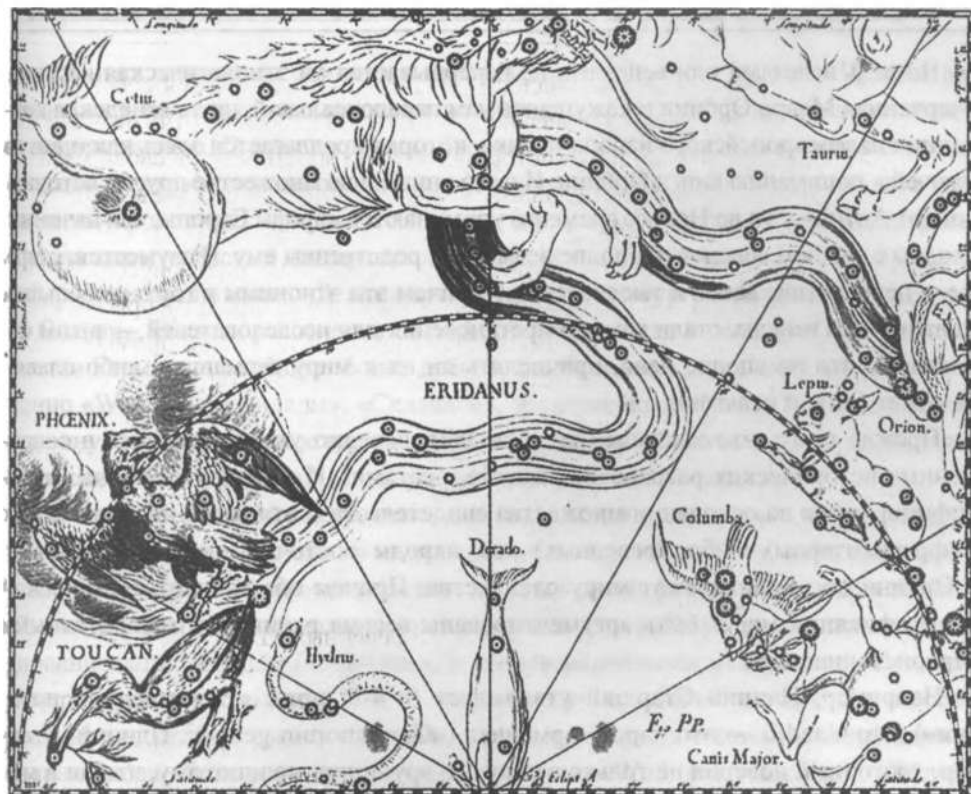
Можно сказать, что и представления об изначальном метаисторическом единстве венедского мира («Славянского рода», в терминологии Орбини), причем именно в широчайших границах Северо-Восточной Европы, а не только применительно к Адриатике и Троаде, засвидетельствованы уже в Античности. Нет нужды говорить, насколько важны эти представления для адекватного понимания концептуальной основы книги Орбини, которая в таком случае воспринимается не как лихая бравада дерзкого панслависта, а как труд внимательного исследователя, при всей сенсационности многих его обобщений.

Собственно говоря, и обозначенный выше образ полуполюгендарной реки Эридан, связующей средиземноморскую Адриатику с янтароносным морем Севера, сближает (если не отождествляет) венетов южных и северных. (Различие в глухом или звонком произношении «т» и «д» в конце слова Veneti нередко могло отражать то или иное местное, диалектное произношение.) Причем это сближение для этнологической реальности правомерно лишь в глубокой ретроспективе, поскольку два тысячелетия назад (когда писали большинство из упомянутых выше авторов) адриатические венеты уже фактически романизировались (еще до их участия в этногенезе южных славян). Балтийских венедов для этой эпохи, наверное, правильнее всего назвать протославянами (или балто-славянами; кстати, западные авторы часто не делали различия между балтскими и славянскими народами «Северной Славии» вплоть до Нового времени). А венеты дальнего Запада, Бретани (Арморики), сразившиеся с Юлием Цезарем, — это кельты.

И, несмотря на эти эмпирические реалии, Страбон свидетельствует о родстве венетов уже романизированной Адриатики и «Бельгии» — отчасти кельтской, отчасти, видимо, еще палеоевропейской. Впрочем, он относит к кельтам и тех и других. Рассказывая о венетах Бретани, он отмечает: «Думаю, эти венеты (Οὐνετοίς) были основателями поселений (οἰκιστάς) тех [венетов], что на Адриатике; ведь и почти все другие кельты в Италии перебрались из той земли, которая находится за Альпами, как бойи и сеноны; однако благодаря подобию имени¹ их считают пафлагонцами; впрочем, я не настаиваю на своих словах, ибо в таких случаях главенствует похожесть»². Не абсолютизируя ни одну точку зрения, Страбон, тем не менее, допускает трансальпийский вариант расселения этнических групп, носивших имя венетов.

¹ То есть благодаря сходству названий венетов и энетов Пафлагонии.

² *Strabonis Rerum Geographicarum Libri XVII / Editio Stereotypa. — Tomus I. — Lipsiae, 1829. — P. 314 (Lib. IV).*

Звездный Эридан — надмирная река легендарной небесной отчины древних венетов. Таким его изобразил в своем знаменитом звездном атласе «Уранография» польский астроном Ян Гевелий (1611—1687). (Johannis Hevelii Firmamentum Sobiescianum, sive Uranographia, Totum Coelum Stellatum. — Gedani, 1690)

Но ведь венетами или венедами не исчерпывается ни этнологическая картина, очерченная Мавро Орбини и кажущаяся нам парадоксальной, ни та венедская концепция палеоевропейского народа-предка, которая предлагается здесь как один из ключей к пониманию книги Орбини. И в его книге, и во множестве других источников (от Античности до Нового времени) упоминаются народы Европы, чьи названия сходны с именем венедов и, вполне возможно, родственны ему. (Разумеется, опять же, в перспективе веков и тысячелетий.) Причем эти этнонимы в гораздо большей степени, чем венеды, стали камнем преткновения для исследователей — в том отношении, что не вполне ясно, причислять ли их к миру германцев, либо славян (а может быть, и кельтов).

Прежде всего, это вандалы (лат. *Vandali*), нередко упоминающиеся в современных исторических разработках вместе с готами¹. И те и другие сейчас классифицируются на основании множества свидетельств (хотя часто эпизодических и фрагментарных либо косвенных) как народы восточногерманские. Однако у Орбини они принадлежат миру славянства. Причем оба варианта этнической идентификации могут быть аргументированы весьма ранними и авторитетными первоисточниками.

Например, Плиний Старший утверждает (в 4-й книге «Естественной истории»), что *Vandili* — это народ германцев («*Germanorum gens*»)². Плиний — автор, достойный доверия не только в силу его эрудиции, но и потому, что он в молодости сам участвовал в боевых действиях римлян на земле германцев. О его информированности в области этнонимов Европы свидетельствует, по-видимому, и то обстоятельство, что он различал в написании балтийских венедов (*Venedi*), венетов Бретани (*Veneti*) и одноименных им адриатических венетов (*Veneti*), чье происхождение некоторые авторы связывали с энетами (*Eneti*), упомянутыми еще Гомером³. Можно сказать, что все эти варианты в целом соответствуют и современному подходу к фонологической идентификации региональных этнонимов, и, видимо, реальному древнему словоупотреблению (применительно к эпохе Плиния).

Плинию следует в отношении вандалов и Тацит в своей «Германии». Это нетрудно объяснить тем, что Тацит пользовался сведениями Плиния, знакомого с германскими делами. У Тацита *Vandalii* — это германцы (*Germania*, 2).

Однако на стороне Орбини в вопросе о вандалах оказывается ничуть не менее авторитетный (хотя и средневековый, а не античный) автор — Адам Бременский. Его по праву называли «Тацит Германского Севера». Сведения, сообщаемые им, точны, конкретны и подчас уникальны. Северогерманский хронист, он не просто

¹ «Безбрежной» проблемы готы (и гетов), с позволения читателя, мы не будем касаться в этой статье, иначе получится уже не статья, а целая «вступительная книга».

² *Plinii Secundi C. Naturalis Historia*. — Vol. I (Libri I—VI). — Berolini, 1866. — P. 187.

³ *Plinii Secundi C. Naturalis Historia*. — Vol. I (Libri I—VI). — Berolini, 1866. — P. 187, 189, 231.

бывал в этих землях, но сам жил в них в XI в. (умер около 1085 г.). Причем он пользовался не только письменными источниками, но и устными свидетельствами современников. О славянах Адам Бременский упоминает часто, называя их не венедами (вендами, венетами, винитами), а винулами (Winuli). Возможно, все эти этнонимы происходят от одного и того же палеоевропейского корня, различаясь суффиксами и нюансами диалектного произношения. Но главное, что Адам Бременский, рассказывая в книге «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» о «Северной Славии», области расселения балтийских славян, уже в основном включенной в состав Германии, сообщает более древнее именование славян-винулов. И это — именно «Wandali», «вандалы»: «Склавания, обширнейшая область Германии, населена винулами, которых прежде называли вандалами» («Sclavania igitur, amplissima Germaniae provincia, a Winulis incolitur, qui olim dicti sunt Wandali»)¹.

Этот диахронический ракурс поистине уникален, и пренебрегать им не следует, хотя olim («прежде, некогда») и не определяет конкретную эпоху, даже приблизительно. Известны, правда, очень краткие глоссы в самых ранних памятниках немецкой письменности (на несколько веков опережающие работу Адама), где вандалы приравниваются венедам («винидам», в древерхненемецком варианте). Это, например, датируемые концом VIII в., ныне широко известные лингвистам «Вессобрунские глоссы» (из монастыря Вессобрунн в Баварии), в которых соединенные попарно слова объясняют друг друга. Среди них: «Winit (=) Wandalus»; «Winida (=) Wandali» (здесь древерхненемецкие слова поясняются через их латинские соответствия). В этих же глоссах констатируется, что Winida — это Slavi; Sclavi — славяне².

Из ранних сюжетных упоминаний вандалов-славян приведем здесь пример написанного в конце VIII в. «Жития св. Руперта» (660—718), епископа Зальцбурга. Текст обычно называют «Vita Hrodberti»; развернутое латинское название: «Gesta Sancti Hrodberti Confessoris» («Деяния святого исповедника Руперта»). В одном из списков «Жития...» сообщается, что святой, «преодолев гору высочайшую, Горой Обрывистой именуемую», проповедовал Wandalis, «вандалам» — славянам Карантании в Восточных Альпах³. Это было около 700 г. Отметим, что сравнительно недалеко — Бавария, где зафиксировано именование славян словом Winida. Возможно, именно в Альпийском регионе германцы стали называть славян винидами

¹ Magistri Adam Bremensis *Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum* // *Scriptores Rerum Germanicarum* in usum Scholarum ex *Monumentis Germaniae Historicis* separatim editi. — Hannoverae et Lipsiae, 1917. — P. 75—76 (Lib. II, Cap. XXI).

² Die Wessobrunner Glossen // *Das Wessobrunner Gebet und die Wessobrunner Glossen* / herausgegeben von Wilhelm Wackernagel. — Berlin, 1827. — S. 81.

³ *Gesta Sancti Hrodberti Confessoris* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Merovingicarum* Tomus VI. — Hannoverae et Lipsiae, 1913. — P. 159. В примечаниях (там же) слово Wandalis без колебаний поясняется как Sclavis, «славянам». Карантания, Коротан отчасти совпадает с современной Словенией; славянский народ «хорутане» упоминается и в русской Повести временных лет.

(древневерхненемецкая форма), откуда впоследствии произошло общеизвестное средневерхненемецкое «венды». А для балтийской «Северной Славии» могло сыграть роль сближение альпийской словоформы с восходящим еще к Птолемею (и его возможным еще более ранним первоисточникам) этнонимом «венеды».

Однако на основании кратких упоминаний и глосс сложно делать принципиальные выводы относительно происхождения «вандалско-вендских» этнонимов и их носителей. В гораздо более обстоятельном и не случайном (и в деталях, и в общей концепции) повествовании Адама Бременского первоначальное, «некогда» существовавшее именование славян, — *Wandali*, — в принципе может относиться как раз к субстратному этносу палеоевропейского Норда, к далеким предкам славян, германцев, балтов. А это соответствует предлагаемой здесь гипотезе, которая коррелирует с «гиперборейским аспектом» происхождения славян (и многих других европейских народов) у Орбини, вписывая его утверждения в контекст исторической традиции.

Получается, что Мавро Орбини в своих терминологических приоритетах касательно идентификации вандалов следовал самым ранним немецким источникам и исследованиям «Тацита Германского Севера». Так же, как Орбини, мыслили и многие западноевропейские историки раннего Нового времени, примерно до середины XVIII в., до норманистских дискуссий¹. (Потом приведенное выше высказывание Адама Бременского обычно просто объявлялось ошибочным, без пояснений; а узкоспециальные материалы глосс из раннесредневековой немецкой литературы часто не упоминались в новейших исследованиях.) Среди многочисленных единомышленников и предшественников Орбини в этом вопросе необходимо упомянуть немецкого ученого, историка и теолога Альберта Крантца (*Albert Krantz*; около 1450—1517). Орбини в своей книге его очень часто цитирует, и это закономерно. Ведь Крантц еще в 1519 г. издал в Кёльне подробнейшую, объективную историю балтийских славян, назвав ее... «Вандалия» («*Wandalia*»)! По всей книге, без малейших колебаний, он именует северных славян именно вандалами, подобно панслависту Орбини (и многим средневековым западным хронистам).

Причем Крантц не был каким-то «странным», нетрадиционным для германской науки автором. Год спустя выходит его «Саксония» («*Saxonia*») — столь же обстоятельный и прилежный труд, посвященный истории германцев, с глубоким уважением к их наследию. К тому же Крантц был христианским богословом, и трудно представить, чтобы он испытывал особую, иррациональную симпатию к северным славянам, которые дольше германцев хранили верность дохристианской религии и подчас упорно сопротивлялись христианизации. Причем симпатию настолько

¹ Пожалуй, правильнее говорить, что этот хронологический рубеж знаменует не столько начало споров о происхождении древнерусской княжеской династии (все-таки это частный вопрос), сколько кардинальный пересмотр самой системы этнической идентификации европейских народов. Именно это в большой мере и повлекло за собой качественную метаморфозу в отношении к позднеантичному и средневековым историческим первоисточникам.

Альберт Кранц — немецкий ученый и богослов, полтысячелетия назад издавший объективную историю балтийских славян, которых он без колебаний отождествляет с вандалами, — вразрез с поздней традицией, считавшей их исключительно германцами. Его «Вандалия» в современной российской историографии нередко рассматривается в статусе фундаментального первоисточника по истории балтийских славян

Des Fürtrefflichen Hoch-
gelahrten Herrn

WANDALIA

Oder:

Beschreibung Wendischer Geschichte/

Ursprünge der Wenden eigentlicher
Beschreibung/ mancherley Völcker/ und vielfaltige Verwundtun-
gen/ sampt dero vollbrachten großwürdtigen Thaten/ und was sie
entweder vor Reich angerichtet/ oder auch zer-
stört.

Darinn/ was so wol in diesen Theil: als auch in andern gelegenen
Königreichen/ Fürstenthumben und Herrschafft/ Wendischer und anderer
Nawnen in Dänemarcken/ Schweden/ Polen/ Ungarn/ Böhmen/ Osterreich/ Mähren/
Schlesien/ Brandenburg/ Preussen/ Kussen/ Liffland/ Pommeren/ Mecklenburg/
Hollain/ &c. über die tausent und mehr Jahr hero gedenckwürdiger
sich Augenzeugen und verlaufen

Was auch für Regenten/ Keyser/ Könige/ Chur: und Fürsten/ Kederweck
gesehen/ und was jeglicher lobwürdiges gehandelt:

Welcher gestalt auch feindtlich/ die hieser Orthen belegene Osterreich:
und Wendischen Städte/ Lübeck/ Hamburg/ Dinstock/ Wismar/ Stralsund und We-
nerburg: so gebeyen und auffnehmen geseyen/ und was sie dargen für Mühselt: und
Ansch: erhandelt/ überflüßig verseyen/ gründlich und umständlich
gemeldet wird.

Alten der Wendischen Geschicht: so schon von Aulicis
in Latein verfertiget:

Nun aber dymen/ so derselben Sprach unerschaffen/ in Hochdeutsch
translatiret und abdrucket:

AL. STEPHANUS MACROPHILUS
vom Andraßberge.

Lübeck/

In Verlegung Johan Junge Buchhendler dafelbst.
1616

сильную, чтобы он приписал славянам древнегерманских предков и эпических героев. В еще меньшей степени в этом можно заподозрить Адама Бременского: в его времена гораздо актуальнее было то противостояние христианства и язычества, которое на севере Европы обернулось противоборством германцев и славян и даже Крестовыми походами против славян-язычников.

Показателен и тот факт, что именование славян винулами Адамом Бременским подтверждается независимым, хотя и малоизвестным хроникальным свидетельством (причем более ранним). Это созданный около 968 г. (или в последние десятилетия X в.) «*Chronicon*» итальянского автора второй половины X — начала XI в. Бенедетто ди Сант' Андреа дель Соратте (Benedetto di Sant' Andrea del Soratte). По-латыни он называл себя просто «*Benedictus monachus*», «монах Бенедикт». Если учесть, что он был иноком бенедиктинского монастыря Сант' Андреа (в горном массиве Монте Соратте, к северу от Рима), то латинская и итальянская формулировки вообще ничего не говорят ни о его мирском имени, ни о национальной принадлежности. Анализируя характерные для его текста отклонения от стандартной латыни, ученый середины XX в. Йоханнес Кунземюллер (Johannes Kunsemüller) в диссертации Эрлангенского университета¹ пришел к важному выводу: «монах Бенедикт», вероятно, происходил из знатной франкской семьи². То есть он принадлежал германскому миру, а потому мог располагать малоизвестными сведениями и о соседях-славянах.

Так вот, Бенедикт, повествуя о походе в Италию германского короля Оттона I в 961 г.³, сообщает, что с королем были воинства разных народов; один из них именовался *Guipula*⁴. В некоторых языках средневековой Европы (и непосредственно в тексте Бенедикта) *Gu-* перед гласным устойчиво чередуется с *W-* (например, у Бенедикта: *Gualterus* = *Walterus*, Вальтер)⁵. Так что речь здесь именно о винулах — союзниках Оттона из числа балтийских славян.

Вандалов Бенедикт тоже упоминает, хотя неясно, имеет ли он в виду германцев либо славян. Повествуя о конфликтах между готами и гуннами, хронист из Сант' Андреа приводит несколько туманное (во всяком случае для нас) выражение:

¹ Университет имени Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg (FAU).

² *Kunsemüller Johannes. Die Chronik Benedikts von S. Andrea.* — München, 1961. — S. 67.

³ Этот поход имел следствием образование в 962 г. Священной Римской империи германской нации.

⁴ *Monachi Benedicti Sancti Andreae. Chronicon // Monumenta Germaniae Historica / Edidit Georgius Henricus Pertz.* — Scriptorum Tomus III. — Hannoverae, 1839. — P. 717; *Il Chronicon di Benedetto, monaco di S. Andrea del Soratte e il Libellus de imperatoria potestate in urbe Roma / Giuseppe Zucchetti [Publ.]. Fonti per la storia d'Italia, 55.* — Roma: Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, 1920. — P. 175.

⁵ Примеры таких устойчивых чередований в «Хронике» Бенедикта см.: *Monachi Benedicti Sancti Andreae Chronicon // Monumenta Germaniae Historica / Edidit Georgius Henricus Pertz.* — Scriptorum Tomus III. — Hannoverae, 1839. — P. 800.

«gens Hunorum et Guandalorum»¹, «народ (или “род”) гуннов и вандалов»: Бенедикт как бы сближает их, если это не дефект переписки текста. Отметим, что вандалы здесь обозначены у него словом «Guandali», тогда как в главе 5 (на той же странице указанного издания) они — «Vandali», как и должно быть в латинском тексте.

Случайные ли это вариации записи слова, или «Guandali», звучащие на итальянском либо валлийском лад, маркируют иную этническую группу, — трудно сказать, не найдя и тщательно не изучив независимые параллели в других источниках. Можно упомянуть, что форма «Guandali» встречается в «Салернской хронике», под 807 и 871 гг.² («*Chronicon Salernitanum*», конец X в.; лангобардское княжество Салерно на юге Италии). «Айнзидельские Анналы», «*Annales Einsidlenses*» (Айнзидельское бенедиктинское аббатство, Швейцария), в записях под 789 и 790 гг., формально разграничивают славян и вандалов, сообщая отдельно о военном походе против славян и отдельно — против вандалов³. Но для уверенных обобщений этих кратких сведений явно недостаточно.

Мы не случайно задерживаем внимание читателя именно на вандалах. Дело не только в том, что этот этноним созвучен «венедам» и часто рассматривался как вариант одного и того же именованья; не только в том, что «вандалская» тема по этой причине близка концепции данной статьи, которая призвана помочь лучше понять книгу Орбини, ее смысловой «стержень». Дело в том, что мы изначально имеем дело с несомненным фактом: Орбини недвусмысленно свидетельствует, что эта тема особенно важна для его книги (несмотря на всю «размытость», а порой и необязательность барочного словоупотребления). Орбини ведь даже приводит вандалский словарь, — и он оказывается, несомненно, славянским в своей основе. Как совместить это с выводами современной науки касательно вандало-германцев? Вряд ли правомерно объявлять в таких случаях, что «знающий истину» автор ниспроверг всю мировую науку, зашедшую в тупик глупости и косности. Так поступают иногда в популярных публикациях, но подобный подход чаще всего свидетельствует лишь о том, что история культуры упрощается до черно-белой схемы, тогда как на деле любой исторический феномен многопланов и определяется целым комплексом весьма разнородных факторов. Пренебрежение ими лишает возможности постичь историю.

Общепризнанные представления о вандалах-германцах (усвоенные нами еще в средней школе) базируются на истории раннесредневековых вандалских королевств Испании и Северной Африки. Эти королевства эпохи Великого переселения народов возглавлялись правителями восточногерманского происхождения (судя по

¹ *Monachi Benedicti Sancti Andreae. Chronicon // Monumenta Germaniae Historica / Edidit Georgius Heinrichus Pertz. — Scriptorum Tomus III. — Hannoverae, 1839. — P. 697 (Cap. 3).*

² *Chronicon Salernitanum // Monumenta Germaniae Historica / Edidit Georgius Heinrichus Pertz. — Scriptorum Tomus III. — Hannoverae, 1839. — P. 490, 522.*

³ *Annales Einsidlenses // Monumenta Germaniae Historica / Edidit Georgius Heinrichus Pertz. — Scriptorum Tomus III. — Hannoverae, 1839. — P. 139.*

их именам); германские короли вандалов ходили в военные походы на Рим. В VI в. вандалы были разгромлены византийским императором Юстинианом I; исчезает и их язык. Последнее обстоятельство довольно странно: ведь даже тогда, когда народы несли такие тяжелые потери, как галлы, завоеванные Римом, оставалось немало каких-то реликтов; сложилась и существовала веками галло-римская культура, со своей эпиграфикой. Но ведь вандалских письменных памятников из этих королевств практически нет! Остались в основном личные имена королей в испанской ономастике последующих веков — имена германского происхождения. Аргументы убедительные, но косвенные.

В одной латинской эпиграмме той эпохи, «О пирах варваров» («De conviviiis Barbaris»), уцелела краткая фраза, которая считается вандалской¹. Она, несомненно, германская; достаточно без перевода привести из нее одно лишь слово «drincan» — в значении «выпить (вина)». Впрочем, есть и более серьезное свидетельство (хотя в нем всего два слова) — серьезное и по существу (это молитвенная формулировка), и с точки зрения источникововедения. Дело в том, что это свидетельство приводит эрудированный современник — Августин Блаженный (354—430) или какой-то автор его круга. А ведь Августин родился и долгое время жил именно в Северной Африке, по соседству с вандалами.

Эти два слова — молитвенная формулировка: «Господи, помилуй», «Frōja armēs» (в разных списках написание заметно варьируется)². Ее древнегерманская принадлежность не вызывает сомнений у лингвистов. При всей краткости этой молитвы, она является исключительно важным религиоведческим и лингвистическим первоисточником поздней Античности и остается предметом углубленного изучения³.

Но помогают ли эти бесспорные факты решить проблему вандалов, поставленную книгой Орбини и его единомышленников? Увы, нет! «Летучие» королевства эпохи Великого переселения народов часто создавались военизированными межплеменными союзами, а не стабильными этническими группами (оттого столь внезапно и исчезли вандалы Северной Африки после их разгрома). А в этих воинских формированиях присутствовали люди различной этнической принадлежности (в современном понимании): германцы, славяне, аланы — предки осетин,

¹ *Steinacher Roland*. Gruppen und Identitäten. Gedanken zur Bezeichnung, vandalisch' // *Das Reich der Vandalen und seine (Vor-)Geschichten*. — Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2008. — S. 254.

² *Favre-Bertrand Guillaume*. Essai sur la littérature des Goths. 1832—1837. Littérature sacrée // *Mélanges d'Histoire Littéraire*. — T. II. — Genève, 1856. — P. 193; Sancti Aurelii Augustini, Hipponensis Episcopi, *Opera Omnia*. Appendix. Nonnullae Epistolae Augustini nomine olim falso praenotatae // T. II. = J.-P. Migne. *Patrologia Latina*. — Vol. 33. — Paris, 1865. — Col. 1162.

³ Из современных исследований отметим: *Eis Gerhard*. Der vandalische Gebetsruf Frōja armēs // *Forschungen und Fortschritte*. — Bd. 34. — Berlin, 1960. — S. 183—185; *Tiefenbach Heinrich*. Das vandalische Domine miserere // *Historische Sprachforschung*. — Bd. 104, H. 2. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. — S. 251—268.

тюрки. Хотя все они могли называть себя единообразно (в рамках этого союза), по преобладающему воинскому контингенту либо по национальности вождей, а потом и королей правящей династии. Через такую историческую стадию обычно проходили новые, формирующиеся государственные образования Западной и Восточной Европы.

Неизбежна была вариативность и в отношении языка: войны разных племен и народов в таком союзе по необходимости перенимали друг у друга отдельные слова и фразы, усваивали язык собратьев по оружию. И случайное краткое свидетельство о них латинского (или греческого) автора, сколь угодно точное само по себе, может быть непригодно для масштабных выводов относительно этнического характера всего племенного союза. (Вспомним недавно процитированное выражение хрониста X в.: «gens Hunorum et Guandalorum», «народ гуннов и вандалов»; похоже, что это именно такой пример, как бы ни трактовать тех и других.)

Сознавая зыбкость ономастической аргументации и исходя из общелингвистических закономерностей, английский филолог Роберт Гордон Латам (Robert Gordon Latham; 1812—1888) пришел к отождествлению вандалов с венедами. Для него *Venedi* = *Vand-ali*; более того, он подчеркивает, что вандалы в исторической ретроспективе — это не германцы, а скорее сербы (*Slavonian Serbs*)¹. (Примечательно, что он делает это в комментированном издании «Германии» Тацита, писавшего о вандалах-германцах.) Латам исследовал и вопросы этногенеза индоевропейцев («арийцев», как тогда говорили, еще без всяких намеков на расовое превосходство в употреблении этого слова), склоняясь к концепции их северного происхождения (из Балтийского региона) и полемизируя с распространенной гипотезой об их центральноазиатской прародине.

Умозаключение Латама о венедах и вандалах в лингвистическом отношении сейчас представляется более правдоподобным и перспективным для дальнейших выводов. В позапрошлом веке это сопоставление воспринималось скорее просто как фонетическое созвучие (хотя Латам явно и, по-видимому, совершенно правильно выделяет здесь корень слова). Но сейчас сравнительное языкознание накопило богатый опыт в реконструкции праязыков далекого прошлого (вплоть до верхнего палеолита), и суффикс *-l* (*-le-*, *-al-*, *-il-* и т.п.), хорошо знакомый и более поздним языкам (например, латыни или древнерусскому: «Ярослав-ль» = «Ярославов»), уверенно проецируется в глубокую древность, отстоящую от нас на 13—15 тысяч лет

¹ *Latham Robert Gordon. The Germania of Tacitus, with ethnological dissertations and notes.* — London, 1851. — P. LXXXIX; XC. Что касается этнонима «сербы», то, помимо его конкретно-исторического средневекового и новоевропейского контекста, существует точка зрения, согласно которой это слово некогда было древним именованьем всего славянства и предшествовало более позднему названию «славяне», во всех его многочисленных модификациях («склавины», «словене» и т.д.). Употребленное Латамом определение можно перевести и как «сербы-славяне», и как «сербы Славонии», исторической области на востоке Хорватии.

(ностратический праязык). Тогда это, видимо, был (в обобщенной формулировке) суффикс прилагательных (отыменных, отглагольных); возможно, и соответствующих им имен¹.

Но ведь этот лингвистический экскурс как раз и означает, что в интересующем нас этнониме именно форма *Vandali* или *Wandali* (такой мы ее знаем в латинизированной форме), могла в принципе быть чрезвычайно древней, как о том и говорил тысячу лет назад Адам Бременский. И загадочный народ-предок исторических этносов Европейского Норда изначально мог именоваться вандалами (или схожим словом). Наверняка, имели место региональные диалектные различия; на их основе потом возникли схожие этнонимы: венеды, винулы, винделики, фенны (по Тациту, то есть протосаамы). Все они в своем диахроническом развитии были наследниками доиндоевропейского (и дофинноугорского), субстратного северного народа-предка.

И хотя средневековые германцы сами без колебаний отдали славянам-вендам пальму первенства в почетном праве наследовать это именование, речь идет об истоках, как говорится, баснословно древних, — об эпохе, когда еще не разделились не только предки славян, балтов, кельтов и германцев, но и праиндоевропейцы не обособились из более ранних этноязыковых общностей. Значит, и в Средние века германские (а также славянские, кельтские, балтские) этнические группы, памятуя о своих далеких предках (хотя бы в виде смутного предания), по праву могли и свои племенные союзы назвать вандалами или схожим именем. Отсюда и очевидная путаница в источниках, неразрешимая по принципу «или — или». Истина в данном случае не двумерна, а многомерна и всеобъемлюща.

Априорно отказывая Орбини и другим старым авторам в праве соотносить вандалов со славянами, обходя молчанием соответствующие высказывания ранних хронистов, Адама Бременского и ученых-эрудитов раннего Нового времени, допустим, Альберта Крантца, критики недостаточно учитывают очевидный историко-географический аспект проблемы. Королевства вандалов-германцев, воевавших с Римом, — это Испания и Северная Африка (Карфаген и окрестные земли), согласно любой современной энциклопедии и разрозненным, но сейчас, в свете новейших открытий, уже не скудным первоисточникам. Однако «Вандалия» и вандалы Крантца и германских хронистов соотносятся ими с «Северной Славией», с балтийскими славянами! Где Карфаген, а где — Балтика? Речь просто может идти о разных этнических группах (пусть весьма «подвижных» в эпоху Великого переселения народов). Хотя, скорее всего, и в тех, и в других объединениях были и германцы, и славяне; точную этнологическую статистику племенных союзов той бурной эпохи уже невозможно реконструировать в деталях.

Но если в противоборстве «варваров» с Римом на юге быстро возникали и исчезали непрочные многонациональные королевства, то на севере этническая картина,

¹ *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. — М.: УРСС, 2003. — С. 15.

видимо, была стабильнее. Здесь сильны были объединяющие традиции древнейшего местного населения, чья система хозяйства, устойчивая и традиционная, принципиально отличалась от полукуочевого быта воинских формирований, ходивших на Рим. И примечательно, что гипотеза о вандалах как одном из этносов доисторической Северной Европы находит довольно убедительное и совершенно независимое подтверждение. Не на страницах старинных манускриптов, не в современных лингвистических концепциях, а в той летописи, которая начертана древними людьми в названиях рек и гор, островов и проливов, — в географических названиях. В этой летописи нередко запечатлена память тысячелетий, особенно если иметь в виду гидронимы — часто очень архаичные названия, связанные с водой. В данном случае это именно так.

Речь идет о регионе, примыкающем к Северному морю, чьи волны скрывают еще сравнительно недавно населенную сушу, географически, видимо, воспринимавшуюся как северо-западное, равнинное продолжение горной Скандинавии. Но в данном случае речь не о том «венетском» (по Хансу Куну) нижнерейнском регионе, получившем название «Nordwestblock», о котором говорилось выше, а о несколько более северных, соседних землях, где известняковые холмы, изрезанные фиордами, в историческую эпоху стали Ютландией и соседними островами — нынешней Данией.

Самый северный из здешних больших островов (он в историческое время становился и островом, и полуостровом — северной оконечностью Ютландии), Веннсюссель-Тю (Vendsyssel-Thy¹), отделен от «основной» Ютландии Лимфьордом. Несмотря на свое название (фьорд, то есть залив), Лимфьорд сейчас представляет собой систему проливов (песчаная коса, отделявшая его от Северного моря, была в 1825 г. размыта штормом). Так же обстояло дело и в Средние века, когда Северная Ютландия была островом. А изначальное, древнедатское название пролива, отделявшего ее от материка, предположительно, было Wændil (Vendill в древнеисландском варианте). Эту интерпретацию обосновал датский языковед и топонимист Кристиан Хальд (Kristian Hald; 1904—1985)². В настоящее время в справочных изданиях этот топоним обычно подается как безусловно доказанный.

Важные для нашей темы средневековые свидетельства о Ютландском регионе, представляющем собой естественный рубеж между бассейнами Северного и Балтийского морей, на древнем пути с севера и запада к вен(е)дским, славянским землям, суммированы в многотомном издании «Топонимика Дании»

¹ Также «вендский», в расширительном значении слова, топоним.

² Hald Kristian. Angles and Vandals // *Classica et Mediaevalia* / Revue danoise de philologie et d'histoire. — Т. IV. — Copenhagen: Librairie Gyldendal, 1941. — P. 78. Хальд там же отмечает, что такое истолкование несколько ранее допускал и шведский лингвист Йоран Сальгрэн (1884—1971).

(«*Danmarks Stednavne*»), выходявшем в Копенгагене, начиная с 1922 г. В 14-м томе (1969) датский лингвист Джон Коусгорд Сёренсен (John Kousgård Sørensen; 1925—1999) приводит и другие гидронимы, этимологически идентичные названию пролива-фиорда в Северной Ютландии. Это прежде всего древнедатское (gammeldansk, IX—XVI вв.) название весьма протяженного, извилистого пролива Малый Бельт (Lillebælt или Lille Bælt), между архипелагом крупного острова Фюн и Ютландией.

Пролив ведет в Западную Балтику, к Вагрии — к западным пределам средневековой «Северной Славии». Именовался он по-древнедатски Wændil или Wændilslætt (slætt — «безбурный, без волн»). Сёренсен отмечает, что современному датскому «vende» в топонимах соответствует древнедатское «wænda», а средневековое название пролива *Wændil¹ («этимологически идентичное [названию пролива] Wændil, который предшествует острову Веннсюссель») происходит от более ранней лексемы, реконструируемой как *Wandian² (еще более «вандалская» форма слова, с поправкой на суффиксацию). То есть лингвистикой установлены чрезвычайно важные в таких исследованиях устойчивые фонетические чередования, работающие на нашу «вандалскую концепцию».

Вряд ли будет чересчур смелым предположение, что в этом регионе присутствует древнейший субстратный топонимический пласт, восходящий к венецкому «Северо-западному блоку» Ханса Куна, в несколько расширенном географическом масштабе. Тем более что Сёренсен приводит (там же) для сравнения норвежские («по ту сторону» Балтики) названия фиордов *Vindi и *Vindir, а также названия рек Vind, Vinda. Достаточно широко известны топонимы, начинающиеся на Vendel- в районе Уппсалы (Uppland), где находился один из наиболее значительных культовых и сакрально-географических центров дохристианской Скандинавии. В связи с последним обстоятельством гипотетическую прародину вандалов нередко соотносят именно с этим регионом, а не с Северной Ютландией. Эту этногенетическую концепцию, убедительную с точки зрения истории духовной культуры Севера, поддерживает, например, шведский медиевист, корифей скандинавской топонимики Торстен Андерссон, профессор университета Уппсалы³.

В Ютландском регионе засвидетельствованы и другие географические названия, которые, по-видимому, этимологически родственны «базовым» гидронимам — «венедским» названиям больших проливов. Об этом еще в конце позапрошлого века писал датский историк, профессор университета Копенгагена Йоханнес Сте-

¹ В середине XX в. академические топонимисты еще помечали это название звездочкой, как реконструированную словоформу.

² Sørensen John Kousgård. Odense Amts Bebyggelsesnavne // *Danmarks Stednavne*. — Bind 14. — København: Stednavneudvalget, 1969. — S. 226.

³ См. его недавнюю работу: *Andersson Thorsten. Altgermanische Ethnika // Namn och Bygd. Tidskrift för Nordisk Ortsnamnsforskning*. — Årgång 97. — Uppsala, 2009. — S. 20—21.

енstrup (Johannes Christoffer Hagemann Reinhardt Steenstrup; 1844—1935). В своей статье «Изыскания о древнейшем административном делении Дании» («Nogle Undersøgelser over Danmarks ældste Inddeling») он приводит примеры «венедских» топонимов, локализованных именно в окрестностях проливов, именованных по древнедатски Wændil¹.

Традиционно территория феодальной Дании делилась на «сюслы» (Syssel, лен), впоследствии переименованные в «амты» (Amt, «провинция, область, графство»), и небольшие по площади «херреды» (Herred, «сотня», округ, аналог английского «hundred», шведского «hundare»²). Так вот: «венедские» географические названия приурочены к самой северной части Ютландии — к нынешнему острову Веннсюссель-Тю (Vendsyssel-Thy). Сам этот остров-полуостров, по данным, приведенным Й. Стеенstrupом, носил имя Vændel. Там, на нынешнем морском берегу, располагалась «сюсла» под названием Vændlesysæl («сюсла Вендле»). В ее состав входила «сотня» Vinæbiærg.

Сходство с «венедскими» топонимами в последнем случае вроде бы весьма приблизительно. Однако Й. Стеенstrup приводит старинное название здесь церковного прихода: Vennebjerg. Учитывая вероятную фонетическую ассимиляцию, характерную для датского произношения, можно предположить здесь исходную корневую основу Vende-. Второй корень этого топонима, biærg, означает «гору» (нем. Berg). Настоящих гор в равнинной Дании нет. Заманчиво предположить, что это географическое название в своей смысловой основе восходит к тем временам, когда уровень моря был ниже и нынешние прибрежные холмы могли именоваться «горами». То есть к эпохе существования затонувшего «Континента Северного моря», потенциальной «Скандинавии» Мавро Орбини, ставшей прародиной для более поздних этносов Северной Европы.

С юга к Лимфьорду — древнедатскому проливу Wændil, отделявшему «венедский север» от остальной Ютландии, — примыкает, по данным работы Й. Стеенstrupа, омываемая с запада Северным морем «сотня» со старинным названием Vændlefolk. Позже она именовалась Vandfuld: «заполненная Вандами» (как вариант «вандальского» этнонима). Или «водой», от Vand-, «вода» (легко узнаваемый датский вариант общеиндоевропейского и еще более раннего, ностратического слова с этим значением). Тут возможна омонимия (не исключено, что довольно поздняя). Она может иметь отношение и к древнейшей семантике упомянутых топонимов. Средневековое же название этой «сотни» просто и красноречиво: «народ Vændle». Можно добавить, что примерно посередине «сотни» Vandfuld находится

¹ Steenstrup Johannes C.H.R. Nogle Undersøgelser over Danmarks ældste Inddeling // *Over-sigt over det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs Forhandlinger* (= Bulletin de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark). — København, 1896. — S. 397—399.

² «Сотня» располагала ресурсами, способными обеспечить существование ста независимых крестьян. В русском термине «сюсла» сохранена древнескандинавская форма этого слова: sýsla.

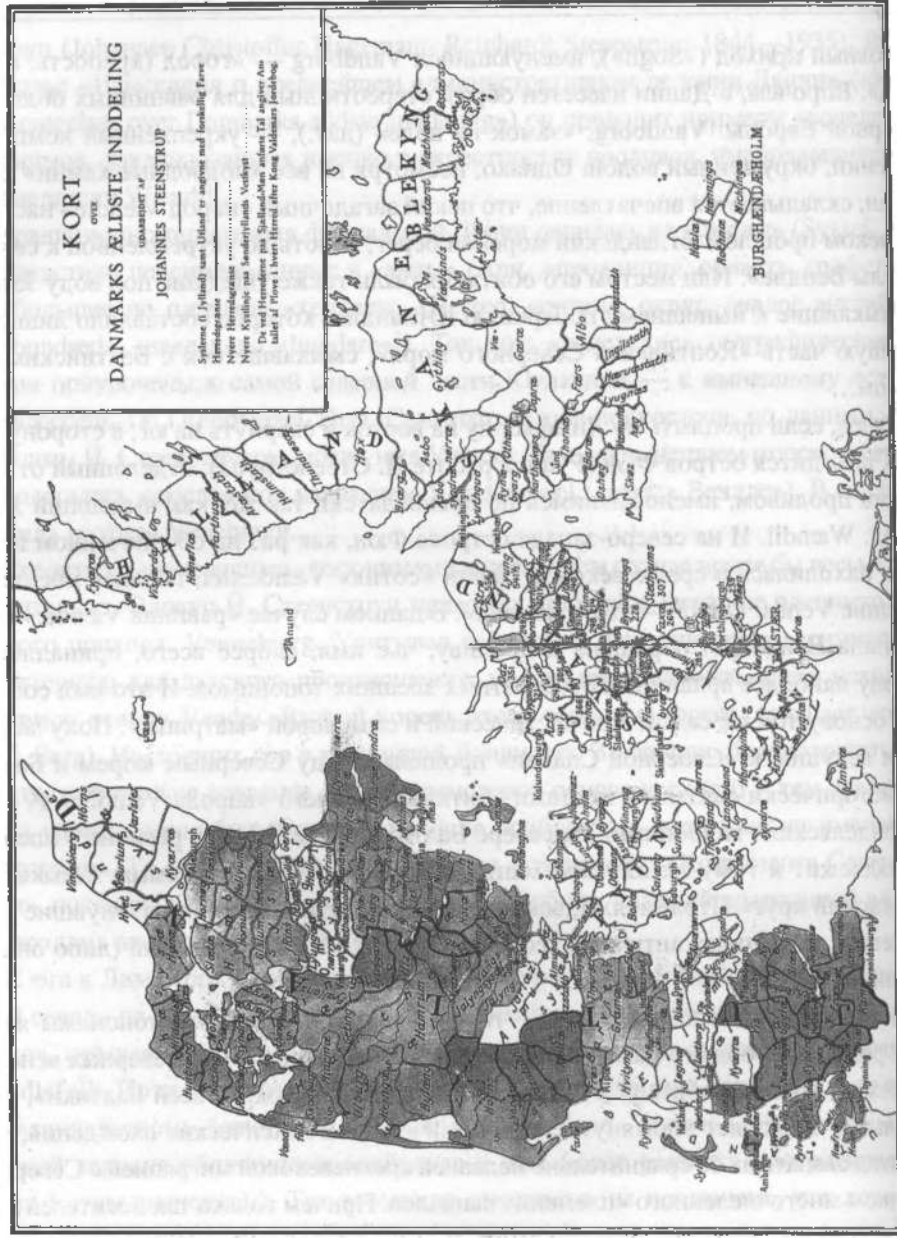
церковный приход («Sogn»), именующийся Vandborg — «город (крепость, *бург*) Ванд». Впрочем, в Дании известен образ, стереотипный для равнинных областей Северной Европы: Vandborg, «замок на воде» (дат.), — укрепленный комплекс строений, окруженный водой. Однако, несмотря на все «подводные камни» омонимии, складывается впечатление, что некий загадочный «народ Vændle» населял в далеком прошлом ютландский морской берег, вплоть до устремленной к северу «сюслы Вендле». Или местом его обитания были также ушедшие под воду земли, примыкавшие к нынешнему побережью Ютландии, которое составляло лишь небольшую часть «Континента Северного моря», смыкавшегося с Балтийским регионом...

Далее, если проплыть по Лимфьорду на восток и свернуть на юг, в сторону Вагрии, находится остров Фюн (Fuun, в работе Й. Стеенструпа), отделенный от Ютландии проливом, именовавшимся по-древнедатски так же, как нынешний Лимфьорд: Wændil. И на северо-западе острова Фюн, как раз на обозначенном выше пути, находилась в средневековой Дании «сотня» Vændæslet, позднее носившая название Vends. «Slet» — это «равнина». В данном случае «равнина Vændæ» (или «равнина Вендов»?) обращена к проливу, чье имя, скорее всего, принадлежит к числу наиболее архаичных субстратных здешних топонимов. И это имя составляет основу той же самой лингвистической и смысловой «матрицы». Получается, что и ведущие к «Северной Славии» проливы между Северным морем и Балтикой исторически связаны с местами обитания древнего «народа Vændle». А если и «вендельская» гидронимия на севере Балтики, в сакральном регионе Уппсалы, принадлежит к тому же лингвосемантическому полю, то тем самым замыкается «венедский круг» Птолемея. И, замыкаясь, распространяется на затонувшие земли Севера, о которых античный географ, видимо, не имел сведений (либо они не дошли до нас).

Пожалуй, предположение о том, что все (или почти все) эти топонимы являются реликтами общего наследия тех «величайших народов» — северных венедов Птолемея, которые обитали в незапамятные времена «вокруг всей Балтики», убедительнее объясняет упомянутые топонимические и лексические сходства, чем попытка связать их со сравнительно недавней средневековой миграцией с Севера не слишком многочисленного «племени» вандалов. Причем только тех носителей данного этнонима, которых принято считать прямыми предшественниками германских воителей, осаждавших Рим из своего североафриканского королевства, на рубеже Античности и Средневековья.

Что же касается Западной Балтики, древних проливов под названием Wændil, то тут в пользу предположения о наследии изначального «венедского» населения Европейского Норда косвенно свидетельствуют и археологические памятники. С восточной стороны пролива, ведущего к прибалтийской Вагрии и ныне именуемого Малый Бельт, на острове Фюн и прилегающих к нему архипелагах (прежде всего на острове Эрё, *Æгø*), хорошо известны мегалитические дольменообразные кон-

Карта древнейшего административного деления Дании, составленная в конце XIX в. профессором Йоханнесом Стеенструпом. На карте присутствуют упоминутые в статье «венедские» топонимы: в самой северной части Ютландского полуострова, ныне представляющей собой остров Веннсюссель-Тю, отделенный от материковой суши узким Лимфьордом, а также на большом острове Фюн, который расположен восточнее Ютландского полуострова, в непосредственной близости к нему (то есть на пути из Северного моря в Балтийский регион). Вся совокупность мелко набранных (в этом масштабе) географических названий пусть не существенные для нашей темы «венедские» топонимические «блоки» обозначены в статье-

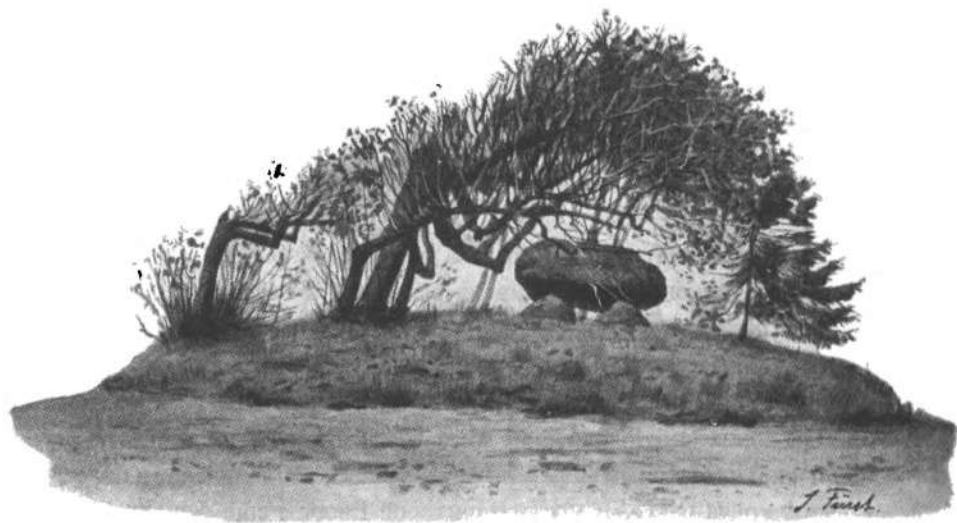
струкции и коридорные гробницы. Они датируются в основном IV тыс. до н.э.¹ Эти мегалиты в целом аналогичны именно тем памятникам, которые восточнее — на острове Рюген и континентальных землях «Северной Славии» — старые немецкие авторы именовали «вендскими древностями», связывая их, таким образом, с предками балтийских славян.

Разумеется, одного этого обстоятельства недостаточно для автоматического распространения подобного именованья на мегалиты ютландских островов. Но дело-то в том, что о «вандалской» («вендильской», «венедской») их приуроченности убедительно говорят уже не поздние свидетельства (они в принципе могли объясняться и поэтичным словоупотреблением применительно к региону балтийских славян-вендов), а подлинные древнейшие гидронимы! Остатки поселений на островах между Балтикой и Северным морем имеют возраст до 10 тысяч лет и более. Это как раз та эпоха, когда невдалеке от материковой Европы еще существовала, по крайней мере в виде крупных островов, легендарная земля «Хроники Ура Линда», «Континент Северного моря». И если эти, ныне ушедшие под воду, земли составляли в этнолингвистическом отношении единое целое с Балтийским регионом, населенном венедами Птолемея, то многие дискуссионные нюансы позднейшей истории Севера Европы приобретают гораздо более стройный и последовательный вид (даже с учетом всей сложности геологической истории послеледниковой Балтики, с ее значительными изменениями уровня моря).

Разрешается спор между сторонниками ютландского и шведского происхождения вандалов. Ведь последние оказываются уже не «замкнутым в себе» локальным и блуждающим по Европе «племенем», а потомками одной из исконных, генетически родственных друг другу палеоевропейских этнических групп, носивших схожие имена. И их позднейшие миграции в эпоху Великого переселения народов выглядят как перемещения внутри единого этноисторического и географического пространства, где жили их предки еще до разделения германцев и славян (а, может быть, и в доиндоевропейскую эпоху). Это обширное метаисторическое пространство вмещает в себя и ютландские проливы, сохранившие память тысячелетий, и район Уппсалы, несомненно, глубоко значительный для изначальной истории культуры и религии Европейского Севера.

Более того, в это древнее и, видимо, глубоко сакрализованное (в мировосприятии людей Древней Европы) пространство без натяжек и противоречий входит также бассейн реки Вислы, которую предки западных славян именовали *Vandalus*. А ведь по этой реке и, конечно, по Рейну открывается путь от венецкого «Северо-западного блока» Северного моря к горным регионам Центральной Европы, к Альпийскому «узлу» взаимодействия древних народов и к венедам Адриатики. Естественно, при таком подходе получает правдоподобное объяснение и знаковая для книги Мавро Орбини концепция северного происхождения множества народов, объединенных им в понятие «рода Славянского».

¹ *Jensen Jørgen*. The Prehistory of Denmark. — London: Routledge, 2003. — P. 85.

Один из ютландских мегалитических памятников — дольменообразная конструкция (так называемый Жертвенный камень, Opferstein, на юге Ютландии, близ Альберсдорфа). Рисунок немецкого художника Юлиуса Фюрста (Julius Fürst; 1861—1938). Около 1895 г.

Что же касается «исходного» гидронима, древнедатского названия пролива-фиорда на севере Ютландии, то этимологизировали его, вообще говоря, по-разному, но, пожалуй, наиболее убедительный вариант связывает его с этнонимом «вандалы»¹. Ведь и у средневековых хронистов народ «вандалы», как вариант, именуются по-латыни *Wendilenses*, «вендильцы»². Германо-скандинавские ученые рассматривали в основном древнегерманскую идентификацию этого этноса, делая на этом основании выводы о его первоначальном расселении. Тем самым они экстраполировали на недостаточно изученный древний Север Европы более поздние лингвистические реалии, засвидетельствованные в истории германских вандалских королевств эпохи падения Западной Римской империи. Не принимались во внимание и свидетельства германских же хронистов, соотносивших вандалов (может быть, субстратных «протовандалов») с предками славян.

Но ведь со всеми этими реалиями (включая средневековые этногенетические предания и смелые топонимические гипотезы современности, касающиеся Древнего Севера) непротиворечиво согласуется концепция палеоевропейского пранарода (или каких-то его этнических групп). Гидронимы, названия водных объектов, — как правило, наиболее древние топонимы; это установлено достаточно надежно для различных регионов Земли. Имя проливов в Северной Ютландии и у острова Фюн, — *Waendil*, — вполне могло быть независимым германизированным вариантом того же слова, из которого произошел латинизированный этноним *Vandali*. Сохранение суффикса *-i* может свидетельствовать как раз о его глубокой, доиндоевропейской древности, а не о позднем заимствовании латинского суффикса германскими языками. Примечательно, что и архаичная гидронимия Скандинавии знает аналоги этому названию (нередко в форме *Vendel*)³. Впрочем, при интерпретации этих названий нельзя забывать о возможной омонимии, о случайных созвучиях, не имеющих прямого отношения к именам древних народов. (Вспомним стереотипный для Дании образ: *Vandborg*, «замок на воде»).

Элнот-Монах (XI—XII вв.), уроженец Англии, живший в Дании и писавший о ней, связывает упомянутую топонимику Северной Ютландии с датским словом *vende*: «поворачивать, обращать»⁴. Версия, объясняющая название датского пролива воз-

¹ Отметим недавнюю фундаментальную работу германистов из Венского университета Александра Зицмана и Фридриха Грюнцвайга: *Sitzmann Alexander, Grünzweig Friedrich E. Die altgermanischen Ethnonyme. Ein Handbuch zu ihrer Etymologie / Hrsg. von Hermann Reichert. — Wien, 2008. — S. 295—296.*

² Например, у Саксона Грамматика (*Saxoniae Grammatici. Historia Danica / Recensuit et commentariis illustravit Dr. Petrus Erasmus Müller. — Partis Prioris Volumen I. — Havniae [Copenhagen], 1839. — P. 588*) и у Свенда Аггессона (*Svend Aggesson, 1140/1150 — ?*): *Svenonis Aggonis filii Compendiosa Regum Daniae Historia a Skioldo ad Canutum VI // Scriptores Rerum Danicarum Medii Aevi, partim hactenus inediti, partim emendatius editi, quos collegit, adornavit, et publici juris fecit Jacobus Langebek. — Tomus I. — Hafniae [Copenhagen], 1772. — P. 58.*

³ См., например: *Rygh Oluf. Norske Fjordnavne. — Kristiania, 1896; Rygh Oluf. Norske Elvenavne. — Kristiania, 1904.*

⁴ *Monachi Aelnothi. Historia Ortus, Vitae et Passionis S. Canuti Regis Daniae // Scriptores Rerum Danicarum Medii Aevi, partim hactenus inediti, partim emendatius editi, quos collegit, adornavit, et publici juris fecit Jacobus Langebek. — Tomus III. — Hafniae, 1774. — P. 355.*

вратным (либо «извилистым, меандрирующим, обращающимся») движением приливных вод, получила определенную известность (хотя всеобщее природное явление вряд ли могло быть расценено как индивидуальная особенность именно этого пролива). Во всяком случае, глубочайшая древность данных омонимических созвучий представляет серьезную опасность для «вандалско-вендской», «пред-славянской» гипотезы. И все-таки эта гипотеза имеет право на существование, хотя бы потому, что сразу объясняет множество противоречивых «нестыковок» древнейшей истории Северной Европы, которые нашли столь экспрессивное выражение в книге Орбини.

Гипотетически допустимо, что в той метаисторической Скандинавии (Скандии, Скандзы и т. п.), которую Орбини настойчиво именует прародиной «рода Славянского», обнаруживаются следы древнего (не средневекового, а гораздо более раннего) «пути Вандалов». Судя по рассмотренной выше топонимике и новейшим сведениям о древней истории Северной Европы (с учетом затонувших земель шельфа), этот путь, возможно, вел от затонувшего «Континента Северного моря» через нынешнюю Ютландию по северному и южному берегам Балтики, на восток — в ту сторону, где Тацит констатирует местообитание венедов и феннов. (Северная «ветвь» этого пути связана с дохристианскими святынями района Уппсалы, южная — с землями балтийских славян или, точнее, их субстратных предшественников.) Косвенно эта топонимика совершенно независимо подтверждает и слова Птолемея о венедах — «величайших народах», обитающих (или некогда обитавших) вокруг всей Балтики.

Кстати, о феннах: ведь именно возле Ютландии, близ пролива, именовавшегося *Waendil*, находится упоминавшийся выше остров Фюн (*Fyn, Fyen, Funen*; лат. *Fionia*). Конечно, это весьма похоже и на случайное совпадение. Но гипотетически (и фонетически) можно допустить, что в древних миграциях северного пранарода по «пути Вандалов» участвовали племенные объединения, чьи схожие между собой названия (дошедшие до нас как «венеды» и «фенны») много позже нашли отражение в топонимике, в этнонимии Тацита и в книге Орбини.

Примечательно, что этнонимические корни *Vind-* и *Fin(n)* — в исторической науке и лингвистике иногда сближались, как родственные по происхождению. Причем это их сродство усматривали очень разные по своему мировоззрению ученые. Например, Герхард Шёнинг (*Gerhard Schøning*; 1722—1780), которого называют первым профессиональным норвежским историком¹, — и выдающийся чешский славист, этнограф и археолог Любор Нидерле (*Lubor Niederle*; 1865—1944) в своем многотомном труде «Славянские древности»².

А что же южное побережье Балтики, много тысячелетий назад обжитое после отступления ледников? Что дают здешние топонимические свидетельства и местные предания? Ведь именно на этих берегах и прибрежных островах находилась

¹ *Schøning Gerhard. Norges Riiges Historie. (История королевства Норвегии) — I. Deel. — Kjøbenhavn, 1771. — S. 169.*

² *Niederle Lubor. Slovanské starožitnosti / Oddíl historický. — Díl 1, Sv. 2. — Praha, 1925. — S. 385.*

«Северная Славия», столь значимая для Орбини и авторов, следовавших той же историографической традиции.

Прежде всего, обширную территорию, заселенную балтийскими славянами (к востоку и юго-востоку от Южной Ютландии, то есть практически от прибрежных земель Северного моря), Альберт Крантц, как уже упоминалось, без колебаний называл «Вандалией», отождествляя в исторической ретроспективе этнонимы «Вандалы» и «Венды». В современной западной историографии такое отождествление считается поверхностным, случайным и произвольным, «донаучным», «не историческим»¹. Что касается кратких записей-пометок хронистов, то в принципе они, конечно, могли иногда произвольно воспроизводить какие-то случайные, более ранние стереотипы (так же, как мы сейчас без глубоких обоснований и размышлений обращаемся к энциклопедиям). Хотя слишком уж «долгоживущим» и единообразным представляется данное умозаключение: количество тут переходит в качество.

Кроме того, глубоко эрудированный в вопросах источниковедения отечественный славист Александр Сергеевич Мыльников (1929—2003) вполне обоснованно считал работы Альберта Крантца, Николауса Маршалка (Nickolaus Marschalck) и некоторых других немецких историков раннего Нового времени своего рода первоисточниками в вопросах славистики. Эти ученые жили в ту эпоху, когда многие славянские народы Балтийского региона, уже в разной степени германизированные, еще сохраняли в довольно значительных компактных анклавах и язык (либо его реликты), и народные традиции, а кое-где даже остатки дохристианских религиозных верований. (Для сравнения: в других областях славянского мира, в частности

¹ Этому вопросу посвящено специальное исследование одного из крупнейших современных специалистов по историческим вандалам Испании и Северной Африки Роланда Штайнахера: *Steinacher Roland. Studien zur vandalischen Geschichte. Die Gleichsetzung der Ethnonyme Wenden, Slawen und Vandalen vom Mittelalter bis ins 18. Jahrhundert.* — Wien, 2002. На основании этого исследования, поистине блестящего с точки зрения исчерпывающей проработки источников и историографических тенденций различных эпох, тем не менее, делаются выводы достаточно частного характера. Автор полагает, что в раннем Средневековье пришедшие в Европу с Востока славяне (тоже весьма дискуссионная и архаизирующая концепция) были кем-то из западных хронистов соотнесены с германцами-вандалами (поскольку славяне именовались схожим образом, видимо, винидами, в древневерхненемецком варианте). Но если бы славяне и в самом деле были совсем чужой восточной «ордой», то зачем было их полтора тысячелетия назад сблизать со «своими» германцами? Подобный механизм мог, наверное, сработать лишь тысячу лет спустя, если бы сами пришельцы (будь они таковыми), укрепляя свои национальные государства, пожелали объявить себя исконными европейцами. И потом, при таком подходе к проблеме вандалов и вендов, получается, что хронисты и историки Запада свыше тысячелетия дружно повторяли эту кем-то сочиненную искусственную концепцию. Это могло соответствовать действительности, если бы абсолютно все хронисты пользовались лишь литературными источниками, копируя друг друга. Но известно, что очень многие ранние историки обращались к этнологии, к живым, устным преданиям. Да и сами венды-славяне Прибалтики еще долго были обширной группой совершенно реальных народов; их традиции и исторические предания, их именованья (пусть и легендарные) западным ученым были известны далеко не только из случайных записей в старинных книгах.

у восточных славян, реликты языческой религии, к тому времени уже полтысячелетия как потесненной христианством, бытовали лишь в виде этноисторического «двоеверия», которое сложно «расшифровать» однозначно.) А потому свидетельства ранних немецких авторов в данном случае неправомерно квалифицировать как случайные или мифопоэтические.

В географических и хронологических пределах существования этой славянской, по А. Крантцу, «Вандалии» обнаруживаются исторические реалии, которые дают основание для весьма перспективных предположений и этногенетических концепций. Эти реалии, по-видимому, имеют непосредственное отношение не только к балтийским славянам, но и к истокам Древней Руси: к сакраментальной для последних веков проблеме происхождения династии Рюриковичей и даже к этническому родству будущих московитов, да и вообще значительной части славян Центральной России.

Если мысленно пройти по этому обширному региону с запада на восток, то весьма убедительно обозначится широтная параллель «Царства Славян» Орбини. Причем она маркирована не только упомянутыми им средневековыми свидетельствами, но и теми историческими реалиями, которые не могли еще быть известны ему и авторам его времени, поскольку были открыты либо стали предметом исследования в европейской науке только в XIX—XX вв.

Первая веха на этом пути — Вагрия, балтийский полуостров на северо-востоке Голштинии (современной земли Шлезвиг-Гольштейн), в раннем Средневековье населенный полабскими славянами-ваграми (некоторые старые источники называют их варинами), входившими в племенной союз ободритов. Вагрия, в нашем мысленном пути на восток, практически примыкает к «венедско-вандальскому» топонимическому региону, к рассмотренному выше субстратному «Северо-восточному блоку» древнейших обитателей побережья Северного моря. Именно из «вандальской Вагрии» — из города с таким названием или из одноименного региона (его так называет не только Альберт Крантц, но и другие ранние немецкие авторы), — согласно историографической традиции, которой следует и Орбини, происходили три брата: Рюрик, Синеус и Трувор, призванные на княжение в Древнюю Русь. Призваны потому, что вандалы «Северной Славии», по словам Орбини, принципиально не отличались от руссов ни языком, ни обычаями, ни верованиями.

Чрезвычайно важно в этом отношении весьма раннее и авторитетное свидетельство австрийского посланника Сигизмунда Герберштейна (Siegmund Freiherr von Herberstein; 1486—1566), чья книга «Комментарии о Московитских делах» (*«Rerum Moscoviticarum Commentarii»*), сейчас обычно именуемая «Записки о Московии») стала одним из важнейших, хрестоматийных описаний Руси начала XVI в. Подолгу живя в Москве, владея несколькими славянскими языками (он был уроженцем Словении), Герберштейн к тому же, как профессиональный дипломат, тщательно выверял любую полученную информацию, сопоставлял различные источники об одном и том же событии.

Николаус Маршалк (1470—1525) — один из тех ранних немецких ученых, чьи труды, содержащие важные сведения о балтийских славянах и с глубоким уважением упоминающие русских князей Балтийского Севера, трактуются в современной этнологии как первоисточник по истории славянства. Согласно исследованиям известного современного историка В.И. Меркулова, корни генеалогического древа Маршалка восходят к «росским» рыцарям «Северной Славии» и еще более древним истокам. Мы воспроизводим портрет Н. Маршалка на ксилографии из городского архива Эрфурта

Так же подходил он и к преданиям древности. И в отношении истоков династии Юриковичей он наверняка суммировал различные услышанные им на Руси варианты предания, когда записал в своей знаменитой книге о Московии в связи с проблемой призвания варягов на Русь: «Мне представляется, что Рутены призвали себе князей из Вагриев (ex Wagriis), или, точнее, из Варегов (Waregis), нежели из людей внешних и отличающихся своей верой, обычаями и наречием»¹. Тем самым варяги, от которых пришел Рюрик (Waregi), приравниваются балтийским славянам-ваграм, или «вагриям» (Wagrii). Причем вагры трактуются как во всех отношениях родственные славянам Древней Руси. Кстати, Герберштейн отождествлял этнонимы «вандалы» и «венды», отмечая, что германцы, именующие славян вендами, произвели второе название от первого, более раннего².

Считавшиеся в свое время бесспорными для Западной Европы генеалогические источники Мекленбурга (до XVIII в.) и исторические исследования некоторых ранних немецких историков этого, уже более восточного, региона, Померании, собственно говоря, не выражают сомнений в «вагрийском разрешении» острейшей проблемы спора норманистов и антинорманистов. Мекленбургские генеалогии — один из немногих источниковедческих «пластов», принадлежащий этой полузабытой традиции и ставший в последние годы предметом тщательного исследования кандидатом исторических наук Всеволодом Игоревичем Меркуловым³. При этом В.И. Меркулов, по его собственным словам, следовал высказываниям по этому поводу Аполлона Григорьевича Кузьмина (1928—2004) — ярко, нестандартно мыслящего исследователя истоков древнерусской культуры, обладавшего тонкой исторической интуицией.

Причем некоторые труды указанных мекленбургских авторов далеко не сводятся только к генеалогическим проблемам (генеалогии, как справедливо отмечают их исследователи, довольно специфичны и порой неизбежно тенденциозны в силу своей «придворной» ориентации). Но наряду с чисто генеалогическими штудиями их немецкие авторы создавали и исторические исследования хроникального характера, продолжающие традицию, которой придерживался славянин Мавар Орбин. Это, например, книга «Гюстровские Анналы, то есть О прославленном среди городов Мекленбургских граде Гюстровия, главном в древнейшем принципате Венедов». Ее автор, историк и поэт Фридрих Томас (1665—1718)⁴, в ней он описывает опустоше-

¹ *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, Sigismundo Libero auctore. — Antverpiae, 1557. — F. 3 rev.

² *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, Sigismundo Libero auctore. — Antverpiae, 1557. — F. 2.

³ В монографии «Откуда родом варяжские гости?» (Генеалогическая реконструкция по немецким источникам. М., 2005) и в многочисленных статьях.

⁴ *Thomas Fridericus. Analecta Güstroviensia, h[oc] e[st] De Inclcya Meclenburgensium Civitate Güstrowia Urbium in vetustissimo Venedorum Principatu principe.* — Güstrowiae et Lipsiae, 1706. Güstrow, лат. Güstrowia — это название славянское по происхождению, связанное со словом «гушчер», *ящер, ящерица*, в одном из наречий балтийских славян.

Сигизмунд Герберштейн в русской шубе, подаренной ему великим князем Василием III в 1517 г. (с рисунка того времени; фрагмент). Это изображение австрийского посланника, приобретшее впоследствии широкую известность, выразительно и точно иллюстрирует миссию Герберштейна в изучении истории Древней Руси и Русского Севера. В частности, «Югорский Дорожник», основанный на преданиях о Крайнем Севере и ныне неизвестный в русском оригинале, дошел до нас лишь в составе «Записок о Московии» — в латинском оригинале и его авторских переложениях на немецкий и итальянский языки. Sigismund von Herberstein. Герберштейн в русском одеянии, пожалованном ему Василием Иоанновичем в 1517 г. (с рисунка того времени) // Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. — СПб., 1908

ние земель балтийских славян в результате Крестовых походов и распространение в Южной Прибалтике германских этнических групп в Средние века. Томас рассказывает об этих трагических событиях с сердечной болью и искренним чувством скорби, — как беды собственной Родины. Заслуженную известность Фридриху Томасу принесло именно это историческое исследование, а не более поздние генеалогические работы, написанные «по случаю». Их можно было бы считать тенденциозными, ориентирующимися на внешнеполитические мотивы, если бы они не опирались на фундаментальный труд, который правомерно назвать славянофильским, внутренне близким книге Орбини.

В той же «вандалской Славии» (или «славянской Вандалии», по А. Кранциу) локализуются и истоки этноса герулов («верлов» в книге Орбини), — еще одна давняя и не решенная окончательно проблема средневековой (или даже позднеантичной) Северной Европы. Участие герулов в воинских походах эпохи Великого переселения народов засвидетельствовано множеством надежных источников. В современной научной историографии герулы обычно идентифицируются как германцы (или воинская элита «варварских» народов Европы: отсюда известный титул «ярл»). Однако авторитетные средневековые хронисты Запада¹ и их называют славянами! Совсем как Орбини, который сообщает, что загадочный Карл Вагрийский обнаружил во Франкфурте старинный манускрипт, подтверждающий славянство верлов. Настолько старинный, что автор манускрипта еще мог застать в живых внуков первоначальных славянских верлов.

Не исключено, что сейчас удалось отождествить возможный вариант этого манускрипта. Это мог быть один из первоисточников, которыми пользовался Иоганн Фридрих Хемнитц, мекленбургский историк XVII в. (1611—1686). В предисловии к своему генеалогическому исследованию он сообщает, что этот рукописный первоисточник, датирующийся 1418 г., был обнаружен в архиве Шверина (не во Франкфурте, как указывал Карл Вагрийский: возможно, другой список?). В манускрипте были указаны имена благородных обитателей мекленбургского региона (в том числе верлов), ведущих происхождение от древних вендских (Wendischen) князей². И некоторые из этих имен, мужские и женские, — несомненно, славянские (например, женское имя Мирислава³), — уже в составленной Хемнитцем «Генеалогии королей, знати и предводителей Мекленбурга» соотносятся именно с городом Верле (Werle). По тексту «Генеалогии...» наглядно видно, как из века в век количество имен славянской знати в этом городе уменьшается, и в «Генеалогии» к Новому времени фигурируют только германские имена. Кстати, указанная Хемнитцем дати-

¹ Пожалуй, самое «классическое» свидетельство у Гельмольда в «Славянской хронике».

² *Chemnitii Joannis Friderici. Genealogia Regum, Dominorum et Ducum Megapolensium // Monumenta Inedita Rerum Germanicarum, praecipue Cimbricarum, et Megapolensium.* — Tomus II. — Lipsiae, 1740. — Col. 1615.

³ *Chemnitii Joannis Friderici. Genealogia Regum, Dominorum et Ducum Megapolensium // Monumenta Inedita Rerum Germanicarum, praecipue Cimbricarum, et Megapolensium.* — Tomus II. — Lipsiae, 1740. — Col. 1657—1658.

ровка манускрипта вполне коррелирует со словами Карла Вагрийского о том, что его автор еще мог застать в живых «настоящих» верлов.

Далее на «пути Вандалов» (разумеется, древних, нордических, а не африканских), к востоку от Мекленбурга и Померании, от «Северной Славии», — выходящие к балтийским берегам земли западных славян. И здесь тоже есть гидронимическая архаичная «веха» нашего гипотетического (а может быть и реального) пути. Это зафиксированное в ранних польских хрониках название реки Вислы (Vistula латинских источников), одной из крупнейших водных артерий бассейна Балтийского моря. Однако в преданиях, восходящих по крайней мере к раннесредневековой эпохе общеславянского единства, эта река именуется иначе — «Вандал», «Vandalus» (в латинизированном лексиконе хроник).

Наиболее ранний первоисточник тут — знаменитая в Польше, чрезвычайно популярная «*Historia Polonica*» («Польская история»), автором которой был епископ Краковский, глубоко эрудированный знаток средневековой и античной латинской литературы Винцентий Кадлубек (Wincenty Kadlubek; 1150 или 1160—1223)¹. Следующая по возрасту хроника, тоже весьма ранняя, широко известная и часто цитируемая, — «*Kronika Boguchwala i Paska*» (на латыни иногда — «*Chronicon Poloniae*»). Ее часто называют просто «Хроникой Богухвала», не анализируя вопрос о том, был ли у нее один автор или два². Не вдаваясь в детали, можно сказать, что Богухвал был клириком из Познани.

Из ранних историков, писавших о необычном названии Вислы, выделяются Ян Длугош (Jan Długosz; 1415—1480), польский ученый, дипломат и католический иерарх, автор «Истории Польши», или «Хроники Длугоша» («*Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*», «Анналы или хроники славного королевства Польского»), а также хорошо известный российскому читателю благодаря ценным свидетельствам о Древней Руси Матвей Меховский, или Меховита (Maciej Miechowita; 1457—1523). О названии Вислы Меховский пишет в «Польской хронике» (*Chronica Polonorum*. — Cracoviae, 1521).

¹ Названия ее варьируются в изданиях разных веков («*Cronica Vincenciana*»; «*Res Gestae Principum et Regum Poloniae*» — «Деяния князей и королей Польши»), равно как и второе имя автора: Kadlubekonis, Kadlubko, Kadlubek. Считается, что это второе имя происходит просто от искажения имени его отца, Богуслава, некогда переведенного на немецкий (Gottlieb) и вновь воспринятого польским языком. Укажем издание времен Орбини и одно из более поздних, академических: *Historia Polonica, Vincentii Kadlubkonis Episcopi Cracoviensis*. — Dobromili, 1612; *Res Gestae Principum et Regum Poloniae / Per Vincentium (Kadlubkonem)*. [Ed. Hipolit Kownacki] — Pars I. — Varsaviae, 1824.

² Укажем издания хроники, которые использовались в работе над этой статьей: Boguphali II. Episcopi Poznaniensis *Chronicon Poloniae cum Continuatione Baczkonis, Custodis Poznaniensis // Silesiacarum Rerum Scriptores aliquot adhuc inediti / Confecit Fridericus Wilh. de Sommersberg*. — Т. II. — Lipsiae, 1730; *Kronika Boguchwala i Paska // Monumenta Poloniae Historica (MPH) = Pomniki Dziejowe Polski / Wydal August Bielowski*. — Т. II. — Lwów, 1872; *Kronika Lechitów i Polaków, napisana przez Godzisiława Baszko, Kustosza Poznanskiiego, w drugiej polowie wieku XIII. Z dawnego Rękopismu Biblioteki Willanowskiéy*. — Warszawa, 1822.

Ранние хроникальные источники и устная народная традиция связывают название реки Вандал с преданием о самоубийстве (возможно, о приношении себя в жертву богам) польской королевы Ванды («принцессы» в более позднем, несколько сентиментальном варианте). Во всяком случае, это название соотносится с ее именем. Сравнительный анализ вариантов предания, включающего в себя ритуальные формулы и уходящего корнями в дохристианскую славянскую культуру или даже в еще более древние эпохи, неоправданно «утяжелил» бы нашу статью, поскольку не имеет прямого отношения к сюжетам книги Орбини. Для нас сейчас важен сам факт соотношения не столько сакрального образа королевы¹, сколько личного имени *Vanda* (польск. *Wanda*) как с гидронимом, так и с названием обитателей бассейна этой реки. Уже у Винцентия Кадлубека говорится: «*Ab Hac, Vandalum flumen dicitur nomen sortitum, quia Eius Regni centrum extiterit: hinc (оттого) omnes sunt Vandali dicti qui Eius subfuere Imperiis.*» — «От Нее² река Вандал называется именем предназначенным, ибо средоточием Царства Ее стала; оттого Вандалы суть все те, кто воспоследовали Ее Власти»³.

Такое именование обитателей бассейна Вислы нередко объясняли тем, что здесь могли некогда жить германцы-вандалы, которые впоследствии мигрировали отсюда, а на их место пришли предки западных славян, поляков. Славяноведы-автохтонисты, считающие праславян единственным местным, автохтонным населением этого региона, вынуждены как-то объяснять считающееся германским название «вандалы» в этом сюжете (допустим, случайным совпадением личного имени Ванды с гидронимом, этнонимом и т.д.) либо просто списывать всё на «легендарность» и поэтический вымысел. Однако очевидно, что «вандалско-венедская» концепция палеоевропейских этносов-родоначальников со сходными названиями устраняет многие дискуссионные допущения, а также необходимость нелегкого поиска косвенных аргументов в пользу идентификации с любым из генетически родственными, но более поздних (средневековых) индоевропейских народов.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в польских хрониках корневая основа этнонима *Vandali* применительно к бассейну Вислы имеет форму *Vand-*. То есть в исторических преданиях западных славян это не венеды, венеты, виниды, венды и т.д., а именно вандалы. Это как раз то именование, которое считают изначальным для предков славян средневековые хронисты, Альберт Крантц, мекленбургские историки и другие авторы той традиции, к которой принадлежит Орбини.

Разумеется, это именование латинизировано, поскольку хроники написаны на латыни. Значит, этноним мог быть «отредактирован» в соответствии с какими-то

¹ Этот образ по наиболее ранним источникам представляется именно таким, древним и священным, вне зависимости от проблемы реального исторического существования средневековой западнославянской правительницы, носившей это имя.

² Прописные буквы воспроизводятся по указанной чуть ниже публикации одного из списков хроники историком Ипполитом Ковнацким (1761—1854).

³ *Res Gestae Principum et Regum Poloniae / Per Vincentium (Kadlubkonem)*. [Ed. Hipolit Kownacki] — Pars I. — Varsaviae, 1824. — P. 26.

античными источниками. И суффикс *-al-* мог быть лишь следствием латинизации. Но ведь с той же долей вероятности допустимо предположить, что латинизированная суффиксация тут просто оказалась в закономерном соответствии с уже упоминавшейся словоформой, включающей в себя чрезвычайно древний (ностратический) суффикс *-l-*, восходящий к праязыковой общности позднего палеолита. А в таком случае и западнославянский гидроним, и название обитателей бассейна Вислы восходят в конечном счете к палеоевропейскому наследию. (Имя исторической королеве Ванде могло быть дано в соответствии с уже забытыми, даже во времена Кадлубека, традициями этого древнего наследия.) Гипотетично? Да, безусловно. Но масштаб ретроспекции получается вполне в духе Орбини, хотя и на основе современных этимологических разработок и совершенно другой методологии, другой понятийной системы.

Попутно отметим, что ранние польские хроники, вообще говоря, несколько неожиданно коррелируют и с «полярно-гиперборейским» аспектом славянской метаистории Орбини, хотя это соответствие легко счесть произвольным, вторичным и литературно-книжным. Но, так или иначе, в «Хронике Богухвала» общеизвестное именование поляков (лат. «Poloni») этимологизируется словом «Polus», причем именно «Северный полюс», и производится «а Polo Arctico», «от Арктического Полюса»¹. Более всего это, конечно, похоже на поэтизированную, искусственную этимологию ученого книжника. Но, справедливости ради, констатируем, что такое утверждение средневекового славянского хрониста можно интерпретировать в том же смысле, что и заявление Орбини о «скандинавско-нордическом» генезисе предков «рода Славянского». Причем эта необычная идея в «Хронике Богухвала» приобретает еще более четкий космологически, «полярный» облик, хотя и применительно лишь к одному славянскому этносу.

Разумеется, в попытках проследить с запада на восток трансконтинентальное измерение «вандалско-венедской» координаты метаисторической географии, отраженной в «Царстве Славян» Мавро Орбини, нельзя забывать об опасности омонимии, случайного подобия слов с такой краткой и весьма частотной корневой основой. Приведем простой пример. Допустим, где-то в Великобритании у моря есть холм, где постоянно дует ветер. Этот холм могли уже в Новое время назвать «Ветренным холмом», и в его название вошло обычное современное английское слово *wind*, «ветер». Некритичный интерпретатор легко может усмотреть тут «Вендский (то есть славянский) холм» (а то и «курган») и сделает далеко идущие выводы, на деле не имеющие ничего общего с древней историей. Поэтому топонимика предпочитает брать за основу гидронимы, имена водных объектов, наиболее архаичные

¹ См., например: *Kronika Lechitów i Polaków*, napisana przez Godziszława Baszko, Kustoszа Poznanskiego, w drugiej połowie wieku XIII. Z dawnego Rękopismu Biblioteki Willanowskiéy. — Warszawa, 1822. — S. 11; *Mosbach August*. Ueber Godyslaw-Paul, einen polnischen Chronisten des dreizehnten Jahrhunderts / Inaugural-Dissertation der philosophischen Facultät zu Jena. — Jena, 1872. — S. 34.

и «консервативные». Вот они-то уже могут, с гораздо большей долей вероятности, свидетельствовать о переселениях и местообитании народов дописьменной эпохи.

Этому принципу пытаемся следовать и мы в поисках североевропейского «пути Вандалов». И, продвигаясь на восток, обнаруживаем, уже в землях балтских народов, реку под названием Вента (Venta), текущую по территории современных Литвы и Латвии. Этот гидроним имеет вид уже скорее не «вандалский», а «венедский», возможно, напоминая о северном пранароде в тех первоисточниках, которыми пользовался Птолемей. В немецком языке эту реку именуют Windau, в польском — Windawa. Может быть, этот вариант произношения — отголосок упоминавшейся выше древневерхнемецкой трансформации исходного этнонима, но однозначно подтвердить это вряд ли возможно.

Представляется чрезвычайно важным, что намеченная здесь «вандалско-венедская ось», обозначившая широтную протяженность «Царства Славян» Орбини и довольно уверенно подтверждающаяся топонимикой, может, на основе исследований современных историков, быть продолжена и дальше на восток — в Русскую землю. А более конкретно — в ее центральные области и в Москву, что делает еще более реальной странную на первый взгляд географию книги «Царство Славян».

Речь идет о вятичах — восточнославянском племенном союзе примерно VIII—XII вв., хорошо известном по древнерусским летописным источникам и по археологическим памятникам. Вятичи жили несколько обособленно от других славянских этнических групп, в глухом лесном краю по берегам Оки, Угры и Москвы-реки, вплоть до ее верховий. Название этого племенного союза сейчас уверенно соотносится с «венедско-венетским» этнонимическим рядом: в древнерусском языке корень «ват-» включал в себя исчезнувший впоследствии носовой звук («вятичи» — более позднее произношение). В польском языке, где носовые гласные сохранились, слово «вятичи» и сейчас пишется Wętycze. То есть в упрощенном современном русском написании вятичи — это «вентичи».

Факт этот давно акцентируется славистами, особенно теми, кто, как Любор Нидерле, подчеркивает общую венетско-славянскую преемственность. Впрочем, попутно отметим, что именно такая преемственность (помимо определения славян-винидов, а впоследствии вендов, у средневековых немецких авторов) подтверждается ранними западными первоисточниками. В широко известном «Житии аббата Колумбана и учеников его» (середина VII в.) сообщается, как ирландский монах-просветитель Колумбан (ок. 540—615) «Venetiorum qui et Sclavi dicuntur terminos adiret»¹ («пришел в пределы Венетиев, которых также называют Славянами»). Речь идет о Северной Италии и, следовательно, об адриатических венетах, однако в «Житии...» говорится о славянах в целом.

¹ Vita Columbani Abbatis et Discipulorumque Eius Libri Duo Auctore Iona // *Monumenta Germaniae Historica / Scriptorum Rerum Merovingicarum Tomus IV.* — Hannoverae et Lipsiae, 1902. — P. 104.

Касательно русских «вятичей» некоторая неопределенность остается в хронологии данного этнонима применительно к славянам центральных областей Древней Руси. Ведь летописные вятичи-вятичи Московии и Калужского края жили во времена создания Повести временных лет или немногим раньше. Было ли их самоназвание таким же и за полтысячелетия до того, когда их этнологическая реальность подтверждается не письменными, а лишь археологическими памятниками? Может быть, в ту эпоху схожий этноним был свойствен каким-то предкам будущих летописных вятичей? Например, это могли быть отдельные этнические группы днепровских балтов (их язык утрачен, сохранились только топонимы), обитавших от водораздела Днепра и Волги до правобережья Москвы-реки. (Балтское племенное объединение «голядь», в произношении летописцев, или «галинды», впоследствии, как известно, участвовало в этногенезе славян этого региона.) Во всяком случае, западнославянский генезис вятичей утверждается и хрестоматийной Повестью временных лет.

В таком случае название вятичей «вписывается» в сплошной ряд этнонимов, протянувшийся от далекой Вагрии близ Северного моря, через земли балтийских венедов Птолемея (возможно, ныне маркированные именем реки Вента), до будущего средоточия Московского государства. Современная археология подтверждает контакты Северной Руси с Балтийским регионом вплоть до эпохи раннего мезолита. Гипотетический «путь Вандалов» к тому же совпадает с путем князя Рюрика, верифицированным, как оказывается, даже не вековыми, а многотысячелетними родственными связями. Основа для норманистской непримиримой полемики попросту отпадает. А земля вятичей, в «вандалско-венедском» ракурсе, становится восточным форпостом Северной Руси, причастной географии «Царства Славян» Орбини, — уже совсем не «легендарной», как ее иногда именуют, а исторической, в самом современном смысле.

Применительно к проблеме вятичей и их именования существует еще один важный для нашей темы аспект, который уже полтора столетия вызывает заслуженный интерес и оживленные дискуссии; поэтому его недопустимо обойти молчанием. Дело в том, что весьма ранние свидетельства именно об этом, вроде бы глухом и обособленном, лесном славянском крае сохранились далеко на Востоке — в арабо-персидской географии (работы авторов «школы ал-Джайхани»¹) и в некоторых хазарских источниках. Это краткие упоминания о «стране Вантит» или «городе Вантит», а также о раннесредневековых народах, чье название схоже с этим загадочным топонимом².

¹ Географы этой школы, основатель которой жил в IX — начале X в., сохранили довольно единообразный корпус свидетельств о восточноевропейских народах, в частности Поволжского региона. Эти сведения в последние полтора столетия часто используются в исследованиях ранней истории народов, живших на территории Древней Руси, поскольку арабо-персидские географические сочинения — это важный самостоятельный первоисточник помимо византийских, западноевропейских и древнерусских летописных текстов.

² В контексте повествования о славянах и руссах. Здесь мы не углубляемся в эти чрезвычайно интересные сведения в их полном объеме и предлагаем заинтересованному читателю обратиться к указанным ниже в комментариях трудам отечественных ученых.

Проблема исследовалась российскими и советскими учеными мирового уровня, что облегчает доступность максимально точного русского перевода этих свидетельств и дискуссий по их поводу для широкого круга современных читателей.

Персидский историк Абу Са'ид Гардизи (XI в.), предположительно, ученик великого энциклопедиста Бируни, в своем трактате «Украшение известий» («Зайн ал-ахбар») сообщает о славянском «городе Вантит». Выдающийся отечественный востоковед академик Василий Владимирович Бартольд (1869—1930) познакомил российского читателя с этим упоминанием еще в конце XIX в., в публикации: «Извлечение из сочинения Гардизи “Зайн ал-Ахбар”. Приложение к “Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг.”». В русском переводе Бартольд оставил под вопросом точный смысл этого сообщения, которое в его работе выглядит так: «В... славян есть город Вантит (?)»¹.

Более конкретно передает смысл загадочного текста Анатолий Петрович Новосельцев (1933—1995) — советский и российский востоковед, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории. Его лингвистические познания (в области как восточных, так и европейских языков) по праву называли феноменальными. А.П. Новосельцев опубликовал исчерпывающую подборку сведений средневековых восточных авторов о славянах, где сообщение Гардизи звучит так: «И на крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит»². Образ «города» здесь передан словом «мадина» (арабск.); переводчиками оно интерпретируется и как главный город какого-то региона, и как окружающие этот город земли. Контекст трактата позволяет считать, что это крайние восточные пределы тогдашнего славянского мира, близкие к Поволжью. То есть общая соотнесенность с землями вятичей имеет место.

Впервые соотнес арабо-персидский образ северной «страны Вантит» с именованием славян-вятичей рижский историк Фридрих Вестберг (Friedrich Westberg; 1864—1920), в конце XIX в.³ Его исследование было напечатано в Санкт-Петербурге в «Известиях Императорской Академии наук»⁴. И впоследствии это соотнесение прочно вошло в краеведческую и энциклопедическую литературу, в частности, применительно к масштабному комплексу средневековых поселений на окраине Воронежа. Но следует заметить, что восточные источники не предоставляют ин-

¹ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг. — СПб., 1897. — С. 122. Опубликовано также в собрании сочинений: Бартольд В.В. Сочинения. — Том VIII. Работы по источниковедению. — М.: Наука, 1973. — С. 59.

² Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. — М.: Наука, 1965. — С. 390.

³ Westberg Friedrich. Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa [Къ разясненію показаній восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ] // Известія Императорской Академіи Наукъ [Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg]. — Том XI, Выпуск 4. — СПб., 1899. — С. 213.

⁴ Еще на два десятилетия раньше связал название вятичей и поволжского народа «В-и-тит» в одном хазарском источнике X в. российский востоковед А.Я. Гаркави (подробнее об этом — чуть ниже).

формацию для сколько-нибудь точной локализации, и в этом отношении остается простор для гипотез. Однако истолкование «страны Вантит» через название вятичей по-прежнему поддерживают многие исследователи древней истории славян, как отечественные, так и зарубежные¹. Из недавних российских публикаций отметим работу томского историка Дарьи Васильевны Смокотиной².

Впрочем, в средневековой географической литературе арабо-персидского Востока есть и другие варианты этого же топонима — Ваит, Вабнит, — может быть, с иной корневой основой, что, конечно, осложняет ситуацию. Разумеется, для ученых Персии это был поистине Крайний Север, граничащий с холодными «Ненаселенными Землями» и близкий к полярному «Морю Мрака», — далекие, чуждые, таинственные края. Так что непредсказуемая вариативность топонимики, основанной на рассказах редких путников и купцов с Юга, торговавших с Поволжьем, вполне объяснима.

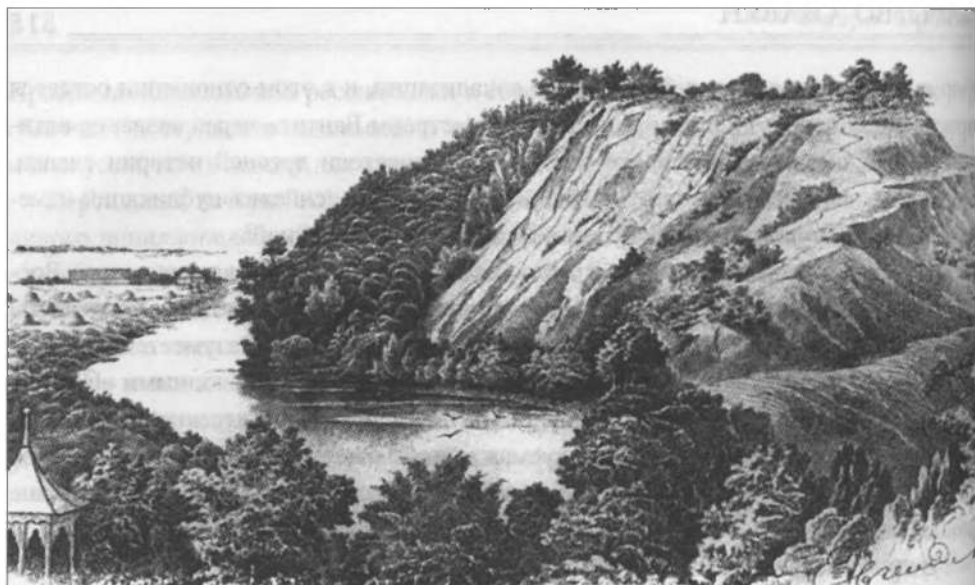
Географические названия на неизвестных арабо-персидским авторам языках северных народов могли быть записаны произвольно, не по единым правилам устойчивых фонетических соответствий; к тому же в каких-то, ныне никому не ведомых диалектных версиях. Кроме всего, эти сведения могли передаваться опосредованно. Люди, рассказывавшие о Севере персидским купцам, возможно, происходили из исчезнувших впоследствии восточноевропейских народов (таких народов было немало, например, в Северном Причерноморье). А значит, различия записанных восточными авторами имен могут уходить корнями не в диалекты персов, арабов, греков или римлян, а в наречия каких-то племен, чей язык нам сейчас вообще неизвестен (в лучшем случае от него остались полупонятные топонимы).

Первый из этих «нестандартных» вариантов обнаруживается у перса по происхождению ученого первой половины X в. Ибн Русте (устаревшее, неточно прочитанное его имя — Ибн Даства³). В составленной им энциклопедии «ал-А'лак ан-Нафиса» («Драгоценные сокровища») он пишет и о Славянской земле. Вот как выглядит его сообщение в первом русском переводе, который выполнил известный востоковед, лингвист, профессор Санкт-Петербургского университета Даниил Авраамович Хвольсон (1819—1911), введший в научный оборот множество прежде неизвестных источников: «От земли Печенегов до земли Славян 10 дней пути. В ближних краях земли Славянской находится город, по имени Ва-и-. Путь туда

¹ См., например, часто цитируемую работу Т. Левицкого «Славянский мир в представлении арабских писателей (многие тексты ранних персидских географов написаны по-арабски): *Lewicki Tadeusz. Świat słowiański w oczach pisarzy arabskich // Slavia Antiqua.* — Т. II, Zeszyt 2. — Poznań, 1949/1950. — S. 346. Польский востоковед Тадеуш Левицкий (Tadeusz Lewicki, 1906—1992) исследовал, в частности, торговые связи славян с Востоком.

² Смокотина Д.В. Вантит — город вятичей // Вестник Томского государственного университета. История. — 2008, № 1 (2). — С. 5—12.

³ Сам этот факт свидетельствует о сложности чтения и интерпретации арабских и персидских имен собственных в не всегда хорошо сохранившихся манускриптах.

На рисунке воронежского краеведа Евгения Львовича Маркова (1835—1903), посвятившего значительную часть своей жизни исследованиям культурного наследия и древних святынь Донской Руси, запечатлены прибрежные холмы («горы») у реки Воронеж. Здесь, на обширной территории протяженностью свыше десяти километров, в конце XIX — начале XX столетия был выявлен впечатляющий комплекс городищ и курганов (в основном VIII—X вв.), который, по предположению многих историков, раннесредневековые персидские географы описывали как «город Вантит» (или «страну Вантит»), на востоке славянских земель.

идет по степям, по местам бездорожным, чрез ручьи и леса дремучие. Земля Славян есть равнина лесистая; в лесах они и живут»¹.

В своих комментариях к этому тексту Д.А. Хвольсон констатирует, что ему не удалось полностью разобрать в манускрипте название города: почерк не везде четок, и количество возможных комбинаций различных арабских букв довольно значительно. Последнюю букву, не внесенную им в опубликованный вариант перевода этого названия, он определяет как «б» или «т». Во всяком случае, он уверенно говорит, что палеографически это не мог быть, допустим, известный на Востоке Киев («Куйаба» арабских авторов). При небольшом изменении очертаний букв может получиться «Краков», в его арабском написании. Д.А. Хвольсон рассматривает это лишь как маловероятный палеографический вариант, поскольку Краков того времени «вряд ли имел тогда такое значение, что мог быть известен арабским писателям»². (Исследователь не утверждает, что малопонятное название из «Драгоценных сокровищ» действительно означает Краков, хотя иногда это место в его работе впоследствии упрощенно толковали именно так.)

Уточняет трудно читаемый текст, опять же, Анатолий Петрович Новосельцев. Согласно его интерпретации, там говорится: «В самом начале пределов славянских находится город, называемый Ва.т (Ва.ит)»³. При очевидной неопределенности прочтения названия славянского города в версии Ибн Русте, позволим себе осторожно предположить, что оно свидетельствует о той эпохе в истории языка восточных славян, когда носовые гласные уже начали утрачиваться и «вентичи» превращались в «вятичей». Однако локализация самого города так и остается загадкой.

Новые аспекты в проблему славянской «страны (города) Вантит» привносит еще один ранний памятник персидской географии, «Худуд ал-Алам» («Пределы мира»; конец X в.), обнаруженный в 1892 г. в Бухаре русским востоковедом и дипломатом Александром Григорьевичем Туманским (1861—1920)⁴. Впрочем, этот памятник, кажется, дает основания для некоторых важных обобщений, имеющих отношение к «вандальско-венедской» концепции, а значит, и к постижению скрытого смысла книги «Царство Славян» Мавро Орбини.

Неизвестный нам по имени персидский географ, автор этой работы, сообщающий некоторые подробности и даже термины из области социального бытия славян (следовательно, человек в какой-то мере эрудированный), знает во всей обширной

¹ Известия о Хозарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах, Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея / В первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон, профессор Санкт-Петербургского университета. — СПб., 1869. — С. 28.

² Там же. С. 125.

³ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. — М.: Наука, 1965. — С. 387.

⁴ Бартольд В.В. Сочинения. — Том VIII. Работы по источниковедению. — М.: Наука, 1973. — С. 504.

«Стране Славян (Saqlab¹)» всего два города. Один из них упоминается явно в том же контексте, что и «страна (город) Вантит» (проблемы второго города не будем касаться, чтобы не усложнять рассказ), но название его звучит несколько иначе. В академическом издании с переводом «Худуд ал-Алам» на английский язык, которое осуществил русский востоковед Владимир Фёдорович Минорский², говорится: «Вабнит — первый город на востоке Saqlab...»³

Восточная локализация позволяет говорить о соотносительности топонима «Вабнит» с землями вятичей. Однако корневая основа здесь вроде бы другая (если это не связано с неточностью прочтения слова, возможно, еще средневековым переписчиком манускрипта). Не углубляясь в проблематику этих разночтений, отметим, что у авторов «школы ал-Джайхани» (в «Худуд ал-Алам», у Гардизи) есть и другой важный для нашей темы термин — схожее название уже не страны (города), а народа (или какой-то этнической группы). Как мы вскоре увидим, это название, с высокой степенью вероятности, имеет особое значение для осмысления «Царства Славян» Орбини.

Этот этноним, точное произношение которого неизвестно, часто записывают, не пытаясь снабдить его гласными: V. n. p. d. r. Впрочем, академик В.В. Бартольд уверенно (хотя, конечно, с некоторой степенью условности) формулировал по-русски название этого народа как «венендеры». Во «Введении к изданию Худуд ал-‘Алам» он перевел из этого произведения персидского географа (из рассказа о народах Поволжья) краткое «Слово об области венендеров», где говорится: «Они люди трусливые, слабые, бедные; доходных статей у них мало»⁴.

Такая не слишком лестная характеристика может объясняться субъективным впечатлением какого-то южного купца (а информация получена географом явно от купца, судя по характеру всего высказывания), побывавшего у осторожных (а не «трусливых»!) обитателей глухих северных лесов. Сдержанная повседневная осмотрительность лесного охотника, который лишь в исключительных случаях мог в одиночку пойти на медведя, была названа «трусостью» торговым гостем с Юга, привыкшим у себя на Родине к демонстративным проявлениям воинского искусства. Бытовые условия на лесном Севере действительно «бедны», там еще не было тогда ни царских палат, ни регулярных армий, ни стремления к жесткой власти над соплеменниками, давно характерного для южных рабовладельческих монархий. В таком случае «венендеров», с учетом их локализации (согласно «Худуд ал-Алам») к за-

¹ Общераспространенное именование славян и их земли в арабском мире. Такая интерпретация этого термина (наряду с «ас-сакалиба») и его вариантов признана большинством востоковедов.

² Владимир Фёдорович Минорский (Minorsky; 1877—1966) — исследователь средневековой персидской географии и литературы, служивший дипломатом в Иране и Турции.

³ *Hudūd al-‘Ālam. The Regions of the World / translated and explained by V. Minorsky; with the preface by V. V. Barthold.* — London, 1937. — P. 159.

⁴ Бартольд В.В. Введение к изданию Худуд ал-Алам // Бартольд В.В. Сочинения. — Том VIII. Работы по источниковедению. — М.: Наука, 1973. — С. 545.

паду от Волги и к северу от хазар¹, можно бы сопоставить и со славянами-вятичами, носителями архаичного уклада жизни. Не случайно их край и князя Древней Руси долго считали дремучей лесной глухоманью (о фонетической стороне такого сопоставления этнонимов — чуть ниже).

Однако этот же народ (под сокращенным названием «нендеры») у Гардизи четко локализуется географически, причем... на Дунае, по соседству с мадьярами! В работе Гардизи «[ве]нендеры» (более многочисленные, чем мадьяры) — христиане². Историки, преимущественно из стран Подунавья (и вообще Восточной Европы), обоснованно трактуют это как свидетельство о предках болгар или о раннесредневековых болгарях-христианах, с учетом древнетюркских коннотаций в культуре и ранней истории болгарского народа.

Гардизи, в связи с мадьярами и их соседями, говорит о землях между Дунаем и Волгой (тюркск. Итиль), где в раннем Средневековье жили наряду с другими тюркские народы. В названии «венендеров» весьма правдоподобны тюркские компоненты: формант -dur (-tur); слово ender, «племя» (среди его вариантов — лексемы «ондор» и «ундур»). На основании этих и других общеисторических аргументов многие тюркологи отождествляют с народом V.n.p.d.r хорошо известные раннесредневековые тюркские племена унногундуrow (хунногундуrow, в транскрипции некоторых русских востоковедов), или оногуров (Οὐννογοῦνδουροι, Ὀνόγοῦροι византийских источников). Эти племена локализируются в Северо-Кавказском регионе и Северном Причерноморье. Они входили и в гуннский племенной союз.

Тюркская этимологизация «венендеров» убедительно аргументирована исторически и географически. Однако с точки зрения сравнительной лингвистики и фонетики переход от зафиксированной византийцами еще в V в. формы Οὐννογοῦνδουροι или Ὀνόγοῦροι к V.n.p.d.r персидских географов «школы ал-Джайхани» все-таки требует целого ряда фонетических преобразований, вызывающих вопросы. При этом есть возможность более прямого истолкования слова V.n.p.d.r, хотя при этом придется отказаться от буквального отождествления с Οὐννογοῦνδουροι (это слово останется греческим, византийским именованием упомянутых тюркских племен). Новое истолкование слова V.n.p.d.r будет означать, что персидские географы гораздо более точно передали исследуемый этноним, чем принято считать.

Для дальнейших рассуждений апеллируем к реконструированным современными учеными формам этнонима — с обозначенными на письме гласными: Venender, или Vanandar. Второй вариант фонетической реконструкции тоже имеет место в современной науке, хотя используется реже. Эти прочтения, в известной мере условные³, тем не менее предложены опытными лингвистами, прекрасно чувствующими логику языка, а потому заслуживают доверия. В связи с формой Venender уже упо-

¹ Бартольд В.В. Введение к изданию Худуд ал-Алам // Бартольд В.В. Сочинения. — Том VIII. Работы по источниковедению. — М.: Наука, 1973. С. 542.

² Там же. С. 58.

³ Поскольку оригинал не дает оснований для точного прочтения.

минался отечественный классик востоковедения академик В.В. Бартольд. Вариант Vanandar использует, например, венгерский историк, фольклорист, специалист по тюркским, монгольским и тибетскому языкам Андраш Рона-Таш (András Róna-Tas)¹.

Так вот, название упоминаемого персидскими географами народа, читать ли его как «ванандары» или «венендеры», может, наверное, рассматриваться как словоформа с удвоением корневой основы. Такое удвоение (редупликация) всего слова или его части широко распространено в словообразовании, в том числе в индоевропейских языках (в частности, для усиления значения: «самый-самый»). Иногда редупликация служит показателем множественного числа. При удвоении одна из «половинок» нового слова часто предстает в сокращенном виде, с выпадением отдельных звуков.

И можно предположить, что при словообразовании загадочного этнонима (в передаче его персидскими географами) имело место удвоение как раз того «блуждающего» именованного — венедов, венетов и т.д., которое в западноевропейском Средневековье устойчиво связывали со славянами. В каком языке происходила исходная редупликация грамматического корня, сейчас трудно определить однозначно. Но окончание этнонима, вполне возможно, представляет собой напоминание о том, что он употреблялся тюркскими народами (редуцированное, слившееся с основным корнем слово *ender*, «племя»). Вся же «формула» приобретает следующий вид: *Vend + Vend + ender = Venender*; или же: *Vand + Vand + ender = Vanandar* (в последнем случае тюркское слово со значением «племя» могло, наверное, иметь диалектный вариант с гласным звуком «а»). При таком обилии схожих звуков часть из них неминуемо должна была выпасть, для более внятного произношения, что и породило известные нам формы. При этом корневая основа могла быть не тюркской, а заимствованной тюркскими языками.

То есть это слово означает «народ Венд-Венд» или «народ Ванд-Ванд», — видимо, венеды либо вандалы, но в ином грамматическом оформлении. Именно эта форма и была известна (может быть, опосредованно) географам «школы ал-Джайхани». Тогда название «страны (города) Вантит», возможно, содержит ту же корневую основу, — но без удвоения и с иным окончанием (из иной языковой среды?). Исследование возможных вариантов этимологии исходного корня потребовало бы слишком пространных для вступительной статьи рассуждений. Но и без того ясно, насколько масштабные выводы следуют из самого этого лингвистического факта (конечно, если предложенная здесь интерпретация верна).

¹ András Róna-Tas. *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History*. — New York: Central European University Press, 1999. — P. 328. Ту же самую форму этнонима воспроизводит в своем обзоре указанной книги венгерского ученого румынский медиевист Александру Мадгеару (Alexandru Madgearu), отождествляющий «ванандаров» с болгарями (*The Medieval Review*. — Western Michigan University, 2000.07.06. — <https://scholarworks.iu.edu/dspace/bitstream/handle/2022/4813/00.07.06.html?sequence=1>).

Ведь получается, что славян называли венедями (вандалами, венетами и т.д.) не только западнее славянского мира, но и далеко к востоку от него, почти в Центральной Азии. В таком случае это именование славян — уже не частный исторический эпизод, восходящий лишь к локальным контактам германцев и славян ориентировочно где-то в районе Баварии, в горных областях Центральной Европы, где возникло древневерхненемецкое слово «виниды» в значении «славяне». Выстраивается трансконтинентальная вандальско-венедская историческая модель, подспудно определившая архитектуру «Царства Славян» Орбини. И выходит, что эта модель в известном смысле предвосхитила сравнительно недавние открытия и истолкования российских и советских востоковедов касательно «страны Вантит» и народа ванандаров (венендеров).

Тут можно отметить также «вандальский» (с гласным звуком «а», а не «е» и не «и») вариант этого слова у персидских географов (это именование праславян считали изначальным и средневековые западные авторы). Причем восточные свидетельства с упоминанием аналогичного этнонима не ограничиваются арабо-персидской географией. Он был знаком и тюркоязычным хазарам. В форме В-н-н-тит (V-n-n-tit; иногда это слово рассматривают как аналог «страны Вантит» или названия племенного союза славян-вятичей) исследуемый этноним упоминается в источнике середины X в. — письме хазарского царя Иосифа «главе ученого собрания» Кордовского халифа Хасдаю ибн Шафруту (Шапруту)¹. В письме, как полагают историки, отражены реалии конца VIII — середины IX в.

Среди своих данников хазарский царь называет и народ В-н-н-тит². Речь идет о населении бассейна Волги («река Итиль»). И не исключено, что в такой форме здесь (и в других, хорошо известных источниках) сообщается просто о торговых пошлинах, взимавшихся хазарами в низовьях Волги с проплывавших по ней купцов, а не о дани как форме жесткой экономической и политической зависимости от Хазарского каганата. Хазары «держали» ключевой пункт, «врата Волги», ведущие в Каспийское море, в Персию и т.д. Плата за проход через эти «врата», за минимальную безопасность и упорядоченность плавания на этом участке великого речного пути, вероятно, была обычным делом для представителей всех поволжских народов, так или иначе участвующих в торговле с Востоком. Но нельзя не учитывать, в оценке словесных формулировок письма, парадно-репрезентативный характер этого документа, с возможными преувеличениями. Хазарский правитель как бы представлял свою страну далекой Кордове, и тот факт, что он контролировал

¹ Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1932. — С. 98. Оригинал и академический перевод текста, с подробными комментариями, в этом издании опубликовал авторитетный российский и советский востоковед Павел Константинович Коковцов (1861—1942), в дореволюционную эпоху — член Императорского Православного Палестинского Общества.

² Термин (в русской транскрипции) воспроизводится по академическому изданию П.К. Коковцова (с дефисами).

проход через «волжские врата», побудил его назвать в письме практически всё Поволжье подвластным себе.

Впрочем, эти детали хазарской истории (нередко вызывающие острую полемику касательно реальных границ Хазарии и ее взаимодействия с соседями) в данном случае не имеют первостепенного значения. Все средневековые источники «парадного» характера, достоверные в своей основе, гиперболизированы или даже мифологизированы в деталях и в словесном выражении. Важен сам факт: ранний восточный текст, вероятно, в известной мере независимый от арабо-персидской географии (учитывая ориентацию хазарской знати на иудаизм, а не ислам), упоминает этническую группу, название которой созвучно «ванандарам» в традиции «школы ал-Джайхани». Разумеется, истолкование слова «В-н-н-тит» неоднозначно. Некоторые востоковеды склонны видеть в нем трансформированное название все тех же упоминавшихся выше унногундугов (оногуров). Этой интерпретации придерживается, например, современный тюрколог и арабист, исследователь восточных источников о Руси, доктор исторических наук Елена Сергеевна Галкина¹.

Примечательный факт: если название В-н-н-тит в письме хазарского царя упоминает о «стране Вантит» персидских авторов, то в этом же письме царя Иосифа есть и очень близкий аналог арабо-персидскому обозначению этнонима «ванандары» («венендеры»). В кратком рассказе об истории хазар их царь упоминает народ, вытесненный хазарами из прежних мест его обитания и переселившийся на Дунай. Вот это место, в переводе П.К. Коковцова:

«В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-т-р'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-т-р'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени "Дуна". До настоящего дня они расположены на реке "Дуна"...»²

П.К. Коковцов подробно комментирует этот сюжет, заимствованный царем Иосифом из какого-то письменного источника («У меня записано...» — говорит он в начале рассказа о предках хазар). Сюжет исторически достоверен и не вызывает принципиальных разногласий у востоковедов. П.К. Коковцов обстоятельно, со ссылками на византийские источники и на более ранние работы российских и зарубежных востоковедов рассматривает сопоставление «В-н-н-т-р'ов» с унногундурами, часть которых под натиском хазар переселилась в Дунайский регион и приняла участие в этногенезе уже славянского болгарского народа. П.К. Коковцов обосновывает позднейшее смешение «В-н-н-т-р'ов» с унногундурами в хазарских

¹ Галкина Е.С. Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. Том 10 (158). Россия и Крым. — М., 2006. Электронная версия: <http://krotov.info/history/10/2/galkina.htm>

² Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932. — С. 92.

источниках палеографической ошибкой, неточным прочтением слова, записанного древнееврейскими буквами (принявшая иудаизм хазарская знать пользовалась древнееврейской письменностью и языком)¹. Согласно предположению П.К. Коковцова, этнонимы וננדר (W-n-g-n-d-r, ун(н) огундуры) и וננור (W-n-gur, оногуры) были у хазар прочитаны как וננר (W-n-p-t-r, «вененеры»)².

Е.С. Галкина склоняется к тому, что с этнонимом «вененеры» («вененеры») Северного Причерноморья может быть сближено и название поволжского народа «В-н-н-тит», в передаче хазарского источника: «Более перспективным представляется сопоставление В.н.н.тит с народом В.н.н.т.р, тем более что такая конъектура возможна с точки зрения графики»³. Тогда славяне-вятичи вообще исключаются из рассмотрения при анализе хазарского источника.

Но если «вененеры» («вененеры») — однозначно унногундуры, исторически неоспоримые тюркоязычные предки дунайских болгар, то это сокрушительный контраргумент против предложенного истолкования слова «вененеры» как редуцированного именованного «предславян», венедов (хотя в текущей терминологической системе Орбини любые «предславяне», предки славян — уже «род Славянской»). Да и вся «вандальско-венедская матрица» применительно к восточным сообщениям о «стране Вантит», народе В-н-н-тит и о «вененерах» ставится тогда под сомнение этими историческими фактами. Впрочем, повременим с окончательными выводами. Историческая наука обладает свойством удивительной «нелинейности», и может оказаться, что внешне противоречивые выводы на самом деле в равной степени справедливы и взаимно дополняют друг друга, открывая новые перспективы более широких и неожиданных обобщений.

Е.С. Галкина приводит и весомое лингвистическое возражение против сближения этнонима В-н-н-тит со словом «Вантит» у персидских географов и соответственно с названием славян-вятичей: «Невозможно объяснить присутствие подряд двух букв *нун* в этнониме В.н.н.тит в случае, если это вятичи. Как в арабском, так и в

¹ По-видимому, у хазар, как и у многих других народов степной зоны Евразии, одновременно существовала и исконная для многих раннесредневековых тюрков руническая письменность, известная ныне во множестве вариантов и эпиграфических памятников. Первоначально их называли тюркскими или орхоно-енисейскими рунами; сейчас — рунами евразийских степей. Эти памятники обнаруживаются на огромной территории, по крайней мере от Енисея до Поволжья. Вероятно, эта система письменности использовалась и западнее, и севернее обозначенного региона (по крайней мере, в виде отдельных тамгообразных символов, которым придавалось магическое значение). Существовали и рунические книги (в этой, а не северо-европейской системе рунического письма), хотя находки их чрезвычайно редки.

² Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932. — С. 92.

³ Галкина Е.С. Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. — Том 10 (158). Россия и Крым. — М., 2006. Цит. по электронной версии: <http://krotov.info/history/10/2/galkina.htm>

древнееврейском письме наличие двух подряд одинаковых согласных означает не удвоение¹, а напротив, присутствие между этими согласными краткой гласной².

Однако это возражение, пожалуй, вполне может свидетельствовать как раз в пользу предложенной выше гипотезы о бытовании на средневековом Востоке вышеупомянутой словоформы с удвоением, но не одной согласной «н», а всего исходного именованного того древнего европейского этноса, который известен как венеды, венеты, вандалы и т.д. «Краткая гласная» могла быть реликтом второй «половинки» редуцированного слова (если тут действительно имела место редупликация). Тогда поволжский народ «В-н-н-тит», в хазарской записи, расшифровывается как «Вен(т)-(Ве)нт-ит». И вентичи-вятичи вновь возвращаются как вариант интерпретации поволжского этнонима (либо же корневая гласная тут не «е», а «а», и перед нами «вандалский» вариант этнонима).

Необходимо отметить еще один принципиальный момент. Вспомним главный аргумент П.К. Коковцова, уже в связи с «венендерами»: формальное, палеографически неверное прочтение слова «унногундуры» в каком-то манускрипте. Об аналогичной конъектуре, «возможной с точки зрения графики» (для этнонима «В-н-н-тит»), пишет и Е.С. Галкина. Разумеется, таких ошибок в истории было великое множество, и в данном случае нечто подобное вполне могло произойти.

Но тогда выходит, что случайная ошибка (скажем, допущенная в той записи преданий об истории хазар и об унногундурах, на которую ссылается в своем письме хазарский царь) была без колебаний воспринята и растиражирована не только какими-то далекими от реальной жизни переписчиками древнееврейских текстов, но и арабо-персидскими географами (поскольку их «венендеры» на Дунае — явно тот же этнос, что и в письме хазарского царя). Получается, что никто из персидских ученых «школы ал-Джайхани» (даже из круга фантастически много знавшего Бируни) эту ошибку хазарского источника не исправил и не стал называть унногундуров более точно. Мало того, географы «школы ал-Джайхани» пользовались в рассказе о Восточной Европе сведениями еще IX в. (это надежно доказанный факт). А ошибка в письме хазарского царя (если это ошибка) допущена, скорее всего, в X в., примерно на столетие позже!

Предполагать, что неверное прочтение происходит из какого-то еще более раннего древнееврейского источника, конечно, можно. Но каким же солидным должен был быть авторитет этого текста, чтобы ему, не раздумывая, следовали ученые мужи независимо от своей национальной и религиозной принадлежности?

¹ Речь об удвоении согласной «н» или о долгом звуке «н». Е.С. Галкина не принимает нередкое в XX в. прочтение этого слова как «Вантит» (вариант «страны Вантит» арабо-персидской географии).

² Галкина Е.С. Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. — Том 10 (158). Россия и Крым. — М., 2006. Цит. по электронной версии: <http://krotov.info/history/10/2/galkina.htm>

Если же никакой путаницы тут нет, то, значит, в исторически точном рассказе о тюрках-уногундурах (в том числе о тех из них, кто переселился на Дунай и вошел в число предков средневековых болгар-славян) они почему-то названы (и хазарами, и персами) другим этнонимом, приблизительно реконструируемом как «Венд-Венд» («Ванд-Ванд»). И, если не выстраивать сложную последовательность фонетических преобразований и лексических заимствований, если доверять средневековым свидетельствам и не выставлять их авторов слабоумными «донаучными» авантюристами, можно сказать: по-видимому, «вездесущий» этноним венедов, венетов, ванд(ал)ов в Средние века иногда почему-то соотносили и с тюркскими народами (не индоевропейской, а алтайской языковой семьи). Не напоминает ли такая непривычная этнонимия «странные» высказывания Орбини, который называл «родом Славянским» (то есть «Венедским» или «Вандальским», в его системе обозначений) также и тюрков — например авар и гуннов? Последние (лат. Hunni) особенно заметно близки уногундурам (хунногундурам) исторически и этнонимически.

Теперь самое время сказать о том, что был ученый, блестяще знавший и языки, и книжность Ближнего Востока, — ученый, который высказал, в виде разрозненных заметок и предположительных, разновременных суждений, главные, «опорные» моменты аналогичных идей касательно средневековых восточных сведений о славянах. Некоторые из его суждений полуторавековой давности, как представляется сейчас, намечают основу для ответа на многие вопросы, возникшие в ходе дальнейших исследований по столь сложной и интересной теме. Это российский востоковед Авраам Яковлевич Гаркави (1835—1919) — первооткрыватель обширного корпуса арабо-персидских свидетельств о славянах в своей донныне постоянно цитируемой книге «Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X века по Р.Х.)». — СПб., 1870¹. А.Я. Гаркави издал также ряд важных статей и публикаций в различных сборниках по теме восточных сведений о Древней Руси, в том числе подробно комментированный перевод письма хазарского царя Иосифа. Этот перевод впоследствии оказался вне поля зрения многих читателей, изучающих русскую историю, поскольку он вышел в составе историко-литературного сборника «Еврейская библиотека», выходившего в Санкт-Петербурге с 1871 по 1880 г. Сборник действительно был в значительной мере посвящен более поздней еврейской литературе. Однако в его исторический раздел была включена и вышеназванная публикация А.Я. Гаркави, поскольку хазары пользовались древнееврейским языком.

Так вот, в комментариях к письму хазарского царя, представляющих собой самоценные этимологические разработки по малопонятным сейчас названиям и терминам, А.Я. Гаркави предполагает, исходя из контекста письма, что «под загадочным именем Веннит, как кажется, следует разуметь Вятичей, коих первоначальное

¹ В 1871 г. в Петербурге были изданы также авторские «Дополнения к сочинению “Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских”».

название было Вентичи»¹. То есть речь идет о предках летописных вятичей, в чьем именовании еще сохранялся носовой гласный звук (или так называемый «смешанный дифтонг» — «ен»). Судя по итогам археологических исследований уже XX в., эти «Вентичи», скорее всего, жили несколько южнее Московии, где они обосновались уже в летописную эпоху.

Предположение А.Я. Гаркави относительно этого упоминания славян Центральной России как раз и стало основой для множества современных энциклопедических соотнесений вятичей с «народом В-н-н-тит», который был известен хазарским источникам. Однако в процитированном исследовании российского востоковеда есть еще одно, не менее значительное этимологическое истолкование, объясняющее этноним «Венендеры (Ванандеры)» арабо-персидской географии, — также в славянском ключе. А.Я. Гаркави, как и многие современные ученые, считает их предками дунайских болгар, обитавшими в Северном Причерноморье и контактировавшими с Кавказским регионом. И добавляет: «Они называются в армянских источниках Вананд, от старинного названия славян, — Венды, Винды, что вместе с тюркским окончанием множественного числа *-тер* составляет Ванантер, или Вененер (вместо Венендтер)»².

Эта интерпретация может рассматриваться и как подтверждение нашей гипотезы о том, что в персидских географических источниках действительно употреблена форма всё того же «вандальско-венедского» этнонима с удвоением. Лексема «Вананд» вполне закономерно могла получиться из первоначального «Ванд-Ванд» (а чередование корневых гласных «а» и «е» в данном случае, как мы видели, допускают и А.Я. Гаркави, и востоковеды XX в.). Редупликация (удвоение) корневой основы имеет место и в армянском языке. Впрочем, в древнеармянских источниках, разумеется, может присутствовать и название славян, заимствованное из какого-то другого языка.

Что же это за источники? Для публикации в литературном альманахе А.Я. Гаркави ограничился сравнительно краткими комментариями. Однако четырьмя годами ранее он напечатал свой перевод «Хазарских писем» на немецкий язык — в шестом томе сборника «Russische Revue», посвященного духовной жизни России. Комментарии там более пространные. Вятичи в связи с «народом Веннтит» еще не упоминаются; видимо, эта идентификация была сформулирована позднее. А вот «Ванантеры / Вененеры» («Wenenter, Wananter, Unnutur» в немецком издании) рассматриваются в еще более широком венетско-славянском контексте: Гаркави сбли-

¹ Гаркави А.Я. Сообщения о хазарах. А. Хазарские письма. (По рукописям Императорской Публичной Библиотеки) // Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. Том VII. — СПб., 1879. — С. 165.

² Там же. С. 164. Гаркави предпочитает для наиболее ранних свидетельств форму «Вененер», а не «Венендер»; точно так же и некоторые слависты XX в. полагали, что в данном этнониме корню «Vend» предшествовала форма «Vent», сохранившаяся в балтийской топонимике и в именовании вятичей-вентичей.

жает корневую основу их этнонима не только с «Вендами» и «Венетами» («Wenden, Weneten»), но и с «Антами» («Anten, Onten»). Приводится и возможное соотношение с древнеболгарским этносом уннугундуров («Hunnogundur»), но лишь со знаком вопроса в конце соответствующего комментария, — главным образом, в связи с окончанием «г», которое в славянском дискурсе необъяснимо («unerklärlich»)¹. Современные тюркологи иногда отмечают последнее предположение, хотя сам А.Я. Гаркави прежде всего обращает внимание на славянские параллели, не настаивая, впрочем, на каком-то одном варианте.

Однозначного ответа действительно невозможно дать и сейчас. В том же комментарии к немецкому переводу А.Я. Гаркави указывает, какой армянский источник он имеет в виду применительно к именованию «Вананд» («Wanand»). Это действительно очень ранний труд — «История Армении», написанная «отцом армянской историографии» Мовсесом Хоренаци² (около 410—490). И слово «Вананд» в этом тексте полуторатысячелетней давности в свою очередь открывает настоящий калейдоскоп нерешенных загадок, по-видимому, имеющих отношение к древней истории (и предыстории) не только славян, но и других народов.

А.Я. Гаркави пишет, что на слово «Вананд» в тексте Хоренаци его внимание обратил один ученый коллега, не упоминая его имени. Возможно, это Никита Осипович Эмин (Мкртич Эмин; 1815—1890), профессор Лазаревского института восточных языков³ в Москве — одного из главных востоковедческих центров в России того времени. Н.О. Эмин родился в Персии и великолепно знал не только армянскую культуру, но и иранский мир, с которым в древности была тесно связана Армения. Член парижского Азиатского общества, Общества любителей Российской словесности, Императорского Московского археологического общества, почетный член Московского университета, он был высокопрофессиональным переводчиком с нескольких восточных языков и автором исследований о древних верованиях армян в сопоставлении с индоиранскими религиозными представлениями. И он опубликовал прокомментированный им русский перевод «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, откуда мы и процитируем соответствующий фрагмент, вот уже полтора века вызывающий научную полемику.

Описывая «устройство» армянским правителем Вахаршаком I (150—128 гг. до н.э.)⁴ западных и северных рубежей своего царства, Хоренаци упоминает «ме-

¹ Harkavy A. Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's (um 960) als Beitrag zur alten Geschichte Süd-Russlands // *Russische Revue. Monatsschrift für die Kunde Russlands*. — Bd. VI. — St. Petersburg, 1875. — S. 92.

² В русских дореволюционных изданиях его называли Моисеем Хоренским. Некоторые западные историки утверждали, что этот труд написан несколькими столетиями позже, но отмеченные ими противоречия легко объясняются позднейшими дополнениями переписчиков.

³ Институт был основан в Москве в 1815 г. армянским родом Лазаревых. В советское время вошел в состав Института востоковедения.

⁴ Его имя по-русски транслитерируется так же, как Вагаршак или Валаршак. Он был братом или сыном парфянского царя Митридата I Великого.

ста, которые впоследствии были заселены переселенцами Вѣхѣндур Булгара Вѣнда¹, и по имени его названы Ванандом. Селения (этих переселенцев) до сих пор² называются именами братьев и потомков его (Вѣнда)³. Область, или провинция Вананд (Վանանդ) упоминается и в других местах книги: описываются отчаянные «разбойники из племени Ванандаци»⁴, обосновавшиеся в лесистых горах, а также то обстоятельство, что «жители Вананда показали чудеса храбрости» в войне с неприятелем⁵. Однако дискуссии историков связаны прежде всего с первым упоминанием — о происхождении названия «Вананд».

Прежде всего, это слово, созвучное «стране Вантит» славян-вятичей, у Хоренаци оказывается не именем народа, а топонимом — именем области на северо-западе Армении (в ее древних границах), где жили переселенцы из Северного Причерноморья. Разночтения в транскрипции этого топонима невелики: некоторые историки и филологи читают его как «Vanant», в соответствии с особенностями западноармянского произношения. Среди них — Виктор Ланглуа (Victor Langlois; 1829—1869), представитель французской школы арменистики. Его перевод «Истории Армении» на французский язык многие считают наилучшим (впрочем, сам он очень высоко ценил русский перевод Никиты Осиповича Эмина). Самый проблемный для нашей темы (условно говоря, «венедский») фрагмент текста Хоренаци в переводе Ланглуа выглядит так: «...la colonie de Veghentour Boulgar de Vount, le pays fut appelé de son nom Vanant»⁶ — «...поселение Вегхентура Булгара Вунта; по его имени страна была названа Ванант».

Как мы видим, здесь присутствует иной вариант имени князя, предводителя переселенцев с севера: «Вунт» («Vount» во французской транслитерации). Эта форма стала основанием для критических замечаний касательно происхождения топонима Вананд (Ванант) от этого личного имени. Вероятно, этому способствовало сравнительно недавнее академическое издание нового французского перевода, которое подготовил известный исследователь позднеантичных и раннесредневековых письменных памятников Жан-Пьер Маэ совместно с Анни Маэ. Имя князя и области на северо-западе Древней Армении там переданы соответственно как Vound и Vanand⁷.

¹ Диакритический знак указывает на очень краткое «е»; в древнеармянском оригинале между этими согласными нет вообще никакой гласной.

² То есть в V в.

³ История Армении Моисея Хоренского. — М., 1858. — С. 81 (Книга II, 6).

⁴ Это русская транслитерация древнеармянского слова. В современных переводах и цитатах обычно пишут: «ванандцы».

⁵ История Армении Моисея Хоренского. — М., 1858. — С. 200 (Книга III, 44), 213 (Книга III, 56).

⁶ *Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie*, publiée en français. — Tome II. — Paris, 1869. — P. 82.

⁷ Moïse de Khorène. *Histoire de l'Arménie / Introduction, traduction de l'arménien et notes*: Jean-Pierre Mahé, avec Annie Mahé, — Paris, Gallimard, coll. «L'aube des peuples». 1993. — P. 161.

Разумеется, тут могли сыграть роль разночтения в самих древнеармянских рукописях. Однако ведь многие ученые разных веков, исследовавшие рукописи трудов Хоренаци, останавливались все-таки на «венедском» варианте — «Венд». Его «История Армении» впервые была опубликована в 1695 г. в Амстердаме армянским епископом Товмасом Ванандеци¹ (лат. Thomas Vanandensis; примечательное совпадение!). А в 1736 г. в Лондоне вышло второе, фундаментальное издание древнеармянского текста с параллельным переводом на латинский язык. Публикацию задумал английский историк и богослов (а также философ и математик) Уильям Уистон (William Whiston; 1667—1752); перевод и примечания выполнили его сыновья Уильям и Джордж. И в этом издании они отдадут предпочтение варианту «Венд», когда у Хоренаци говорится о поселении пришедших с севера булгар (в древнеармянском оригинале данный этноним пишется через «у», а не «о»). В латинском переводе это выглядит так: «...ob coloniam Bulgarorum a Vendo quodam illo deductam; qui et ipse ibi habitavit, ab ejus nomine agri Vanandensis nomen traxit»² — «...в связи с поселением Булгар, от некоего Венда, который его основал, который и сам жил там, — от его имени произошло название области Ванандской».

В постраничных комментариях к этому месту Уильям и Джордж Уистоны, консультировавшиеся в процессе работы с востоковедами своего времени, отмечают, что речь идет о волжских булгарах, которые «издревле имели местообитание в Сарматии, у реки Волги». О болгарях-славянах они не упоминают.

Вообще говоря, ключевым словом для идентификации тех переселенцев, о которых говорит Хоренаци, может быть сопровождающее (конкретизирующее?) этноним «Булгар» слово «Вѣхѣндур» (в русском переводе Н.О. Эмина) или «Veghentour» (во французском переводе В. Ланглуа). На уровне современных знаний о раннесредневековых народах Восточной Европы это слово может означать, что переселенцы были из древнеболгарского племенного союза Вогхондор (Wogchondor), который впоследствии мигрировал по Северному Причерноморью к Дунаю и участвовал в этногенезе уже болгар-славян (именно так воспринимается свидетельство Мовсея Хоренаци в современной Болгарии).

Разночтения в написании этого слова переводчиками труда Хоренаци отчасти объясняются тем, что в армянском языке большее количество звуков (и букв), чем в новоевропейских языках; вторая согласная в этом слове не имеет в них аналога и транслитерируется как g, gh, l, lh (или кириллицей, обычно с диакритическими знаками). Поэтому, например, в современном русском переводе «Истории Армении», который выполнил доктор исторических наук, академик АН Армянской ССР

¹ Епископ Товмас (или Товма) Ванандеци (Thomas Vanandetsi; умер в 1711) занимался в Амстердаме издательской деятельностью и опубликовал около двадцати книг на армянском языке.

² Mosis Chorenensis *Historiae Armeniacae* Libri III / Armeniace ediderunt, Latine verterunt, Notisque illustrarunt Gulielmus & Georgius, Gul[ielmi] Whistoni Filii. — Londini, 1736. — P. 90.

Гагик Хоренович Саркисян (1926—1998), говорится, что описываемые у Хоренаци места «из-за колонистов булгара Влндур Вунда, поселившихся там, были названы по его имени Ванандом»¹. В примечаниях к этому свидетельству полуторатысячелетней давности Г.Х. Саркисян допускает, что это малопонятное слово могло быть и не этнонимом: «Влндур, возможно, титул, подобно монгольскому *багатур* (русс. *богатырь*), или название одного из болгарских племен, упоминаемого в армянской «Географии» VII в. как *олконтор*».

И тут возникает сразу несколько проблем, или исторических загадок. Ведь переселение древнеболгарских племен на Дунай и формирование того болгарского южнославянского народа, который известен по многочисленным письменным источникам, — это события, происходившие в эпоху раннего Средневековья. Но Хоренаци повествует в данном случае о временах эллинистических, о II столетии до Рождества Христова! К тому же племенной союз Вогхондор — древнетюркский. А имя князя северных переселенцев у Хоренаци (Вѣнд, Վնդ), при всех особенностях его древнеармянской записи и разночтениях в научной транслитерации, уверенно ассоциируется если не с конкретными славянскими этническими группами, то с венедами, венетами и т.д. То есть с теми этносами Древней Европы, которые у Мавро Орбини обозначены как «род Славянской», — с «предславянами», по убеждению многих славистов последующих веков.

На этом основании еще в XIX в. некоторые ученые (в том числе западные, не русские и не армянские), руководствуясь не национальными и политическими приоритетами, а лишь логикой этнолингвистического исследования, пришли к выводу, что перед нами одно из самых ранних свидетельств о славянах. (Точнее было бы сказать: о «венедах, или вендах», но тогда для многих исследователей это были практически синонимы.) Такое свидетельство, даже зафиксированное в форме этногенетической легенды (все-таки и Хоренаци писал о князе по имени Венд, приведшем свой род в Северо-Западную Армению семь веков спустя), сопоставимо с «Привилегией» Александра Македонского славянам, рассмотренной в начале этой статьи.

Собственно говоря, и Никита Осипович Эмин в примечаниях к своему переводу этого сюжета у Хоренаци, избегая сенсационных заявлений, не свойственных академическому исследованию, все-таки, похоже, склоняется к праславянской («венетской», в расширительном значении) идентификации этих «Булкар». Он перечисляет различные точки зрения касательно этнической принадлежности волжских болгар, упоминая в том числе и славянскую гипотезу. И добавляет: «Предоставляя

¹ *Мовсес Хоренаци. «История Армении» в трех частях, рассказанная Мовсесом Хоренаци по просьбе Сахака Багратуни / Перевод с древнеармянского, введение и примечания Гагика Саркисяна. — Ереван: Айастан, 1990. — С. 61.* В этом издании в слове «Влндур» отсутствующий в русском языке звук передан буквой «л» с точкой внизу; иногда этот диакритический знак в научно-популярных публикациях опускают из соображений простоты набора и чтения.

специалистам решение этого вопроса, мы со своей стороны обратим их внимание на собственные имена, встречающиеся в рассказе Армянского историка об этих выходах, а именно на Вѣхѣндур, Булкар, Вунд или Венд (Венет?) и, наконец, на Вананд страну, где поселились эти пришлые Булкары. Внимательное исследование этих имен, быть может, уяснило бы сколько-нибудь вопрос, занимающий ученый мир Славянский. Ибо я должен сказать, что в этих именах не слышно духа Армянского»¹.

Н.О. Эмин там же отмечает, что «многие из европейских ученых» на основании этого сюжета у Мовсеса Хоренаци «сделали заключение о историческом существовании Славянских Болгар еще во II веке до Р.Х.». И называет имена двух ученых, придерживавшихся такой точки зрения. Это действительно серьезные исследователи, а не романтические беллетристы, не «вольные художники» от науки.

Карл Фридрих Нойман (Karl Friedrich Neumann; 1793—1870), немецкий востоковед, профессор-арменист Мюнхенского университета, в работе «Опыт истории армянской литературы» комментирует упоминание Мовсесом Хоренаци личного имени *Went* и топонима *Wanant* (транслитерируя их именно так). Он пишет: «*Went*, *Wind*, или *Venet* — это общее название большой, широко распространенной Славянской семьи народов; имя предводителя — *Went*, — с одной стороны, характеризует Болгар, тогда как, с другой стороны, воспринимается как Славяне. Этот фрагмент у Мовсеса Хоренаци принадлежит, следовательно, к числу древнейших, где имеет место упоминание Славян»².

Еще большей известностью заслуженно пользуется второй из упомянутых Н.О. Эмином ученых — Карл Риттер (Karl Ritter; 1779—1859). Его по праву именуют одним из основоположников современной географии. Профессор Берлинского университета, член Прусской академии наук, иностранный почетный член Санкт-Петербургской академии наук, изучавший и географию России, он ввел понятие «землеведения» (*Erdkunde*) — сравнительной, «изъясняющей» географии всех регионов Земли, стремясь таким образом постичь взаимодействие земной природы и человеческой культуры. Излагая в своем многотомном труде («Землеведение») рассказ Хоренаци о болгарях, которые около 120 г. до н.э. пришли в Северную Армению³, в провинцию Арарат, в область, именовавшуюся прежде Анапайд, а с тех пор названную Ванант (Вананд), по имени предводителя болгарской колонии (Вунт, или Венд), Карл Риттер говорит: «Уже само имя предводителя, которое напоминает общее название Славянских народов — Венеды, Венды, Винды, — свидетельствует, само по себе, об истинности весьма древнего сообщения»⁴.

¹ История Армении Моисея Хоренского. — М., 1858. — С. 283.

² *Neumann Carl Friedrich. Versuch einer Geschichte der armenischen Literatur, nach den Werken der Mechitaristen frei bearbeitet.* — Leipzig, 1836. — S. 48.

³ В ее древних границах.

⁴ *Ritter Carl. Die Erdkunde von Asien.* — Bd. 7. Abtheilung 1. Das Stufenland des Euphrat- und Tigrissystems. — Berlin, 1843. — S. 590.

MOSIS CHORENENSIS
HISTORIÆ ARMENIACÆ
LIBRI III.

Accedit ejusdem Scriptoris

EPITOME GEOGRAPHIÆ.

PRÆMITTITUR

P R Æ F A T I O.

QUÆ DE

LITERATURA, ac VERSIONE SACRA ARMENIACA agit ;

ET SUBJICITUR

A P P E N D I X.

QUÆ CONTINET

EPISTOLAS DUAS ARMENIACAS,

Primam, CORINTHIORUM ad PAULUM Apostolum, Alteram, PAULI Apostoli ad CORINTHIOS; nunc primùm ex Codice MS integrè divulgatas.

Armeniacè ediderunt, Latine verterunt, Notisque illustrarunt
GULIELMUS & GEORGIUS, GUL. WHISTONI Filii,
Aulæ Clarensis in Academia Cantabrigiensi aliquandiu Alumni.

Լատ. եւ երկու քան զիս, որոց քան վարձք բարի 'ի վաստակս Եղբարս :
Λυαδοι ει δυο υπερ το ινα, εις εστι αυτου μισος αγαθος τε μοχθη αυτου. Eccles. IV. 9.

L O N D I N I :

EX OFFICINA CAROLI ACKERS TYPOGRAPHI

Apud JOANNEM WHISTONUM BIBLIOPOLAM.
MDCCLXXXVI.

Титульный лист второго издания (лондонского, 1736 г.) «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (Mosis Chorenensis Historiae Armeniacae Libri III. — Londini, 1736) — выдающегося древнеармянского историка V в. Армянский текст в этом издании сопровождается параллельным переводом на латинский язык. Хоренаци сохранил в своем труде одно из, возможно, самых ранних упоминаний праславян (или, во всяком случае, этнической группы, принадлежавшей к «венедскому кругу»). Это свидетельство неоднозначно трактуется в современной науке и может смело быть названо полузабытым (или вообще забытым) широкой читательской аудиторией

Исходя из общей логики этногенетических преданий, действительно, можно предположить, что Вент (Венд) — это имя народа (племени, рода и т.д.), персонафицированное в образе предводителя-эпонима¹ (вспомним, например, известное славянское сказание о Чехе, Лехе и Русе). Не исключен и такой вариант: если какая-то этническая группа, носившая название, схожее с именем «Вент (Венд)», переселилась в область, уже именовавшуюся «Ванант (Вананд)», то впоследствии в местных легендах более ранний топоним наверняка был бы поставлен в смысловую связь с этнонимом. При этом оба слова могли быть и родственны друг другу в ретроспективе тысячелетий. Короче говоря, «венедский» этнос, восходящий к палеоевропейским народам дописьменной эпохи, переселился в пределах «венедского» же географического пространства². Примерно так, как это представлял и Мавро Орбини в своих метаисторических построениях.

Подобная модель развития событий представляется тем более вероятной, что хорошо известное по средневековым источникам название провинции Вананд³ с главным городом Карс, возможно, принадлежит очень древнему, субстратному топонимическому «пласту» Восточного Средиземноморья и Юго-Восточной Европы. Этот топоним, не армянский по вышеприведенному заключению Н.О. Эмина, вероятно, все-таки более точно произносился в древнеармянском языке как «Ванант» (в соответствии с местной тенденцией оглушения звонких согласных). В таком случае его можно отнести к так называемому «догреческому субстрату» Балкан и Малой Азии. Как отмечает, например, авторитетный отечественный специалист по древнейшей топонимике этого региона доктор филологических наук Юрий Владимирович Откупщиков (1924—2010), один из наиболее характерных суффиксов этих географических названий в древнегреческой записи выглядит как «-vθ-»⁴. Соответственно латиницей его передают как «-nth-», а по-русски «-нт-» или «-нф-».

Ничто не мешает предположить, что топоним Ванант, дошедший до нас в древнеармянском источнике, но существовавший задолго до Мовсеса Хоренаци, представляет собой лексему с удвоением корня и отражает название какой-то этнической группы. Однако, если этот топоним «сдвигается» из II в. до н.э. еще на тысячелетия в глубину времен, то в нем запечатлено именование очень раннего палеоевропейского этноса. Возможно, как раз того, который позже, в античных и средневековых источниках, отобразился в формах «венеды», «вандаль», «венды», «винды» и т.д. И по отношению к нему (вероятнее, к множеству родственных этнических групп, различающихся диалектами праязыка) индоевропейские, уральские, алтайские народы выступают потомками единого «рода». Среди этих этносов и племенных сою-

¹ От древнегреческого ἐπώνυμος, «давший имя».

² Малая Азия и Кавказский регион в истории, мифологии и легендарной генеалогии практически неотделимы от Древней Европы, вплоть до эпохи Средневековья (включительно).

³ В X—XI вв. это было армянское Ванандское или Карсское царство. В настоящее время — турецкая провинция Карс, у границы с Арменией.

⁴ Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. — С. 9.

зов — прямые наследники имени тех незапамятных предков: исторически конкретные венеты, вандалы, винилы, возможно, анты, унногундуры и т.д. И, разумеется, вентичи-вятичи из «страны Вантит» — предшественницы летописной Московии.

Исключительно важен, в связи с «вандалско-венедским» происхождением и предысторией названия вятичей (в метаисторическом дискурсе книги Мавро Орбини), ответ на вопрос: единично ли было это название на крайних восточных рубежах известного нам средневекового славянского мира? Или у него был здесь древний, может быть, еще доиндоевропейский, причем именно «вандалско-венедский» контекст? Ведь только в последнем случае можно обоснованно говорить о преемственности этого летописного названия (наряду с другими упоминавшимися этнонимами) от некоей палеоевропейской этнолингвистической общности. Иначе на первый план выходят сравнительно поздние легенды о происхождении названия вятичей от имени князя-основателя (героя-эпонима) Вятко, приведшего сюда свое племя из западнославянских земель, по собственной воле, в силу каких-то частных обстоятельств.

Похоже, что такой «вандалско-венедский» контекст у вятичей в их местах обитания — в Среднем Поволжье (в расширенном смысле, с включением волжских притоков) — все-таки и в самом деле был, хотя в публикациях последних веков этот контекст «рассыпался» по множеству частных гипотез и поздних малоизвестных публикаций. Однако существуют и надежные средневековые первоисточники (при этом они тоже «обросли» разнородными узкоспециальными предположениями и потому недостаточно знакомы широкому кругу читателей).

Главный из этих первоисточников — древнерусский, середины XIII в. Это краткое упоминание в одном из самых прекрасных и трагичных творений литературы Древней Руси — «Слове о погибели Рускыя земли», к сожалению, сохранившемся лишь фрагментарно. Поэтический его зачин: «О светло светлая и украсно украшенная земля Русская...» давно и по праву получил широчайшую известность по учебникам и хрестоматиям. Как и всякий письменный памятник далекого прошлого, «Слово» содержит и множество внешне неброских, вроде бы второстепенных деталей, которые, тем не менее, становятся предметом исследований, глубоко значительных для истории не только Древней Руси, но и Восточной Европы в целом.

Так вот, «Слово», прославляя эпоху Владимира Мономаха, когда Русь была значительно сильнее, чем во времена монгольского завоевания, упоминает некоторые соседние поволжские народы, которые поставляли мёд («бортничаху») русскому князю. Историки, в том числе публикатор «Слова» (в 1892 г.) Хрисанф Мефодиевич Лопарев (1862—1918), исследователь византийской и древнерусской литературы, отмечали, что это, видимо, панегирическое преувеличение, обусловленное законами жанра. О регулярной дани от соответствующих областей можно говорить лишь для несколько более позднего времени. Однако это уточнение вряд ли хоть как-то влияет на имена упомянутых народов. А среди них, наряду с хорошо известными черемисами и мордвой, назван загадочный народ «вяда». Причем древнерусское

написание этого слова очень точно соответствует именованию вятичей (исключая стандартный этнонимический суффикс «ич»): «Вада». Это написание совершенно четко читается и в современном наборе текста, и в его прекрасном факсимильном воспроизведении в издании Хрисанфа Мефодиевича Лопарева¹.

Не касаясь пока дискуссионного и окончательно не решенного вопроса об этнической идентификации этого народа, сделаем очевидный вывод лингвистического характера. В XIII в. восточнославянские диалекты уже утратили носовые гласные и «вентичи»² стали «вятичами». Но ведь это означает, что народ «вяда», «Вада» древнерусского первоисточника несколькими веками ранее именовался «Венда»! Глухой звук «т» произносился как его звонкий аналог (нередкое фонетическое явление); окончание «а» характерно для многих этнонимов в русском произношении (мещера, печера, литва и т.д.), но это второстепенные детали. Они (как и исторический контекст «Слова») не позволяют буквально отождествить слова «вяда» и «вятичи». Но все равно получается, что «вяда» — этноним «вендский»!

А на каком языке разговаривал этот народ в летописную эпоху Древней Руси, — проблема более частная, хотя и важная для истории Восточной Европы (преобладает интерпретация финно-угорская, логичная как географически, так и контекстуально; некоторые историки говорят о поволжских тюрках). Но мы уже имели возможность убедиться в том, что дело здесь, видимо, в очень давнем генетическом родстве схожих по названиям народов (вспомним хотя бы венетов Античной эпохи: адриатических, иллирийских — и кельтских).

В советскую эпоху «Слово о погибели Рускыя земли» нередко публиковалось и исследовалось историками древнерусской литературы. Предпринимались попытки обоснованной идентификации и этнонима «вяда»³. Тихомиров в связи с этим обратил внимание на тот факт, что в изданном в 1902 г. историком-архивистом, членом Императорского общества истории и древностей российских Сергеем Александровичем Шумаковым (1865—1918) сборнике всевозможных грамот, оброчных книг и выписей из них упоминается этноним «Ватцкая мордва». Ни с вятичами, ни с Вяткой он не связан и обнаружен в материалах Нижегородского края, в документе, озаглавленном «Оброчныя выписи Печерскому Нижегородскому монастырю на

¹ *Лопарев Хрисанф*. Слово о погибели Рускыя земли. Вновь найденный памятник литературы XIII века // Памятники древней письменности. — Вып. LXXXIV. — СПб., 1892. — С. 23, 26 (факсимиле).

² В связи с отсутствием носовых гласных в современном русском алфавите употребляем здесь, как и выше, сочетание букв «ен».

³ См. фундаментальные публикации: *Соловьев А.В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (ТОДРЛ). — Том XV. — М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. — С. 103; *Тихомиров М.Н.* Где и когда было написано «Слово о погибели русской земли» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (ТОДРЛ). — Том VIII. — М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. — С. 238. (Название этого памятника древнерусской литературы разными авторами писалось по-разному; у А.В. Соловьева оно точнее воспроизводит рукописный оригинал.)

реку Пьяну с речками и озерами 1561—1588 гг.». Там упомянут местный охотник на бобров по имени Сюдес Алекин и по национальности «Ватцкая мордва»¹. Хронологически это не так уж далеко от времени создания «Слова о погибели Руския земли» (три века) и географически согласуется с контекстом «Слова». Поэтому «Ватцкую мордву» иногда рассматривают как потомков этнической группы, именованной прежде в древнерусском языке словом «вяды», соотнося ее, естественно, с народами уральской языковой семьи.

И все-таки любые, самые обоснованные гипотезы об идентификации загадочной «вяды» неизбежно «замыкались бы сами на себя», если бы исходили из исследований одного-единственного первоисточника. Однако, к счастью, существует и другой авторитетный первоисточник, также XIII в. Точнее, это целый небольшой «корпус» текстов с дискуссионными вариантами и разночтениями (в данном случае это немаловажный фактор, поскольку есть материал для сопоставления и сравнительных лингвистических исследований). Тексты эти латинские. Необходимо признать, что древнерусский источник, географически гораздо более близкий к описываемому региону, наверняка точнее передает фонетические особенности исходного этнонима. Однако это ни в коей мере не умаляет значение латинских независимых свидетельств, чья история сама по себе остросюжетна и даже трагична, ибо связана с самоотверженным подвижничеством и гибелью почти всех путешественников, обретших эти сведения — внешне неброские (для современного читателя), но чрезвычайно ценные для средневековой истории Восточной Европы.

Речь идет о путевых записях и о пересказах другими авторами свидетельств венгерских доминиканских монахов, побывавших в Древней Руси и сопредельных регионах Поволжья всего за несколько лет (и даже месяцев) до монгольского разорения. В начале 1230-х гг. на Восток отправились четверо монахов. Наверняка на них возлагалась миссия уточнить ситуацию в степной Евразии, где назревали грандиозные перемены, оценить степень монгольской угрозы для европейских государств. Однако и та цель их путешествия, которая фигурирует как основная в реляциях того времени, звучит сейчас романтично и возвышенно; по-видимому, для самих странников она имела глубочайший смысл.

Венгры по национальности, они отправились на поиски своей уже почти забытой прародины, откуда их предки несколькими столетиями ранее переселились к Дунаю, в Паннонию, на земли исторической Венгрии. Известно, что в уральской языковой семье ближайшие родичи венгров — это северные народы, обские угры: манси и ханты. Это не означает автоматически, что предки венгров пришли непосредственно из Югры. Видимо, прародиной в данном случае можно назвать обшир-

¹ *Шумаков Сергей*. Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.). Отдел второй. Книги и выписи из книг (1537—1597 гг.) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). — 1902. Книга вторая. — С. 74. (№ XI. (232/1 и 234/3—237/6). Оброчная выписи Печерскому Нижегородскому монастырю на реку Пьяну с речками и озерами 1561—1588 гг.)

ный регион Северного и Среднего Урала (как с европейской, так и с сибирской его сторон: для более точной локализации недостаточно данных).

В XIII столетии в давно уже христианской дунайской Венгрии еще помнили о том, что где-то на северо-востоке по-прежнему живут люди, говорящие по-венгерски (или на очень близком языке), помнящие традиции предков. Но было известно и то, что они еще остаются в языческой вере, а потому путешествие венгерских монахов приобретало миссионерский смысл. Не будем забывать и о том, что это были доминиканцы, нищенствующий орден проповедников (*Ordo Praedicatorum*), очень давно поставивший во главу угла своей деятельности получение уникальных знаний о мире, в самых удаленных и труднодостижимых его регионах. Свою желанную прародину венгры-христиане по-латыни называли *Hungaria Magna* — «Великая Венгрия». Такого рода географические названия обычно означают большую величину, протяженность; а не какой-то особый властный статус, тем более что речь шла о языческой социальной общности, с уже неизвестной в Европе политической организацией¹.

Из первой группы венгерских странников в пути погибли почти все. Вернулся лишь один, брат Отто, но и он был настолько изнурен тяготами паломничества к земле предков, что умер через восемь дней после возвращения. Письменные материалы его неизвестны. Однако за несколько дней он успел рассказать братии о том, что ему все же удалось в общих чертах узнать путь к «Великой Венгрии». И в 1235 г. в неизведанные края с охранной грамотой будущего короля Белы IV отправились еще четверо венгров-доминиканцев, из которых было суждено вернуться тоже лишь одному, брату Юлиану. Однако он достиг поставленной цели (при всей ее неопределенности и дискуссионности) и оставил письменные свидетельства о своих скитаниях.

Собственно говоря, Юлиан Венгерский (под таким именем он вошел в историю географических открытий) совершил подряд два путешествия. В 1236 г., после продолжительного плавания вдоль черноморских берегов (из Константинополя), он со своими спутниками достиг Тмуторокани (лат. *Matrica*, в некоторых средневековых источниках *Matarcha*, *Matriga* и т.д.). Затем, следуя реке Кубань, они прибыли в земли, населенные аланами, где узнали, что монгольские войска уже продвигаются на запад и находятся сравнительно недалеко. Двое венгров-доминиканцев не решились продолжать путь, но Юлиан и брат Герард (или Бернард), несмотря на то, что был болен, остались тверды в своем намерении исполнить «Божье дело», каким они считали обретение «Великой Венгрии». Измученные голодом и нуждой, без средств к существованию, они 37 дней шли на север через «пустыню» (видимо, по-

¹ Сейчас ясно, что венгерские странники, взыскующие своей прародины, могли встретить лишь рассеянные среди тюркских народов и, может быть, древнерусских княжеств отдельные анклавные потомков переселившихся на запад мадьяр, причем в самых разных местах Поволжья и Приуралья.

лупустынные области Нижнего Поволжья) и наконец достигли «земли сарацинов, которая именуется Веда» («terra Sarracenorum, quae vocatur Veda»)¹.

По-видимому, это географическое название и представляет собой совершенно независимый, латинизированный аналог загадочному поволжскому этнониму «вьяда», знакомому древнерусским авторам. «Сарацины» здесь, возможно, означают язычников, лобых нехристиан. Венгерские странники шли на север из Прикаспийского региона, скорее всего вдоль Волги, то есть именно к Среднему Поволжью. Впрочем, в некоторых списках встречается вариант «Vela»; на этом основании историки иногда сближают его с областью реки Уил на Прикаспийской низменности, к востоку от Волги. Высказывается и резонное возражение: вряд ли беззащитные путники направились бы прямо навстречу наступающим монголам. О соотношении двух вариантов топонима и следующих из этого выводов, весьма важных для нашей темы, мы вкратце упомянем чуть ниже.

В «земле Веда» путешественники по-прежнему бедствовали, нередко ночуя в холода под открытым небом. Большой брат Герард умер, и Юлиан остался один. Чтобы выжить, он нанялся в услужение к одному местному жителю, и вместе с ним отправился в Волжскую Булгарию. Там-то он и встретил женщину, чей язык был близок венгерскому. Она рассказала, что происходит из той самой страны (совсем недалеко от Булгара), к которой стремились венгерские монахи.

Можно ли говорить, что это была именно их взыскуемая прародина? Скорее всего, какие-то группы потомков протовенгров тогда еще компактно обитали в различных местах Восточной Европы. Во всяком случае, Юлиан последовал рассказу встреченной им женщины и действительно достиг земли, где жили люди, чей язык был ему понятен как венгру. Эта земля находилась близ реки Этиль. Так тюркские народы называют Волгу. Однако исследователи текстов о путешествии Юлиана полагают, что речь может идти о Прикамье (может быть, о бассейне реки Белой, притока Камы, то есть о башкирских степях). Ведь именно Кама, самый большой левый приток Волги, издревле считалась началом великой восточноевропейской реки. Поэтому и говорили еще в Античности, что «река Ра» (Волга) стекает с северных Рипейских гор, под которыми иногда подразумевали Урал.

Поволжские венгры радушно встретили Юлиана, но вскоре он отправился в обратный путь: его миссия еще не была выполнена, и о его открытии не знали на Западе. Он проследовал через «Царство мордвинов», через Русь и Польшу, и в начале 1237 г. сообщил о результатах своего путешествия в Венгрии и в Ватикане. А в том же году отправился назад, на Русь. Достигнув ее восточных пределов, он

¹ *Josephi Innocentii Desericii, Hungari, Nitriensis Clerici Regularis Scholarum Piarum De Initii ac Majoribus Hungarorum Commentaria / Quibus accedit circa finem Libri Secundi insigne ac perantiquum Manuscriptum ex Vaticana Bibliotheca depromptum, hactenus desideratum. — Tomus I. — Budaë, 1748. — P. 173. Цитируется по первому изданию манускрипта из Ватиканского архива, которое подготовил Йозеф Дезерициус (венг. József Ince Desericzki, нем. Deseritz, лат. Josephus Innocentius Desericus, 1702—1765, — венгерский клирик из Нитры, города в Западной Словакии).*

встретил беженцев. Монголы уже завоевали Поволжье (те места, где Юлиан недавно побывал, в том числе «землю Веда») и ждали, когда замерзнут болота, чтобы вторгнуться на Русскую землю. Известно, что Юлиан в это время, осенью 1237 г., когда монгольские войска уже сконцентрировались у границ русских княжеств, побывал в Суздале и встретился с князем. А потом вернулся на Родину.

Путешествия Юлиана описаны в составленной с его слов братом Рихардом реляции папе Григорию IX: «О существовании Великой Венгрии» («De Facto Hungariae Magnae»), а также в собственноручном послании Юлиана папскому легату в Венгрии: «Послание о жизни татар» («Epistola de Vita Tartarorum»). В обоих текстах упоминается интересующий нас топоним, подчас в различных вариантах. Причем исследователи восточноевропейской истории отмечают высокую степень достоверности материалов Юлиана. Это обусловлено самой спецификой материалов: они были в свое время исключительно важным и секретным источником сведений о приближении монголов, а потому надежны и «аутентичны»¹.

Русский перевод латинских источников о путешествии Юлиана был выполнен и опубликован советским палеографом-латинистом Сергеем Александровичем Аннинским (1891—1943)². Однако он представил сводный вариант обоих упомянутых текстов. Такая практика время от времени используется учеными, чтобы сделать старинный первоисточник более содержательным и наглядным. Но при этом неизбежны и потери, связанные с неповторимой индивидуальностью каждого варианта: разные списки одного и того же оригинала, конечно, дополняют друг друга, но далеко не механически. В сводном тексте один из вариантов берется за основу, иные формы терминов и всякого рода названий уходят в комментарии, как нечто второстепенное. Между тем, при всей обоснованности выбора главного варианта, может получиться, что какие-то термины точнее сохранились в других списках (даже если в целом эти списки менее надежны).

«Классическое», новейшее, по праву постоянно цитируемое издание латинских оригиналов подготовил венгерский историк Ласло Бендефи (László Bendefy; 1904—1977)³. Это чрезвычайно ценный итог его многолетней работы, учитывающей известные ныне рукописные варианты, к тому же изданные им раздельно. Но представляется, что и старые публикации (а их с XVIII в. было не так уж мало) не утратили своей ценности, особенно в нашем случае, когда речь идет не обо всем

¹ См., например, фундаментальное исследование британского академика, специалиста по венгерской истории Карлайла Эйлмера Макартни (1895—1978): Carlile Aylmer Macartney. *The Medieval Hungarian Historians. A Critical and Analytical Guide*. — Cambridge, 1953. — P. 87.

² Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. — Том III. — М.—Л., 1940. Сетевая версия: <http://www.vostlit.info/>

³ Fontes Authentici Itinera (1235—1238) Fr[atris] Iuliani Illustrantes // *Archivum Europae Centro-Orientalis*, Vol. 7 (*Études sur l'Europe Centre-Orientale*, No 7; *Ostmitteleuropäische Bibliothek* 7). — Budapest, 1937.

многосоставном комплексе исторических и этнологических проблем, а о вариантах и интерпретациях лишь одного географического названия. Осмысление этих ранних изданий позволяет, как вы сейчас увидите, сделать принципиальные обобщения, «работающие» именно на «венедскую концепцию» древнего народа-предка (для многих, давно разделившихся и вроде бы ныне совсем различных этнических групп).

Прежде всего, обращает на себя внимание, что венгерские ученые, готовившие эти ранние публикации, без всяких оговорок и сомнений употребляют в тексте название «земля Веда», а не «Вела»¹. Можно говорить о сложившейся традиции, об авторитете самых первых изданий и т.д. Но само существование такой традиции, почти три века назад, причем среди венгерских авторов, не указывает ли на бытование именно такой интерпретации топонима? Могли существовать какие-то, теперь уже неизвестные, письменные источники, восходящие не только к свидетельствам Юлиана Венгерского, но и к рассказам брата Отто, вернувшегося из самого первого путешествия. Ясно же, что именно венгерские монахи, слушавшие его и относившиеся к любым вестям о своей северной прародине неформально, с сердечной заинтересованностью записывали малейшие подробности его повествования (как позднее — рассказы Юлиана). Наверняка эти записи, даже поспешные и конспективные, потом многократно перечитывались и сохранялись в памяти поколений. Не могли их не учитывать и первые публикаторы текстов Юлиана, возможно, знакомые и с давней устной традицией истолкования его повествований венгерскими клириками.

Получается, что вариант «земля Веда», коррелирующий с современным ему надежным древнерусским первоисточником (где упоминается народ «вьяда»), в свете этой, несомненно, существовавшей традиции выглядит предпочтительнее. Нетрудно предположить, что латинское «Vela» могло быть результатом неточного прочтения слова «Veda», с полустершимся «d». Однако и вариант «Vela» тоже восходит к профессиональной и очень аккуратной публикации рукописи XIII в. из архивов Ватикана². Ее издал в 1859 г. немецкий богослов и историк, который долгое время

¹ Помимо вышеупомянутой публикации Дезериуса, отметим следующие источники: Georgius Pray. *Annales Veteres Hunnorum, Avarum, et Hungarorum, ab anno ante natum Christum CCX. ad annum Christi CMXCVII. deducti ac maximam partem ex orientis, occidentique rerum scriptoribus congesti.* — Vindobonae: Georg. Lud. Schulzsius, 1761. — P. 317 (издал Дьёрдь Прай, György Pray, 1723—1801, венгерский историк, иезуит, библиотекарь в университете города Буда); *Codex Diplomaticus Hungariae Ecclesiasticus ac Civilis / studio et opera Georgii Fejér.* — Tomus IV, Vol. I. — Budae, 1829. — P. 54 (издал доктор богословия Дьёрдь Фейер, (1766—1851); *Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana.* — Sangalli, 1849. — P. 251 (издал Иштван Ласло Эндлихер, István László Endlicher, лат. Stephanus Ladislaus Endlicher, 1804—1849, австрийский лингвист, историк и ботаник, изучавший, в частности, теологию). В этом издании употреблена форма Ueda. Отмечено, что воспроизведен манускрипт XIII в. из Ватиканского архива. Буквы U и V в старых текстах на латинице могли быть взаимозаменяемы.

² *Theiner A. Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia, maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis deprompta, collecta ac serie chronologica disposita.* — Tomus I. — Romae, 1859. — P. 152.

жил и работал в Италии, Августин Тайнер (Augustin Theiner; 1804—1874). И не просто работал как сторонний и независимый ученый: папа Пий IX (в 1855 г.) назначил его префектом архивов Ватикана¹. В некоторых справочных изданиях пишут даже: «тайных архивов Ватикана».

Звучит конспирологически. Однако придется несколько разочаровать тех читателей, которые ожидают услышать о каких-то «страшных тайнах». Хотя ошибки тут нет, речь и в самом деле идет о «тайных» или «секретных» архивах римских пап минувших столетий. Но архивисты предпочитают называть эти материалы личными, индивидуальными документами пап. Много веков назад от этих бумаг и в самом деле могла зависеть судьба и жизнь людей и даже целых народов. Однако геополитическая ситуация с тех пор кардинально и неоднократно менялась. И некогда «тайные» документы становились лишь историческими источниками, — разумеется, очень ценными, хотя бы потому, что они долгое время были неизвестны светским ученым и не учитывались ими.

Поэтому их публикация Августином Тайнером стала событием в науке, в истории церковных организаций нескольких стран и регионов (в том числе тех, которые связаны с историей и предисторией славянства). Он издал полтора десятка томов этих «тайных архивов»! Два тома, вышедшие в 1859 и 1860 гг., посвящены Венгрии: «Древние исторические памятники, проливающие свет на священную Венгрию» («*Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia*»). «*Hungaria Sacra*» здесь указывает не на метафизическую святость земли, а на эмпирические события церковной истории. Однако и текст о поисках венграми своей прародины тоже был включен в это собрание, — текст очень раннего манускрипта, практически современного путешествиям доминиканцев. И в этой рукописи область у северо-восточных рубежей Европы, открытая Юлианом и Герхардом, названа «*Vela*», вразрез с собственно венгерской церковно-исторической традицией прежних публикаций.

Автор этих строк далек от претензии вполне объяснить это разночтение. И все-таки тут можно высказать одно довольно рискованное предположение лингвистического характера, которое к тому же не противоречит «венедской концепции» древнего пранарода Европы (или даже Евразии). А значит, оно опосредованно коррелирует и с метаисторией книги Мавро Орбини.

В рукописной истории путешествия Юлиана Венгерского противоречат друг другу два варианта одного и того же географического названия, отличающиеся единственной буквой: *Veda* и *Vela*. Не включают ли в себя обе версии латинизированного поволжского топонима рефлексы палеоевропейского и древнеанатолийского монофтонгического² комплекса *dl*? Как известно в сравнительном языкознании, он прослеживается не только в древнейших письменных языках Юго-Восточной

¹ *Löffler Klemens. Augustin Theiner // Catholic Encyclopedia. — Vol. 14. — New York: The Encyclopedia Press, 1913. — P. 566.*

² Произносимого как один звук.

Европы и Малой Азии, но и в лексиконе Античности (например, архаичная микенская греческая основа *daburinth-* и классическое древнегреческое *labyrinth-* в слове «лабиринт»). Возможно, это фонетические отголоски глубочайшей древности (в глухом варианте, *tl*, аналогичная фонема знакома индейским языкам Древней Америки). Если эти отголоски-реликты на лесном Севере сохранялись и позже, то любой из этих двух вариантов, *Veda* и *Vela*, демонстрирует не ошибки переписчика (разумеется, возможные), а косвенное указание на древность самого географического названия, записанного в XIII в. Юлианом Венгерским

Коль скоро древнерусский источник («Слово о погибели Руския земли») представляется в данном случае наиболее адекватным фонетически, то, с учетом известного преобразования звуков в древнерусском языке, выстраивается следующая цепочка, уходящая в неизмеримую глубину тысячелетий. «Вяда (с одновременным латинизированным коррелятом *Veda*)»¹ — «Venda» — «Vendla» (с трудным для современного человека произношением *dl* как единого звукового комплекса). В такой глубокой ретроспективе не столь уж важна и эмпирическая языковая «привязка» конкретных стадий этой трансформации: речь идет о праязыках. Тогда, может быть, и корень «Vandal», считавшийся изначальным названием славян (праславян), образовался не в результате суффиксации, а при «расслоении» изначального единого звука *dl*? При этом ни один из двух звуков не был утрачен (фонетическая диссимиляция, «расподобление»). И название славян-вятичей Поочья и Московии — тоже производный, конечный вариант всех этих баснословно древних фонетических процессов.

Следующий поворот в исследовании загадочного топонима из материалов Юлиана Венгерского оказывается не менее интригующим, — именно в рамках избранной нами «венедской парадигмы». Дело в том, что все приведенные выше истолкования «земли Веда» касались ее упоминания в первом из двух латинских первоисточников — в записях рассказа Юлиана братом Рихардом («О существовании Великой Венгрии», «*De Facto Hungariae Magnae*»). Но ведь сам Рихард не участвовал в путешествии с Юлианом и мог, при максимальной аккуратности, не совсем точно зафиксировать что-то в устном повествовании. Прежде всего, разумеется, — незнакомые имена собственные, названия народов и т.п. А обращение к авторским записям Юлиана, к «Посланию о жизни татар» («*Epistola de Vita Tartarorum*»), показывает, что как раз исследуемый нами топоним (точнее, «хороним»²) в этом «Послании...» выглядит несколько иначе.

¹ Это соотнесение, подкрепленное топонимическим материалом и сформулированное в середине XX в. (*Bromberg J. Zur Geographie der Reisen des Dominikaners Julian // Finnisch-Ugrische Forschungen (Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde)*. — Bd. 26, Anzeiger, Heft 2—3. — Helsinki: Redaktion der Zeitschrift, 1940. — S. 68), принято современной справочной и краеведческой литературой России.

² В топонимике это имя собственное какой-либо определенной территории (именно таков смысл древнегреческого слова, соответствующего этому термину), от целой страны до небольшого урочища.

«Послание...» не столь широко известно, как записи рассказа Юлиана Рихардом, и публиковалось реже. Список «Послания...», который нашел немецкий историк Иоганн Фридрих Бёмер (Johann Friedrich Bömer; 1795—1863), издал Йозеф Хормайр, барон Хортенбург, австрийский и немецкий историк и государственный деятель (Joseph von Hormayr zu Hortenburg; 1781 или 1782—1848), в качестве приложения к своей «Золотой хронике Хохеншвангау» («Die Goldene Chronik von Hohenschwangau»)¹, баварской деревни, знаменитой древней королевской резиденцией и сказочно прекрасным замком Нойшванштайн Людвига II. Вскоре после публикации Хормайра моравский бенедиктинский историк Беда Франтишек Дудик (Beda František Dudík, лат. Beda Franciscus Dudík; 1815—1890) издал другой вариант текста². Третий список, который обнаружил ученый-архивист и католический священник, специалист по венгерской церковной истории Вилмош (или Вилмошт) Фракной (Vilmóst Fraknói; 1843—1924), напечатан Ласло Бендефи уже в XX столетии.

Когда Юлиан Венгерский во время своего второго путешествия в 1237 г. находился «у дальних пределов Руси» («in finibus Ruscie»), на ее востоке, перед лицом монгольского нашествия, он узнал, какие конкретно земли уже разгромлены монголами или находятся в состоянии войны с ними. Согласно публикации Бёмера — Хормайра, в то время монгольские войска «овладели Фасхией, Меровией; завоевали Булгарское царство (...). Помимо прочего, они завоевывали и царство Вединт...» («obtinerunt Fasciam, Merowiam, regnum expugnarunt Bulgarum (...). Ceterum et Wedint regnum expugnabant...»)³. Под Меровией иногда понимают земли, населенные народом меря, то есть речь, вероятно, идет о том же регионе, где обычно локализуют «землю Веда». Но названа она несколько иначе. В издании Дудика написание этого слова немного отличается и приобретает форму Wedin⁴. Различаются и названия других стран (кроме Меровии и Булгарии); истолкования их многообразны, составляя одну из самостоятельных нерешенных проблем европейской истории этого сложного времени.

Итак, «царство Wedint». Рискнем предположить, что здесь это не ошибка переписчика, а тот редкий случай, когда оставшийся без должного внимания текстологов вариант рукописи сохранил уникальную авторскую форму слова. Причем она неожиданно оказывается формально ближе именованию летописных славяновятичей, нежели ставшие общепринятыми для двух латинских текстов Юлиана формы Veda и Wedin. (И венгр Бендефи считает «правильной» версию из публика-

¹ Hormayr zu Hortenburg Joseph von. Die Goldene Chronik von Hohenschwangau. — München, 1842. — S. 67—69. В приложениях к этой книге самостоятельная пагинация, независимая от основного текста «Хроники».

² Dudík B. Iter Romanum. — I. Theil. — Wien, 1855.

³ Hormayr zu Hortenburg Joseph von. Die Goldene Chronik von Hohenschwangau. — München, 1842. — S. 68.

⁴ Dudík B. Iter Romanum. — I. Theil. — Wien, 1855. — S. 330.

ции Дудика, и российский ученый С.А. Аннинский в своем сводном тексте берет за основу этот вариант.)

Но давайте для сравнения вспомним средневековые арабо-персидские названия этого региона (земли вятичей, в расширительном, ретроспективном ракурсе). Эти названия сейчас суммированы в уже почти хрестоматийном словосочетании «Страна Вантит», а также «народ В-н-н-тит» хазарской традиции. И топоним *Vedint*, если допустить в нем перестановку двух букв (нередкое явление), мог, наверное, изначально звучать как *Vendit*: «венедский» аналог «Страны Вантит» персидских географов? Сочетание букв «nt» в конце слова (в латинской передаче топонима) могло быть следствием его правки по образцу распространенного латинского суффикса, который выглядит именно так. (Мы все-таки не можем утверждать, что перед нами автограф Юлиана; скорее, это какой-то переписанный вариант, пусть и весьма ранний.) Но в принципе окончание «-nt» могло восходить и к палеоевропейскому субстрату, к тому доантичному суффиксу «-vθ-», о котором говорилось в связи с древнеармянским свидетельством о «земле Ванант». В таком случае этимологическая ситуация выглядит еще интереснее и ближе к основной линии нашего исследования.

Или такой вариант. Возможный параллелизм с латинизированным именем вятичей в «Послании Юлиана» создает буква «t» в конце слова «*Wedint*». Можно отметить, что схожее окончание засвидетельствовано и для обширнейших регионов Крайнего Севера: от неведомого племени *Adogit* в северной части древней Скандзы (Скандинавии), согласно «Гетике» Иордана (III. 19), до эскимосско-алеутских народов (у которых «-it» — показатель множественного числа). Конечно, эти параллели географически весьма далекие и уязвимые для критики, но сходство еще более убедительно, если первоначальной в записках Юлиана Венгерского была форма «*Wendit*». А буква «n» в конце рукописного варианта «*Wedint*» в данном случае могла возникнуть при латинизации ныне неизвестного восточноевропейского топонима (возможно, происходящего от имени какого-то этноса).

Ведь и «народ вяда», известный древнерусским книжникам, не тождествен летописным вятичам (иначе это было бы отмечено), и «царство *Wedint*» — это не земля славян-вятичей, во всяком случае в ее позднем, относительно хорошо изученном варианте. Скорее, эти названия — более древние, и география их распространения была некогда более широкой. А в лексиконе Центральной России и Среднего Поволжья эпохи создания древнерусских летописей пришедшие из прошлого именованья, возможно, считались генетически родственными вятичам (не исключено, что и ими самими). Опять возникает тема пранародов Восточной Европы, тех древних ее обитателей, которых более поздние этнические группы рассматривали как своих предков. Иными словами, тема, ставшая основой книги «Царство Славян» Мавро Орбини.

Для высказанных здесь предположений, подтверждающих концепцию его книги, чрезвычайно важно, что эта необычайно глубокая ретроспективность этногенети-

ческих и лингвистических построений, уходящая в глубины тысячелетий, находит параллели в современных научных разработках и обобщениях метаисторического характера. Причем эти разработки — совершенно независимые; они формально никак не связаны ни с Орбини, ни с далматинским панславизмом.

Праиндоевропейскую ретроспективу «венедско-вандалской этнонимии», в ее северном, «нордическом» ракурсе разрабатывает применительно к топонимике Вятского региона действительный член Русского географического общества РАН Сергей Владиславович Ухов. Наиболее фундаментальная и масштабная по концептуальным выводам его работа, написанная в 2006 г., — «История Вятки как часть этнической истории Восточной Европы»¹. Топоним «Вятка», как и летописные вятичи, и географически принадлежит бассейну Волги, и фонетически выглядит, как слово, производное от этнонима «вятичи». На этом основании некоторые топонимисты еще полтора века назад напрямую связывали друг с другом эти слова, однако такому сопоставлению противоречат исторические свидетельства о летописных вятичах, не заходивших столь далеко на север. Естественно, об их потенциальных субстратных предшественниках, именовавшихся сходным образом, гораздо сложнее говорить так же конкретно.

С.В. Ухов подробно рассматривает различные гипотезы происхождения названия «Вятка» (реки и города), в частности, — от этнонима удмуртов-ватка́ (одна из основных удмуртских территориальных групп). Эта довольно широко распространенная гипотеза, как подчеркивает С.В. Ухов, не согласуется с надежно установленными регулярными фонетическими чередованиями. Вероятнее всего, название удмуртов-ватка́ происходит от имени реки Вятка (а не наоборот). Оно же в свою очередь представляет собой древнерусскую форму этого гидронима. Но и новгородцы, «утвердившие» это имя на века, как это обычно бывает в истории гидронимов, русифицировали какое-то незапамятное название — древнее, субстратное. В поисках этого субстрата С.В. Ухов обращается к балто-славянской языковой общности, сохранившей многие архаичные особенности индоевропейского праязыка. Он доказывает, что, согласно данным топонимики, эта общность в прошлом простиралась на значительно большую территорию, чем принято считать, а контактная зона с древними народами уральской языковой семьи была более широкой и уходила на восток существенно дальше общепризнанных сейчас рубежей. Это имеет отношение и к Вятскому региону.

Касательно еще более раннего топонимического субстрата восточноевропейского Севера С.В. Ухов предполагает, что имеет смысл поискать здесь протоюкагирские коннотации. Юкагирские народы, генетически родственные уральским, были, по-видимому, аборигенами самых северных областей Евразии; жили они и в Европейском Заполярье. Чуть ниже мы увидим, насколько наглядно и убедительно

¹ Ухов С.В. История Вятки как часть этнической истории Восточной Европы (2006). <http://www.nashavyatka.ru/history/etnos.html>. См. также: Ухов С.В. Чепца и удмуртский вопрос. <http://www.glybrary.ru/rukopisi/cheptza-udmurtskiy-vopros.html>

это предположение. Причем оно, видимо, «работает» и на «вандальско-венедскую» концепцию изначальных этнических групп Евразийского континента, столь важную для понимания не только книги Орбини, но и тех этнологических и географических реалий, о которых далматинский гуманист в свое время просто еще не мог знать.

Что же касается региона Вятки и вообще поволжского средоточия нынешней России (в расширительном значении объединяющего и вятичей, и народ «вяда»), желательнее как-то объяснить экзоэтноним «вотяки», которым русские называли удмуртов (в том числе вятских). Если рассматривать этот вопрос не в ракурсе эмпирических фактов последних веков, а в ретроспективе тысячелетий (только такой подход, при всей его дискуссионности, позволяет яснее оценить общую картину, «за деревьями увидеть лес»), то допустимо предположить, что схожий по звучанию этноним (условно говоря, «венедский» или «венетский») воспринимался здесь как региональный термин. Причем воспринимался так разными народами и иногда был самоназванием (вентичи-вятичи, например). А иногда выступал в качестве внешнего именованья, экзоэтнонима (не по региональному ли признаку?).

Что касается удмуртов, то их этнонимию впервые основательно изучил немецкий естествоиспытатель, служивший в России и ставший сподвижником Петра I в исследованиях Северо-Восточной Европы и Сибири, — Даниэль Готтлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685—1735). Об этом пишет российский этноисторик и лингвист с мировым именем, доктор исторических наук Владимир Владимирович Напольских. Он цитирует архивные материалы Мессершмидта: «Что же касается их названия *вотьяк* [*Woitjack*], то это есть внешнее прозвище народности, которое было дано этому народу русскими <...>; а их имя, которое им для себя на их языке издревле служит, есть на самом деле *удмурт* [*Uhd-murt*], *уд*-ские люди [*die Uhdische leute*], так как *мурт* [*Murt*] значит также ‘человек’ (...)»¹.

Здесь можно отметить одну интересную деталь, связанную с фонетическими чередованиями, в контексте сравнительного языкознания. Вообще говоря, в данном случае нет непроходимой пропасти между самоназванием народа и его экзоэтнонимом. Сопоставляя корневые основы *Woit-* (в слове «вотьяк» в записи Мессершмидта) и *Uhd-* (в имени, «которое им для себя на их языке издревле служит»), можно предположить, что вторая лексема представляет собой трансформированный вариант первой. Или, точнее, не самого, сравнительно позднего, слова «вотьяк», с чисто русским окончанием, а какой-то его более древней исходной формы, послужившей прототипом как для русского (индоевропейского), так и для удмуртского (уральского) именованья.

Ведь начальное «W» в истории различных языков довольно легко утрачивается, — как и носовое произношение последующего гласного (либо «смешанный дифтонг» — «еп, ап» — переходит в обычный гласный звук). А если в диахронии-

¹ Напольских В.В. Дважды забытый (Д.Г. Мессершмидт — первый исследователь удмуртского языка и культуры) // *Арт (Лад)*. — Сыктывкар, 1998, № 4. <http://www.komi.com/pole/publ/history/11.asp>

ческой истории обоих этнонимов всё это происходило (что представляется вполне допустимым), то исходная протолексема приобретает, условно говоря, «венетский» облик. Праязыковая общность наречий — предшественников индоевропейской, уральской и алтайской языковых семей, по очень приблизительной оценке самой современной лингвистической макрокомпаративистики, может датироваться мезолитической эпохой. Если вездесущий «венедско-венетско-вандалский» этноним уходит корнями в такую глубокую древность, то получается, что все поздние заимствования и трансформации его «преемников» в Северной и Северо-Восточной Европе происходили в пределах одного и того же «венедского» географического пространства (или пространственно-временного континуума). Та же метаистория Мавро Орбини, — но только в облике современной терминологической парадигмы. И на более обширных просторах Евразийского континента.

В таком контексте небеспочвенным представляется и первоначальное предположение А.Я. Гаркави, когда он в вышеупомянутом сборнике «*Russische Revue*» (1875 г.) соотнес этноним *Wnntit* в письме хазарского царя с гидронимом «Вятка» и с именованьем удмуртов вотяками (хотя сам Гаркави вскоре пересмотрел эту версию в пользу сопоставления с вятичами). Он допускал, что слово, которое в хазарской передаче приобрело вид *Wnntit*, изначально выглядело как *Wontiat*; в русском произношении эта лексема породила слова «вотьяк» и «Вятка»¹.

В этой версии есть определенные натяжки: при утрате назализации древнеславянского гласного русское «Вят-» должно было получиться из «Went-», а не «Wont-». Однако, скорее всего, слово «вотьяк» возникло уже после этих изменений в древнерусском языке и могло оформиться произвольно, по общему созвучию. Но ведь и предполагаемое слово «Wontiat», как мы уже знаем, не было самоназванием удмуртов; значит, и оно в этой версии выступает как их некое внешнее имя, воспринятое русским языком. И мы опять приходим к модели «блуждающего», регионального «венедского» этнонима, который здесь, на территории нынешней Центральной России, только славянами-вятичами воспринимался как собственное именование. Видимо, это относится и к их предшественникам («вентичам»), но об их языке можно судить лишь по топонимике и, может быть, по свидетельствам персидских географов о «стране Вантит» (или городе со схожим названием и т.д.). Увы, эти свидетельства очень кратки.

Примечательно, что в Поволжье есть еще один пример схожего экзоэтнонима — теперь по отношению к чувашам. Их этногенез явно был долгим, сложным и многокомпонентным; древнетюркские традиции, по-видимому, сочетались с какими-то трудноопределимыми влияниями с юга (по мнению некоторых исследователей, вплоть до шумерской цивилизации). Однако их внешнее именование со стороны

¹ *Harkavy A. Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's (um 960) als Beitrag zur alten Geschichte Süd-Russlands // Russische Revue. Monatsschrift für die Kunde Russlands. — Bd. VI. — St. Petersburg, 1875. — S. 93.*

финно-угорских соседей — мордовского народа эрзя — вписывается в схему все того же регионального этнонима. На языке эрзя чувашей называли «ветьке»¹.

Автор-составитель только что процитированного этимологического словаря мордовских языков, Валерий Иванович Вершинин, приводит (там же) и возможные аналоги этому этнониму — географически весьма удаленные, но в рамках нашей «вандалско-венедской» парадигмы вполне правдоподобные и глубоко значительные. Эти аналоги: «odul» как самоназвание колымских юкагиров и «wadul» — юкагиров тундровых. Последнее именование звучит (во всяком случае, формально) прямо-таки «по-вандалски», хотя и с утратой «н». Наверное, этот параллелизм можно рассматривать и как наглядную иллюстрацию к упоминавшимся выше предположениям С.В. Ухова о протоюкагирских следах в вятской субстратной топонимии.

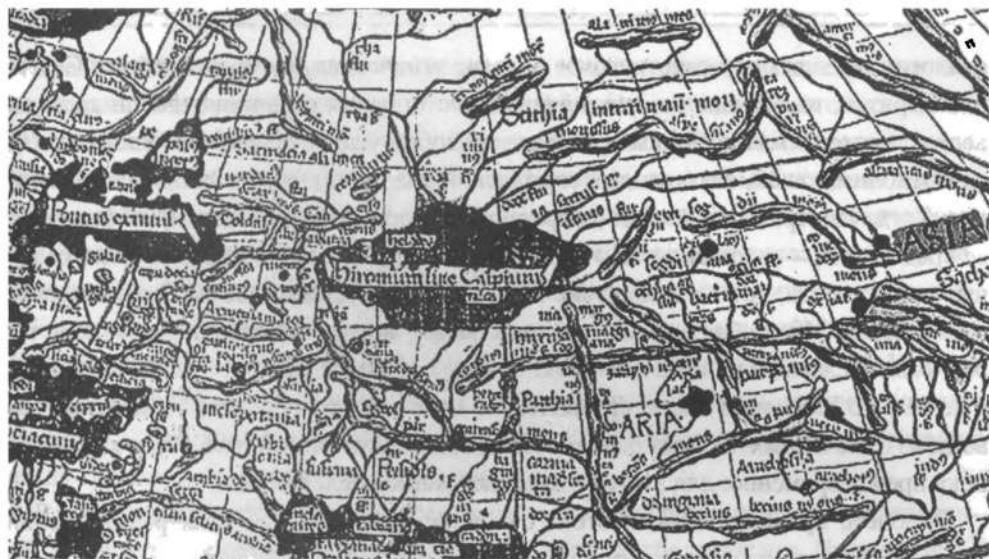
В этнологическом отношении юкагирские народы (в прошлом гораздо более многочисленные), по-видимому, изначально родственные предкам уральских народов, известны современной науке недостаточно хорошо. Но, может быть, имеет смысл напомнить об одной интересной параллели, которая сейчас многим покажется несколько странной и надуманной, — о пиктографической письменности юкагиров на бересте и берестяных грамотах, столь значимых для культуры древнерусского Севера, Великого Новгорода. Во всяком случае, юкагирское берестяное письмо уходит корнями в глубину тысячелетий (это сейчас можно считать доказанной научной истиной) и в такой ретроспективе может смыкаться с истоками традиционной культуры не только Северо-Восточной Азии, но и всего севера Евразийского континента.

Получается, что, начиная с Северной Европы и далее на восток, практически до палеоазиатского региона, прослеживается всё тот же «ускользающий» этноним, но в восточных регионах Евразии в нем утрачивается назализация (либо звук «н» перед «д»): Wandal => Wadul. Для надежного обоснования такой фонетической трансформации, конечно, необходимы исследования регулярных звуковых чередований и грамматической структуры сопоставляемых слов, желательнее с установлением смысловых соответствий не только для всего слова, но и для его компонентов. Во всяком случае, генетически родственные аналоги, столь удаленные географически, возможны лишь при условии очень архаичных корней исходного этнонима, — более ранних, нежели праиндоевропейская и прауральская этноязыковая общность.

В самом современном и полном словаре юкагирского языка, подготовленном Г.Н. Куриловым, «одул» или «вадул» — самоназвание юкагиров². Этот факт заслуживает особого внимания. Если обозначенные здесь «вандалско-венедские»

¹ Вершинин В.И. (Автор-составитель) Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. — Т. 1 (Аба — Кеверь). — Йошкар-Ола, 2004. — С. 50.

² Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. — Новосибирск: Наука, 2001. — С. 336. Словарь набран кириллическим шрифтом, и буква «в» соответствует билабиальному звуку «w» («обычного» звука «в» в юкагирском нет).

Фрагмент карты мира на основе географических сведений Птолемея. Карту издал в 1482 г. в Ульме немецкий картограф Николаус Германус (Donnus Nicolaus Germanus; около 1420—1490; исполнил художник-гравер Иоганн Шнитцер из Армсхайма, Johannes Schnitzer aus Arnsheim; род. около 1450). Такого рода картами могли располагать венгерские монахи, отправившиеся в XIII в. на поиски северной прародины. Истоки Волги, «реки Ра» (Rha fluvius) на карте находятся в «Гиперборейских горах» (Hyperborei Montes), где-то на Русском Севере, на широте Южной Скандинавии. Волга в верхнем течении показана северо-восточнее «основного» русла и, видимо, отождествляется с Камой. В целом же «Река Ра» на карте разделяет Сарматии (Sarmacia) и Скифию (Scythia) и, таким образом, являет собой знаменательный рубеж античной и средневековой географии. Эти представления, издревле стереотипные для европейского «мироведения», коррелируют с тем выводом, который сделан в данной статье на основе «венедско-вандалской» этноисторической концепции (нашедшей отражение в книге Мавро Орбини), — о том, что в ретроспективе тысячелетий этот регион, ставший впоследствии средоточием России, был каким-то существенным рубежом для всего Евразийского континента. Орбини не оперирует такой **трансконтинентальной** географией, ограничиваясь доступным в его время европейским материалом, однако сделанный вывод следует из его исторософии «рода Славянского» применительно к топонимическим и лингвистическим разработкам последующих веков.

аналогии указывают на генетическое родство этнических групп древнейшей Северной Евразии, то получается, что, начиная с летописных славян-вятичей и далее на восток, исследуемый этноним представляет собой уже не внешнее именование (не экзоэтноним, такой, как «венды» германской традиции), а устойчивое самоназвание. Тогда Центральная Россия (современной географической карты) и Московия, ее средоточие, — это какой-то очень важный рубеж в глубочайшей древности нашего континента, хотя его значение давно забыто. Видимо, оно не было известно и во времена Мавро Орбини. Он все-таки делает акцент главным образом на истории южных славян и на изначальном северном происхождении «рода Славянского» в целом; а о Московии пишет сравнительно мало¹. Поэтому делать конкретные выводы из отмеченных частных фактов и предположений лингвистического характера пока преждевременно: для этого нужны системные исследования.

Впрочем, применительно к столь существенной для хода этих размышлений древней фонетической трансформации по схеме Wandal => Wadul уже можно привести не только умозрительные гипотезы, но и достаточно надежные данные новейших лингвистических (компаративистских) исследований.

Согласно современным этимологическим разработкам Московской школы сравнительного языкознания, обобщившей полутораветковой опыт развития этой новаторской научной дисциплины, звук «н» перед другим согласным обычно сохраняется при переходе от ностратического, верхнепалеолитического праязыка к произошедшим от него языкам-дериватам, в частности, к индоевропейским и уральским. Однако иногда этот звук все же утрачивается; в частности, у обских угров, то есть на севере региона, а также в протоуральском праязыке, что для нашей темы особенно важно².

Впрочем, в универсальном контексте языков Северного полушария («борейских», Voegelin, как иногда определяют их лингвисты) — языков Евразии и даже Северной Африки (разных эпох, в том числе очень ранних), — выпадение звука «н» перед другим согласным в процессе диахронической трансформации представляется вторичным и эпизодическим явлением. А это обстоятельство может быть косвенным аргументом в пользу первичности именно «вандальско-венедской», то есть индоевропейской, формы исследуемого нами слова (точнее, его древней праязыковой, породившей знакомый индоевропейский вариант, который стал в Средние века именованием славян-вендов).

¹ Кажется, о Московии больше знал загадочный Карл Вагрийский («земляк» князя Рюрика!), но его работы известны лишь в кратких извлечениях, в основном в книге Орбини.

² Это явствует из этимологических материалов (в том числе реконструированных древних праязыков), которые в настоящее время доступны на лингвистическом сайте «Вавилонская Башня», основанном в конце XX в. талантливым отечественным языковедом Сергеем Анатольевичем Старостиным (1953—2005). Он разработал на этом сайте и ностратическую этимологическую базу данных, к которой обращается здесь автор этих строк. См.: <http://starling.rinet.ru/> (Проект этимологической базы данных).

Среди реконструированных московскими компаративистами ностратических этимологий обнаруживается и очень близкая фонетическая аналогия столь важному для нашей темы диахроническому переходу Wandal => Wadul. (Семантика этой аналогии иная, но главное, что такая трансформация звуков могла иметь место.) Для ностратического праязыка (существовавшего примерно 13—15 тысячелетий назад) восстанавливается словоформа *mVnTV¹, со значением «размещивать, перемещивать» (современное русское слово, происходящее от этого древнего корня — «мутовка»). Так вот, эта изначальная лексема в индоевропейском праязыке переходит в *ment(-th-), а в языке протоуральском — в *matV (*mantV)². Именно та схема, которая прослеживается в «судьбе» корневой основы исследуемого нами этнонима — венетов! А в юкагирском произошло еще озвончение «т» в положении между гласными, что вполне правдоподобно.

В рамках индоевропейской языковой семьи, основательно и надежно исследованной за последние полтора столетия, соответствия еще убедительнее. Применительно к Северной Европе, Балтийскому региону картина складывается такая: в германском праязыке ностратическая лексема *mVnTV дает производный корень *mand-, иногда с «расширением» -ul (фонетический аналог «вандалов»!). Протобалтский язык, возможно, сохраняет ностратическую форму корня: *ment- (вспомним, в связи с «вандалами — венетами — венетами», прибалтийскую реку Вента и схожую с ее именем топонимику окрестных мест). А праславянский язык, согласно давно установленным законам фонетических чередований, «рождает» носовые гласные: отсюда *mĕstī (глагол, означающий процесс «размещивания») и *mĕtovĕkā³ (орудие «размещивания» — «мутовка»). Об утрате носовых гласных в большинстве славянских языков последнего тысячелетия, о замене этих звуков на «я» и «у» в таких словах выше уже говорилось.

Так что весь многотысячелетний процесс возникновения различных вариантов «вандалско-венедского» этнонима в свете этой аналогии становится довольно прозрачным, по крайней мере с точки зрения лингвистической компаративистики. И за именем славян-вятичей (вроде бы внешне не очень похожим и на античные названия венедов и вандалов) открываются прямо-таки сказочные глубины предистории, причем обоснованные современной наукой о языке. Открывается путь к верхнепалеолитической (!) изначальной форме нашего «ускользающего» этнонима, которую можно, предположительно, обозначить как *wVnTV.

Складывается впечатление, что в протоуральскую и протоюкагирскую эпохи «вандалско-венедская» модификация данного этнонима (если тогда это был именно этноним) уже в таком виде распространялась на восток; возможно, как раз

¹ Звездочка в системе лингвистических обозначений указывает, что это слово реконструированного языка; V (в Московской школе компаративистики) означает гласный, точное качество которого не установлено.

² Старостин С.А. Ностратическая этимология, с. 61, на сайте <http://starling.rinet.ru/>

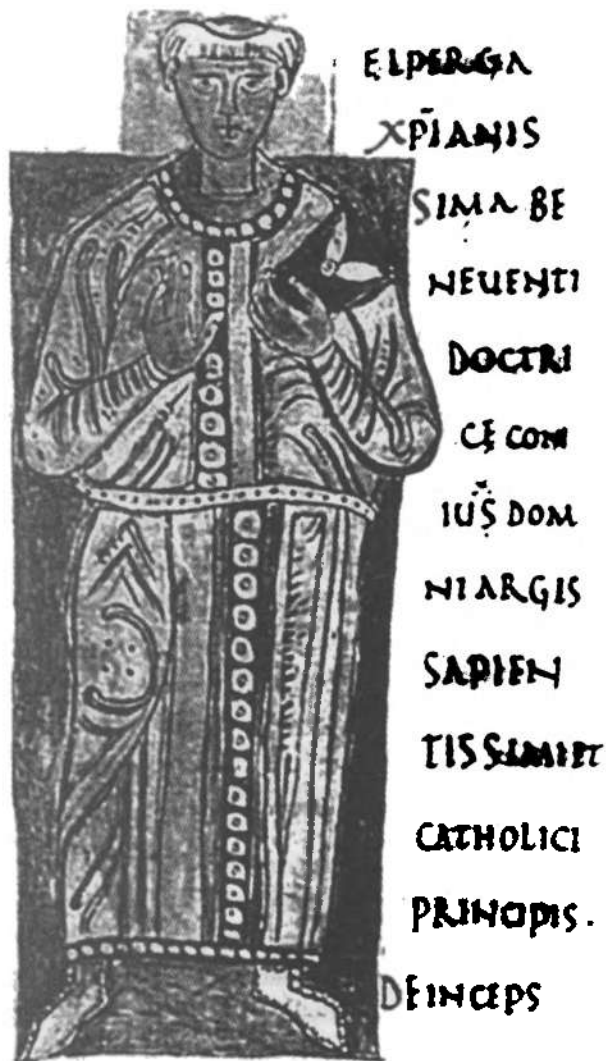
³ Николаев С.Л. Индоевропейская этимология (на сайте <http://starling.rinet.ru/>)

с территории нынешней Центральной России, Московии, будущей земли славяно-вятичей. (Именно с этого рубежа и далее к востоку исследуемый этноним в историческую эпоху зафиксирован как самоназвание.) Или бассейн Волги уже тогда был границей распространения на Евразийском континенте соответствующих ностратических диалектов: с носовым гласным (в данной позиции) и без него. Косвенным подтверждением такого предположения может быть то обстоятельство, что тысячи лет спустя в большинстве славянских языков назализация гласных исчезла (региональный признак?), но сохранилась в языке западнославянском (польском) и, видимо, в наречиях еще более «западных» балтийских славян (во всяком случае, в виде «смешанных дифтонгов» — «ен», «ан»). Разумеется, для временной глубины в несколько тысячелетий любые предположения об этнической преемственности, при отсутствии письменных свидетельств, выглядят умозрительно.

В итоге получается, что скрытая за обильным «барочным декором» книги Мавро Орбини «вандалско-венедская» концепция изначальной предыстории «рода Славянского» (может быть, это сокрытие было сознательным?) в свете последующих исторических и лингвистических исследований выглядит еще масштабнее, чем это было сформулировано далматинским гуманистом. Он отчасти как бы предвосхитил результаты этих исследований, новейшие открытия и гипотезы, выраженные в различных узкоспециальных публикациях последних десятилетий сухим и точным языком современной науки. На первый взгляд они вообще не связаны с вдохновенным южнославянским панславизмом раннего Нового времени. И нужно внимательно и непредвзято вглядываться в них, сопоставлять их, чтобы увидеть эту связь и признать правомочность «венедской» парадигмы для осмысления доисторического, дописьменного этногенеза едва ли не всей безбрежной Северной Евразии (хотя бы в виде рабочей гипотезы). Ведь эта метаисторическая схема подтверждается колоссальным «массивом» этноисторических, хроникальных, географических источников как Запада, так и Востока. Причем эти свидетельства могут во многих случаях считаться совершенно независимыми друг от друга, поскольку происходят из стран и регионов, кардинально различающихся по своим культурным, религиозным, мировоззренческим традициям.

Из западноевропейских раннесредневековых сведений уже не о довольно неопределенных древних венедах вообще, а о конкретных славяно-вятичах Центральной России заслуживает особого внимания одно почему-то почти совсем забытое свидетельство. И это несмотря на то, что оно было именно так истолковано в отечественной славистике еще в конце позапрошлого века. Более того, это свидетельство очень раннее, VIII в., а значит, относится не к летописным вятичам (существование их племенного союза, по археологическим данным, относят к VIII—XIII вв.), а к их предшественникам, приобретая тем самым особую ценность.

Речь идет об их упоминании (к сожалению, предельно кратком) в широко известном историческом памятнике «История лангобардов» («*Historia Langobardorum*»), или «О деяниях лангобардов» («*De Gestis Langobardorum*») церковного писателя

Павел Диакон — лангобардский историк VIII в., хранитель древних преданий лангобардской знати, передавший миру в своих трудах поистине уникальные, редко используемые в науке свидетельства, которые, по убеждению ряда ученых, раскрывают неожиданные аспекты раннесредневековой истории славян. Эти свидетельства, по-видимому, имеют отношение и к очень ранней предыстории восточнославянского племенного союза вятичей летописной Руси и ее средоточия — Московии

Павла Диакона (ок. 720—799 или 800). Его латинский оригинал издавался неоднократно и был включен в относительно массовое издание «Латинской патрологии» («*Patrologia Latina*», том 95)¹. Впрочем, надо сказать, что выглядит это упоминание несколько неопределенно с точки зрения географии; почти все «смежные» с ним топонимы имеют множество вариантов в различных рукописях. Поэтому и толковалось это свидетельство по-разному, хотя внимательное сопоставление старых изданий и обстоятельных, непредвзятых комментариев позволяет сделать вывод, что многие имена собственные в этом сюжете могут в принципе иметь отношение к предкам славян.

Интересующий нас сюжет — из раннесредневековой, основанной на устных преданиях истории странствий народа лангобардов в эпоху Великого переселения народов. Вот как выглядит это свидетельство в самом первом, парижском, издании Павла Диакона, напечатанном полтысячелетия назад: «Итак, Лангобарды, уйдя из [области] Мауринга, устремились в Ругуландию, где, как говорят, они пребывали некоторое время. Затем, как сообщают, они несколько лет владели странами Антайб и Бантайб, равным образом и Бургандайб; каковые слова, насколько мы можем судить, — это наименования областей, или каких-нибудь мест» («*Egressi itaque Langobardi Mauringa, applicuere sese in Rugulandiam, ubi aliquantum temporis commorati dicuntur. Posthaec Antaibos et Bantaibos pari modo et Burgandaibos dicuntur per annos aliquot possedisse: quae nos possumus arbitrari esse vocabula pagorum seu quorumcunque locorum*»)².

На первый взгляд сюжет малопонятный. Но давайте поразмыслим над его именами собственными, из которых главные для нашей темы — это *Antaibos et Bantaibos*. Вот как выглядит совокупность рукописных разночтений этих названий по комментарию в издании, которое подготовил эрудированный итальянский историк Лодовико Антонио Муратори (*Ludovico Antonio Muratori*; 1672—1750): *Anthabet, Anthaib, Antaibos; Bathaib, Bantaibos*³. И сразу возникает вполне возможная славянская «линия». Первое из этих двух названий уверенно напоминает об антах (древнеславянский племенной союз), с которыми его иногда и сопоставляли.

¹ *Diaconus Paulus. De Gestis Langobardorum // Patrologia Latina*. — Vol. 95. — Paris, 1861. — Col. 451A (Lib. I, Cap. XIII). Об уникальных сведениях из истории праславян у Павла Диакона речь уже шла выше.

² *Pauli Diaconi Ecclesiae Aquilegensis, Historiographi Percelebris De Origine et Gestis Regum Langobardorum Libri VI*. — [Paris]: Jehan Petit, 1514. — Cap. IX (пагинация в этом издании отсутствует).

³ *Pauli Warnefridi Langobardi Diaconi Forojuvensis De Gestis Langobardorum Libri VI / ad MSS & veterum Codicum fidem editi a Friderico Lindembrogio Belga, quidem in hac editione additae sunt... annotationes Henrici Blanci Romani / Ludovicus Antonius Muratorius (...)* collegit, ordinavit, & praefationibus auxit... // *Rerum Italicarum Scriptores*. — Tomus I. — Mediolani: Societas Palatina, 1723. — P. 413. Это издание включено и в «Латинскую патрологию» (см. примечание выше). Муратори был выдающимся западным медиевистом, может быть, крупнейшим для своего времени.

Aib, aiba, eiba — это древневерхненемецкое обозначение земельной области, какой-то определенной территории, ставившееся именно так, в конце топонима. В энциклопедическом, охватывающем лексику более чем тысячелетнего периода «Баварском словаре», который подготовил филолог Иоганн Шмеллер (1785—1852) и доработал языковед Георг Фромманн (1814—1887), уточняется, что это слово — баварское: «земля» (Land)¹. В данном случае баварские коннотации, возможно, тоже имеют значение. Они отсылают истоки именно такого топонимического варианта у Павла Диакона к центральноевропейскому горному региону, контактному для древних германцев, славян и кельтов.

Разумеется, «земля Ant», при такой краткости главного корня этого топонима, может быть соотнесена с очень многими конкретными местностями. И западные медиевисты, исследовавшие «путь Лангобардов», изобилующий историческими загадками, предпочитали отождествлять вехи этого пути с германскими областями Европы. Однако и со славянами-антами топоним Anthaib (в такой форме он присутствует в большинстве манускриптов) сближали люди, далеко не случайные в истории и языкознании. Это, например, Иоганн Каспар Цейс (Johann Kaspar Zeuß; 1806—1856) — опытный германист, основоположник академической кельтологии. Он приводит свидетельства византийских и латинских авторов о расселении антов к северу от Черного моря, в бассейнах Днестра и Днепра, и при этом без колебаний истолковывает Anthaib как *Antagum pagus* (лат.), «область Антов»².

Точно так же интерпретирует топоним Anthaib ученый-энциклопедист, стяжавший славу первого немецкого этнографа, — Адольф Бастиан (Philipp Wilhelm Adolf Bastian; 1826—1905)³. Известный путешественник, «в полевых условиях» изучавший языки и мифы Запада и Востока (вплоть до Восточной Азии), один из основателей Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, философ, отстаивавший идею изначального единства духовной культуры (предшественник теории «архетипов» К.Г. Юнга), Бастиан обосновывал свои топонимические трактовки, вписывая их в широкий и порой неожиданный мифологический контекст⁴. Соотнося вехи раннесредневековых странствий лангобардов со славянскими древностями, он касается и второго, созвучного, топонима: *Banthaib*. Бастиан полагал, что это слово связано с одним из двух «божественных народов» древнегерманской

¹ *Schmeller Johann Andreas, Frommann Georg Karl. Bayerisches Wörterbuch. — Bd. I. — München, 1872. — Col. 15.*

² *Zeuß Kaspar. Die Deutschen und die Nachbarstämme. — München, 1837. — S. 472, 592—595.*

³ *Bastian Adolf. Goldfund von Vetersfelde bei Guben // Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. — Jahrgang 1883. — Berlin, 1883. — S. 137. (Приложение к журналу: Zeitschrift für Ethnologie. — Bd. 15. — Berlin, 1883).*

⁴ Панегирические характеристики большинства упоминаемых в этой статье авторов не случайны. Они показывают, что ученые различных эпох, высказывавшие мысли, так или иначе близкие панславистским утверждениям Орбини, были поистине выдающимися мыслителями, хотя сейчас многие из них почти неизвестны широкой читательской аудитории.

мифологии (Асы и Вану) — с Ванами (Wanep)¹. А это уже сближает лангобардские предания с темой, которую мы условно именуем «вандальско-венедской», и одновременно с пред историей славян, хотя мифологизированный образ Ванов требует отдельного исследования. Любая буквальная историко-географическая идентификация тут чревата произвольными умозаключениями.

Вообще говоря, топоним Anthaib из лангобардских преданий соотносили со славянами-антами и значительно ранее, до вышеназванных ученых. Например, еще в 1735 г. было осуществлено подробно комментированное издание «Итинерария Антонина Августа»² — весьма ценного позднеантичного указателя дорожных переходов и населенных пунктов всех римских дорог II—III вв. Издание подготовил немецкий филолог Петер Весселинг (1692—1764). В своих комментариях он уделит важное место и «привязке» античных топонимов к раннесредневековым источникам, в том числе к «Истории лангобардов» Павла Диакона. Поясняя название селения Andethannae в далекой Бельгийской Галлии, на дороге, ведущей из города Дурокортум³, Петер Весселинг высказывает свою точку зрения и на другие созвучные названия, в частности, — топоним Anthaib из «Истории лангобардов». Он пишет: «Поистине, я не сомневаюсь, что Anthaib, или Andhabet, указывает на место обитания Антов (Antarum sedes) и к тому же — на часть современной Полонии»⁴.

Однако такая локализация носит общий характер. «Анты» здесь, пожалуй, выступают как синоним славян, наподобие «вендов» у немецких авторов. Кстати, довольно распространенное приравнивание друг другу этих и других именованных славян или протославян (венеты, энепы, анты и т.д.) выглядит как поэтическое и произвольное, недостаточно мотивированное с исторической точки зрения. Например, абсолютное тождество названий антов и венетов (а также антов и вятичей-вентичей) не подтверждается ни славянской фонетикой⁵, ни тем, что византийские авторы их разграничивали. И у Павла Диакона ведь Anthaib и Vanthaib — это разные топонимы. К тому же предположение Весселинга о регионе «Полонии», Польши, опять указывает на тенденцию отклонить «путь Лангобардов» к западу, к Центральной Европе. А Цейс, Бастиан и некоторые другие историки, у которых заметна славянская направленность в интерпретации этих преданий, ориентируются в своих толкованиях на Восточную Европу.

Например, для Цейса, признающего неопределенность многих топонимов в преданиях о странствии лангобардов, славянская интерпретация названия Anthaib как

¹ Bastian Adolf. Goldfund von Vetersfelde bei Guben // *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. — Jahrgang 1883. — Berlin, 1883. — S. 137.

² Традиционно авторство этого указателя приписывалось императору Антонину Пию (86—161), однако считается, что окончательный вариант был дополнен позднее.

³ Изначально это был Дурокортер, главный оппидум кельтского племени ремов; сейчас это Реймс.

⁴ *Vetera Romanorum Itinera, sive Antonini Augusti Itinerarium* / curante Petro Wesselingio. — Amstelaedami, 1735. — P. 366.

⁵ «Неправильность» такого фонетического перехода подчеркивает, например, Любор Нидерле (Lubor Niederle. *Slovanské starožitnosti / Oddíl I [Historický]*. Sv. IV. *Původ a počátky Slovanů východních*. — V Praze, 1924. — S. 80).

«области Антов» служит отправным моментом для утверждения, что и другие топонимы указывают «направление на Понт¹, далеко на восточные равнинные земли»². А это, вообще говоря, приближает и второй, «парный», топоним *Vanthaib* к тому региону, где находилась древнеславянская «страна Вантит» персидских географов. Формальное несоответствие первой буквы этого названия в передаче Павла Диакона и во всей «вандалско-венедской» традиции может объясняться фонетической трансформацией. Или еще проще: хранители лангобардских преданий могли ведь использовать и письменные источники, в частности византийские. В последних соответствующий грамматический корень, вероятно, был записан как Βανθ- (буква «бета» в византийском греческом читалась как русское «в»). А на Западе, транслитерируя топоним латиницей, могли это сделать по нормам древнегреческой классики, что с абсолютной точностью дало форму *Banth-*.

Тогда, наверное, следовало бы ожидать, что в каких-то рукописных вариантах «Истории лангобардов» Павла Диакона обнаружится и более точная («вандалская») форма *Vanthaib* или *Wanthaib*. Такой вариант не засвидетельствован в самом исчерпывающем классическом издании «Истории лангобардов» 1878 г., для которого Георг Вайц³ проработал множество рукописей текста⁴. Однако Адольф Бастиан, с его фантастической эрудицией, все-таки упоминает именно такую форму («*Anthaib und Wanthaib*»)! Более того: он ставит оба этих топонима в контекст различных именовании древних славян либо их предков⁵ («венедский» контекст).

Со славянами, антами и венедами связывал эти географические названия и знаменитый славист Павел Йозеф Шафарик (еще до Бастиана)⁶. Шафарик употребляет обычную форму *Vanthaib*, имея в виду, вероятно, чередование звуков. Выдающийся ученый, оказавший воздействие на развитие славистики в других странах, эрудированный хранитель и директор Пражской университетской библиотеки, Шафарик (словацк. *Pavol Jozef Šafárik*; 1795—1861), тем не менее, иногда вызывает критику в свой адрес в связи с недостаточно критичным отношением к первоисточникам. Впрочем, в его эпоху, близкую идеологии романтизма, строгая лингвистическая проработка этимологических сопоставлений еще не считалась необходимой. И его книга «Славянские древности» содержит колоссальный объем таких сопоставлений, которые часто воспринимаются лишь как наследие

¹ Черное море.

² *Zeuß Kaspar*. Die Deutschen und die Nachbarstämme. — München, 1837. — S. 473.

³ Немецкий историк Георг Вайц (*Georg Waitz*, 1813—1886) возглавлял работу над многотомным изданием средневековых первоисточников «*Monumenta Germaniae Historica*» в 1875—1886 гг. В подготовке к печати «Истории лангобардов» принял участие также Людвиг Бетман (*Ludwig Konrad Bethmann*; 1812—1867).

⁴ *Pauli Historia Langobardorum / edentibus L. Bethmann et G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX.* — Hannoverae, 1878. — P. 54.

⁵ *Bastian Adolf*. Ethnologische Forschungen. — Bd. 1. — Jena, 1871. — S. 44, 80.

⁶ *Šafárik Pawel Josef*. Slovanské Starožitnosti / Oddíl Dĕgepisný. — W Praze, 1837. — Str. 452.

пройденного этапа в истории славистики, но в действительности сулят неожиданные и глубокие открытия, при их исследовании уже на уровне современной науки. Формально же, в своем нынешнем виде, эти предположения ученого действительно выглядят недостаточно конкретно. Это относится и к венецким корреляциям в «Истории лангобардов».

И вот в конце XIX в., суммируя интуитивные находки и высказывания, о которых шла речь, российский филолог-германист, профессор Петербургского университета Федор Александрович (Фридрих) Браун (1862—1942) сделал смелый шаг к более точному отождествлению загадочного топонима *Banthaib*. Он уже не ограничивался общими мыслями относительно восточноевропейского, венецкого либо славянского характера этого названия. Браун предположил, что лангобарды в своих странствиях достигли земель, где жили предки вятичей. В своей исключительно важной для венецкой темы работе «Разыскания в области гото-славянских отношений» он предположил, что запечатленное в лангобардских преданиях название *Bantaib* заимствовано из народной песни. Причем это слово, по аналогии с другими, претерпевшими в германских языках фонетическую трансформацию, восходит к первоначальной форме **Wantaib*. «...И мы имеем перед собою явное германское отражение славянских вят-ичей»¹.

Разумеется, речь может идти не о самих летописных вятичах, а об их предках. Ведь переселение лангобардов происходило на полтысячелетия раньше древнерусской летописной эпохи — в V в. (еще до прихода лангобардов в Паннонию и Северную Италию). Ф.А. Браун реконструирует изначальную корневую основу исследуемого этнонима как **Vento-*, подчеркивая, что это слово «сохранилось, без сомнения, в русских вятичах». Он связывает это древнее именование со «всеим славяно-балтийским племенем»². Иными словами, этот вывод убедительно коррелирует с предположением о «венецком субстрате» Северной Европы (включая ее российскую территорию вплоть до Московии), о чем много было сказано выше. Это конкретизация и доказательство истинности древнего свидетельства Птолемея о венедах Балтийского региона.

Сформулированные Брауном умозаключения подтверждаются и богатым фактическим материалом в работах его коллеги, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук Августа Биленштейна (Август Иоганн Готфрид Биленштейн; August Johann Gottfried Bielenstein, 1826—1907). Браун нередко цитирует в своей книге его исследования в области прибалтийской топонимии, языка и средневековой истории балтских народов. Весьма существенно, например, что Биленштейн надежно обосновал, на базе средневековых документов, давнее су-

¹ Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. — Т. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1899. — С. 316. Звездочка перед словом в лингвистике обозначает, что это реконструированная форма.

² Там же. С. 334.

Федор Александрович (Фридрих) Браун — российский филолог, утверждавший, что предания о страстиях народа лангобардов в эпоху Великого переселения народов имеют точки соприкосновения с исторической географией предков славян-вятичей Центральной России, причем это обстоятельство нашло отражение еще в письменных источниках VII—VIII вв. Фото конца XIX века

ществование в Балтийском регионе не просто отдельных «венедских» топонимов, но целых областей их распространения.

В частности, это бассейн реки Вента; ее название при таком рассмотрении вписывается в общую картину венедской Северной Европы, обрисованную еще Птолемеем. Модель палеоевропейского народа с аналогичным именем может объяснить и сам факт научных дискуссий Нового времени об этнической принадлежности групп здешнего населения, носивших название «венты» (их соотносили и со славянами, и с балтами, и с финнами)¹. Просто в ретроспективе тысячелетий у них, видимо, были общие предки, исконные обитатели Европейского Севера. В этом был убежден и Ф.А. Браун, хотя он имел в виду только древнюю балто-славянскую общность.

Географическая непрерывность свидетельств о «вандалско-венедских» этносах подводит надежную основу и под современные исследования вятских топонимов С.В. Уховым, и под одну интересную, но редко упоминаемую гипотезу о локализации «страны (или города) Вантит». Специалист в области арабо-персидской географии и восточноевропейской истории Татьяна Михайловна Калинина высказала мысль о том, что «город Ва-и (В-н-тит, В-б-нит), названный авторами “школы Джайхани” в славянских землях, по-видимому, не следует связывать с землями Древнерусского государства. Вероятнее предположить, что он находился в землях прибалтийских славян»². На первый взгляд такая локализация расходится с общепринятыми ныне представлениями. Однако если иметь в виду древнерусскую летописную традицию о западославянском происхождении вятичей, то и эта непривычная идентификация арабо-персидского топонима не выходит за рамки «венедского географического пространства».

А теперь уместно напомнить, что Мавро Орбини и лангобардов причислял к «роду Славянскому». Их короли эпохи Великого переселения народов носили германские имена — это факт. Но мы уже имели немало поводов убедиться в том, что многие высказывания Орбини следует воспринимать не в синхронном временном срезе (применительно к раннему Средневековью), а в глубокой диахронии, в проекции на трудно верифицируемые метансторические реалии далекого прошлого. Ведь и Павел Диакон более тысячи лет назад утверждал, что древнейшее именование лангобардов — Winnili или Winnuli (в начале первой книги своей «Истории лангобардов»). С учетом широко распространенных и подтвержденных средневековыми источниками фонетических трансформаций можно и этот этноним назвать если не буквально славянским, то, во всяком случае, ретроспективно «венедским» («винидским», близким к древневерхненемецкому варианту данного этнонима).

¹ *Bietenstein A.* Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands. — St. Petersburg, 1892. — S. 193—200, 334—348, 477—479.

² *Калинина Т.М.* Древняя Русь и страны Востока в X в. (Средневековые арабо-персидские источники о Руси // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1976. — С. 17.

И получается, что смелое отождествление Ф.А. Брауном одной из вех в странствиях лангобардов с землями предков вятичей делает убедительным и стройным расположение и других ориентиров этого пути¹. При всем бесконечном многообразии рукописных вариантов «Истории лангобардов» Павла Диакона и их толкований, получают географическую обоснованность топонимы, упоминаемые в приведенной выше цитате наряду с «землями Антов и Вант(ичей)». Это Мауринга (Mauringa), Ругуландия, которая в большинстве рукописей названа иначе: Голанда (Golanda, иногда Golaida), а также Бургандайб.

Область Мауринга давно и уверенно соотносится многими историками и лингвистами с южным побережьем Балтики. Упомянем здесь точку зрения философа и ученого, которого называют последним «универсальным гением», — Готфрида Вильгельма Лейбница (Gottfried Wilhelm Leibniz; 1646—1716). В одной из своих исторических работ, «Изыскание о происхождении Франков» («De Origine Francorum Disquisitio»), Лейбниц анализирует и источники о странствиях лангобардов, в том числе, естественно, и «Историю...» Павла Диакона. Вот как он интерпретирует название области Мауринга, приводя и варианты этого топонима:

«Маурунгания или, скорее, Маурингавия, либо *Маурингия*² была расположена у Балтийского моря; это явствует из (книги) *Павла Варнефрида*, в обиходной речи *Диакона*, описавшего путь Лангобардов³ (даже если это вымысел), за исключением того, что обозначается самим этим словом. Ибо Маурингия — это приморская область, так же, как земля *Моринов*⁴, как *Ареморика*⁵; и донныне почти тот же самый регион называется *Померания*, поскольку *Помераны*⁶ на Славянском языке означает “обитающие у моря”, подобно тому, как *Полабы* — “обитающие у Эльбы”, ведь *Лубе* — это Эльба по-славянски» («Maurunganium vel potius Mauringaviam sive Mauringiam fuisse sitam ad mare Balthicum, constat ex Paulo Warnefridi vulgo Diacono, iter Longobardorum (etsi fictitium) describente; praeterquam quod ipso vocabulo indicatur. Est enim Mauringia regio maritima ut Morini, ut Aremorica; et

¹ Тем не менее соотнесение Ф.А. Брауном топонима Vanthaib с именем вятичей не нашло поддержки у славистов XX в. Например, Любор Нидерле, хотя и упоминает интерпретацию Брауна, называет ее неправдоподобной как географически, так и грамматически (*Niederle Lubor. Slovanské starožitnosti / Oddíl I [historický]. Sv. IV. Původ a počátky Slovanů východních. — V Praze, 1924. — S. 73*). Впрочем, если уж следовать формальной грамматической схеме (которая может и не соблюдаться при заимствовании лангобардами иноязычных названий), то, пожалуй, топоним Vanthaib (или Bantaib в варианте, использованном Ф.А. Брауном) уместно соотнести с названием «страны Вантит» у персидских географов, что также «работает» на нашу тему.

² Выделение курсивом — в цитируемом издании латинского текста.

³ В переводе этнонимов в средневековых цитатах соблюдаем принятое не только в латыни, но и в дореволюционном русском языке их написание с прописной буквы, для сохранения колорита оригинала.

⁴ Морины — одно из древних бельгийских племен.

⁵ В современной литературе обычно Арморика; соответствует современным Бретани и Нормандии.

⁶ Поморяне, одно из племен балтийских славян.

hodieque eadem fere regio *Pomerania* appellatur, sunt enim *Pomerani* Slavico sermone siti ad mare, ut *Polabi* siti ad Albim, *Lube* enim *Albis* est *Slavis*)¹.

Для нашей темы существенно, что Лейбниц отождествляет Маурингу с землями балтийских славян-поморян, с частью «Северной Славии». В подробных постраничных комментариях к его работе лингвист и историк Иоганн Георг фон Экхарт (*Johann Georg von Eckhart* или *Johann Georg Eccard*, лат. *Eccardus*; 1664—1730) конкретизирует слова Лейбница, отчасти корректируя их. А также, что особенно важно, кратко и емко суммирует сложившиеся в то время в западной исторической науке представления о дальнейшем «пути Лангобардов». Вот выдержки из его комментария:

«Вполне могло быть, что Вагрия и соседние провинции, вместе с землями Лауэнбурга и Мекленбурга, назывались Маурингией, из-за своих *mor*'ов или *болот* и *озер*². Ибо нигде ты не найдешь столь часто встречающихся болот, кроме как в этих местах. И, по-видимому, Славяне, вторгаясь сюда, наименовали близлежащую область *Померанией*, или, как они сами говорят, *Поморьем*³, — не столько потому, что она соседствует с *морем* (так ведь всему побережью подобало бы зваться Померанией), сколько потому, что — с древней Маурингией» («*Poterit autem optimo jure Wagnia et vicinae Provinciae una cum Lauenburgicis et Mecklenburgicis terris Mauringia vocari a suis moris sive paludibus et lacubus. Nullibi enim tam frequentes paludes, quam hic locorum, invenies. Et videntur Slavi irruentes inde adsitam regionem Pomeraniam sive, ut ipsi loquuntur, Pomorze nominasse, non tam quod mari (ita enim integra litori nomen Pomeraniae conveniret) quam quod veteri Mauringiae vicina esset*»)⁴.

Очевидно, что Экхарт придерживается общераспространенной точки зрения: германцы изначально населяли земли «Северной Славии»; когда же они в эпоху Великого переселения народов мигрировали на юг, в Подунавье, к Римской империи, освободившиеся территории были заселены балтийскими славянами. Но в данном случае существенно другое. Экхарт включает в географические рамки «Маурингии» славянскую Вагрию — земли к западу от Померании, по-видимому, очень давно связанные с Древней Русью и сыгравшие важную роль в становлении первоначальной княжеской династии летописного Древнерусского государства. И Лейбниц считал князя Рюрика вагрийцем (хотя и датского происхождения) — это подчеркивает в своих работах современный исследователь Мекленбургских генеалогий,

¹ *Leibnitii G.G. De Origine Francorum Disquisitio // Gothofredi Guillelmi Leibnitii Opera Omnia. — Tomus IV, Pars II. — Genevae, 1768. — P. 152—153.*

² Экхарт здесь поясняет латинскими аналогами общегерманский корень слова «*mor*» (нем. *Moog*, древневерхненемецкое *muog*, древнесеверное *møst* и т.д.) в значении «болото, топь, лагуна». Генетически это слово, возможно, родственно общеизвестному обозначению моря. Лауэнбург расположен на правом берегу Эльбы, в ее низовьях.

³ В латинском тексте использован топоним западнославянского, польского происхождения.

⁴ *Leibnitii G.G. De Origine Francorum Disquisitio // Gothofredi Guillelmi Leibnitii Opera Omnia. — Tomus IV, Pars II. — Genevae, 1768. — P. 152.*

кандидат исторических наук Всеволод Игоревич Меркулов¹. Но для нашего исследования, как сейчас станет ясно, не менее принципиально и то, что Вагрия ставится в историко-географический контекст «пути Лангобардов».

Экхарт обозначает дальнейшие веки лангобардских странствий, опять же, в соответствии с общепринятой тогда на Западе интерпретацией: «Когда была пройдена Маурингия, как утверждает (Павел Диакон), пришли Лангобарды в *Голанду*, то есть в землю Готов. (...) Из отечества Готов вступили они в *Антайб* (то есть в область Антов, или Полонию), затем в *Батайб*, как он упоминает. Эта (страна) *Батайб*, без сомнения, есть земля *Гепидов*, а именно, древняя *Дакия*. (...) *Бургундайб* — это земля Бургундов, которую они, разумеется, удерживали как ближайшую к Гепидии, прежде чем вступили в Галлию» («*Mauringia transmigrata, dicit [Paulus Diaconus], venisse Langobardos in Golandam, hoc est Gothorum terram. (...) Ex Gothorum patria eos in Anthaib (hoc est Antarum regionem sive Poloniam), deinde in Bathaib descendisse refert. Bathaib hoc sine dubio est Gepidarum terra, vetus nempe Dacia. (...) Burgundaib est Burgundionum terra, quam scilicet Gepidia proxima tenuerunt, antequam Galliam intrarent*»)².

«Голанду» нередко истолковывают просто как Готланд. Чтобы обосновать предположение о крутом повороте лангобардов на юг, в Дакию, к землям иллирийских народов (гепиды), с которыми Экхарт связывает топоним *Bathaib* (нередко встречающийся в рукописях в такой форме, без «п»), он соотносит землю антов с «Полонией», не обращаясь к восточным регионам Европы. Однако, по современным данным, анты в эту эпоху жили в причерноморском междуречье Днепра и Днестра. Конечно, несмотря на некоторые натяжки, западный, центральноевропейский вариант «пути Лангобардов» формально логичен, поскольку это почти кратчайший путь из Северной Европы к Италии («конечному пункту» лангобардских странствий).

И все же этот вариант не единственно возможный и не самый последовательный с этноисторической точки зрения. Федор Александрович Браун, столь решительно сопоставивший «землю *Banthaib*» с предками славян-вятичей, выстраивает иную, очень стройную схему. Не подвергая сомнению балтийскую локализацию Маурингии, он предполагает, что лангобарды не повернули сразу на юг, а мигрировали дальше по южному побережью Балтики, и Голанда — это земля древнего балтского народа галиндов, известного еще Птолемию под именем *Γαλίνδοι* (*Galindae* средневековых латинских источников). В Средние века они жили в Восточной Пруссии, составив один из прусских кланов.

¹ Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? (Генеалогическая реконструкция по немецким источникам). — М., 2010. http://www.hrono.ru/libris/lib_m/mrklv08.php В Мекленбургских генеалогических источниках и исторических трактатах, написанных их авторами, в равной степени уважительно трактуются как германские, так и славянские правители и благородное сословие здешних земель; не замалчивается, но, напротив, подчеркивается глубокая древность славянских династий.

² Leibniti G.G. De Origine Francorum Disquisitio // Gothofredi Guillelmi Leibniti Opera Omnia. — Tomus IV, Pars II. — Genevae, 1768. — P. 153.

Однако и народ «голядь» («голадь») древнерусских летописей, обитавший и на территории нынешней Московской области¹, современными историками и топонимистами справедливо трактуется как восточногалиндский. Именно с этим древнерусским этнонимом Ф. А. Браун и соотносит название «Golanda» у Павла Диакона: «Golanda я понимаю как германскую народно-этимологическую переделку из славянского голадь»². В таком случае и упоминавшийся вариант Golaida может, наверное, оказаться не ошибкой переписчика, а, напротив, точной информацией о произношении этого этнонима без «н» (задолго до окончательного исчезновения носовых гласных в древнерусском языке) — где-то на территории Центральной России. Мы уже видели, что и «вандалско-венедский» этноним, по-видимому, в глубокой древности утрачивал назализацию примерно на этом рубеже. Теперь это предположение косвенно подтверждается раннесредневековыми лангобардскими источниками.

Такой восточноевропейский «сюжетный ход» в истолковании текста Павла Диакона вполне логичен. Ведь и намного позднее странствия лангобардов земля голяди граничила с территорией вятичей — со «страной Вантит». Или с «землей Vanthaib», по Ф. А. Брауну. А дальше — владения славян-антов («Anthaib»), которые Павлом Диаконем упоминаются в связке парных топонимов, вместе с «Vanthaib». И это, видимо, исторически оправдано, поскольку анты жили южнее, ближе к Причерноморью, и предки вятичей-вятичей тоже в те времена, судя по археологическим данным, еще не добрались до глухих лесов более северной Московии. (Тут, наверное, имеет смысл напомнить о возможной воронежской локализации «города Вантит».)

Ф. А. Браун сомневался, что сами лангобарды заходили столь далеко на территорию нынешней Центральной России, и полагал, что они где-то на восточноевропейском участке своего пути восприняли протославянские топонимы из эпических песен готов, ближе контактировавших с древними славянами. Но это в данном случае не принципиально и несколько не умаляет ценность столь раннего свидетельства о предках вятичей. (Кстати, словоформа «Bathaib», как один из рукописных вариантов исследуемого топонима, может указывать на очень раннюю, может быть диалектную, утрату назализации в именовании предков вятичей.)

Однако не «тянет» ли к западной версии «пути Лангобардов» упоминание «земли Бургундов», именно так истолкованное Эххартом и многими другими авторами? Нет. Ф. А. Браун, проанализировав многочисленные и весьма существенные разночтения в средневековом написании этого топонима, пришел к убедительному выводу, что речь идет о совсем другом этносе. Название этой области он в итоге формулирует как *Vurgundaib*. Согласно его заключению, это «земля Вуругундов,

¹ Даже в черте современной Москвы архаичная гидронимия минувших веков сохранила память об этом этносе, впоследствии ассимилированном вятичами.

² Браун Ф. А. Разыскания в области готто-славянских отношений. — Т. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1899. — С. 314.

тюркской народности близ Мэотиды¹, с которой готам неоднократно приходилось сталкиваться». Ф.А. Браун подчеркивает, что к аналогичному выводу несколькими десятилетиями ранее пришел и Каспар Цейс².

В подтверждение Ф.А. Браун приводит именованья этого народа, вторгавшегося в римские владения, у византийских авторов: «Уругунды» (Οὐρουγουνδοί), «Вуругунды» (Βουρουγουνδοί), подчеркивая регулярный характер такого фонетического чередования в начале слова (еще более пространные и убедительные цитаты — в указанном труде Цейса). И резюмирует: «...Мы получаем теперь стройный ряд этнических наименований: Голядь, Анты, Вятчи, Вуругунды, в котором, может быть, сохранен даже строгий географический порядок, по крайней мере, в том смысле, что он начинается с Голяди в Восточной Пруссии и кончается Вуругундами около Мэотиды»³. Пожалуй, сам факт образования этого «стройного ряда» древних этнонимов может рассматриваться как аргумент в пользу прохождения лангобардами примерно такого «маршрута». Наверное, при заимствовании ими этих сюжетов и названий из готского эпоса картина получилась бы не столь последовательной и более запутанной.

Метаисторически же это означает, что «путь Лангобардов», при всей дискуссионности отдельных его пунктов, целиком локализуется в «венедском географическом пространстве» (если вспомнить всё сказанное выше об этноисторических и хронологических вехах этого «пространства»). Да и сами лангобарды, как этнос, согласно Павлу Диакону, изначально носили имя из «венедского» ряда. Вновь перед нами — грандиозная и смелая в своих обобщениях модель умозаключений Мавро Орбини, но уже на материале современных исследований.

А теперь — неожиданный поворот в нашем конспективном обзоре полузабытых свидетельств о славянах. Поворот, который позволяет еще более удревить упоминания о вятчах, причем упоминания письменные, а не пришедшие из устных преданий о далеком прошлом. Павел Диакон создал свою «Историю лангобардов» в середине VIII столетия. Известно, что он пользовался более ранними письменными источниками. К счастью, главный из них сохранился (что бывает нечасто применительно к раннесредневековой эпохе). Это «*Origo Gentis Langobardorum*», «Происхождение народа Лангобардов» — небольшой трактат неизвестного автора, написанный во второй половине VII в. Он тоже изобилует рукописными разночтениями и служит предметом разнообразных толкований. Но можно констатировать как несомненный факт: и в нем присутствуют те же самые «пáрные» топонимы, «Антайб» и «Бантайб» — «земля Антов» и «земля Вант(ичей)». В «*Origo...*» эти

¹ Античное название Азовского моря: древнегреч. Μαιωτις (Меотиды); лат. *Palus Maeotis*, собственно, «Меотийское болото». Вывод Ф.А. Брауна в целом согласуется с самыми современными исследованиями тюркологов относительно древнеболгарских племенных союзов и географических пределах их расселения в раннем Средневековье.

² *Zeuß Kaspar. Die Deutschen und die Nachbarstämme.* — München, 1837. — S. 465—470, 694—696.

³ *Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений.* — Т. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1899. — С. 314—316.

топонимы приобретают вид несколько иной, но в совокупности вариантов вполне узнаваемый: Anthaib, Anthabus, Anthaip; Bainaib, Banayb (Baynaib), Bant(h)aib¹.

И это означает, коль скоро мы принимаем интерпретацию Ф.А. Брауна, что лангобарды знали о протовятичах («вентичах, вантичах») на столетие раньше, чем эти предшественники будущих московитов как-то заявили о своем существовании, согласно данным современной науки! Ведь даже сухие и надежные археологические данные датируют зарождение этого племенного союза восточных славян лишь VIII веком. «Венедская» концепция, таящаяся между строк книги Мавро Орбини, позволяет пересмотреть эту датировку, основываясь на письменных источниках, всегда более убедительных для исторической науки, чем сравнительное языкознание и другие дисциплины, с необходимостью допускающие вариативность конечных выводов.

Впрочем, и эти науки в приложении к векам «пути Лангобардов» (оказавшимся столь плодотворными), могут подарить неожиданные открытия в сфере истории Древней Европы и Руси. Вот только один пример. Вспомните область под названием «Мауринга», которую очень разные по своим научным приоритетам историки связывают с «Северной Славией», с балтийскими славянскими землями. В этом топониме «-ing-» рассматривается как известный германский формант; так что корень здесь «Maug-». Похожие названия встречаются на обширной территории континентального масштаба, как в Западной Европе, так и в России. И им посвящено топонимическое исследование, которое многими учеными по праву считается эталонным по своей фактологической полноте, лаконизму изложения и тонкому интуитивному проникновению в суть вопроса.

Основой топонимического контекста этой работы (малоизвестной широкому кругу читателей) стало название горы Маура на Русском Севере, в Белозерье, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. Советский историк, реставратор, востоковед-иранист, исследователь взаимосвязей духовной культуры Древней Руси и Ирана, Леонид Аркадьевич Лелеков (1934—1988) много лет посвятил изучению возможных аналогов названия этой священной горы, которая, видимо, издревле играла особую роль в сакральном ландшафте здешних мест.

Л.А. Лелеков полагал, что корневая основа этого топонима не этимологизируется ни на восточнославянской, ни на финно-угорской языковой основе последнего тысячелетия. И тем не менее связывал такие географические названия в Центральной России и в Белозерье со славянами-вятичами, как преемниками традиций «древнеевропейского этноса — венетов». Именно к их незапамятному наследию Л.А. Лелеков относил субстратный топонимический пласт и на дальних рубежах Западной Европы (включая «область Мауринга» лангобардских преданий), и в Альпах, и на Балканах, — вплоть до Малой Азии². Эти выводы российского ученого не

¹ Цитируем по вышеупомянутому академическому изданию лангобардских памятников Георгом Вайцем: *Origo Gentis Langobardorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX.* — Hannoverae, 1878. — P. 3.

² *Лелеков Леонид.* Загадка горы Маура // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — Вып. 30. — М., 1993 (№ 3—4 за 1993 г.). — С. 188—191.

только коррелируют с «вандалско-венедской» концепцией или с эпическим образом «рода Славянского» у Мавро Орбини, но и обозначают особую роль вятичей в сохранении наследия «древнеевропейских венетов» — на загадочном рубеже Евразийского континента, соотносящемся с бассейном великой русской реки Волги.

В своем мысленном странствии «вслед за вандалами и венетами» и их далекими предками мы двигались с запада на восток, в широтном направлении. Но метаистория Мавро Орбини в ее «венедском» аспекте разворачивается также в направлении меридиональном, устремленном к вечному Полдосу Мира. Причем этот «гиперборейский» вектор венедской сакральной географии независимо и естественно осмысливался и осознавался в те века, что прошли со времени выхода книги Мавро Орбини. Осмысливался в классическом античном варианте сокровенных, поэтических представлений о золотом веке человечества и о священной северной земле «блаженных гипербореев»; прозаичные и скрупулезные исследования этнологов и языковедов дополнялись возвышенной метаисторической мифологией.

В этой связи прежде всего, несомненно, должен быть назван, опять же, Павел Диакон, просвещенный знаток лангобардских преданий, которые в «нордическом ракурсе» напрямую коррелируют с книгой Орбини. Точно так же как Орбини — о предках «рода Славянского», Павел повествует «Об исходе Лангобардов из Скандавии или Скандинавии (впрочем, я нашел рукопись, где говорится: из Скатиनावии, и есть некоторые, кто полагает, что ныне она зовется Сканией) ¹» — «De egressione Langobardorum de Scandavia aut Scandinavia (scriptum tamen repperi de Scatinavia: et sunt qui putent nunc Scaniem dici)»².

При всем совершенно непостижимом разбросе различных вариантов этого географического названия, даже в одной и той же рукописи (хотя вроде бы у средневековых авторов был непререкаемо авторитетный эталон — именование Скандинавии «островом Скандза» в «Гетике» Иордана), это сообщение Павла Диакона имеет для нас исключительный смысл. Ведь оно декларирует исходный пункт «пути Лангобардов». И этим пунктом оказываются не низовья Эльбы, как считали многие ученые, игнорируя первоисточник: слова самого лангобардского историка (выше процитировано его первое издание, о котором уже говорилось в этой статье). Получается, что этот овеянный легендами путь начался значительно севернее, ибо Scania или Scopia (ныне Сконе, Skåne) — это шведский полуостров на юге «настоящей» Скандинавии. В прошлом Сканию, почти отовсюду окруженную морем, называли и островом, или «почти островом», — в знаменитом «Описании островов Севера» («Descriptio Insularum Aquilonis») Адама Бременского. «Описание...» входит в состав его труда «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (датируется 70-ми гг. XI в.).

¹ В скобках — пояснение самого Павла Диакона.

² Pauli Diaconi Ecclesiae Aquilegiensis, Historiographi Percelebris *De Origine et Gestis Regum Langobardorum* Libri VI. — [Paris]: Iehan Petit, 1514. — Cap. VII.

К этому ценнейшему первоисточнику по истории европейского Норда (Адам Бременский тщательно перепроверял собираемые им сведения) сохранились не менее важные схолии, зачастую восходящие непосредственно к авторским пометкам на полях рукописей. Схолия к рассказу об «острове Скония» гласит: «От этого острова впервые изошли Лангобарды, или Готы; а историки Римлян называют его Скантия или Гангавия, либо Скандинавия» («Ab hac insula [Sconia] primum egressi sunt Longobardi vel Gothi, et vocatur ab historicis Romanorum Scantia vel Gangavia sive Scandinavia»)¹.

Не углубляясь в полемику по поводу различных вариантов этого названия (например, Scadanan, Scadan — в тексте «Origo...»), можно констатировать: эти ранние и авторитетные свидетельства «сдвигают» исход лангобардов к проливам и островам, расположенным между Балтикой и Северным морем. А именно там были сосредоточены древние топонимы Waendil, Vendill, Vendila, Vendala и т.п. (в германо-скандинавской и латинской транскрипции). Их, как говорилось выше, нередко связывают с первоначальными местами обитания вандалов. А немецкий историк и юрист Фридрих Блюме (1797—1874), исследователь источников о странствиях лангобардов и их языка, предположил этнолингвистическое родство древних обитателей этих мест (именовавшихся Wenlas, Wendlas) также и с виннилами (впоследствии — лангобардами, согласно их собственной исторической традиции)².

Итак, «земля Scadanan» лангобардских преданий интерпретируется как область у самого Северного моря, где всего несколько тысячелетий назад располагалась населенная людьми равнина, — скорее всего, более удобная для жизни, чем прекрасные, но суровые и скалистые берега фиордов известной нам Скандинавии. А в соответствии с уже известной читателю гипотезой Ханса Куна, с его поисками следов догерманского («венетского») населения этих крайних пределов Европы, сравнительно недалеко от ютландского средоточия вендских топонимов находился вычисленный им «Nordwestblock» — последний оплот этих древних этнических групп в пришедшем им на смену новом, германо-скандинавском мире. Топонимические и лингвистические аргументы свидетельствуют в пользу высказанного выше предположения, что и «остров Скандза» в некоторых этногенетических преданиях Европы — это затонувшая «Земля Северного моря», легендарный континент «Хрондики Ура Линда», а не Скандинавия в современном географическом и геологическом значении.

Палеоевропейские венеды (венеты и т.д.), столь последовательно воспринимавшиеся западным Средневековьем как предшественники славян, некоторыми авторами осмысливались и в классическом античном варианте прекрасного и неконкрет-

¹ Adami Gesta Hammenburgensis Ecclesiae Pontificum. Descriptio Insularum Aquilonis // *Monumenta Germaniae Historica*. — Scriptorum Tomus VII. — Hannoverae, 1846. — P. 370—371.

² *Bluhme Friedrich*. Die Gens Langobardorum und ihre Herkunft / Festgruss zum 12. September 1868 an M.A. von Bethmann-Hollweg, nunmehr seit funfzig Jahren Doctor beider Rechte. — Bonn, 1868. — S. 9—10. Poleмика по этому вопросу обстоятельно изложена в книге: *Schmidt Ludwig*. Zur Geschichte der Langobarden. — Leipzig, 1885. — S. 36—44.

ного в своей возвышенной сакральности мифа о «блаженных гиперборейях». Среди этих авторов — нидерландский лингвист Ян ван Горп (1519—1572) или Горопиус (Johannes Goropius Besanus, в латинизированном произношении); Ян Потоцкий. Гиперборейями называл венетов немецкий музыковед Оскар Флейшер (1856—1933), соединивший в своем эссе «Доисторическая германско-греческая культурная общность» эти образы с волшебными легендами немецких «лебединых саг»¹. Разумеется, это мифопоэтические, интуитивные проникновения в тему. Однако они позволяют ощутить метаисторическое «венедское пространство» не только по оси запад-восток, детально проработанной нами, но и в направлении на вечный ориентр традиционной человеческой культуры — на Полкос Мира.

Что же касается исторической ситуации в древнейшей Северной Европе (ставшей, по убеждению Мавро Орбини, изначальной прародиной славян и многих других народов), то, возможно, приблизиться к ее пониманию отчасти позволяет тот своеобразный и еще недостаточно изученный славяно-германский этнокультурный синтез, который сложился в последние века на территории балтийской «Северной Славии». Этот синтез стал предметом системного исследования российских (заслуженный деятель науки России Александр Сергеевич Мильников и его коллеги)² и немецких славистов и этнологов лишь сравнительно недавно, в конце XX — начале XXI в. Не исключено, что эта глубоко своеобразная культурологическая ситуация может, с соответствующими коррективами, интерпретироваться как воспроизведенная в новых исторических условиях этнологическая модель древней Северной Европы, после распада праиндоевропейской общности.

Дальше уже можно спорить о том, что в этой модели преобладает: неолит, бронзовый век или менее определенная для современной науки, но более романтическая и загадочная мегалитическая Европа? Несомненна и протокельтская, «друидическая» составляющая северноевропейского этнокультурного комплекса, имеющая отношение и к истокам Древней Руси. Этому малоизученному аспекту нашей истории посвящены работы о балтийском регионе выдающегося российского историка, безусловно, известного читателям, — Аполлона Григорьевича Кузьмина (1928—2004). Он обладал тонкой интуицией исследователя и подчас видел общие исторические закономерности как бы поверх эмпирических фактов, вне их скрупулез-

¹ *Fleischer Oskar. Die vorgeschichtliche germanisch-griechische Kulturgemeinschaft // Manus: Zeitschrift für Vorgeschichte. — Bd. 14. — Würzburg, 1922. — S. 1—72.*

² См. указанные выше в этой вступительной статье монографии А.С. Мильникова (1929—2003), посвященные культуре и этногенезу славянского мира. См. также: *Иванова-Бучатская Ю.В. Plattes Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). — СПб.: Наука, 2006.* Важный фактический материал и глубоко продуманные обобщения по этой теме содержат недавние работы известного современного германиста Натальи Александровны Ганиной об острове Рюген, а также исследования специалиста в области античной и кельтской культуры, петербургского профессора Надежды Сергеевны Широковой (монография: «Культура кельтов и нордическая традиция Античности». — СПб.: Евразия, 2000).

ной проработки. А потому и выражал порой свои умозаключения не в объемистых монографиях, а в кратких статьях или просто примечаниях и устных высказываниях, сохранных теми, кто его знал. Присутствуют в этом нордическом комплексе и традиции сравнительно недавнего балтославянского этнокультурного единства, и наследие гораздо более ранних, субстратных («венедских», по Птолемею) этносов Северной Европы, о чем немало говорилось в этой статье.

Так почему же все-таки, — если верно предположение о связи «ускользающего» этнонима «венеды — вандалы — венеты — венды» с какими-то этническими группами древнейшего, более однородного, чем сейчас, населения Европы (а к такому выводу «подталкивает» логика тысячелетних свидетельств, упомянутых выше), — почему хронисты и ученые Средневековья, такие разные по своим национальным предпочтениям и локальным традициям, единодушно соотнесли именно со славянами наследие этой незапамятной, волшебной, мегалитической Европы, сакрализованной и мифологизированной в памяти поколений? Возможно, ответ на этот вопрос проще, чем кажется, поскольку коренится он не в каких-то сверхсложных этнопсихологических парадигмах, не в дискуссионных топонимических построениях, а в почти бытовых, очевидных свойствах исторического процесса.

Не исключено, что разгадка — как раз в той «пресловутой», вошедшей в учебники и хрестоматии, молодости славян как народа в сравнении со многими другими индоевропейскими этносами. «Молодость» народа нередко полуосознанно воспринимается в отрицательном ключе, как некий недостаток. Но что означает молодость славян как автономной «этнической единицы», общепризнанная современной наукой? Незрелость, неопытность, несовершенство? Ничего подобного! Ведь народ, племя, любая этническая группа рождаются не так, как отдельный человек, который в юности действительно неопытен и в чем-то несведущ и несовершенен.

Рождение народа есть его «вычленение» из более общей и древней этноязыковой общности, — в данном случае, индоевропейской (или индогерманской, или арийской, как говорили европейские историки полтора века назад). Очень давно из этой общности выделились хетты и родственные им индоевропейские народы, создавшие в Малой Азии империю более трех с половиной тысяч лет назад. Давно обособились ведические индоарии и авестийские иранцы, армяне, греки. «Вычленились», создали самостоятельную культуру и многие полузабытые, славные в свое время, но потом исчезнувшие индоевропейские этносы Малой Азии и Балкан. Их мифологию и религию унаследовала Эллада, успев основательно забыть первоначальную суть этого наследия... Никто не отрицает величия самобытной культуры древних народов. Но они либо стали объектом лишь археологических реконструкций и лингвистических расшифровок (как хетты), либо обрели себя уже в иной, христианской или мусульманской цивилизационной модели, достигнув в рамках авраамической традиции принципиально новых высот культуры и искусства.

А что же «молодые» индоевропейцы — славяне, балты, а также германцы, италийки и кельты, немного ранее начавшие свое этническое обособление? У них ведь (как и у шумеров, египтян и любых древних народов, как у каждого человека на Земле)

были прямые предки — и пять, и десять тысяч лет назад. И эти предки не на пальме, не на дубу и не на сосне сидели, а принадлежали (с диалектными и региональными нюансами) той же самой этнокультурной общности, из которой почти четыре тысячелетия назад вышли хетты, давно успевшие и прославиться, и состариться, и исчезнуть. Отсюда следует простой вывод: для «молодых» народов баснословно древняя, уходящая в глубину тысячелетий культурная общность еще сравнительно недавно была живой реальностью! Как в семье: старший сын двадцать лет назад покинул родовое «гнездо» и неизбежно что-то важное о нем забыл, создавая новую семью. А младший, Иванушка русских сказок, у которого еще мало личного житейского опыта, совсем недавно отправился на свои, персональные, сказочные подвиги. Но зато он прекрасно помнит и знает обычаи и предания отчего дома, он еще живет в их старинном мире, — и потому в итоге сказки-сказания Иванушка-дурачок непременно оказывается мудрым Иваном царевичем.

Конечно, это упрощенная схема. Реальный процесс этногенеза всегда осложнен многоуровневыми кросскультурными взаимодействиями, порой весьма неожиданными. Однако если в основе эта схема верна применительно к «венедам — вендам — славянам» (или к балтославянскому единству, различия в котором на Западе до недавнего времени считались несущественными), то она многое объясняет в «парадоксальной» славянской этнонимии, в том числе и у Мавро Орбини в его панславистских умозаключениях.

Тогда получается, что средневековые европейские хронисты, с их далеко не славянофильскими приоритетами в отношении еще, по сути, языческого славянского мира, и западные историки раннего Нового времени просто-напросто знали (в легендарной форме или из не дошедших до нас источников) реальную историческую ситуацию, имевшую место в архаичной Северной Европе в последние несколько тысячелетий. Германские хронисты и историки, уже с начала нашей эры медленно, но весьма уверенно приобщавшиеся к цивилизационной модели Римской империи, а через нее — к средиземноморскому культурному кругу, не забывали, что в их собственном незапамятном прошлом существовал общий со славянами, балтами и кельтами нордический субстратный пранарод, с одним и тем же названием (или это было несколько родственных этнических групп со сходными именами). Эта память давала основание некоторым германским племенным союзам именоваться вандалами. Еще не стерлась память об изначальных «вандалах — венедах — венедах», палеоевропейских предках очень многих и вроде бы уже совсем несхожих народов северного культурного круга. При этом «Север», «Норд» осмысливался в отношении к средиземноморским цивилизациям. По-видимому, для эллинов все горы и возвышенности от Альп до Урала могли трактоваться как «горы Рипейские» — преддверие чудесной северной страны «блаженных гипербореев».

Не забыли хронисты и о том, что именно славяне (среди индоевропейских народов) дольше других этносов были причастны традициям и духовной культуре этого пранарода (из которого они лишь недавно вышли, уже как самостоятельный «мо-

лодой» народ Европы). Потому и называли их венедями (по Птолемею), винидами (в древневерхненемецком варианте), откуда, согласно законам регулярных фонетических чередований, произошло ставшее общепринятым средневерхненемецкое «венды». Нет оснований отбрасывать и авторитетные средневековые сведения, согласно которым изначальная форма этого этнонима начиналась на «ванд-»¹.

Называли так славян практически всегда извне: это не самоназвание, а «экзоэтноним», и исключения из правила — вятичи-вентичи — не меняют ситуацию (насколько можно судить по известным письменным источникам). Причем называли безоценочно: без славянофильства, без славянофобии, — просто потому, что ЗНАЛИ. По этой причине и волшебная, баснословно древняя Северная Европа «богатырских гробниц» и каменных кругов под пером старых немецких авторов предстает не древнегерманской (что выглядело бы этноисторически обоснованно: связать неведомые гробницы и святилища с собственными эпическими героями), а именно вендской, то есть славянской.

Собственно говоря, это утверждает своей необычной книгой и Мавро Орбини, если его торжественный и терминологически неконкретный барочный гимн «царственному величию Славянства» воспринимать в свете современных знаний об этногенезе и этногенетических преданиях Европейского Норда, да и всей Северной Евразии, в глубинной ретроспективе и широком географическом ракурсе, включая Балтийский регион, «Северную Славю» и Новгородскую Русь. А, может быть, и неведомые затонувшие земли Севера, хотя на современном уровне знаний речь тут может идти лишь о сравнительно-мифологических, лингвистических и мифопоэтических реконструкциях.

¹ Возможных значений этого этнонима мы здесь не касаемся, поскольку даже гипотетическое и не слишком глубокое исследование его этимологии требует формата книги, а не нескольких абзацев во вступительной статье к «Царству Славян» Орбини.

Каспар Давид Фридрих. Богатырская гробница в снегу (Hünengrab im Schnee). 1807. Картина написана под впечатлением от мегалитов острова Рюген — от тех овечьих тайной памятников Северной Европы, которые в Германии издавна именовали «вендскими древностями», связывая их, таким образом, с духовной культурой далеких предков северных славян

Е. Лазарев

Общие редакторские замечания о переводе и особенностях текста новой публикации книги Мавро Орбини

Мы воспроизводим русский перевод книги, опубликованный в 1722 г. Он обладает и самостоятельной ценностью, отражая восприятие идей Орбини и его единомышленников в России Петровской эпохи (в общеевропейском контексте и в исторической ретроспективе это, по сути, та же эпоха, когда жил и сам Мавро Орбини). Переводчик книги, Сава Владиславич (сербск. Сава Владиславић; 1669—1738), был известным российским дипломатом Петровской эпохи. В России его называли Савва Лукич Владиславич-Рагузинский. География его дипломатической деятельности простирается от Рима и Венеции до Пекина (где он заключил Кяхтинский договор, надолго ставший основой межгосударственных отношений России и Китая). Кроме того, он, высокообразованный представитель дворянского рода боснийских сербов, на протяжении всей своей жизни был верен непростым проблемам южного славянства, родной культуры, — в частности Дубровника (Рагузы), с которым была тесно связана его семья. Поэтому далеко не случайно главным, самым знаменитым его литературным трудом стал русский перевод книги «Царство Славян», написанной дубровницким гуманистом Мавро Орбини (Владиславич был к тому же почти его современником: он родился менее чем через семьдесят лет после выхода книги Орбини).

Этими обстоятельствами объясняются и многие особенности текста публикуемого перевода. Сразу надо отметить, что Владиславич упростил и несколько сократил оригинал, имея в виду относительно массового читателя (разумеется, с поправкой на аудиторию грамотных людей Петровской эпохи). Кое-где перевод, по сути, превращается в подробное изложение тех или иных сюжетов. Дело в том, что в итальянском оригинале у Орбини местами сплошным потоком идут бесчисленные ссылки на почти неизвестных сейчас (да и во времена Савы Владиславича) авторов, чаще всего итальянских, по довольно-таки частным проблемам истории славян, их

Надворный советник Петра Великого, «граф Иллирийский» Сава Владиславич («граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский», как его обычно называли в России; 1669—1738). Портрет работы неизвестного художника

отношений с итальянскими городами. Либо же в текст включены длинные перечни малоизвестных правителей. Это, конечно, делает изначальный итальянский текст книги Орбини гораздо более обоснованным и обстоятельным¹, но воспринимать его весьма сложно: часто в нем «за деревьями не видно леса».

Владиславич, видимо, заботился о читателе, которому не были знакомы имена всех итальянских и немецких авторов из книги Орбини, поэтому оставил лишь наиболее важные, по его мнению, ссылки на источники книги Орбини. Сейчас, сотни лет спустя, ясно, что некоторые из снятых при переводе указаний автора, напротив, принципиальны для истории вопроса. Эти сведения в нашем издании по возможности восстановлены либо во вступительной статье, либо в постраничных примечаниях.

Популяризаторское упрощение и изложение книги переводчиком в расчете именно на российских читателей (трехвековой давности) во многом оправдано. Ведь, помимо всего прочего, Сава Владиславич сам очень хорошо знал описываемые у Орбини реалии истории Дубровника, Далмации и южных славян в целом. Причем знал, несомненно, не только из книг, но и на основе живых преданий о происхождении различных этнических групп, из генеалогических легенд и т.п. Поэтому он местами даже вносит свои небольшие коррективы в текст Орбини, переводя его немного не так, как это было в оригинале (в наших постраничных комментариях эта нюансировка не оговаривается, поскольку такое сопоставление требует отдельного, специального исследования, которое в будущем, возможно, принесет интересные результаты). Отметим, что иногда название племенного союза балтийских славян-ободритов вместо обычного для Орбини *Obotriti* Сава Владиславич переводит как «Обостриты». Возможно, иногда он использовал при этом какие-то другие, известные ему источники?

Отличие перевода от итальянского оригинала касается и манеры словесного выражения. При всей барочной пафосности оригинал Орбини несколько суше и «научнообразнее», чем перевод Сава Владиславича. Российский дипломат порой привносит в текст своеобразный и узнаваемый «лихой» колорит Петровской эпохи, уже ставший привычным для современного российского читателя благодаря классическим литературным и кинематографическим произведениям об этом времени, созданным в XX в. (косвенное подтверждение их адекватности изображаемой эпохе). Попутно заметим, что Владиславич (вероятно, в силу каких-то дипломатических «политесов») исключил из перевода упоминания о большинстве католических авторов, симпатизировавших протестантизму и попавших в ватиканские «Индексы» запрещенных книг. Впрочем, это, как правило, малоизвестные авторы, сообщающие второстепенные исторические подробности политической и военной истории Балкан и Адриатики. «Метаистория славянства» Владиславичем сохранена и отображена довольно точно.

¹ Полный, высокопрофессиональный, но не снабженный подробными комментариями (а они в этой книге представляются необходимыми, во избежание произвольного и неточного восприятия) перевод итальянского оригинала выполнен Юрием Евгеньевичем Куприковым и опубликован в издательстве «ОЛМА» (Славянское царство. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010).

В нашем издании книги Орбини (научно-популярном, а не академическом) мы вносим незначительные, не искажающие смысл и колорит оригинала изменения в написание отдельных слов русского перевода 1722 г. (Это все же не какой-нибудь фрагментированный и почти не понятный папирус из Египта, не древний эпиграфический памятник, чтобы воспроизводить при публикации даже все его ошибки и недочеты с целью их специального исследования.) И дело не только в дефектах набора, нередких в эпоху создания перевода С. Владиславичем. Ведь даже шрифт почти трехвековой давности далек от того, что характерен для книг, скажем, начала XX в., почти не отличающихся от современных. В издании 1722 г. прописные буквы порой выглядят как строчные, в том числе в начале имен собственных, названий стран и т.п. (Механическое сканирование книги 1722 г. превращает ее в загадочный набор словесных монстров, иногда состоящих только из согласных и дополнительных шрифтовых знаков; без детальной проработки и сличения с оригиналом такой текст вообще непонятен.) Сильно изменился за эти века и русский язык. А потому внесенные коррективы касаются не только общепринятой сейчас (при публикации дореволюционных изданий) замены буквы «ять» на «е», не только удаления твердых знаков в конце слов, оканчивающихся на согласную, и т.п.

Мы, например, отделяем имена собственные от союзов, с которыми они порой оказались слиты в одно слово (вероятно, дефект набора 1722 г.): «Астрабон» => «а Страбон»; «Ипосидонии» => «и Посидоний» и т.п. Иначе и эрудированный читатель будет сбит с толку и может подумать, что речь идет о каких-то малоизвестных древних авторах.

В некоторых случаях повсеместное и не соответствующее современной русской орфографии авторское «и» заменено на современное «й». Например, «Славянской» => «Славянской»; однако при этом сохранено архаичное -о- (это именительный падеж). Оставлена и прописная буква в начале этого слова (как и во всех прочих названиях народов и племен, языков и религий и в некоторых других словах, уважительно писавшихся в прошлом с заглавной буквы). Естественно, буква «й» введена в такие слова, как «воины» => «войны», «воина» => «война» (конечно, там, где речь идет не о людях-воителях, а о сражениях), поскольку сейчас подобные архаизмы («воина» = «война»; «воину» = «войну») вносят очевидную путаницу.

Это относится и к таким заменам, как «истинна» => «истина» (это существительное в прошлом писали с двумя «н», но ведь сейчас такая форма слова выражает краткое прилагательное). Однако в тех случаях, когда старинные, колоритные слова Петровской эпохи все же понятны современному читателю, они оставлены без изменений: «протчие», а не «прочие»; «секретная», а не «секретные»; «лутчие», а не «лучшие». Не стали мы изменять также те слова, их архаичные падежные окончания и специфические грамматические конструкции, которые ясны тому, кто имеет представление о церковнославянском языке, понимает лексику православного богослужения и грамматические особенности церковнославянской Библии. Помимо прочего, язык русского православного богослужения, как известно, сохранил мно-

гие особенности, свойственные южнославянским языкам¹. А потому такого рода архаизмы сами по себе приближают читателя к той литературной среде, которая была родной как для автора, так и для переводчика этой книги.

Кое-где сохранен авторский разнобой в прописных и строчных буквах («Мистерия» и «мистерия» и т.п.) либо в таких синонимических выражениях, как «народ Славенской» — «народ Славянской»; «Славяне Норичские» — «Славяне Норичские». Подобные разночтения в написании одного и того же слова (иногда в одной фразе!) были характерны не только для рукописей, но и для ранних печатных изданий и позволяют ощутить колорит книги Петровской эпохи.

При наборе нашего издания расположение некоторых знаков препинания было приближено не столько даже к современным нормам, сколько к живой русской речи. Дело в том, что в книгах трехсотлетней давности запятые, двоеточия и точки с запятой иногда располагались в непривычных для нас местах, отчасти повторяя архаичные клише древнерусской и южнославянской рукописной книжности, но уже не вполне им соответствуя (как и живой речи того времени). Это нарушает и «размывает» смысл фраз, которые в оригинале к тому же подчас непомерно длинны (как в средневековых манускриптах). Минимальные коррективы в таких случаях облегчают восприятие текста, не искажая его смысл.

Что касается постраничных комментариев, то они призваны сделать повествование более понятным широкому кругу читателей, но не представить хотя бы краткое исследование (или справку) по каждому из сотен упоминаемых имен и географических названий. В лучших, наиболее полных современных академических изданиях и переводах книги Орбини, сербском и хорватском, такая попытка была предпринята. Южнославянские ученые работали над этим несколько десятилетий; тем не менее и им не удалось разыскать сведения обо всех авторах и источниках, упоминаемых у Орбини, хотя при этом изучались не только опубликованные, но и архивные материалы (в Италии и странах бывшей Югославии). В итоге этой колоссальной работы объем комментариев, биографических и терминологических указателей получился сопоставимым с объемом основного текста книги.

Для научно-популярного издания такая организация материала нецелесообразна. Поэтому узнаваемые имена собственные и этнонимы оставлены в написании 1722 г.; в тех случаях, когда понимание текста крайне затруднено или невозможно без специальных языковедческих знаний, в комментариях предлагается истолкование либо перевод на современный русский язык. В начале книги комментарии неизбежно больше (читателю нужно войти в общий контекст эпохи и в круг конкретных авторских идей, не отраженных во вступительной статье в силу ее ограниченного объема). Довольно подробными комментариями снабжены также главы, повествующие о балтийских славянах, о венедах (вендах), поскольку эта тема представляется ключевой для понимания книги и воззрений автора.

Несколько слов нужно сказать о структуре книги. Собственно «Царство Славян» — это чуть больше половины итальянского оригинала 1601 г. и русского пере-

¹ Он и в лингвистической классификации относится к языкам южнославянским.

вода 1722 г. Орбини дополнил книгу несколькими небольшими приложениями. Они имеют отношение лишь к средневековой истории южнославянских этносов, а не к той величественной историософской панораме, которую автор обрисовал в основном тексте. Приложения представляют собой важные, подчас уникальные источники, но они повествуют исключительно о родных местах Мавро Орбини (прежде всего, Далмации). В общей картине славянского мира («Царства Славян») это лишь небольшой фрагмент. В настоящем издании эти приложения опущены; их подготовка к комментированной публикации потребовала бы специального исследования (собственно говоря, об этом регионе читатель немало узнает и из заключительных глав основной книги, «Царства Славян»).

Чтобы не быть голословными, приводим перечень этих приложений с сохранением их подробных названий в передаче Савы Владиславиича (он, разумеется, придавал им большое значение, поскольку это была история и его Родины).

«1) “Собрание историческое о Королях Далматских, и о протчих народах соседних Иллирику, от лета Спасительного Христова Рождества 495”

2) “Собрание истории Далматской при Правительстве Королей Дому Неманского¹, которые государствовали в Рашии и Сербии”

3) “Порядок истории о Далматии под правлением Господарей четырех Домов, завладетелей Статов Дома Неманского, и первый онаго: Вукашин Король Сербский”

4) “Последование истории Иллирической под правительством Дому властохищнаго Высокурукаго”

5) “Последование истории Иллирической под правительством Дому Балсина в Зенте”

6) “Последование истории Иллирической под правительством Дому Лазаря Деспоты”²

7) “Собрание историческое о Королевстве Бошнатском, народе Славянском”

8) “Собрание историческое о Королевстве Болгарском, народа Славянского”

9) Выписано из книги, которая собрана из многих книг Исторических, о народе Славенском, чрез Господина Мавроурбина, Архимандрита Рагужского³, из листа 36 на обороте».

Даже по названиям этих материалов ясно, что это узкоспециальные источники по истории южных славян, включенные в книгу автором для современных ему читателей, скажем так, «бассейна Адриатического моря»; прежде всего для жителей Дубровницкой республики с ее глубокими, обоснованными и еще недостаточно изученными патриотическими традициями, связанными с древней историей и предысторией южного славянства. Это свидетельства о небольшой части «Царства Славян», охватившего просторы континентального масштаба и уходящего корнями в глубины тысячелетий.

¹ Неманичей.

² Греч. «властелин, государь» (не «деспот» в современном значении слова).

³ То есть из основной книги, «Царство Славян».

СОДЕРЖАНИЕ

Предуведомление от издательства	3
---------------------------------------	---

РАЗДЕЛ I

ЦАРСТВО СЛАВЯН.....	4
Краткое собрание историческое народа Славянского, его славы и расширения	4
Первоначалие Славян и происхождение державства их.....	18
Новонаселение Славян в Боемии (то есть в Чешской земле) и в Польши ...	34
О народе Славянском, нареченном Венеты, или Венеды	41
Имяна разные Славян Венедов	42
О Славянех-Ругянех.....	47
О Славянех Российских, или Москвитянех	51
Начало знаменательства Имене Славянского.....	55
О Готфех-Славянех	60
Разделение Готфов-Славян	60
О Вандалех, народе Славянском.....	65
О Верлах, или Эрулех, народе Славянском.....	68
О Аварех, Славянском народе	69
О Аланех-Славянех	70
О Баштарнех и Певчинах-Славянех	72
О Унграх и прочих. О Унграх, или Ункранех, и Меланкленех	72
О Гиррех и Сциррех-Славянех.....	72
О Финнех, или Феннех-Славянех.....	73
О Даках-Славянех	73
О Норманнех-Славянех	74
О Маркоманнах и Квадех-Славянех.....	74
О Амазонах, женского полу славных воинах Славянских	77
О Фраках, людех Славянских.....	79
О Иллирианах-Славянех	79
О Ардеанех и Пиларианех, Славянех Иллирических	83

О Скордисках, Славянех Иллирических.....	84
О Сагестанех, Славянех Иллирических.....	84
О Яподах, Славянех Иллирических.....	84
О Пеонех, или о Паннонех, Славянех Иллирических.....	85
О Либурнех, Славянех Иллирических.....	85
О Далматянех, Славянех Иллирических.....	85
О Дарданех-людех, Славянех Иллирических.....	88
О Мезианех, или о Мизианех, народе Славянском Иллирическом.....	88
О Триваллах-людех, Славянех Иллирика.....	88
О Агринех, народе Славянском Иллирика.....	89
О Македонянех, Славянех Иллирических же.....	90
О Иллирианех-Славянех, обще.....	92
О Далматянех, Славянех Иллирических, о твердости и поступках их.....	92
Елико надлежит к языку древнему Далматов и протчих народов Иллирика.....	92
О благородных и знатных человецех Далматии и Иллирика.....	93
О разделении Иллирика, учиненном от Римлян.....	94
Урядничества и достоинства Римския во Иллирице.....	95
О началобытии, о поступках и о делех, памяти достойных, Речи Посполитыя Рагузския, народа Славянскаго Далматии.....	97
О войнах начальных Речи Посполитыя Рагузския.....	103
О убежищи, поданном от Республики Рагузския Принцепам и протчим особам великим верным.....	104
О воинех, славных во оружии, Речи Посполитыя Рагузския.....	105
О людех ученых Посполитыя Речи Рагузския.....	106
Уезд, прилежащий Рагузе.....	108
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	110
Вандальский словарь.....	110
Вандальский Русский.....	112

РАЗДЕЛ II

ЦАРСТВО СЛАВЯН.....	118
Краткое историческое описание славянского народа, его славы и расширения.....	118
Список имен исторических деятелей данной истории (некоторые из них отвергнуты Римской Церковью, но не за неправильное описание, а за непочитание Церкви).....	121

Становление славян и происхождение их державности	134
Расселение славян в Богемии (то есть в Чешской земле) и в Польше.....	152
О славянском народе, называемом венеты или венеды	158
Разные имена венедских славян.....	159
О славянах-ругианах.....	166
О славянах российских, или москвитянах.....	170
Начало распространения славы славянского рода	175
О славянах-готах	180
Разделение славян-готов.....	180
О вандалах, славянском народе	186
О верлах, или герулах, народе славянском.....	188
Об аварах, славянском народе	190
О славянах-аланах	191
О славянах-бастарнах и славянах-певкинах	193
Об уграх (Uchri), или ункранах (Unchrani) и меланхленах	193
О славянах-гиррах и спиррах	194
О финнах или фенно-славянах.....	194
О славянах-даках.....	195
О славянах-норманнах	195
О маркоманах и славянах-квадах	196
Об амазонках, славных воительницах славянских.....	200
О фракийцах, людях славянских	204
Об иллирийских славянах.....	205
Об ардеях и пилариях, иллирийских славянах	209
О скордисках, иллирийских славянах	209
О сагестанах, иллирийских славянах	210
О яподах, иллирийских славянах.....	210
О пеонах, или о паннонах, иллирийских славянах.....	211
О либурнах, иллирийских славянах.....	212
О далматах, иллирийских славянах	212
О народе дарданов, иллирийских славян.....	215
О мёзийцах, или мизийцах, славянском народе Иллирии.....	216
О народе трибаллов, иллирийских славян	216
Об агрианах, славянском народе Иллирии	217
О македонянех, также иллирийских славян	218
О славянах-иллирийцах в целом.....	220
О далматах, иллирийских славянах, об их твердости и поступках	220

О древнем языке далматов и прочих народов Иллирии	221
О благородных и знатных людях Далматии и Иллирии	222
О разделении Иллирии, учиненном римлянами	224
Должности и звания, которые были у римлян в Иллирике	225
О происхождении и о деяниях, достойных памяти, Рагузской республики, славянского народа Далматии.....	231
О первых войнах Рагузской республики	237
Об убежище, поданном Рагузской республикой принцепсам и прочим великим верным особам	239
О воинах Рагузской республики, славных оружием	240
Об ученых людях Рагузской республики	241
Владения, принадлежавшие Рагузе.....	242

РАЗДЕЛ III

«О ЦАРСТВЕННОМ ВЕЛИЧИИ СЛАВЯНСТВА». <i>Е. Лазарев</i>	245
Общие редакторские замечания о переводе и особенностях текста новой публикации книги Мавро Орбини. <i>Е. Лазарев</i>	374

Научно-популярное издание
В поисках утраченного наследия
Орбини Мавро

ЦАРСТВО СЛАВЯН
ФАКТЫ ВЕЛИКОЙ ИСТОРИИ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*
Научный редактор *Е.С. Лазарев*
Корректор *О.Н. Богачева*
Верстка *И. В. Хренов*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 03.08.2015. Формат 70 × 100^{1/16}.
Гарнитура «BalticaС». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 24. Тираж 1500 экз. Заказ О-2128.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Мавро Орбини, — католический монах, автор этой книги, впервые изданной в 1601 г. на итальянском языке, — принадлежал культуре Запада. Но его книга — это настоящий гимн величию славянства, торжественный и патетический, несмотря на то что автор следует тысячелетней традиции западной историографии. В самом этом противоречии таится загадка этой необычной книги. Поистине уникальны многие ее первоисточники. К тому же автор — далматинский гуманист, южный славянин — упорно отстаивает неожиданную для него идею происхождения предков «рода Славянского» с гиперборейского Севера, европейского Норда... Когда первое издание книги вышло в Европе, сразу разразился скандал и книгу запретили. Уникальное издание вышло в переводе 1722 г., выполненном выдающимся российским дипломатом Петровской эпохи, сербом Савой Лукичем Рагузинским-Владиславичем. Книга публикуется в приведенном к современным литературным нормам варианте. Статья-комментарий и постраничные примечания помогают читателю понять написанное в непривычной для нашего времени манере историческое исследование далматинского монаха. Сенсационное и необыкновенно масштабное, оно не опровергает, а, напротив, утверждает полузабытые средневековые свидетельства о предках славян, находящие неожиданные аналогии в смелых гипотезах и открытиях современных ученых.

В современной редакции, с подробными пояснениями и обширным послесловием книга издается впервые.

ISBN 978-5-4444-3034-7

9 785444 430347

